

В
У

Весь

УЭЛЛС

ОТЦЫ
ОСНОВАТЕЛИ

Весь
УЭЛЛС
ВОЙНА
МИРОВ

ВОЙНА МИРОВ

ОТЦЫ - ОСНОВАТЕЛИ
SCIFI FOUNDATION

Беро
УЭМС

Весь
УЭЛС

МАШИНА ВРЕМЕНИ
ВОЙНА МИРОВ

МАШИНА ВРЕМЕНИ
ВОЙНА МИРОВ

ЦЕГЭНДЭ ФАНТАСТИКИ

Герберт Джордж

УЭЛС

ВОЙНА МИРОВ

Москва
2017

УДК 821.111-312.9(73)

ББК 84(7Сое)-44

У98

Разработка серии *А. Саукова*

Иллюстрация на переплете *А. Дубовика*

Уэллс, Герберт Джордж.

У98 **Война миров / Герберт Джордж Уэллс ; [пер. с англ. Д. Вейс, Э. Пименовой, М. Шишмаревой]. — Москва : Издательство «Э», 2017. — 608 с. — (Отцы-основатели).**

ISBN 978-5-699-98219-6

Герберт Уэллс — классик научной и социальной фантастики мирового значения! На его романах воспитаны многие поколения. Уже невозможно представить время, когда бы мы не знали о «Человеке-невидимке», «Войне миров» или «Машине времени». В данный том вошли лучшие произведения «зрелого» Уэллса: «Человек-невидимка», «Война миров» и «Когда Спящий проснется».

УДК 821.111-312.9(73)

ББК 84(7Сое)-44

© Д. Вейс, Э. Пименова, М. Шишмарева,
перевод на русский язык, 2017

© Издание на русском языке. Оформление.
ООО «Издательство «Э», 2017

ISBN 978-5-699-98219-6

ЧЕЛОВЕК - НЕВИДИМКА

Глава 1

ПОЯВЛЕНИЕ НЕЗНАКОМЦА

Незнакомец появился в начале февраля; в тот морозный день бушевали ветер и вьюга — последняя вьюга в этом году; однако он пришел с железнодорожной станции Брэмблхерст пешком; в руке, обтянутой толстой перчаткой, он держал небольшой черный саквояж. Он был закутан с головы до пят, широкие поля фетровой шляпы скрывали все лицо, виднелся только блестящий кончик носа; плечи и грудь были в снегу, так же как и саквояж. Он вошел в трактир «Кучер и кони», еле передвигая ноги от холода и усталости, и бросил саквояж на пол.

— Огня! — крикнул он. — Во имя человеколюбия! Комнату и огня!

Страхнув с себя снег, он последовал за миссис Холл в приемную, чтобы договориться об условиях. Разговор был короткий. Бросив ей два соверена, незнакомец поселился в трактире.

Миссис Холл затопила камин и покинула гостя, чтобы собственноручно приготовить ему поесть. Заполучить в Айпинге зимой постояльца, да еще такого, который не торгуется, — это была неслыханная удача, и миссис Холл решила показать себя достойной счастливого случая, выпавшего ей на долю.

Когда ветчина поджарилась, а Милли, вечно сонная служанка, выслушала несколько уничтожающих замечаний, что, видимо, должно было подстегнуть ее энергию, миссис Холл отнесла в комнату приезжего скатерть, посуду и стаканы, после чего стала с особым шиком сервировать стол. Огонь весело трещал в камине, но приезжий, к величайше-

му ее удивлению, до сих пор не снял шляпы и пальто; он стоял спиной к ней, глядя в окно на падающий снег. Руки его, все еще в перчатках, были заложены за спину, и он, казалось, о чем-то глубоко задумался. Хозяйка заметила, что снег у него на плечах растаял и вода капает на ковер.

— Позвольте, мистер, ваши пальто и шляпу, — обратилась она к нему, — я отнесу их на кухню и повешу сушить.

— Не надо, — ответил он, не оборачиваясь.

Она решила, что ослышалась, и уже готова была повторить свою просьбу.

Но тут незнакомец повернул голову и посмотрел на нее через плечо.

— Я предпочитаю не снимать их, — заявил он.

При этом хозяйка заметила, что на нем большие синие очки-консервы и что у него густые бакенбарды, скрывающие лицо.

— Хорошо, мистер, — сказала она, — как вам будет угодно. Комната сейчас нагреется.

Незнакомец ничего не ответил и снова повернулся к ней спиной. Видя, что разговор не клеится, миссис Холл торопливо накрыла на стол и вышла из комнаты. Когда она вернулась, он все так же стоял у окна, подобно каменному изваянию, сторбленный, с поднятым воротником и низко опущенными полями шляпы, скрывавшими лицо и уши. Поставив на стол яичницу с ветчиной, она почти крикнула:

— Завтрак подан, мистер!

— Благодарю вас, — ответил он тотчас же, но не двинулся с места, пока она не закрыла за собой дверь. Тогда он круто повернулся и подошел к столу.

— Ох, уж эта девчонка! — сказала миссис Холл. — А я и забыла про нее! Вот канительщица! — Взявшись сама растирать горчицу, она отпустила несколько колкостей по адресу Милли за ее необычайную медлительность. Сама она успела поджарить яичницу с ветчиной, накрыть на стол, сделать все, что нужно, а Милли — хороша помощница! — оставила гостя без горчицы. А ведь он только приехал и хочет, видно, здесь пожить. Поворчав, миссис Холл напол-

нила горчицицу и, поставив ее не без торжественности на черный с золотом чайный поднос, понесла к постояльцу.

Она постучала и тут же вошла. Незнакомец сделал быстрое движение, и она едва успела увидеть что-то белое, мелькнувшее под столом. Он, очевидно, что-то подбирал с полу. Она поставила горчицу на стол и при этом заметила, что пальто и шляпа гостя лежат на стуле у камина, а на стальной решетке стоит пара мокрых башмаков. Решетка, конечно, заржавеет. Миссис Холл решительно приблизилась к камину и заявила тоном, не допускающим возражений:

— Теперь, я думаю, можно взять ваши вещи и просушить.

— Оставьте шляпу, — сказал приезжий сдавленным голосом. Обернувшись, она увидела, что он сидит выпрямившись и смотрит на нее.

С минуту она стояла, вытаращив глаза, потеряв от удивления дар речи.

Нижнюю часть лица он прикрывал чем-то белым, по-видимому, салфеткой, которую привез с собой, так что ни его рта, ни подбородка не было видно. Потому-то голос и прозвучал так глухо. Но не это поразило миссис Холл. Лоб незнакомца от самого края синих очков был обмотан белым бинтом, а другой бинт закрывал уши, так что неприкрытым оставался только розовый острый нос. Нос был такой же розовый и блестящий, как в ту минуту, когда незнакомец появился впервые. Одет он был в коричневую бархатную куртку; высокий темный воротник, подшитый белым полотном, был поднят. Густые черные волосы, выбиваясь в беспорядке из-под перекрещенных бинтов, торчали пучками и придавали незнакомцу чрезвычайно странный вид. Его закутанная и забинтованная голова так поразила миссис Холл, что от неожиданности она остолбенела.

Он не отнял салфетки от лица и, по-прежнему придерживая ее рукой в коричневой перчатке, смотрел на хозяйку сквозь непроницаемые синие стекла.

— Оставьте шляпу, — снова невнятно сказал он сквозь салфетку.

Миссис Холл, оправившись от испуга, положила шляпу обратно на стул.

— Я не знала, сударь... — начала она, — что вы... — И смущенно замолчала.

— Благодарю вас, — сухо сказал он, многозначительно поглядывая на дверь.

— Я сейчас все высушу, — сказала она и вышла, унося с собой платье. В дверях она снова посмотрела на его забинтованную голову и синие очки; он все еще прикрывал рот салфеткой. Закрывая за собой дверь, она вся дрожала, и на лице ее было написано смятение. — В жизни своей... — прошептала она. — Ну и ну! — Она тихо вернулась на кухню и даже не спросила Милли, чего она там возится.

Незнакомец, между тем, внимательно прислушивался к удаляющимся шагам хозяйки. Прежде чем отложить салфетку и снова приняться за еду, он испытующе посмотрел на окно. Проглотив кусок, он опять, уже с подозрением, посмотрел на окно, потом встал и, держа салфетку в руке, спустил штору до белой занавески, прикрывавшей нижнюю часть окна. Комната погрузилась в полумрак. Несколько успокоенный, он вернулся к столу и продолжил завтрак.

— Бедняга, он расшибся, или ему сделали операцию, или еще что-нибудь, — сказала миссис Холл. — Весь перевязанный, даже смотреть страшно.

Она подбросила угля в печку, придвинула подставку для сушки платья и разложила на ней пальто приезжего.

— А очки! Да что говорить, водолаз какой-то, а не человек. — Она повесила на подставку шарф. — А лицо прикрывает тряпкой! И говорит сквозь нее!.. Может быть, у него рот тоже болит? — Тут она обернулась, видимо, внезапно вспомнив о чем-то. — Боже милостивый! — воскликнула она. — Милли! Неужели блинчики еще не готовы?

Когда миссис Холл вошла в гостиную, чтобы убрать со стола, она нашла новое подтверждение своей догадке, что рот незнакомца изуродован или искалечен несчастным случаем: незнакомец курил трубку и все время, пока она была в комнате, ни разу не приподнял шелковый платок, ко-

торым была обязана нижняя часть его лица, и не взял мундштук в рот. А ведь он вовсе не забыл про свою трубку: миссис Холл заметила, что он поглядывает на тлеющий понапрасну табак. Он сидел в углу, спиной к опущенной шторе. Подкрепившись и согрившись, он, очевидно, почувствовал себя лучше и говорил уже не так отрывисто и раздраженно. В красноватом отблеске огня его огромные очки как будто ожили.

— На станции Брэмблхерст, — сказал он, — у меня остался кое-какой багаж. Нельзя ли послать за ним? — Выслушав ответ, он вежливо наклонил забинтованную голову. — Значит, только завтра? — сказал он. — Неужели нельзя раньше? — И очень огорчился, когда она ответила, что нельзя. — Никак нельзя? — переспросил он. — Быть может, все-таки найдется кто-нибудь, кто съездил бы с повозкой на станцию?

Миссис Холл охотно отвечала на все вопросы, надеясь таким образом вовлечь его в беседу.

— Дорога к станции очень крутая, — сказала она и, пользуясь случаем, добавила: — В прошлом году на этой дороге опрокинулся экипаж. Седок и кучер оба убились насмерть. Долго ли до беды? Одна минута — и готово, не правда ли, мистер?

Но гостя не так-то легко было втянуть в разговор.

— Правда, — сказал он, спокойно глядя на нее сквозь непроницаемые очки.

— А потом когда еще поправишься, правда? Вот, к примеру сказать, мой племянник Том порезал себе руку косой, — косил, знаете, споткнулся и порезал, — так, поверите ли, три месяца ходил с перевязанной рукой. С тех пор я ужас как боюсь этих кос.

— Это не удивительно, — сказал приезжий.

— Одно время мы даже думали, ему придется сделать операцию, так ему было худо.

Приезжий отрывисто засмеялся, словно залаял.

— Так ему было худо? — повторил он.

— Да, мистер. И это было вовсе не смешно для тех, кому приходилось с ним возиться. Вот хоть бы и мне, мистер, по-

тому что сестра все нянчилась со своими малышами. Только и знай завязывай да развязывай ему руку, так что, ежели позволите...

— Дайте мне, пожалуйста, спички, — вдруг прервал он ее. — Моя трубка погасла.

Миссис Холл замолчала. Несомненно, с его стороны несколько грубо прерывать ее таким образом. С минуту она сердито смотрела на него, но, вспомнив про два соверена, пошла за спичками.

— Благодарю, — коротко сказал он, когда она положила спички на стол, и, повернувшись к ней спиной, стал снова глядеть в окно. Очевидно, разговор о бинтах и операциях был ему неприятен. Она решила не возвращаться к этой теме. Нелюбезность незнакомца рассердила ее, и Милли пришлось это почувствовать на себе.

Приезжий оставался в гостиной до четырех часов, не давая решительно никакого повода зайти к нему. Почти все это время там было очень тихо, вероятно, он сидел у догорающего камина и курил трубку, а может быть, просто дремал.

Однако если бы кто-нибудь внимательно прислушался, то мог бы услышать, как он поворошил угли, а потом минут пять расхаживал по комнате и разговаривал сам с собой. Потом он снова сел, и под ним скрипнуло кресло.

Глава 2

ПЕРВЫЕ ВПЕЧАТЛЕНИЯ МИСТЕРА ТЕДДИ ХЕНФРИ

В четыре часа, когда уже почти стемнело и миссис Холл собралась с духом заглянуть к постояльцу и спросить, не хочет ли он чаю, в трактир вошел Тедди Хенфри, часовщик.

— Что за скверная погода, миссис Холл! — сказал он. — А я еще в легких башмаках.

Снег за окном валил все гуще.

Миссис Холл согласилась, что погода ужасная, и вдруг, увидев чемоданчик с инструментами, просияла.

— Знаете что, мистер Хенфри, раз вы уже здесь, взгляните, пожалуйста, на часы в гостиной. Идут они хорошо и бьют как следует, но часовая стрелка как остановилась на шести часах, так ни за что не хочет сдвинуться с места.

Она провела часовщика до двери гостиной, постучала и вошла.

Приезжий — как она успела заметить, открывая дверь, — сидел в кресле у камина и, казалось, дремал: его забинтованная голова склонилась к плечу. Комнату освещал красный отблеск пламени; стекла очков сверкали, как сигнальные огни на железной дороге, а лицо оставалось в тени; последние блики зимнего дня пробивались в комнату сквозь приоткрытую дверь. Миссис Холл все показалось красноватым, причудливым и неясным, тем более что она еще была ослеплена светом лампы, которую только что зажгла над стойкой в распивочной. На секунду ей показалось, что у постояльца чудовищный, широко раскрытый рот, пересекающий все лицо. Видение было мгновенное — белая забинтованная голова, огромные очки вместо глаз и под ними широкий, разинутый, как бы зевающий рот. Но вот спящий пошевелинулся, выпрямился в кресле и поднял руку. Миссис Холл распахнула дверь настежь, в комнате стало светлее; теперь она получше рассмотрела его и увидела, что лицо у него прикрыто шарфом, так же, как раньше салфеткой. И она решила, что все это ей только померещилось, было игрой теней.

— Не разрешите ли, мистер, часовщику осмотреть часы? — сказала она, приходя в себя.

— Осмотреть часы? — спросил он, сонно озираясь. Потом, как бы очнувшись, добавил: — Пожалуйста!

Миссис Холл пошла за лампой, а он встал с кресла и потянулся. Появилась лампа, и мистер Тедди Хенфри, войдя в комнату, очутился лицом к лицу с забинтованным человеком. Он был, по его собственному выражению, «огорошен».

— Добрый вечер, — сказал незнакомец, глядя на него, «как морской рак», по выражению Тедди, на такое сравнение его навели, очевидно, темные очки.

— Надеюсь, я вас не беспокою? — сказал мистер Хенфри.

— Нисколько, — ответил приезжий. — Хотя я думал, — прибавил он, обращаясь к миссис Холл, — что эта комната отведена мне для личного пользования.

— Я полагала, сударь, — сказала хозяйка, — что вы не будете возражать, если часы...

Она хотела добавить: «починят», — но осеклась.

— Конечно, — прервал он ее. — Правда, вообще я предпочитаю оставаться один и не люблю, когда меня беспокоят. Но я рад, что часы будут починены, — продолжал он, видя, что мистер Хенфри остановился в нерешительности. Он уже хотел извиниться и уйти, но слова приезжего успокоили его.

Незнакомец повернулся спиной к камину и заложил руки за спину.

— Когда часы починят, я выпью чаю, — заявил он. — Но не раньше.

Миссис Холл уже собиралась выйти из комнаты — на этот раз она не делала никаких попыток завязать разговор, не желая, чтобы ее грубо оборвали в присутствии мистера Хенфри, — как вдруг незнакомец спросил, позаботилась ли она о доставке его багажа. Она сказала, что говорила об этом с почтальоном и что багаж будет доставлен завтра утром.

— Вы уверены, что раньше его невозможно доставить? — спросил он.

— Уверена, — ответила она довольно холодно.

— Мне следовало сразу сказать вам, кто я такой, но я до того промерз и устал, что еле ворочал языком. Я, видите ли, исследователь...

— Ах, вот как, — проговорила миссис Холл, на которую эти слова произвели сильнейшее впечатление.

— Багаж мой состоит из всевозможных приборов и аппаратов.

— Очень даже полезные вещи, — вставила миссис Холл.

— И я с нетерпением жду возможности продолжать свои исследования.

— Это понятно, мистер.

— Приехать в Айлинг, — продолжал он медленно, как видно, тщательно подбирая слова, — меня побудило... м-м... стремление к тишине и покою. Я не хочу, чтобы меня тревожили во время моих занятий. Кроме того, несчастный случай...

«Так я и думала», — заметила про себя миссис Холл.

— ... вынуждает меня к уединению. Дело в том, что мои глаза иногда до того слабеют и начинают так мучительно болеть, что приходится запирается в темной комнате на целые часы. Это случается время от времени. Сейчас этого, конечно, нет. Но когда у меня приступ, малейшее беспокойство, появление чужого человека заставляют меня мучительно страдать... Я думаю, лучше предупредить вас об этом заранее.

— Конечно, мистер, — сказала миссис Холл. — Осмеюсь спросить вас...

— Это все, что я хотел сказать вам, — прервал ее приезжий тоном, не допуская возражения.

Миссис Холл замолчала и решила отложить расспросы и изъявления сочувствия до более удобного случая.

Хозяйка удалилась, а приезжий остался стоять перед камином, свирепо глядя на мистера Хенфри, чинившего часы (так, по крайней мере, говорил потом сам мистер Хенфри). Часовщик поставил лампу возле себя, и зеленый абажур отбрасывал яркий свет на его руки и на части механизма, оставляя почти всю комнату в тени. Когда он поднимал голову, перед глазами у него плавали разноцветные пятна. Будучи от природы человеком любопытным, мистер Хенфри вынул механизм, в чем не было решительно никакой надобности, надеясь затянуть работу и, кто знает, быть может, даже вовлечь незнакомца в разговор. Но тот стоял молча, не двигаясь с места. Он стоял так тихо, что это начало действовать мистеру Хенфри на нервы. Ему показалось даже, что он один в комнате, но, подняв глаза, перед которыми сразу поплыли зеленые пятна, он увидел в сером полумраке неподвижную фигуру с забинтованной головой и выпуклыми си-

ними очками. Это было до того жутко, что мистер Хенфри с минуту стоял неподвижно, глядя на незнакомца. Потом опустил глаза. Какая неловкость! Надо бы заговорить о чем-нибудь. Не сказать ли, что погода не по сезону холодная?

Он снова поднял глаза, как бы прицеливаясь.

— Погода... — начал он.

— Скоро вы кончите и уйдете? — сказал неподвижный человек, видимо, еле сдерживая ярость. — Вам только и надо было сделать, что прикрепить часовую стрелку к оси, а вы тут возитесь без толку.

— Сейчас, мистер... одну минутку... Я упустил из виду... — И мистер Хенфри, быстро закончив работу, удалился, сильно, однако, раздосадованный.

— Черт подери! — ворчал Хенфри про себя, шагая сквозь мокрый снегопад. — Надо же когда-нибудь проверить часы... Скажите пожалуйста, и посмотреть-то на него нельзя. Черт знает что!.. Видно, нельзя. Он так забинтован и закутан, как будто полиция его разыскивает.

Дойдя до угла, он увидел Холла, недавно женившегося на хозяйке трактира «Кучер и кони», где остановился незнакомец. Холл возвращался со станции Сиддербридж, куда возил в айпингском омнибусе случайных пассажиров. По тому, как он правил, было ясно, что Холл малость «хватил» в Сиддербридже.

— Как поживаешь, Тедди? — окликнул он Хенфри, поравнявшись с ним.

— У вас остановился какой-то подозрительный малый, — сказал Тедди.

Холл, радуясь случаю поговорить, натянул вожжи.

— Что такое? — спросил он.

— У вас в трактире остановился какой-то подозрительный малый, — повторил Тедди. — Ей-богу... — И он стал с живостью описывать Холлу странного гостя. — С виду ни дать ни взять ряженый. Будь это мой дом, я бы, конечно, предпочел знать в лицо своего постояльца, — сказал он. — Но женщины всегда доверчивы, когда дело касается незнакомых мужчин. Он поселился у вас, Холл, и даже не сказал своей фамилии.

— Неужели? — спросил Холл, не отличавшийся быстротой соображения.

— Да, — подтвердил Тедди. — Он заплатил за неделю вперед. Значит, кто бы он там ни был, вам нельзя будет отделаться от него раньше чем через неделю. И он говорит, у него куча багажа, который доставят завтра. Будем надеяться, что это не ящики с камнями.

Тут он рассказал, как какой-то приезжий с пустыми чемоданами надул его тетку в Гастингсе. В общем, разговор с Тедди возбудил в Холле какое-то смутное подозрение.

— Ну, трогай, старуха! — прикрикнул Холл на свою лошадь. — Надо будет навести порядок.

А Тедди, облегчив душу, пошел своей дорогой уже в лучшем настроении.

Однако, вместо того чтобы наводить порядок, Холлу по возвращении домой пришлось выслушать множество упреков за то, что он так долго пробыл в Сиддербридже, а на свои робкие вопросы о новом постояльце он получил резкие, но уклончивые ответы. Но все же семена подозрения, зароненные часовщиком в душу Холла, дали ростки.

— Вы, бабы, ничего не смыслите, — сказал мистер Холл, решив при первом же удобном случае разузнать подробней, кто такой приезжий.

И после того как постоялец ушел в свою спальню — это было около половины десятого, — мистер Холл с весьма вызывающим видом вошел в гостиную и стал внимательно оглядывать мебель, как бы желая показать этим, что тут хозяин он, а не приезжий; он презрительно взглянул на лист бумаги с математическими выкладками, который оставил незнакомец. Ложась спать, мистер Холл посоветовал жене внимательно присмотреться, что за багаж завтра доставят постояльцу.

— Не суйся не в свое дело, — оборвала его миссис Холл. — Смотри лучше за собой, а я без тебя управлюсь.

Она тем более сердилась на мужа, что приезжий действительно был какой-то странный, и в душе она сама беспокоилась. Ночью она вдруг проснулась, увидев во сне огромные

глазастые головы, похожие на брюквы, которые тянулись к ней на длинных шеях. Но, будучи женщиной рассудительной, она подавила свой страх, повернулась на другой бок и снова уснула.

Глава 3

ТЫСЯЧА И ОДНА БУТЫЛКА

Итак, девятого февраля, когда только начиналась оттепель, неведомо откуда появился в Айпинге странный незнакомец. На следующий день в слякоть и распутицу его багаж доставили в трактир. И багаж этот оказался не совсем обычным. Оба чемодана, правда, ничем не отличались от тех, какие обычно бывают у путешественников; но, кроме них, прибыл ящик с книгами — большими, толстыми книгами, причем некоторые были не напечатаны, а написаны чрезвычайно неразборчивым почерком, — и с дюжину, если не больше, корзин, ящиков и коробок, в которых лежали какие-то предметы, завернутые в солому; Холл, не преминувший поворошить солому, решил, что это бутылки. В то время как Холл оживленно болтал с Фиренсайдом, возницей, собираясь помочь ему перенести багаж в дом, в дверях показался незнакомец в низко надвинутой шляпе, в пальто, перчатках и шарфе. Он вышел из дому и даже не взглянул на собаку Фиренсайда, лениво обнюхивавшую ноги Холла.

— Несите ящики в комнату, — сказал он. — Я и так уж зажался.

С этими словами он спустился с крыльца и подошел к задку подвод, собираясь собственноручно унести небольшую корзину.

Завидев его, собака Фиренсайда злобно зарычала и ошестинилась; когда же он спустился с крыльца, она подскочила и вцепилась ему в руку.

— Куш! — крикнул Холл, вздрагивая, так как всегда побавивался собак, а Фиренсайд заорал:

— Ложись! — и схватился за кнут.

Они видели, как зубы собаки скользнули по руке незнакомца, услышали звук пинка; собака подпрыгнула и вцепилась в ногу незнакомца, после чего раздался треск разрываемых брюк. В это время кончик кнута Фиренсайда настиг собаку, и она, заскулив от обиды и боли, спряталась под повозку. Все это произошло за какие-нибудь полминуты. Никто не говорил, все кричали. Незнакомец быстро взглянул на разорванную перчатку и штанину, сделал движение, будто хотел нагнуться, затем повернулся и бегом взбежал на крыльцо. Они услышали, как он торопливо прошел по коридору и застучал каблуками по деревянной лестнице, которая вела в его комнату.

— Ах ты, тварь эдакая! — выругался Фиренсайд, слезая на землю с кнутом в руке, в то время как собака зорко следила за ним из-за колес. — Иди сюда! — крикнул Фиренсайд. — Не то хуже будет!

Холл стоял в смятении, разинув рот.

— Она укусила его, — заговорил он. — Пойду посмотрю, что с ним. — И он зашагал вслед за незнакомцем. В коридоре он встретил жену и сказал ей: — Постояльца искусала собака Фиренсайда.

Он поднялся по лестнице. Дверь незнакомца была открыта, он распахнул ее и вошел в комнату без особых церемоний, спеша выразить свое сочувствие.

Штора была спущена, и в комнате царил полумрак. Холл успел заметить что-то в высшей степени странное, похожее на руку без кисти, занесенную над ним, и лицо, состоявшее из трех больших расплывчатых пятен на белом фоне, очень похожее на бледный цветок анютиных глазок. Потом сильный толчок в грудь отбросил его в коридор, дверь захлопнулась перед самым его носом, и он услышал, как щелкнул ключ в замке. Все это произошло так быстро, что Холл ничего не успел сообразить. Мелькание каких-то смутных теней, толчок, боль в груди. И вот он стоит на темной площадке перед дверью, спрашивая себя, что же это он такое видел.

Немного погодя он присоединился к кучке людей, собравшейся на улице перед трактиром. Здесь был и Фирен-

сайд, который уже второй раз рассказывал всю историю с самого начала, и миссис Холл, твердившая, что его собака не имеет никакого права кусать ее постояльцев; тут же стоял и Хакстерс, владелец лавки напротив, сильно заинтересованный происшествием, и Сэнди Уоджерс, кузнец, слушавший Фиренсайда с глубокомысленным видом. Сбежались и женщины и дети, каждый изрекал какую-нибудь глупость вроде: «Попробовала бы она меня укусить», «Нельзя держать таких собак» и так далее.

Мистер Холл глядел на них с крыльца, прислушивался к их разговорам, и ему уже начало казаться, что ничего необычайного он там, наверху, увидеть не мог, да ему и слов не хватило бы, чтобы описать свои впечатления.

— Он сказал, что ему ничего не нужно, — только и ответил он на вопрос жены. — Пожалуй, надо внести багаж.

— Лучше бы сразу прижечь, — сказал мистер Хакстерс, — в особенности если получилось воспаление.

— Я пристрелила бы ее, — сказала одна из женщин.

Вдруг собака снова зарычала.

— Давайте вещи, — послышался сердитый голос, и на пороге появился незнакомец, закутанный, с поднятым воротником и в низко надвинутой шляпе. — Чем скорее вы внесете их, тем лучше, — продолжал он. По свидетельству одного из очевидцев, он успел переменить перчатки и брюки.

— Сильно она вас укусила, сударь? — спросил Фиренсайд. — Очень это мне неприятно, что моя собака...

— Пустяки, — ответил незнакомец. — Даже следа никакого нет. Поторопитесь-ка лучше с вещами!

Тут он, по утверждению мистера Холла, выругался вполголоса.

Как только первую корзину внесли по его указанию в гостиную, незнакомец нетерпеливо принялся ее распаковывать, без зазрения совести разбрасывая солому по ковру миссис Холл. Он начал вытаскивать из корзины бутылки — маленькие пузатые пузырьки с порошками, небольшие узкие бутылки с окрашенной в разные цвета или прозрачной жидкостью, изогнутые склянки с надписью «яд», круглые

бутылки с тонкими горлышками, большие бутылки из зеленого и белого стекла, бутылки со стеклянными пробками и с вытравленными на них надписями, бутылки с притертыми пробками, бутылки с деревянными затычками, бутылки из-под вина и прованского масла. Все эти бутылки он расставил рядами на комод, на каминной доске, на столе, на подоконнике, на полу, на этажерке — всюду. В брэмблхерстской аптеке не набралось бы и половины такой уймы бутылок. Получилось внушительное зрелище. Он распаковывал корзину за корзиной, и во всех были бутылки. Наконец все ящики и корзины опустели, а на столе выросла гора соломы; кроме бутылок, в корзинах оказалось еще немало пробирок и тщательно упакованные весы.

Распаковав корзины, незнакомец отошел к окну и немедленно принялся за работу, не обращая ни малейшего внимания на кучу соломы, на потухший камин, на ящик с книгами, оставшийся на улице, на чемоданы и остальной багаж, который был уже внесен наверх.

Когда миссис Холл подала ему обед, он был совсем поглощен своей работой, которая заключалась в том, что он вливал по каплям жидкости из бутылок в пробирки, и даже не заметил ее присутствия. И только когда она убрала солому и поставила поднос на стол, быть может, несколько более шумно, чем обычно, так как ее взволновало плачевное состояние ковра, он быстро взглянул в ее сторону и тотчас отвернулся. Она успела заметить, что он был без очков: они лежали возле него на столе, и ей показалось, что его глазные впадины необычайно глубоки. Он надел очки, повернулся и посмотрел ей в лицо. Она собиралась уже высказать свое недовольство по поводу соломы на полу, но он предупредил ее:

— Я просил бы вас не входить в комнату без стука, — сказал он с необычайным раздражением, которое, видимо, легко вспыхивало в нем по малейшему поводу.

— Я постучалась, но, должно быть...

— Быть может, вы и стучали. Но во время моих исследований — исследований чрезвычайно важных и необходи-

мых — малейшее беспокойство, скрип двери... Я попросил бы вас...

— Конечно, мистер. Если вам угодно, вы можете запи- рать дверь на ключ. В любое время.

— Очень удачная мысль! — сказал незнакомец.

— Но эта солома, сударь... Осмелюсь заметить...

— Не надо! Если солома вас беспокоит, поставьте ее в счет. — И он пробормотал про себя что-то очень похожее на ругательство.

Он стоял перед хозяйкой с воинственным и раздражен- ным видом, держа в одной руке бутылку, а в другой про- бирку, и весь его облик был так странен, что миссис Холл смутилась. Но она была особа решительная.

— В таком случае, — заявила она, — я бы хотела знать, сколько вы полагаете...

— Шиллинг. Поставьте шиллинг. Я думаю, этого доста- точно?

— Хорошо, пусть будет так, — сказала миссис Холл, при- нимаясь накрывать на стол. — Конечно, если вы согласны...

Незнакомец отвернулся и сел спиной к ней.

До самого вечера он работал, запершись на ключ и, как уверяла миссис Холл, почти в полной тишине. Только один раз послышался стук и звон стекла, как будто кто-то тол- кнул стол и с размаху швырнул на пол бутылку, а затем раз- дались торопливые шаги по ковру. Опасаясь, уж не случи- лось ли чего-нибудь, хозяйка подошла к двери и, не стуча, стала прислушиваться.

— Ничего не выйдет! — кричал он в ярости. — Не выйдет! Триста тысяч, четыреста тысяч! Это необъятно! Обманут! Вся жизнь уйдет на это! Терпение! Легко сказать! Дурак, дурак!

Тут кто-то вошел в трактир, послышались тяжелые ша- ги, и миссис Холл должна была волей-неволей отойти от двери, не дослушав.

Когда она вернулась, в комнате снова было совсем ти- хо, если не считать слабого скрипа кресла и случайного по- звывивания бутылок. Очевидно, незнакомец снова принялся за работу.

Когда она принесла чай, то увидела в углу комнаты, под зеркалом, разбитые бутылки и золотистое небрежно вытертое пятно. Она обратила на это его внимание.

— Поставьте все это в счет, — огрызнулся он. — И, ради бога, не мешайте мне. Если я причиняю вам какой-нибудь убыток, ставьте в счет. — И он снова принялся делать пометки в лежавшей перед ним тетради...

— Знаете, что я вам скажу? — таинственно начал Фиренсайд. Разговор происходил вечером того же дня в пивной.

— Ну? — спросил Тедди Хенфри.

— Этот человек, которого укусила моя собака... Ну так вот: он чернокожий. По крайней мере ноги у него черные. Я это заметил, когда собака порвала ему штаны и перчатку. Можно было ожидать, что сквозь дыры будет видно розовое тело, правда? Ну а на самом деле ничего подобного. Одна только чернота. Верно вам говорю: он так же черен, как моя шляпа.

— Господи помилуй! — воскликнул Хенфри. — Вот тебе на! А ведь нос-то у него самый что ни на есть розовый.

— Так-то оно так, — сказал Фиренсайд. — Это верно. Только вот что я тебе скажу, Тедди. Малый этот пегий: где черный, а где белый, пятнами. И он этого стыдится. Он вроде какой-нибудь помеси, а масти, вместо того чтобы перемешаться, пошли пятнами. Я и раньше слышал о таких случаях. А у лошадей это бывает сплошь и рядом — спроси кого хочешь.

Глава 4

МИСТЕР КАСС ИНТЕРВЬЮИРУЕТ НЕЗНАКОМЦА

Я так подробно изложил обстоятельства, сопровождавшие приезд незнакомца в Айпинг, для того чтобы читателю стало понятно всеобщее любопытство, вызванное его появлением. Что же касается его пребывания там до зна-

менательного дня клубного праздника, то на этом, за исключением двух странных происшествий, можно почти не останавливаться. Иногда у него бывали столкновения с миссис Холл на хозяйственной почве, из которых постоялец всегда выходил победителем, тотчас же предлагая дополнительную плату, и так продолжалось до конца апреля, когда у него стали обнаруживаться первые признаки безденежья.

Холл недолюбливал его и при всяком удобном случае повторял, что надо от него избавиться, но неприязнь эта выражалась главным образом в том, что Холл старался по возможности избегать встреч с постояльцем.

— Потерпи до лета, — урезонивала его миссис Холл. — Начнут съезжаться художники, тогда посмотрим. Он, конечно, нахал, не спорю, но зато аккуратно платит по счетам, этого у него отнять нельзя, что ни толкуй.

Постоялец в церковь не ходил и не делал никакого различия между воскресеньем и буднями, даже одевался и то всегда одинаково. Работал он, по мнению миссис Холл, весьма нерегулярно. В иные дни он спускался в гостиную с раннего утра и работал подолгу. В другие же вставал поздно, расхаживал по комнате, целыми часами громко ворчал, курил или дремал в кресле у камина. Сношений с внешним миром у него не было никаких. Настроение его по-прежнему оставалось чрезвычайно неровным: по большей части он вел себя как человек до крайности раздражительный, а несколько раз у него были припадки бешеной ярости, и он швырял, рвал и ломал все, что попадалось под руку. Казалось, он постоянно находился в чрезвычайном возбуждении. Он все чаще разговаривал вполголоса с самим собой, но миссис Холл ничего не могла понять, хотя усердно подслушивала.

Днем он редко выходил из дому, но в сумерки гулял, закутанный так, что его нельзя было увидеть — все равно, было ли на дворе холодно или тепло, и выбирал для прогулок самые уединенные тропинки, затененные деревьями или огражденные насыпью. Его темные очки и страшное за-

бинтованное лицо под широкополой шляпой иногда пугали в темноте возвращавшихся домой рабочих; а Тедди Хенфри однажды, выйдя, пошатываясь, из трактира «Красный камзол» в половине десятого вечера, чуть не умер со страху, увидев похожую на череп голову незнакомца (тот гулял со шляпой в руке). Детям, увидевшим его в сумерках, ночью снились страшные сны. Мальчишки терпеть его не могли, и он их тоже; трудно сказать, кто кого больше не любил, но, во всяком случае, неприязнь была взаимная и очень острая.

Нет ничего удивительного, что человек такой поразительной наружности и такого странного поведения доставлял жителям Айпинга обильную пищу для разговоров. Относительно его занятий мнения расходились. Миссис Холл в этом деле была весьма щепетильна. На вопрос, что он делает, она обыкновенно отвечала с большой торжественностью, что он занимается «экспериментальными исследованиями», — эти слова она произносила очень медленно и осторожно, точно боясь оступиться. Когда же ее спрашивали, что это означает, она говорила с оттенком некоторого превосходства, что это известно всякому образованному человеку, и поясняла: «Он делает разные открытия». С ее постояльцем произошел несчастный случай, рассказывала она, руки и лицо его потеряли свой естественный цвет, а так как он человек весьма чувствительный, то старается не показываться в таком виде на людях.

Но за спиной миссис Холл распространялся упорный слух, что ее постоялец — преступник, который скрывается от правосудия и старается с помощью своего удивительного наряда сбить с толку полицию. Впервые эта догадка зародилась в голове мистера Тедди Хенфри. Впрочем, ни о каком сколько-нибудь громком преступлении, которое имело бы место за последние недели, не было известно. Поэтому мистер Гоулд, школьный учитель, несколько видоизменил эту догадку: по его мнению, постоялец миссис Холл был анархист, занимающийся изготовлением взрывчатых веществ, и он решил посвятить свое свободное время слежке за незнакомцем. Слежка заключалась главным образом в том,

что при встречах с незнакомцем мистер Гоулд упорно глядел на него и расспрашивал о нем людей, которые никогда его не видели. Тем не менее мистеру Гоулду не удалось ничего узнать.

Было много сторонников версии, выдвинутой Фиренсайдом, что незнакомец пегий или что-нибудь в этом роде. Так, например, Сайлас Дэрган не раз говорил, что если бы незнакомец решил показывать себя на ярмарках, то нашёл бы состояние, и даже ссылался на известный из Библии случай с человеком, зарывшим свой талант в землю. Другие считали, что незнакомец страдает тихим помешательством. Этот взгляд имел то преимущество, что разом объяснял все.

Кроме стойких приверженцев этих основных течений в общественном мнении Айпинга, были люди колеблющиеся и готовые на уступки.

Жители графства Сассекс мало подвержены суеверию, и первые догадки о сверхъестественной природе незнакомца появились лишь после апрельских событий, да и то этому верили одни женщины.

Но каковы бы ни были мнения о незнакомце отдельных жителей Айпинга, неприязнь к нему была всеобщей и единодушной. Его раздражительность, которую мог бы понять горожанин, занимающийся умственным трудом, неприятно поражала уравновешенных сассекских жителей. Яростная жестикуляция, стремительная походка, ночные прогулки, когда он неожиданно в темноте выскакивал из-за угла в самых безлюдных местах, бесцеремонное пресечение всех попыток вовлечь его в беседу, страсть к потемкам, побуждавшая его запираить двери, спускать шторы, тушить свечи и лампы, — кто мог бы примириться с этим? Когда незнакомец проходил по улице, встречные сторонились его, а за его спиной местные шутники, подняв воротники пальто и низко надвинув шляпы, подражали его нервной походке и загадочному поведению. В то время пользовалась популярностью песенка «Человек-призрак». Мисс Стэтчел спела ее на концерте в школе, — сбор пошел на покупку ламп для церкви; и после этого, как только на улице по-

являлся незнакомец, тотчас же кто-нибудь начинал насвистывать — громко или тихо — мотив этой песенки. Даже заждавшиеся ребяташки, спеша вечером домой, кричали ему вслед: «Человек-призрак!» — и мчались дальше, замирая от страха и восторга.

Касс, местный врач, сторал от любопытства. Забинтованная голова вызывала в нем чисто профессиональный интерес; слухи же о тысяче и одной бутылке возбуждали его завистливое почтение. Весь апрель и май он искал случая заговорить с незнакомцем. Наконец не выдержал и накануне Троицы решил пойти к нему, воспользовавшись как предлогом подписным листом в пользу сиделки местной больницы. Он был поражен, узнав, что миссис Холл не знает имени своего постояльца.

— Он назвал себя, — сказала миссис Холл (это утверждение было лишено всякого основания), — но я не расслышала.

Ей неловко было сознаться, что постоялец и не думал называть себя.

Касс постучал в дверь гостиной и вошел. Оттуда послышалась невнятная брань.

— Прошу извинения за то, что вторгаюсь к вам, — проговорил Касс, после чего дверь закрылась, и дальнейшего разговора миссис Холл уже не слышала.

В течение десяти минут до нее долетал только неясный гул голосов; затем раздался возглас удивления, шарканье ног, грохот отброшенного стула, отрывистый смех, быстрые шаги, и на пороге появился Касс, бледный, с вытаращенными глазами. Оставив дверь открытой и не взглянув на хозяйку, он прошел по коридору, спустился с крыльца и быстро зашагал по улице. Шляпу он держал в руке. Миссис Холл зашла за стойку, стараясь заглянуть через открытую дверь в комнату постояльца. Она услышала негромкий смех, потом шаги. Со своего места она не могла видеть его лица. Потом дверь гостиной захлопнулась, и все стихло.

Касс направился прямо к викарию Бантингу.

— Скажите, я сошел с ума? — произнес он отрывисто, едва войдя в скромный кабинет викария. — Похож я на помешанного?

— Что случилось? — спросил викарий, кладя раковину, заменявшую ему пресс-папье, на листы своей очередной проповеди.

— Этот субъект, постоялец Холлов...

— Ну?

— Дайте мне выпить чего-нибудь, — сказал Касс и опустился на стул.

Когда Касс несколько успокоился с помощью стакана дешевого хереса — других напитков у добрейшего викария не было, — он стал рассказывать о своей встрече с незнакомцем.

— Вхожу, — начал он задыхающимся голосом, — и прошу подписаться в пользу сиделки. Как только я вошел, он сунул руки в карманы и плюхнулся в кресло. «Вы интересуетесь наукой, как я слышал?» — начал я. «Да», — ответил он и фыркнул. Все время фыркал. Простудился, должно быть. Да и не мудрено, раз человек так кутается. Я стал распространяться насчет сиделки, а сам озираюсь по сторонам. Повсюду бутылки, химические препараты. Тут же весы, пробирки, и пахнет ночными фиалками. Не угодно ли ему подписаться? «Подумаю», — говорит. Тут я прямо спросил его, занимается ли он научными изысканиями. «Да», — говорит. «Длительные изыскания?» Его, видно, злость взяла. «Чертовски длительные!» — выпалил он. «Вот как?» — говорю я. Ну, тут и пошло. Он уже раньше весь так и кипел, и мой вопрос был последней каплей. Он получил от кого-то рецепт — чрезвычайно ценный рецепт; для какой цели, этого он не может сказать. «Медицинский?» — «Черт побери! А вам какое дело?» Я извинился. Он снисходительно фыркнул, откашлялся и продолжал. Рецепт он прочел. Пять ингредиентов. Положил на стол, отвернулся. Вдруг шорох: бумажку подхватило сквозняком. Каминная труба была открыта. Пламя вспыхнуло, и не успел он оглянуться, как рецепт сгорел и пепел вылетел в трубу. Бросился к камину — поздно. Вот! Тут он безнадежно махнул рукой.

— Ну?

— А руки-то и нет — пустой рукав. «Господи, — подумал я, — вот калека-то. Вероятно, у него деревянная рука, и он ее снял. И все-таки, — подумал я, — тут что-то неладно. Как же это рукав не повиснет, если в нем ничего нет?» А в нем ничего не было, уверяю вас. Совершенно пустой рукав, до самого локтя. Я видел, что рукав пуст, и, кроме того, прореха светилась насквозь. «Боже милосердный!» — воскликнул я. Тогда он замолчал. Уставился своими синими очками сначала на меня, потом на свой рукав.

— Ну?

— И все. Не сказал ни слова, только глянул на меня и быстро засунул рукав в карман. «Я, кажется, остановился на том, как рецепт сгорел?» Он вопросительно кашлянул. «Как это вы, черт возьми, умудряетесь двигать пустым рукавом?» — спросил я. «Пустым рукавом?» — «Ну да, — сказал я, — пустым рукавом». — «Так это, по-вашему, пустой рукав? Вы видели, что он пустой?» Он поднялся с кресла. Я тоже встал. Тогда он медленно сделал три шага. Подошел ко мне и стал совсем вплотную. Язвительно фыркнул. Я стоял спокойно, хотя, честное слово, это забинтованное страшилище с круглыми очками хоть кого испугало бы.

«Так вы говорите, рукав пустой?» — сказал он.

«Конечно», — ответил я. Тогда этот нахал снова уставился на меня своими стеклами. А потом преспокойно вытянул рукав из кармана и протянул его мне, как будто хотел снова показать. Все это он проделал очень медленно. Я посмотрел на рукав. Казалось, прошла целая вечность. «Ну вот, — сказал он, откашлявшись, — в нем ничего нет». Что-то надо было сказать. Мне стало страшно. Я видел весь рукав насквозь. Он вытягивал его медленно-медленно — вот так, пока обшлаг не очутился дюймах в шести от моего лица. Странное это ощущение — видеть, как приближается пустой рукав... А потом...

— Ну?

— Чем-то — мне показалось, большим и указательным пальцами, — он потянул меня за нос.

Бантинг засмеялся.

— Но там не было ничего! — сказал Касс, чуть не взвизгнув, когда произносил «ничего». — Хорошо вам смеяться, а я был так ошеломлен, что ударил по обшлагу рукава, повернулся и выбежал из комнаты...

Касс замолчал. В непритворности его испуга нельзя было сомневаться. Он беспомощно повернулся и выпил еще стакан скверного хереса, которым угошал его добрейший викарий.

— Когда я хватил его по рукаву, — сказал он, — то, уверяю вас, я почувствовал, что бью по руке. А руки там не было. И намек на руку не было.

Мистер Бантинг задумался. Потом подозрительно посмотрел на Касса.

— Это в высшей степени любопытная история, — сказал он с весьма глубокомысленным и серьезным видом. — Безусловно, история в высшей степени любопытная, — повторил он еще более внушительно.

Глава 5

КРАЖА СО ВЗЛОМОМ В ДОМЕ ВИКАРИЯ

О краже со взломом в доме викария мы узнали главным образом из рассказов самого викария и его жены. Это случилось перед рассветом в Духов день; в этот день айпингский клуб устраивает ежегодные празднества. Миссис Бантинг внезапно проснулась в предрассветной тишине с отчетливым ощущением, что дверь спальни хлопнула. Сначала она решила не будить мужа, а села на кровати и стала прислушиваться. Она явственно различила шлепанье босых ног; словно кто-то вышел из туалетной комнаты и направился по коридору к лестнице. Тогда она как можно осторожнее разбудила мистера Бантинга. Проснувшись и узнав, в чем дело, он решил не зажигать огня, но, надев очки, капот жены и сунув ноги в купальные туфли, вышел на площадку.

Он совершенно ясно услышал возню в своем кабинете внизу, потом там кто-то громко чихнул.

Тогда он вернулся в спальню, вооружился самым надежным оружием, какое нашлось, — кочергой, и сошел с лестницы, стараясь не шуметь. Миссис Бантинг вышла на площадку.

Было около четырех часов; ночной мрак редел. В прихожей уже брезжил свет, но дверь кабинета зияла черной дырой. В тишине слышны были только слабый скрип ступенек под ногами мистера Бантинга и легкое движение в кабинете. Потом что-то щелкнуло, слышно было, как открылся ящик, зашуршали бумаги. Послышалось ругательство, вспыхнула спичка, и кабинет осветился желтым светом. В это время мистер Бантинг был уже в прихожей и через приотворенную дверь увидел письменный стол, выдвинутый ящик и свечу, горевшую на столе. Но вора ему не было видно. Он стоял в прихожей, не зная, что предпринять, а позади него медленно спускалась с лестницы бледная, перепуганная миссис Бантинг. Одно обстоятельство поддерживало мужество мистера Бантинга: убеждение, что вор принадлежит к числу местных жителей.

Затем они слышали звон монет и поняли, что вор нашел деньги, отложенные на хозяйство, — два фунта полусоверенами и десять шиллингов. Звон монет мгновенно вывел мистера Бантинга из состояния нерешительности. Крепко сжав в руке кочергу, он ворвался в кабинет; миссис Бантинг следовала за ним по пятам.

— Сдавайся! — яростно крикнул мистер Бантинг и остановился, пораженный: в комнате никого не было.

И все же, вне всякого сомнения, минуту назад здесь кто-то двигался. С полминуты супруги стояли, разинув рты, потом миссис Бантинг заглянула за ширмы, а мистер Бантинг, побуждаемый тем же чувством, посмотрел под стол. Затем миссис Бантинг отдернула оконные занавеси, а мистер Бантинг осмотрел камин и пошарил в трубе кочергой. Миссис Бантинг перерыла корзину для бумаг, а мистер Бантинг открыл ящик с углем. Прюродав все это, они в недоумении устали друг на друга.

— Я готов поклясться... — сказал мистер Бантинг. — А свеча! — воскликнул он. — Кто зажег свечу?

— А ящик! — сказала миссис Бантинг. — И куда девались деньги?

Она поспешно пошла к дверям.

— В жизни своей ничего подобного...

В коридоре кто-то громко чихнул. Они выбежали из комнаты и тут же услышали, как хлопнула дверь кухни.

— Принеси свечу, — сказал мистер Бантинг и пошел вперед. Оба ясно слышали стук торопливо отодвигаемых засовов.

Открывая дверь на кухню, мистер Бантинг увидел, что парадная дверь отворяется и в слабом утреннем свете мелькнула темная зелень сада. Но он уверял, что в дверь никто не вышел. Она открылась, а потом со стуком захлопнулась. Пламя свечи, которую несла миссис Бантинг, замигало и вспыхнуло ярче. Прошло несколько минут, прежде чем они вошли в кухню.

Там никого не оказалось. Они снова заперли на засов входную дверь, тщательно обыскали кухню, чулан, буфетную и, наконец, спустились в погреб. Но, несмотря на самые тщательные поиски, они никого не обнаружили.

Утро застало викария и его жену в весьма странном наряде; они все еще сидели в нижнем этаже своего домика при ненужном уже свете догоравшей свечи и терялись в догадках.

— В жизни своей ничего подобного... — в двадцатый раз начал викарий.

— Дорогой мой, — прервала его миссис Бантинг, — вот идет Сюзи. Пусть она придет в кухню, и пойдем оденемся.

Глава 6

ВЗВЕСИВШАЯСЯ МЕБЕЛЬ

В это же утро, на рассвете Духова дня, когда даже служанка Милли еще спала, мистер и миссис Холл встали с постели и бесшумно спустились в погреб. Там у них было дело

совершенно особого характера, имевшее некоторое отношение к специфической крепости их пива.

Не успели они войти в погреб, как миссис Холл вспомнила, что забыла захватить бутылочку с сарсапарелью, которая стояла у них в спальне. Так как главным знатоком и мастером предстоявшего дела была она, то наверх за бутылкой отправился Холл.

На площадке лестницы он с удивлением заметил, что дверь в комнату постояльца приоткрыта. Пройдя в спальню, он нашел бутылку на указанном женой месте.

Но, возвращаясь обратно в погреб, он заметил, что засовы выходной двери отодвинуты и дверь закрыта просто на щеколду. Осененный внезапной мыслью, он сопоставил это обстоятельство с открытой дверью в комнату постояльца и предположениями мистера Тедди Хенфри. Он ясно помнил, что сам держал свечку, когда миссис Холл задвигала засовы на ночь. Он остановился, пораженный; затем, все еще держа бутылку в руке, снова поднялся наверх и постучал в дверь постояльца. Ответа не последовало. Он постучал еще раз, затем распахнул дверь настежь и вошел в комнату.

Все оказалось так, как он и ожидал. Комната была пуста, постель не тронута. На кресле и на спинке кровати была разбросана одежда незнакомца и его бинты, широкополая шляпа и та торчала на столбике кровати. Это обстоятельство показалось чрезвычайно странным даже не слишком сообразительному Холлу, тем более что другого платья, насколько он знал, у постояльца не было.

Стоя в недоумении посреди комнаты, он услышал снизу, из погреба, голос своей жены; захлебывающаяся скороговорка и высокие, визгливые ноты, характерные для жителей Западного Сассекса, изобличали крайнее нетерпение.

— Джордж! — кричала она. — Ты нашел, что нужно?

Он повернулся и поспешил к жене.

— Дженни! — крикнул он, нагибаясь над лестницей, ведущей в погреб. — А ведь Хенфри-то прав. Жильца в комнате нет. И засов на парадной двери снят.

Сначала миссис Холл не поняла, о чем речь, но, сообразив, в чем дело, решила сама осмотреть пустую комнату. Холл, все еще с бутылкой в руках, пошел вперед.

— Его самого нет, а одежда тут, — сказал он. — Где же он шляется голый? Странное дело.

Когда они поднимались по лестнице из погреба, им обоим, как выяснилось впоследствии, почудилось, что кто-то открыл и снова закрыл парадную дверь; но так как они нашли ее закрытой, то в ту минуту они об этом ничего друг другу не сказали. В коридоре миссис Холл опередила своего мужа и взбежала по лестнице первая. В это время на лестнице кто-то чихнул. Холл, оставший от жены на шесть ступенек, подумал, что это она чихает; она же была убеждена, что чихнул он. Поднявшись наверх, она распахнула дверь и стала осматривать комнату незнакомца.

— В жизни своей ничего подобного не видела! — сказала она.

В это время сзади над самым ее ухом кто-то фыркнул, она обернулась и, к величайшему своему удивлению, увидела, что Холл стоит шагах в двенадцати от нее, на верхней ступеньке лестницы. Он сразу же подошел к ней. Она наклонилась и стала ощупывать подушку и белье.

— Холодные, — сказала она. — Его нет уже с час, а то и больше.

Не успела она произнести эти слова, как произошло нечто в высшей степени странное: постельное белье свернулось в узел, который тут же перепрыгнул через спинку кровати. Казалось, чья-то рука скомкала одеяло и простыни и бросила на пол. Вслед за этим шляпа незнакомца соскочила со своего места, описала в воздухе дугу и шлепнулась прямо в лицо миссис Холл. За ней с такой же быстротой полетела с умывальника губка; затем кресло, небрежно сбросив с себя пиджак и брюки постояльца и рассмеявшись сухим смехом, чрезвычайно похожим на смех постояльца, повернулось всеми четырьмя ножками к миссис Холл и, нацелившись, бросилось на нее. Она вскрикнула и повернулась к двери, а ножки кресла осторожно, но решительно

уперлись в ее спину и вытолкали ее вместе с Холлом из комнаты. Дверь захлопнулась, замок шелкнул. Кресло и кровать, по-видимому, еще поплясали немного, как бы торжествуя победу, а затем все стихло.

Миссис Холл почти без чувств повисла на руках у мужа. Мистеру Холлу с величайшим трудом удалось при помощи Милли, которая успела проснуться от крика и шума, снести ее вниз и дать ей укрепляющих капель.

— Это духи, — сказала миссис Холл, придя наконец в себя. — Я знаю, это духи. Я читала про них в газетах. Столы и стулья начинают прыгать и танцевать...

— Выпей еще немножко, Дженни, — прервал ее Холл. — Это подкрепит тебя.

— Запри дверь, — сказала миссис Холл. — Смотри не впускай его больше. Я все время подозревала... Как это я не догадалась! Глаз не видно, голова забинтована, и в церковь по воскресеньям не ходит. А сколько бутылок!.. На что порядочному человеку столько бутылок? Он напустил духов в мебель... Моя милая старая мебель! В этом самом кресле любила сидеть моя дорогая матушка, когда я была еще маленькой девочкой. И подумать только, оно поднялось теперь против меня...

— Выпей еще капель, Дженни, — сказал Холл, — у тебя нервы совсем расстроены.

Было уже пять часов, лучи утреннего солнца заливали улицу. Супруги послали Милли разбудить мистера Сэнди Уоджерса, кузнеца, который жил напротив.

— Хозяин вам кланяется, — сказала ему Милли. — И у нас что-то стряслось с мебелью. Может, вы зайдете и поглядите?

Мистер Уоджерс был человек весьма сведущий и смысленный. Он отнесся к рассказу Милли серьезно.

— Это колдовство, головой ручаюсь, — сказал он. — Такому постояльцу только копыт не хватает.

Он пришел, сильно озабоченный. Мистер и миссис Холл хотели было подняться с ним наверх, но он, по-видимому, с этим не спешил. Он предпочитал продолжать разговор

в коридоре. Из табачной лавки Хакстера вышел приказчик и стал открывать ставни. Его пригласили принять участие в обсуждении случившегося. За ним через несколько минут подошел, конечно, сам мистер Хакстерс. Англосаксонский парламентский дух проявился здесь полностью: говорили много, но за дело не принимались.

— Установим сначала факты, — настаивал мистер Сэнди Уоджерс. — Обсудим, вполне ли будет правильно с нашей стороны взломать дверь в его комнату? Запертую дверь всегда можно взломать, но раз дверь взломана, ее не сделаешь невзломанной.

Но вдруг, ко всеобщему удивлению, дверь комнаты постояльца открылась сама, и, взглянув наверх, они увидели закутанную фигуру незнакомца, спускавшегося по лестнице и пристально смотревшего на них злобещим взором сквозь свои темно-синие очки. Медленно, деревянной походкой, он спустился с лестницы, прошел по коридору и остановился.

— Смотрите, — сказал он, вытянув палец в перчатке.

Взглянув в указанном направлении, они увидели у самой двери погреба бутылку с сарсапарелью. А незнакомец вошел в гостиную и неожиданно быстро, со злостью захлопнул дверь перед самым их носом.

Никто не произнес ни слова, пока не замер стук захлопнутой двери. Все молча переглядывались.

— Признаюсь, это уже верх... — начал мистер Уоджерс и не закончил фразы.

— Я бы на вашем месте пошел и спросил его, что все это значит, — сказал Уоджерс Холлу. — Я потребовал бы объяснения.

Понадобилось некоторое время, чтобы убедить хозяина решиться на это. Наконец он постучался в дверь, открыл ее и начал:

— Простите...

— Убирайтесь к черту! — крикнул в бешенстве незнакомец. — Затворите дверь!

На этом объяснение и закончилось.

Глава 7

РАЗОВЛАЧЕНИЕ НЕЗНАКОМЦА

Незнакомец вошел в гостиную около половины шестого утра и оставался там приблизительно до полудня; шторы в комнате были спущены, дверь заперта, и после неудачи, постигшей Холла, никто не решался войти туда.

Все это время незнакомец, очевидно, ничего не ел. Три раза он звонил, причем в третий раз долго и сердито, но никто не отозвался.

— Ладно, я ему покажу «убирайтесь к черту», — ворчала про себя миссис Холл.

Слух о ночном происшествии в доме vicария уже успел распространиться, и между обоими событиями усматривали некую связь. Холл в сопровождении Уоджерса отправился к судье мистеру Шэклфорсу, чтобы с ним посоветоваться. Наверх подняться никто не решался. Чем занимался все это время незнакомец, неизвестно. Иногда он нетерпеливо шагал из угла в угол, два раза из его комнаты доносились ругательства, шуршание разрываемой бумаги и звон разбиваемых бутылок.

Кучка испуганных, но сгоравших от любопытства людей все росла. Пришла миссис Хакстерс. Подошли несколько бойких молодых парней, вырядившихся по случаю праздника в черные пиджаки и галстуки из белого пике; они стали задавать нелепые вопросы. Арчи Харкер оказался смелее всех: он пошел во двор и постарался заглянуть под опущенную штору. Разглядеть он не мог ничего, но дал понять, что видит, и еще кое-кто из айпингского молодого поколения присоединился к нему.

День для праздника выдался на славу — теплый и ясный. На деревенской улице появились с десятков ларьков и тир для стрельбы, а на лужайке перед кузницей стояли три полосатых желто-коричневых фургона, и какие-то люди в живописных костюмах устраивали приспособление для метания кокосовых орехов. Мужчины были в синих свитерах,

дамы — в белых передниках и модных шляпах с большими перьями. Уоджерс из «Красной лани» и мистер Джэггерс, сапожник, торговавший также подержанными велосипедами, протягивали поперек улицы гирлянду из национальных флагов и королевских штандартов (оставшихся от празднования юбилея королевы Виктории).

А в полутемной гостиной с занавешенными окнами, куда проникал лишь слабый свет, незнакомец, вероятно, голодный и злой, задыхаясь от жары в своих повязках, глядел сквозь темные очки на листок бумаги, позвякивал грязными бутылками и неистово ругал собравшихся под окном невидимых мальчишек. В углу у камина валялись осколки полдюжины разбитых бутылок, а в воздухе стоял едкий запах хлора. Вот все, что нам известно по рассказам очевидцев, и такой вид имела комната, когда в нее вошли.

Около полудня незнакомец внезапно открыл дверь гостиной и остановился на пороге, пристально глядя на трех-четыре человек, сгрудившихся у стойки.

— Миссис Холл! — крикнул он.

Кто-то нехотя вышел из комнаты позвать хозяйку.

Появилась миссис Холл, несколько запыхавшаяся, но весьма решительная. Мистер Холл еще не вернулся. Она все уже обдумала и явилась с небольшим подноском в руках, на котором лежал неоплаченный счет.

— Вы хотите уплатить по счету? — спросила она.

— Почему мне не подали завтрака? Почему вы не приготовили мне поесть и не отзывались на звонки? Вы думаете, я могу обходиться без еды?

— А почему вы не уплатили по счету? — возразила миссис Холл. — Вот что я желала бы знать.

— Еще третьего дня я сказал вам, что жду денежного перевода...

— А я еще вчера сказала вам, что не намерена ждать никаких переводов. Нечего ворчать, что завтрак запаздывает, если по счету уже пять дней не плачено.

Постоялец кратко, но энергично выругался.

— Легче, легче! — раздалось из распивочной.

— Я прошу вас, мистер, держать свои ругательства при себе, — сказала миссис Холл.

Постоялец замолчал и стоял на пороге, похожий в своих очках на рассерженного водолаза. Все посетители трактира чувствовали, что перевес на стороне миссис Холл. Дальнейшие слова незнакомца подтвердили это.

— Послушайте, голубушка... — начал он.

— Я вам не голубушка, — сказала миссис Холл.

— Говорю вам, я еще не получил перевода...

— Уж какой там перевод! — сказала миссис Холл.

— Но в кармане у меня...

— Третьего дня вы сказали, что у вас и соверена не наберется.

— Ну, а теперь я нашел побольше.

— Ого! — раздалось из распивочной.

— Хотела бы я знать, где это вы нашли деньги, — сказала миссис Холл.

Это замечание, по-видимому, не понравилось незнакомцу. Он топнул ногой.

— Что вы имеете в виду? — спросил он.

— Только то, что я хотела бы знать, откуда у вас деньги, — сказала миссис Холл. — И прежде чем подавать вам счета, готовить завтрак или вообще что-либо делать для вас, я попрошу вас объяснить некоторые вещи, которых я не понимаю и никто не понимает, но которые мы все хотим понять. Я хочу знать, что вы делали наверху с моим креслом; хочу знать, как это ваша комната оказалась пустой и как вы опять туда попали. Мои постояльцы входят и выходят через двери. Так у меня заведено; вы же делаете по-другому, и я хочу знать, как вы это делаете. И еще...

Незнакомец вдруг поднял руки, обтянутые перчатками, сжал кулаки, топнул ногой и крикнул: «Стойте!» — так иступленно, что миссис Холл немедленно умолкла.

— Вы не понимаете, — сказал он, — кто я и чем занимаюсь. Я покажу вам. Как бог свят, покажу! — При этих словах он приложил руку к лицу и сейчас же отнял ее. Посреди лица зияла пустая впадина. — Держите, — сказал он и, шагнув

к миссис Холл, подал ей что-то. Не сводя глаз с его преобразившегося лица, миссис Холл машинально взяла протянутую ей вещь. Затем, рассмотрев, что это, она громко вскрикнула, уронила ее на пол и попятилась. По полу покатился нос — нос незнакомца, розовый, лоснящийся.

Затем он снял очки, и все вытаращили глаза от удивления. Он снял шляпу и стал яростно срывать бакенбарды и бинты. Они не сразу поддались его усилиям. Все замерли в ужасе.

— О господи! — вымолвил кто-то.

Наконец бинты были сорваны.

То, что предстало взорам присутствующих, превзошло все ожидания. Миссис Холл, стоявшая с разинутым ртом, дико вскрикнула и побежала к дверям. Все вскочили с мест. Ждали ран, уродства, видимого глазом ужаса, а тут — ничего. Бинты и парик полетели в распивочную, едва не задев стоявших там. Все кинулись прочь с крыльца, натываясь друг на друга, ибо на пороге гостиной, выкрикивая бессвязные объяснения, стояла фигура, похожая на человека вплоть до воротника пальто, а выше не было ничего. Решительно ничего!

Жители Айпинга услышали крики и шум, доносившиеся из трактира «Кучер и кони», и увидели, как оттуда стремительно выбегают посетители. Они увидели, как миссис Холл упала и как мистер Тедди Хенфри подпрыгнул, чтобы не споткнуться о нее. Потом они услышали истошный крик Милли, которая, выскочив из кухни на шум, неожиданно наткнулась на безголового незнакомца. Крик сразу оборвался.

После этого все, кто был на улице — продавец сладостей, владелец балагана для метания в цель и его помощник, хозяин качелей, мальчишки и девчонки, деревенские франты, местные красотики, старики в блузах и цыгане в фартуках, — ринулись к трактиру. Не прошло и минуты, как перед заведением миссис Холл собралось человек сорок, толпа быстро росла, все шумели, толкались, орали, вскрикивали, задавали вопросы, строили догадки. Никто никого

не слушал, и все говорили сразу — настоящее столпотворение! Несколько человек поддерживали миссис Холл, которую подняли с земли почти без памяти. Среди общего смятения один из очевидцев, стараясь перекричать всех, давал ошеломляющие показания.

- Оборотень!
- Что же он натворил?
- Ранил служанку.
- Кажется, кинулся на них с ножом.
- Не так, как говорится, а в самом деле без головы!
- Говорят вам, нет головы на плечах!
- Пустяки, наверное, какой-нибудь фокус.
- Как снял он бинты...

Стараясь заглянуть в открытую дверь, толпа образовала живой клин, острие которого, направленное в дверь трактира, составляли самые отчаянные смельчаки.

— Он стоит на пороге. Вдруг девушка как вскрикнет, он обернулся, а девушка бежать. Он за ней. Минутное дело — уж он идет обратно, в одной руке — нож, в другой — краюха хлеба. Остановился и будто глядит. Вот только сейчас. Он вошел в эту самую дверь. Говорят вам: головы у него совсем нет. Приди вы на минуточку раньше, вы бы сами...

В задних рядах произошло движение. Рассказчик замолчал и посторонился, чтобы дать дорогу небольшой процессии, которая с весьма воинственным видом направлялась к дому; во главе ее шел мистер Холл, очень красный, с решительным видом, далее мистер Бобби Джефферс, констебль, и, наконец, мистер Уоджерс, из осторожности державшийся позади. У них был приказ об аресте незнакомца.

Им наперебой сообщали последние новости — один кричал одно, другой — совсем другое.

— С головой он там или без головы, — сказал мистер Джефферс, — а я получил приказ арестовать его, и приказ этот я выполняю.

Мистер Холл поднялся на крыльцо, направился прямо к двери гостиной и распахнул ее.

- Констебль, — сказал он, — исполняйте свой долг.

Джефферс вошел первый, за ним — Холл и последним — Уоджерс. В полумраке они разглядели безголовую фигуру с недоеденной коркой хлеба в одной руке и с куском сыра в другой; обе руки были в перчатках.

— Вот он, — сказал Холл.

— Это еще что? — раздался сердитый возглас из пустого пространства над воротником.

— Таких, как вы, я еще не видывал, сударь, — сказал Джефферс. — Но есть ли у вас голова или нет, в приказе сказано: «Препроводить», — а долг службы прежде всего...

— Не подходите! — крикнул незнакомец, отступая на шаг.

В одно мгновение он бросил хлеб и сыр на пол, и мистер Холл едва успел вовремя убрать нож со стола. Незнакомец снял левую перчатку и ударил ею Джефферса по лицу. Джефферс сразу, оборвав свои разъяснения относительно смысла приказа, схватил одной рукой кисть невидимой руки, а другой сдавил невидимое горло. Тут он получил здоровый пинок по ноге, заставивший его вскрикнуть, но добычи своей он не выпустил. Холл через стол передал нож Уоджерсу, который, желая помочь Джефферсу, действовал, так сказать, в качестве голкипера. В яростной схватке противники наткнулись на стул, он с грохотом отлетел в сторону, и оба упали на пол.

— Хватайте его за ноги, — прошипел сквозь зубы Джефферс.

Мистер Холл, попытавшийся выполнить его распоряжение, получил сильный удар в грудь и на минуту выбыл из строя, а мистер Уоджерс, видя, что безголовый незнакомец извернулся и начал одолевать Джефферса, попятился с ножом в руках к двери, где столкнулся с мистером Хакстерсом и сиддербриджским извозчиком, спешившими на выручку блюстителю закона и порядка. В это самое время с полки посыпались бутылки, и комната наполнилась едкой вонью.

— Сдаюсь! — крикнул незнакомец, несмотря на то что подмял под себя Джефферса. Он встал, тяжело дыша, без головы и без рук, ибо во время борьбы стянул обе перчатки.

— Все равно ничего не выйдет, — сказал он, еле переводя дух.

В высшей степени странно было слышать голос, исходящий как бы из пустого пространства, но жители Сассекса, вероятно, самые трезвые люди на свете. Джефферс также встал и вынул из кармана пару наручников. Но тут он остановился в полном недоумении.

— Вот так штука! — сказал он, смутно начиная сознавать несообразность всего происходящего. — Черт возьми! Похоже, что они без надобности.

Незнакомец провел пустым рукавом по пиджаку, и пуговицы, словно по волшебству, расстегнулись. Затем он сказал что-то о своих ногах и нагнулся. По-видимому, он трогал свои башмаки и носки.

— Постойте, — воскликнул вдруг Хакстерс. — Ведь это совсем не человек! Тут только пустая одежда. Посмотрите-ка, можно заглянуть в воротник, и подкладку пиджака видно. Я могу просунуть руку...

С этими словами он протянул руку. Казалось, он наткнулся на что-то в воздухе, ибо тотчас же с криком отдернул ее.

— Я бы вас попросил держать свои пальцы подальше от моих глаз! — раздалось из пустоты слова, произнесенные яростным тоном. — Суть в том, что я весь тут — с головой, руками, ногами и всем прочим, но только я невидимка. Это чрезвычайно неудобно, но ничего не поделаешь. Однако это обстоятельство еще не дает права каждому дураку в Айпинге тыкать в меня руками.

Перед ним стоял, подбоченясь, костюм, весь расстегнутый и свободно висящий на невидимой опоре.

Тем временем с улицы вошли еще несколько мужчин, и в комнате сталолюдно...

— Что? Невидимка? — сказал Хакстерс, не обращая внимания на оскорбительный тон незнакомца. — Такого же не бывает.

— Вам это может показаться странным, но ведь преступного тут ничего нет. На каком основании на меня набрасывается констебль?

— А, это совсем другое дело, — сказал Джефферс. — Правда, здесь темновато, и видеть вас трудно, но у меня есть приказ о вашем аресте, и приказ по всей форме. Вы подлежите аресту не за то, что вы невидимка, а по подозрению в краже со взломом. Неподалеку отсюда был ограблен дом и украдены деньги.

— Ну?

— Некоторые обстоятельства указывают...

— Вздор! — воскликнул Невидимка.

— Надеюсь, что так, сударь. Но я получил приказ.

— Хорошо, — сказал незнакомец, — я пойду с вами. Пойду. Но без наручников.

— Так полагается, — сказал Джефферс.

— Без наручников, — упорствовал незнакомец.

— Нет уж, извините, — сказал Джефферс.

Вдруг фигура Невидимки осела на пол, и, прежде чем кто-либо успел сообразить, что происходит, башмаки, брюки и носки полетели под стол. Затем Невидимка вскочил и сбросил с себя пиджак.

— Стой, стой! — закричал Джефферс, вдруг сообразив, в чем дело. Он схватился за жилетку, та стала сопротивляться; затем оттуда выскочила рубашка, и в руках у Джефферса остался пустой жилет. — Держите его! — крикнул Джефферс. — Стоит ему только раздеться!..

— Держи его! — закричали все и бросились на мелькавшую в воздухе белую рубашку — все, что осталось видимого от незнакомца.

Рукав рубашки нанес Холлу сильнейший удар по лицу, что пресекло его решительную атаку и толкнуло его назад, прямо на Тутсома, причетника; в тот же миг рубашка приподнялась в воздухе, где она стала извиваться, как всякая рубашка, которую снимают через голову, Джефферс крепко ухватился за рукав, но этим только помог снять ее. Что-то из воздуха ударило его в нижнюю челюсть; он тотчас выхватил свою дубинку и, размахнувшись изо всей мочи, ударил Тедди Хенфри прямо по макушке.

— Берегись! — кричали все, наугад рассыпая удары по воздуху. — Держи его! Заприте дверь! Не выпускайте! Я что-то поймал! Вот он!

Началось настоящее вавилонское столпотворение. Ту-маки, казалось, сыпались на всех сразу, и мудрый Сэнди Уоджерс, чья сообразительность обострилась благодаря сокрушительному удару, который расквасил ему нос, отворил дверь и первый выбежал из комнаты. Все тотчас же последовали за ним. В дверях началась страшная давка. Удары продолжали сыпаться. Сектанту Фипсу выбили передний зуб, а Генри поранили ушную раковину. Джефферс получил удар в подбородок и, обернувшись, ухватился за что-то невидимое, втиснувшееся в суматохе между ним и Хакстерсом. Он нащупал мускулистую грудь, и в ту же минуту весь клубок борющихся, разгоряченных людей выкатился в коридор.

— Поймал! — крикнул Джефферс, задыхаясь. Но выпуская из рук невидимого врага, весь багровый, со вздувшимися венами, он кружил в толпе, расступавшейся перед этим странным поединком. Наконец все скатились с крыльца на землю. Джефферс закричал придушенным голосом, все еще сжимая в объятиях что-то невидимое и энергично работая коленом, потом зашатался и упал навзничь, грохнувшись затылком о камни. Только тогда он разжал пальцы.

Раздались крики: «Держи его!», «Невидимка!». Какой-то молодой человек не из Айпинга, чьего имени так и не удалось установить, подбежал, схватил что-то, но тут же выпустил из рук и упал на распростертое тело констебля. Посреди улицы вскрикнула едва не сбитая с ног женщина; собака, видимо, получившая пинок, завизжала и с воем кинулась во двор к Хакстерсу. Этим и закончился побег Невидимки. С минуту толпа стояла изумленная и взволнованная, затем бросилась врассыпную, словно палая листва, развеянная порывом ветра.

Только Джефферс лежал неподвижно, обратив лицо к небу и согнув колени.

Глава 8

МИМОХОДОМ

Восьмая глава необычайно коротка. В ней рассказывается о том, как Джиббинс, местный натуралист-любитель, дремал на холмике в полной уверенности, что по крайней мере на две мили окрест нет ни души, и вдруг услышал совсем близко от себя шаги какого-то человека, который кашлял, чихал и отчаянно ругался; обернувшись, он не увидел никого. И тем не менее голос раздавался вполне явственно. Невидимый прохожий продолжал ругаться той отборной витиеватой бранью, по которой сразу можно узнать образованного человека. Голос поднялся до самых высоких нот, потом стал тише и, наконец, совсем замер, удалившись, как показалось Джиббинсу, по направлению к Эддердину. Последнее громкое чиханье — и все стихло. Джиббинсу ничего не было известно об утренних событиях, но явление это до того поразило и смутило его, что все его философское спокойствие исчезло. Вскочив, он со всей быстротой, на какую был способен, спустился с холма и направился в селение.

Глава 9

МИСТЕР ТОМАС МАРВЕЛ

Чтобы получить представление о мистере Томасе Марвеле, вы должны вообразить себе человека с толстым дряблым лицом, с широким длинным носом, слюнявым подвижным ртом и растущей вкривь и вкось щетинистой бородой. Он был явно предрасположен к полноте, что было особенно заметно благодаря очень коротким конечностям. Он носил потрепанный шелковый цилиндр, а то, что на самых ответственных частях туалета вместо пуговиц красовались бечевки и ботиночные шнурки, свидетельствовало, что он закоренелый холостяк.

Мистер Томас Марвел сидел, спустив ноги в канаву, у дороги, ведущей к Эддердину, примерно в полутора милях от Айпинга. На ногах у него не было ничего, кроме рваных носков; вылезшие из дыр большие пальцы ног, широкие и приподнятые, напоминали уши насторожившейся собаки. Неторопливо — он все делал не торопясь — Томас Марвел рассматривал башмаки, которые собирался примерить. Это были очень крепкие башмаки, какие ему давно уже не попадались, но они оказались ему слишком велики; между тем старые башмаки его, вполне подходящие для сухой погоды, не годились для сырой, так как у них была слишком тонкая подошва. Мистер Марвел терпеть не мог свободной обуви, но он не выносил и сырости. Собственно говоря, он еще не установил, что ему неприятнее — просторная обувь или сырость, — но день был погожий, других дел не предвиделось, и он решил поразмыслить. Поэтому он поставил на землю все четыре башмака, расположив их в виде живописной группы, и стал смотреть на них. Глядя, как они стоят среди буйно разросшегося репейника, он вдруг решил, что обе пары очень безобразны. Он нисколько не удивился, услышав позади себя чей-то голос.

— Как-никак обувь, — сказал Голос.

— Это пожертвованная обувь, — сказал мистер Томас Марвел, склонив голову набок и с неудовольствием глядя на башмаки. — И я, черт возьми, не могу даже решить, какая из этих пар хуже.

— Гм... — сказал Голос.

— Я носил обувь и похуже. По правде говоря, мне случалось обходиться и совсем без нее. Но таких наглых уродов, если можно так выразиться, я не носил никогда. Давно уже подыскиваю себе башмаки, потому что мои мне осточертели. Они крепкие, что и говорить. Но человек, который постоянно на ногах, все время видит свои башмаки. И, поверите ли, сколько я ни старался, во всей округе не мог достать других башмаков, кроме этих. Вы только взгляните! А ведь, вообще-то говоря, в здешней округе обувь хорошая.

Только мое уж счастье такое. Я лет десять ношу здешнюю обувь. И вот какую дрянь мне подсунули.

— Это отвратительная округа, — сказал Голос, — и народ здесь прескверный.

— Верно ведь? — сказал Томас Марвел. — Ну и обувь! Чтоб она пропала!

С этими словами он через плечо покосился вправо, чтобы посмотреть на обувь собеседника и сравнить ее со своей, но, к величайшему его изумлению, там, где он ожидал увидеть пару башмаков, не оказалось ни башмаков, ни ног. Он посмотрел через левое плечо, но и там не обнаружил ни башмаков, ни ног. Это ошеломило его.

— Где же вы? — спросил Томас Марвел, поворачиваясь на четвереньках. Перед ним расстилалась пустая холмистая равнина, только далекие кусты вереска качались на ветру.

— Пьян я, что ли? — сказал Томас Марвел. — Померещилось мне? Или я сам с собой разговаривал? Что за черт...

— Не пугайтесь, — сказал Голос.

— Оставьте, пожалуйста, ваши шутки! — воскликнул Томас Марвел. — Где вы? «Не пугайтесь», — скажите на милость!

— Не пугайтесь, — повторил Голос.

— Ты сам сейчас испугаешься, болван ты этакий! — сказал Томас Марвел. — Где ты? Вот я до тебя доберусь.

Молчание.

— Под землей ты, что ли? — спросил Томас Марвел.

Ответа не было. Томас Марвел продолжал стоять в одних носках, в распахнутом пиджаке, и лицо его выражало полное недоумение.

«Фю-ить», — раздался вдали свист.

— Вот тебе и «фю-ить». Что вы, в самом деле, дурачитесь? — сказал Томас Марвел.

Местность была безлюдная. В какую бы сторону он ни поглядел, никого не было видно. Дорога с глубокими канавами, окаймленная рядами белых придорожных столбов, гладкая и пустынная, тянулась на север и на юг, в безоблачном небе тоже ничего не было заметно, кроме пеночки.

— С нами крестная сила! — воскликнул Томас Марвел, застегивая пиджак. — Все водка проклятая. Так я и знал.

— Это не водка, — сказал Голос. — Не волнуйтесь.

— Ох! — простонал Марвел, побледнев. — Все водка, — беззвучно повторили его губы. Он постоял немного, мрачно глядя прямо перед собой, потом стал медленно поворачиваться. — Готов поклясться, что слышал голос, — прошептал он.

— Конечно, слышали.

— Вот опять, — сказал Марвел, закрывая глаза и трагическим жестом хватаясь за голову. Но тут его вдруг взяли за шиворот и так встряхнули, что у него совсем помутилось в голове.

— Брось дурить, — сказал Голос.

— Я рехнулся... — сказал Марвел. — Ничего не поможет. И все из-за проклятых башмаков. Прямо-таки рехнулся! Или это привидение?..

— Ни то, ни другое, — сказал Голос. — Послушай...

— Рехнулся! — повторил Марвел.

— Да погоди же! — сказал Голос, еле сдерживая раздражение.

— Ну? — сказал Марвел, испытывая странное ощущение, как будто кто-то коснулся пальцем его груди.

— Ты думаешь, я тебе только почудился, да?

— А как же иначе? — ответил Томас Марвел, почесывая затылок.

— Отлично, — сказал Голос. — В таком случае я буду швырять в тебя камнями, пока ты не убедишься в противном.

— Да где же ты?

Голос не ответил. Свист — и камень, по-видимому пущенный из воздуха, пролетел у самого плеча мистера Марвела. Обернувшись, мистер Марвел увидел, как другой камень, описав дугу, взлетел вверх, повис на секунду в воздухе и затем полетел к его ногам с почти неуловимой быстротой. Он был до того поражен, что даже не попробовал увернуться. Камень, ударившись о голый палец ноги, отлетел в канаву. Томас Марвел подскочил и взвыл от боли. Потом кинул-

ся бежать, но споткнулся обо что-то и, перекувырнувшись, очутился в сидячем положении.

— Ну-с, что скажешь теперь? — спросил Голос, и третий камень, описав дугу, взлетел вверх и повис в воздухе над бродягой. — Что я такое? Воображение?

Марвел вместо ответа встал на ноги, но немедленно был снова брошен на землю. С минуту он лежал, не двигаясь.

— Сиди смиренно, — сказал Голос, — не то я разобью тебе камнем голову.

— Ну и дела! — сказал мистер Марвел, садясь и потирая ушибленную ногу, но не сводя глаз с камня. — Ничего не понимаю. Камни сами летают. Камни разговаривают. Не кидайся. Сгинь. Мне крышка.

Камень упал на землю.

— Все очень просто, — сказал Голос. — Я невидимка.

— Расскажите что-нибудь поновее, — сказал мистер Марвел, охая и корчась от боли. — Где вы прячетесь, как вы это делаете? Не могу догадаться. Сдаюсь.

— Я невидимка, только и всего. Понимаешь ты или нет? — сказал Голос.

— Да это ясней ясного. И нечего, мистер, злиться. А теперь скажите-ка лучше, как вы прячетесь.

— Я невидимка, в этом вся суть. Пойми ты...

— Но где же вы? — прервал его Марвел.

— Да тут, перед тобой, в пяти шагах.

— Рассказывай! Я не слепой. Еще скажешь, что ты воздух. Я ведь не какой-нибудь неуч...

— Да, я воздух. Ты смотришь сквозь меня.

— Что? И в тебе так-таки ничего нет? Один только болтливый голос и все?

— Я такой же человек, как все, из плоти и крови, мне нужно есть, пить и прикрыть свою наготу. Но я невидимка. Понятно? Невидимка. Это очень просто. Невидимый человек.

— Настоящий человек?

— Да.

— Ну, если так, — сказал Марвел, — дайте-ка мне руку. Это будет все-таки на что-то похоже... Ох! — восклик-

нул он вдруг. — Как вы меня напугали! Надо же так вцепиться!

Он ощупал руку, которая стиснула его кисть, затем нерешительно ощупал плечо, мускулистую грудь, бороду. Лицо его выражало крайнее изумление.

— Здорово! — сказал он. — Это почище петушиного боя. Просто поразительно. Я могу увидеть сквозь вас зайца в полумиле отсюда. А вас самого нисколько не видеть... Впрочем...

Тут Марвел стал внимательно всматриваться в пространство, казавшееся пустым.

— Скажите, вы не ели хлеб с сыром? — спросил он, не выпуская невидимой руки.

— Правильно. Эта пища еще не усвоена организмом.

— А-а, — сказал мистер Марвел. — Все-таки это странно.

— Право же, это далеко не так странно, как вам кажется.

— Для моего скромного разума это достаточно странно, — сказал Томас Марвел. — Но как вы это устраиваете? Как вам, черт возьми, удается?

— Это слишком длинная история. И кроме того...

— Я просто в себя не могу прийти, — сказал Марвел.

— Я хочу тебе вот что сказать: я нуждаюсь в помощи, — меня довели до этого. Я наткнулся на тебя неожиданно. Шел взбешенный, голый, обессиленный. Готов был убить... И я увидел тебя...

— Господи! — вырвалось у Марвела.

— Я подошел к тебе сзади... подумал и пошел дальше...

Лицо мистера Марвела весьма красноречиво выражало его чувства.

— Потом остановился. «Вот, подумал я, — такой же отверженный, как я. Вот человек, который мне нужен». Я вернулся и направился к тебе. И...

— Господи! — сказал мистер Марвел. — У меня голова идет кругом. Позвольте спросить: как же это так? Невидимка! И какая вам нужна помощь?

— Я хочу, чтобы ты помог мне достать одежду, кров и еще кое-что... Всего этого у меня нет уже давно. Если же ты не хочешь... Но ты поможешь мне, должен помочь!

— Пойдите, — сказал Марвел. — Дайте мне собраться с мыслями. Нельзя же так — обухом по голове. И не трогайте меня! Дайте прийти в себя. Ведь вы чуть не перебили мне палец. Все это так нелепо: пустые холмы, пустое небо. На много миль кругом ничего не видно, кроме красот природы. И вдруг голос. Голос с неба. И камни. И кулак. Ах ты, господи!

— Ну, нечего нюни распускать, — сказал Голос. — Делай лучше то, что я приказываю.

Марвел надул щеки, и глаза его стали совсем круглыми.

— Я остановил свой выбор на тебе, — сказал Голос, — ты единственный человек, если не считать нескольких деревенских дураков, который знает, что на свете есть невидимка. Ты должен мне помочь. Помогите мне, и я многое для тебя сделаю. В руках человека-невидимки большая сила. — Он остановился и громко чихнул. — Но если ты меня выдашь, — продолжал он, — если ты не сделаешь то, что я прикажу...

Он замолчал и крепко стиснул плечо Марвела. Тот взвыл от ужаса.

— Я не собираюсь выдавать вас, — сказал он, стараясь отодвинуться от Невидимки. — Об этом и речи быть не может. С радостью вам помогу. Скажите только, что я должен делать. (Господи!) Все, что пожелаете, я сделаю с величайшим удовольствием.

Глава 10

МИСТЕР МАРВЕЛ В АЙПИНГЕ

После того как паника немного улеглась, жители Айпинга стали прислушиваться к голосу рассудка. Скептицизм внезапно поднял голову — правда, несколько шаткий, неуверенный, но все же скептицизм. Ведь не верить в существование Невидимки было куда проще, а тех, кто видел, как он рассеялся в воздухе, или почувствовал на себе силу его кулаков, можно было пересчитать по пальцам. К то-

му же один из очевидцев, мистер Уоджерс, отсутствовал, он заперся у себя в доме и никого не пускал, а Джефферс лежал без чувств в трактире «Кучер и кони». Великие, необычайные идеи, выходящие за пределы опыта, часто имеют меньше власти над людьми, чем малозначительные, но зато вполне конкретные соображения. Айпинг разукрасился флагами, жители разрядились. Ведь к празднику готовились целый месяц, его предвкушали. Вот почему несколько часов спустя даже те, кто верил в существование Невидимки, уже предавались развлечениям, утешая себя мыслью, что он исчез навсегда; что же касается скептиков, то для них Невидимка превратился в забавную шутку. Как бы то ни было, среди тех и других царил необычайное веселье.

На Хайсменском лугу разбили палатку, где миссис Бантинг и другие дамы приготавливали чай, а вокруг ученики воскресной школы бегали взапуски по траве и играли в разные игры под шумным руководством vicария, мисс Касс и мисс Сэкбат. Правда, чувствовалось какое-то легкое беспокойство, но все были настолько благоразумны, что скрывали свой страх. Большим успехом у молодежи пользовался наклонно натянутый канат, по которому, держась за блок, можно было стремглав слететь вниз, на мешок с сеном, лежавший у другого конца веревки. Не меньшим успехом пользовались качели, метание кокосовых орехов и карусель с паровым органом, непрерывно наполнявшим воздух пронзительным запахом масла и не менее пронзительной музыкой. Члены клуба, побывавшие утром в церкви, щеголяли разноцветными значками, а большинство молодых людей разукрасили свои котелки яркими лентами. Старик Флетчер, у которого были несколько суровые представления о праздничном отдыхе, стоял на доске, положенной на два стула, как это можно было видеть сквозь цветы жасмина на подоконнике или через открытую дверь (как кому угодно было смотреть), и белил потолок своей столовой.

Около четырех часов в Айпинге появился незнакомец; он пришел со стороны холмов. Это был невысокий толстый человек в чрезвычайно потрепанном цилиндре, сильно за-

пыхавшийся. Он то втягивал щеки, то надувал их до отказа. Лицо у него было в красных пятнах, выражало страх, и двигался он хотя и быстро, но явно неохотно. Он завернул за угол церкви и направился к трактиру «Кучер и кони». Среди прочих обратил на него внимание и старик Флетчер, который был поражен необычайно взволнованным видом незнакомца и до тех пор смотрел ему вслед, пока известка, набранная на кисть, не затекла ему в рукав.

Незнакомец, по свидетельству хозяина тира, вслух разговаривал сам с собой. То же заметил и мистер Хакстерс. Он остановился у крыльца гостиницы и, по словам мистера Хакстерса, по-видимому, долго колебался, прежде чем решился войти в дом. Наконец он поднялся по ступенькам, повернул, как это успел заметить мистер Хакстерс, налево и открыл дверь в гостиную. Мистер Хакстерс услышал голоса изнутри, а также оклики из распивочной, указывавшие незнакомцу на его ошибку.

— Не туда! — сказал Холл.

Тогда незнакомец закрыл дверь и вошел в распивочную.

Через несколько минут он снова появился на улице, вытирая губы рукой, с видом спокойного удовлетворения, показавшимся Хакстерсу напускным. Он немного постоял, огляделся, а затем мистер Хакстерс увидел, как он, крадучись, направился к воротам, которые вели во двор, куда выходило окно гостиной. После некоторого колебания незнакомец прислонился к створке ворот, вынул короткую глиняную трубку и стал набивать ее табаком. Руки его дрожали. Наконец он кое-как раскурил трубку и, скрестив руки, начал дымить, приняв позу скучающего человека, чему отнюдь не соответствовали быстрые взгляды, которые он то и дело бросал во двор.

Все это мистер Хакстерс видел из-за жестянок, стоявших в окне табачной лавочки, и странное поведение незнакомца побудило его продолжать наблюдение.

Вдруг незнакомец порывисто выпрямился, сунул трубку в карман и исчез во дворе. Тут мистер Хакстерс, решив, что на его глазах совершается кража, выскочил из-за прилавка

и выбежал на улицу, чтобы перехватить вора. В это время незнакомец снова появился в сбитом набекрень цилиндре, держа в одной руке большой узел, завернутый в синюю скатерть, а в другой — три книги, связанные, как выяснилось впоследствии, подтяжками викария. Увидев Хакстера, он охнул и, круто повернув влево, бросился бежать.

— Держи вора! — крикнул Хакстерс и пустился вдогонку.

Последующие ощущения мистера Хакстера были сильны, но мимолетны. Он видел, как вор бежал прямо перед ним по направлению к церкви. Он запомнил мелькнувшие впереди флаги и толпу гуляющих, причем только двое или трое оглянулись на его крик.

— Держи вора! — завопил он еще громче.

Но не пробежал он и десяти шагов, как что-то ухватило его за ноги, и вот уже он не бежит, а пулей летит по воздуху! Не успел он опомниться, как уже лежал на земле. Мир рассыпался на миллионы кружащихся искр, и дальнейшие события перестали его интересовать.

Глава 11

В ТРАКТИРЕ «КУЧЕР И КОНИ»

Чтобы ясно понять все, что произошло в трактире, необходимо вернуться назад, к тому моменту, когда мистер Марвел впервые появился перед окном мистера Хакстера.

В это самое время в гостиной находились мистер Касс и мистер Бантинг. Они самым серьезным образом обсуждали утренние события и с разрешения мистера Холла тщательно исследовали вещи, принадлежавшие Невидимке. Джефферс несколько оправился от своего падения и ушел домой, сопровождаемый заботливыми друзьями. Разбросанная по полу одежда Невидимки была убрана миссис Холл, и комната приведена в порядок. У окна, на столе, за которым приезжий обыкновенно работал, Касс сразу же наткнулся на три рукописные книги, озаглавленные «Дневник».

— Дневник! — воскликнул Касс, кладя все три книги на стол. — Теперь уж мы, во всяком случае, кое-что узнаем.

Викарий подошел и оперся руками на стол.

— Дневник, — повторил Касс, усаживаясь на стул. Он подложил две книги под третью и открыл верхнюю. — Гм... На заглавном листе никакого названия. Фу-ты!.. Цифры. И чертежи.

Викарий обошел стол и заглянул через плечо Касса.

Касс переворачивал страницу одну за другой, и лицо его выражало горькое разочарование.

— Эхма! Тут одни цифры, Бантинг!

— Нет ли тут диаграмм? — спросил Бантинг. — Или рисунков, проливающих свет...

— Посмотрите сами, — ответил Касс. — Тут и математика, и по-русски или еще на каком-то языке (если судить по буквам), а кое-что написано и по-гречески. Ну, а греческий-то, я думаю, вы уж разберете...

— Конечно, — сказал мистер Бантинг, вынимая очки и протирая их. Он сразу почувствовал себя крайне неловко, ибо от греческого языка в голове у него осталась самая малость. — Да, греческий, конечно, может дать ключ...

— Я сейчас покажу вам место...

— Нет, лучше уж я просмотрю сначала все книги, — сказал мистер Бантинг, все еще протирая очки. — Сначала, Касс, необходимо получить общее представление, а потом уж, знаете, можно будет поискать ключ.

Он кашлянул, медленно надел очки и мысленно пожелал, чтобы что-нибудь случилось и предотвратило его позор. Затем он взял книгу, которую ему передал Касс.

А затем действительно случилось нечто.

Дверь вдруг открылась.

Касс и викарий вздрогнули от неожиданности, но, подняв глаза, с облегчением увидели красную физиономию под потрепанным цилиндром.

— Распивочная? — прохрипела физиономия, тараща глаза.

— Нет, — ответили в один голос оба джентльмена.

— Это напротив, милейший, — сказал мистер Бантинг.

— И, пожалуйста, закройте дверь, — добавил с раздражением мистер Касс.

— Ладно, — сказал вошедший вполголоса. — Есть! — прохрипел он. — Полный назад! — скомандовал он сам себе, исчезая и закрывая дверь.

— Матрос, наверное, — сказал мистер Бантинг. — Забавный народ. «Полный назад» — слышали? Это, должно быть, морской термин, означающий выход из комнаты.

— Вероятно, так, — сказал Касс. — Вот только нервы у меня ни к черту. Я даже подскочил, когда дверь вдруг открылась.

Мистер Бантинг снисходительно улыбнулся, словно он сам не подскочил точно так же.

— А теперь, — сказал он со вздохом, — займемся книгами.

— Одну секунду, — сказал Касс, вставая и запирая дверь. — Теперь, я думаю, нам никто не помешает.

В этот миг кто-то фыркнул.

— Одно не подлежит сомнению, — заявил мистер Бантинг, придвигая свое кресло к креслу Касса. — В Айпинге за последние дни имели место какие-то странные события, весьма странные. Я, конечно, не верю в эту нелепую басню о Невидимке...

— Это невероятно, — сказал Касс, — невероятно. Но факт тот, что я видел... да, да, я заглянул в рукав...

— Но вы уверены... верно ли, что вы видели? Быть может, там было зеркало... Ведь вызвать оптический обман очень легко. Я не знаю, видели вы когда-нибудь настоящего фокусника...

— Не будем спорить, — сказал Касс. — Ведь мы уже обо всем этом толковали. Обратимся к книгам... Ага, вот это, по-моему, написано по-гречески. Ну, конечно, это греческие буквы.

Он указал на середину страницы. Мистер Бантинг слегка покраснел и склонился над книгой: с его очками, очевидно, опять что-то случилось. Его познания в греческом

языке были весьма слабы, но он полагал, что все прихожане считают его знатоком и греческого, и древнееврейского. И вот... Неужели сознаться в своем невежестве? Или сочинить что-нибудь? Вдруг он почувствовал какое-то странное прикосновение к своему затылку. Он попробовал поднять голову, но встретил непреодолимое препятствие.

Он испытывал непонятное ощущение тяжести, как будто чья-то крепкая рука пригибала его книзу, так что подбородок коснулся стола.

— Не шевелитесь, милейшие, — раздался шепот, — или я размозжу вам головы.

Он взглянул в лицо Касса, близко придвинувшееся к нему, и увидел на нем отражение собственного испуга и безмерного изумления.

— Я очень сожалею, что приходится принимать крутые меры, — сказал Голос, — но это неизбежно.

— С каких это пор вы научились залезать в частные записи исследователей? — сказал Голос, и два подбородка одновременно ударились о стол, а две пары челюстей одновременно щелкнули.

— С каких это пор вы научились вторгаться в комнату человека, попавшего в беду? — И снова удар по столу и щелканье зубов.

— Куда вы дели мое платье?

— А теперь слушайте, — сказал Голос. — Окна закрыты, а из дверного замка я вынул ключ. Человек я очень сильный, и под рукой у меня кочерга, не говоря уж о том, что я невидим. Не подлежит ни малейшему сомнению, что, если б я только захотел, мне не стоило бы никакого труда убить вас обоих и преспокойно удалиться. Понятно? Так вот. Обещаете ли вы не делать глупостей и исполнить все, что я вам прикажу, если я вас не трону?

Викарий и доктор посмотрели друг на друга, и доктор скорчил гримасу.

— Обещаем, — сказал викарий.

— Обещаем, — сказал доктор.

Тогда Невидимка выпустил их, и они выпрямились. Лица у обоих были очень красные, и они усиленно вертели головами.

— Попрошу вас оставаться на местах, — сказал Невидимка. — Видите, вот кочерга. Когда я вошел в эту комнату, — продолжал он, по очереди поднося кочергу к носу своих собеседников, — я не ожидал встретить здесь людей. И, кроме того, я надеялся найти, кроме своих книг, еще платье. Где оно?.. Нет, нет, не вставайте. Я вижу: его унесли отсюда. Хотя дни теперь стоят достаточно теплые для того, чтобы невидимка мог ходить нагишом, по вечерам все же довольно прохладно. Поэтому я нуждаюсь в одежде и в некоторых других вещах. Кроме того, мне нужны эти три книги.

Глава 12

НЕВИДИМКА ПРИХОДИТ В ЯРОСТЬ

Здесь необходимо снова прервать наш рассказ ввиду весьма тягостного обстоятельства, о котором сейчас пойдет речь. Пока в гостиной происходило все описанное выше и пока мистер Хакстерс наблюдал за Марвелом, курившим трубку у ворот, ярдах в двенадцати от него, в распивочной, стояли мистер Холл и мистер Хенфри; озадаченные, они обсуждали единственную айпингскую злобу дня.

Вдруг раздался сильный удар в дверь гостиной, оттуда донесся пронзительный крик, потом все смолкло.

— Эй! — воскликнул Тедди Хенфри.

— Эй! — раздалось в распивочной.

Мистер Холл усваивал происходящее медленно, но верно.

— Там что-то неладно, — сказал он, выходя из-за стойки и направляясь к двери гостиной.

Он и Тедди вместе подошли к двери с напряженным вниманием на лицах. Взгляд у них был задумчивый.

— Что-то неладно, — сказал Холл, и Хенфри кивнул головой в знак согласия.

На них пахнуло тяжелым запахом химикалий, а из комнаты послышался приглушенный разговор, очень быстрый и тихий.

— Что у вас там? — быстро спросил Холл, постучав в дверь.

Приглушенный разговор круто оборвался, на минуту наступило полное молчание, потом снова послышался громкий шепот, после чего раздался крик: «Нет, нет, не надо!» Затем поднялась возня, послышался стук падающего стула и шум короткой борьбы. И снова тишина.

— Что за черт! — воскликнул Хенфри вполголоса.

— Что у вас там? — снова поспешно спросил мистер Холл.

Викарий ответил каким-то странным, прерывающимся голосом:

— Все в порядке. Пожалуйста, не мешайте.

— Странно! — сказал Хенфри.

— Странно! — сказал Холл.

— Просят не мешать, — сказал Хенфри.

— Слышал, — сказал Холл.

— И кто-то фыркнул, — добавил Хенфри.

Они продолжали стоять у дверей, прислушиваясь. Разговор в гостиной возобновился, такой же приглушенный и быстрый.

— Я не могу, — раздался голос мистера Бантинга. — Говорю вам, я не хочу.

— Что такое? — спросил Хенфри.

— Говорит, что не хочет, — сказал Холл. — Кому это он — нам, что ли?

— Возмутительно! — послышался голос мистера Бантинга.

— Возмутительно, — повторил мистер Хенфри. — Я ясно это слышал.

— А кто сейчас говорит?

— Вероятно, мистер Касс, — сказал Холл. — Вы что-нибудь разбираете?

Они помолчали. Разговор за дверью становился все невнятной и загадочной.

— Кажется, скатерть сдирают со стола, — сказал Холл.

За стойкой появилась хозяйка. Холл стал знаками внушать ей, чтобы она не шумела и подошла к ним. Это сейчас же пробудило в его супруге дух противоречия.

— Чего это ты там стоишь и слушаешь? — спросила она. — Другого дела у тебя нет, да еще в праздничный день?

Холл пытался объясниться жестами и мимикой, но миссис Холл не желала понимать. Она упорно повышала голос. Тогда Холл и Хенфри, сильно смущенные, на цыпочках подошли к стойке и объяснили ей, в чем дело.

Сначала она вообще отказалась признать что-либо необыкновенное в том, что услышала. Потом потребовала, чтобы Холл замолчал и говорил один Хенфри. Она была склонна считать все это пустяками, — может, они просто передвигали мебель.

— Я слышал, как он сказал «возмутительно», ясно слышал, — твердил Холл.

— И я слышал, миссис Холл, — сказал Хенфри.

— Так это или нет... — начала миссис Холл.

— Тсс! — прервал ее Хенфри. — Слышите — окно?

— Какое окно? — спросила миссис Холл.

— В гостиной, — ответил Хенфри.

Все замолчали, напряженно прислушиваясь. Невидящий взор миссис Холл был устремлен на светлый прямоугольник трактирной двери, на белую дорогу и фасад лавки Хакстерса, залитый июньским солнцем. Вдруг дверь лавки распахнулась и появился сам Хакстерс, размахивая руками, с вытаращенными от волнения глазами.

— Держи вора! — крикнул он и бросился бежать наискось к воротам трактира, где и исчез.

В ту же секунду из гостиной донеслись громкий шум и хлопанье затворяемого окна.

Холл, Хенфри и все бывшие в распивочной гурьбой выбежали на улицу. Они увидели, как кто-то быстро кинулся за угол по направлению к проселочной дороге и как мистер Хакстерс совершил в воздухе сложный прыжок, закончив-

шийся падением. Толпа гуляющих застыла в изумлении, несколько человек подбежали к нему.

Мистер Хакстерс был без сознания, как определил склонившийся над ним Хенфри. А Холл с двумя работниками из трактира добежал до угла, выкрикивая что-то нечленораздельное, и они увидели, как Марвел исчез за углом церковной ограды. Они, должно быть, решили, что это и есть Невидимка, внезапно сделавшийся видимым, и пустились вдогонку. Но не успел Холл пробежать и десяти шагов, как, громко вскрикнув от изумления, отлетел в сторону и, ухватившись за одного из работников, грохнулся вместе с ним наземь. Он был сбит с ног, совсем как на футбольном поле сбивают игрока. Второй работник обернулся и, решив, что Холл просто оступился, продолжал преследование один; но тут и он свалился так же, как Хакстерс. В это время первый работник, успевший встать на ноги, получил сбоку такой удар, которым можно было бы свалить быка.

Он упал, и в эту минуту из-за угла показались люди, прибежавшие с лужайки, где происходило гулянье. Впереди всех бежал владелец тира, рослый мужчина в синей фуфайке. Он очень удивился, увидев, что на дороге нет никого, кроме трех человек, нелепо барахтающихся на земле. В ту же секунду с его ногой что-то случилось, он растянулся во всю длину и откатился в сторону, прямо под ноги следовавшего за ним брата и компаньона, отчего и тот распластался на земле. Все бежавшие следом спотыкались о них, падали кучей, валясь друг на друга, и осыпали их отборной руганью.

Когда Холл, Хенфри и работники выбежали из трактира, миссис Холл, наученная многолетним опытом, осталась сидеть за кассой. Вдруг дверь гостиной распахнулась, оттуда выскочил мистер Касс и, даже не взглянув на нее, сбежал с крыльца и понесся за угол дома.

— Держите его! — кричал он. — Не давайте ему выпустить из рук узел! Пока он держит этот узел, его можно видеть!

О существовании Марвела никто не подозревал, так как Невидимка передал тому книги и узел во дворе. Вид у ми-

стера Касса был сердитый и решительный, но в costume его кое-чего не хватало; по правде говоря, все одеяние его состояло из чего-то вроде легкой белой юбочки, которая могла бы сойти за одежду разве только в Греции.

— Держите его! — вопил он. — Он унес мои брюки! И всю одежду викария!

— Я сейчас доберусь до него! — крикнул он Хенфри, пробегая мимо распростертого на земле Хакстера и оглябая угол, чтобы присоединиться к толпе, гнавшейся за Невидимкой, но тут же был сшиблен с ног и шлепнулся на дорогу в самом неприглядном виде. Кто-то тяжело наступил ему на руку. Он взвыл от боли, попытался встать на ноги, снова был сшиблен, упал на четвереньки и наконец убедился, что участвует не в погоне, а в бегстве. Все бежали обратно. Он снова поднялся, но получил здоровый удар по уху. Шатаясь, он повернул к трактиру, перескочив через забытого всеми Хакстера, который к тому времени уже очнулся и сидел посреди дороги.

Поднимаясь на крыльцо трактира, мистер Касс вдруг услышал позади себя звук громкой оплеухи и яростный крик боли, покрывший разноголосый гам. Он узнал голос Невидимки. Тот кричал так, словно его привела в бешенство неожиданная острая боль.

Мистер Касс кинулся в гостиную.

— Бантинг, он возвращается! — крикнул он, врываясь в комнату. — Спасайтесь! Он сошел с ума!

Мистер Бантинг стоял у окна и мастерил себе костюм из каминного коврика и листа «Западно-сэррейской газеты».

— Кто возвращается? — спросил он и так вздрогнул, что чуть не растерял весь свой костюм.

— Невидимка! — ответил Касс и подбежал к окну. — Надо убираться отсюда. Он дерется как безумный! Прямо как безумный!

Через секунду он был уже на дворе.

— Господи помилуй! — в ужасе воскликнул Бантинг, не зная, на что решиться.

Но тут из коридора трактира донесся шум борьбы, и это положило конец его колебаниям. Он вылез в окно, наскоро приладил свой костюм и пустился бежать по улице со всей скоростью, на которую только были способны его толстые, короткие ножки.

Начиная с той минуты, как послышался разъяренный крик Невидимки и мистер Бантинг пустился бежать, уже невозможно установить последовательность в ходе айпингских событий. Быть может, первоначально Невидимка хотел только прикрыть отступление Марвела с платьем и книгами. Но так как он вообще не отличался кротким нравом, да еще случайно угодивший в него удар окончательно вывел его из себя, он стал сыпать ударами направо и налево, колотить всех, кто попадался под руку.

Представьте себе улицу, заполненную бегущими людьми, хлопанье дверей и драку из-за укромных местечек, куда можно было бы спрятаться. Представьте себе, как подействовала эта буря на неустойчивое равновесие доски, положенной на два стула в столовой старика Флетчера, и какая за этим последовала катастрофа. Представьте себе перепуганную парочку, застигнутую бедствием на качелях. А потом буря пронеслась, и айпингская улица, разукрашенная флагами и гирляндами, опустела: один только Невидимка продолжал бушевать среди раскиданных по земле кокосовых орехов, опрокинутых парусиновых щитов и разбросанных сластей с лотка торговца. Отовсюду доносился стук закрываемых ставней и задвигаемых засовов, и только кое-где, выдавая присутствие людей, мелькал сквозь щелку вытаращенный глаз под испуганно приподнятой бровью.

Невидимка некоторое время забавлялся тем, что бил окна в трактире «Кучер и кони», затем просунул уличный фонарь в окно гостиной миссис Грогрэм. Он же, вероятно, перерезал телеграфный провод за домиком Хиггинса на Эддердинской дороге. А затем, пользуясь своим необыкновенным свойством, бесследно исчез, и в Айпинге о нем больше не было ни слуху ни духу. Он скрылся навсегда.

Но прошло добрых два часа, прежде чем первые смельчаки решились вновь выйти на пустынную айпингскую улицу.

Глава 13

**МИСТЕР МАРВЕЛ
ХОДАТАЙСТВУЕТ ОБ ОТСТАВКЕ**

Когда начало смеркаться и жители Айпинга стали боязливо выползать из домов, поглядывая на печальные следы побоища, разыгравшегося в праздничный день, по дороге в Брэмблхерст за буковой рощей тяжело шагал коренастый человек в потрепанном цилиндре. Он нес три книги, перетянутые чем-то вроде эластичной ленты, и какие-то вещи, завязанные в синюю скатерть. Его багровое лицо выражало уныние и усталость, а в походке была какая-то судорожная торопливость. Его подгонял чей-то голос, и он то и дело корчился от прикосновения невидимых рук.

— Если ты опять удерешь, — сказал Голос, — если ты опять вздумаешь удирать...

— Господи! — простонал Марвел. — И так уж живого места на плече не осталось.

— Я тебя убью, честное слово, — продолжал Голос.

— Я и не думал удирать, — сказал Марвел, чуть не плача. — Клянусь вам. Я просто не знал, где нужно сворачивать, только и всего. И откуда я мог это знать? Мне и так досталось по первое число.

— И достанется еще больше, если ты не будешь слушаться, — сказал Голос, и Марвел сразу замолчал. Он надул щеки, и глаза его красноречиво выражали глубокое отчаяние.

— Хватит с меня, что эти ослы узнали мою тайну, а тут ты еще вздумал улизнуть с моими книгами. Счастье их, что они вовремя попрятались... Иначе... Никто не знал, что я невидим. А теперь что мне делать?

— А мне-то что делать? — пробормотал Марвел.

— Все теперь известно. В газеты еще попадет! Все будут теперь искать меня, будут настороже... — Голос крепко выругался и замолк.

Отчаяние на лице Марвела усугубилось, и он замедлил шаг.

— Ну, пошевеливайся, — сказал Голос.

Промежутки между красными пятнами на лице Марвела посерели.

— Не урони книги, болван, — сердито сказал Голос. — Одним словом, — продолжал он, — мне придется воспользоваться тобой... Правда, орудие неважное, но у меня выбора нет.

— Я жалкое орудие, — сказал Марвел.

— Это верно, — сказал Голос.

— Я самое скверное орудие, какое только вы могли избрать, — сказал Марвел. — Я слабосильный, — продолжал он. — Я очень слабый, — повторил он, не дождавшись ответа.

— Разве?

— И сердце у меня слабое. Ваше поручение я выполнил. Но, уверяю вас, мне казалось, что я вот-вот упаду.

— Да?

— У меня храбрости и силы такой нет, какие вам нужны.

— Я тебя подбодрю.

— Лучше уж не надо! Я не хочу испортить вам все дело, но это может случиться. Вдруг я струхну или растеряюсь...

— Уж постарайся, чтобы этого не случилось, — сказал Голос спокойно, но твердо.

— Лучше уж помереть, — сказал Марвел. — И ведь это несправедливо, — продолжал он. — Согласитесь сами... Мне кажется, я имею право...

— Вперед! — сказал Голос.

Марвел прибавил шаг, и некоторое время они шли молча.

— Очень тяжелая работа, — сказал Марвел.

Это замечание не возымело никакого действия. Тогда он решил начать с другого конца.

— А что мне это дает? — заговорил он снова тоном горькой обиды.

— Довольно! — гаркнул Голос. — Я тебя обеспечу. Только делай, что тебе велят. Ты отлично справишься. Хотя ты и дурак, а справишься...

— Говорю вам, мистер, я неподходящий человек для этого. Я не хочу вам противоречить, но это так...

— Заткнись, а не то опять начну выкручивать тебе руку, — сказал Невидимка. — Ты мешаешь мне думать.

Впереди сквозь деревья блеснули два пятна желтого света, и в сумраке стали видны очертания квадратной колокольни.

— Я буду держать руку у тебя на плече, — сказал Голос, — пока мы не пройдем через деревню. Ступай прямо и не вздумай дурить. А то будет худо.

— Знаю, — ответил со вздохом Марвел, — это-то я хорошо знаю.

Жалкая фигура в потрепанном цилиндре прошла со своей ношей по деревенской улице мимо освещенных окон и скрылась во мраке за околицей.

Глава 14

В ПОРТ-СТОУ

На следующий день в десять часов утра Марвел, небритый, грязный, растрепанный, сидел на скамье у входа в трактирчик в предместье Порт-Стоу; руки он засунул в карманы, и вид у него был крайне усталый, расстроенный и тревожный. Рядом с ним лежали книги, связанные уже веревкой. Узел был оставлен в лесу за Брэмблхерстом в связи с переменой в планах Невидимки. Марвел сидел на скамье, и, хотя никто не обращал на него ни малейшего внимания, волнение его все усиливалось. Руки его то и дело беспокойно шарили по многочисленным карманам.

После того как он просидел так добрый час, из трактира вышел пожилой матрос с газетой в руках и присел рядом с Марвелом.

— Хороший денек, — сказал матрос.

Марвел стал испуганно озираться.

— Превосходный, — подтвердил он.

— Погода как раз по сезону, — продолжал матрос тоном, не допускавшим возражений.

— Вот именно, — согласился Марвел.

Матрос вынул зубочистку и несколько минут был занят исключительно ею. А между тем взгляд его был устремлен на Марвела и внимательно изучал запыленную фигуру и лежавшие рядом книги. Когда матрос подходил к Марвелу, ему показалось, что у того в кармане звенели деньги. Его поразило несоответствие между внешним видом Марвела и этим позвякиванием. И он заговорил о том, что владело его воображением.

— Книги? — спросил он вдруг, усердно орудуя зубочисткой.

Марвел вздрогнул и посмотрел на связку, лежавшую рядом.

— Да, — сказал он, — да-да, это книги.

— Удивительные вещи можно найти в книгах, — продолжал матрос.

— Совершенно с вами согласен, — сказал Марвел.

— И не только в книгах, — заметил матрос.

— Правильно, — подтвердил Марвел. Он взглянул на своего собеседника, затем огляделся по сторонам.

— Вот, к примеру сказать, удивительные вещи иногда пишут в газетах, — начал снова матрос.

— Н-да, бывает.

— Вот и в этой газете, — сказал матрос.

— А! — сказал мистер Марвел.

— Вот здесь, — продолжал матрос, не сводя с Марвела упорного и серьезного взгляда, — напечатано про Невидимку.

Марвел скривил рот и почесал щеку, чувствуя, что у него покраснели уши.

— Чего только не выдумают! — сказал он слабым голосом. — Где это, в Австралии или в Америке?

— Ничего подобного, — возразил матрос, — здесь.

— Господи! — воскликнул Марвел, вздрогнув.

— То есть не то чтобы совсем здесь, — пояснил матрос, к величайшему облегчению мистера Марвела, — не на этом самом месте, где мы сейчас сидим, но поблизости.

— Невидимка, — сказал Марвел. — Ну, а что он делает?

— Все, — сказал моряк, внимательно разглядывая Марвела. — Все, что угодно, — добавил он.

— Я уже четыре дня не видал газет, — заметил Марвел.

— Сперва он объявился в Айпинге, — сказал матрос.

— Вот как? — сказал Марвел.

— Там он объявился в первый раз, — продолжал матрос, — а откуда он взялся, этого, видно, никто не знает. Вот: «Необыкновенное происшествие в Айпинге». И в газете сказано, что все это точно и достоверно.

— Господи! — воскликнул Марвел.

— Да уж и впрямь удивительная история. И викарий, и доктор утверждают, что видели его совершенно ясно... то есть, вернее говоря, не видели. Тут пишут, что он жил в трактире «Кучер и кони», и, верно, никто сперва не подозревал о его несчастье, а потом в трактире случилась драка, и у него с головы сорвали бинты. Тогда-то и заметили, что голова у него невидимая. Тут сказано, что его сразу же хотели схватить, да ему удалось сбросить с себя остальную одежду и скрыться. Правда, ему пришлось выдержать отчаянную борьбу, во время которой он нанес серьезные ранения достойному и почтенному констеблю мистеру Джефферсу. Вот как тут сказано. Все начистоту, а? Имена названы полностью, и все такое.

— Господи! — проговорил Марвел, беспокожно оглядываясь по сторонам и пытаясь ощупью сосчитать деньги в карманах; ему пришла в голову странная и весьма любопытная мысль. — Как все это удивительно! — сказал он.

— Правда ведь? Просто необычайно. Никогда в жизни не слышал о невидимках. Да что говорить: в наше время порой слышишь о таких вещах, что...

— И это все, что он сделал? — спросил Марвел как можно непринужденнее.

— А этого разве мало? — сказал матрос.

— Он не вернулся в Айпинг? — спросил Марвел. — Просто скрылся, и все?

— Все, — сказал матрос. — Мало вам?

— Что вы, более чем достаточно, — проговорил Марвел.

— Еще бы не достаточно, — сказал моряк, — еще бы...

— А товарищей у него не было? Ничего не пишут об этом? — с тревогой спросил Марвел.

— Неужто вам мало одного такого молодца? — спросил матрос. — Нет, слава тебе господи, он был один. — Матрос хмуρο покачал головой. — Даже подумать тошно, что он тут где-то околачивается! Он на свободе, и, как пишут в газете, по некоторым данным вполне можно предположить, что он направился в Порт-Стоу. А мы как раз тут! Это уж вам не американское чудо какое-нибудь. Вы подумайте только, что он может тут натворить! Вдруг он выпьет лишнего и вздумает броситься на вас? А если захочет грабить, кто ему помешает? Он может грабить, он может укокошить человека, может красть, может пройти сквозь полицейскую заставу так же легко, как мы с вами можем удрать от слепого. Еще легче! Слепые, говорят, замечательно хорошо слышат. А если он увидел винцо, которое ему пришлось бы по вкусу...

— Да, конечно, положение его очень выгодное, — сказал Марвел. — И...

— Правильно, — сказал матрос, — очень выгодное.

В течение всего этого разговора Марвел не переставал напряженно оглядываться по сторонам, прислушиваясь к едва слышным шагам и стараясь заметить неуловимые движения. Он, по-видимому, готов был принять какое-то важное решение.

Кашлянув в руку, он еще раз оглянулся, прислушался, потом наклонился к матросу и, понизив голос, сказал:

— Факт тот, что я случайно кое-что знаю об этом Невидимке. Из частных источников.

— Ого! — воскликнул матрос. — Вы?

— Да, — сказал Марвел. — Я.

— Вот как! — сказал матрос. — А разрешите спросить...

— Вы будете удивлены, — сказал Марвел, прикрывая рот рукой. — Это изумительно.

— Еще бы! — сказал матрос.

— Дело в том... — начал Марвел доверительным тоном. Но вдруг выражение его лица, как по волшебству, изменилось. — Ой! — простонал он и тяжело заворочался на скамье; лицо его искривилось от боли. — Ой-ой-ой! — простонал он опять.

— Что с вами? — участливо спросил матрос.

— Зубы болят, — сказал Марвел и приложил руку к щеке. Потом быстро взял книги. — Мне, пожалуй, пора, — сказал он и начал как-то странно ерзать на скамейке, удаляясь от своего собеседника.

— Но вы же собирались рассказать мне про Невидимку, — запротестовал матрос.

Марвел остановился в нерешительности.

— Утка, — сказал Голос.

— Это утка, — повторил Марвел.

— Да ведь в газете написано... — возразил матрос.

— Просто утка, — сказал Марвел. — Я знаю, кто все это выдумал. Никакого нет Невидимки. Враки.

— Как же так? Ведь в газете...

— Все враки от начала и до конца, — решительно заявил Марвел.

Матрос встал с газетой в руках и выпучил глаза. Марвел судорожно оглядывался кругом.

— Постойте, — сказал матрос, медленно и отдельно. — Вы хотите сказать...

— Да, — сказал Марвел.

— Так какого же черта вы сидели и слушали, что я болтаю? Чего же вы молчали, когда я перед вами тут дурака валял? А?

Марвел надул щеки. Матрос вдруг побагровел и сжал кулаки.

— Я тут, может, десять минут сижу и размазываю эту историю, а ты, толстомордый болван, невежа ты этакий, не мог...

— Пожалуйста, перестаньте ругаться, — сказал Марвел...

— Ругаться! Погоди-ка...

— Идем! — сказал Голос.

Марвела вдруг приподняло, завертело, и он зашагал какой-то странной, дергающейся походкой.

— Убирайся, покуда цел, — сказал матрос.

— Это мне-то убираться? — сказал Марвел. Он отступал какой-то неровной, торопливой походкой, почти скачками. Потом что-то забормотал виноватым и вместе с тем обиженным тоном.

— Старый дурак, — сказал матрос; широко расставив ноги и подбоченясь, он глядел вслед удалявшемуся Марвелу. — Вот она, газета, тут все сказано. Я тебе покажу, нахал этакий! Меня не проведешь!

Марвел ответил что-то бессвязное; потом он скрылся за поворотом, а матрос все стоял посреди дороги, пока тележка мясника не заставила его отойти. Тогда он повернул к Порт-Стоу.

— Сколько дураков на свете! — проворчал он. — Видно, хотел подшутить надо мной. Вот осел! Да ведь это в газете напечатано...

Вскоре ему пришлось услышать еще об одном удивительном событии, которое произошло совсем рядом. Это было видение «пригоршни денег» (ни больше ни меньше), путешествовавшей без видимых посредников вдоль стены на углу Сент-Майклс-Лейн. Свидетелем этого поразительного зрелища в то самое утро оказался другой матрос. Он, конечно, попытался схватить деньги, но был тут же сшиблен с ног, а когда вскочил, деньги упорхнули, как бабочка. Наш матрос склонен был, по его собственным словам, многому поверить, но это было уж слишком. Впоследствии он, однако, изменил свое мнение.

История о летающих деньгах была вполне достоверна. В этот день по всей округе, даже из великолепного филиала лондонского банка, из касс трактира и лавок — по случаю теплой погоды двери везде были открыты настежь — деньги спокойно и ловко выскакивали пригоршнями и пачками и летали по стенам и закоулкам, быстро ускользая от взоров приближающихся людей. Свое таинственное путешествие деньги заканчивали — хотя никто этого не проследил — в карманах беспокойного человека в потрепанном цилиндре, сидевшего у дверей трактира в предместье Порт-Стоу.

Глава 15

БЕГУЩИЙ ЧЕЛОВЕК

Ранним вечером доктор Кемп сидел в своем кабинете, в башенке дома, стоявшего на холме, откуда открывался вид на Бэрдок. Это была небольшая уютная комната с тремя окнами — на север, запад и юг, со множеством полок, уставленных книгами и научными журналами, и с массивным письменным столом; у северного окна стоял столик с микроскопом, стекляшками, всякого рода мелкими приборами, культурами бактерий и бутылочками, содержащими реактивы. Лампа в кабинете была уже зажжена, хотя лучи заходящего солнца еще ярко освещали небо; шторы были подняты, так как не приходилось опасаться, что кто-нибудь вздумает заглянуть в окно. Доктор Кемп был высокий, стройный молодой человек с льняными волосами и светлыми, почти белыми усами. Работе, которой он был сейчас занят, доктор придавал большое значение, рассчитывая попасть благодаря ей в члены Королевского научного общества.

Случайно подняв глаза от работы, он увидел пламенеющий закат над холмом против окна. С минуту, быть может, рассеянно прикусив кончик ручки, он любовался золотым сиянием над вершиной холма; затем внимание его привлекла маленькая черная фигурка, двигавшаяся по холму к его дому. Это был низенький человечек в цилиндре, и бежал он с такой быстротой, что ноги его так и мелькали в воздухе.

«Еще один осел, — подумал доктор Кемп. — Вроде того, который налетел на меня сегодня утром с криком: «Невидимка идет!» Не понимаю, что творится с людьми. Можно подумать, что мы живем в тринадцатом веке».

Он встал, подошел к окну и стал смотреть на холм, окутанный сумраком, и на темную фигуру бегущего человека.

— Видно, он отчаянно торопится, — сказал доктор Кемп, — но от этого что-то мало толку. Он бежит так тяже-

ло, как будто карманы у него набиты свинцом. Ходу, сэр, ходу! — сказал доктор Кемп.

Через минуту одна из вилл на склоне холма со стороны Бэрдока скрыла бегущего из виду. Но через минуту он снова показался в просвете между виллами, потом опять скрылся и опять показался, и так три раза, пока не исчез окончательно.

— Ослы! — сказал доктор Кемп и, отвернувшись от окна, снова направился к письменному столу.

Но те, кому случилось быть в это время на дороге и видеть вблизи бегущего человека, видеть выражение дикого ужаса на его мокром от пота лице, не разделяли презрительного скептицизма доктора. Человек бежал, и от него при этом исходил звон, как от туго набитого кошелька, который бросают то туда, то сюда. Он не оглядывался ни направо, ни налево, он смотрел испуганными глазами прямо перед собой, туда, где у подножия холма один за другим вспыхивали фонари и толпился народ. Его уродливая нижняя челюсть отвисла, на губах выступила пена, дышал он хрипло и громко. Все прохожие останавливались, начинали оглядывать дорогу и с беспокойством расспрашивали друг друга, чем может быть вызвано столь поспешное бегство.

Вдруг в отдалении, на вершине холма, собака, резвившаяся на дороге, завизжала, кинулась в подворотню, и, пока прохожие недоумевали, мимо них пронеслось что-то: не то ветер, не то шлепанье ног, не то звук тяжелого дыхания.

Люди закричали. Люди шарахнулись в сторону. С воплем кинулись под гору. Их крики уже раздавались на улице, когда Марвел был еще на середине холма. Добежав до дому, они лихорадочно запирали за собой двери и, еле переводя дух, сообщали страшную весть. Марвел слышал хлопанье дверей и бежал из последних сил.

Ужас пронесся мимо него, опередил его и в одно мгновение охватил весь город.

«Невидимка идет! Невидимка!..»

Глава 16

В КАБАЧКЕ
«ВЕСЕЛЫЕ КРИКЕТИСТЫ»

Кабачок «Веселые крикетисты» находится у самого подножия холма, там, где начинается линия конки. Хозяин кабачка, опершись толстыми красными руками о стойку, разговаривал о лошадях с худосочным извозчиком, а чернобородый человек, одетый в серое, уплетал сухари с сыром, потягивал вино и беседовал с полисменом, только что сменившимся с дежурства. Судя по акценту, это был американец.

— Что это за крики? — сказал извозчик, вдруг прервав разговор и стараясь поверх грязной желтой занавески на низеньком окне кабачка рассмотреть тянущуюся вверх по холму дорогу. Кто-то пробежал по улице мимо дверей.

— Уж не пожар ли? — сказал хозяин.

Послышались приближающиеся шаги; кто-то тяжело бежал. С шумом распахнулась дверь, и в комнату влетел Марвел, плачущий, растрепанный, без шляпы, с разорванным воротником. Судорожно обернувшись, он попытался закрыть дверь, но ему помешал ремень, которым она была привязана к стене.

— Идет! — завизжал Марвел не своим голосом. — Он идет, Невидимка! Гонится за мной! Ради бога... Спасите! Спасите! Спасите!

— Закройте дверь, — сказал полисмен. — Кто идет? В чем дело? — Он подошел к двери, отцепил ремень, и дверь захлопнулась. Американец закрыл вторую дверь.

— Пустите меня за стойку, — сказал Марвел, дрожа и плача, но крепко прижимая к себе книги. — Пустите меня. Спрячьте где-нибудь. Говорят вам, он гонится за мной. Я сбежал от него. Он сказал, что убьет меня. И убьет.

— Вам нечего бояться, — оказал чернобородый. — Двери заперты. А в чем дело?

— Спрячьте меня, — повторил Марвел и вдруг взвизгнул от страха: дверь затряслась от сильного удара, потом снаружи послышался торопливый стук и крики.

— Эй! — закричал полицейский. — Кто там?

Марвел, как безумный, заметался по комнате в поисках выхода.

— Он убьет меня! — кричал он. — У него нож! Ради бога!

— Вот, — сказал хозяин, — идите сюда. — И он откинул стойку.

Марвел бросился к нему. Стук в дверь возобновился.

— Не открывайте! — закричал Марвел. — Пожалуйста, не открывайте! Куда мне спрятаться?

— Так это, значит, Невидимка? — спросил чернобородый, заложив одну руку за спину. — Я думаю, пора уж и посмотреть на него.

Вдруг окно кабачка разлетелось вдребезги, и снаружи слышались крики и беготня. Полисмен, встав на скамейку и высунув голову в окно, старался разглядеть, что делается у дверей. Потом слез и сказал, озадаченно подняв брови:

— Это он.

Хозяин постоял перед дверью в соседнюю комнату, где заперли Марвела, поглядел на разбитое окно и подошел к своим посетителям.

Все вдруг затихло.

— Жаль, что у меня нет при себе дубинки, — сказал полисмен, нерешительно подходя к двери. — Как откроем дверь, так он сейчас и войдет. Ничем его не остановишь.

— А вы не очень торопитесь открывать дверь, — боязливо сказал худосочный извозчик.

— Отодвиньте засов, — сказал чернобородый. — Пусть только войдет... — И он показал револьвер, который держал в руке.

— Это не годится, — сказал полицейский, — может выйти убийство.

— Я знаю, в какой стране нахожусь, — возразил чернобородый. — Я буду целиться в ноги. Отодвиньте засов.

— А если вы угодите мне в спину? — сказал хозяин, выглядывая из-под занавески в окно.

— Ладно, — бросил чернобородый и, нагнувшись, сам отодвинул засов, держа револьвер наготове. Хозяин, извозчик и полисмен повернулись лицом к двери.

— Войдите, — негромко сказал чернобородый, отступая на шаг и глядя на открытую дверь; револьвер он держал за спиной. Но никто не вошел, и дверь не открылась. Когда минут пять спустя другой извозчик осторожно заглянул в кабачок, то все они еще стояли в выжидательных позах, а из соседней комнаты выглядывала бледная, испуганная физиономия.

— Все ли двери в доме заперты? — спросил Марвел. — Он где-нибудь тут, вынюхивает. Ведь он хитер, как черт.

— Боже мой! — воскликнул хозяин. — А задняя дверь! Вы тут посторожите. Вот ведь... — Он беспомощно огляделся. Дверь в соседнюю комнату захлопнулась, и ключ шелкнул в замке. — Дверь во двор и отдельный ход! Дверь во двор...

Он выбежал из комнаты.

Через минуту он вернулся с кухонным ножом в руках.

— Дверь во двор открыта! — сказал он, и его толстая нижняя губа отвисла.

— Может, он уже в доме? — сказал первый извозчик.

— В кухне его нет, — сказал хозяин. — Там две служанки, и я по всей кухне прошел вот с этим ножом, ни одного уголка не пропустил. Они тоже говорят, что он не входил. Они ничего не заметили...

— Вы заперли дверь? — спросил первый извозчик.

— Не маленький, слава богу, — ответил хозяин.

Чернобородый спрятал револьвер. Но в ту же секунду хлопнула откидная доска стойки, загремела задвижка, громко затрещал замок, и дверь в соседнюю комнату распахнулась настежь. Они услышали, как Марвел взвизгнул, точно пойманный заяц, и кинулись за стойку к нему на помощь. Чернобородый выстрелил, зеркало в соседней комнате треснуло, осколки со звоном разлетелись по полу.

Вбежав в комнату, хозяин увидел, что Марвел корчится и барахтается перед дверью, которая вела через кухню во двор. Пока хозяин стоял в нерешительности, дверь открылась и Марвела втащили в кухню. Оттуда послышались крики и грохот падающих кастрюль. Марвел, нагнув голову, упирался, но его все же дотащили до двери во двор. Засов отодвинулся.

Полисмен, протиснувшись мимо хозяина, вбежал на кухню, сопровождаемый одним из извозчиков, и схватил кисть невидимой руки, которая держала за шиворот Марвела, но тут же получил удар в лицо, пошатнулся и отступил. Дверь раскрылась, и Марвел сделал отчаянную попытку спрятаться за ней. В это время извозчик что-то схватил.

— Я держу его! — закричал извозчик. Красные руки хозяина вцепились в невидимое.

— Поймал! — крикнул он.

Марвел, выпущенный из невидимых рук, упал на пол и попытался проползти между ногами борющихся людей. Борьба сосредоточилась у двери. Впервые раздался голос Невидимки — он громко вскрикнул, так как полисмен наступил ему на ногу. Затем послышалось яростное рычание, и Невидимка заработал кулаками, точно цепями. Извозчик вдруг взвыл и скрючился, получив удар под ложечку. Дверь, которая вела в комнаты, захлопнулась и прикрыла отступление Марвела. Люди топтались в тесной кухне, пока вдруг не заметили, что борются с пустотой.

— Куда он сбежал? — крикнул чернобородый.

— Сюда, — сказал полисмен, выходя во двор и останавливаясь.

Кусок черепицы пролетел над его ухом и упал на кухонный стол, уставленный посудой.

— Я ему покажу! — крикнул чернобородый.

Над плечом полисмена блеснула сталь, и в сумрак, в ту сторону, откуда была брошена черепица, вылетели одна за другой пять пуль. Стреляя, чернобородый описывал рукой дугу по горизонтали так, что выстрелы веером ложились по тесному дворику.

Наступила тишина.

— Пять пуль, — сказал чернобородый. — Это красиво! Козырная игра! Дайте-ка фонарь, и пойдемте искать тело.

Глава 17

ГОСТЬ ДОКТОРА КЕМПА

Доктор Кемп продолжал писать в своем кабинете, пока звук выстрелов не привлек его внимания. «Паф-паф-паф» — щелкали они один за другим.

— Ого! — воскликнул доктор, снова прикусив ручку и прислушиваясь. — Кто это в Бэрдоке палит из револьвера? Что еще эти ослы выдумали?

Он подошел к южному окну, открыл его и, высунувшись, стал вглядываться в ночной город — сеть освещенных окон, газовых фонарей и витрин с черными промежутками крыш и дворов.

— Как будто там, под холмом, у «Крикетистов», собралась толпа, — сказал он, всматриваясь. Затем взгляд его устремился туда, где светились огни судов и пристань, — небольшое, ярко освещенное строение сверкало, точно желтый алмаз. Молодой месяц восходил к западу от холма, а звезды сияли, почти как под тропиками.

Минут через пять, в течение которых мысль его уносила к социальным условиям будущего и блуждала в дебрях беспредельных времен, доктор Кемп вздохнул, опустил окно и вернулся к письменному столу.

Приблизительно через час после этого у входной двери позвонили. С тех пор как доктор Кемп услышал выстрелы, работа его шла вяло, он то и дело отвлекался и задумывался. Когда раздался звонок, он оставил работу и прислушался. Он слышал, как прислуга пошла открывать дверь, и ждал ее шагов на лестнице, но она не пришла.

— Кто бы это мог быть? — сказал доктор Кемп.

Он попытался снова приняться за работу, но это ему не удавалось. Тогда он встал, вышел из кабинета и спустился

по лестнице на площадку. Там он позвонил и, когда в холле внизу появилась горничная, спросил ее, перегнувшись через перила:

— Письмо принесли?

— Нет, случайный звонок, сэр, — ответила горничная.

«Я что-то нервничаю сегодня», — сказал Кемп про себя.

Он вернулся в кабинет, решительно принялся за работу и через несколько минут был уже весь поглощен ею. Тишину в комнате нарушало лишь тиканье часов да поскрипывание пера, бегавшего по бумаге в самом центре светлого круга, отбрасываемого лампой на стол.

Было два часа ночи, когда доктор Кемп решил, что на сегодня хватит. Он встал, зевнул и спустился вниз, в свою спальню. Он снял уже пиджак и жилет, как вдруг почувствовал, что ему хочется пить. Взяв свечу, он спустился в столовую, чтобы поискать там содовой воды и виски.

Научные занятия сделали доктора Кемпа весьма наблюдательным; возвращаясь из столовой, он заметил темное пятно на линолеуме, возле циновки, у самой лестницы. Он поднялся уже наверх, как вдруг задал себе вопрос, откуда могло появиться это пятно. Это была, очевидно, подсознательная мысль. Но как бы то ни было, он вернулся в холл, поставил сифон и виски на столик и, нагнувшись, стал рассматривать пятно. Без особого удивления он убедился, что оно липкое и темно-красное, совсем как подсыхающая кровь.

Прихватив сифон и бутылку с виски, он поднялся наверх, внимательно глядя по сторонам и пытаясь объяснить себе, откуда могло появиться кровавое пятно. На площадке он остановился и в изумлении уставился на дверь своей комнаты: ручка двери была в крови.

Он взглянул на свою руку. Она была совершенно чистая, и тут он вспомнил, что, когда вышел из кабинета, дверь в его спальню была открыта, следовательно, он к ручке совсем не прикасался. Он твердым шагом вошел в спальню. Лицо у него было совершенно спокойное, разве только несколько более решительное, чем обыкновенно. Взгляд его,

внимательно пройдя по комнате, упал на кровать. На одежде темнела лужа крови, простыня была разорвана. Войдя в комнату в первый раз, он этого не заметил, так как направился прямо к туалетному столику. В одном месте постель была смята, как будто кто-то только что сидел на ней.

Тут ему почудилось, что чей-то голос негромко воскликнул: «Боже мой! Да ведь это Кемп!» Но доктор Кемп не верил в таинственные голоса.

Он стоял и смотрел на смятую постель. Должно быть, ему просто послышалось. Он снова огляделся, но не заметил ничего подозрительного, кроме смятой и запачканной кровью постели. Тут он ясно услышал какое-то движение в углу комнаты, возле умывальника. В душе всякого человека, даже самого просвещенного, гнездятся какие-то неуловимые остатки суеверия. Жуткое чувство охватило доктора Кемпа. Он затворил дверь спальни, подошел к комоду и поставил на него сифон. Вдруг он вздрогнул: в воздухе между ним и умывальником висела окровавленная повязка.

Пораженный, он стал вглядываться. Повязка была пустая, аккуратно сделанная, но совершенно пустая. Он хотел подойти и схватить ее, но чье-то прикосновение остановило его, и он совсем рядом услышал голос:

— Кемп!

— А? — сказал Кемп, разинув рот.

— Не пугайтесь, — продолжал Голос. — Я Невидимка. Кемп некоторое время молча глядел на повязку.

— Невидимка? — сказал он наконец.

— Невидимка, — повторил Голос.

Кемпу сразу вспомнилась история, которую он так усердно высмеивал еще сегодня утром. Но в эту минуту он, по видимому, не очень испугался и удивился. Только впоследствии он мог дать себе отчет в своих чувствах.

— Я считал, что все это выдумка, — сказал он. При этом у него в голове вертелись доводы, которые он приводил утром. — Вы в повязке? — спросил он.

— Да, — ответил Невидимка.

— О! — взволнованно сказал Кемп. — Вот так штука! — Но тут же спохватился. — Вздор. Фокус какой-нибудь. — Он быстро шагнул вперед, и рука его, протянутая к повязке, встретила невидимые пальцы.

При этом прикосновении он отпрянул и изменился в лице.

— Ради бога, Кемп, не пугайтесь. Мне так нужна помощь! Пойдите!

Невидимая рука схватила Кемпа за локоть. Кемп ударил по ней.

— Кемп! — крикнул Голос. — Кемп, успокойтесь! — И рука Невидимки еще крепче сжала его локоть.

Бешеное желание высвободиться овладело Кемпом. Перевязанная рука вцепилась ему в плечо, и вдруг Кемп был сшиблен с ног и брошен навзничь на кровать. Он открыл рот, чтобы крикнуть, но в ту же секунду край простыни очутился у него между зубами. Невидимка держал его крепко, но руки у Кемпа были свободны, и он неистово колотил ими куда попало.

— Будьте благоразумны, — сказал Невидимка, который, несмотря на сыпавшиеся на него удары, крепко держал Кемпа. — Ради бога, не выводите меня из терпения. Лежите смирно, болван вы этакий! — проревел Невидимка в самое ухо Кемпа.

Еще с минуту Кемп продолжал барахтаться, потом затих.

— Если вы крикнете, я размозжу вам голову, — сказал Невидимка, вынимая простыню изо рта Кемпа. — Я Невидимка. Это не выдумка и не фокус. Я действительно Невидимка. И мне нужна ваша помощь. Я не причиню вам никакого вреда, если вы не будете вести себя, как обалделый мужлан. Неужели вы меня не помните, Кемп? Я Гриффин, мы же вместе учились в университете.

— Дайте мне встать, — сказал Кемп. — Я никуда не убегу. И дайте мне минуту посидеть спокойно.

Он сел на кровати и пощупал затылок.

— Я Гриффин, учился в университете вместе с вами. Я сделал себя невидимым. Я самый обыкновенный человек, которого вы знали, но только невидимый.

— Гриффин? — переспросил Кемп.

— Да, Гриффин, — ответил Голос. — В университете я был на курсе моложе вас, белокурый, почти альбинос, шести футов росту, широкоплечий, лицо розовое, глаза красные. Получил награду за работу по химии.

— Ничего не понимаю, — сказал Кемп, — в голове у меня совсем помутилось. При чем тут Гриффин?

— Гриффин — это я.

Кемп задумался.

— Это ужасно, — сказал он. — Но какая чертовщина может сделать человека невидимым?

— Никакой чертовщины. Это вполне логичный и довольно несложный процесс...

— Это ужасно, — сказал Кемп. — Каким образом?

— Да, ужасно. Но я ранен, мне больно, и я устал. О господи, Кемп, будьте мужчиной! Отнесите к этому спокойно. Дайте мне поесть и напиться, а пока что я присяду.

Кемп глядел на повязку, двигавшуюся по комнате; затем он увидел, как плетеное кресло протащило по полу и остановилось возле кровати. Оно затрещало, и сиденье опустилось на четверть дюйма. Кемп протер глаза и снова пощупал затылок.

— Это почище всяких привидений, — сказал он и глупо рассмеялся.

— Вот так-то лучше. Слава богу, вы становитесь благо-разумным.

— Или глупею, — сказал Кемп и снова протер глаза.

— Дайте мне виски. Я еле дышу.

— Этого я бы не сказал. Где вы? Если я встану, то не наткнусь на вас? Ага, вы тут. Ладно. Виски?.. Пожалуйста. Куда же мне подать его вам?

Кресло затрещало, и Кемп почувствовал, что стакан берут у него из рук. Он выпустил его не без усилия, невольно опасаясь, что стакан разобьется. Стакан повис в воздухе, дюймах в двадцати над креслом. Кемп глядел на стакан в полном недоумении.

— Это... Ну, конечно, это гипноз... Вы, должно быть, внушили мне, что вы невидимы.

— Чушь! — сказал Голос.

— Но ведь это — безумие!

— Выслушайте меня.

— Только сегодня я привел неоспоримые доказательства, — начал Кемп, — что невидимость...

— Плюньте на все доказательства, — прервал его Голос. — Я умираю с голоду, и для человека, совершенно раздетого, здесь довольно прохладно.

— Он чувствует голод! — сказал Кемп.

Стакан виски опрокинулся.

— Да, — сказал Невидимка, со стуком ставя стакан. — Нет ли у вас халата?

Кемп пробормотал что-то вполголоса и, подойдя к платяному шкафу, вынул оттуда темно-красный халат.

— Подойдет? — спросил он.

Халат взяли у него из рук. С минуту он висел неподвижно в воздухе, затем как-то странно заколыхался, вытянулся во всю длину и, застегнувшись на все пуговицы, опустился в кресло.

— Хорошо бы кальсоны, носки и туфли, — отрывисто произнес Невидимка. — И поесть.

— Все что угодно. Но со мной в жизни не случилось ничего более нелепого.

Кемп достал из комода вещи, которые просил Невидимка, и спустился в кладовку. Он вернулся с холодными котлетами и хлебом и, пододвинув небольшой столик, расставил все это перед гостем.

— Обойдусь и без ножа, — сказал Невидимка, и котлета повисла в воздухе; послышалось чавканье.

— Я всегда предпочитал сперва одеться, а потом уже есть, — сказал Невидимка с набитым ртом, жадно глотая хлеб с котлетой. — Странная прихоть!

— Рука, по-видимому, действует? — сказал Кемп.

— Будьте спокойны, — сказал Невидимка.

— И все-таки как это странно!..

— Вот именно. Но самое странное то, что я попал именно к вам, когда мне понадобилась перевязка. Это моя первая удача! Впрочем, я все равно решил переночевать в этом доме. Вам не отвертеться! Страшно неудобно, что кровь мою видно, правда? Целая лужа натекла. Должно быть, она становится видимой по мере свертывания. Мне удалось изменить лишь живую ткань, я невидим, только пока жив... Уж три часа, как я здесь.

— Но как вы это сделали? — начал Кемп раздраженно. — Черт знает что! Вся эта история от начала до конца — сплошная нелепость.

— Напрасно вы так думаете, — сказал Невидимка. — Все это совершенно разумно.

Он протянул руку и взял бутылку с виски. Кемп с изумлением глядел на халат, поглощавший виски. Свет свечи, проходя сквозь дырку на правом плече халата, образовал светлый треугольник.

— Что это были за выстрелы? — спросил Кемп. — Отчего началась пальба?

— Там был один дурак, мой случайный компаньон, черт бы его побрал, который хотел украсть мои деньги. И украл-таки.

— Тоже невидимка?

— Нет.

— Ну, а дальше что?

— Нельзя ли мне еще чего-нибудь поесть, а? Потом я все расскажу по порядку. Я голоден, и рука болит. А вы хотите, чтобы я вам рассказывал!

Кемп встал.

— Значит, это не вы стреляли? — спросил он.

— Нет, — ответил гость. — Стрелял наобум какой-то идиот, которого я прежде никогда и в глаза не видел. Они перепугались. Меня все пугаются. Черт бы их побрал. Но вот что, Кемп, я есть хочу.

— Пойду поищу, нет ли внизу еще чего-нибудь съестного, — сказал Кемп. — Боюсь, что найдется не много.

Покончив с едой — а поел он основательно, — Невидимка попросил сигару. Он жадно откусил кончик, прежде чем

Кемп успел разыскать нож, и выругался, когда снаружи отстал листок табака. Странно было видеть, как он курил: рот, горло, зев и ноздри проступали, словно слепок, сделанный из клубящегося дыма.

— Славная штука табак! — сказал он, глубоко затянувшись. — Мне повезло, что я попал к вам, Кемп. Вы должны помочь мне. Подумать только, в нужный момент я натолкнулся на вас! Я в отчаянном положении. Я был как помешанный. Чего только я не перенес! Но теперь у нас дело пойдет. Уж поверьте...

Он выпил еще виски с содовой. Кемп встал, осмотрелся и принес из соседней комнаты еще стакан — для себя.

— Все это дико... но, пожалуй, я тоже выпью.

— Вы почти не изменились, Кемп, за эти двенадцать лет. Блондины мало меняются. Все такой же хладнокровный и методичный... Я должен вам все объяснить. Мы будем работать вместе!

— Но как это вам удалось? — спросил Кемп. — Как вы стали таким?

— Ради бога, дайте мне спокойно покурить. Потом я вам все расскажу.

Но в эту ночь он не рассказал ничего. У него разболелась рука, его стало лихорадить, он очень ослабел. Ему все время мерещились погоня на холме и драка возле кабачка. Он начал было рассказывать, но сразу отвлекся. Он бессвязно говорил о Марвеле, судорожно затягивался, и в голосе его слышалось раздражение. Кемп старался извлечь из его рассказа все, что мог.

— Он меня боялся... Я видел, что он меня боится, — снова и снова повторял Невидимка. — Он хотел удрать от меня, только об этом и думал. Какого я дурака сваял! Ах, негодяй! Надо было убить его...

— Где вы достали деньги? — вдруг спросил Кемп.

Невидимка помолчал.

— Сегодня я не могу вам сказать, — ответил он.

Он вдруг застонал и сторбился, схватившись невидимыми руками за невидимую голову.

— Кемп, — сказал он, — я не сплю уже третьи сутки, за все это время мне удалось вздремнуть час-другой, не больше. Я должен выспаться.

— Хорошо, — сказал Кемп. — Располагайтесь тут, в моей комнате.

— Но разве мне можно спать? Если я засну, он удерет. Эх! Ладно, все равно!

— Рана серьезная? — отрывисто спросил Кемп.

— Пустяки, царапина. Господи, как спать хочется!

— Так ложитесь.

Невидимка, казалось, смотрел на Кемпа.

— У меня нет ни малейшего желания быть пойманным моими ближними, — медленно проговорил он.

Кемп вздрогнул.

— Ох и дурак же я! — воскликнул Невидимка, ударив кулаком по столу. — Сам подал вам эту мысль.

Глава 18

НЕВИДИМКА СПИТ

Несмотря на усталость и рану, Невидимка все же не положился на слово Кемпа, что на свободу его не будет никаких посягательств. Он осмотрел оба окна спальни, поднял шторы и открыл ставни, чтобы убедиться, что в случае необходимости этим путем можно бежать. За окнами стояла мирная ночная тишина. Над холмами висел месяц. Затем Невидимка осмотрел замок спальни и двери уборной и ванной, чтобы убедиться, что и отсюда он может ускользнуть. Наконец он заявил, что удовлетворен. Он стоял перед камином, и Кемп услышал звук зевка.

— Мне очень жаль, — сказал Невидимка, — что я не могу сейчас рассказать вам обо всем, что я сделал. Но я действительно выбился из сил. Это нелепо, спору нет. Это чудовищно. Но верьте мне, Кемп, это вполне возможно. Я сделал открытие. Я думал сохранить его в тайне. Но это немислимо. Мне необходим помощник. А вы... Чего только

мы не сможем сделать!.. Впрочем, оставим все это до завтра. Теперь, Кемп, я должен заснуть, иначе я умру.

Кемп стоял посреди комнаты, глядя на безголовый халат.

— Ладно, я оставлю вас, — сказал он. — Но это невероятно. Еще парочка таких фактов, переворачивающих вверх дном все мои теории, и я сойду с ума. И все же, по-видимому, это так! Не надо ли вам еще чего-нибудь?

— Только чтоб вы пожелали мне спокойной ночи, — сказал Гриффин.

— Спокойной ночи, — сказал Кемп и пожал невидимую руку.

Он боком пошел к двери. Вдруг халат быстро приблизился к нему.

— Помните, — произнес Невидимка. — Никаких попыток поймать или задержать меня. Не то...

Кемп слегка изменился в лице.

— Ведь я, кажется, дал вам слово, — сказал он.

Кемп вышел, тихонько притворил за собой дверь, и ключ немедленно щелкнул в замке. Пока Кемп стоял, не двигаясь, с выражением покорного удивления на лице, раздались быстрые шаги, и дверь ванной также оказалась запертой. Кемп хлопнул себя рукой по лбу.

— Сплю я, что ли? Весь мир сошел с ума или это я помешался? — Он засмеялся и потрогал запертую дверь. Изгнан из собственной спальни — и кем? Призраком. Вопиющая нелепость!

Он подошел к верхней ступеньке лестницы, оглянулся и снова посмотрел на запертые двери.

— Неоспоримый факт, — произнес он, дотрагиваясь до слегка ноющего затылка. — Да, неоспоримый факт. Но... — Он безнадежно покачал головой, повернулся и спустился вниз.

Он зажег лампу в столовой, взял сигарету и начал шагать по комнате, то бормоча что-то бессвязное, то громко споря сам с собой.

— Невидимка! — сказал он. — Может ли быть невидимое существо? В море — да. Там таких существ тысячи, мил-

лионы! Все крохотные наугилиусы и торнарии, все микроорганизмы... а медузы! В море невидимых существ больше, чем видимых! Прежде я никогда об этом не думал... А в прудах! Все эти крохотные организмы, живущие в прудах, — кусочки бесцветной, прозрачной слизи... Но в воздухе? Нет! Это невозможно. А впрочем, почему бы и нет? Будь человек сделан из стекла — и то он был бы видим.

Кемп глубоко задумался. Три сигары обратились в белый пепел, рассыпанный по ковру, прежде чем он заговорил снова. Или, вернее, вскрикнул. Затем он вышел из комнаты, прошел в свою приемную и зажег там газовый рожок. Комната была небольшая. Так как доктор Кемп не занимался практикой, там лежали газеты. Утренний номер, развернутый, валялся на столе. Он схватил газету, быстро просмотрел ее и начал читать сообщение о «Необычайном происшествии в Айпинге», с таким усердием пересказанное Марвелу матросом в Порт-Стоу. Кемп быстро пробежал эти строки.

— Закутан! — воскликнул он. — Переодет! Скрывает свою тайну. По-видимому, никто не знал о его злоключениях! Что у него, черт возьми, на уме? — Он бросил газету и пошарил глазами по столу. — Ага! — сказал он и схватил «Сент-Джеймс газетт», которая была еще не развернута. — Сейчас узнаем всю правду, — сказал он и развернул газету. В глаза ему бросились два столбца. «Целая деревня в Сасексе сошла с ума!» — гласил заголовок. — Боже милостивый! — воскликнул Кемп, жадно читая скептический отчет о вчерашних событиях в Айпинге, описанных нами выше. Заметке предшествовало сообщение, перепечатанное из утренней газеты.

Кемп перечитал все сначала. «Бежал по улице, рассыпая удары направо и налево. Джефферс в бессознательном состоянии. Мистер Хакстерс получил серьезные увечья и не может ничего сообщить из того, что видел. Тяжкое оскорбление, нанесенное викарию. Женщина заболела от страха. Окна перебиты. Вся эта необычайная история, вероятно, выдумка, но так хороша, что ее нельзя не напечатать».

Кемп выронил газету и тупо уставился в одну точку.

— Вероятно, выдумка! — повторил он.

Потом схватил газету и еще раз перечел все от начала до конца.

— Но откуда взялся бродяга? Какого черта он гнался за бродягой?

Кемп бессильно опустил голову в хирургическое кресло.

— Он не только невидимка, — сказал он, — но и помешанный! У него мания убийства!..

Когда взошла заря и бледные лучи ее смешались в столовой со светом газового рожка и сигарным дымом, Кемп все еще шагал из угла в угол, стараясь понять непостижимое.

Он был слишком взволнован, чтобы думать о сне. Заспанные слуги, застав его утром в таком виде, подумали, что на него плохо повлияли усиленные занятия. Он отдал необычайное, но совершенно ясное распоряжение сервировать завтрак на двоих в кабинете наверху, а затем уйти вниз и больше наверху не показываться. Он продолжал шагать по столовой, пока не подали утреннюю газету. О Невидимке говорилось многословно, но новым было только очень бестолковое сообщение о вчерашних событиях в кабачке «Веселые крикетисты». Тут Кемпу впервые попалось упоминание о Марвеле. «Он силой держал меня при себе целые сутки», — заявил Марвел. Отчет об айпингских событиях был дополнен некоторыми мелкими фактами, в частности, упоминалось о повреждении телеграфного провода. Но во всех этих сообщениях не было ничего, что проливало бы свет на взаимоотношения между Невидимкой и бродягой, ибо мистер Марвел умолчал о трех книгах и о деньгах, которыми были набиты его карманы. Скептического тона как не бывало, и целая армия репортеров уже принялась за тщательное расследование.

Кемп внимательно прочел все сообщение до последней строчки и послал горничную купить все утренние газеты, какие только она сможет достать. Потом он жадно прочитал и их.

— Он невидим! — сказал Кемп. — И если судить по газетам, то ярость его граничит с помешательством. Чего толь-

ко он не натворит! Чего только не натворит! Ведь он там, наверху, и свободен, как ветер. Что мне делать? Можно ли назвать предательством, если я... Нет!

Он подошел к маленькому, заваленному бумагами столу в углу и начал писать записку. Написав несколько строк, он разорвал ее и написал другую. Перечел и задумался. Потом взял конверт и написал адрес: «Полковнику Эдаю, Порт-Бэрдок».

Невидимка проснулся как раз в ту минуту, когда Кемп запечатывал письмо. Он проснулся в дурном настроении, и Кемп, который чутко прислушивался ко всем звукам, услышал яростное шлепанье ног в спальне наверху. Затем раздался стук упавшего стула и звон разбитого стакана. Кемп поспешил наверх и нетерпеливо постучал в дверь спальни.

Глава 19

НЕКОТОРЫЕ ОСНОВНЫЕ ПРИНЦИПЫ

— Что случилось? — спросил Кемп, когда Невидимка выпустил его в комнату.

— Да ничего, — ответил он.

— А шум почему?

— Припадок раздражительности, — сказал Невидимка. — Забыл про свою руку, а она болит.

— Вы, по-видимому, подвержены такого рода вспышкам?

— Да.

Кемп прошел через комнату и подобрал осколки разбитого стакана.

— Про вас теперь все известно, — сказал Кемп. — Все, что случилось в Айпинге и внизу, в кабачке. Мир узнал о своем невидимом гражданине. Но никто не знает, что вы тут.

Невидимка выругался.

— Тайна раскрыта, — продолжал Кемп. — Ведь это была тайна, я полагаю? Не знаю, что вы намерены делать, но, разумеется, я готов помочь вам.

Невидимка сел на кровать.

— Наверху сервирован завтрак, — сказал Кемп, стараясь говорить непринужденным тоном, и с удовольствием заметил, что его странный гость охотно встал при этих словах. Кемп повел его по узкой лестнице наверх.

— Прежде чем мы с вами что-либо предпримем, — сказал Кемп, — я хотел бы узнать поподробней, как это вы стали невидимым.

И, бросив быстрый, беспокойный взгляд в окно, Кемп уселся с видом человека, которому предстоит долгая и основательная беседа. У него снова промелькнула мысль, что все происходящее — нелепость, бред, но мысль эта сейчас же исчезла, как только он взглянул на Гриффина: безголовый, безрукий халат сидел за столом и вытирал невидимые губы чудом державшейся в воздухе салфеткой.

— Это очень просто и вполне доступно, — сказал Гриффин, отложив в сторону салфетку и подперев невидимую голову невидимой рукой.

— Для вас, конечно, но... — Кемп засмеялся.

— Ну да, и мне это, конечно, сначала казалось волшебством, но теперь... Боже милостивый! Нам предстоят великие дела. Впервые эта идея возникла у меня в Чезилстоу.

— В Чезилстоу?

— Я переехал туда из Лондона. Вы знаете, я ведь бросил медицину и занялся физикой. Не знали? Ну так вот. Меня увлекла проблема света.

— А-а!..

— Оптическая непроницаемость! Весь этот вопрос — сплошная сеть загадок, сквозь нее лишь смутно просвечивает неуловимое решение. А мне тогда было всего двадцать два года, и я был энтузиаст, вот я и сказал себе: «Этому вопросу я посвящу свою жизнь. Тут есть над чем поработать». Вы ведь знаете, каким бываешь дураком в двадцать два года.

— Неизвестно, быть может, мы теперь еще глупее, — заметил Кемп.

— Как будто знание может удовлетворить человека! Но я принялся за дело и работал как каторжный. Прошло пол-

года усиленного труда и раздумий — и вот сквозь туманную завесу блеснул ослепительный свет. Я нашел общий закон пигментов и преломлений света — формулу, геометрическое выражение, включающее четыре измерения. Дураки, обыкновенные люди, даже обыкновенные математики и не подозревают, какое значение может иметь для изучающего молекулярную физику общее выражение. В книгах — в тех книгах, которые украл этот бродяга, — есть чудеса, магические числа! Но это не был еще метод, это была идея, которая могла привести на метод. А при помощи этого метода оказалось бы возможным, не изменяя свойств материи — за исключением цвета в некоторых случаях — свести коэффициент преломления некоторых веществ, твердых или жидких, к коэффициенту преломления воздуха.

Кемп присвистнул.

— Это любопытно. Но все же мне не совсем ясно... Я понимаю, что таким путем вы могли бы испортить драгоценный камень, но сделать человека невидимым, до этого еще далеко.

— Безусловно, — сказал Гриффин. — Однако подумайте: видимость зависит от того, как видимое тело реагирует на свет. Давайте уж я начну с азов, тогда вы лучше поймете дальнейшее. Вы прекрасно знаете, что тела либо поглощают свет, либо отражают, либо преломляют его, или, может быть, все вместе. Если тело не отражает, не преломляет и не поглощает света, то оно не может быть видимо само по себе. Так, например, вы видите непрозрачный красный ящик только потому, что он поглощает некоторую долю света и отражает остальное, а именно — все красные лучи. Если бы ящик не поглощал некоторой доли света, а отражал бы его весь, то он был бы блестящим, белым. Вспомните серебро! Алмазный ящик не поглощал бы много света, и вместе с тем его поверхность отражала бы мало света, но в отдельных местах, в зависимости от расположения плоскостей, свет отражался и преломлялся бы, и мы видели бы блестящую паутину сверкающих отражений и прозрачных плоскостей, нечто вроде светового скелета. Стекланный

ящик столь отчетливо видим, как алмазный, потому что в нем меньше плоскостей отражения и преломления. Понятно? Под известным углом зрения такой ящик будет прозрачным; некоторые сорта стекла более видимы, чем другие; хрустальный ящик блестел бы сильнее, чем ящик из обыкновенного оконного стекла. Ящик из очень тонкого обыкновенного стекла было бы очень трудно различить при плохом освещении, потому что он не поглощает почти никаких лучей и отражает и преломляет совсем мало света. Если вы положите кусок обыкновенного стекла в воду или, еще лучше, в какую-нибудь жидкость, более плотную, чем вода, то вы стекла почти совсем не увидите, потому что свет, переходя из воды в стекло, преломляется и отражается очень слабо и вообще не подвергается почти никакому воздействию. Стекло в таком случае столь же невидимо, как струи углекислоты или водорода в воздухе. И по той же причине.

— Да, — сказал Кемп, — все это ясно. В таких вещах теперь разбирается каждый школьник.

— А вот еще один факт, в котором разберется всякий школьник. Если разбить кусок стекла и мелко истолочь его, оно станет гораздо более заметным в воздухе и превратится в белый непрозрачный порошок. Это происходит потому, что превращение стекла в порошок увеличивает число плоскостей преломления и отражения. В стеклянной пластинке имеется всего две поверхности, в порошке же каждая крупинка представляет собой плоскость преломления и отражения света, и сквозь порошок света проходит очень мало. Но если белый стеклянный порошок высыпать в воду, то он почти совершенно исчезает. Стеклянный порошок и вода имеют почти одинаковый коэффициент преломления, и свет, переходя из одной среды в другую, почти не преломляется и не отражается. Вы делаете стекло невидимым, помещая его в жидкость с приблизительно таким же коэффициентом преломления; всякая прозрачная вещь делается невидимой, если поместить ее в среду, обладающую одинаковым с ней коэффициентом преломления. И если вы чуточку подумаете, то поймете, что стеклянный порошок

можно сделать невидимым и в воздухе, если только удастся довести коэффициент преломления света в нем до коэффициента преломления света в воздухе. Ибо в таком случае при переходе света из воздуха в порошок он не будет ни отражаться, ни преломляться.

— Все это так, — сказал Кемп. — Но ведь человек — не стеклянный порошок!

— Нет, — сказал Гриффин. — Он прозрачнее.

— Ерунда!

— И это говорит врач! Как легко все забывается! Неужели за десять лет вы успели пере забыть все, что знали из физики? А вы подумайте, сколько существует прозрачных веществ, которые вовсе не кажутся прозрачными. Бумага, например, состоит из прозрачных волокон, и если она представляется нам белой и непрозрачной, то это происходит по той же самой причине, по которой нам кажется белым и непрозрачным толченное стекло. Промаслите белую бумагу, заполните все поры между частицами бумаги маслом так, чтобы преломление и отражение света происходило только на поверхности, и бумага делается такой же прозрачной, как стекло. И не только бумага, но и волокна хлопка, льна, шерсти, дерева, а также — заметьте это, Кемп! — и кости, мышцы, волосы, ногти и нервы. Одним словом, весь человеческий организм состоит из прозрачных бесцветных тканей, за исключением красных кровяных шариков и темного пигмента волос; вот как мало нужно, чтобы мы могли видеть друг друга. По большей части ткани живого существа не менее прозрачны, чем вода.

— Верно, верно, — воскликнул Кемп, — только сегодня ночью я думал о морских личинках и медузах!

— Вот-вот! Теперь вы меня поняли! И все это я знал и продумал уже через год после отъезда из Лондона, шесть лет назад. Но я ни с кем не поделился своими мыслями. Мне пришлось работать в очень тяжелых условиях. Оливер, мой профессор, был мужлан в науке, человек, падкий до чужих идей, — он вечно за мной шпионил! Вы ведь знаете, какое жульничество царит в научном мире. Я не хо-

тел публиковать свое открытие и делиться с ним славой. Я продолжал работать и все ближе подходил к превращению своей теоретической формулы в эксперимент, в реальный опыт. Я никому не сообщал о своих работах, хотел ослепить мир своим открытием и сразу стать знаменитым. Я занялся вопросом о пигментах, чтобы заполнить некоторые пробелы. И вдруг, по чистой случайности, сделал открытие в области физиологии.

— Да?

— Вам известно красное вещество, окрашивающее кровь. Так вот: оно может стать белым, бесцветным, сохраняя в то же время все свои свойства!

У Кемпа вырвался возглас изумления.

Невидимка встал и зашагал по тесному кабинету.

— Вы поражены, я понимаю. Помню ту ночь. Было очень поздно — днем мешали работать безграмотные студенты, смотревшие на меня, разинув рот, и я иной раз засиживался до утра. Открытие это осенило меня внезапно, оно появилось во всем своем блеске и завершенности. Я был один, в лаборатории царил тишина, вверху ярко горели лампы. В знаменательные минуты своей жизни я всегда оказываюсь один. «Можно сделать животное — его ткань — прозрачным! Можно сделать его невидимым! Все, кроме пигментов. Я могу стать невидимкой!» — сказал я, вдруг осознав, что значит быть альбиносом, обладая таким знанием. Я был ошеломлен. Я бросил фильтрование, которым был занят, и подошел к большому окну. «Я могу стать невидимкой», — повторил я, глядя в усеянное звездами небо.

Сделать это — значит превзойти магию и волшебство. И я, свободный от всяких сомнений, стал рисовать себе великолепную картину того, что может дать человеку невидимость: таинственность, могущество, свободу. Обратной стороны медали я не видел. Подумайте только! Я, жалкий, нищий ассистент, обучающий дураков в провинциальном колледже, могу сделаться всемогущим. Скажите сами, Кемп, вот если бы вы... Всякий, поверьте, ухватился бы за такое открытие. Я работал еще три года, и за каждым пре-

пятствием, которое я с таким трудом преодолевал, возникало новое! Какая бездна мелочей, и к тому же ни минуты покоя! Этот провинциальный профессор вечно подглядывает за тобой! Зудит и зудит: «Когда же вы наконец опубликуете свою работу?» А студенты, а нужда! Три года такой жизни... Три года я работал скрываясь, в непрестанной тревоге, и наконец понял, что закончить мой опыт невозможно... невозможно...

— Почему? — спросил Кемп.

— Деньги... — ответил Невидимка и стал глядеть в окно.

Вдруг он резко обернулся.

— Тогда я ограбил своего старика, ограбил родного отца... Деньги были чужие, и он застрелился.

Глава 20

В ДОМЕ

НА ГРЕЙТ-ПОРТЛЕНД-СТРИТ

С минуту Кемп сидел молча, глядя в спину стоявшей у окна безголовой фигуры. Потом вздрогнул, пораженный какой-то мыслью, встал, взял Невидимку за руку и отвел от окна.

— Вы устали, — сказал он. — Я сижу, а вы все время ходите. Сядьте в мое кресло.

Сам он сел между Гриффином и ближайшим окном.

Гриффин опустился в кресло, помолчал немного, затем опять быстро заговорил:

— Когда это случилось, я уже расстался с коллежком в Чезилстоу. Это было в декабре прошлого года. Я снял комнату в Лондоне, большую комнату без мебели в огромном запущенном доме, в глухом квартале на Грейт-Портленд-стрит. Комната скоро заполнилась всевозможными аппаратами, которые я купил на отцовские деньги, и я продолжал работу, успешно подвигаясь к цели. Я был как человек, выбравшийся из густой чащи и неожиданно втянутый в какую-то нелепую трагедию. Я поехал на похороны отца. Я весь

был поглощен своими опытами и палец о палец не ударил, чтобы спасти его репутацию. Помню похороны, дешевый гроб, убогую процессию, поднимавшуюся по склону холма, холодный, пронизывающий ветер... старый университетский товарищ отца совершил над ним последний обряд, — жалкий, черный, скрюченный старик, страдавший насморком.

Помню, я возвращался с кладбища в опустевший дом по местечку, которое некогда было деревней, а теперь, на скорую руку перестроенное и залатанное, стало безобразным подобием города. Все дороги, по какой ни пойдешь, вели на изрытые окрестные поля и обрывались среди груд щебня и густых сорняков. Помню, как я шагал по скользкому блестящему тротуару — мрачная черная фигура — и какое странное чувство отчужденности я испытывал в этом ханжеском, торгашеском городишке.

Смерть отца ничуть меня не огорчила. Он казался мне жертвой своей собственной глупой чувствительности. Всеобщее лицемерие требовало моего присутствия на похоронах, в действительности же это меня мало касалось.

Но, идя по главной улице, я припомнил на миг свое прошлое. Я увидел девушку, которую знал десять лет назад. Наши глаза встретились...

Сам не знаю, почему я вернулся и заговорил с ней. Она оказалась самым заурядным существом.

Все мое пребывание на старом пепелище было как сон. Я не чувствовал тогда, что я одинок, что я перешел из живого мира в пустыню. Я сознавал, что потерял интерес к окружающему, но приписывал это пустоте жизни вообще. Вернуться в свою комнату значило для меня вновь обрести подлинную действительность. Здесь было все то, что я знал и любил: аппараты, подготовленные опыты. Почти все препятствия были уже преодолены, оставалось лишь обдумать некоторые детали.

Когда-нибудь, Кемп, я опишу вам все эти сложнейшие процессы. Не станем сейчас входить в подробности. По большей части, за исключением некоторых све-

дений, которые я предпочитаю хранить в памяти, все это записано шифром в тех книгах, которые утащил бродяга. Мы должны изловить его. Мы должны вернуть эти книги. Главная задача заключалась в том, чтобы поместить прозрачный предмет, коэффициент преломления которого требовалось понизить, между двумя светоизлучающими центрами эфирной вибрации, — о ней я расскажу вам после. Нет, это не рентгеновские лучи. Не знаю, описывали ли кто-нибудь те лучи, о которых я говорю. Но они существуют, это несомненно. Я пользовался двумя небольшими динамо-машинами, которые приводил в движение при помощи дешевого газового двигателя. Первый свой опыт я проделал над куском белой шерстяной материи. До чего же странно было видеть, как эта белая мягкая материя постепенно таяла, как струя пара, и затем совершенно исчезла!

Мне не верилось, что я это сделал. Я сунул руку в пустоту и нашупал материю, столь же плотную, как и раньше. Я нечаянно дернул ее, и она упала на пол. Я не сразу ее нашел.

А потом я проделал следующий опыт. Я услышал у себя за спиной мяуканье, обернулся и увидел на водосточной трубе за окном белую кошку, тощую и ужасно грязную. Меня словно осенило. «Все готово для тебя», — сказал я, подошел к окну, открыл его и ласково позвал кошку. Она вошла в комнату, мурлыча, — бедняга, она чуть не подыхла от голода, и я дал ей молока. Вся моя провизия хранилась в буфете, в углу. Вылакав молоко, кошка стала разгуливать по комнате, обнюхивая все углы, — очевидно, она решила, что здесь будет ее новый дом. Невидимая тряпка несколько встревожила ее — слышали бы вы, как она зафыркала! Я устроил ее очень удобно на своей складной кровати. Угостил маслом, чтобы она дала вымыть себя.

— И вы подвергли ее опыту?

— Да. Но напоить кошку снадобьями — это не шутка, Кемп! И опыт мой не совсем удался.

— Не совсем?

— По двум пунктам. Во-первых, когти, а во-вторых, пигмент — забыл его название — на задней стенке глаза у кошек, помните?

— Таретум.

— Вот именно, taratum. Этот пигмент не исчезал. После того, как я ввел ей средство для обесцвечивания крови и проделал над ней разные другие процедуры, я дал ей опиума и вместе с подушкой, на которой она спала, поместил ее у аппарата. И потом, когда все обесцветилось и исчезло, остались два небольших пятна — ее глаза.

— Любопытно!

— Я не могу этого объяснить. Конечно, она была забинтована и связана, и я не боялся, что она убежит, но она проснулась, когда превращение еще не совсем закончилось, стала жалобно мяукать, и тут раздался стук в дверь. Стучала старуха, жившая внизу и подозревавшая меня в том, что я занимаюсь вивисекцией, — пьяница, у которой на свете ничего и никого не было, кроме этой кошки. Я поспешил прибегнуть к помощи хлороформа. Кошка замолчала, и я приоткрыл дверь. «Это у вас кошка мяукала? — спросила она. — Уж не моя ли?» — «Вы ошиблись, здесь нет никакой кошки», — ответил я очень любезно. Она не очень-то мне поверила и попыталась заглянуть в комнату. Должно быть, странной ей показалась моя комната: голые стены, окна без занавесей, складная кровать, газовый двигатель в действии, свечение аппарата и слабый дурманящий запах хлороформа. Удовлетворившись этим, она отправилась восвояси.

— Сколько времени нужно на это? — спросил Кемп.

— На опыт с кошкой ушло часа три-четыре. Последние исчезли кости, сухожилия и жир, а также кончики окрашенных волосков шерсти. Но, как я уже сказал, радужное вещество на задней стенке глаза не исчезло.

Когда я закончил опыт, уже наступила ночь; ничего не было видно, кроме туманных пятен на месте глаз и когтей. Я остановил двигатель, нащупал и погладил кошку, которая еще не очнулась, и, развязав ее, оставил спать на невидимой подушке, а сам, чувствуя смертельную усталость, лег в по-

стель. Но уснуть я не мог. В голове проносились смутные, бессвязные мысли. Снова и снова перебирал я все подробно-сти только что произведенного опыта или же забывался лихорадочным сном, и мне казалось, что все окружающее становится смутным, расплывается, и наконец сама земля исчезает у меня из-под ног, и я проваливаюсь, падаю куда-то, как бывает только в кошмаре... Около двух часов ночи кошка проснулась и стала бегать по комнате, жалобно мяукая. Я пытался успокоить ее ласковыми словами, а потом решил выгнать. Помню, как я был потрясен, когда зажег спичку, — я увидел два круглых светящихся глаза и вокруг них — ничего. Я хотел дать ей молока, но его не оказалось. А она все не успокаивалась, села у самых дверей и продолжала мяукать. Я старался поймать ее, чтобы выпустить из окна, но она не давалась в руки и все исчезала. То тут, то там в разных концах комнаты раздавалось ее мяуканье. Наконец я открыл окно и стал метаться по комнате. Вероятно, она испугалась и выскочила в окно. Больше я ее не видел и не слышал.

Потом, бог весть почему, я стал вспоминать похороны отца, холодный ветер, дувший на склоне холма... Так продолжалось до самого рассвета. Чувствуя, что мне не заснуть, я встал и, заперев за собой дверь, отправился бродить по тихим утренним улицам.

— Неужели вы думаете, что и сейчас по свету гуляет невидимая кошка? — спросил Кемп.

— Если только ее не убили, — ответил Невидимка. — А почему бы и нет?

— Почему бы и нет? — повторил Кемп и извинился: — Простите, что я прервал вас.

— Вероятно, ее убили, — сказал Невидимка. — Четыре дня спустя она была еще жива — это я знаю точно: она, очевидно, сидела под забором на Грейт-Тичфилд-стрит, там собралась толпа зевак, старавшихся понять, откуда слышится мяуканье.

С минуту он молчал, потом снова быстро заговорил:

— Я очень ясно помню это утро. Я, вероятно, прошел всю Грейт-Портленд-стрит. Помню казармы на Олбэни-

стрил и выезжавших оттуда кавалеристов. В конце концов я очутился на вершине Примроз-Хилл; я чувствовал себя совсем больным. Был солнечный январский день; в тот год снег еще не выпал, и погода стояла ясная, морозная. Я устало размышлял, стараясь охватить положение, наметить план действий.

Я с удивлением убедился, что теперь, когда я почти достиг заветной цели, это совсем меня не радует. Я был слишком утомлен; от страшного напряжения почти четырехлетней непрерывной работы все мои чувства притупились. Мной овладела апатия, и я тщетно пытался вернуть горение первых дней работы, вернуть то страстное стремление к открытиям, которое дало мне силу хладнокровно погубить старика отца. Я потерял интерес ко всему. Но я понимал, что это — преходящее состояние, вызванное переутомлением и бессонницей, и что если не лекарства, так отдых вернет мне прежнюю энергию.

Ясно я сознавал только одно: дело необходимо довести до конца. Навязчивая идея все еще владела мной. И сделать это надо как можно скорей, ведь я уже истратил почти все деньги. Я оглянулся крутом, посмотрел на играющих детей и следивших за ними нянек и начал думать о тех фантастических преимуществах, которыми может пользоваться невидимый человек. Я вернулся домой, немного поел, принял большую дозу стрихнина и лег спать, не раздеваясь, на неубранной постели. Стрихнин, Кемп, — замечательное укрепляющее средство, он не дает человеку упасть духом.

— Дьявольская штука, — сказал Кемп. — Он превращает вас в эдакого первобытного дикаря.

— Я проснулся, ощущая прилив сил, но и какое-то раздражение. Вам знакомо это состояние?

— Знакомо.

— Кто-то постучал в дверь. Это был домохозяин, пришедший с угрозами и расспросами, старый польский еврей в длинном сером сюртуке и стоптанных туфлях. Я ночью мучил кошку, уверял он, старуха, очевидно, успела уже все разболтать. Он требовал, чтобы я объяснил ему, в чем де-

ло. Вивисекция строго запрещена законом, ответственность может пасть и на него. Я утверждал, что никакой кошки у меня не было. Тогда он заявил, что запах газа от двигателя чувствуется по всему дому. С этим я, конечно, согласился. Он все вертелся вокруг меня, стараясь прошмыгнуть в комнату, заглядывая туда сквозь свои очки в серебряной оправе, и вдруг меня охватил страх, как бы он не проник в мою тайну. Я поспешил встать между ним и аппаратом, но это только подстегнуло его любопытство. Чем я занимаюсь? Почему я всегда один и скрываюсь от людей? Не занимаюсь ли я чем-нибудь преступным? Не опасно ли это? Ведь я ничего не плачу, кроме обычной квартирной платы. Его дом всегда пользовался хорошей репутацией, в то время как соседние дома этим похвастать не могут. Наконец я потерял терпение. Попросил его убраться. Он запротестовал, что-то бормотал про свое право входить ко мне, когда ему уютно. Еще секунда — и я схватил его за шиворот... Что-то с треском порвалось, и он пулей вылетел в коридор. Я захлопнул за ним дверь, запер ее на ключ и, весь дрожа, опустил на стул.

Хозяин еще некоторое время шумел за дверью, но я не обращал на него внимания, и он скоро ушел.

Это происшествие принудило меня к решительным действиям. Я не знал ни того, что он намерен делать, ни что он вправе сделать. Переезд на новую квартиру означал бы задержку в моей работе, а денег у меня в банке осталось всего двадцать фунтов. Нет, никакой проволочки я не мог допустить. Исчезнуть! Искушение было неодолимо. Но тогда начнется следствие, комнату мою разграбят...

Одна мысль о том, что работу мою могут предать огласке или прервать в тот момент, когда она почти закончена, привела меня в ярость и вернула мне энергию. Я поспешно вышел со своими тремя томами заметок и чековой книжкой — теперь все это находится у того бродяги — и отправил их из ближайшего почтового отделения в контору хранения писем и посылок на Грейт-Портленд-стрит. Я постарался выйти из дому как можно тише. Вернувшись, я увидел, что мой домо-

хозяин не спеша поднимается по лестнице, — он, очевидно, слышал, как я запираю дверь. Вы бы расхохотались, если б увидели, как он шарахнулся, когда я догнал его на площадке. Он бросил на меня испепеляющий взгляд, но я пробежал мимо него и влетел к себе в комнату, хлопнув дверью так, что весь дом задрожал. Я слышал, как он, шаркая туфлями, доплелся до моей двери, немного постоял перед ней, потом спустился вниз. Я немедленно стал готовиться к опыту.

Все было сделано в течение этого вечера и ночи. В то время, когда я еще находился под одурманивающим действием снадобий, принятых мной для обесцвечивания крови, кто-то стал стучаться в дверь. Потом стук прекратился, шаги начали удаляться, но вот снова приблизились, и стук в дверь повторился. Кто-то попытался что-то просунуть под дверь — какую-то синюю бумажку. Терпение мое лопнуло, я вскочил, подошел к двери и распахнул ее настежь. «Ну, что еще там?» — спросил я.

Это оказался хозяин, он принес мне повестку о выселении или что-то в этом роде. Он протянул мне бумагу, но, по-видимому, его чем-то удивили мои руки, и он взглянул мне в лицо.

С минуту он стоял, разинув рот, потом выкрикнул что-то нечленораздельное, уронил свечу и бумагу и, спотыкаясь, бросился бежать по темному коридору к лестнице. Я закрыл дверь, запер ее на ключ и подошел к зеркалу. Тогда я понял его ужас. Лицо у меня было белое, как мрамор.

Но я не ожидал, что мне придется так сильно страдать. Это было ужасно. Вся ночь прошла в страшных мучениях, тошноте и обмороках. Я стискивал зубы, все тело горело, как в огне, но я лежал неподвижно, точно мертвый. Тогда-то я понял, почему кошка так мяукала, пока я не захлороформировал ее. К счастью, я жил один, без прислуги. Были минуты, когда я плакал, стонал, разговаривал сам с собой. Но я выдержал все... Я потерял сознание и очнулся только среди ночи, совсем ослабевший.

Боли я уже не чувствовал. Я решил, что умираю, но отнесся к этому совершенно равнодушно. Никогда не забуду это-

го рассвета, не забуду жути, охватившей меня при виде моих рук, словно сделанных из дымчатого стекла и постепенно, по мере наступления дня, становившихся все прозрачнее и тоньше, так что я мог видеть сквозь них все предметы, в беспорядке разбросанные по комнате, хотя и закрывал свои прозрачные веки. Тело мое сделалось как бы стеклянным, кости и артерии постепенно бледнели, исчезали: последними исчезли тонкие нити нервов. Я скрипел зубами, но выдержал до конца... И вот остались только мертвенно-белые кончики ногтей и бурое пятно какой-то кислоты на пальце.

С большим трудом поднялся я с постели. Сначала я чувствовал себя беспомощным, как грудной младенец, ступая ногами, которых не видел. Я был очень слаб и голоден. Подойдя к зеркалу, перед которым я обыкновенно брился, я увидел пустоту, в которой еле-еле можно было еще различить туманные следы пигмента на сетчатой оболочке глаз. Я схватился за край стола и прижался лбом к зеркалу.

Только отчаянным напряжением воли я заставил себя вернуться к аппарату и закончить процесс.

Я проспал все утро, закрыв лицо простыней, чтобы защитить глаза от света; около полудня меня снова разбудил стук в дверь. Силы вернулись ко мне. Я сел, прислушался и услышал шепот. Я вскочил и принялся без шума разбирать аппарат, рассовывая отдельные части его по разным углам, чтобы невозможно было догадаться об его устройстве. Снова раздался стук, и послышались голоса — сначала голос хозяина, а потом еще два, незнакомые. Чтобы выиграть время, я ответил им. Мне попались под руку невидимая тряпка и подушка, и я выбросил их через окно на соседнюю крышу. Когда я открывал окно, дверь оглушительно затрещала. По-видимому, кто-то налег на нее плечом, надеясь высадить замок. Крепкие засовы, приделанные мной за несколько дней до этого, не поддавались. Однако сама попытка встревожила и возмутила меня. Весь дрожа, я стал торопливо заканчивать свои приготовления.

Я собрал в кучу валявшиеся на полу черновики записей, немного соломы, оберточную бумагу и тому подобный хлам

и открыл газ. В дверь посыпались тяжелые и частые удары. Я никак не мог найти спички. В бешенстве я стал колотить по стене кулаком. Я снова завернул газовый рожок, вылез из окна на соседнюю крышу, очень тихо опустил раму и сел — в полной безопасности, невидимый, но дрожа от гнева и нетерпения. Я видел, как от двери оторвали доску, затем отбили скобы засовов, и в комнату вошли хозяин и два его пасынка — два дюжих парня двадцати трех и двадцати четырех лет. Следом за ними семенила старая ведьма, жившая внизу.

Можете себе представить их изумление, когда они нашли комнату пустой. Один из парней сразу подбежал к окну, открыл его и стал оглядываться кругом. Его толстогубая бородастая физиономия с выпученными глазами была от меня на расстоянии фута. Меня так и подмывало хватить кулаком по этой глупой роже, но я сдержался. Он глядел прямо сквозь меня, как и все остальные, которые подошли к нему. Старик вернулся в комнату и заглянул под кровать, а потом все они бросились к буфету. Затем они стали горячо обсуждать происшествие, мешая еврейский жаргон с жаргоном лондонских предместий. Они пришли к заключению, что я вовсе не отвечал на стук и что им это только почудилось. Мой гнев уступил место чувству необычайного торжества: я сидел за окном и спокойно следил за этими четырьмя людьми — старуха тоже вошла в комнату, по-кошачьи подозрительно озираясь, — пытавшимися разрешить загадку моего поведения.

Старик, насколько я мог понять его двуязычный жаргон, соглашался со старухой, что я занимаюсь вивисекцией. Пасынки возражали на ломаном английском языке, утверждая, что я электротехник, и в доказательство ссылались на динамо-машины и излучающие аппараты. Они все побаивались моего возвращения, хотя, как я узнал впоследствии, заперли наружную дверь. Старуха шарила в буфете и под кроватью, а на площадке лестницы появился один из моих соседей по квартире, уличный разносчик, живший вместе с мясником в комнате напротив. Его также пригласили в мою комнату и наговорили ему невесть что.

Мне пришло в голову, что если мои аппараты попадут в руки наблюдательного и толкового специалиста, то они слишком многое откроют ему; поэтому, уловив минуту, я влез в комнату, разъединил динамо-машины и разбил оба аппарата. До чего же они переполошились! Затем, пока они старались объяснить себе это, я выскользнул из комнаты и тихонько спустился вниз.

Я вошел в гостиную и стал ожидать их возвращения; вскоре они пришли, все еще обсуждая происшествие и стараясь найти ему объяснение. Они были немного разочарованы, не найдя никаких «ужасов», и в то же время сильно смущены, не зная, насколько законно они действовали по отношению ко мне. Как только они спустились вниз, я снова пробрался к себе в комнату, захватив коробку спичек, зажег бумагу и мусор, придвинул к огню стулья и кровать, при помощи гуттаперчевой трубки подвел к пламени газ и простился с комнатой.

— Вы подожгли дом?! — воскликнул Кемп.

— Да. Это было единственное средство замести следы, а дом, безусловно, был застрахован... Я отодвинул засов наружной двери и вышел на улицу. Я был невидим и еще только начинал сознавать, какие преимущества это давало мне. Сотни самых дерзких и фантастических планов возникали в моем мозгу, и от сознания полной безнаказанности кружилась голова.

Глава 21

НА ОКСФОРД-СТРИТ

Спускаясь в первый раз по лестнице, я натолкнулся на неожиданное затруднение: ходить, не видя своих ног, оказалось делом нелегким, несколько раз я даже споткнулся. Кроме того, я ощутил какую-то непривычную неловкость, когда взялся за дверной засов. Однако, перестав глядеть на землю, я скоро научился сносно ходить по ровному месту.

Настроение у меня, как я уже сказал, было восторженное. Я чувствовал себя точно зрячий в городе слепых, рас-

хаживающий в мягких туфлях и бесшумных одеждах. Меня все время подмывало подшучивать над людьми, пугать их, хлопать по плечу, сбивать с них шляпы и вообще упиваться необычайным преимуществом своего положения.

Но едва я очутился на Портленд-стрит (я жил рядом с большим мануфактурным магазином), как услышал звон и почувствовал сильный толчок в спину. Обернувшись, я увидел человека, несшего корзину сифонов с содовой водой и в изумлении глядевшего на свою ношу. Удар был очень чувствительный, но человек этот выглядел так комично, что я громко расхохотался. «В корзине черт сидит», — сказал я и неожиданно выхватил ее у него из рук. Он покорно выпустил ее, и я поднял корзину на воздух.

Но тут какой-то болван извозчик, стоявший в дверях пивной, подскочил и хотел схватить корзину, и его протянутая рука угодила мне под ухо, причинив мучительную боль. Я выпустил корзину, которая с треском и звоном упала у ног извозчика, и только среди крика и топота выбежавших из лавок людей, среди остановившихся экипажей сообразил, что я наделал. Проклиная свое безумие, я прислонился к окну лавки и стал выжидать случая незаметно выбраться из сутолоки. Еще минута — и меня втянули бы в толпу, где мое присутствие было бы обнаружено. Я толкнул мальчишку из мясной лавки, к счастью, не заметившего, что его толкнула пустота, и спрятался за пролеткой извозчика. Не знаю, как они распутали эту историю. Я перебежал улицу, на которой, к счастью, не оказалось экипажей, и, напуганный разыгравшимся скандалом, торопливо шел, не разбирая дороги, пока не попал на Оксфорд-стрит, где в вечерние часы всегда полно народу.

Я пытался слиться с потоком людей, но толпа была слишком густа, и через минуту мне стали наступать на пятки. Тогда я спустился в водосточную канаву. Мне было больно ступать босиком, и через минуту оглоблей ехавшей мимо кареты мне угодило под лопатку, по тому самому месту, которое уже ушибли корзиной. Я кое-как уклонился от кареты, судорожным движением избежал столкновения

с детской коляской и очутился позади какой-то пролетки. Счастливая мысль спасла меня: я пошел следом за медленно двигавшейся пролеткой, не отставая от нее ни на шаг. Мое приключение, принявшее столь неожиданный оборот, начинало пугать меня. И я дрожал не только от страха, но и от холода. В этот ясный январский день я был совершенно голый, а тонкий слой грязи на мостовой почти замерз. Как это ни глупо, но я не сообразил, что — прозрачный или нет — я все же подвержен действию погоды и простуде.

Тут мне пришла в голову блестящая мысль. Я забежал вперед и сел в пролетку. Дрожа от холода, испуганный, с первыми признаками насморка, с ушибами и ссадинами на спине, все сильнее дававшими себя чувствовать, я медленно ехал по Оксфорд-стрит, и дальше по Тоттенхем-Корт-роуд. Настроение мое совершенно не походило на то, с каким десять минут назад я вышел из дому. Вот она, моя невидимость! Меня занимала только одна мысль: как выбраться из скверного положения, в какое я попал?

Мы тащились мимо книжной лавки Мьюди; тут какая-то высокая женщина, нагруженная пачкой книг в желтых обложках, окликнула моего извозчика, и я едва успел выскочить, чуть не попав при этом под вагон конки. Я направился к Блумсбери-сквер, намереваясь свернуть за музеем к северу, чтобы добраться до малолюдных кварталов. Я ооченел, и нелепость моего положения так угнетала меня, что я всхлипывал на ходу. На углу Блумсбери-сквер из конторы Фармацевтического общества выбежала белая собачонка и немедленно погналась за мной, обнюхивая землю.

Раньше мне никогда не приходило в голову, что для собаки нос то же, что для человека глаза. Собаки чуют носом движения человека, подобно тому как люди видят их глазами. Мерзкая тварь стала лаять и прыгать вокруг меня, слишком ясно показывая, что она осведомлена о моем присутствии. Я пересек Грейт-Рассел-стрит, все время оглядываясь через плечо, и, только углубившись в Монтегю-стрит, заметил, что движется мне навстречу.

До меня донеслись громкие звуки музыки, и я увидел большую толпу, шедшую со стороны Рассел-сквер, — красные куртки, а впереди знамя Армии спасения. Я не надеялся пробраться незаметно сквозь толпу, запрудившую всю улицу, а повернуть назад, уйти еще дальше на окраину я боялся. Поэтому я тут же принял решение: быстро вбежал на крыльцо белого дома, прямо напротив ограды музея, и остановился в ожидании, пока пройдет толпа. К счастью, собачонка, заслышав музыку, перестала лаять, постояла немного в нерешительности и, поджав хвост, побежала назад, к Блумсбери-сквер.

Толпа приближалась, во все горло распевая гимн, показавшийся мне ироническим намеком: «Когда мы узрим его лик?» Она тянулась мимо меня бесконечно. «Бум, бум, бум» — гремел барабан, и я не сразу заметил, что два мальчугана остановились возле меня. «Глянь-ка», — сказал один. «А что?» — спросил другой. «Следы. Да босиком. Как будто кто по грязи шлепал».

Я поглядел вниз и увидел, что мальчишки, выпучив глаза, рассматривают грязные следы, оставленные мной на свежетыбеленных ступеньках. Прохожие немилосердно толкали их, но они, увлеченные своим открытием, продолжали стоять возле меня. «Бум, бум, бум, когда, бум, узрим мы, бум, его лик, бум, бум...» — «Верно тебе говорю, кто-то взошел босиком на это крыльцо, — сказал один. — А вниз не спускался, и из ноги кровь шла».

Шествие уже скрывалось из глаз. «Гляди, Тед, гляди!» — крикнул младший из глазастых сыщиков в крайнем изумлении, указывая прямо на мои ноги. Я взглянул вниз и сразу увидел смутное очертание своих ног, обрисованное кромкой грязи. На минуту я остолбенел.

«Ах, черт! — воскликнул старший. — Вот так штука! Точно привидение, ей-богу!» После некоторого колебания он подошел ко мне поближе и протянул руку. Какой-то человек сразу остановился, чтобы посмотреть, что это он ловит, потом подошла девушка. Еще секунда — и мальчишка коснулся бы меня. Тут я сообразил, как мне поступить. Шагнул

вперед — мальчик с криком отскочил в сторону, — я быстро перелез через ограду на крыльцо соседнего дома. Но младший мальчуган уловил мое движение, и, прежде чем я успел спуститься на тротуар, он оправился от минутного замешательства и стал кричать, что ноги перескочили через ограду.

Все бросились туда и увидели, как на нижней ступеньке и на тротуаре с быстротой молнии появляются новые следы.

«В чем дело?» — спросил кто-то. «Ноги! Смотрите. Бегут ноги!»

Весь народ на улице, кроме моих трех преследователей, спешил за Армией спасения, и этот поток задерживал не только меня, но и погоню. Со всех сторон сыпались вопросы и раздавались возгласы изумления. Сбив с ног какого-то юношу, я пустился бежать вокруг Рассел-сквер, а человек шесть или семь изумленных прохожих мчались по моему следу. Объясняться, к счастью, им было некогда, а то вся толпа, наверное, кинулась бы за мной.

Дважды я огибал углы, трижды перебежал через улицу и возвращался назад той же дорогой. Ноги мои согрелись, высохли и уже не оставляли мокрых следов. Наконец, уловив минуту, я начисто вытер ноги руками и таким образом окончательно скрылся. Последнее, что я видел из погони, были человек десять, сбившиеся кучкой и с безграничным недоумением разглядывавшие медленно высыхавший отпечаток ноги, угодившей в лужу на Тэвисток-сквер, — единственный отпечаток, столь же необъяснимый, как тот, на который наткнулся Робинзон Крузо.

Это бегство до некоторой степени согрело меня, и я стал пробираться по лабиринту малолюдных улочек и переулков уже в более бодром настроении. Спину ломило, под ухом ныло от удара, нанесенного извозчиком, кожа была расцарапана его ногтями, ноги сильно болели, и из-за пореза на ступне я прихрамывал. Ко мне приблизился какой-то слепой, но я вовремя заметил его и шарахнулся в сторону, опасаясь его тонкого слуха. Несколько раз я случайно сталкивался с прохожими; они останавливались в недоумении, оглушенные неизвестно откуда раздававшейся бранью.

А потом я почувствовал на лице что-то мягкое, и площадь стала покрываться тонким слоем снега. Я, очевидно, простудился и не мог удержаться, чтобы время от времени не чихнуть. А каждая собака, которая попадалась мне на пути и начинала, вытянув морду, с любопытством обнюхивать мои ноги, внушала мне ужас.

Потом мимо меня с криком пробежал человек, за ним другой, третий, а через минуту целая толпа взрослых и детей стала обгонять меня. Они спешили на пожар и бежали по направлению к моему дому. Заглянув в переулок, я увидел густое облако дыма, поднимавшееся над крышами и телефонными проводами. Я не сомневался, что это горит моя квартира; вся моя одежда, аппараты, все мое имущество осталось там, за исключением чековой книжки и трех томов заметок, которые ждали меня на Грейт-Портленд-стрит. Я сжег свои корабли — вернее верного! Весь дом пылал.

Невидимка умолк и задумался. Кемп тревожно посмотрел в окно.

— Ну? — сказал он. — Продолжайте.

Глава 22

В УНИВЕРСАЛЬНОМ МАГАЗИНЕ

— Итак, в январе, в снег и метель, — а стоило снегу покрыть меня, и я был бы обнаружен! — усталый, простуженный, с ломотой во всем теле, невыразимо несчастный и все еще лишь наполовину убежденный в преимуществах своей невидимости, начал я новую жизнь, на которую сам себя обрек. У меня не было ни пристанища, ни средств к существованию, не было ни одного человека во всем мире, которому я мог бы довериться. Раскрыть тайну значило бы отказаться от своих широких планов на будущее: меня просто стали бы показывать как диковинку. Тем не менее я чуть было не решил подойти к какому-нибудь прохожему и отдаться на его милость. Но я слишком хорошо понимал, какой ужас и какую бесчеловечную жестокость возбудила бы

такая попытка. Пока что мне было не до новых планов. Я старался только укрыться от снега, закутаться и согреться — тогда можно было бы подумать и о будущем. Но даже для меня, человека-невидимки, ряды запертых лондонских домов были неприступны.

Только одно видел я тогда отчетливо перед собой: холод, неприютность и страдания предстоящей ночи среди снежной вьюги. И вдруг меня осенила блестящая мысль. Я свернул на улицу, ведущую от Гауэр-стрит к Тоттенхем-Корт-роуд, и очутился перед огромным магазином «Omnium», — вы знаете его, там торгуют решительно всем: мясом, бакалеей, бельем, мебелью, платьем, даже картинами. Это скорее гигантский лабиринт всевозможных лавок, чем один магазин. Я надеялся, что двери магазина будут открыты, но они были закрыты. Пока я стоял перед входом, подъехал экипаж, и швейцар в ливрее, с надписью «Omnium» на фуражке, распахнул дверь. Мне удалось проскользнуть внутрь, и, пройдя первое помещение — это был отдел лент, перчаток, чулок и тому подобное, — я попал в более обширное помещение, где продавались корзины и плетеная мебель.

Однако я не чувствовал себя в полной безопасности, так как тут все время толклись покупатели. Я стал бродить по магазину, пока не попал в огромный отдел на верхнем этаже, который весь был заставлен кроватями. Здесь я наконец нашел себе приют на огромной куче тюфяков. В магазине уже зажгли огонь, было очень тепло; я решил остаться в своем убежище и, внимательно следя за приказчиками и покупателями, расхаживавшими по мебельному отделу, стал дожидаться часа, когда магазин закроют. «Когда все уйдут, — думал я, — я добуду себе и пищу, и платье, обойду весь магазин, узнаю его запасы и, пожалуй, даже посплю на одной из кроватей». Этот план казался мне осуществимым. Я хотел достать платье, чтобы превратиться в закутанную, но все же не возбуждающую особых подозрений фигуру, раздобыть денег, получить свои книги из почтовой конторы, снять где-нибудь комнату и разработать план исполь-

зования тех преимуществ над моими ближними, которые давала мне моя невидимость.

Время закрытия магазина наступило довольно скоро; с тех пор как я забрался на груды тюфяков, прошло не больше часа, и вот я заметил, что шторы на окнах спущены, а последних покупателей выпроваживают. Потом множество проворных молодых людей принялись с необыкновенной быстротой убирать товары, лежавшие в беспорядке на прилавках. Когда толпа стала редеть, я оставил свое логово и осторожно пробрался поближе к центральным отделам магазина. Меня поразила быстрота, с какой целая армия юношей и девушек убирала все, что было выставлено днем для продажи. Все картонки, ткани, гирлянды кружев, ящики со сладостями в кондитерском отделении, всевозможные предметы, разложенные на прилавках, — все это убиралось, сворачивалось и складывалось на хранение, а то, чего нельзя было убрать и спрятать, прикрывалось чехлами из какой-то грубой материи вроде парусины. Наконец все стулья были нагромождены на прилавки, на полу не осталось ничего. Окончив свое дело, молодые люди поспешили уйти с выражением такой радости на лице, какой я никогда еще не видел у приказчиков. Потом появилась орава подростков с опилками, ведрами и щетками. Мне приходилось то и дело увертываться от них, но все же опилки попадали мне на ноги. Разгуливая по темным, опустевшим помещениям, я еще довольно долго слышал шарканье щеток. Наконец через час с лишним после закрытия магазина я услышал, что запирают двери. Воцарилась тишина, и я очутился один в огромном лабиринте отделений и коридоров. Было очень тихо: помню, как, проходя мимо одного из выходов на Тоттенхем-Корт-роуд, я слышал звук шагов прохожих.

Прежде всего я направился в отдел, где видел чулки и перчатки. Было темно, и я еле разыскал спички в ящике небольшой конторки. Но еще нужно было добыть свечку. Пришлось стаскивать покрышки и шарить по ящикам и корбкам, но в конце концов я все же нашел то, что искал; свечи лежали в ящике, на котором была надпись: «Шерстя-

ные панталоны и фуфайки». Потом я взял носки и толстый шерстяной шарф, после чего направился в отделение готового платья, где взял брюки, мягкую куртку, пальто и широкополую шляпу вроде тех, что носят священники. Я снова почувствовал себя человеком и прежде всего подумал о еде.

На верхнем этаже оказалась закусочная, и там я нашел холодное мясо. В кофейнике осталось немного кофе, я зажег газ и подогрел его. В общем, я устроился недурно. Затем я отправился на поиски одеяла, — в конце концов мне пришлось удовлетвориться ворохом пуховых перин, — и попал в кондитерский отдел, где нашел целую грудку шоколада и засахаренных фруктов, которыми чуть не объелся, и несколько бутылок бургундского. А рядом помещался отдел игрушек, которые навели меня на блестящую мысль: я нашел несколько искусственных носов — знаете, из папье-маше — и тут же подумал о темных очках. К сожалению, здесь не оказалось оптического отдела. Но ведь нос был для меня очень важен; сперва я подумал даже о гриме. Раздобыв себе искусственный нос, я начал мечтать о париках, масках и прочем. Наконец я заснул на куче перин, где было очень тепло и удобно.

Еще ни разу, с тех пор как со мной произошла эта необычайная перемена, я не чувствовал себя так хорошо, как в тот вечер, засыпая. Я находился в состоянии полной безмятежности и был настроен весьма оптимистически. Я надеялся, что утром незаметно выберусь из магазина, одевшись и закутав лицо белым шарфом: затем куплю на украденные мною деньги очки, и таким образом экипировка моя будет закончена. Ночью мне снились вперемешку все удивительные происшествия, которые случились со мной за последние несколько дней. Я видел бранящегося еврея-домохозяина, его недоумевающих пасынков, сморщенное лицо старухи, справляющейся о своей кошке. Я снова испытывал странное ощущение при виде исчезнувшей белой ткани. Затем мне представился родной городок и простуженный старичок викарий, шамкающий над могилой моего отца: «Из земли взят и в землю отыдешь»...

«И ты», — сказал чей-то голос, и вдруг меня потащили к могиле. Я вырывался, кричал, умолял могильщиков, но они стояли неподвижно и слушали отпевание; старичок викарый тоже, не останавливаясь, монотонно читал молитвы и прерывал свое чтение лишь чиханьем. Я сознавал, что, не видя меня и не слыша, они все-таки меня одолели. Несмотря на мое отчаянное сопротивление, меня бросили в могилу, и я, падая, ударился о гроб, а сверху меня стали засыпать землей. Никто не замечал меня, никто не подозревал о моем существовании. Я стал судорожно барахтаться — и пропнулся.

Бледная лондонская заря уже занималась: сквозь щели между оконными шторами проникал холодный серый свет. Я сел и долго не мог сообразить, что это за огромное помещение с железными столбами, с прилавками, горами свернутых материй, кучей одеял и подушек. Затем вспомнил все и услышал чьи-то голоса.

Издали, из комнаты, где было светлее, так как шторы там были уже подняты, ко мне приближались двое. Я вскочил, соображая, куда скрыться, и это движение выдало им мое присутствие. Я думал, что они успели заметить только проворно удаляющуюся фигуру. «Кто тут?» — крикнул один. «Стой!» — закричал другой. Я свернул за угол и столкнулся с тощим парнишкой лет пятнадцати. Не забудьте, что я был фигурой без лица! Он взвизгнул, а я сшиб его с ног, бросился дальше, свернул еще за угол, и тут у меня мелькнула счастливая мысль: я распластался за прилавком. Еще минута — и я услышал шаги бегущих людей, отовсюду раздались крики: «Двери, закройте двери!», «Что случилось?» — и со всех сторон посыпались советы, как изловить меня.

Я лежал на полу, перепуганный насмерть. Как это ни странно, в ту минуту мне не пришло в голову, что надо раздеться, а между тем это было бы самое простое. Я решил уйти одетый, и эта мысль завладела мной. Потом по длинному проходу между прилавками разнесся крик: «Вот он!»

Я вскочил, схватил с прилавка стул и пустил им в болвана, который первый крикнул это, потом побежал, наткнул-

ся за углом на другого, отшвырнул его и бросился вверх по лестнице. Он удержался на ногах и с улюлюканьем погнался за мной. На верху лестницы были нагромождены кучи этих пестрых расписных посуды, знаете?

— Горшки для цветов, — подсказал Кемп.

— Вот-вот, цветочные горшки. На верхней ступеньке я остановился, обернулся, выхватил из кучи один горшок и швырнул его в голову подбежавшего болвана. Вся куча горшков рухнула, раздалась крики, и со всех сторон стали сбегаться служащие. Я со всех ног кинулся в закусную. Но там был какой-то человек в белом, вроде повара, и он тоже погнался за мной. Я сделал последний отчаянный поворот и очутился в отделе ламп и скобяных товаров. Я забежал за прилавок и стал ждать повара. Как только он появился впереди погони, я пустил в него лампой. Он упал, а я, скорчившись за прилавком, начал спешно сбрасывать с себя одежду. Куртка, брюки, башмаки — все это удалось скинуть довольно быстро, но эти проклятые фуфайки пристают к телу, как собственная кожа. Повар лежал неподвижно по другую сторону прилавка, оглушенный ударом или перепуганный до потери сознания, но я слышал топот, погоня приближалась, и я должен был снова спастись бегством, точно кролик, выгнанный из кустов.

«Сюда, полисмен!» — крикнул кто-то. Я снова очутился в мебельном отделе, в конце которого стоял целый лес платяных шкафов. Я забрался в самую гущу, лег на пол и, извиваясь, как угорь, освободился наконец от фуфайки. Когда из-за угла появились полисмен и трое служащих, я стоял уже голый, задыхаясь и дрожа от страха. Они набросились на жилетку и кальсоны, уцепились за брюки. «Он бросил свою добычу, — сказал один из приказчиков. — Наверняка он где-нибудь здесь».

Но они меня не нашли.

Я стоял, глядя, как они ищут меня, и проклинал судьбу за свою неудачу, ибо одежды я все-таки лишился. Потом я отправился в закусную, выпил немного молока и, сев у камина, стал обдумывать свое положение.

Вскоре пришли два приказчика и стали горячо обсуждать происшествие. Какой вздор они молולי! Я услышал сильно преувеличенный рассказ о произведенных мною опустошениях и всевозможные догадки о том, куда я подевался. Потом я снова стал обдумывать план действий. Стащить что-нибудь в магазине теперь, после всей этой суматохи, было совершенно невозможно. Я спустился в склад посмотреть, не удастся ли упаковать и как-нибудь отправить оттуда сверток, но не понял их системы контроля. Около одиннадцати часов я решил, что в магазине оставаться бессмысленно, и, так как снег растаял и было теплей, чем накануне, вышел на улицу. Я был в отчаянии от своей неудачи, а относительно будущего планы мои были самые смутные.

Глава 23

НА ДРУРИ-ЛЕЙН

— Теперь вы можете себе представить, — продолжал Невидимка, — как невыгодно было мое положение. У меня не было ни крова, ни одежды. Одеться — значило отказаться от всех моих преимуществ, превратиться в нечто странное и страшное. Я ничего не ел, так как принимать пищу, то есть наполнять себя непрозрачным веществом, значило бы стать безобразно видимым.

— Об этом я не подумал, — сказал Кемп.

— Да и я тоже. А снег открыл мне глаза на другие опасности. Я не мог выходить на улицу, когда шел снег: он облеплял меня и таким образом выдавал. Дождь тоже выдавал бы мое присутствие, очерчивая меня водяным контуром и превращая в поблескивающую фигуру человека — в пузырь. А туман? При тумане я тоже превращался бы в мутный пузырь, в размытый силуэт человека. Кроме того, бродя по улицам при лондонском климате, я пачкал ноги, и на коже оседали сажа и пыль. Я не знал, скоро ли грязь выдаст меня. Но я ясно понимал, что это время не за горами, поскольку речь шла о Лондоне. Я направился к тру-

щобам в районе Грейт-Портленд-стрит и очутился в конце улицы, где жил прежде. Я не пошел этой дорогой, потому что перед еще дымившимися развалинами дома, который я поджег, стояла густая толпа. Мне необходимо было достать платье. Я не знал, чем прикрыть лицо. Тут мне бросилась в глаза одна из тех лавчонок, где продается все: газеты, сласти, игрушки, канцелярские принадлежности, елочные украшения и так далее; в витрине я увидел целую выставку масок и носов. Это снова навело меня на ту же мысль, что и вид игрушек в «Omnium». Я повернул назад уже с определенной целью и, избегая многолюдных улиц, направился к глухим кварталам к северу от Стрэнда: я вспомнил, что где-то в этих местах торгуют своими изделиями несколько театральных костюмеров.

День был холодный, дул пронзительный северный ветер. Я шел быстро, чтобы на меня не натыкались сзади. Каждый перекресток представлял для меня опасность, за каждым прохожим я должен был зорко следить. В конце Бедфорд-стрит какой-то человек, мимо которого я проходил, неожиданно повернулся и, налетев на меня, сшиб меня на мостовую, где я едва не попал под колеса пролетки. Оказавшиеся поблизости извозчики решили, что с ним случилось что-то вроде удара. Это столкновение так подействовало на меня, что я зашел на рынок Ковент-Гарден и там сел в уголок, возле лотка с фиалками, задыхаясь и дрожа от страха. Я, видно, сильно простудился и вынужден был вскоре уйти, чтобы не привлечь внимания своим чиханьем.

Наконец я достиг цели своих поисков, — это была грязная, засиженная мухами лавчонка в переулке близ Друри-Лейн, где в окне были выставлены театральные костюмы, поддельные драгоценности, парики, туфли, домино и фотографии актеров. Лавка была старинная, низкая и темная, а над нею высились еще четыре этажа мрачного, угрюмого дома. Я заглянул в окно и, не увидев никого в лавке, вошел. Звякнул колокольчик. Я оставил дверь открытой, а сам шмыгнул мимо манекена и спрятался в углу за боль-

шим трюмо. С минуту никто не появлялся. Потом я услышал в лавке чьи-то тяжелые шаги.

Я успел уже составить план действий. Я предполагал пробраться в дом, спрятаться где-нибудь наверху, дожидаться удобной минуты и, когда все стихнет, подобрать себе парик, маску, очки и костюм, а там незаметно выскользнуть на улицу, может быть, в весьма нелепом, но все же правдоподобном виде. Между прочим, я надеялся унести и деньги, какие попадутся под руку.

Хозяин лавки был маленький тощий горбун с нахмуренным лбом, длинными неловкими руками и очень короткими кривыми ногами. По-видимому, мой приход оторвал его от еды. Он оглядел лавку, ожидание на его лице сменилось сначала изумлением, а потом гневом, когда он увидел, что в лавке никого нет. «Черт бы побрал этих мальчишек!» — проворчал он. Потом вышел на улицу и огляделся. Через минуту он вернулся, с досадой захлопнул дверь ногой и, бормоча что-то про себя, ушел внутрь дома.

Я выбрался из своего убежища, чтобы последовать за ним, но, услышав мое движение, он остановился как вкопанный. Остановился и я, пораженный тонкостью его слуха. Он захлопнул дверь перед самым моим носом.

Я стоял в нерешительности. Вдруг я снова услышал его быстрые шаги, и дверь опять открылась. Он стал оглядывать лавку: как видно, его подозрения еще не рассеялись окончательно. Затем, все так же что-то бормоча, он осмотрел с обеих сторон прилавков, заглянул под стоявшую в лавке мебель. После этого он остановился, опасливо озираясь. Так как он оставил дверь открытой, я шмыгнул в соседнюю комнату.

Это была странная каморка, убого обставленная, с грудой масок в углу. На столе стоял остывший завтрак. Поверьте, Кемп, мне было нелегко стоять там, вдыхая запах кофе, и смотреть, как он принялся за еду. А ел он очень неаппетитно. В комнате было три двери, из которых одна вела наверх, обе другие — вниз, но все они были закрыты. Я не мог выйти из комнаты, пока он был там, не мог даже двинуться

с места из-за его дьявольской чуткости, а в спину мне дуло. Два раза я чуть было не чихнул.

Ощущения мои были необычны и интересны, но вместе с тем я чувствовал невыносимую усталость и насилу дождался, пока он кончил свой завтрак. Наконец он насытился, поставил свою жалкую посуду на черный жестяной поднос, на котором стоял кофейник, и, собрав крошки с запачканной горчицей скатерти, двинулся с подносом к двери. Так как руки его были заняты, он не мог закрыть за собой дверь, что ему, видимо, хотелось сделать. Никогда в жизни не видел человека, который так любил бы затворять двери! Я последовал за ним в подвал, в грязную, темную кухню. Там я имел удовольствие видеть, как он мыл посуду, а затем, не ожидая никакого толка от моего пребывания внизу, где мои босые ноги вдобавок стыли на каменном полу, я вернулся наверх и сел в его кресло у камина. Так как огонь угасал, то я, не подумав, подбросил углей. Этот шум немедленно привлек хозяина, он прибежал в волнении и начал обшаривать комнату, причем один раз чуть не задел меня. Но и этот тщательный осмотр, по-видимому, мало удовлетворил его. Он остановился в дверях и, прежде чем спуститься вниз, еще раз внимательно оглядел всю комнату.

Я просидел в маленькой гостиной целую вечность. Наконец он вернулся и открыл дверь наверх. Мне удалось проскользнуть вслед за ним.

На лестнице он вдруг остановился, так что я чуть не наскочил на него. Он стоял, повернув голову, глядя мне прямо в лицо и внимательно прислушиваясь. «Готов поклясться...» — сказал он. Длинной волосатой рукой он пощипывал нижнюю губу. Взгляд его скользил по лестнице. Что-то пробурчав, он стал подниматься наверх.

Уже взявшись за ручку двери, он снова остановился с выражением того же сердитого недоумения на лице. Он явно улавливал шорох моих движений. Этот человек, по-видимому, обладал исключительно тонким слухом. Вдруг им овладело бешенство. «Если кто-нибудь забрался в дом!..» — закричал он, крепко выругавшись, и, не dokon-

чив угрозы, сунул руку в карман. Не найдя там того, что искал, он шумно бросился мимо меня вниз. Но я за ним не последовал, а уселся на верхней ступеньке лестницы и стал ждать его возвращения.

Вскоре он появился снова, все еще что-то бормоча. Он открыл дверь, но, прежде чем я успел войти, захлопнул ее перед моим носом.

Я решил осмотреть дом и потратил на это некоторое время, стараясь двигаться как можно тише. Дом был совсем ветхий, до того сырой, что обои отстали от стен, и полный крыс. Почти все дверные ручки поворачивались очень туго, и я боялся их трогать. Некоторые комнаты были совсем без мебели, а другие завалены театральным хламом, купленным, если судить по его виду, из вторых рук. В небольшой комнате рядом со спальней я нашел ворох старого платья. Я стал нетерпеливо рыться в нем и, увлекшись, забыл о тонком слухе хозяина. Я услышал крадущиеся шаги и поднял голову как раз вовремя: хозяин появился на пороге со старым револьвером в руке и уставился на развороченную кучу платья. Я стоял, не шевелясь, все время, пока он с разинутым ртом подозрительно оглядывал комнату: «Должно быть, это она, — пробормотал он. — Черт бы ее побрал!» Он бесшумно закрыл дверь и сейчас же запер ее на ключ. Я услышал его удаляющиеся шаги. И вдруг я понял, что заперт. В первую минуту я растерялся. Прошел от двери к окну и обратно, остановился, не зная, что делать. Меня охватило бешенство. Но я решил прежде всего осмотреть платье, и первая же моя попытка стащить узел с верхней полки снова привлекла хозяина. Он явился еще более мрачный, чем раньше. На этот раз он коснулся меня, отскочил и, пораженный, остановился, разинув рот, посреди комнаты.

Вскоре он несколько успокоился. «Крысы», — сказал он вполголоса, приложив палец к губам. Он явно был несколько испуган. Я бесшумно вышел из комнаты, но при этом скрипнула половица. Тогда этот дьявол стал ходить по всему дому с револьвером наготове, запирая подряд все двери

и пряча ключи в карман. Сообразив, что он задумал, я пришел в такую ярость, что чуть было не упустил удобный случай. Я теперь точно знал, что он один во всем доме. Поэтому я без всяких церемоний хватил его по голове.

— Хватили по голове?! — воскликнул Кемп.

— Да, оглушил его, когда он шел вниз. Ударил стулом, который стоял на площадке лестницы; он покотился вниз, как мешок со старой обувью.

— Но, позвольте, простая гуманность...

— Простая гуманность годится для обыкновенных людей. Вы поймите, Кемп, мне во что бы то ни стало нужно было выбраться из этого дома одетым и так, чтобы он меня не видел. Другого способа я не мог придумать. Потом я заткнул ему рот камзолом эпохи Людовика Четырнадцатого и завязал его в простыню.

— Завязали в простыню?

— Сделал из него нечто вроде узла. Хорошее средство, чтобы напугать этого идиота и лишить его возможности кричать и двигаться, а выбраться из этого узла было не так-то просто. Дорогой Кемп, нечего сидеть и глазеть на меня, как на убийцу. У него ведь был револьвер. А если бы он увидел меня, то мог бы описать мою наружность...

— Но все же, — сказал Кемп, — в Англии, в наше время... И ведь человек этот был у себя дома, а вы... вы совершали грабеж!

— Грабеж? Черт знает что такое! Вы еще, пожалуй, назовете меня вором. Надеюсь, Кемп, вы не настолько глупы, чтобы плясать под старую дудку. Неужели вы не можете понять, каково мне было?

— Могу. Но каково было ему! — сказал Кемп.

Невидимка быстро вскочил.

— Что вы сказали? — спросил он.

Лицо Кемпа приняло суровое выражение. Он хотел было заговорить, но удержался.

— Впрочем, — сказал он, вдруг меняя тон, — пожалуй, ничего другого вам не оставалось. Ваше положение было безвыходным. А все же...

— Конечно, я был в безвыходном положении, в ужасном положении! Да и горбун довел меня до бешенства: гонялся за мной по всему дому, угрожал своим дурацким револьвером, отпирал и запирали двери... Это было невыносимо! Вы ведь не вините меня, правда? Не вините?

— Я никогда никого не виню, — ответил Кемп. — Это совершенно вышло из моды. Ну, а что вы сделали потом?

— Я был голоден. Внизу я нашел каравай хлеба и немного прогорклого сыра, этого было достаточно, чтобы утолить мой голод. Потом я выпил немного коньяку с водой и прошел мимо завязанного в простыню узла — он лежал не шевелясь — в комнату со старым платьем. Окно этой комнаты, завешенное грязной кружевной занавеской, выходило на улицу. Я осторожно выглянул. День был яркий, ослепительно яркий по сравнению с сумраком утрюмого дома, в котором я находился. Улица была очень оживленная: тележки с фруктами, пролетки, ломовик с кучей ящиков, повозка рыботорговца. У меня зарябило в глазах, и я вернулся к полутемным полкам. Возбуждение мое улеглось, я трезво оценил положение. В комнате стоял слабый запах бензина, употреблявшегося, очевидно, для чистки платья.

Я начал тщательно осматривать комнату за комнатой. Очевидно, горбун уже давно жил в этом доме один. Любопытная личность... Все, что только могло мне пригодиться, я собрал в комнату, где лежали костюмы, потом стал тщательно отбирать. Я нашел саквояж, который мог оказаться мне очень полезным, пудру, румяна и липкий пластырь.

Сначала я хотел было накрасить и напудрить лицо, чтобы сделать его видимым, но тут же сообразил, что в этом есть большое неудобство: для того, чтобы снова исчезнуть, мне понадобились бы скипидар и некоторые другие средства, не говоря уж о том, что это отнимало бы много времени. Наконец я выбрал маску, слегка карикатурную, но не более, чем многие человеческие лица, темные очки, бакенбарды с проседью и парик. Белья я не нашел, но его можно было приобрести впоследствии, а пока что я закутался в миткалевый плащ и белый кашемировый шарф; носков не

было, но башмаки горбуна пришлись почти впору. В кассе оказалось три соверена и на тридцать шиллингов серебра, а взломав шкаф, я нашел восемь фунтов золотом. Снаряженный таким образом, я снова мог выйти на белый свет.

Тут на меня напало сомнение: действительно ли моя наружность правдоподобна? Я внимательно осмотрел себя в маленьком зеркальце, поворачиваясь то так, то этак, проверяя, не упустил ли я чего-нибудь. Нет, как будто все в порядке: фигура, конечно, гротескная, вроде театрального нищего, но общий вид сносный, бывают и такие люди. Немного успокоенный, я сошел с зеркальцем в лавку, опустил занавески и снова осмотрел себя со всех сторон в трюмо.

Несколько минут я собирался с духом, наконец отпер дверь и вышел на улицу, предоставив маленькому горбуну собственными силами выбираться из простыни. Сначала я сворачивал за угол на каждом перекрестке. Мой вид не привлекал ничьего внимания. Казалось, я перешагнул через последнее препятствие.

Он замолчал.

— А горбуна вы так и бросили на произвол судьбы? — спросил Кемп.

— Да, — сказал Невидимка. — Не знаю, что с ним случилось. Вероятно, он развязал простыню, вернее, разорвал ее. Узлы были крепкие.

Он снова замолчал, поднялся и стал смотреть в окно.

— Ну, а потом вы вышли на Стрэнд, и что же дальше?

— О, снова разочарование! Я думал, что мытарства мои кончились. Воображал, что теперь я могу безнаказанно делать все, что вздумается, если только сохраню свою тайну. Так мне казалось. Я мог делать все, что угодно, не считаясь с последствиями: стоило только скинуть платье, чтоб исчезнуть. Задержать меня никто не мог. Деньги можно брать где угодно. Я решил задать себе великолепный пир, поселиться в хорошей гостинице и обзавестись новым имуществом. Самоуверенность моя не знала границ, даже вспоминать неприятно, каким я был ослом. Я зашел в ресторан, стал заказывать обед и вдруг сообразил, что, не открыв лица, не мо-

гу начать есть. Я заказал обед и вышел взбешенный, сказав официанту, что вернусь через десять минут. Не знаю, приходилось ли вам, Кемп, голодному, как волк, испытывать такое разочарование?

— Такое — никогда, — сказал Кемп, — но я вполне себе это представляю.

— Я готов был убить их, этих кретин. Наконец, совсем измученный голодом, я зашел в другой ресторан и потребовал отдельную комнату. «Я изуродован, — сказал я. — Получил сильные ранения». Официанты смотрели на меня с любопытством, но расспрашивать, конечно, не смели, и я наконец пообедал. Сервировка оставляла желать лучшего, но я вполне насытился и, затянувшись сигарой, стал обдумывать, как быть дальше. На дворе начиналась вьюга.

Чем больше я думал, Кемп, тем яснее понимал, как бесполезен и нелеп невидимый человек в сыром и холодном климате, в огромном цивилизованном городе. До моего безумного опыта мне рисовались всевозможные преимущества. Теперь же я не видел ничего хорошего. Я перебрал в уме все, чего может желать человек. Правда, невидимость позволяла многого достигнуть, но не позволяла мне пользоваться достигнутым. Честолюбие? Но что в высоком звании, если обладатель его принужден скрываться? Какой толк в любви женщины, если она должна быть Далилой? Меня не интересует ни политика, ни сомнительная популярность, ни филантропия, ни спорт. Что же мне оставалось? Чего ради я обратился в запеленатую тайну, в закутанную и забинтованную пародию на человека?

Он умолк и, казалось, посмотрел в окно.

— А как же вы очутились в Айпинге? — спросил Кемп, чтобы не дать оборваться разговору.

— Я поехал туда работать. У меня тогда мелькнула смутная надежда. Теперь эта мысль созрела. Вернуться в прежнее состояние. Вернуться, когда мне это понадобится, когда я невидимкой сделаю все, что хочу. Об этом-то прежде всего мне и надо поговорить с вами.

— Вы поехали прямо в Айпинг?

— Да. Получил свои заметки и чековую книжку, приобрел белье и все необходимое, заказал реактивы, при помощи которых хотел осуществить свой замысел (как только получу книги, покажу вам все вычисления), и поехал. Боже, что за метель была, и как трудно было уберечь проклятый картонный нос, чтобы он не размок от снега!

— Если судить по газетам, — сказал Кемп, — третьего дня, когда вас обнаружили, вы немного...

— Да, немного... Укокошил я этого болвана полисмена?

— Нет, — сказал Кемп, — говорят, он выздоравливает.

— Ну, значит, ему повезло. Я совсем взбесился. Вот дураки! Чего они пристали ко мне? Ну а этот остолоп лавочник?

— Смертных случаев не предвидится, — сказал Кемп.

— Что касается моего бродяги, — сказал Невидимка, зловеще посмеиваясь, — то это еще неизвестно. Ей-богу, Кемп, вам с вашим характером не понять, что такое бешенство! Работаешь долгие годы, придумываешь, строишь планы, и потом какой-нибудь безмозглый, тупой идиот становится тебе поперек дороги! Дураки всех сортов, какие только существуют на свете, старались помешать мне. Если так будет продолжаться, я взбешусь окончательно и начну крошить их направо и налево. Из-за них теперь все стало в тысячу раз трудней.

— В самом деле, положение незавидное, — сухо обронил Кемп.

Глава 24

НЕУДАВШИЙСЯ ПЛАН

— Ну, — сказал Кемп, покосившись на окно, — что же мы теперь будем делать?

Он придвинулся ближе к Невидимке, чтобы заслонить от него троих людей, невероятно медленно, как казалось Кемпу, подымавшихся по холму.

— Что вы собирались делать в Порт-Бэрдоке? У вас есть какой-нибудь план?

— Я хотел удрать за границу. Но, встретив вас, я переменял намерение. Так как стало теплей и мне легче быть невидимым, я думал, что лучше всего мне двинуться на юг. Ведь тайна моя раскрыта, и здесь все будут искать закутанного человека в маске. А отсюда есть пароходное сообщение с Францией. Я думал, что можно рискнуть переправиться туда на каком-нибудь пароходе. А из Франции я мог бы по железной дороге поехать в Испанию или даже в Алжир. Это было бы нетрудно. Там можно круглый год оставаться невидимкой. Бродягу этого я превратил бы в подвижной склад моих денег и книг, пока не устроился бы с пересылкой того и другого по почте.

— Понятно.

— И вдруг этому скоту вздумалось пожить моим имуществом! Он украл мои книги, Кемп! Мои книги! Попадись он мне только!..

— Первым делом надо отобрать у него книги.

— Да где же он? Разве вы знаете?

— Он заперт в городском полицейском управлении, в самой глухой тюремной камере, какая только там нашлась: сам об этом попросил.

— Негодяй! — вырвалось у Невидимки.

— Это несколько нарушает ваши планы.

— Нужно добыть книги, они необходимы.

— Конечно, — согласился Кемп, прислушиваясь к шагам на дворе. — Конечно, книги непременно надо добыть. Но это будет нетрудно, если только он не узнает, что их требуют для вас.

— Верно, — сказал Невидимка и задумался.

Кемп безуспешно пытался поддержать разговор, но тут Невидимка заговорил сам:

— Теперь, когда я очутился у вас, Кемп, все мои планы меняются. Вы человек, способный понять меня. Еще можно сделать многое, очень многое, несмотря на потерю книг, на огласку, несмотря на все, что случилось и что я перенес... Вы никому не говорили обо мне? — спросил он вдруг.

Кемп на мгновение замялся.

— Ведь я обещал, — сказал он.

— Никому? — повторил Гриффин.

— Ни единой душе.

— Ну, тогда... — Невидимка встал и, сунув руки в карманы, зашагал по комнате. — Да, это была ошибка, Кемп, огромная ошибка, что я взялся один за это дело. Напрасно потрачены силы, время, возможности. Один... Удивительно, как беспомощен человек, когда он один! Мелкая кража, потасовка — и все.

Я нуждаюсь в пристанище, Кемп, мне нужен человек, который помог бы мне, спрятал бы меня, мне нужно место, где я мог бы спокойно, не возбуждая ничьих подозрений, есть, спать и отдыхать. Словом, мне нужен сообщник. Тогда возможно все. До сих пор я действовал наобум. Теперь мы обсудим все те выгоды, которые дает невидимость, и все трудности. Заниматься подслушиванием и тому подобным — толку мало: тебя тоже слышно. Воровать это помогает, но не очень. Хоть поймать меня трудно, но, поймав, ничего не стоит засадить в тюрьму. Невидимость полезна, когда надо бежать или, наоборот, подкрадываться. Значит, она хороша при убийстве. Как бы человек ни был вооружен, я легко могу выбрать наименее защищенное место, ударить, спрятаться и удрать, как и куда пожелаю.

Кемп погладил усы. Кажется, кто-то движется вниз.

— Мы должны заняться убийствами, Кемп.

— Заняться убийствами, — повторил Кемп. — Я слушаю вас, Гриффин, но это не значит, что я соглашаюсь с вами. Зачем мы должны убивать?

— Не бессмысленно убивать, а разумно отнимать жизнь. Дело обстоит следующим образом: они знают, что существует Невидимка, знают не хуже нас с вами. И этот Невидимка, Кемп, должен установить царство террора. Вы изумлены, конечно. Но я говорю не шутя: царство террора. Невидимка должен захватить какой-нибудь город, хотя бы этот ваш Бэрдок, терроризировать население и подчинить своей воле всех и каждого. Он издаст свои приказы. Осуществить это можно тысячью способов, скажем, подсовывать

под двери листки бумаги. И кто дерзнет послушаться, будет убит, так же, как и его заступники.

— Гм, — пробормотал Кемп, прислушиваясь больше к скрипу отворявшейся внизу двери, чем к словам Гриффина. — Я думаю, Гриффин, — сказал он, стараясь казаться внимательным, — что положение вашего сообщника оказалось бы не из легких.

— Никто не будет знать, что он мой сообщник, — горячо возразил Невидимка и вдруг остановился. — Стойте, что там такое?

— Ничего, — сказал Кемп и вдруг заговорил громко и быстро: — Я не могу согласиться с вами, Гриффин. Поймите же, не могу. К чему вести заведомо проигранную игру? Разве это может дать вам счастье? Не уподобляйтесь одинокому волку. Опубликуйте ваше открытие; если не хотите рассказать о нем всему миру, то доверьте его по крайней мере своей стране. Подумайте, чего вы могли бы добиться с миллионом помощников...

Невидимка прервал Кемпа.

— Шаги на лестнице, — прошептал он, подняв руку.

— Не может быть, — сказал Кемп.

— Сейчас посмотрим.

И Невидимка шагнул к двери. После секундного колебания Кемп бросился ему наперерез. Невидимка, вздрогнув, остановился.

— Предатель! — крикнул Голос, и халат расстегнулся. Бросившись в кресло, Невидимка начал раздеваться. Кемп сделал несколько торопливых шагов к двери, и сейчас же Невидимка — ног его уже не было видно — с криком вскочил. Кемп распахнул дверь настежь.

Снизу отчетливо донеслись голоса и топот бегущих ног.

Кемп оттолкнул Невидимку, выскочил в коридор и хлопнул дверь. Ключ заранее был вставлен снаружи. Еще мгновение — и Гриффин очутился бы в кабинете один под замком. Но помешала случайность. Наспех вставленный утром ключ от толчка выскочил и со стуком упал на ковер.

Кемп помертвел. Схватившись обеими руками за ручку, он изо всех сил старался удержать дверь. Несколько мгно-

вений ему это удавалось. Потом дверь приоткрылась дюймов на шесть, он ее снова быстро прихлопнул. В другой раз она рывком открылась на фут, и в щель стал протискиваться халат. Невидимые пальцы схватили Кемпа за горло, и ему пришлось выпустить ручку двери, чтобы защищаться. Он был оттеснен, опрокинут и с силой отброшен в угол площадки. Пустой халат упал на него.

На лестнице стоял полковник Эдай, начальник бэрдокской полиции, которому Кемп написал письмо. Он с ужасом глядел на неожиданно появившегося Кемпа и на болтающиеся в воздухе пустые предметы одежды. Он видел, как Кемп был опрокинут, как он с трудом поднялся, сделал шаг вперед и опять рухнул на пол.

И вдруг его самого что-то ударило. Удар из пустоты! Будто на него навалилась огромная тяжесть. Чьи-то пальцы сдавили ему горло, чье-то колено ударило его в пах, и он кубарем скатился с лестницы. Невидимая нога наступила ему на спину, кто-то зашлепал по лестнице босыми ногами; внизу, в прихожей, оба полицейских вскрикнули и побежали, входная дверь с шумом захлопнулась.

Полковник Эдай приподнялся и сел, бессмысленно озираясь. Сверху, пошатываясь, сходил Кемп, растрепанный и перепачканный; щека у него побелела от удара, из разбитой губы текла кровь, в руках он держал халат и другие части туалета.

— Удрал! — крикнул Кемп. — Плохо дело. Удрал!

Глава 25

ОХОТА НА НЕВИДИМКУ

Сначала Эдай ничего не мог понять из бессвязного рассказа Кемпа. Они оба стояли на лестнице, и Кемп все еще держал в руках одежду, оставшуюся от Гриффина. Наконец Эдай начал понимать суть происшедшего.

— Он помешанный, — торопливо говорил Кемп, — это не человек, а зверь. Думает только о себе. Он не считается

ни с чем, кроме собственной выгоды и безопасности. Я его выслушал сегодня — это злобный эгоист... Пока он только калечил людей. Но он будет убивать, если мы его не схватим. Он вызовет панику. Он ни перед чем не остановится. И он теперь на воле, обезумевший от ярости!

— Ясно одно: его надо поймать, — сказал Эдай.

— Но как? — воскликнул Кемп и вдруг разразился потоком слов: — Надо сейчас же принять меры. Надо всех поднять на ноги, чтобы Гриффин не ушел из этих мест. Иначе он будет колесить по стране, калечить и убивать людей. Он мечтает о царстве террора! Понимаете ли вы: террора! Вы должны установить надзор на железных дорогах, на шоссе, на судах. Вызовите войска. Единственная надежда на то, что он не уйдет, пока не достанет своих заметок, которые очень ценит. Я вам потом объясню. У вас в полицейском управлении сидит некий Марвел...

— Знаю, — сказал Эдай. — Книги, да. Но ведь этот бродяга...

— Не сознается, что книги у него. Но Невидимка уверен, что Марвел их спрятал. А главное, надо не давать Невидимке ни есть, ни спать. Днем и ночью люди должны бодрствовать, сторожить, чтобы он не мог достать никакой еды. Все должно быть на запоре. Все дома на запор! Дай бог, чтобы были холода и дожди! Все от мала до велика должны участвовать в охоте! Поймите, Эдай, его надо поймать во что бы то ни стало! Иначе нам грозят неисчислимые бедствия, подумать и то страшно.

— Так мы и будем действовать, — сказал Эдай. — Сейчас же пойду и возьмусь за дело. А может, и вы пойдете со мной? Пойдемте! Мы устроим военный совет, пригласим Хопса, администрацию железной дороги. Ей-богу, нельзя терять ни минуты... А по дороге расскажете мне все подробно. Что же еще предпринять? Да бросьте вы этот халат!

Через минуту Эдай и Кемп уже были внизу. Дверь была открыта настежь, и двое полицейских все еще глазели в пустоту.

— Сбежал, сэр, — доложил один из них.

— Мы сейчас отправляемся в Центральное управление, — сказал Эдай. — Один из вас пусть найдет извозчика

и велит ему догнать нас. Да поворачивайтесь! Итак, Кемп, что же дальше?

— Собак надо, — сказал Кемп. — Найдите собак. Они не видят, но чувят. Найдите собак.

— Хорошо, — согласился Эдай. — Скажу вам по секрету: у тюремного начальства в Холстэде есть человек, который держит ищеек. Итак, собаки. Дальше.

— Не забудьте, — сказал Кемп, — что пища, поглощенная им, видна. Она видна, пока не усвоится организмом. Значит, после еды он должен прятаться. Надо обыскать каждый кустик, каждый уголок. Надо убрать все оружие и все, что может служить оружием. Ему ничего нельзя подолгу носить с собой. А все, чем можно воспользоваться, чтобы нанести удар, нужно спрятать подальше.

— Сделаем и это, — сказал Эдай. — Он от нас не уйдет, дайте срок.

— А по дорогам... — начал Кемп и запнулся.

— Что? — спросил Эдай.

— Насыпать толченого стекла. Это, конечно, жестоко, но если подумать, что он может натворить...

Эдай свистнул:

— Не слишком ли это? Нечестная игра. Впрочем, велю приготовить на случай, если он слишком зарвется.

— Говорю вам, что это уже не человек, а зверь, — сказал Кемп. — Не сомневаюсь, что он осуществит свою мечту о терроре, стоит ему только оправиться после бегства. Мы должны во что бы то ни стало его опередить. Он сам бросил вызов человечеству. Так пусть заплатит за это кровью!

Глава 26

УВИДСТВО УИКСТИДА

Невидимка, по всем признакам, выбежал из дома Кемпа в совершенном бешенстве. Маленький ребенок, игравший у калитки, был поднят на воздух и с такой силой отброшен в сторону, что сломал ножку. После этого Невидимка на не-

сколько часов исчез. Никто так и не узнал, куда он направился и что делал. Но можно легко представить себе, как он бежал в знойный июньский полдень в гору и дальше, по меловым холмам за Порт-Бэрдоком, кляня свою судьбу, и наконец, усталый и измученный, нашел приют в кустарнике близ Хинтондина, где решил собраться с мыслями и заново обдумать рухнувшие планы борьбы против себе подобных. Скорее всего, он сразу же укрылся именно в этих местах, потому что около двух часов пополудни он обнаружил там свое присутствие самым зловещим, трагическим образом.

Каково было тогда его настроение и что он замышлял, можно только догадываться. Несомненно, он был до крайности взбешен предательством Кемпа, и, хотя вполне понятны мотивы, руководившие Кемпом, все же нетрудно представить себе гнев, который должна была вызвать такая неожиданная измена, и даже отчасти оправдать его. Быть может, Невидимку снова охватило то чувство растерянности, которое он испытал во время событий на Оксфорд-стрит, — ведь он явно рассчитывал, что Кемп поможет ему осуществить жестокий план — подвергнуть человечество террору. Как бы то ни было, около полудня он исчез, и никто не знает, что он делал до половины третьего. Для человечества это, возможно, и к лучшему, но для него самого такое бездействие оказалось роковым.

В эти два с половиной часа за дело принялось множество людей, рассеянных по всей округе. Утром Невидимка был еще просто сказкой, пугалом; в полдень же благодаря сухому, но выразительному воззванию Кемпа он превратился уже в совершенно осязаемого противника, которого надо было ранить, захватить живым или мертвым, и все население с невероятной быстротой стало готовиться к борьбе. Даже в два часа дня Невидимка еще мог бы спастись, забравшись в поезд, но после двух это стало уже невыполнимо. По всем железнодорожным линиям на обширном пространстве между Саутгемптоном, Манчестером, Брайтоном и Хоршэмом пассажирские поезда шли с запертыми дверями, а товарное движение почти прекратилось. В большом

круге, радиусом миль в двадцать вокруг Порт-Бэрдока, по дорогам и полям рыскали группы по три-четыре человека с ружьями, дубинками и собаками.

Конные полицейские объезжали окрестные селения, останавливались у каждого дома и предупреждали жителей, чтобы они запирали двери и не выходили без оружия. В три часа закрылись школы, и перепуганные дети тесными кучками бежали домой. Часам к четырем воззвание, составленное Кемпом и подписанное Эдаем, было уже расклеено по всей округе. В нем кратко, но ясно были указаны все меры борьбы: не давать Невидимке есть и спать, быть все время настороже, чтобы принять решительные меры, если где-либо обнаружится его присутствие. Действия властей были так быстры и энергичны, а страх перед ужасной опасностью так силен, что до наступления ночи во всей округе на протяжении нескольких сот квадратных миль было введено осадное положение. И вот в тот же вечер по всему напуганному и насторожившемуся краю пронесся трепет ужаса: из уст в уста передавали слух, молниеносный и достоверный, об убийстве мистера Уикстида.

Если наше предположение, что Невидимка укрылся в кустарнике близ Хинтондина, правильно, то он, очевидно, вскоре после полудня вышел оттуда с неким намерением, для выполнения которого требовалось оружие. Что это было за намерение, установить нельзя, но оно было. Это, на мой взгляд, неопровержимо; ведь не случайно еще до стычки с Уикстидом Невидимка где-то добыл железный прут.

О подробностях этой стычки мы, разумеется, ничего не знаем. Произошла она на краю песчаного карьера, ярдов за двести от ворот виллы лорда Бэрдока. Все указывает на отчаянную борьбу: утоптанная земля, многочисленные раны Уикстида, его сломанная трость; но трудно себе представить, что могло послужить причиной нападения, кроме мании убийства. Мысль о помешательстве напрашивается сама собой. Мистер Уикстид, управляющий лорда Бэрдока, человек лет сорока пяти, был самым безобидным существом на свете и, уж конечно, никогда первым не напал бы на та-

кого страшного врага. Раны, по-видимому, были нанесены мистеру Уикстиду железным прутом, вытасканным из сломанной ограды. Невидимка остановил этого мирного человека, спокойно направлявшегося домой завтракать, напал на него, быстро сломил его слабое сопротивление, перебил ему руку, повалил беднягу наземь и разможил ему голову.

Железный прут он, вероятно, вытащил из ограды еще до встречи со своей жертвой, — должно быть, он держал его уже наготове. Еще две подробности проливают некоторый свет на это происшествие. Во-первых, песчаный карьер находился не совсем на пути мистера Уикстида к дому, а ярдов на двести в сторону. Во-вторых, по свидетельству маленькой девочки, которая возвращалась из школы, покойный какой-то странной походкой «трусил» через поле по направлению к карьере. По тому, как она это изобразила, можно было заключить, что он словно преследовал что-то движущееся по земле, время от времени замахиваясь тростью. Девочка была последней, кто видел несчастного мистера Уикстида живым. Он шел прямо навстречу смерти; он спустился в ложбинку, и росшие там деревья скрыли от девочки последнюю схватку.

Эти подробности, по крайней мере в глазах пишущего эти строки, делают убийство Уикстида не столь беспричинным. Можно представить себе, что Гриффин прихватил железный прут, конечно, как оружие, но без умысла совершить убийство. Тут мог попасться на дороге Уикстид и увидеть прут, который непонятным образом двигался по воздуху. Нисколько не думая о Невидимке — ведь от этих мест до Порт-Бэрдока десять миль, — он мог последовать за прутом. Весьма вероятно, что он даже и не слышал о Невидимке. Легко далее допустить, что Невидимка стал потихоньку удаляться, не желая обнаруживать свое присутствие, а Уикстид, возбужденный и заинтересованный, не отставал от странного самодвижущегося предмета и наконец ударил по нему.

Конечно, при обычных обстоятельствах Невидимка мог бы без особого труда уйти от своего уже немолодого пре-

следователя, но положение тела убитого Уикстида дает основание думать, что тот имел несчастье загнать своего противника в угол между густой зарослью крапивы и песчаным карьером. Помня крайнюю раздражительность Невидимки, нетрудно представить себе остальное.

Все это, впрочем, одни догадки. Единственные несомненные факты (ибо на рассказы детей не всегда можно полагаться) — это тело убитого Уикстида и окровавленный железный прут, валявшийся в крапиве. Очевидно, Гриффин бросил прут потому, что, охваченный волнением, забыл о цели, для которой им вооружился, если вначале такая цель и была. Конечно, он был большой эгоист и человек бесчувственный, но вид жертвы, его первой жертвы, окровавленной и жалкой, распростертой у его ног, мог пробудить в нем забытое раскаяние и на время отвлечь его от злодейских намерений.

После убийства мистера Уикстида Невидимка, по всей вероятности, бежал в сторону холмов. Рассказывают, что два работника на поле у Ферн-Боттом слышали вечером какой-то таинственный голос. Кто-то рыдал, смеялся, охал и стонал, а порой громко вскрикивал. Должно быть, жутко было это слушать. Голос пронесся над клеверным полем и замер вдалеке у холмов.

В этот вечер Невидимке, вероятно, пришлось узнать, как быстро воспользовался Кемп его откровенностью. Должно быть, он нашел все двери на замке, бродил по железнодорожным станциям, подкрадывался к гостиницам, без сомнения, прочел расклеенные повсюду воззвания и понял, какой предпринят против него поход. С наступлением вечера по полям разбрелись группы вооруженных людей и раздавался собачий лай. Эти охотники на человека получили специальные указания, как помогать друг другу в случае схватки с врагом. Но Невидимке удалось избежать встречи с ними. Мы можем отчасти понять его ярость, если вспомним, что он сам сообщил все сведения, которые так беспощадно обращались теперь против него. В этот день по крайней мере он пал духом. Почти целые сутки, если не считать

стычки с Уикстидом, он чувствовал себя как затравленный зверь. Ночью ему удалось, вероятно, поесть и поспать, ибо утром к нему снова вернулось присутствие духа: он опять стал сильным, деятельным, хитрым и злобным и был готов к своей последней великой борьбе со всем миром.

Глава 27

В ОСАЖДЕННОМ ДОМЕ

Кемп получил странное послание, написанное карандашом на засаленном клочке бумаги:

«Вы проявили изумительную энергию и сообразительность, — говорилось в письме, — хотя я не представляю себе, чего вы надеетесь этим достичь. Вы против меня. Весь день вы травили меня, хотели лишить меня отдыха и ночью. Но я насытился вопреки вам, выспался вопреки вам, и игра еще только начинается. Игра только начинается! Мне ничего не остается, как прибегнуть к террору. Настоящим письмом я провозглашаю первый день Террора. Отныне Порт-Бэрдок уже не под властью королевы, передайте это вашему начальнику полиции и его шайке, — он под моей властью, под Властью Террора. Нынешний день — первый день первого года новой эры — эры Невидимки. Я — Невидимка Первый. Сначала мое правление будет милосердным. В первый день будет совершена только одна казнь, для острастки, казнь человека по фамилии Кемп. Сегодня смерть достигнет этого человека. Пусть запирается, пусть прячется, пусть окружает себя охраной, пусть оденется в броню, если угодно, — смерть, незримая смерть приближается к нему. Пусть принимает меры предосторожности: тем большее впечатление его смерть произведет на мой народ. Смерть двинется из почтового ящика сегодня в полдень. Письмо будет опущено в ящик перед самым приходом почтальона — и в путь! Игра началась. Смерть надвигается на него. Не помогай ему, дабы смерть не постигла и тебя. Сегодня Кемп должен умереть».

Кемп дважды прочел письмо.

— Это не шутки, — сказал он. — Это его голос! И он будет действовать.

Перевернув листок, он увидел на адресе штемпель «Хинтондин» и прозаическую записку: «Доплатить 2 пенса».

Кемп встал из-за стола, не докончив завтрака, — письмо пришло в два часа дня, — и поднялся в свой кабинет. Он позвонил экономке, велел ей немедленно обойти весь дом, осмотреть все задвижки на окнах и закрыть ставни. Из запертого ящика стола в спальне он вынул небольшой револьвер, тщательно осмотрел его и положил в карман домашней куртки. Затем он написал несколько записок, в том числе и полковнику Эдаю, и поручил служанке отнести их, дав ей при этом точные наставления, как выйти из дому.

— Опасности нет никакой, — сказал он, прибавив про себя: «Для вас». После этого он некоторое время сидел задумавшись, а потом вернулся к остывшему завтраку.

Он ел рассеянно, погруженный в свои мысли. Потом сильно ударил кулаком по столу.

— Мы его поймаем! — воскликнул он. — И приманкой буду я. Он зарвется.

Кемп поднялся наверх, тщательно закрывая за собой все двери.

— Это игра, — сказал он. — И игра необычайная. Но все шансы на моей стороне, мистер Гриффин, хоть вы невидимы и храбры. Гриффин *contra mundum*¹.

Он стоял у окна, глядя на залитый солнцем косогор.

— Ведь ему надо добывать себе пищу каждый день. Не завидую ему. А верно ли, что прошлой ночью ему удалось поспать? Где-нибудь под открытым небом, чтобы никто не мог на него наткнуться... Вот если бы вместо этой жары наступили холода и слякоть... А ведь он, быть может, в эту самую минуту наблюдает за мной.

Кемп вплотную подошел к окну и вдруг в испуге отскочил. Что-то с силой ударило в стену над рамой.

¹ Против всего мира (*лат.*).

— Однако нервы у меня расходились, — проговорил он про себя, но добрых пять минут не решался подойти к окну. — Воробей, должно быть, — сказал он.

Тут он услышал звонок у входной двери и поспешил вниз. Он отодвинул засов, повернул ключ, осмотрел цепь, закрепил ее и осторожно приоткрыл дверь, не показываясь сам. Знакомый голос окликнул его. Это был полковник Эдай.

— На вашу служанку напали, — сказал Эдай из-за двери.

— Что?! — воскликнул Кемп.

— У нее отняли вашу записку. Он где-нибудь поблизости. Впустите меня.

Кемп снял цепь, и Эдай кое-как протиснулся в узкую щель чуть приоткрытой двери. Он облегченно вздохнул, когда Кемп снова наложил засов.

— Записку вырвали у нее из рук. Она страшно испугалась. Сейчас она у меня в управлении. С ней истерика. Он где-нибудь поблизости. Что было в записке?

Кемп выругался.

— И дурак же я! — сказал он. — Мог бы догадаться: ведь отсюда до Хинтондина меньше часу хода. Уже!

— В чем дело? — спросил Эдай.

— Вот взгляните, — сказал Кемп и повел Эдаю в кабинет. Он протянул ему письмо Невидимки. Эдай прочел и тихонько свистнул.

— А вы? — спросил он.

— Подстроил ловушку, — сказал Кемп, — и, как дурак, послал план с горничной. Прямо ему в руки.

Эдай терпеливо выслушал проклятия Кемпа.

— Он убежит, — сказал Эдай.

— Ну нет, — возразил Кемп.

Сверху донесся звон разбитого стекла. Эдай заметил маленький револьвер, торчавший из кармана Кемпа.

— Это в кабинете! — сказал Кемп и первый стал подниматься по лестнице. Еще не дойдя до верха, они опять слышали звон.

В кабинете они увидели, что два окна из трех разбиты, пол усеян осколками, а на письменном столе лежит боль-

шой бульжник. Оба остановились на пороге, глядя на разрушение. Кемп снова вырутался, и в ту же минуту третье окно треснуло, точно выстрелили из пистолета, и на пол со звоном посыпались осколки.

— Зачем это? — сказал Эдай.

— Это начало, — ответил Кемп.

— А влезть сюда нет никакой возможности?

— Даже кошка не влезет, — сказал Кемп.

— Ставен нет?

— Здесь нет. Во всех нижних комнатах... Ого!

Снизу донесся звон стекла и треск досок от сильного удара.

— Это, должно быть... да, это в спальне. Он собирается обработать весь дом. Дурак он. Ставни закрыты, и стекло будет падать наружу. Он изрежет себе ноги.

Еще одно окно разлетелось вдребезги. Кемп и Эдай стояли на площадке, не зная, что делать.

— Вот что, — сказал Эдай, — дайте мне палку или что-нибудь в этом роде; я схожу в управление и велю прислать собак. Тогда мы его поймаем! Они будут здесь через каких-нибудь десять минут...

Еще одно окно разделило участь остальных.

— Нет ли у вас револьвера? — спросил Эдай.

Кемп сунул руку в карман и замялся.

— Нет, — ответил он, — по крайней мере лишнего нет.

— Я принесу его обратно, — сказал Эдай. — Вы ведь в безопасности.

Кемп, пристыженный, отдал револьвер.

— Теперь пойдете отворять дверь, — сказал Эдай.

Пока они стояли в прихожей, не решаясь подойти к двери, одно из окон в спальне на первом этаже затрещало. Кемп подошел к двери и начал как можно осторожнее отодвигать засов. Лицо его было несколько бледнее обыкновенного.

— Выходите, — сказал Кемп.

Еще секунда, и Эдай был уже на крыльце, а Кемп снова задвинул засов. Эдай помедлил немного: стоять, присло-

нившись к двери, было все-таки спокойнее. Потом выпрямился и твердо зашагал вниз по ступенькам. Он пересек лужайку и приблизился к калитке. Казалось, по траве пронесся ветерок. Что-то зашевелилось рядом с ним.

— Погодите минутку, — произнес Голос.

Эдай остановился как вкопанный, рука его крепко сжала револьвер.

— В чем дело? — сказал Эдай, бледный и угрюмый; каждый нерв его был напряжен.

— Вы весьма меня обяжете, если вернетесь в дом, — сказал Голос так же угрюмо и напряженно, как Эдай.

— К сожалению, не могу, — сказал Эдай несколько охрипшим голосом и провел языком по пересохшим губам. Голос был, как ему показалось, слева от него. А что, если попытаться счастья и выстрелить?

— Куда вы идете? — спросил Голос.

Оба сделали быстрое движение, и в руке Эдая блеснул револьвер.

Но он отказался от своего намерения и задумался.

— Куда я иду — это мое дело, — проговорил он медленно.

Не успел он произнести эти слова, как невидимая рука обхватила его за шею, в спину уперлось колено, и он упал. Вытащив кое-как револьвер, он выстрелил наугад; в ту же секунду он получил сильный удар по зубам, и револьвер вырвали у него из рук. Он сделал тщетную попытку ухватиться за ускользнувшую невидимую ногу, попробовал встать и снова упал.

— Проклятье! — воскликнул Эдай.

Голос рассмеялся.

— Я убил бы вас, да жалко тратить пулю, — сказал он.

Эдай увидел футах в шести перед собой дуло повисшего в воздухе револьвера.

— Ну? — сказал Эдай, садясь.

— Встаньте! — приказал Голос.

Эдай встал.

— Смирно! — решительно произнес Голос. — Бросьте все свои затеи. Помните, что я ваше лицо хорошо вижу, а вы меня не видите. Вернитесь в дом.

— Он меня не впустит, — сказал Эдай.

— Очень жаль, — сказал Невидимка. — С вами я не ссорился.

Эдай снова провел языком по губам. Он отвел взгляд от револьвера, увидел вдали море, очень синее и темное в блеске полуденного солнца, шелковистые зеленые холмы, белый скалистый мыс, многолюдный город и вдруг почувствовал, как прекрасна жизнь. Он перевел взгляд на маленький металлический предмет, висевший между небом и землей в шести футах от него.

— Что же мне делать? — мрачно спросил он.

— А мне что делать? — спросил Невидимка. — Вы приведете подмогу. Нет, придется вам вернуться назад.

— Попытаюсь. Если он впустит меня, вы обещаете не врываться за мной в дом?

— С вами я не ссорился, — ответил Голос.

Кемп, выпустив Эдая, поспешил вверх: осторожно ступая по осколкам, подкрался к окну кабинета и глянул вниз. Он увидел Эдая, разговаривающего с Невидимкой.

— Что же он не стреляет? — пробормотал Кемп.

Тут револьвер переместился и засверкал на солнце. Заслонив глаза, Кемп старался проследить движение ослепительного луча.

— Так и есть! — воскликнул он. — Эдай отдал револьвер!

— Обещайте не врываться за мной, — говорил в это время Эдай. — Не увлекайтесь своей удачей. Уступите в чем-нибудь.

— Возвращайтесь в дом. Говорю вам прямо: я ничего не обещаю.

Эдай, видимо, вдруг принял решение. Он повернул к дому и медленно пошел вперед, заложив руки за спину. Кемп с недоумением наблюдал за ним. Револьвер исчез, затем снова сверкнул, снова исчез и появился, маленький блестящий предмет, неотступно следовавший за Эдаем. Дальнейшие события развертывались молниеносно: Эдай прыгнул назад, резко повернулся, хотел схватить револьвер, не поймал его, вскинул руки и упал ничком, а над ним взви-

лось маленькое синее облачко. Выстрела Кемп не слышал. Эдай сделал несколько судорожных движений, приподнялся, опираясь на руку, снова упал и остался недвижим.

Кемп постоял немного, глядя на безмятежно спокойную позу Эдая. День был жаркий и безветренный, казалось, весь мир замер, только в кустах между домом и калиткой две желтые бабочки гонялись одна за другой. Эдай лежал на лужайке возле калитки. Во всех виллах на холме шторы были спущены, но в маленькой зеленой беседке виднелась белая фигура — по-видимому, старик, который мирно дремал. Кемп внимательно всматривался, пытаясь разглядеть в воздухе револьвер, но он исчез. Взгляд Кемпа вернулся к Эдаю. Игра начиналась всерьез.

Кто-то начал звонить и стучаться в наружную дверь все громче, настойчивей, но прислуга, повинувшись распоряжениям Кемпа, сидела, запершись, по своим комнатам. Наконец все стихло. Кемп посидел немного, прислушиваясь, потом осторожно выглянул по очереди в каждое из трех окон. После этого вышел на лестницу и опять напряженно прислушался. Затем пошел в спальню, вооружился там кочергой и снова отправился проверять внутренние запоры окон в нижнем этаже. Все было прочно и надежно. Он вернулся наверх. Эдай по-прежнему неподвижно лежал у края посыпанной гравием дорожки. По дороге, мимо вилл, шли служанка и двое полисменов.

Стояла мертвая тишина. Кемпу показалось, что трое людей приближаются очень медленно. Он спрашивал себя, что делает его противник.

Вдруг он вздрогнул. Снизу донесся треск. После некоторого колебания Кемп сошел вниз. Внезапно весь дом огласился тяжелыми ударами и треском расщепляемого дерева. Звенели и лязгали железные задвижки на ставнях. Он повернул ключ, открыл дверь в кухню. Как раз в эту минуту в комнату полетели разрубленные и расщепленные ставни. Кемп остановился, оцепенев от ужаса. Оконная рама, кроме одной перекладины, была еще цела, но от стекла осталась только зубчатая каемка. Ставни были разрублены топором,

который теперь со всего размаху ударял по раме и железной решетке, защищавшей окно. Но вдруг топор отскочил в сторону и исчез.

Кемп увидел лежавший на дорожке возле дома револьвер, и тотчас револьвер подпрыгнул. Кемп попятился. Еще секунда — раздался выстрел; щепка, оторванная от захлопнутой Кемпом кухонной двери, пролетела над его головой. Он запер дверь на ключ и сейчас же услышал крики и смех Гриффина. Потом под сокрушительными ударами топора снова затрещало дерево. Кемп постоял в коридоре, собираясь с мыслями. Через минуту Невидимка будет на кухне. Эта дверь задержит его ненадолго, и тогда...

У наружной двери позвонили. Должно быть, полисьмены. Кемп побежал в прихожую, укрепил цепь и отодвинул засов. Только окликнув служанку и услышав ее голос, он снял цепь; все трое гурьбой ввалились в дом, и Кемп снова захлопнул дверь.

— Невидимка! — сказал Кемп. — У него револьвер. Осталось два заряда. Он убил Эдая. Или, во всяком случае, ранил его. Вы не видели его на лужайке? Он там лежит.

— Кто? — спросил один из полицейских.

— Эдай, — сказал Кемп.

— Мы прошли задворками, — сказала служанка.

— Что это за треск? — спросил другой полицейский.

— Он на кухне... или скоро там будет. Он нашел топор...

Вдруг на весь дом раздался удары топора по кухонной двери. Служанка взглянула на дверь, задрожала и попятилась в столовую. Кемп отрывочно объяснял положение. Они услышали, как подалась кухонная дверь.

— Сюда! — крикнул Кемп, быстро вталкивая полисьменов в столовую.

— Кочергу! — крикнул Кемп и бросился к камину. Кочергу, которую он принес из спальни, он отдал первому из полисьменов, а кочергу из столовой — другому. Вдруг он отскочил назад.

Один из полисьменов пригнулся и, вскрикнув, поймал топор кочергой... Револьвер выпустил предпоследний заряд,

пробив ценное полотно кисти Сиднея Купера. Второй полисмен ударил своей кочергой по маленькому смертоносному оружию, точно хотел убить осу, и револьвер со стуком упал на пол.

Как только началась схватка, служанка вскрикнула, постояла с минуту у камина и бросилась отворять ставни, вероятно, думая спастись через разбитое окно.

Топор выбрался в коридор и остановился футах в двух от пола. Слышно было тяжелое дыхание Невидимки.

— Вы оба отойдите, — сказал он. — Мне нужен Кемп.

— А нам нужны вы, — сказал первый полисмен и, выйдя вперед, ударил кочергой в направлении Голоса. Но Невидимке удалось уклониться от удара, и кочерга попала в стойку для зонтиков.

Полисмен едва устоял на ногах, и в ту же минуту топор стукнул его по голове, смяв каску, словно она была из бумаги, и он кубарем вылетел на кухонную лестницу. Но второй полисмен ударил кочергой позади топора и попал во что-то мягкое. Раздался крик боли, и топор упал на пол. Полисмен ударил опять, но попал в пустоту; потом он наступил ногой на топор и ударил еще раз. Затем, держа кочергу наготове, стал внимательно прислушиваться, стараясь уловить какое-нибудь движение.

Он услышал, как раскрылось окно в столовой и затем раздались быстрые шаги. Товарищ его приподнялся и сел; кровь текла у него по щеке.

— Где он? — спросил раненый.

— Не знаю. Я зацепил его. Стоит где-нибудь в прихожей, если только не шмыгнул мимо тебя. Доктор Кемп! Сэр!..

Никакого ответа.

— Доктор Кемп! — снова позвал полисмен.

Раненый стал медленно подниматься на ноги. Наконец ему это удалось. Вдруг с кухонной лестницы донеслось шлепанье босых ног.

— Гоп! — крикнул первый полисмен и метнул кочергу: она расплющила газовый рожок.

Он пустился было преследовать Невидимку, но потом раздумал и вошел в столовую.

— Доктор Кемп... — начал он и сразу остановился. — Вот так храбрец этот доктор Кемп, — сказал он, обращаясь к заглянувшему через его плечо товарищу.

Окно в столовой было раскрыто настежь. Ни служанки, ни Кемпа.

Свое мнение о докторе Кемпе второй полисмен выразил кратко и энергично.

Глава 28

ТРАВЛЯ ОХОТНИКА

Мистер Хилас, владелец соседней виллы, спал в своей беседке, когда началась осада дома Кемпа. Мистер Хилас принадлежал к тому упрямому меньшинству, которое ни за что не хотело верить «нелепым рассказам о Невидимке». Жена его, однако, слухам верила и не раз впоследствии напоминала об этом мужу. Он вышел погулять по своему саду как ни в чем не бывало, а после обеда по давней привычке прилег. Все время, пока Невидимка бил окна в доме Кемпа, мистер Хилас преспокойно спал, но вдруг проснулся и почувствовал неладное. Он взглянул на дом Кемпа, протер глаза и снова взглянул. Потом он спустил ноги и сел, прислушиваясь. Он помянул черта, но странное видение не исчезло. Дом выглядел так, как будто его бросили с месяца назад после погрома. Все стекла были разбиты, и все окна, кроме окон кабинета на верхнем этаже, были изнутри закрыты ставнями.

— Готов поклясться, — мистер Хилас посмотрел на часы, — что двадцать минут назад все было в порядке.

Вдалеке раздавались мерные удары и звон стекла. А затем, пока он сидел с разинутым ртом, произошло нечто еще более странное. Ставни столовой распахнулись, и служанка в шляпе и пальто появилась в окне, судорожно стараясь поднять раму. Вдруг возле нее появился еще кто-то

и стал помогать ей. Доктор Кемп! Еще минута — окно открылось, и служанка вылезла из него; она бросилась бежать и исчезла в кустах. Мистер Хилас встал, нечленораздельными возгласами выражая свое волнение по поводу столь поразительных событий. Он увидел, как Кемп взобрался на подоконник, выпрыгнул в окно и в ту же минуту появился на дорожке, обсаженной кустами; он бежал, пригнувшись, словно прячась от кого-то. Он исчез за кустом, потом показался опять возле изгороди со стороны открытого поля. В один миг он перелез изгородь и кинулся бежать вниз по косогору, прямо к беседке мистера Хиласа.

— Господи! — воскликнул мистер Хилас, пораженный страшной мыслью. — Это тот мерзавец Невидимка! Значит, все правда!

Для мистера Хиласа такая мысль означала: немедленно действовать, и кухарка его, наблюдавшая за ним из окна верхнего этажа, с удивлением увидела, как он ринулся к дому со скоростью добрых девяти миль в час.

— Чего это он так испугался? — пробормотала кухарка. — Мчится как угорелый.

Раздалось хлопанье дверей, звон колокольчика и голос мистера Хиласа, оравшего во все горло:

— Заприте двери! Заприте окна! Заприте все! Невидимка идет!

Весь дом тотчас же наполнился криками, шумом и топотом бегущих ног. Мистер Хилас сам побежал закрывать балконные двери, и тут из-за забора показалась голова, плечи и колени Кемпа. Еще минута — и Кемп, перемахнув через грядку спаржи, помчался по теннисной площадке к дому.

— Нельзя, — сказал мистер Хилас, задвигая засов. — Мне очень жаль, если он гонится за вами, но сюда нельзя.

К стеклу прижалось лицо Кемпа, искаженное ужасом. Он стал стучать в балконную дверь и неистово рвать ручку. Видя, что все напрасно, он пробежал по балкону, спрыгнул в сад и начал стучаться в боковую дверь. Потом выскочил через боковую калитку, обогнул дом и пустился бежать по дороге. И едва успел он скрыться из глаз мистера Хиласа,

все время испуганно смотревшего в окно, как грядку спаржи безжалостно смяли невидимые ноги. Тут мистер Хилас помчался по лестнице наверх и дальнейшего хода охоты уже не видел. Но, пробегая мимо окна, он услышал, как хлопнула боковая калитка.

Выскочив на дорогу, Кемп, естественно, побежал под гору. Таким образом, ему пришлось теперь самому совершить тот же пробег, за которым он следил столь критическим взором из окна своего кабинета всего лишь четыре дня тому назад. Для человека, давно не упражнявшегося, Кемп бежал неплохо, и хотя он побледнел и обливался потом, мысль его работала спокойно и трезво. Он несся крупной рысью, и когда попадались неудобные места, неровный булыжник или осколки разбитого стекла, ярко блестящие на солнце, то бежал прямо по ним, предоставляя невидимым босым ногам своего преследователя избирать путь по собственному усмотрению.

Впервые в жизни Кемп обнаружил, что дорога по холму необычайно длинна и безлюдна и что до окраины города там, у подножия холма, необыкновенно далеко. На свете нет более трудного и медлительного способа передвижения, чем бег. Виллы, дремавшие под полуденным солнцем, по видимому, были заперты наглухо. Правда, это было сделано по его собственному указанию. Но хоть бы кто-нибудь догадался на всякий случай следить за происходящим! Вдали начал вырисовываться город, море скрылось из виду, внизу были люди. К подножию холма как раз подъезжала конка. А там полицейское управление. Но что это слышно позади, шаги? Ходу!

Люди внизу смотрели на него; несколько человек бросились бежать. Дыхание Кемпа стало хриплым. Теперь конка была совсем близко, в кабачке «Веселые крикетисты» шумно запирали двери. За конкой были столбы и кучи щебня для дренажных работ. У Кемпа мелькнула мысль вскочить в конку и захлопнуть двери, но он решил, что лучше направиться прямо в полицию. Через минуту он миновал «Веселых крикетистов» и очутился в конце улицы, среди людей.

Кучер конки и его помощник, бросив выпрыгать лошадей, смотрели на него разинув рты. Из-за куч щебня выглядели удивленные землекопы.

Кемп немного замедлил бег, но, услышав за собой быстрый топот своего преследователя, опять поднажал.

— Невидимка! — крикнул он землекопам, неопределенно махнув рукой назад, и, по счастливому наитию, перескочил канаву, так что между ним и Невидимкой очутилось несколько дюжих мужчин. Оставив мысль о полиции, он свернул в переулок, промчался мимо тележки зеленщика, помедлил мгновение у дверей колониальной лавки и побежал по бульвару, который выходил на главную улицу. Дети, игравшие под деревьями, с криком разбежались при его появлении, раскрылось несколько окон, и разгневанные матери что-то кричали ему вслед. Он снова выбежал на Хилл-стрит, ярдов за триста от станции конки, и увидел толпу кричащих и бегущих людей.

Он взглянул вдоль улицы по направлению к холму. Ярдах в двенадцати от него бежал рослый землекоп, громко бранясь и размахивая лопатой; следом за ним мчался, сжав кулаки, кондуктор конки. За ними бежали еще люди, громко крича и замахаясь на кого-то. С другой стороны, по направлению к городу тоже спешили мужчины и женщины, и Кемп увидел, как из одной лавки выскочил человек с палкой в руке.

— Окружайте его! Окружайте! — крикнул кто-то.

Кемп вдруг понял, что положение резко изменилось. Он остановился, переводя дух, и огляделся.

— Он где-то здесь! — крикнул он. — Оцепите...

— Ага! — раздался Голос.

Кемп получил жестокий удар по уху и зашатался; он попытался обернуться к невидимому противнику, но еле устоял на ногах и ударил в пустое пространство. Потом он получил сильный удар в челюсть и свалился на землю. Через секунду в живот ему уперлось колено, и две руки яростно схватили его за горло, но одна из них действовала слабее другой. Кемпу удалось разжать кисти рук Невидимки, по-

слышался громкий стон, и вдруг над головой Кемпа взвилась лопата землекопа и с глухим стуком опустилась. На лицо Кемпа что-то капнуло. Руки, державшие его за горло, вдруг ослабели, судорожным усилием он освободился, ухватил обмякшее плечо своего противника и навалился на него, прижимая к земле невидимые локти.

— Я поймал его! — взвизгнул Кемп. — Помогите, помогите! Он здесь. Держите его за ноги!

Секунда — и на место борьбы ринулась вся толпа. Посторонний зритель мог бы подумать, что тут разыгрывается какой-то ожесточенный футбольный матч. После выкриков Кемпа никто уже не сказал ни слова, слышался только стук ударов, топот ног и тяжелое дыхание.

Невидимке удалось нечеловеческим усилием сбросить с себя нескольких противников и подняться на ноги. Кемп вцепился в него, как гончая в оленя, и десятки рук хватали, колотили и рвали невидимое существо. Кондуктор конки поймал его за шею и снова повалил на землю.

Опять образовалась груда барахтающихся тел. Били, нужно сознаться, немилосердно. Вдруг раздался дикий вопль: «Пощадите! Пощадите!» — и быстро замер в придушенном стоне.

— Оставьте его, дурачье! — крикнул Кемп глухим голосом, и толпа подалась назад. — Он ранен, говорят вам. Отойдите!

Наконец удалось оттеснить сгрудившихся разгоряченных людей, и все увидели, что доктор Кемп опустился на колени, как бы повиснув дюймах в пятнадцати от земли; он прижимал к земле невидимые руки. Полисмен держал невидимые ноги.

— Не выпускайте его! — крикнул землекоп, размахивая окровавленной лопатой. — Прикидывается!

— Он не прикидывается, — сказал Кемп, становясь на колени возле невидимого тела, — и, кроме того, я держу его крепко. — Лицо у Кемпа было разбито и уже начинало опухать; он говорил с трудом, из губы текла кровь. Он поднял руку и, по-видимому, стал ощупывать лицо лежащего. —

Рот весь мокрый, — сказал он и вдруг вскрикнул: — Боже праведный!

Кемп быстро встал и снова опустился на колени возле невидимого существа. Опять началась толкотня и давка, слышался топот подбегавших любопытных. Из всех домов выскакивали люди. Двери «Веселых крикетистов» распахнулись настежь. Говорили мало.

Кемп водил рукой, словно ощупывал пустоту.

— Не дышит, — сказал он. — И сердце не бьется. Бок у него... ох!

Какая-то старуха, выглядывавшая из-под локтя рослого землекопа, вдруг громко вскрикнула.

— Глядите! — сказала она, вытянув морщинистый палец.

И, взглянув в указанном ею направлении, все увидели контур руки, бессильно лежавшей на земле; рука была словно стеклянная, можно было разглядеть все вены и артерии, все кости и нервы. Она теряла прозрачность и мутнела на глазах.

— Ого! — воскликнул констебль. — А вот и ноги показываются.

И так медленно, начиная с рук и ног, постепенно расползаясь по всем членам до жизненных центров, продолжался этот странный переход к видимой телесности. Это напоминало медленное распространение яда. Сперва показались тонкие белые нервы, образуя как бы слабый контур тела, затем мышцы и кожа, принимавшие сначала вид легкой туманности, но быстро тускневшие и уплотнявшиеся. Вскоре можно было различить разбитую грудь, плечи и смутный абрис изуродованного лица.

Когда наконец толпа расступилась и Кемпу удалось встать на ноги, то взорам всех присутствующих представило распростертое на земле голое, жалкое, избитое и изувеченное тело человека лет тридцати. Волосы и борода у него были белые, не седые, как у стариков, а белые, как у альбиносов, глаза красные, как гранаты. Пальцы судорожно

скрючились, глаза были широко раскрыты, а на лице застыло выражение гнева и отчаяния.

— Закройте ему лицо! — крикнул кто-то. — Ради всего святого, закройте лицо!

Тело накрыли простыней, взятой в кабачке «Веселые крикетисты», и перенесли в дом. Там, на жалкой постели, в убогой, полутемной комнате, среди невежественной, возбужденной толпы, избитый и израненный, преданный и безжалостно затравленный, окончил свой странный и страшный жизненный путь Гриффин — первый из людей, сумевший стать невидимым. Гриффин — даровитый физик, равного которому еще не видел свет.

Эпилог

Так кончается повесть о необыкновенном и гибельном эксперименте Невидимки. А если вы хотите узнать о нем побольше, то загляните в маленький трактир возле Порт-Стоу и поговорите с хозяином. Вывеска этого трактира — доска, в одном углу которого изображена шляпа, а в другом — башмаки, а название его такое же, как заглавие этой книги. Хозяин — низенький, толстенький человечек с длинным носом, щетинистыми волосами и багровым лицом. Выпейте побольше, и он не преминет подробно рассказать вам обо всем, что случилось с ним после описанных выше событий, и о том, как суд пытался отобрать найденные при нем деньги.

— Когда они убедились, что нельзя установить, чьи это деньги, то стали говорить, — вы только подумайте! — будто со мной надо поступить, как с кладом. Ну, скажите сами, похож я на клад? А потом один господин платил мне по гинее в вечер за то, что я рассказывал эту историю в мюзик-холле.

Если же вы пожелаете сразу остановить поток его воспоминаний, то вам стоит только спросить его, не играли ли роль в этой истории какие-то рукописные книги. Он скажет, что книги действительно были, и начнет клятвенно утверждать, что, хотя все почему-то считают, будто они и сейчас находятся у него, это неправда, их у него нет!

— Невидимка сам забрал их у меня, спрятал где-то, еще когда я удрал от него и скрылся в Порт-Стоу. Это все мистер Кемп сочиняет, будто книги у меня.

После этого он всякий раз впадает в задумчивость, украдкой наблюдает за вами, нервно перетирает стаканы и наконец выходит из комнаты.

Он старый холостяк, у него издавна холостяцкие вкусы, и в доме нет ни одной женщины. Всю свою верхнюю одежду, части своего костюма он застегивает при помощи пуговиц — этого требует его положение, — но когда дело доходит до подтяжек и более интимных частей туалета, он все еще прибегает к веревочкам. В деле он не очень предприимчив, но весьма заботится о респектабельности своего заведения. Движения его медлительны, и он склонен к задумчивости. В местечке он слывет умным человеком, его бережливость внушает всем почтение, а о дорогах Южной Англии он сообщит сам больше сведений, чем любой путеводитель.

А в воскресенье утром — каждое воскресенье в любое время года — и каждый вечер после десяти часов он отправляется в гостиную, прихватив стакан джина, чуть разбавленного водой, после чего тщательно запирает дверь, осматривает шторы и даже заглядывает под стол. Убедившись в полном своем одиночестве, он отпирает шкаф, затем ящик в шкафу, вынимает оттуда три книги в коричневых кожаных переплетах и торжественно кладет их на середину стола. Переплеты истрепаны и покрыты налетом зеленой плесени (ибо однажды эти книги ночевали в канаве), а некоторые страницы совершенно размыты грязной водой. Хозяин садится в кресло, медленно набивает глиняную трубку, не отрывая восхищенного взора от книг. Затем он пододвигает к себе одну из них и начинает изучать ее, переворачивая страницы то от начала к концу, то от конца к началу. Брови его сдвинуты и губы шевелятся от усилий.

— Шесть, маленькое два сверху, крестик и закорючка. Господи, вот голова была!

Через некоторое время усердие его слабеет, он откидывается на спинку кресла и смотрит сквозь клубы дыма в глубину комнаты, словно видит там нечто недоступное глазу обыкновенных смертных.

— Сколько тут тайн, — говорит он, — удивительных тайн... Эх, доискаться бы только! Уж я бы не так сделал, как он. Я бы... эх! — Он затягивается трубкой.

Тут он погружается в мечту, в неумирающую волшебную мечту его жизни. И, несмотря на все розыски, предпринимаемые неутомимым Кемпом, ни один человек на свете, кроме самого хозяина трактира, не знает, где находятся книги, в которых скрыта тайна невидимости и много других поразительных тайн. И никто этого не узнает до самой его смерти.

ВОЙНА МИРОВ

Часть I

ПОЯВЛЕНИЕ МАРСИАН

Глава 1

КАНУН ВОЙНЫ

Никто не поверил бы, даже в последние годы девятнадцатого столетия, что за человеческой жизнью на Земле зорко и тщательно наблюдали разумные существа, такие же смертные, как человек, но стоящие на более высокой ступени развития, и что в то время, когда люди занимались своими повседневными делами, за ними следили и изучали их так же подробно, как человек изучает в микроскопе кратковременную жизнь существ, живущих и размножающихся в капле воды. С безграничным самодовольством снова ли люди взад и вперед по земному шару, занимаясь своими маленькими делами, в счастливой уверенности в своем господстве над материей. Возможно, что и инфузории, видимые в микроскоп, ведут такое же суетливое существование.

Никому не приходило в голову, что человечеству может грозить опасность со стороны старых миров, и даже самое предположение о возможности жизни на них отвергалось, как нечто неправдоподобное. Любопытно припомнить теперь некоторое из ходячих мнений минувших уже дней.

Обитатели Земли допускали, что на Марсе могли жить живые существа, низшие по своему развитию, которые с радостью приветствовали бы нашу попытку исследовать их планету. А между тем по ту сторону зияющего мирового пространства за нами наблюдали умы, превосходящие нас так же, как ум человека превосходит ум животного, и завистливыми, враждебными глазами смотрели на нашу Землю. Они обдуманно и с верным расчетом ковали планы против нас, и вот в начале двадцатого века настал для людей момент великого разочарования.

Мне едва ли нужно напоминать читателю, что планета Марс вращается вокруг Солнца на расстоянии приблизительно 140 000 000 миль и получает от него лишь половину того количества тепла и света, какое получает Земля. Если гипотеза туманного образования имеет хоть какое-нибудь основание, то Марс должен быть старше нашей Земли, и задолго до того, как застыла земная кора, на поверхности Марса уже началась жизнь. Тот факт, что он едва достигает объема Земли, должен был ускорить его охлаждение до той температуры, при которой могла возникнуть жизнь. Не нужно также забывать, что Марс обладает водой и воздухом и всем необходимым для поддержания животного организма.

Но так велико тщеславие человека и так он им ослеплен, что до конца девятнадцатого столетия ни один из писателей не подошел даже близко к мысли о возможности развития умственной жизни на Марсе, а тем более что оно могло обогнать развитие ее на Земле. Однако из фактов, что Марс старше нашей Земли, что поверхность его равняется только четвертой части ее поверхности и он более удален от Солнца, не было все-таки сделано естественного заключения, что он не только больше отдален от начала жизни, но и ближе к ее концу.

Вековой процесс охлаждения, предстоящий когда-нибудь и нашей планете, зашел уже довольно далеко на Марсе. И хотя его физические свойства представляют в целом еще тайну, но нам известно теперь, что даже в его экваториальных областях средняя температура еле-еле достигает температуры нашей самой суровой зимы. Воздух на Марсе более разрежен, чем у нас, а уровень воды в его морях настолько понизился, что они покрывают теперь едва ли более трети его поверхности, во время же длительной смены времени года на его полюсах образуются огромные залежи снега, которые, при таянии, периодически затопляют его умеренные пояса.

Эта последняя стадия умирания, еще невероятно отдаленная от нас, стала для обитателей Марса злободневным

вопросом. Гнет близкой опасности изошрился их умы, увеличил их силы и ожесточил их сердца. И вот, обозревая мировое пространство, вооруженные умом и такими инструментами, о которых мы еще и не мечтали, они увидели в ближайшем от них расстоянии, всего в 35 000 000 миль по направлению к Солнцу, зарю надежды — нашу, более теплую, планету, покрытую растительностью, с синеющей массой воды, окруженную облачной атмосферой, что свидетельствовало о плодородии ее почвы. Сквозь просветы между бегущими облаками они увидели широкие пространства населенных стран и узкие полосы усеянных судами морей.

Мы же, люди, населяющие эту планету, не казались ли им такими же чуждыми и низшими существами, какими нам кажутся обезьяны и лемуры? Ум человеческий допускает, что жизнь есть непрерывная борьба за существование. По-видимому, это мнение разделялось и обитателями Марса. Охлаждение их планеты значительно подвинулось вперед. На Земле же еще кипела жизнь, но населена она была существами низшего порядка. И единственным способом для марсиан избавиться от гибели, — которая из поколения в поколение все ближе подвигалась к ним, — было переселиться ближе к Солнцу, то есть завоевать Землю.

Прежде чем осудить их слишком строго за это, мы должны припомнить, как безжалостно и жестоко наша собственная раса уничтожала не только животных, как, например, исчезнувших бизонов и додо, но и низшие человеческие расы.

Тасманийцы, несмотря на свой человеческий облик, были стерты с лица земли европейскими переселенцами в течение лишь пятидесяти лет. Такие ли мы апостолы милосердия, чтобы иметь право роптать на то, что марсиане задумали вести такую же войну и против нас?

Свое нападение на нашу планету марсиане рассчитали с поразительной точностью — их математические познания, по-видимому, далеко превосходят наши! — и с полным единодушием довели свои приготовления до конца. Обладая мы более совершенными инструментами, мы бы уже в на-

чале девятнадцатого столетия заметили надвигающуюся на нас опасность. Такие ученые, как Скиапарелли, наблюдали Красную планету, — кстати сказать, как это ни странно, Марс испокон веков считался звездой войны, — но они были не в состоянии объяснить происхождение дрожащих световых точек, которые они с такой точностью наносили на карты. В течение всего этого времени марсиане готовились к войне.

Во время противостояния в 1894 году был замечен яркий свет на освещенной стороне диска Марса, сначала Ликской обсерваторией, потом Перретином в Ницце, а позднее также и другими наблюдателями. Англичане прочли об этом впервые в одном из номеров «Nature» 2 августа. Я придерживаюсь того мнения, что появление этого яркого света объясняется взрывом пушки, помещенной в одной из глубоких скважин их планеты, откуда они потом и стреляли в нас. Странные, еще до сих пор не получившие объяснений, пятна были замечены вблизи этого взрыва во время двух следующих противостояний.

Гроза разразилась над нами шесть лет тому назад. Когда Марс стал приближаться к противостоянию, Лавелль на Яве привел в движение все телеграфные проволоки астрономических соединительных станций, чтобы сообщить о невероятном взрыве раскаленных газов на Марсе. Это произошло 12 августа, около полуночи. Спектроскоп, к которому он тотчас же обратился, показал массу горящего газа, преимущественно водорода, который с невероятной быстротой неся с Марса к Земле. Около четверти первого этот огненный поток стал невидим. Лавелль сравнил этот чудовищный огненный столб, внезапно вырвавшийся из недр планеты, с вырывающимся из пушки при выстреле горящим газом.

Это сравнение оказалось удивительно точным. На следующий день в газетах не было больше никаких сообщений об этом удивительном явлении, за исключением маленькой заметки в «Daily Telegraph». Мир пребывал в неведении относительно величайших опасностей, когда-либо угрожавших человечеству. Может быть, я ничего не знал бы об из-

вержении, если бы не встретился с известным астрономом Огильви в Оттершоу. Он был ужасно взволнован явлениями на Марсе и предложил мне заняться совместно с ним ночью наблюдениями над Красной планетой.

Несмотря на все пережитое мною с тех пор, я ясно помню все мельчайшие подробности этого ночного бдения: темное, безмолвное здание обсерватории, затененный фонарь, отбрасывающий слабый свет на пол в углу, непрерывное тиканье часового механизма в телескопе и узкую щель в потолке в виде продолговатого углубления, через которое видно было небо с рассыпанными на нем звездами. Огильви ходил взад и вперед по комнате, невидимый мне, но слышимый. Когда я посмотрел в телескоп, то увидел темно-синий кружок неба и маленькую круглую планету на нем. Она казалась такой ничтожной и спокойной, и на ней слабо обозначались поперечные полосы. Чуть-чуть сплюснутая с двух сторон, она отступала от идеально круглой формы. Это была какая-то чуть заметная крапинка света! Она как будто дрожала слегка, но на самом деле это дрожал телескоп от часового механизма, удерживавшего планету в поле зрения.

Когда я смотрел на планету, мне казалось, что она то увеличивается, то уменьшается, то приближается, то удаляется, но это объяснялось просто усталостью моих глаз. Сорок миллионов миль отделяло нас от нее. Значит, более сорока миллионов миль пустоты. Мало кто может ясно представить себе безграничность пространства, в котором носятся пылинки материального мира.

Недалеко от Марса, в поле зрения, виднелись, я помню, три маленькие светлые точки, — три телескопических звезды, бесконечно далекие, а вокруг них была непроницаемая тьма пустого мирового пространства. Всем известно, какую глубокою представляется эта темнота в морозную звездную ночь. В телескоп она кажется еще глубже. Невидимое мною, такое далекое и малое, нечто неслось, посланное нам марсианами, неуклонно и быстро пролетая невероятно огромное расстояние, приближалось ко мне с каждой минутой на многие тысячи миль. Это было то, что должно было прине-

сти на Землю столько борьбы, бедствий и смертей. Когда я тогда смотрел, я не думал об этом; да и никто на Земле не думал об этом приближающемся к ней и безошибочно направленном метательном снаряде.

В эту ночь на Марсе произошел второй взрыв газа. Я наблюдал его. Красноватая вспышка на краю диска, очертания которого были чуть заметны. Это произошло как раз в тот момент, когда хронометр пробил полночь. Я сообщил об этом Огильви, и он занял мое место у телескопа. Ночь была очень жаркая, и мне захотелось пить. Неловко вытягивая ноги, я ошупью, в темноте, направился к маленькому столику, на котором стоял сифон. Огильви между тем пришел в страшное волнение, увидав волны горящего газа, которые неслись к Земле.

В эту ночь второй невидимый снаряд полетел с Марса на Землю, ровно через двадцать четыре часа, без одной или двух секунд после первого. Помню, я сидел у стола, и красные и зеленые круги мелькали у меня перед глазами. У меня не было спичек, чтобы закурить папиросу, и это раздражало меня. Я совсем не думал о значении слабой вспышки, только что виденной мною, и не подозревал всего того, что она принесет мне с собой. Огильви продолжал свои наблюдения до часу, а потом мы зажгли фонарь, и направились к нему домой. Внизу, под нами, лежали Оттершоу и Чертси с их сотнями мирно спавших людей.

Всю ночь Огильви строил разные предположения о свойствах Марса и смеялся над идеей, что на нем есть живые существа, сигнализирующие нам. По его мнению, на Марсе могло происходить сильное вулканическое извержение, или же это были метеориты, падающие на планету. Он обратил мое внимание на неправдоподобность предположения, что на двух соседних планетах органическая эволюция могла пойти одним и тем же путем.

— Миллион шансов против одного, что на Марсе нет человекоподобных существ, — говорил он мне.

Сотни наблюдателей видели на Марсе огонь в эту ночь и в следующую ночь около полуночи, и так десять ночей

кряду. Почему после десятой ночи выстрелы прекратились, никто на Земле не пытался объяснить. Возможно, что газы, образовавшиеся при выстрелах, были причиной их прекращения. Густые облака дыма или тумана, казавшиеся даже в самый сильный телескоп маленькими серыми движущимися пятнышками, заволокли ясную атмосферу Марса и скрыли от нас его очертания.

Даже газеты обратили наконец внимание на эти явления. Повсюду появились популярные статьи о вулканах на Марсе. Я помню, что юмористический журнал «Punch» сделал удачное применение этой темы в политических карикатурах. А неведомые для всех снаряды, посланные марсианами, неслись тем временем к Земле через бездну пустого пространства, приближаясь с каждым днем и часом. Теперь мне кажется почти невероятным, как могли люди заниматься своими маленькими делами под занесенным над ними мечом. Помню еще, как ликовал Маркгэм от того, что ему удалось достать новую фотографию Марса для иллюстрированной газеты, которую он собирался издавать. Люди последнего поколения не могут даже представить себе тех ажиотажа и духа предприимчивости, которые царили в газетном мире в девятнадцатом столетии. О себе же скажу, что в то время я был занят упражнениями в езде на велосипеде и печатанием своих статей в различных журналах о вероятных формах развития моральных идей в период прогрессирующей цивилизации.

Однажды вечером (первый снаряд марсиан был в то время не более как в 10 000 000 миль от нас), я вышел погулять с женой. Небо было звездное, и я объяснял ей знаки Зодиака. Я показал ей также Марс, маленькую светящуюся точку, которая подвигалась к зениту и на которую теперь было направлено столько телескопов.

Была теплая ночь. Нас обгоняли группы гуляющих из Чертси и Излеворта, с музыкой и пением. В верхних этажах домов, в окнах, виднелся свет; их обитатели ложились спать. Издали, со станции железной дороги, доносился грохот маневрирующих поездов. Смягченный расстоянием, он

казался почти мелодичным. Моя жена обратила мое внимание на блеск красных, зеленых и желтых сигнальных огней, выделявшихся на темном фоне неба. Все кругом дышало таким покоем, такой безопасностью!..

Глава 2

ПАДАЮЩАЯ ЗВЕЗДА

Но вот наступила ночь первой падающей звезды. Ее видели рано утром, когда она, описав огненную линию, пронеслась высоко над Винчестером, по направлению к востоку. Сотни людей видели ее и приняли за обыкновенную падающую звезду. Альбин, описывая ее, говорил, что она оставила после себя зеленоватый след, светившийся в течение нескольких секунд. Деннинг, один из величайших наших авторитетов по метеорологии, определил высоту ее полета в девяносто или сто миль. Он предполагал, что она упала на Землю приблизительно миль за сто от того места, где он находился в тот момент.

В это время я был как раз дома и писал у себя в кабинете, и, хотя окна мои выходили на Оттершоу и шторы были подняты (в эти дни я любил наблюдать ночное небо), я все же ничего не заметил. А между тем этот странный предмет — самый странный из всего, что когда-либо попадало из воздушных сфер на Землю, — должен был упасть именно тогда, когда я сидел у себя, и я бы его увидел, если бы поднял глаза, когда он пролетал. Те, кто его видел, утверждали, что его полет сопровождался свистящим звуком. Сам я этого не слышал. Многие в Беркшире, Суррее и Миддлсексе видели его падение, но подумали, наверное, что это опять упал метеорит. В эту ночь никто не потрудился пойти посмотреть на упавшую массу.

На следующий день Огильви, который видел эту падающую звезду, поднялся на заре. Он был уверен, что это был метеорит, и надеялся найти его лежащим где-нибудь на полях, между Горселлем, Оттершоу и Уокингом. И дей-

ствительно, он вскоре нашел его недалеко от песочных ям. Кругом со страшной силой были разбросаны песок и мелкий гравий, которые образовали довольно большие кучи, видимые за полторы мили. К востоку от этого места горел вереск, и дым тоненькой голубой струйкой поднимался к утреннему небу.

Сам же таинственный предмет лежал глубоко в песке, среди разбросанных щепок сосны, которую он раздробил при своем падении. Та его часть, которая выступала наружу, имела вид гигантского цилиндра, сплошь покрытого толстой, чешуевидной, темно-коричневой корой, совершенно скрывавшей его очертания. Величина его в диаметре была приблизительно ярдов в тридцать. Подойдя ближе к лежащей массе, Огильви был крайне поражен ее величиной и еще больше ее формой, так как метеориты имеют обыкновенно более или менее закругленную форму.

Но подойти к метеориту близко было невозможно, так как он еще не остыл после своего полета через атмосферу и был очень горяч. Жужжащий звук внутри цилиндра Огильви приписал неравномерному охлаждению его поверхности, — тогда еще ему не приходило в голову, что цилиндр может быть полым внутри.

Остановившись на краю ямы, вырытой упавшим телом, он в недоумении смотрел на этот странный предмет, не зная, чем объяснить его необыкновенные форму и цвет. Мысль о чем-то преднамеренном в его появлении на Земле уже тогда промелькнула в его сознании. Утро было удивительно тихое, и солнце, показавшееся над соснами Вейбриджа, уже достаточно грело. В это утро не было слышно пения птиц, даже ветерок не шелестел листьями, и единственным звуком, нарушавшим тишину, был слабый шорох внутри горячего цилиндра. На поле не было ни души.

Вдруг Огильви заметил с испугом, что кусок серого шлака пескообразной коры, покрывавшей метеорит, отделился от его закругленной верхушки. Он отпадал хлопьями и валлился на песок. Но вот отвалился внезапно огромный ку-

сок и упал с таким резким стуком на землю, что у Огильви замерло сердце.

С минуту он стоял неподвижно, не понимая, что это значит. И хотя жар, исходивший от метеорита, был еще очень силен, он все же спустился в яму, чтобы рассмотреть его поближе. Но даже и тогда он продолжал думать, что это явление объясняется неравномерным охлаждением цилиндра. Такому объяснению, однако, противоречил тот факт, что пепел отпадал только с верхушки цилиндра.

Потом он заметил, что крышка цилиндра начала тихонько поворачиваться. Движение это было настолько медленное, что он его заметил только потому, что черная черта, которая пять минут тому назад была перед ним, находилась теперь на другой стороне крышки. Но даже и тогда он не вполне понимал, что это означало, пока не услышал глухой, скребуший звук и не увидел, что черная черта передвинулась еще на один дюйм дальше. Тогда его словно осенило: цилиндр был искусственный, полый внутри, с крышкой, которая отвинчивалась! Кто-то, сидящий в цилиндре, отвинчивал эту крышку!

— Там человек! — вскричал Огильви. — Их там много! Они наполовину испеклись и стараются вылезти оттуда!

И внезапно, быстрым скачком мысли, он связал появление метеорита с огненной вспышкой на Марсе.

Так ужасно было думать о заключенных там живых существах, что Огильви, забывая жар, который продолжал исходить от цилиндра, подскочил к нему, чтобы отвинтить крышку, но, к счастью, вовремя спохватился и потому не успел обжечь себе руки о раскаленный металл. Он остановился в нерешимости на одно мгновение, но затем повернулся, выкарабкался из ямы и со всех ног пустился бежать в Уокинг. Было около шести часов. Встретив на своем пути извозчика, он пытался объяснить ему то, что видел только что, но его рассказ, как и весь его вид — он потерял свою шляпу в яме, — показались вознице такими дикими, что он стегнул лошадь и поехал дальше. Такая же неудача посетила его с хозяином квартиры у Горсельского моста. Тот при-

нял его за сбежавшего сумасшедшего и пытался даже запереть его в комнате. Это отрезвило Огильви немного, и когда на дальнейшем своем пути он увидел журналиста Гендерсона, работавшего в своем саду, он окликнул его и постарался спокойно рассказать ему все виденное им.

— Гендерсон! — крикнул он. — Вы, наверное, видели вчера падающую звезду?

— Ну? — откликнулся Гендерсон.

— Она лежит теперь на Горселльском поле.

— Черт возьми! — крикнул Гендерсон. — Упавший метеорит! Это недурно!

— Но он представляет из себя нечто почище простого метеорита. Это цилиндр — искусственный цилиндр, дружище! И в нем находятся живые существа.

Гендерсон, с лопатой в руке, немного нагнулся к нему.

— Что такое? — переспросил он: он был глух на одно ухо. Огильви рассказал ему все, что видел. Гендерсон на минуту задумался над его рассказом, а затем, бросив лопату, схватил свою куртку и вышел на дорогу. Оба вместе бросились бежать на поле и увидели цилиндр все в том же положении. Шум, слышавшийся внутри, однако, прекратился, и между крышкой и телом цилиндра показалась узкая полоса блестящего металла. В этом месте входил или выходил воздух со слабым тонким шипением.

Минуту они прислушивались, постучали палкой по цилиндру и, не получая ответа, пришли к заключению, что человек или люди, сидящие внутри, потеряли сознание или умерли.

Само собой разумеется, что оба они были не в состоянии что-либо предпринять. Они крикнули несколько слов ободрения и утешения сидящим в цилиндре и отправились в город за помощью.

Можно себе представить, как они выглядели, когда, покрытые пылью, взволнованные и растерзанные, бежали по маленькой улице городка, при ярком солнечном свете, как раз в такое время, когда открывались лавки и проснувшиеся жители смотрели из окон. Гендерсон тотчас же отправился

на станцию железной дороги, чтобы сообщить в Лондон по телеграфу сенсационную новость. Газеты уже подготавливали умы к восприятию этого известия.

К восьми часам толпа мальчуганов и всякого праздного люда собралась на поле, чтобы посмотреть на «мертвых людей с Марса». В таком виде распространилось это известие. Я впервые услышал это от своего газетчика, когда вышел на улицу, чтобы купить «Daily Chronicle». Конечно, я был очень удивлен и, не теряя ни минуты, отправился через Оттершоуский мост к песочным ямам.

Глава 3

НА ГОРСЕЛЛЬСКОМ ПОЛЕ

Небольшая кучка в двадцать человек стояла вокруг ямы, в которой лежал цилиндр. Вид гигантского, зарывшегося в землю тела я уже описал раньше. Кучи земли и песка казались выброшенными взрывом. Без сомнения, тут произошел взрыв, вызванный падением тела. Гендерсона и Огильви не было там. Я подозреваю, что они оба не знали, что предпринять в данную минуту, и поэтому отправились завтракать к Гендерсону.

Четверо или пятеро мальчуганов уселись на краю ямы и, свесив ноги, забавлялись тем, что бросали камни в гигантскую массу, пока я не запретил им этого. Тогда они принялись играть в пятнашки, бегая вокруг группы собравшихся взрослых.

Тут были два велосипедиста, садовник, работавший иногда у меня, девушка с ребенком на руках, мясник Грегг с маленьким сыном и двое или трое праздничношатающихся бродяг. Разговоров почти не было слышно. Лишь у очень немногих из английского низшего класса были в то время кое-какие понятия об астрономии. Большинство же из присутствующих молча созерцали большую плоскую крышку цилиндра, который оставался все в том же положении, как его оставили Гендерсон и Огильви. Я думаю, что многие,

ожидавшие увидеть здесь груды обугленных тел, были разочарованы видом бездушного колосса. Некоторые ушли, пока я был там; их заменили другие. Я опустился в яму, и мне казалось, что я чувствую под ногами слабое движение.

Только подойдя вплотную к метеориту, я убедился в своеобразности его вида. На первый взгляд, в нем не было ничего особенного, — не больше, чем в опрокинутом экипаже или свалившемся дереве, заградившем дорогу. Больше всего он был похож, пожалуй, на ржавую газовую трубу. Требовалась известная степень научной подготовки, чтобы заметить, что серая кора, покрывавшая его, не была обыкновенной окисью, а желтовато-белый металл, блестевший между крышкой и цилиндром, имел какой-то особенный оттенок. Определение «вне-земной» было бы для большинства присутствующих пустым звуком.

Тогда я был уже твердо уверен, что этот предмет явился к нам с планеты Марс. Но мне казалось невероятным, чтобы в нем находились живые существа. Движение крышки могло быть автоматическим. Вопреки мнению Огильви, я был уверен, что на Марсе есть живые существа. Полный фантастических предположений, я серьезно был озабочен мыслью, что в метеорите могли быть заключены рукописи, и представлял себе затруднения, которые должны были возникнуть при переводе их. В нем также могли находиться и образчики монет, медалей и т. д. Но для таких целей метеорит был все же немного велик. Меня разбирало нетерпение увидеть его открытым. В одиннадцать часов еще ничего не произошло нового, и я решил вернуться домой в Мейбюри. Но в этот день мне стоило больших усилий углубиться в свою работу, относящуюся к абстрактным исследованиям.

После полудня вид Горселльского поля сильно изменился. Вышедшие накануне вечерние газеты напечатали крупными буквами в заголовке:

ПОСЛАНИЕ С МАРСА.

Удивительные вести из Уокинга.

Конечно, это не должно было всполошить весь Лондон, и, кроме того, телеграфное сообщение Огильви на астрономическую станцию подняло на ноги все обсерватории трех королевств.

На дороге, около песочных ям, стояло с полдюжины кабриолетов из Уокинга, легкий шарабан из Кобгэма, довольно шикарный собственный экипаж и целая армия велосипедов. Несмотря на жару, много народу пришло пешком из Уокинга в Чертси. В общем, собралась порядочная толпа и среди нее несколько нарядных дам.

Солнце нестерпимо жгло, на небе не было ни облачка, ни дуновения ветерка, и только под одиноко стоящими соснами можно было найти немного тени. Горящий вереск наконец потушили, и вся равнина по направлению к Оттершоу, почернела, и от нее все еще тянулись вверх струйки дыма. Какой-то предприимчивый купец из Кобгэма прислал своего сына с тележкой, нагруженной кислыми яблоками и имбирным пивом.

Когда я подошел к краю ямы, то увидел там группу людей, человек шесть, в том числе Гендерсона, Огильви и какого-то высокого блондина. Как я потом узнал, это был астроном Стэнт, член Королевского астрономического общества. Он пришел с несколькими рабочими, вооруженными заступами и кирками. Стэнт отдавал приказания ясным, громким голосом. Он стоял на цилиндре, который теперь уже значительно остыл. Лицо его покраснелось, и пот капал с него. По-видимому, он был чем-то раздражен.

Большая часть цилиндра была теперь обнажена, но своим нижним концом она лежала еще глубоко в земле. Как только Огильви увидел меня в толпе зевак, стоявших на краю ямы, он крикнул мне, чтобы я сошел к нему, и попросил меня пойти к владельцу соседнего поместья, лорду Гильтону.

— Все увеличивающаяся толпа, — сказал он мне, — представляет серьезную помеху земляным работам, в особенности же мешают мальчуганы. Необходимо обнести яму решеткой, чтобы оттеснить толпу. — Он рассказал мне также, что внутри цилиндра по временам все еще раздастся

слабый шорох, но рабочим не удается отвинтить крышку, так как она гладкая и не за что ухватиться. Стенки цилиндра были, по-видимому, очень толстые, и поэтому весьма возможно, что слабые звуки, доносившиеся до нас, были лишь отзвуком происходящей внутри кутерьмы.

Я с радостью взялся исполнить поручение, так как попал, таким образом, в число привилегированных зрителей внутри предполагаемой ограды. К сожалению, я не застал лорда Гильтона дома, но мне сказали, что его ждут из Лондона с шестичасовым поездом. Было уже четверть шестого, и поэтому я зашел домой напиться чаю, а затем отправился на станцию, чтобы перехватить лорда по пути.

Глава 4

ЦИЛИНДР ОТКРЫВАЕТСЯ

Когда я вернулся на поле, солнце уже садилось. Отдельные группы любопытных спешили из Уокинга, другие возвращались туда. Толпа вокруг ямы увеличилась и выделялась темным пятном на золотистом фоне вечернего неба. Всего тут было человек двести. Слышался гул спорящих голосов, и у ямы происходило, по-видимому, что-то вроде борьбы. Самые необыкновенные догадки мелькали у меня в голове. Когда я подошел ближе, я услышал голос Стэнта:

— Назад! Назад!

Навстречу мне бежал какой-то мальчик.

— Он двигается! — закричал он, пробегая мимо. — Он все отвинчивается и отвинчивается. Мне это не нравится. Я лучше пойду домой.

Я подошел к толпе. Там было не менее двухсот-трехсот человек. Все они ужасно толкались, стараясь протиснуться вперед, и особенно энергично действовали дамы.

— Он упал в яму! — закричал кто-то.

— Назад! — кричали другие.

Толпа раздалась немного, и я, воспользовавшись этим, протиснулся вперед с помощью локтей. Все были в страш-

ном возбуждении. Из ямы доносились какие-то своеобразные жужжащие звуки.

— Я прошу вас, — кричал Огильви, — помогите мне оттеснить этих идиотов! Мы еще не знаем, что находится в этой проклятой машине!

Я увидел, что какой-то молодой человек, приказчик из Уокинга, стоял на цилиндре и старался выкарабкаться из ямы, куда его, очевидно, столкнули во время давки.

Крышку цилиндра отвинчивали изнутри. Уже около двух футов блестящих нарезок винта стали видимы. Кто-то нечаянно толкнул меня сзади, и я чуть не полетел вниз, прямо на цилиндр. Я обернулся, и как раз в этот момент крышка цилиндра отвинтилась и со звоном упала на песок. Я оттолкнулся локтем от напивавших на меня сзади людей и обернулся лицом к лежащему колоссу. Блеск заходящего солнца ослепил мои глаза, и круглое отверстие цилиндра показало на минуту совершенно черным.

Я думаю, что каждый из присутствующих ожидал появления человека, отличающегося от земных людей, но все же человека. Я, по крайней мере, был в этом уверен. Но когда я вгляделся пристальнее, то заметил вдруг, что в темноте двигалось что-то серое, волнообразными движениями, одно над другим, а потом я увидел два блестящих круга, очевидно — глаза. От этой копошащейся кучи отделилось нечто вроде маленькой серой змеи, величиной с тросточку. Оно устремилось в мою сторону, а за ней такая же другая.

У меня мороз пробежал по коже. Сзади меня громко вскрикнула какая-то женщина. Полуобернувшись к толпе, но не отводя глаз от цилиндра, из которого высовывались все новые щупальца, я стал протискиваться назад. Я видел, как на лицах людей удивление сменилось ужасом. Крутом раздавались дикие крики и испуганные возгласы. Началась всеобщая паника. Я видел, как приказчик из Уокинга еще старался вылезти из ямы. Люди, стоявшие на стороне ямы, бросились бежать, и между ними был мистер Стэнт. Я остался один.

Взглянув на цилиндр, я окаменел от ужаса. Мои ноги словно приросли к земле. Я не мог пошевелиться, но не мог не смотреть.

Огромное серое круглое тело, величиной с медведя, медленно и тяжело поднималось из цилиндра. Когда оно вылезло настолько, что на него упал свет, то я заметил, что все его тело блестело, как мокрая кожа. Большие темные глаза пристально смотрели на меня. У него было что-то вроде лица. Под глазами был рот, без губ, края которого непрерывно дрожали, и из него текла слюна. Все тело поднималось и опускалось от усиленного вдыхания. Одно щупальце уцепилось за цилиндр, другое болталось в воздухе.

Тот, кто никогда не видел живого марсианина, не может себе представить ужасающего безобразия этих существ. Своеобразная форма рта в виде римской цифры V, с заостренным верхним концом, полное отсутствие надбровных дуг, отсутствие подбородка под клинообразным нижним краем рта, непрерывное дрожание рта, змеевидные щупальца, громкое дыханье легких в чуждой атмосфере, а также бросающиеся в глаза тяжеловесность, затрудненность движений, — результат большей силы притяжения на Земле — и главное, — упорный взгляд огромных глаз, — все это вызывало во мне чувство, близкое к обмороку. Было что-то грибообразное в этой маслянистой коричневой коже, а в неуклюжей обдуманности медленных движений марсиан лежало что-то невыразимо страшное. Уже с первой встречи, с первого взгляда отвращение и ужас наполнили мою душу.

Чудовище вдруг скрылось. Оно перевернулось через край цилиндра и упало в яму с таким стуком, словно большой кожаный мешок ударился о землю. Я услышал странный глухой крик, и в тот же момент в темном отверстии цилиндра показалось второе такое же существо.

Тут столбняк мой разом прошел. Я повернулся и бросился бежать, как сумасшедший, к ближайшей группе деревьев, бывших на расстоянии ста ярдов от меня. Но я бежал зигзагами и спотыкался на каждом шагу, так как все время оглядывался на чудовище.

Там, под молодыми соснами, за кустами дрока, я остановился, задыхаясь, и стал выжидать дальнейшего развития событий. Поле вокруг песочных холмов было усеяно людьми, которые, так же как и я, словно очарованные, в ужасе стояли и смотрели на невиданные существа или, вернее, на кучи камней у края ямы, в которой они копошились. Вдруг я увидел круглый черный предмет, который то поднимался над краем ямы, то снова исчезал. То была голова злополучного приказчика, который упал тогда в яму, голова, казавшаяся издали маленьким черным пятном на фоне заката. Но вот показались его плечи и колени, а затем он опять, должно быть, соскользнул, так как видна была только его голова. Вскоре и она исчезла, и я услышал как будто слабый крик. Одну минуту я чуть не поддался импульсу бежать ему на помощь, но страх одержал верх...

Теперь уже ничего не было видно, так как куча песка, набросанного при падении цилиндра, скрывала от глаз происходившее в яме. Всякий, кому пришлось бы проходить в это время по дороге из Кобгэма или Уокинга, был бы поражен необыкновенным зрелищем. Рассеянная толпа, человек в сто с лишком, стояла неправильным кольцом, прячась в канавах, за кустами и изгородью. Никто не разговаривал друг с другом, и только иногда слышались короткие возбужденные возгласы. Брошенная своим владельцем тележка с имбирным пивом вырисовывалась темным силуэтом на алеющем вечернем небе. У песочных ям стоял ряд опустевших экипажей, лошади которых ели овес из подвешенных торб и нетерпеливо взрывали землю копытом.

Глава 5

ТЕПЛОЙ ЛУЧ

С той минуты, когда я увидел марсиан, выползавших из цилиндра, в котором они прилетели со своей планеты к нам на Землю, какие-то чары сковали мою волю. Я продолжал стоять как заколдованный, по колена в вереске, и не отры-

ваясь смотрел на песочные кучи, скрывавшие от меня этих чудовищ. Страх и любопытство боролись в моей душе.

Я не решался вернуться к яме, но у меня было страстное желание заглянуть в нее. Я начал поэтому искать какой-нибудь удобный пункт для наблюдений, не спуская, однако, глаз с песочных куч, за которыми прятались эти странные пришельцы. Вдруг я увидел, как взметнулся кверху, по направлению к заходящему солнцу, какой-то тонкий, черный пучок, словно лапа полипа, и снова скрылся. Затем вытянулся, точно сустав за суставом, тонкий столб, на конце которого находился круглый диск, который все время вращался. Что могло происходить там?

Большинство людей разделились на две группы. Одна, поменьше, стояла в стороне Уокинга, другая кучка, побольше, — в стороне Кобгэма. Очевидно, все они переживали такую же душевную борьбу, как и я.

Несколько человек стояли около меня. В одном из них я узнал моего соседа, хотя имя его было мне неизвестно. Я подошел к нему и заговорил с ним. Но момент был совсем неподходящий для разумной беседы.

— Что за ужасные гады! — сказал он. И он повторил это несколько раз.

— Видели вы человека в яме? — спросил я его. Но он мне ничего не ответил на это. Мы долго молча стояли друг около друга и испытывали, казалось, некоторое облегчение от того, что были вместе. Затем я перешел на другое место, которое было выше на несколько футов и удобнее для наблюдений, а когда я оглянулся, то увидел, что мой сосед шел по направлению к Уокингу.

Закат сменился постепенными сумерками, не принес с собой никаких изменений. Вдали, налево от Уокинга, толпа как будто прибывала, и оттуда доносился неясный гул голосов. Около Кобгэма бывшая там кучка людей совсем рассеялась. Вблизи ямы, где лежал цилиндр, не было заметно никаких признаков жизни.

Это подействовало ободряюще на толпу, и, возможно также, новые зрители, подходившие из Уокинга, способ-

ствовали подъему настроения. Во всяком случае, с наступлением темноты возобновилось медленное, непрерывное движение по направлению к песочным ямам, которое все разрасталось, так как около ямы, где лежал цилиндр, продолжала царить тишина, и это придавало храбрости людям. Группы в два-три человека отваживались идти вперед, оставались, пристально всматривались и снова продвигались дальше. Редким, неправильным полукругом растянулись люди около ямы. Я тоже начал медленно подходить к ней.

Несколько кучеров и других каких-то людей отважились даже спуститься в песочные ямы. Я услышал стук колес и конских копыт. Молодой парень тащил обратно свою тележку с яблоками. А ярдах в тридцати от ямы, со стороны Горселля, показалась темная кучка людей, несущих белый флаг.

Это была депутация. Как оказалось потом, в Горселле состоялось очень оживленное совещание. Так как марсиане, несмотря на свою отталкивающую наружность, были, по-видимому, существа разумные, то решено было отправить к ним депутацию и как-нибудь, при помощи сигналов, дать им понять, что мы такие же разумные существа, как и они.

Белый флаг развевался во все стороны. Я стоял слишком далеко, чтобы различить лица идущих, но потом я узнал, что в числе участников этой попытки завязать сношения с марсианами были также Огильви, Стэнт и Гендерсон. Эта маленькая группа людей вступила внутрь теперь уже почти сомкнувшегося круга. За нею, на почтительном расстоянии, следовало несколько темных фигур.

Вдруг вспыхнул яркий свет, и туча светящегося зеленоватого дыма потянулась вверх из ямы тремя ясно видимыми клубами. Столбы дыма один за другим поднимались вверх в тихом, безветренном воздухе, прямые, как свечи.

Этот дым — назвать его пламенем было бы, пожалуй, вернее — светился так ярко, что темно-синее небо и все пространство коричневого поля по направлению к Чертси,

с разбросанными на нем черными соснами, погрузилось во мрак, когда поднялись эти клубы, а когда дым рассеялся, то стало еще темнее. Одновременно слышен был слабый свистящий звук.

По другую сторону ямы остановилась депутация с белым флагом, пораженная этим явлением; это была маленькая, ничтожная кучка черных фигур на черной земле! Их лица, освещаемые вспышками зеленого дыма, казались зеленовато-бледными, как у мертвецов.

Шипящий звук постепенно перешел в жужжание и, наконец, в громкое, протяжное гудение. Из ямы медленно поднялась бесформенная фигура, и казалось, что из нее брызнул маленький световой луч.

Вдруг по разбросанной человеческой толпе пробежали искры настоящего пламени, перескакивая от одного к другому. Казалось, что в них ударили невидимой струей света, который сейчас же превратился в белое пламя. Будто каждый, в кого попадала такая струя, мгновенно загорался.

И при свете этого пламени, приносившего им гибель, я видел, как они металась и падали и как те, кто следовал за ними, обращались в бегство.

Я стоял, ошеломленный всем виденным, не понимая еще, что в той далекой группе людей носится смерть, выхватывая одного за другим. Я чувствовал только, что там происходит что-то особенное. Одна, почти неслышная, ослепительная вспышка света, — и человек падал безжизненной грудой на землю, а над его головой невидимая огненная струя проносилась дальше, — зажигая сосны, кусты дрока и превращая все на своем пути в огненный костер. Я видел, как вдали, под Нэпгиллем, загорелись вдруг ярким пламенем деревянные постройки, изгороди и деревья.

Быстро и неуклонно носилась кругом огненная смерть, все поражая своим невидимым, неумолимым мечом. По пылающим кустам я догадался, что она подходит ко мне; но я был так ошеломлен и удивлен, что не мог двинуться. Я слышал треск огня в песочных ямах и внезапное ржание лошади, которое тотчас же затихло. Казалось, что меж-

ду мной и марсианами чья-то невидимая раскаленная рука провела по полю огненную линию; повсюду вокруг песочных ям темная земля задымилась и затрещала. Вдали, под Уокингом, где дорога со станции выходит в поле, что-то рухнуло со страшным треском. Тотчас же прекратилось гудение, и черный куполообразный предмет медленно опустился в яму и скрылся из глаз.

Все это произошло так быстро, что я стоял оглушенный и ослепленный, не будучи в состоянии двинуться с места. Если бы огненная смерть описала полный круг, то я бы погиб безвозвратно. Но она прошла мимо и пощадила меня, оставив во власти темной, жуткой ночи.

Холмистое поле казалось теперь почти черным, и только местами под темно-синим небом чуть-чуть серели полосы дорог. Было темно и совершенно безлюдно. Вверху над моей головой постепенно загорались звезды, а на западной стороне неба все еще виднелась мерцающая бледно-зеленая полоса, на которой резкими, темными контурами выделялись верхушки сосен и крыши домов Горселля. Марсиане и их приспособления оставались совершенно невидимыми, только высокий шест, на верхушке которого вертелся неутомимый диск, продолжал стоять. Отдельные кусты и одиноко стоящие деревья все еще горели и дымились, да в стороне Уокинга, у станции, от домов поднимались огненные столбы дыма, расплываясь в тихом ночном воздухе.

Ничто не изменилось. Если бы только не это чувство ужасного, подавляющего изумления! Маленькая горсточка черных фигурок с белым флагом была вычеркнута из жизни, и мирная тишина вечера как будто не нарушалась.

Я вспомнил, что остался один в этом мрачном поле, беззащитный, беспомощный. И внезапно, словно что-то пришедшее ко мне извне, на меня напал страх. С усилием я повернулся и, спотыкаясь о вереск, побежал прочь.

Страх, обуявший меня, был не сознательный страх, а панический ужас не только перед марсианами, но и перед окружавшими меня мраком и тишиной. Подавленный этим

ужасом, я бежал и тихо плакал, как дитя. Теперь, когда я отвернулся, я уже не решался оглянуться назад.

Помню, что я испытывал тогда странную уверенность, что со мной кто-то играет и что, как только я буду в пределах безопасности, эта таинственная смерть — быстрая, как свет — выскочит из ямы, где лежит цилиндр, достигнет меня и убьет...

Глава 6

ТЕПЛОЙ ЛУЧ НА КОВГЭМСКОЙ ДОРОГЕ

Все еще остается загадкой, каким образом могли марсиане так быстро и бесшумно убивать людей. Многие придерживаются того мнения, что они доводят до очень высокого градуса температуру в запертой камере, абсолютно не проводящей тепла. Этот накопленный запас теплоты они направляют посредством параллельных лучей на любой намеченный ими предмет, с помощью отполированного параболического зеркала, подобно тому световому лучу, который распространяется параболическим зеркалом на маяках. Но никто еще не мог доказать верность всех этих предположений. Как бы то ни было, одно было несомненно — что суть дела была в тепловом луче. Тепловая энергия, и притом невидимая, вместо видимой световой. Все воспламеняющееся горит при одном прикосновении этого луча. Свинец превращается в жидкость, железо становится мягким, стекло ломается и плавится; а когда такой луч попадает в воду, он превращает ее в пар.

В ту ночь вокруг ямы лежало до сорока трупов, обугленных и обезображенных до неузнаваемости. Всю ночь на поле между Горселле и Мейбургом бушевал огонь, и туда не показывалась ни одна живая душа. Только постепенно огонь затих.

Весть о разыгравшейся трагедии облетела почти одновременно Ковгэм, Уокинг и Оттершоу. В Уокинге магазины

были уже закрыты, когда произошло несчастье, и группы людей, взволнованные рассказами о событиях, шли через Горселльский мост, вдоль дороги, ведущей в поле. Можно себе представить, с каким удовольствием собиралась молодежь после работы, пользуясь новостью дня, как и всякой другой, для совместных прогулок.

Правда, очень немногие люди знали в Уокинге об открытии цилиндра, хотя бедняга Гендерсон послал на почту велосипедиста со срочной телеграммой для вечернего выпуска газеты. Когда вся эта масса гуляющих, отдельными группами в два-три человека, собралась в поле, они увидели там маленькие кучки людей, возбужденно разговаривающих и глазующих на вертящееся зеркало над песочной ямой. Само собой разумеется, что это волнение вскоре передалось и новопривывшим. В половине девятого, когда погибла депутация, на улице собралось около трехсот человек, а может быть, и больше, исключая тех, которые отделились, чтобы подойти ближе к марсианам. Между первыми было также три полисмена, один из них был верхом. Следуя предписаниям Стэнта, они добросовестно старались оттеснить толпу и не допустить ее близко к цилиндру. По их адресу раздавались свистки и насмешки, исходившие от слишком впечатлительных и сумасбродных людей, всегда готовых поскандалить. Когда марсиане вылезли из цилиндра, Стэнт и Огильви, предвидя возможность столкновения, тотчас же отправили из Горселля телеграмму в казармы с просьбой прислать отряд солдат в ограждение чужеземцев от насилий. После того они вернулись, чтобы участвовать в злополучной депутации. Описание их гибели, как передавали о ней очевидцы, вполне совпало с тем, чему я сам был свидетелем: три столба зеленоватого дыма, громкое гудение и вспыхивающие искры огня.

Но вся эта толпа избежала опасности гораздо более серьезной, чем я. Их спасло только то обстоятельство, что нижняя часть теплового луча наткнулась на преграду в виде песчаного бугра. Если бы шест с параболическим зеркалом был только на несколько ярдов выше, из толпы не

спаслось бы ни одного человека. Они видели вспышки огня, наблюдали, как падали люди, как невидимая рука зажигала кустарники и деревья. Потом со свистящим звуком, заглушившим гудение в яме, страшный луч скользнул над их головами, зажег вершины буковых деревьев, которые окаймляли улицу, раздробил кирпичи, разбил окна, зажег оконные рамы и разрушил часть крыши в угловом доме.

При этой неожиданной вспышке и ослепительном зареве горящих деревьев толпа заколыхалась в нерешимости.

Искры, горящие сучья и листья падали на улицу. На людях стали загораться платья и шляпы. С поля доносились испуганные крики. В воздухе стояли стон и вой. Вдруг в толпу врезался конный полисмен; он поднял руки над головой и громко закричал.

— Они идут! — завопила какая-то женщина, и мгновенно вся толпа повернула назад. Передние расталкивали задних, чтобы очистить дорогу к Уокингу. Толпа неслась по дороге, словно испуганное стадо овец. Там, где дорога суживается между высокими холмами, толпа остановилась, и началась давка. Не все могли спастись: две женщины и один маленький мальчик были задавлены, и их бросили умирать во мраке страшной ночи.

Глава 7

КАК Я ДОВРАЛСЯ ДОМОЙ

Отдельные подробности моего бегства с поля стерлись в моей памяти. Помню только, как я наткнулся на деревья и путался ногами в вереске. Все вокруг меня, казалось мне, было полно невидимой опасности, исходившей от марсиан. Мне чудилось, что над моей головой все еще носится тот безжалостный огненный меч и что вот-вот он опустится надо мной и убьет меня. Я достиг улицы, ведущей к Горселлю, и побежал по ней к перекрестку.

Вдруг я почувствовал, что дальше идти не могу; я был измучен пережитыми волнениями и бегством. Я зашатался и упал.

Это случилось недалеко от моста, в том месте, где у газового завода он пересекает канал. Здесь я упал и остался лежать.

Должно быть, я пролежал тут некоторое время.

Наконец я очнулся и сел, недоумевая, как я попал сюда. Мой страх пропал. Я потерял шляпу, я мой воротничок соскочил с запонки. Всего несколько минут назад для меня существовали только три реальные вещи: беспредельность ночи, пространства и природы, мое собственное ничтожество и страх и близость смерти. Теперь же как будто все изменилось во мне и кругом меня. Я бы не мог определить, произошел у меня переход от одного душевного состояния к другому. Я сразу стал самим собой, обыкновенным, скромным гражданином. Безмолвное поле, мое бегство, ужасные вспышки огня, все это казалось мне сном, и я спрашивал, действительно ли все это было? Я не мог поверить этому.

Я встал и неверными шагами стал подниматься по крутому мосту. В моей душе было недоумение. Мои мускулы и мои нервы, казалось, потеряли всю эластичность. Я шатался, как пьяный.

Над высокой дугой моста показалась сначала голова, а потом фигура рабочего, несшего корзину. Рядом с ним бежал маленький мальчик. Проходя мимо меня, он пожелал мне «доброй ночи». Я хотел заговорить с ним — и не мог. На его приветствие я ответил каким-то бессмысленным бормотанием и пошел дальше.

По Мейбургскому виадуку пронесся поезд, сверкнув на мгновение длинной вереницей освещенных окон и оставив за собой волнующиеся полосы белого огненного дыма. Треск, грохот и звон — и поезд исчез в ночной мгле. Небольшая кучка людей стояла, болтая, в воротах одного из хорошеньких домов, ряды которых образуют так называемую «Восточную террасу». Все это было знакомой милой действительностью. А то другое, что лежало за мной, было безумным бредом и фантазией!

Таких вещей, говорил я себе, не может быть!

Возможно, что я человек исключительных настроений. Я не знаю, все ли испытывают то же, что я. Бывают дни,

когда я чувствую странную оторванность от всего мира и от собственной личности. Мне кажется тогда, что я наблюдаю все окружающее откуда-то извне, из бесконечного далека, вне времени, вне пространства, по ту сторону горя и трагедии жизни. В ту ночь это чувство было особенно сильно во мне. То была другая часть моего сна.

Но в то же время меня смущало явное противоречие такой ясности духа с ужасными картинками, которые я видел там, где витала молниеносная смерть, — на расстоянии двух миль от меня. На газовом заводе кипела работа, и все электрические лампы были зажжены. Я остановился около болтающей группы людей.

— Что нового на поле? — спросил я.

Двое мужчин и одна женщина стояли у ворот.

— Что? — отозвался один из мужчин, обратясь ко мне.

— Я спрашиваю, что нового на поле? — повторил я.

— А разве вы не оттуда? — в один голос спросили мужчины.

— Люди, кажется, совсем помешались из-за этого поля, — заметила женщина. — Что там, собственно, произошло?

— Разве вы ничего не слышали о марсианах? — спросил я. — Про людей со звезды Марс?

— Более чем достаточно, — сказала женщина. — Спасибо!

И все трое засмеялись.

Я чувствовал себя сконфуженным. Я попытался рассказать им то, что видел, и не мог. Они все время смеялись над моей бессвязной речью.

— Вы еще услышите об этом, — сказал я и пошел домой. Дома жена моя испугалась, увидя мое осунувшееся лицо.

Я прошел в столовую, сел и выпил немного вина. Когда пришел в себя, я рассказал жене то, что видел. Обед, состоявший из холодных блюд, остался нетронутым на столе во время моего рассказа.

— В одном я могу тебя успокоить, — сказал я, видя ее волнение, возбужденное моим рассказом, — это самые не-

поворотливые существа, которых я когда-либо видел. Они могут завладеть ямой и убивать всех людей, которые подойдут к ним близко; но вылезти из нее они не смогут... Но какие они ужасные!

— Не говори, милый! — сказала жена, сморщив брови; она положила свою руку на мою.

— Бедный Огильви, — проговорил я. — Подумать только, что, может быть, он лежит там мертвый...

Моя жена, по крайней мере, не нашла мой рассказ неправдоподобным. Но, заметив, как она побледнела, я круто оборвал свою речь.

— Они могут прийти и сюда, — повторила она несколько раз.

Я заставил ее выпить вина и старался успокоить.

— Они еле могут двигаться, — сказал я.

Чтобы ободрить себя и ее, я начал повторять ей все, что говорил мне Огильви о невозможности для марсиан длительного пребывания на Земле. Особенное значение я придавал вопросу о силе притяжения. На поверхности Земли сила притяжения и три раза больше, чем на Марсе. Поэтому марсианин весит на Земле втрое больше, чем на Марсе, тогда как его мускульная сила остается такой же, как была. Таким образом, ему будет не под силу носить свое собственное тело. На самом деле это было общее мнение. И «Times» и «Daily Telegraph», вышедшие на другой день, утверждали то же самое; но обе газеты, как и я, совершенно упустили из виду два фактора, менявшие дело.

Как известно, атмосфера Земли содержит гораздо больше кислорода и гораздо меньше аргона, чем атмосфера Марса. Возбуждающее действие избытка кислорода на марсиан, бесспорно, является противовесом увеличению веса их тела. А во-вторых, все мы проглядели тот факт, что с такими механическими приспособлениями, какими обладали марсиане, они могли, в случае нужды, обойтись и без применения мышечной силы.

Тогда я не принял во внимание этих соображений, и поэтому моя аргументация немного хромала. Подкрепившись

пишей и вином, окруженный привычной домашней обстановкой и поддерживаемый сознанием необходимости успокоить свою жену, я и сам мало-помалу стал спокойнее.

— Они сделали большую глупость, — сказал я, отпивая вино из стакана. — Они опасны только потому, что они сами обезумели от страха. Может быть, они не ожидали встретить здесь живых существ, и во всяком случае можно бросить бомбу в яму: она их всех убьет.

Странное возбуждение после пережитых волнений, без сомнения, сильно обострило силу восприимчивости во мне. Я до сих пор необыкновенно живо помню наш обед. Милое, встревоженное лицо моей жены, выглядывавшее на меня из-под шелкового розового абажура лампы, белая скатерть, уставленная серебряной и хрустальной посудой (в те дни даже писатели-философы позволяли себе такую маленькую роскошь), пурпурно-красное вино в моем стакане, — все это запечатлелось с фотографической точностью в моем мозгу. В конце стола сидел я сам, шелкал орехи, потягивал сигару, сожалел о неосторожности Огильви и осуждал близорукую трусость марсиан.

Так, вероятно, рассуждал, сидя в своем гнезде, какой-нибудь почтенный додо на острове Маврикия, когда туда высадились горсточка безжалостных матросов в поисках животной пищи.

— Завтра мы заключаем их до смерти, моя милая! — говорил я.

Я не знал тогда, что то был мой последний обед в культурной обстановке перед началом целого ряда необычайных, ужасных дней.

Глава 8

В НОЧЬ НА СУББОТУ

Из всех странных и удивительных вещей, которые произошли в эту пятницу, самой странной была для меня несовместимость повседневного обихода жизни с первыми признаками начала целого ряда событий, которые должны

были перевернуть вверх дном весь социальный строй этой жизни. Если бы кто-нибудь в пятницу ночью, вооружившись циркулем, провел мысленно круг с радиусом в пять миль вокруг песочных ям Уокинга, то я уверен, что вне этого круга не нашлось бы ни одного человека, за исключением лишь родственников Стэнта, двух или трех велосипедистов да лондонцев, лежавших мертвыми на поле, чьи привычки и чье настроение были бы нарушены пришельцами с Марса. Многие, конечно, слышали о цилиндре и в свободные часы, может быть, даже беседовали об этом; но несомненно, что это событие не вызвало такой сенсации, какую вызвал бы, например, наш ультиматум Германии.

В Лондоне телеграмма бедняги Гендерсона с описанием снаряда и его постепенного отвинчивания была принята за газетную утку, и редактор вечернего листка просил по телеграфу Гендерсона о подтверждении. Но, так как ответа не было получено, — Гендерсон уже погиб тогда, — то редакция решила не выпускать дополнительного номера с этим известием. Даже в пределах этого пятимильного круга большинство людей оставались равнодушными. Отношение женщин и мужчин к моему рассказу о событиях я уже описывал. Повсюду люди обедали и ужинали, как всегда; рабочие, по окончании работ на фабрике, копались у себя в саду, детей укладывали спать в обычный час, молодежь и нежные парочки гуляли по улицам, а ученые сидели за своими книгами.

Возможно, что на улицах было больше оживления, что в кабаках и трактирах явилась новая тема для разговоров, что там и сям появлялся очевидец последних событий и вызывал своим рассказом крики и испуганные возгласы. Но в общем жизнь продолжала идти своим обычным, повседневным темпом, люди продолжали работать, есть, пить и спать, как раньше, — как будто никакой планеты Марс и не существовало. То же самое было на станциях железных дорог в Уокинге, Горселле и Кобгэме.

На узловом пункте в Уокинге поезда приходили, уходили и передвигались на запасный путь, пассажиры выходили

и ждали на вокзале, — словом, все шло своим заведенным порядком. Мальчишка-газетчик из города продавал, невзирая на монополию мистера Смитса, листки с последними известиями, и его выкрики «люди с Марса» смешивались со звоном и грохотом багажных тележек и резкими свистками паровозов. В девять часов на станцию прибежали несколько человек с невероятными рассказами о событиях на поле, но их появление так же мало нарушило общий порядок, как появление пьяных. Пассажиры, которые ехали в Лондон и выглядывали в темноту из окон вагона, видели странные, вспыхивающие, то появляющиеся, то снова исчезающие искорки света по направлению к Горселлю, видели красное пламя с тянувшейся от него к звездам тонкой завесой дыма, и думали, что это горит вереск. Только на повороте, огибающем поле, можно было заметить, что случилось что-то неладное. На границе Уокинга горело с полдюжины дач. Во всех трех деревнях, в домах, обращенных окнами в поле, горел свет; их обитатели не ложились спать до зари.

На Кобгэмском и Горселльском мостах всю ночь толпились любопытные. Люди приходили и уходили, но толпа не убывала. Некоторые смельчаки, как оказалось потом, решили прокрасться в темноте до самой ямы, где сидели марсиане. Эти смельчаки больше не возвращались никогда, так как световой луч, словно прожектор военного судна, от времени до времени пробегал по полю, а непосредственно за ним следовал и тепловой луч. За исключением этого, широкая площадь поля казалась пустой и безмолвной, и обуглившиеся трупы лежали на земле всю ночь и весь следующий день. Только из ямы доносился какой-то шум, словно стук молотков, который слышали многие.

Таково было положение вещей в пятницу ночью. В центре этих событий находился цилиндр, который торчал, как отравленная стрела в теле нашей старой планеты. Но действие яда еще только начиналось. Кругом тянулась полоса безмолвного поля, местами дымившегося, с разбросанными на нем темными, неясными фигурами в неестественных позах. Там и сям горело дерево или куст. Кое-где среди жи-

вых людей царило волнение, но за пределы этого круга оно еще не распространялось. Во всем же остальном мире жизнь текла по-прежнему. Лихорадка войны, которая должна была бы заморозить кровь в жилах, иссушить нервы и расстроить мозг, была еще впереди.

Всю ночь стучали марсиане, приготавливая свои машины, и то и дело взвивались к звездному небу столбы зеленовато-белого дыма.

Около одиннадцати часов через Горселль прошла рота солдат и выстроилась на краю поля, образуя кордон. Позднее через Кобгэм прошла вторая рота и оцепила поле с северной стороны. Несколько офицеров из Инкерманских казарм были на поле еще рано утром, и один из них, майор Иден, так и не вернулся. Командир около полуночи подъезжал к Кобгэмскому мосту и подробно расспрашивал собравшуюся там толпу. Без сомнения, военные власти прекрасно понимали серьезность положения.

На следующее утро газеты сообщили, что из Ольдершота был отправлен на место происшествия эскадрон гусар, два пулемета и до четырехсот человек Кардиганского полка.

Через несколько секунд после полуночи толпа, стоявшая на дороге из Уокинга в Чертсей, видела звезду, которая упала в северо-западном направлении в сосновый лес. Полет ее сопровождался зеленоватым светом, похожим на сверкание молнии.

То был второй цилиндр.

Глава 9

ВОЙНА НАЧИНАЕТСЯ

Суббота живет в моей памяти как день томительного ожидания. Это был жаркий, душный день, отмеченный, как мне передавали, резкими колебаниями барометра. Я спал очень плохо и встал рано. Перед завтраком я вышел в сад и постоял там, прислушиваясь. Но со стороны поля не было заметно никакого движения, и только жаворонок кружился в воздухе.

Наш молочник явился в обыкновенное время.

Услышав стук его тележки, я подошел к калитке, чтобы расспросить его о новостях. Он рассказал мне, что ночью марсиан окружили войсками и что теперь ожидают прибытия пушек. Тут я услышал знакомые успокоительные звуки: к Уокингу подходил поезд.

— Их не хотят убивать, — сказал молочник, — если только удастся обойтись без этого.

Я увидел соседа, работавшего в своем саду. Мы поболтали немного, а потом я пошел завтракать. Утро начиналось как всегда. Мой сосед был того мнения, что войскам удастся в течение дня захватить марсиан или их уничтожить.

— Это очень жалко, — сказал он, — что марсиане держат себя так недоступно. Было бы интересно услышать, как они живут на других планетах, и мы могли бы узнать это от них.

Он подошел к решетке и протянул мне горсть земляники, так как он был не только страстный садовод, но и щедрый хозяин. Одновременно он сообщил мне, что влево от Байфлита горит сосновый лес.

— Говорят, — продолжал он, — что упала вторая такая же штука. Но и одной было бы совершенно достаточно! Такое удовольствие будет стоить хорошенькой суммы денег нашим страховым обществам, пока все кончится. — И он засмеялся с видом невозмутимого добродушия. — Лес и теперь еще горит, — продолжал он, указывая рукой на видневшуюся вдали полосу дыма. — Почва долгое время будет горяча под ногами, так как ее покроет толстый слой тлеющих игл. — Затем он сделался серьезным и заговорил об Огильви.

После завтрака я отложил свою работу и решил идти на поле. Под железнодорожным мостом я встретил группу солдат-саперов, как я думаю, — в маленьких круглых кепи и грязных расстегнутых красных куртках, оставлявших на виду их синие рубахи, в черных брюках и сапогах, которые доходили только до икр. Они сказали мне, что через мост никого не пропускают, и действительно, взглянув туда, я увидал, что там стоит часовой, солдат Кардиганского полка. Я поговорил

с ними некоторое время и рассказал о своей встрече с марсианами прошлым вечером. Никто из них не видел марсиан, и они имели о них весьма неясное представление, поэтому они засыпали меня вопросами. Оказывается, что они не знали, кто распорядился послать войска, но полагали, что дело тут не обошлось без пререканий. Рядовой сапер гораздо развитее простого солдата, и они не без знания дела обсуждали условия предстоящей борьбы. Я описал им действие теплового луча, после чего каждый из них стал высказывать свое мнение, как повести атаку на марсиан.

— Нужно подкрасться к ним под прикрытием и затем кинуться на них, — сказал один.

— Брось! — вмешался другой. — Прикрытие не защитит тебя при такой жаре. Разве только тебя легче будет зажарить! Нет, нам нужно подойти как можно ближе и затем вырыть траншею.

— К черту твои траншеи! Ты только и знаешь твои траншеи. Тебе бы кроликом родиться, Снippi.

— Неужели у них совсем нет шей? — неожиданно обратился ко мне третий, маленький человечек с глубокомысленным видом, с трубкой в зубах.

Я повторил мое описание.

— Осьминоги, стало быть, — сказал он. — Значит, теперь нам придется сражаться с рыбами.

— Нет никакого греха убивать таких гадов, — заметил первый из собеседников.

— Почему не расстрелять их и сразу же не покончить с ними? — предложил маленький человек. — Ведь никто не знает, какие еще каверзы они готовят нам!

— А где же твои бомбы? — насмешливо заметил первый.

— Теперь — уже поздно. Нужно произвести атаку, — вот мой план, и сделать это не откладывая!

Они еще долго беседовали в том же духе. Через которое время я расстался с ними и отправился на вокзал, чтобы купить как можно больше утренних газет.

Я не стану утомлять читателя описанием длинного утра и не менее длинного дня. Мне так и не удалось бросить хотя

бы один взгляд на поле, так как даже церковные колокольни в Горселле и Кобгэме были заняты войсками. Солдаты, к которым я обращался с расспросами, ничего не знали. Офицеры имели очень таинственный и озабоченный вид. Городские жители чувствовали себя, как я видел, в большей безопасности под охраною военной силы. Тогда я впервые услышал от Маршала, хозяина табачной лавки, что его сын был среди убитых на поле. Солдаты принудили обитателей предместий Горселля запереть свои дома и покинуть их.

Около двух часов дня я вернулся домой усталый, прямо к завтраку. Как я уже говорил, день был очень жаркий, и, чтобы освежиться, я принял холодную ванну. Приблизительно около половины пятого я снова отправился на вокзал, чтобы купить себе вечерний выпуск газеты, так как утренние газеты содержали весьма неточное описание смерти Стэнта, Огильви, Гендерсона и других. Да и, кроме того, там не было ничего такого, чего бы я уже не знал. Марсиан не было видно. Они засели в своей яме и были, по-видимому, очень заняты, так как стук молотков не прекращался, и над ямой непрерывно поднимались столбы дыма. Было ясно, что они готовятся к борьбе. «Были сделаны новые попытки достигнуть соглашения при помощи сигналов, но безуспешно», — так гласила стереотипная формула газет. Один из саперов рассказывал мне, что на этот раз пробовали сигнализировать из канавы, высовывая длинный шест с флагом, но марсиане обратили на это столько же внимания, как мы на мычание коровы.

Я должен сознаться, что вид военных приготовлений до крайности возбудил меня. Фантазия моя разыгралась, и в своем воображении я поражал врагов тысячами способов. Во мне снова проснулись мои школьные грезы о битвах, о героях. Но на этот раз бой был неравным. Таким беспомощным казался мне неприятель в своей яме.

В три часа мы услышали со стороны Чертси или Оддлстона через правильные промежутки первые пушечные выстрелы. Как оказалось, это обстреливали горевший сосновый лес, куда упал второй цилиндр, в надежде уничтожить

его прежде, чем он откроется. В Кобгэм только к пяти часам прибыла полевая пушка, предназначенная для военных действий против первой партии марсиан.

В шесть часов вечера, когда я с женой сидел в беседке за чаем и горячо обсуждал предстоящую битву, я вдруг услышал со стороны поля заглушенные раскаты выстрелов, и непосредственно за этим началась стрельба. Вслед за этим раздался такой оглушительный треск, что дрогнула земля. Выскочив на лужайку, я увидел, что верхушки деревьев около Восточного колледжа пылают ярким пламенем, а колокольня соседней маленькой церкви обрушилась. Купол церкви исчез, а крыша колледжа имела такой вид, как будто ее обстреливали из пушек в сто тонн. В нашем доме разлетелась труба как от удара бомбы, кирпичи с грохотом посыпались на крышу и образовали на цветочной гряде, перед окном моего кабинета, целую грудку красных обломков.

Я и моя жена остановились как вкопанные. Затем я вдруг сообразил, что теперь, когда колледж был почти разрушен, гребень Мейборгского холма попадал в круг действия теплового луча марсиан.

Я схватил мою жену под руку и, не раздумывая больше, выбежал с ней на улицу. Затем я побежал за служанкой, обещающей ей снести ее сундук, с которым она не хотела расставаться.

— Мы ни в каком случае не можем оставаться здесь, — сказал я. И не успел я договорить, как пальба на поле возобновилась.

— Но куда же мы отправимся? — спросила моя жена в ужасе.

Я молча начал соображать, и вдруг я вспомнил о ее родственниках в Лизсерхеде.

— В Лизсерхед! — крикнул я, стараясь перекрыть грохот выстрелов.

Она отвернулась и смотрела вниз вдоль улицы. Испуганные люди выбегали из домов.

— Как мы доберемся до Лизсерхеда? — спросила она.

У подножия холма я увидел кучку гусаров, проскакавших под железнодорожным мостом. Трое въехали в открытые ворота Восточного колледжа, двое других — спешили и побежали по дороге, заходя из дома в дом.

Солнце светило сквозь дым, подымавшийся от верхушек горящих деревьев, и казалось кроваво-красным, бросая на все окружающее какой-то непривычный тусклый свет.

— Подожди меня здесь, — сказал я жене, — здесь ты в безопасности. — Сам же я, не теряя времени, побежал в трактир «Пятнистая собака», хозяин которого, как я знал, имел лошадь и шарабан. Я бежал изо всех сил, так как был уверен, что в короткое время по эту сторону холма соберется все население. Я нашел хозяина трактира, стоящего за буфетом в полном неведении того, что происходило за его домом. Какой-то человек, который стоял спиной ко мне, разговаривал с ним.

— Вы мне должны заплатить один фунт, — сказал хозяин. — Но я не могу вам дать кучера.

— Я вам дам два фунта, — крикнул я через плечо незнакомца.

— За что?

— И к двенадцати часам ночи я вам доставлю обратно ваш шарабан, — прибавил я.

— Почему такая спешка, сэр? — возразил хозяин. — Я продаю свою часть свиньи. Вы даете два фунта и беретесь доставить мне ее обратно. Что же еще случилось?

Я наскоро объяснил ему, что мне нужен шарабан, потому что я уезжаю. В ту минуту меня совершенно не смущала необходимость отъезда для него самого. Я дождался, чтобы шарабан заложили, проехал в нем вдоль улицы и оставил его на попечение моей жены и служанки. Затем я побежал обратно в дом, собрал некоторые ценные вещи, серебро и прочее и захватил их с собой. Тем временем загорелась буковая роща, пониже нашего дома, и садовые решетки вдоль дороги. Пока я еще укладывался, явился один из гусар. Он ходил из дома в дом, предупреждая жильцов, чтобы они уезжали. Он уже убежал, когда я вышел из две-

рей дома, нагруженный своими сокровищами, завязанными в скатерть.

Я закричал ему вслед:

— Что нового?

Он обернулся, посмотрел на меня и проворчал мне что-то о «ползании в какой-то штуке, вроде крышки от блюда». Затем он побежал дальше через ворота дома, стоявшего на верхушке гребня. Я бросился к дому моего соседа и, постучавшись в дверь, удостоверился в том, в чем я был уверен, что сам он и его жена уехали в Лондон и заперли дом. Верный своему обещанию, я снова вернулся в дом за сундуком моей прислуги, вытащил его и прикрепил рядом с нею на задок повозки. Схватив вожжи, я вскочил на сиденье, рядом со своей женой, и в следующую минуту мы уже были вне круга огня и грохота и мчались по противоположному склону холма к Старому Уокингу.

Перед нами расстился мирный, залитый солнцем ландшафт. По обе стороны дороги тянулось пшеничное поле, и можно было уже рассмотреть висячую вывеску гостиницы в Мейбюри. Перед нами ехал экипаж доктора. У подножия я оглянулся. Густые клубы черного дыма, прорезанные красными языками пламени, подымались в неподвижном воздухе, отбрасывая черную тень на зеленые верхушки деревьев на востоке. Дым расходился в двух направлениях: к востоку, до самого Байфлитского леса, и к западу, до Уокинга. Дорога была усеяна людьми, бежавшими по одному направлению с нами. И теперь в тихом, жарком воздухе раздавались слышно, но очень ясно треск пулеметов и выстрелы винтовок. Очевидно, марсиане зажигали все, что находилось в пределах действия их теплового луча.

Я был неопытным кучером, и поэтому мне пришлось обратить все свое внимание на лошадь. Когда я обернулся, то уже не видел черного дыма, который скрылся за вторым холмом. Я стегнул лошадь, заставив ее бежать рысью, пока мы не оставили далеко за собой тот ужасный кошмар, от которого бежали. Доктора я обогнал между Уокингом и Сендом.

Глава 10

В ГРОЗУ

Лизсерхед находится на расстоянии двенадцати миль от Мейбургских холмов. Запах свежего сена носился над сочными лугами за Пирфордом, а изгороди по бокам дороги пестрели яркими цветами диких роз. Резкий грохот орудий, который мы слышали, спускаясь с Мейбургских холмов, прекратился так же внезапно, как начался, и ничто не нарушало мирной тишины вечера. Часам к девяти мы добрались до Лизсерхеда без всяких приключений. Надо было дать отдохнуть лошади, и я воспользовался этим, чтобы поужинать с нашими родственниками и поручить мою жену их заботам.

Всю дорогу моя жена была странно молчалива и теперь еще, видимо, продолжала находиться под гнетом злых предчувствий. Я пытался успокоить ее, доказывал ей, что марсиане прикованы к яме благодаря своей неповоротливости и только в лучшем случае они смогут слегка выползти из нее. Но она давала только односложные ответы. Не будь я связан словом, которое я дал хозяину трактира, она, наверное, уговорила бы меня остаться на эту ночь в Лизсерхеде. Если бы я сделал это тогда! Я помню, как она была бледна, прощаясь со мной.

Я же, напротив, был сильно возбужден весь этот день. В моей крови горела лихорадка войны, которая иногда овладевает цивилизованными обществами, и я не был особенно огорчен перспективой возвращаться ночью в Мейбург. Я даже опасался, что тот последний пушечный выстрел, который мы слышали, мог означать уничтожение пришельцев с Марса. Лучше всего я выражу мое душевное состояние, если скажу, что меня непреодолимо тянуло туда, на поле битвы, чтобы присутствовать при их гибели.

Было уже почти одиннадцать часов, когда я пустился в обратный путь. Ночь была очень темная. Когда я вышел из ярко освещенного дома моих родственников, ночь пока-

залась совершенно черной. И было так же жарко и душно, как днем. По небу носились облака, но внизу не чувствовалось ни малейшего дуновения ветерка. Слуга наших родственников зажег оба фонаря у шарабана. К счастью, дорога была мне хорошо известна. Моя жена стояла в освещенных дверях подъезда и смотрела на меня, пока я садился в шарабан. Тогда она вдруг повернулась и ушла, предоставив своим родственникам пожелать мне счастливого пути.

Беспокойство моей жены передалось и мне, и вначале я был в подавленном настроении, но вскоре мои мысли опять вернулись к марсианам. Я был тогда в полной неизвестности относительно исхода вечернего боя и не знал даже, что послужило поводом к столкновению. Проезжая Октэм (ибо я возвращался другой дорогой, минуя Сенд и Старый Уокинг), я увидел на западе, на самом краю горизонта, кроваво-красную полосу, которая, по мере моего приближения, медленно ползла по небу. Быстро несущиеся облака надвигавшейся грозы сливались с клубами черного и красного дыма.

Рипли-стрит опустел, и, кроме нескольких освещенных окон, ничто не указывало на признаки жизни в селе. Однако на повороте в Пирфорд я чуть не наехал на кучку людей, стоявших спиной ко мне. Никто из них не окликнул меня, и я не знал, насколько они были осведомлены о событиях, происходивших по ту сторону холма. Я знал также и то, что означало это безмолвие домов. Погружены ли были эти дома, мимо которых я проезжал, в мирный сон или же они были брошены своими обитателями, оставлены на произвол ужасов ночи?..

От Рипли до Пирфорда дорога шла по долине Уэя, и красное зарево скрылось от меня. Когда я поднялся на маленький холм по ту сторону, за Пирфордской церковью, я снова увидел его, и в ту же минуту вокруг меня зашумели деревья от первого натиска собиравшейся грозы. Часы на Пирфордской колокольне пробили полночь. Передо мной выступил силуэт Мейбургского холма с верхушками деревьев и крышами, резко черневшими на багровом небе.

Вдруг вся дорога передо мною озарилась бледно-зеленым светом и осветила далекий лес около Эдльстона. Я почувствовал, как дернула лошадь, и крепче схватился за вожжи. В этот самый момент мчащиеся по небу тучи прорезало что-то вроде огненной стрелы, светившейся зеленоватым светом, и упало в поле, налево от меня. То была третья падающая звезда.

Вслед за тем сверкнула первая молния налетевшей грозы, казавшаяся по контрасту ярко-лиловой, за которой последовал удар грома. Лошадь закусил удила и понесла.

К подножию Мейбургского холма ведет отлогая дорога, по которой мы мчались теперь. Гроза разыгралась, и молния сверкала за молнией. Удары грома следовали один за другим с каким-то странным шумом, походившим скорее на работу гигантской электрической машины, чем на раскаты грома. Блеск молнии слепил мне глаза, а в лицо хлестало мелким градом, когда я несся по спуску.

Некоторое время я смотрел только на дорогу, но вдруг мое внимание было привлечено странным предметом, быстро двигавшимся по противоположному склону Мейбургского холма. В первый момент я принял его за крышу дома, но при свете чередующихся молний я увидел, что он движется вращательным движением. Это было ускользящее явление, которое то появлялось при ярком блеске вспыхивающих молний, то снова пропадало в наступавшей темноте. Но вот показались красные стены приюта, на гребне холма зеленые вершины сосен, и наконец этот загадочный предмет выступил ясно и отчетливо передо мной.

Как мне описать его? Треножник чудовищного размера, выше, чем многие дома, двигался по молодому сосняку, разбрасывая деревья во все стороны. Ходящая машина из сверкающего металла со свешивающимися по сторонам стальными коленчатыми канатами. Блеск молнии ясно осветил этот странный предмет, то исчезающий, то снова появляющийся и приблизившийся уже на сотню ярдов.

Неожиданно вдруг раздвинулись деревья передо мной, сломанные стволы полетели в разные стороны, и появил-

ся второй гигантский треножник, катившийся, как мне казалось, прямо на меня. При виде этого второго чудовища нервы мои не выдержали, я круто повернул коня направо, и через минуту шарабан перевернулся и накрыл упавшую лошадь, а меня отбросило в сторону, и я тяжело шлепнулся в лужу.

Но я тотчас же выполз на более сухое место, хотя ноги мои оставались в воде, и присел, скорчившись, за кустом дрока. Лошадь лежала неподвижно (она убилась насмерть), и при свете молнии я увидел черную массу опрокинутого экипажа и колесо, которое все еще продолжало тихонько вертеться. В следующую же минуту гигантская машина прошла мимо меня и стала подыматься в гору по направлению к Пирфорду.

Вблизи она казалась еще более удивительной. Это была простая, бесчувственная машина. При движении она издавала звенящий металлический звук, а по бокам у нее извивались гибкие металлические щупальца (я видел, как одним из них она схватила сосну). Эта машина сама себе прокладывала дорогу, а покрывавший ее медный колпак двигался в разные стороны и производил впечатление головы. В задней части главного корпуса машины находился какой-то чудовищный предмет из белого металла, который походил на огромную корзину. Клубы зеленого дыма вырывались из ее сочленений, когда он проходил мимо меня. Через минуту уже исчез.

Вот что я видел при неверном блеске молний, слепивших мне глаза!..

Проходя мимо меня, гигант издал торжествующий, оглушительный вой, покрывший громовый раскаты: «Алоо! алоо!» Секунду спустя он соединился с другим таким же гигантом. Пройдя полмили, они оба остановились среди поля, наклонившись над каким-то предметом. Я уверен теперь, что предмет этот был третий из десяти цилиндров, отправленных к нам с Марса.

Несколько минут я лежал под дождем и наблюдал при вспышках молнии за движениями металлических гиган-

тов. Пошел град, за пеленой которого лишь смутно выделялись их очертания, выступавшие еще ярче, когда сверкала молния.

Я промок насквозь, так как ноги мои все еще были в воде, а сверху меня поливало дождем, смешанным с градом. Прошло некоторое время, прежде чем я пришел в себя от своего оцепенения настолько, чтобы сделать попытку выбраться на сухое место и подумать об опасности, которая мне угрожала.

Осмотревшись кругом, я увидел неподалеку от меня, среди картофельного поля, маленькую деревянную хижину лесника. Поднявшись с усилием на ноги, согнувшись и прячась за кустами, я пустился бегом к этой хижине и стал колотить в дверь, но мне никто не открыл. Очевидно, там никого не было. Тогда я, пользуясь канавой, как прикрытием, стал пробираться ползком, чтобы не быть замеченным врагом, к Мейбургскому лесу.

Под прикрытием деревьев, промокший и продрогший, я решил направиться к своему дому. Я шел наугад среди деревьев, отыскивая тропинку. В лесу было совершенно темно, молния сверкала все реже, и в просветы между деревьями лил дождь вместе с градом.

Если бы в то время я отдавал себе отчет в значении всех тех явлений, свидетелем которых я был, то, не теряя ни минуты времени, я повернул бы назад и окольной дорогой, через Байфлит и Стрит-Кобгэм, вернулся бы к своей жене в Лизсерхед. Но в ту ночь странность моих переживаний и мое жалкое физическое состояние лишили меня способности соображения.

У меня было только одно сильное желание — добраться до своего дома. Я шел, натываясь на деревья, упал в лужу, расшиб себе колени о доску и выбрался наконец на дорогу к колледжу. В темноте я столкнулся с каким-то человеком, который чуть не сшиб меня с ног.

С криком испуга он отскочил от меня в сторону и, как сумасшедший, побежал дальше, не дав мне времени окликнуть его. Как раз в этом месте напор ветра был настолько

силен, что мне стоило величайших усилий одолеть подъем. Я шел, цепляясь руками за решетку ограды колледжа с левой стороны, и таким образом кое-как выбрался наверх.

Около вершины холма я споткнулся обо что-то мягкое и при блеске молнии увидел у своих ног кучу черного платья и пару сапог. Прежде чем я успел разглядеть, в каком состоянии находится лежащий тут человек, все снова погрузилось в темноту. Я остался стоять около него, ожидая следующей молнии. Она сверкнула опять, и я увидел, что это был человек крепкого сложения, просто, но хорошо одетый. Он лежал, скорчившись и подогнув голову, вплотную около ограды, как будто его с силой отшвырнули туда.

Превозмогая чувство отвращения, присущее всякому, кто никогда не прикасался к трупу, я нагнулся; повернул его на спину и оцупал его сердце. Он был мертв. По-видимому, у него был сломан шейный позвонок. В третий раз сверкнула молния и осветила лицо лежащего. Я подскочил от неожиданности. Передо мной лежал хозяин трактира «Пятнистая собака», у которого я нанял повозку!..

Я осторожно перешагнул через труп и отправился дальше. Миновав колледж и полицейский участок, я подошел к своему дому. На вершине холма все было спокойно, но в поле пылало зарево, и густые клубы красно-желтого дыма боролись с ливнем. Насколько я мог рассмотреть при вспышках молнии, большинство домов оставались неповрежденными. На улице перед колледжем лежала какая-то темная груда.

Около Мейбургского моста раздавались голоса и шаги, но у меня не хватило духу пойти туда. Добравшись до своего дома, я отворил дверь бывшим при мне ключом, заперся, задвинув засов у ворот, и, нащупав в темноте лестницу, уселся на ступеньку. Мое воображение было полно шагающими по полю страшными гигантами и скорченными мертвым телом, отброшенным к ограде.

Сидя у подножия лестницы, я прижался спиной к стене, скорчившись и дрожа, как в лихорадке.

Глава 11

У ОКНА

Я уже говорил, что, несмотря на сильные душевные переживания, я обладал свойством быстро успокаиваться. Через некоторое время я почувствовал, что озяб, и заметил, что на покрывавший лестницу ковер натекли с меня целые лужи воды. Почти машинально я встал на ноги и пошел в столовую, чтобы выпить виски. Только тогда я почувствовал необходимость переменить платье.

Переодевшись, я поднялся к себе в кабинет, но для чего я это сделал, не знаю. Из окна моего кабинета, которое мы забыли закрыть впопыхах перед отъездом, были видны деревья и полотно железной дороги, вплоть до Горселльского поля.

Я остановился в дверях комнаты.

Гроза стихла. Башни Восточного колледжа и окружавшие его деревья исчезли. Вдали виднелось поле вокруг песочных ям, освещенное красным заревом. И в этом ярком освещении хлопотливо сновали взад и вперед гигантские черные тени, смешные и странные.

Казалось, что вся местность в этом направлении была в огне. По всему широкому склону перебегали огненные языки, извиваясь под порывами затихающей бури и озаряя красным отблеском несущиеся по небу тучи. Временами окно застилалось облаком дыма и скрывало от меня тени марсиан. Я не мог видеть, что они делали, и не мог даже ясно различить их фигур; не мог также понять, что это был за предмет, которым они так деятельно занимались. Мне не видно было пламени ближайшего пожара, хотя отражение его играло на стене и на потолке моего кабинета, и в воздухе несся от него резкий смолистый запах.

Я тихонько закрыл дверь и прокрался к окну. Чем ближе я подходил, тем более расширялся вид из него. С одной стороны я мог видеть дома около вокзала в Уокинге, а с другой — обуглившиеся деревья Байфлитского леса. Внизу, у подно-

жья холма, на полотне железной дороги, виднелся яркий свет, и несколько домов на прилегающих к станции улицах и по дороге в Мейбюри представляли из себя пылающие развалины. Сначала я недоумевал, что означает этот яркий свет на полотне железной дороги; я видел черную груды и яркий свет, а направо — ряд каких-то продолговатых, желтых предметов. Потом я сообразил, что это был поезд, потерпевший крушение, передняя часть которого была разбита вдребезги и горела, а задние вагоны стояли на рельсах.

Между этими тремя главными центрами пожара — горящими домами, поездом и пылающей местностью — под Кобгэмом тянулось темное пространство земли, местами прерываемое неправильными полосами догоравшего, дымящегося вереска. Эта широкая черная гладь с огненными точками на ней представляла собой необыкновенно странную картину. Больше всего это напоминало фарфоровые заводы в ночное время. Я не мог различить на ней людей, хотя всматривался очень внимательно. Но потом, при свете зарева, я разглядел у вокзала несколько черных фигурок, перебегавших одна за другою через полотно железной дороги.

И этот огненный хаос был тот самый маленький мир, в котором я благополучно прожил столько лет! Что, собственно, случилось за последние семь часов, я так и не знал. Не понимал я также, хотя уже начинал понемногу догадываться, какое соотношение было между механическими ходячими гигантами-машинами и неповоротливыми существами, выползавшими из цилиндра. Со странным чувством совершенно бескорыстного интереса я подвинул свой рабочий стул к окну, сел и стал смотреть на черное поле и три гигантские черные фигуры, освещенные заревом, которые двигались около песочных ям.

Они проявляли необыкновенную деятельность. Я спрашивал себя, что, собственно, это могло быть? Были ли это сознательные машины? Но этого я не мог допустить. Или в каждой таком механизме сидел марсианин и управлял им, как управляет мозг человеческим телом? Я сравнивал эти машины с нашими и в первый раз задал себе вопрос, чем

должны представляться животному наши броненосцы и паровики?

Буря улеглась, и небо прояснилось. Высоко над пеленою дыма, застилавшего место пожара, чуть-чуть мерцала на западе светлая точка — Марс. Вдруг я услышал, как что-то зашуршало за оградой моего сада. Я разом очнулся от охватившей меня летаргии и, заглянув в темноту, увидел человека, перелезавшего через решетку. При виде другого человеческого существа мое оцепенение прошло. Я высунулся в окно, радостно возбужденный.

— Кто там? — спросил я шепотом.

Сидя на ограде, человек замер в нерешимости. Потом соскочил в сад и... подошел к углу дома. Он шел согнувшись, тихонько, стараясь не производить шума.

— Кто это? — спросил он тоже шепотом, остановившись под окном и глядя вверх.

— Куда вы идете? — спросил я.

— Не знаю.

— Вы хотите спрятаться?

— Да.

— Так входите, — сказал я.

Я сошел вниз, открыл дверь, впустил его и снова запер дверь. Лица его я не мог рассмотреть. Он был без шапки, и мундир его был расстегнут.

— Как ужасно! — вырвалось у него, когда он вошел.

— Что случилось? — спросил я.

— Чего только не случилось! — Мне было видно в темноте, как он сделал жест отчаяния. — Они стерли нас, просто стерли в порошок!

И он повторил это несколько раз.

Он последовал почти механически за мной в столовую.

— Выпейте немного виски, — сказал я, наливая ему порядочную порцию.

Он выпил. Потом сел за стол, уронил голову на руки и вдруг заплакал с бурным отчаянием, громко всхлипывая, как дитя. Совершенно позабыв о своем собственном недавнем отчаянии, я стоял над ним, недоумевая и удивляясь.

Прошло довольно много времени, прежде чем он успокоился настолько, что мог отвечать на мои вопросы. Но отвечал все же с большим трудом и очень несвязно. Он был ездовым в артиллерии и только в семь часов явился на поле со своей пушкой. К этому времени пальба была уже в полном разгаре. Рассказывали, что первая партия марсиан уползла под прикрытием металлического щита к своему второму цилиндру.

Позднее этот щит поднялся на треножник и превратился в ту первую боевую машину, которую я видел. Пушка, которую он вез, была снята с передка у Горселля, так как должна была обстреливать песочные ямы. Прибытие ее ускорило развязку. Когда он стал отъезжать, его лошадь попала ногой в кроличью нору и упала, сбросив его в канаву. В тот же момент сзади разорвало пушку, пороховой ящик взлетел на воздух, все кругом запылало, — и он очутился под грудой обуглившихся трупов людей и мертвых лошадей.

— Я лежал, не двигаясь, — рассказывал он, — обезумев от страха, под трупом лошади. Мы были уничтожены! А этот ужасный запах — запах горелого мяса! Вся спина моя была изранена упавшей лошадью, и я должен был лежать, пока мне не стало легче. За минуту перед тем мы были словно на параде, а потом — грохот, шум, треск!..

— Они смели нас совсем! — прибавил он.

Он долго пролежал под лошадью, выглядывая украдкой, чтобы посмотреть, что делается кругом. Солдаты Кардиганского полка попытались пойти в атаку с ружьями на перевес, но они были истреблены все до одного человека! После этого чудовище поднялось на ноги и, ворочая во все стороны своим колпаком, совершенно так, как ворочал бы человек в капюшоне, принялось догонять немногих уцелевших, которые пытались убежать. Чем-то, похожим на руку, гигант держал металлический ящик сложного устройства с воронкой на одном конце. Вокруг ящика сверкали зеленые искры, а из воронки вырывался убийственный зеленый луч.

Через несколько минут на поле, насколько это мог видеть солдат, не осталось ни одного живого существа, и каждый куст и каждое дерево, не успевшие сгореть раньше, пылали теперь. По ту сторону дороги стояли гусары, но от них не осталось и следа. Он слышал некоторое время треск пулеметов, но затем все стихло. Чудовище почему-то шадило до последней минуты вокзал в Уокинге и кучку домов вокруг него. Но вот тепловой луч был внезапно направлен в ту сторону, и город превратился в груды пылающих развалин. Тут смертоносный луч вдруг погас. Чудовище повернулось к артиллеристу спиной и зашагало в сторону горевшего соснового леса, где лежал второй цилиндр. Не успел скрыться первый гигант, как из ямы поднялся второй — такой же.

Второе чудовище последовало за первым.

Тогда артиллерист осторожно пополз по горячей золе к Горселлю. Ему удалось добраться живым до придорожной канавы и по канаве доползти до Уокинга. Дальше его рассказ состоял из бессвязных восклицаний. Дорога через Уокинг оказалась непроходимой. По-видимому, там мало кто остался в живых! Большинство сошли с ума или сгорели. Ему пришлось свернуть в сторону, чтобы обойти огонь, и он только что успел спрятаться в обгорелых развалинах какой-то стены, как вернулся один из гигантов марсиан. Солдат видел, как он погнался за каким-то человеком, хватил его одним из своих металлических щупальцев и разможил ему голову о ствол сосны. Только с наступлением ночи солдат решился выйти из своего убежища. Бегом перебежал он через полотно железной дороги и скрылся за насыпью.

Отсюда он стал пробираться к Мейбургу, надеясь избежать других опасностей, взяв направление к Лондону. Люди прятались по канавам и погребам, и многие из оставшихся в живых бежали в Уокинг и Сэнд. Он умирал от жажды, пока не наткнулся вблизи железнодорожного моста на водопроводную трубу, из которой вода бежала ручьями на дорогу.

Вот все, что мне удалось вытянуть из него, слово за словом. Во время рассказа он немного успокоился и старался яснее изобразить мне то, что видел. Еще в начале своего рассказа он мне признался, что ничего не ел с самого полудня. Я нашел немножко баранины и хлеба в кладовой и принес в комнату. Из страха привлечь внимание мы не зажигали лампы, и наши руки часто сталкивались, когда мы брали мясо или хлеб. Во время его рассказа предметы начали мало-помалу выступать из темноты, и уже можно было различить за окном сломанные кусты роз. Словно полк солдат или стадо животных прошли через лужайку! Теперь я мог видеть также лицо моего собеседника, почерневшее и осунувшееся, какое, вероятно, было и у меня.

Покончив с едой, мы потихоньку поднялись в кабинет, и я стал опять смотреть в окно. За одну ночь вся равнина превратилась в груды пепла. Пожар прекратился. Где прежде был огонь, теперь клубились столбы дыма. Бесчисленные развалины опустошенных огнем и развалившихся домов и черные остовы обгорелых деревьев, которые до сих пор скрывала темнота ночи, выступали теперь как страшные призраки при безжалостном свете утренней зари. Кое-где, впрочем, виднелись предметы, счастливо избегнувшие общего разрушения; тут белел семафор железной дороги; там уголок беседки, такой белый и свежий среди развалин и дыма. Никогда еще в истории войны не бывало такого полного истребления! А вдали, у песочных ям, освещенные все усиливающимся светом зари, стояли три металлических гиганта и ворочали своими колпаками, как будто любясь произведенными ими опустошениями.

Казалось, что яма, в которой лежал цилиндр, стала шире. Из нее все время вырывались клубы зеленого дыма, взлетали вверх к светлеющему небу и, постепенно расплываясь, пропадали...

В стороне Кобгэма были видны столбы пламени, которые с появлением первых утренних лучей казались окрашенными кроваво-красным светом.

Глава 12

**КАК БЫЛИ РАЗРУШЕНЫ
УЭЙВРИДЖ И ШЕППЕРТОН**

Как только рассвело, мы отошли от окна, из которого наблюдали за марсианами, и тихонько сошли вниз.

Артиллерист согласился со мной, что нам было опасно оставаться в доме. Он предполагал направиться к Лондону, чтобы соединиться там со своей батареей. Мое желание было немедленно вернуться в Лизсерхед; и так силен был мой страх перед марсианами, что я твердо решил увезти свою жену в Ньюгэвн и вместе с ней совсем покинуть страну. Я уже тогда предвидел, что вся ближайшая к Лондону местность неизбежно станет полем опустошительных сражений, прежде чем удастся уничтожить такого врага.

Но на пути в Лизсерхед лежал третий цилиндр, охраняемый трехногими гигантами. Если бы я был один, то я, пожалуй, рискнул бы идти напрямик. Но артиллерист удержал меня: «Хорошей женщине, — сказал он, — не оказывают услуги тем, что делают ее вдовой!» Я дал себя уговорить, и мы решили идти вместе через лес, к северу до Стрит-Кобгэм: там мы должны были расстаться, и я должен был сделать большой обход через Ипсом, чтобы добраться до Лизсерхеда.

Я был готов идти хоть сейчас же, но мой спутник недаром состоял на действительной службе и знал, как нужно пускаться в такое путешествие. Он заставил меня перерывать весь дом, чтобы найти дорожную фляжку, которую он наполнил водкой, а все карманы мы набили пакетами с сухарями и ломтиками нарезанной говядины. Затем, крадучись, мы вышли из дому и почти бегом спустились по скверной дороге, по которой я поднимался накануне. Дома казались брошенными их обитателями. На улице лежали пораженные тепловым лучом обуглившиеся трупы трех человек. Повсюду лежали предметы домашнего обихода, потерянные во время бегства: часы, туфля, серебряная ложка

и т. п. На углу, у почтовой конторы, стояла маленькая повозка, нагруженная сундуками и домашним скарбом, но без лошади и со сломанным колесом. Тут же валялась денежная шкатулка, взломанная, как видно, впопыхах и брошенная в мусор.

Кроме сторожки приюта, которая все еще горела, ни один из домов здесь не пострадал особенно сильно. Тепловой луч, разрушив дымовые трубы, направился дальше. И все же в Мейбурге, кроме нас, не видно было ни одной живой души. Большинство жителей села попрятались или искали спасения в бегстве к Старому Уокингу по той самой дороге, которой мы ехали с женой в Лизсерхед.

Мы спустились по дороге, мимо трупа человека в черном, у подножия холма вошли в лес. Лесом мы прошли до железной дороги, не встретив ни одной живой души. Лес по ту сторону железной дороги представлял из себя кучу раздробленного, обуглившегося дерева: большая часть сосен повалилась, а от тех, которые стояли, остались лишь унылые серые стволы с темно-коричневыми иглами вместо зеленых.

На нашей стороне спорело только несколько стоявших вблизи деревьев. В одном месте остались следы субботней работы дровосеков: лежали свежесрубленные подчищенные стволы, стояла паровая лесопильная машина и валялись стружки и опилки. Невдалеке виднелся временный шалаш для рабочих, покинутый ими. В это утро не было ни малейшего ветра и кругом царил мертвая тишина. Даже птицы не пели, и мы с артиллеристом, продолжая свой путь, говорили шепотом и поминутно оглядывались назад. Раза два мы останавливались и прислушивались.

Через некоторое время, уже подходя к улице, мы услышали стук копыт и увидели в просвете между деревьями трех кавалеристов 8-го гусарского полка, которые медленно ехали в сторону Уокинга. Мы окликнули их и побежали к ним. Они остановились. То был лейтенант и несколько солдат, везущих какой-то инструмент вроде теодолита. Артиллерист объяснил мне, что это был гелиограф.

— Вы первые, кого я встречаю на улице сегодня утром, — сказал лейтенант. — Что, собственно, случилось?

В его лице и голосе была тревога, а ехавшие за ним солдаты с любопытством смотрели на нас. Артиллерист перескочил через ров и сделал под козырек.

— Нашу пушку разорвало вчера вечером, господин лейтенант. Я спрятался. Стараюсь соединиться со своей батареей, господин лейтенант. Я думаю, что если вы пройдете полмили по этой улице, то вы увидите марсиан.

— А на кого они похожи? — спросил лейтенант.

— Великаны в полном вооружении, господин лейтенант. Сто футов высоты. Ноги и тела из алюминия, с огромной головой под колпаком, господин лейтенант.

— Перестаньте! — закричал лейтенант. — Что за нелепица!

— Вы сами увидите, господин лейтенант. Они носят с собой какой-то ящик, из которого пускают огонь и убивают.

— Вы хотите сказать — пушку?

— Нет, господин лейтенант, — и артиллерист принялся с живостью рассказывать о тепловом луче. Но лейтенант прервал его и взглянул на меня. Я стоял все еще на прежнем месте.

— А вы видели это? — спросил он.

— Все это сущая правда! — подтвердил я.

— Хорошо, — сказал лейтенант. — В таком случае и я должен посмотреть на это. Послушайте, — обратился он к артиллеристу, — мы разделимся, чтобы очистить дома от людей. Вы лучше всего сделаете, если явитесь к бригадному генералу Марвину и доложите ему обо всем, что видели. Он в Уэйбридже. Дорога вам известна?

— Я знаю ее, — сказал я.

Лейтенант повернул лошадь.

— С полмили отсюда, говорите вы? — спросил он.

— Самое большее, — ответил я и указал на лес к югу. Он поблагодарил меня и поехал дальше. Больше мы их не видели.

Немного подальше мы натолкнулись на трех женщин с двумя детьми около коттеджа рабочего. Они раздобыли тачку и складывали на нее какие-то грязные узлы и прочий домашний скарб. Все трое были так поглощены своим делом, что не заговорили с нами, когда мы проходили мимо.

У станции Байфлит лес кончился, и перед нами открылся вид на залитую солнцем деревню. Мы были теперь далеко за пределами действия теплового луча; если бы не тишина и опустелый вид некоторых домов, суэта спешной укладки в других домах и кучка солдат, стоявших у моста и пристально глядевших вдоль линии в сторону Уокинга, то этот день ничем не отличался бы от всякого другого воскресного дня.

Несколько телег и фермерских фур со скрипом тащились по дороге к Эддлстону. Вдруг мы увидели в открытые ворота огороженного луга шесть двенадцатифунтовых пушек, расставленных на равных расстояниях друг от друга и обращенных жерлами на Уокинг. Наводчики стояли около пушек, готовые по данному сигналу начать пальбу. Пороховые ящики находились на приличной дистанции, как перед боем.

— Это очень хорошо, — сказал я. — Один заряд они во всяком случае получают.

Артиллерист стоял у ворот изгороди в нерешительности.

— Я пойду дальше, — сказал он.

Подальше у поста, по направлению к Уэйбриджу, стояла группа солдат в белых рабочих блузах и рыла окопы; за ними опять стояли пушки.

— Это все равно что лук и стрелы против молнии, — заметил артиллерист. — Видно, они еще не попробовали огненного луча.

Офицеры, которые не были заняты, стояли и смотрели в лес на юго-запад, а солдаты каждую минуту бросали свою работу и тоже смотрели туда же.

Весь Байфлит был на ногах. Жители поспешно укладывались, и группа гусар, одни пешие, другие конные, все время торопила их. Три или четыре черные казенные фу-

ры с крестом на белом кружке, какой-то старый омнибус и еще несколько колымаг нагружались вещами. Кругом на улицах толпились люди, и большинство из них, настроенные празднично, оделись в свои лучшие платья. Солдатам стоило большого труда заставить этих людей проникнуться серьезностью положения. Мы видели старика, который сердито спорил с капралом, уговаривавшим его оставить горшки с цветущими орхидеями.

Я остановился и схватил старика за руку.

— Знаете ли вы, что творится там? — сказал я ему, указывая рукой в сторону леса, скрывавшего марсиан.

— А что? — сказал он, оборачиваясь ко мне. — Я только что объяснял капралу, что эти цветы имеют большую цену.

— Там смерть! — крикнул я ему. — Смерть идет! Смерть! — И, предоставив ему переваривать то, что я сказал, поспешил за артиллеристом. У поворота я оглянулся. Солдат оставил старика в покое, и тот стоял около своего сундука и горшков с орхидеями и бессмысленно смотрел куда-то вдаль, вверх деревьев.

В Уэйбридже никто не мог нам сказать, где находится главный штаб. В городе была страшная суматоха, какой я еще нигде не видел. На каждом шагу запрягались повозки, телеги, самый удивительный подбор экипажей и лошадей! Почетные граждане, мужчины в спортсменских костюмах, нарядные дамы, — все были поглощены дорожными сборами. Около них возбужденно суетились дети, в восторге от нового развлечения, разнообразившего их воскресное времяпрепровождение. А над всем этим неумолкаемо и радостно звонил колокол, призывая в церковь, где достойный викарый служил раннюю обедню.

Мы с артиллеристом уселись на краю фонтана и недурно позавтракали бывшей с нами провизией. Военные патрули — здесь были уже не гусары, а белые гренадеры — уговаривали жителей не медлить больше и уезжать или прятаться в погреба, как только начнется пальба. Переходя железнодорожный мост, мы увидели, что на станции скопилось множество народу и что вся платформа была завале-

на сундуками и всякими свертками. Подвоз орудий и войск в Чертси вызвал приостановку в движении пассажирских поездов, и, как мне рассказывали впоследствии, на вокзале чуть не дрались из-за мест в пущенных после того экстренных поездах.

Мы пробыли в Уэйбридже до полудня и через некоторое время подходили к Шеппертонскому шлюзу, где река Уэй сливается с Темзой. По дороге мы задержались немного, помогая двум старушкам уложить в повозку их вещи. Уэй впадает в Темзу тремя рукавами, и в этом месте можно было нанять лодку или воспользоваться паромом, чтобы переехать реку. На противоположном берегу раскинулся Шеппертон со своей гостиницей среди лужайки и с поднимающейся над деревьями высокой колокольной церкви.

Здесь мы нашли шумную, возбужденную толпу беглецов. Пока еще среди них не было паники, но все же тут было гораздо больше народу, чем могло поместиться в имевшихся налицо лодках. Подходили все новые пассажиры, изнемогающие под тяжестью своей ноши. Какая-то супружеская чета тащила свой домашний скарб на снятой с петель двери. Один из беглецов сказал нам, что он хочет попытаться сесть в поезд.

Много было здесь шума и крика, а один какой-то шутник пытался даже острить. Собравшиеся здесь люди представляли себе, по-видимому, что марсиане были страшные человеческие существа, которые могли захватить и разгромить город, но все же, в конце концов, их ждала неминуемая гибель. Все поминутно поглядывали за Уэй, в сторону, где тянулись луга Чертси, но там все было спокойно.

По ту сторону Темзы, кроме того места, где причаливали лодки, было тихо, что составляло полный контраст с картиной на Суррейском берегу. Пассажиры, переезжавшие туда, спокойно продолжали путь пешком. Паром только что пристал туда с людьми. Три или четыре солдата стояли перед гостиницей на лужайке и бесцеремонно разглядывали беглецов, острили по их адресу, но помощи своей им не пред-

лагали. Гостиница была заперта, так как то был воскресный день.

— Что это такое? — закричал перевозчик. — Да замолчи же ты, дура! — прикрикнул человек, стоявший рядом со мною на залаявшую собаку. Снова повторился странный звук, на этот раз со стороны Чертси: тупой, заглушенный звук пушечного выстрела.

Бой начался. Почти непосредственно за первыми выстрелами последовали быстро один за другим выстрелы из батарей, расположенных за рекой, вправо от нас, но не видные нам из-за деревьев. Рядом вскрикнула женщина. Все замерли, ошеломленные внезапным шумом битвы, такой близкой и все же невидимой нам. Ничего не было видно, кроме плоских лугов с равнодушно пасущихся на них коров и серебристых ив, тихо дремлющих под горячими лучами солнца.

— Солдаты им покажут, — несколько неуверенно заметила какая-то женщина возле меня. Легкий дымок поднялся над верхушками деревьев.

Вдруг вдали высоко взлетел и повис в воздухе столб дыма. Затем раздался, сотрясая воздух, страшный грохот взрыва, и земля дрогнула у нас под ногами. В нескольких домах вылетели стекла. Мы стояли оглушенные, ничего не понимая.

— Вот они! — закричал человек в синем свитере. — Там! Разве вы не видите? Там!..

С быстротою молнии, один за другим, показались вдали у маленьких деревьев один, два, три, четыре марсианина и быстро направились к реке. Они неслись, как птицы, и казались издали маленькими, смешными фигурками.

Затем мы увидели пятого, который приближался к ним сбоку. Их металлические тела блестели на солнце, и с каждым шагом они все вырастали по мере того, как приближались к нам. Один из них, который был дальше всех, вдруг взмахнул в воздухе большим ящиком, и страшный тепловой луч, который я уже видел в пятницу, направился в Чертси и ударил в него.

При виде этих странных, быстроногих и страшных существ стоявшая на берегу толпа застыла в ужасе. Ни возгласов, ни криков! Все было тихо. Затем невнятный гул голосов и топот ног — всплеск воды. Мой ближайший сосед, напуганный до того, что забыл бросить свой чемодан, который он нес на плече, круто повернулся и чуть не сшиб меня с ног, ударив углом своей ноши. Какая-то женщина толкнула меня и пробежала мимо. Увлекаемый общим порывом, я было тоже повернул, собираясь бежать, но мой страх был еще не так велик, чтобы отнять от меня рассудок. Я помнил о страшном тепловом луче. Скорее в воду! В этом было единственное спасение!

— В воду! — закричал я, но меня никто не слышал.

Я повернул назад, прямо навстречу приближающемуся марсианину, сбежал с песчаного откоса и кинулся в воду! Другие последовали моему примеру. К пристани причалила лодка с людьми, и они высаживались на берег как раз в ту минуту, когда я пробежал мимо них. Река у берега была так мелка, что я прошел футов двадцать по пояс в воде, по скользким камням. Вдруг я увидел чуть ли не над своей головой, в каких-нибудь двухстах ярдах перед собою, гигантскую фигуру приближавшегося марсианина. Я бросился вперед и нырнул. Всплески воды от бросающихся в реку людей отдавались у меня в ушах, как удары грома. Люди высаживались на берег по обе стороны реки.

Но марсианин так же мало обращал внимания на спасающихся бегством людей, как мы на разбегающихся муравьев, когда нечаянно наступим на муравейник. Когда я, задыхаясь, высунул голову из воды, колпак марсианина был обращен к батареям, которые все еще стреляли через реку. Он шел и махал на ходу ящиком, в котором вырабатывались тепловые лучи. Спустя минуту он был на берегу и в один шаг перешел реку. Коленями двух передних ног он стал на противоположный берег, но в следующий момент снова выпрямился и очутился возле Шеппертона. В тот же миг раздался дружный залп из всех шести пушек, скрытых в кустах на выезде из дереvушки. Неожиданная близость выстрелов,

частота, с которой они следовали один за другим, заставили сильнее биться мое сердце. Чудовище уже поднимало свою камеру с тепловым лучом, как вдруг ярдах в шести над его колпаком разорвалась граната.

У меня вырвался крик удивления. Я не видел и не думал об остальных четырех марсианах; мое внимание было занято только тем, что происходило около меня. Почти одновременно с первой гранатой разорвались две другие, у самого тела великана. Он повернул свой колпак как раз вовремя, чтобы получить четвертую гранату, но недостаточно быстро, чтобы избежать ее.

Граната попала в середину колпака марсианина. Колпак вспыхнул и разлетелся на двенадцать кусков. Во все стороны полетели осколки блестящего металла и куски окровавленного мяса.

— Попало! — вырвалось у меня. То был крик скорее торжества, нежели испуга.

Обезглавленный колосс зашатался, как пьяный, но не упал. Каким-то чудом он удержал равновесие. Не направляемый более в своих движениях, с открытой камерой, из которой выходил тепловой луч, он понесся на Шеппертон. Живая, сознательная воля сидевшего под колпаком марсианина погибла; его останки развеяло по ветру, и металлический великан представлял теперь собою только сложную машину, которая неслась навстречу своей гибели. Как слепой, мчался он по прямой линии; налетел на церковь, которая рассыпалась, как от удара тараном, откатнулся, потом зашатался и со страшным грохотом упал в воду и исчез из моего поля зрения.

Раздался страшный взрыв: струи воды, вперемешку с илом, клубами пара и осколками металла, взлетели высоко в воздух. Как только камера с тепловым лучом коснулась воды, вода превратилась в пар. Еще мгновение — и огромная волна, как при сильном прибое, горячая, как кипятки, поднялась и покатила против течения. Я видел, как бросились к берегу люди, бывшие в воде; их отчаянные крики слабо доносились до меня сквозь шум воды и грохот взрыва, вызванного падением чудовища.

В ту минуту я не чувствовал, как горяча вода, и забыл о необходимости спасти свою жизнь. Я плыл через бушующую воду, оттолкнул в сторону человека, одетого в черное, пока наконец не увидел, что творится там, за поворотом реки. Штук шесть брошенных лодок беспечно носились по бурлившей воде, а дальше внизу, поперек реки, лежал упавший гигант, уже наполовину затонувший.

Густые облака пара подымались из его обломков, и сквозь этот бешено крутящийся пар было видно, точно в тумане, как били по воде гигантские члены чудовища, подымая пену и кучи ила. Металлические шупальца махали в воздухе, словно руки живого существа, и, несмотря на беспомощную беспечность этих движений, казалось, что раненый зверь отчаянно борется в волнах за свое существование. Масса какой-то красно-бурой жидкости вырывалась шумной струей из машины.

Мое внимание, привлеченное этой картиной, было отвлечено воем, напоминавшим звук сирены. Человек, стоявший по колена в воде около бечевника, шепотом окликнул меня и указал рукой назад. Оглянувшись, я увидел остальных четырех марсиан, которые неслись гигантскими шагами к берегу со стороны Чертси. На этот раз пальба шеппертоновских пушек не помогла!

Завидев врага, я моментально нырнул, и, задерживая дыхание до последней крайности и испытывая мучительную боль, я плыл под водой, пока мог. Вода вокруг меня бурлила и с каждым мгновением становилась горячее. Когда я на секунду высунул голову, чтобы перевести дыхание, и, откинув с глаз упавшие волосы, осмотрелся, то над водой подымался крутящийся белый пар, за которым я не мог рассмотреть марсиан. Оглушительный шум продолжался. Наконец перед мною смутно выступили очертания гигантских серых фигур, которые сквозь туман казались еще выше. Они прошли мимо меня, и двое наклонились над бьющимися в воде останками своего товарища.

Третий и четвертый стояли около них в воде. Один был в двухстах ярдах от меня, другой — ближе к Лэльгему. Они

держали высоко над головой свои камеры с тепловым лучом, и свистящие струи лучей расходились оттуда по всем направлениям.

В воздухе стоял гул от оглушительного, ошеломляющего сочетания звуков, бряцания боевых машин марсиан, грохота разрушающихся домов, треска и шипения вспыхивающих изгородей и деревьев, рева и свиста огня. Взлетающие кверху густые клубы черного дыма смешивались с паром, поднимавшимся от реки, а когда тепловой луч пронесся по Уэйбриджу, то каждое его прикосновение отмечалось вспышкой белого пламени, вслед за которым начиналась пляска желтых огненных языков. Ближайшие дома еще стояли невредимыми, ожидая своей участи, и уныло белели в клубах пара, а за ними бушевал огонь.

С минуту я стоял по грудь в почти кипящей воде, не зная, что мне делать, и без всякой надежды на спасение. Сквозь пар я видел людей, бывших со мною в воде. Одни из них пробирались через камыши на берег, точно лягушки, улетающие в траве при приближении человека, а другие — в диком отчаянии металась взад и вперед по бечевнику.

Вдруг я заметил, что белые вспышки теплового луча, перескакивая с места на место, приближаются ко мне. От их прикосновения дома рассыпались, извергая пламя, а деревья с ревом превращались в огненные столбы.

Но вот белое пламя запрыгало по бечевнику, слизало бесцельно метавшихся по нему людей и подошло к воде не более чем на пятьдесят ярдов от того места, где я стоял. Оно пронеслось поперек реки к Шеппертону, и вода на его пути вздувалась кипящим, пенящимся пузырем. Я повернул к берегу.

Еще мгновение — и меня накрыло громадной волной, температуры, близкой к точке кипения. Я вскрикнул от боли и, полуошпаренный, ослепленный, стал через силу плыть к берегу. Стоило мне ослабеть — и мне бы пришел конец. Беспомощный, беззащитный, я упал, на виду у марсиан, на широкую открытую песчаную отмель, которая образует косу при впадении Уэя в Темзу. Я ожидал только смерти...

Смутно припоминаю, как ярдах в двадцати от моей головы на рыхлый песок ступила нога марсианина и расшвырнула мелкий гравий. Припоминаю после того долгий промежуток томительного ожидания, и затем четыре гигантские фигуры с останками своего товарища на руках, сперва совсем ясные, а потом постепенно заволакивающиеся пеленою дыма, стали бесконечно медленно, как мне казалось тогда, удаляться по широкому пространству речных лугов. И только постепенно у меня проснулось сознание, что я каким-то чудом спасся!

Глава 13

КАК Я ВСТРЕТИЛСЯ С ВИКАРИЕМ

Получив неожиданный урок, доказавший им силу земного оружия, марсиане отступили на свою прежнюю позицию к Горселльскому полю и второпях, обремененные тяжелой ношей, проглядели, вероятно, много жертв вроде меня, попадавших им на пути. Если бы они бросили своего убитого товарища и двинулись дальше, они не встретили бы до самого Лондона ничего, кроме батарей с двенадцатифунтовыми пушками. Они явились бы в столицу раньше, чем успела бы туда долететь весть об их приближении, и их появление было бы так же внезапно, страшно и разрушительно, как землетрясение, уничтожившее сто лет назад Лиссабон.

Но они не торопились. Цилиндр следовал за цилиндром в межпланетном пространстве, и каждые двадцать четыре часа приносили им подкрепление. А тем временем военные и морские власти, теперь уже оценившие могущество врага, работали с неослабной энергией. На позиции ежеминутно подъезжали новые пушки, и до наступления сумерек за каждой рощицей, за каждым рядом пригородных вилл на холмистых склонах Кингстона и Ричмонда скрывалось подстерегающее черное дуло орудий. А по всему пространству выгоревшей, опустошенной местности, тянувшейся, может

быть, на двадцать квадратных миль вокруг лагеря марсиан по выжженным развалинам деревень, под черными дымящимися сводами ветвей, которые всего лишь за день до того были сосновым лесом, пробирались самоотверженные лазутчики с гелиографами, в обязанности которых входило предупреждать артиллеристов о появлении марсиан. Но марсиане знали теперь силу нашей артиллерии; они понимали опасность близости людей, и ни один человек, не рискуя жизнью, не мог подойти ближе чем на милю ни к одному из цилиндров.

По-видимому, всю вторую половину дня марсиане были заняты переноской разных вещей из второго и третьего цилиндров — второй лежал под Эддельстоном, а третий — у Пирфорда — на их первоначальную позицию, в песочную яму на Горселльском поле. Невдалеке от ям, у почерневшего вереска и развалин домов, один из них стоял на часах, тогда как остальные, покинув свои гигантские боевые машины, спустились в яму. Они работали до поздней ночи, и с холмов у Мерроу и даже, как говорили, из Бэнстида и с Ипсомской возвышенности можно было видеть валивший оттуда густой столб зеленоватого дыма.

В то время как марсиане сзади меня готовились к следующему выступлению, а человечество впереди меня собиралось с силами для предстоящего боя, я с невероятными усилиями и трудом пробирался из дымящегося ада Уэйбриджа в Лондон.

Я заметил вдали брошенную лодку, плывшую вниз по течению. Скинув с себя промокшее платье, я пустился вплавь за этой лодкой, догнал ее и таким образом спасся от гибели. В лодке не было весел, но я решил действовать руками, насколько это позволяли мои ожоги. Я пробирался с большим трудом вниз по реке к Галлифорду и Уольтону, поминутно оглядываясь назад, как это вы легко поймете. Я выбрал путь по реке, потому что на воде было больше шансов спастись, в случае возвращения марсиан.

Горячая вода, образовавшаяся при падении боевой машины марсиан, спускалась по течению вместе с моей лодкой,

и так как от нее все время поднимался пар, то в начале пути, на протяжении одной мили, мне почти не видно было берегов. Один раз я, впрочем, увидел вереницу черных фигур, бежавших по лугу со стороны Уэйбриджа. Галлифорд казался совсем опустевшим, и некоторые из его домов, обращенные к реке, горели. Мне странно было видеть клубы черного дыма и перебегающие струйки пламени под знойным синим небом летнего дня, среди затихшей деревни, покинутой людьми. Я никогда еще не видел пожара без суетящейся толпы. Немного подальше, на берегу, горел и дымился тростник, и полоса огня жадно ползла к сему, убранному в стога.

Долгое время я плыл так, отдаваясь на волю течения, измученный и нравственно, и физически пережитыми ужасами. Потом во мне снова проснулся страх, и я принялся править лодкой. Солнце жгло мою обожженную спину. Но наконец, когда за поворотом реки показался Уольстонский мост, начинавшиеся лихорадка и физическая слабость превозмогли мой страх. Я причалил к Миддльсекскому берегу и в изнеможении, почти замертво, свалился в высокую траву. Было, должно быть, часа четыре или пять вечера. Я поднялся, прошел с полмили вперед и, не встретив ни души, снова лег в тени изгороди. Смутно помню, что я как будто разговаривал сам с собой во время этого утомительного перехода. Помню еще, что меня мучила жажда и я сожалел, что не напился досыта воды из реки. И любопытно еще то, что я почему-то сердился на свою жену. Не знаю почему, но мое бессильное желание попасть поскорее в Лизсерхед страшно раздражало меня.

Я уже не могу припомнить, когда появился викарий. Должно быть, я дремал тогда. В моей памяти запечатлелась лишь его сидящая фигура, с вымазанными сажей рукавами рубашки и с приподнятым кверху гладко выбритым лицом, пристально следившим, как плясал на небе отблеск пожара. Небо было усеяно мелкими перистыми облачками, чуть-чуть розовевшими от заката.

Услыхав шум от моего движения, он быстро взглянул на меня.

— Есть у вас вода? — спросил я, не здороваясь с ним. Он покачал головой.

— Вот уж час, как вы просите воды, — сказал он.

С минуту мы молчали и рассматривали друг друга. Я должен был казаться ему весьма странным: почти голый — на мне не было ничего, кроме мокрых брюк и носков, — с обожженной кожей и с черными от дыма лицом и плечами. У него было невыразительное лицо с бесхарактерным подбородком. Его волосы, почти льняного цвета, спускались волнами на низкий лоб. Бледно-голубые, довольно большие глаза смотрели тупо куда-то в пространство. Он говорил отрывисто и не глядел на меня.

— Что все это значит? — спросил он. — Что означает то, что творится кругом?

Я посмотрел на него пристально и не ответил ему. Он вытянул тонкую белую руку и продолжал жалобным тоном:

— Зачем допускают подобные вещи? Чем мы согрешили? Сегодня, по окончании обедни, я вышел погулять по улицам, чтобы немного освежиться, и вдруг — огонь, землетрясение, смерть! Точно Содом и Гоморра! Вся работа уничтожена, вся работа... Кто они, эти марсиане?

— А мы кто? — ответил я, откашлявшись.

Он обхватил руками колени и повернулся ко мне. С полминуты он сидел молча.

— Я бродил по улицам, чтобы освежить голову, — вторил он. — И вдруг... огонь, землетрясение, смерть!..

Он снова замолчал, уткнувшись подбородком в колени. Через некоторое время он опять заговорил, размахивая рукой:

— Вся работа... воскресные школы... Что мы такое сделали? Что сделал Уэйбридж? Все исчезло... Все разрушено! Церковь!.. Три года тому назад мы отстроили ее заново... Разрушена! Сметена с лица земли!.. За что?..

Снова пауза, а потом опять бессвязная речь.

— Дым от этого пожара будет вечно возноситься к небу! — крикнул он.

Глаза его горели, а его длинный, тонкий палец указывал на Уэйбридж.

Я начинал понимать, кто передо мною. Страшная трагедия, разыгравшаяся в Уэйбридже, к которой он оказался причастным — по-видимому, он был беглецом из Уэйбриджа, — привела его на край бездны, и он потерял рассудок.

— Далеко мы от Сенбюри? — спросил я равнодушным тоном.

— Что нам делать? — продолжал он. — Неужели эти существа везде? И Земля отдана им во власть?

— Далеко до Сенбюри?

— Еще сегодня утром я служил в церкви.

— С тех пор все изменилось, — сказал я спокойно. — Нужно держать голову высоко. Еще есть надежда!..

— Надежда?

— Да, полная надежда, несмотря на все это разрушение.

Я принялся излагать свой взгляд на наше положение. Сначала он слушал, но, по мере того, как я говорил, выражение интереса в его глазах сменилось прежней тупостью и взгляд его стал блуждать по сторонам.

— Это, должно быть, начало конца, — проговорил он, перебивая меня. — Конец!.. Великий и страшный день суда!.. Когда люди будут умолять утесы и горы, чтобы обрушились и скрыли их от лица сидящего там на престоле!

Я понимал теперь, в чем дело. Я отбросил свою сложную аргументацию и, с усилием поднявшись на ноги, подошел к нему и положил ему руку на плечо.

— Будьте мужчиной, — сказал я. — Страх лишил вас разума. Что это за вера, которая пропадает при первом несчастии? Вспомните только, что делали с человечеством землетрясения, потопа, войны, вулканы! Почему же вы думаете, что бог должен был сделать исключение для Уэйбриджа?.. Он не страховой агент...

Долгое время он сидел в молчании.

— Но как можем мы спастись? — вдруг спросил он. — Они неуязвимы и безжалостны.

— Ни то ни другое, — отвечал я. — И чем они сильнее, тем осмотрительнее и спокойнее должны быть мы. Не прошло еще и трех часов, как один из них был убит.

— Убит? — повторил он, уставившись на меня. — Как могут быть убиты посланцы бога?

— Я сам это видел, — продолжал я. — Мы имели счастье попасть в самую свалку, и это все!

— Что же означают эти отблески на небе? — неожиданно спросил он.

Я объяснил ему, что это сигнализация гелиографом, — так сказать, отпечаток на небе человеческой помощи и стараний. — Мы сейчас в самом центре боя, — говорил я, — хотя кругом все тихо. Отблески на небе означают надвигающуюся грозу. Там, думаю я, марсиане, а ближе к Лондону, где поднимаются холмы Ричмонда и Кингстона, под прикрытием лесов, возводят земляные укрепления и ставят пушки. Скоро здесь будут марсиане...

Я не успел договорить, как он вскочил и остановил меня жестом.

— Слушайте! — сказал он.

Из-за реки, со стороны невысоких холмов, доносились раскаты далеких выстрелов и отголоски нечеловеческого крика. Потом все стихло. Над изгородью поднялся майский жук и, жужжа, пролетел мимо. Высоко на западе, чуть светлея, виднелся серп луны над дымящимся Уэйбриджем и Шеппертоном, в знойной тишине великолепного заката.

— Нам лучше всего пойти этой дорогой на север, — сказал я.

Глава 14

В ЛОНДОНЕ

Мой младший брат был в Лондоне в то время, когда марсиане напали на Уокинг. Он был студент-медик и готовился к предстоящему экзамену. До утра субботы он ничего не знал о событиях. В субботних утренних газетах, кроме иностранных статей о планете Марс, о жизни на планетах вообще, была помещена коротенькая, довольно туманная теле-

грамма о появлении марсиан, производившая впечатление именно своей лаконичностью.

Марсиане, напуганные приближением толпы, убили несколько десятков людей из скорострельной пушки, так гласила телеграмма и заканчивалась словами: «При всей их кажущейся силе, марсиане не выходят из ямы, в которую они упали, да, очевидно, и не могут выйти. Это объясняется, вероятно, большею силой тяготения на Земле». По поводу последнего предположения автор телеграммы распространяется довольно много.

Само собой разумеется, что все студенты подготовительных курсов по биологии, которые в то время посещал мой брат, были очень заинтересованы вышеупомянутой телеграммой. Но на улицах не замечалось никакого особенного волнения в тот день. В вечерних газетах появились кое-какие новые сообщения под гигантскими заголовками. Но и эти последние новости о марсианах ограничивались известиями о стягивании войск к Горселльскому полю и о том, что между Уокингом и Уэйбриджем горят сосновые леса.

Позднее, в экстренном выпуске «Evening-Post» был напечатан голый факт, без всяких комментариев, о прекращении телеграфных сношений. В публике это объясняли тем, что горящие деревья упали на телеграфные провода. В ночь моей поездки в Лизсерхед о столкновении с марсианами никто еще не знал в Лондоне.

Мой брат не беспокоился о нас, зная из описания газет, что место падения цилиндра отстояло на две добрых мили от нашего дома. Он решил проехать к нам в тот же вечер, чтобы посмотреть, как он говорил, на эти существа с Марса, пока их не уничтожили. Он послал мне телеграмму, которой не суждено было дойти по назначению. Вечер он провел в мюзик-холле.

В Лондоне, в ночь на воскресенье, была также сильная гроза, и до вокзала Ватерлоо мой брат доехал в кебе. После нескольких минут ожидания на платформе вокзала, с которого обыкновенно отходят ночные поезда, он узнал, что в этот день они не дойдут до Уокинга, вследствие какого-то

происшествия на дороге. В чем заключалось это происшествие, он не мог добиться, так как и само железнодорожное начальство не знало толком, в чем дело.

На станции не было заметно особенного волнения, и железнодорожные служащие были далеки от мысли заподозрить что-нибудь серьезное в нарушении сообщения. Театральные поезда, которые обыкновенно шли через Уокинг, они отправляли теперь кружным путем через Вирджини-Уотер или Гильдфорд, а поезда для воскресных экскурсий — на Соуттемpton и Портсмут. Какой-то газетный репортер, приняв моего брата за начальника станции, с которым у него было отдаленное сходство, вздумал интервьюировать его. За исключением некоторых железнодорожных служащих, лишь очень немногие видели связь между происшествием на линии и марсианами.

В одном из газетных сообщений о субботних событиях в Лондоне я прочел, что в воскресенье утром «весь Лондон был взволнован известиями из Уокинга». В действительности же не было ничего такого, что оправдало бы эти преувеличенные описания. Большинство жителей Лондона до понедельника утра, когда действительно началась паника, ничего не слышали о марсианах, а те, которые слышали, не могли составить себе ясной картины из отрывистых телеграмм воскресных газет. К тому же лишь очень немногие в Лондоне читают эти газеты.

Кроме того, привычное чувство личной безопасности глубоко вкоренилось в душе каждого лондонца, а газеты, с другой стороны, так приучили его к сенсационным известиям, что всякий мог, без всякого чувства личного страха, прочесть следующее:

«Вчера, около семи часов вечера, марсиане вышли из цилиндра и, двигаясь под прикрытием металлических щитов, разрушили до основания станцию Уокинг с прилегающими к ней домами и уничтожили целый батальон Кардиганского полка. Подробности неизвестны. Пулеметы оказались совершенно бессильными перед вооружением противника. Полевая артиллерия была разбита. Чтобы предупредить жи-

телей, в Чертси были откомандированы конные гусары. Повидимому, марсиане медленно продвигаются к Чертси или Виндзору. В Западном Суррее царит тревожное настроение и возводятся земляные укрепления, чтобы воспрепятствовать движению противника на Лондон».

Так говорилось в «Sunday», а в остроумной, но быстрой на заключение руководящей «Star» это событие приравнивалось к положению жителей деревни, в которую ворвался бы неожиданно выпущенный на свободу зверинец. Никто в Лондоне не имел определенного представления о том, что такое вооруженные марсиане, и все еще господствовала идея, что марсиане очень неповоротливы, что они «передвигаются с трудом» и «ползут, как черепахи». Такие выражения попадались почти во всех первых известиях, так как ни одна из этих телеграмм не могла быть составлена очевидцем выступления марсиан.

Воскресные газеты выпускали особые прибавления по мере получения свежих сведений, а иные — даже независимо от них. Но, в сущности, им было нечего сказать, пока к концу дня военные власти не сообщили представителям печати имевшихся у них сведений. И когда в газетах появилось сообщение, толпы беглецов из Уолтона, Уэйбриджа и окрестных деревень запрудили все дороги к Лондону — и только.

Утром мой брат отправился в церковь Воспитательного дома, все еще не зная о событиях предыдущего вечера. Там он слышал разговоры по поводу выступления марсиан, а священник прочел особую молитву о сохранении мира. Выйдя из церкви, брат купил номер «Times». Обеспокоенный напечатанными там известиями, он сейчас же поехал на Ватерлооскую станцию узнать, не восстановлено ли движение поездов? Публика в омнибусах и экипажах, велосипедисты и многочисленные пешеходы в праздничных платьях принимали довольно равнодушно странные новости, выкрикиваемые разносчиками газет. Все, правда, интересовались ими, но беспокоились только те, у кого там были родственники. На вокзале брат в первый раз услышал,

что прервано телеграфное сообщение с Виндзором и Чертси. Носильщики рассказали ему, что со станции Байфлит и Чертси получено несколько важных телеграмм, но что потом сообщение было прервано. Никаких подробностей они ему сообщить не могли. «Под Уэйбриджем происходит сильный бой», — этим ограничивались все их сведения.

Правильная работа на железной дороге была нарушена. Много публики, ожидавшей приезда своих друзей из разных мест по юго-западной линии, стояло в нерешительности. Какой-то седой старый господин подошел к моему брату и стал выражать ему в резких словах свое негодование на Общество юго-западных железных дорог: «Этого нельзя оставить без протеста», — говорил он.

Пришло несколько поездов из Ричмонда, Путнея и Кингстона с пассажирами, возвращавшимися из неудавшихся увеселительных поездок. Они думали покататься на лодках, но их шлюзы оказались запертыми, и в воздухе чувствовалась тревога, что и заставило их вернуться обратно. Один человек в белом, с голубыми полосками, фланелевом костюме стал рассказывать моему брату удивительные новости, которые он слышал.

— В Кингстон все время прибывают беглецы в повозках, фургонах и телегах, с сундуками, чемоданами и всякой домашней рухлядью, — говорил он. — Они едут из Молси, Уэйбриджа и Уолтона и утверждают, что в Чертси слышна сильная канонада из тяжелых орудий, что там разъезжали конные солдаты и принуждали жителей немедленно выезжать, потому что идут марсиане. Мы тоже слышали отдаленную стрельбу на станции Гэмптон Корт, но приняли это за раскаты грома. Что же, черт возьми, все это значит? Ведь марсиане, как говорили, не могут выползти из своей ямы? Или все же они могут?

Мой брат ничего не мог ему ответить на это.

Скоро он убедился, что и среди пассажиров подземной железной дороги чувствовалась какая-то тревога, так как из всех дачных мест юго-западной линии, служащих целью воскресных экскурсий, — из Барнса, Уимбльдона, Рич-

монд-Парка, Кью и других, — все уехавшие возвратились в необычайно ранние часы. Вообще все, имевшие какое-нибудь отношение к главной станции железных дорог, были заметно чем-то озабочены и раздражены.

Часов около пяти собравшаяся на станции толпа, которая все увеличивалась, была страшно взволнована тем обстоятельством, что по линии между юго-восточным и юго-западным вокзалами, обыкновенно закрытой, началось вдруг движение воинских поездов. На товарных платформах стояли огромные пушки, и все вагоны были битком набиты солдатам. Пушки везли из Вульвича и Четгэма в Кингстон. Сейчас же начался обмен шутками: «Вас там съедят живьем!», «Мы едем укрощать зверей!» и тому подобное. Через некоторое время на станцию явилась полиция, которая принялась очищать платформу от посторонних лиц, так что и моему брату пришлось уйти на улицу.

Колокола в церквях звонили к вечерне. Отряд молодых девушек из Армии спасения прошел с пением по Ватерлооской улице. На мосту стояла кучка зевак и с любопытством смотрела на реку, по которой плыли клочья какой-то странной коричневой пены. Солнце только что село. И над зданием парламента с его башенными часами расстилалось самое спокойное небо, какое только можно вообразить: все золотое, с длинными поперечными полосами красновато-коричневых облаков. Слышались разговоры про человеческий труп, будто бы проплывший по реке. Какой-то человек, резервист, как он сам сказал брату, говорил, что видел отблески гелиографа на западной стороне неба.

На Веллингтон-стрит мой брат столкнулся с двумя газетчиками, только что выбежавшими из типографии на Флит-стрит со свежими оттисками газет и кричащими плакатами. «Ужасная катастрофа! — кричали они. — Бой в Уэйбридже! Подробное описание! Бегство марсиан! Лондон в опасности!» Мой брат должен был заплатить им три пенса за один номер газеты. Только тогда наконец он понял все могущество марсиан и ужас, который они должны были наводить. Он узнал, что это была вовсе не горсточка каких-то

маленьких, неповоротливых созданий, а высоко стоящие в умственном отношении существа, способные управлять сложными механическими аппаратами. Они могли быстро двигаться и наносить своим жертвам такие удары, что даже сильнейшие орудия не в состоянии были устоять против них.

О них говорилось, как об «огромных паукообразных машинах, около ста футов вышиной, способных передвигаться со скоростью экспресса и выпускающих тепловые лучи страшно высокой температуры». По всей местности, окружающей Горселльское поле, и, главным образом, между Уокингом и Лондоном были расставлены скрытые батареи, состоявшие преимущественно из полевых орудий. Видели пять боевых машин марсиан, которые направлялись к Темзе, но одна из них, благодаря счастливой случайности, была уничтожена гранатой. Во всех других случаях выстрелы не попадали в цель, и батареи были тотчас же разрушены тепловыми лучами. Упоминалось о тяжелых потерях среди солдат, но в общем тон сообщения был оптимистический.

Марсиане были отражены, они, значит, не неуязвимы, они отступили на свою первоначальную позицию к Уокингу, где образовали треугольник из трех цилиндров. Повсюду сновали лазутчики с гелиографами. С поразительной быстротой подвозились орудия из Виндзора, Портсмута, Ольдершота, Вульвича и даже с севера, в том числе из Вульвича — длинные пушки в девяносто пять тонн. В общем на позициях было сосредоточено до ста шестидесяти пушек, главным образом, для обороны Лондона. Никогда еще в Англии не видели столь быстрой мобилизации военных сил и в таких широких размерах.

Высказывалась надежда, что в будущем, в случае появления новых цилиндров, они будут немедленно уничтожены сильнодействующими взрывчатыми веществами, которые должны быть быстро приготовлены и надлежащим образом распределены. Без сомнения, гласит далее газетный отчет, положение из ряда вон выходящее и очень серьезное, но общество просят не поддаваться панике и препятствовать

ее распространению. Конечно, марсиане существа необыкновенные и очень страшные, но в лучшем случае их ведь не более двадцати против наших миллионов!..

Власти, основываясь на размерах цилиндров, полагают, что в каждом цилиндре не может поместиться более пяти марсиан, следовательно, в трех цилиндрах — пятнадцать. Один уже выбыл из строя, а может быть, и больше. Общество уже достаточно предупреждено об угрожающей опасности, а в целях безопасности жителей юго-западных городов и местечек принимаются уже самые серьезные меры. Прокламация заканчивалась многократными заверениями, что Лондон в безопасности, и выражалась твердая уверенность в умении властей справиться с возникшими затруднениями.

Все это было напечатано огромными буквами, и, по видимому, с этой статьей очень спешили, так как даже не успели прибавить ни слова в пояснение. Любопытно было отметить, рассказывал мне потом мой брат, как было сокращено и сокращено остальное содержание газеты, чтобы дать место этой статье.

По всей Веллингтон-стрит можно было видеть людей, углубленных в чтение розовых листков, и весь Стрэнд наполнился голосами целой армии разносчиков газет. Люди сходили с трамваев специально, чтобы купить себе газету. Прежняя апатия сменилась сильнейшим возбуждением. Мой брат видел на Стрэнде, как сняли ставни в магазине географических карт, и приказчик в воскресном платье, в желтых перчатках на руках, стоя в окне, наскоро прикреплял витрине карту Суррея.

Когда брат, с газетою в руках, проходил по Трафальгарскому скверу, ему попались навстречу несколько беглецов из Западного Суррея. Один человек с женой и двумя мальчиками вез ручную тачку, нагруженную домашним скарбом. Они шли со стороны Вестминстерского моста, а сзади них ехала деревенская телега, в которой сидели пять или шесть человек, весьма прилично одетых, с узлами и чемоданами. У всех были испуганные, осунувшиеся лица, и весь их вид

представлял резкий контраст с праздничным видом пассажиров городских омнибусов. Нарядно одетые люди в кебах с любопытством оглядывали беглецов.

Телега остановилась у сквера, как будто путники колебались, какую им выбрать дорогу, и наконец повернула к востоку, вдоль Стрэнда. Немного подалее брату повстречался человек в рабочем платье; он ехал на трехколесном велосипеде с маленьким передним колесом, какие давно вышли из употребления. Он был бледен и весь в грязи.

Мой брат повернул к площади Виктория и встретил целый караван таких беглецов. У него мелькнула надежда увидеть меня среди них. В этом месте скопилось много полиции, наблюдавшей за правильностью движения. Некоторые из беглецов делились своими впечатлениями с пассажирами омнибусов. Один из них клялся, что видели марсиан: «Огромные котлы на ходулях, и ходят, как люди». Но большинство, видимо, еще не опомнились от пережитых волнений.

В трактирах и гостиницах за площадью Виктории шла бойкая торговля. На всех перекрестках собирались люди, читали газеты, взволнованно беседовали друг с другом или с недоумением разглядывали необычных воскресных гостей.

С наступлением вечера поток беглецов все увеличивался, и наконец на улицах Лондона образовалась такая же давка, как на главной улице в Ипсومه, в день скачек. Мой брат пробовал расспрашивать некоторых из беглецов, но так и не добился удовлетворительных ответов.

Никто из них не мог ему дать сведений об Уокинге, кроме одного человека, который уверял его, что накануне ночью Уокинг был разрушен до основания.

— Я сам из Байфлита, — рассказывал он. — Рано утром к нам приехал человек на велосипеде. Он объехал все местечко и всем приказывал выезжать. Потом пришли солдаты. Мы вышли на улицу, чтобы посмотреть, что случилось, и увидели густые облака дыма на юге и больше ничего; на дороге не было видно ни одной живой души. Через некоторое время мы

услышали пальбу со стороны Чертси, и из Уэйбриджа потянулся народ. Тогда я запер свой дом и уехал.

К этому времени в городе чувствовалось уже сильное недовольство властями за их неумение расправиться с марсианами, не подвергая страну таким неприятностям.

Часов около восьми вечера с юга стали явственно доноситься раскаты пушечной пальбы. За страшным шумом на главных улицах брату ничего не было слышно, но когда он свернул к реке по тихим переулкам, он стал ясно различать эти звуки.

Было десять часов, когда он возвращался из Вестминстера в свою квартиру у Реджент-Парка. Он уже очень беспокоился обо мне и вообще был не на шутку встревожен, начиная понимать истинное значение этих событий. Он представлял себе мысленно подробности военных действий, как это делал я накануне моего бегства: безмолвные пушки, подстерегающие врага, и мирную, культурную страну, превращенную внезапно в лагерь кочевников. В своем воображении он рисовал себе эти «котлы на ходулях» высотой в сто футов.

Несколько повозок с беглецами проехало по Оксфорд-стрит, да еще две-три по Мэрилибон-Род, но вести распространялись так медленно, что Реджент-стрит и Портленд-Род, как обыкновенно по воскресным вечерам, были полны гуляющими. Правда, местами виднелись группы людей, поглощенных оживленной беседой, но по наружным аллеям Реджент-Парка, под редкими газовыми фонарями, прохаживались парочки, как и всегда в это время. Ночь была тихая и жаркая, и даже душная; временами доносился грохот пушек, а после полуночи на юге засверкали зарницы, и начала собираться гроза.

Мой брат читал и перечитывал газету, опасаясь для меня самого худшего. Он не находил себе места от беспокойства и после ужина принялся опять бесцельно бродить по улицам. Вернувшись домой, он пробовал сосредоточиться на работе к предстоящим экзаменам, но тщетно, и вскоре после полуночи улегся спать.

На заре он проснулся от стука дверей, колокольного звона и топота бегущих по улице ног. Где-то вдали бил барабан. На потолке комнаты играли красные отблески огня. Минуту он лежал неподвижно, не понимая, что все это значит — наступил ли «судный день» или весь мир с ума сошел? Потом он соскочил с постели и побежал к окну.

Его комната была в самом верхнем этаже, и когда он высунулся в окно, то увидел, что по всей улице в домах открываются окна и люди во всевозможных ночных костюмах, полуодетые, смотрят на улицу. Со всех сторон сыпались вопросы.

— Они идут, — прокричал во все горло полисмен, колотя в ворота. — Марсиане идут! — и бросился к соседнему дому. Из казармы на Албани-стриг доносился стук барабана и рев военных труб, а колокольни всех ближайших церквей старались наперебой разогнать сон обывателей тревожным, громким звоном. Кругом хлопали открывающиеся двери ворот, и окна противоположных домов загорались одно за другим желтым светом, казавшимся особенно ярким после ночной темноты.

Из-за угла выехала закрытая карета, прогрохотала под окном и покатила вдоль улицы, постепенно затихая вдали. Следом за ней проскакали два извозчичьих кеба, а за ними последовала целая вереница мчавшихся экипажей. Все они направлялись к станции Чок-Фарм, где снаряжались поезда по северо-западной линии.

Ошеломленный всем этим, брат мой долго стоял у окна и смотрел, как бегали полисмены от дома к дому, стуча в наружные двери и выкрикивая свое непонятное сообщение. Вдруг он услышал у себя за спиной стук отворяемой двери, и сосед, живущий на той же площадке, вошел к нему. Он был в ночных туфлях и нижнем белье, со свободно болтающимися подтяжками и с растрепанной после сна головой.

— Что случилось? — спросил он. — Пожар? Что означает этот адский шум?

Оба высунулись в окно, стараясь разобрать, что кричали на улице полисмены. С боковых улиц подходили люди, соединялись в группы и о чем-то оживленно беседовали.

— Что означает вся эта чертовщина? — спросил сосед моего брата.

Тот промычал ему в ответ что-то неопределенное и начал одеваться, поминутно вскакивая и подбегая к окну, чтобы не пропустить ни одной подробности из того, что делалось на улице. А там волнение все разрасталось. Вдруг, несмотря на ранний час, появились газетчики, выкрикивая во все горло:

— «Лондону грозит опасность от удушения! В Кингстоне и Ричмонде разрушены укрепления! Страшное избиение в долине Темзы!»

И повсюду кругом, в нижних квартирах, в домах соседних и напротив, за парком и на всех прочих бесчисленных улицах той части Мерилибона, в округе Вестбурн-Парка и Св. Панкратия, и дальше на запад и на север, в Кильбурне, Сент-Джонс-Вуде и Гэмпстэде, и на восток — в Шоредиге, Гайбюри, Гаперстоне и Гостоне, и по всему громадному пространству Лондона от Илинга до Ист-Гэма, люди, как полоумные, вскакивали с постели, протирали глаза и бежали к окну, чтобы смотреть на улицу и задавать друг другу бессмысленные вопросы, потом одевались впопыхах, а по улицам огромного города проносилось между тем первое дуновение налетевшей бури страха — предвестника великой общей паники. Лондон, только лишь накануне, в воскресенье вечером, отошедший ко сну спокойным и тупо равнодушным, проснулся на заре, в понедельник утром, с острым сознанием грозящей опасности.

Так как наблюдения из окна не могли ему помочь разобраться в случившемся, то брат вышел на улицу как раз в тот момент, когда заря окрасила облака и крыши в розоватый цвет. Толпа беглецов, пеших и в экипажах, прибывала с каждой минутой. «Черный дым! — кричали кругом. — Черный дым!» Такой единодушный страх неизбежно заражал каждого. Пока мой брат, стоя в дверях, колебался, не зная, куда ему идти, он увидел подходившего газетчика с новыми номерами газет и купил у него один номер. Газетчик побежал дальше, распродавая на ходу газету по шил-

лингу за номер. Паника и жадность к наживе — дикое сочетание двух, казалось бы, столь несовместимых вещей.

В этой газете мой брат прочел зловещее сообщение главнокомандующего:

«Марсиане в состоянии выпускать посредством ракет целые тучи какого-то черного ядовитого дыма. Они заставили замолчать наши батареи, разрушили Ричмонд, Кингстон, Уимблдон и теперь шаг за шагом продвигаются к Лондону, уничтожая все на своем пути. Их невозможно остановить, и от их черного дыма нет другого спасения, кроме поспешного бегства».

Это было все, но и этого было достаточно. Все шестимиллионное население города заволновалось, пришло в движение, и вскоре это должно было превратиться в повальное бегство на север.

«Черный дым! — раздавалось со всех сторон. — Огонь...»

Колокольни соседних церквей подняли неистовый трезвон. Какая-то повозка с растерявшимся от страха возницей со всего маху влетела в сточную канаву на улице и разбилась под ругань и крики толпы. В окнах домов мелькал, перебегая, тусклый желтый свет, и на многих из проезжавших кебов еще горели фонари. А вверху над домами все ярче разгоралась заря — ясная, спокойная и тихая.

Брат слышал, как забегали в доме и на лестнице. Его хозяйка вышла за дверь в наскоро накинутых блузе и платке; за нею вышел муж, что-то бормоча и жестикулируя.

Как только брат начал понимать наконец всю важность совершавшегося перед ним, он бросился наверх, в свою комнату, сунул в карман все свои наличные деньги, около десяти фунтов, и выбежал опять на улицу.

Глава 15

ЧТО СЛУЧИЛОСЬ В СУРРЕЕ

В то время как я сидел с викарием у изгороди на лугу близ Галлифорда и слушал его бессмысленный бред, а мой брат наблюдал поток беглецов, запрудивших Вестминстерский

мост, марсиане решили перейти в наступление. Насколько можно было понять из противоречивых газетных сообщений, марсиане усиленно работали до девяти часов вечера в яме под Горселлем, результатом чего были выходявшие из нее в большом количестве клубы зеленоватого дыма.

Достоверно, во всяком случае, то, что около восьми часов вечера три марсианина вышли на ямы. Осторожно продвигаясь вперед, они прошли через Байфлит и Гирфорд к Риплею и Уэйбриджу и, таким образом, перед закатом солнца очутились в виду ожидавших их батарей. Марсиане эти двигались не сомкнутыми рядами, а гуськом, на расстоянии приблизительно полторы мили один от другого. Они перекликались друг с другом завыванием, похожим на рев сирены, по всей гамме восходящих и нисходящих звуков.

Этот рев вперемежку с пушечными выстрелами из Риплея и Сен-Джордж-Гилля мы слышали в Верхнем Галлифорде. Наводчики батареи, стоявшей у Риплея, все были неопытные волонтеры, которым нельзя было поручить такой задачи; они, не выждав времени, дали один сильный, но преждевременный и бесплодный залп, и после этого бежали, кто пешком, кто верхом, через опустошенную деревню. Марсианин преспокойно перешагнул через покинутые орудия и, пройдя их, неожиданно подошел к батарее Пеншил-Парка, которую и уничтожил.

Артиллеристы сен-джордж-гильской батареи имели лучших руководителей или, может быть, занимали лучшую позицию; во всяком случае, их орудия, скрытые в сосновом лесу, не были замечены подходившим марсианином. Спокойно, как на смотре, они зарядили их и дали залп.

Марсианина обдало осколками упавшей гранаты, и солдаты видели, как он покачнулся и упал. Раздался ликующий крик, и солдаты с бешеной поспешностью зарядили орудия. Упавший марсианин издал протяжный вой, и в мгновение ока у деревьев показался второй сверкающий великан, который, в ответ на его призыв, ответил ему также воем.

По-видимому, осколком гранаты подбило ногу у треножника первого марсианина. Второй залп пропал даром,

ударив в землю довольно далеко от него, и вслед за тем оба товарища направили на батарею свои тепловые лучи. Пороховые ящики взлетели на воздух, и вокруг орудий ярким пламенем вспыхнули сосны. Из солдат спаслись только два-три человека, успевшие забежать за гребень холма.

После этого три великана стали как будто совещаться, по крайней мере лазутчики, следившие за ними, доносили потом, что все трое простояли на месте с полчаса. Из подбитой машины осторожно выполз марсианин, маленькая коричневая фигурка, казавшаяся на расстоянии каким-то ржавым пятном, и занялся по-видимому починкой своего треножника. К девяти часам он кончил свою работу, так как над деревьями снова показался его колпак.

Было начало десятого, когда к этим трем марсианам присоединились еще четверо, вооруженных какими-то толстыми, черными трубками. Они раздали по такой же точно трубке и трем первым и разместились изогнутой линией на равном расстоянии друг от друга, между Сен-Джордж-Гиллем, Уэйбриджем и деревенькой Сэнд, к юго-западу от Риплея.

Как только они тронулись с места, дюжина ракет взвилась из-за холмов перед ними, предупреждая стоявшие наготове у Диттона и Эшера батареи о приближении врага. В то же самое время четыре неприятельских боевых машины, тоже снабженные трубками, перешли через реку, и две из них, чернея на фоне заката, выросли передо мной и викарием, застигнув нас на дороге из Галлифорда на север, по которой мы шли, напрягая последние силы. Казалось, что они летят на облаках, так как молочный туман, который стлался по полям, закрывал треножники до одной трети их вышины.

При виде этих двух великанов викарий тихо вскрикнул и пустился бежать. Но я-то знал, что от марсианина не убежишь, и поэтому свернул в сторону и пополз через мокрую от росы крапиву и густой кустарник в канаву, которая шла вдоль дороги. Викарий оглянулся и, увидев, что я делаю, последовал моему примеру.

Марсиане остановились. Один, который стоял ближе к нам, смотрел в сторону Сенбюри; другой, казавшийся серым пятном на фоне заката, стоял дальше, в сторону Стэнса.

Призывный вой их прекратился. В полном безмолвии заняли они свои места в огромном полумесяце, имевшем не менее двенадцати миль от одного конца к другому. Никогда еще со времени изобретения пороха сражение не начиналось в такой тишине. На нас, да и, вероятно, на всякого другого случайного наблюдателя у Риплея это произвело бы такое впечатление, как будто марсиане были единственными властелинами наступающей ночи, озаряемой лишь молодым месяцем, первыми звездами и последними отблесками умирающей зари да красным заревом пожара у Сен-Джордж-Гилля от горевших Пентильских лесов.

А между тем отовсюду, со стороны Стэнса, Диттона, Эшера, Окгэма, с холмов и из лесов южного берега реки, из-за низких лугов, на севере от нее — отовсюду, где какая-нибудь рошица или кучка сельских холмов давала прикрытие, на этот полумесяц глядели жерла пушек. Сигнальные ракеты взвились и рассыпались дождем искр в темноте ночи, и для артиллеристов всех этих сторожевых батарей потянулись минуты напряженного ожидания. Стоило только марсианам вступить в линию огня — и в тот же миг эти сверкающие в темноте ранней ночи орудия, с притаившимися за ним неподвижными черными фигурами людей, разразились бы целой бурей громовых залпов.

Нет сомнения, что у всех этих тысяч чутко прислушавшихся людей, так же как и у меня в ту минуту, преобладающей мыслью был вопрос: что думают о нас марсиане? Понимают ли они, что воюют с миллионами организованных и дисциплинированных существ, представляющих одно целое? Или ко всем этим огненным вспышкам, внезапным взрывам гранат и упорному преследованию их они относились так, как относимся мы к отчаянному, единодушному нападению потревоженного улья? Уж не хотели ли они истребить нас всех до единого? (Тогда еще никто не знал, чем питаются марсиане).

Пока сотни подобных вопросов носились у меня в голове, я наблюдал гигантские очертания их часовых. А в глубине души у меня теплилась надежда, что вся дорога к Лондону занята громадными, еще неизвестными марсианами и скрытыми военными силами. Успели ли приготовить волчьи ямы? Догадались ли превратить в ловушку пороховые заводы в Гаунслоу? Хватит ли у лондонцев мужества и патриотизма устроить марсианам вторую Москву, но в большем масштабе?

Мы продолжали ползти через кустарник, по временам осторожно выглядывая из него, как вдруг спустя некоторое время, тянувшееся, как казалось, бесконечно долго, раздался отдаленный пушечный выстрел. Потом другой и третий. Тогда ближайший к нам марсианин поднял свою трубку высоко в воздухе и разрядил ее в сторону батарей. От тяжкого грохота этого выстрела дрогнула земля. Марсианин, стоявший у Окгэма, сделал то же самое. Не было ни вспышки огня, ни дыма — ничего, кроме оглушительного грохота.

Я был так поражен этими странными выстрелами, следовавшими один за другим, что совершенно позабыл о своей личной безопасности и о своих обожженных руках, и, с трудом выпрямившись в кустарнике, посмотрел в сторону Сенбюри. В эту самую минуту около меня раздался выстрел, и над моей головой пронесся огромный снаряд, направляясь к Гаунслоу. Я ожидал увидеть дым, или огонь, или какие-нибудь другие последствия действия этого снаряда. Но я увидел над собой только темно-синее небо с одинокой звездой на нем, а под собою — стлавшийся по земле густой белый туман. Я не услышал также ни треска взрыва, ни ответного выстрела. Крутом была мертвая тишина, и минуты длились бесконечно.

— Что случилось? — спросил викарий, стоявший около меня.

— Ничего не понимаю, — отвечал я.

Летучая мышь пролетела мимо и скрылась. Где-то вдали послышались крики и смолкли. Я снова взглянул на марсианина, он быстро двигался теперь к востоку, вдоль реки.

Я все ожидал, что какая-нибудь из наших скрытых батарей даст по нему залп, но кругом все было спокойно, и ничто больше не нарушало ночной тишины. Фигура марсианина уменьшалась по мере того, как он удалялся, и вскоре туман и сгущавшийся мрак ночи поглотили его. Инстинктивно мы с викарием вскарабкались выше. В стороне Сенбюри мы увидели какую-то темную массу, напоминавшую формой конусообразный холм, который как будто вырос здесь и закрывал нам вид. Подальше, за рекой, у Уольтона, мы заметили другой такой же холм. И эти странные конусообразные холмы становились на наших глазах все ниже и расползались.

Движимый внезапной догадкой, я посмотрел на север и увидел там третью, такую же черную облачную массу в виде конуса.

Стало как-то странно тихо. Издали, с юго-востока, подчеркивая эту тишину, доносились перекликающиеся голоса марсиан. Потом воздух дрогнул еще раз от далекого грохота их выстрелов. Но земная артиллерия молчала.

В то время нам было непонятно значение того, что происходило перед нами, и лишь позднее мне пришлось узнать, что означали эти зловещие черные холмы, так внезапно вырastaвшие в сумраке ночи. Каждый из марсиан, стоявший на линии громадного полумесяца, о котором я говорил, по какому-то неизвестному нам сигналу разряжал бывшую при нем трубку в сторону каждого холма, каждой возвышенности, каждой кучки домов, которые могли служить прикрытием для батарей. Некоторые выстрелили только по разу, другие по два раза, как тот марсианин, который был ближе к нам. Тот же, который стоял у Риплея, выпустил, говорят, не менее пяти снарядов. Ударившись о землю, эти снаряды разбивались, но не разрывались, и выпускали целые тучи тяжелого, черного, как чернила, пара, который сначала подымался кверху, образуя газообразный колеблющийся холм, а потом опускался и медленно расползался по окружающей его поверхности. И прикосновение этого пара, вдыхание малейшей из его частиц приносило смерть всему живущему.

Он был очень тяжел, этот пар, тяжелее самого густого дыма. Поэтому после первого сильного толчка, заставлявшего его взлететь кверху, он опускался, разливаясь по земле скорее как жидкое, чем газообразное тело. С возвышенностей он стекал в долины, ручьи и лужи совершенно так, как течет углекислый газ из трещин вулканов. Там, где он попадал в воду, происходил какой-то странный химический процесс. Поверхность воды мгновенно покрывалась пеной, которая по мере своего образования медленно опускалась в воду, очищая место другой.

Этот порошок был абсолютно нерастворим, и странность заключалась в том, что если вдыхание этого газа было смертоносным, то воду, содержащую этот порошок, можно было пить без вреда. Самый же пар не расходился, как то бывает с газообразными телами, а висел в воздухе плотными клубами, потом медленно соединялся с туманом и росой, оседая на землю в виде порошка.

Теперь, когда после бурного взлета черных клубов заканчивалось образование газообразного конуса, футов на пятьдесят над землей, на крышах, в верхних этажах домов и на высоких деревьях, была полная возможность спастись от его ядовитого действия. Это было доказано в ту же ночь в Стрит-Кобгэме и Диттоне.

Человек, спасшийся от смерти в Кобгэме, передает удивительные подробности об этом событии. Сидя на колокольне, он наблюдал, как клубы черного дыма окутывали деревню и как из этой черной бездны постепенно, словно привидения, появлялись дома. Полтора суток просидел он там, измученный, голодный, жарясь на солнце. Под голубым сводом неба, на фоне далеких холмов, лежала земля, как будто затянутая черным бархатом, и на ней понемногу появились в разных местах красные крыши, зеленые верхушки деревьев, а позднее окруженные черной дымкой кусты и изгороди, амбары и хижины.

Но так было только в Стрит-Кобгэме, где черный пар остался лежать, пока не осел на землю. Вообще же марсиане, дав пару исполнить свое назначение, очищали

от него воздух, направляя в него струи обыкновенного дыма.

Так разогнали они клубы черного пара в нашем соседстве, как мы могли это видеть из окон покинутого дома в верхнем Галлифорде, куда мы вернулись. Оттуда же мы видели перебегающий свет электрических прожекторов на холмах Ричмонда и Кингстона и слышали, как в одиннадцать часов задрезбжали окна в нашем домике от громких выстрелов из тяжелых крепостных орудий на позициях. Пальба в невидимых марсиан продолжалась без перерыва в продолжение четверти часа по направлению к Гэптону и Диттону. Затем бледные лучи света погасли, и на смену им взвился ярко-красный огненный столб.

Потом упал четвертый цилиндр, промелькнув сверкающим зеленым метеором, как я узнал впоследствии, в Буши-Парке. Но еще до канонады на позициях Ричмонда и Кингстона слышались отголоски далеких беспорядочных выстрелов с юго-западной стороны. Очевидно, те батареи тоже пробовали стрелять наудачу, пока черный пар не задушил там людей.

Таким образом, по заранее обдуманному плану, спокойно и методично, обкуривая человеческие жилища, как мы обкуриваем осиные гнезда, распространяли марсиане свой удушливый газ по всей местности, прилегающей к Лондону. Концы полумесяца медленно раздвигались, охватывая постепенно местности от Ганвелля до Кумба и Мальдена.

Всю ночь напролет продвигались марсиане, работая своими разрушительными трубками. Ни разу с тех пор, как в Сен-Джордж-Гилле упал марсианин, подбитый нашей гранатой, у нашей артиллерии не было ни одного удачного выстрела. Везде, где только была малейшая опасность для марсиан наткнуться на невидимые за прикрытием пушки, они выпускали заряд черного пара, а где батареи были на виду, там действовал тепловой луч.

Около полуночи пылающие деревья по склонам Ричмонд-Парка и зарево пожара на Кингстонском холме осветили клубы черного пара, покрывшего всю долину Тем-

зы и расползавшегося кругом, насколько хватало глаз. И по этому ползущему черному дыму, не спеша, шагали два марсианина, пуская во все стороны струи шипящего пара.

В ту ночь марсиане очень редко прибегали к лучу, оттого ли, что у них был лишь ограниченный запас материала для его производства, или потому, что они не имели в виду опустошать страну, а хотели только подавить наступление. И они, без сомнения, достигли своей цели. Ночь с воскресенья на понедельник была последним организованным сопротивлением их наступлению. Всякая попытка в этом направлении была бы теперь безнадежна. Даже команды миноносок и миноносцев-истребителей, поднимавшихся было по Темзе, отказались действовать против марсиан и воротились назад. Единственное, на что еще отваживались люди с той ночи, была закладка мин и устройство волчьих ям, но эти работы они производили как-то судорожно и без всякой системы.

Нужно только представить себе судьбу этих батарей, стоявших у Эшера, — ужасную судьбу людей, из которых ни один не остался в живых!

В моем воображении рисуется следующая картина. Все стоят на своих местах в напряженном ожидании: батареи в полной боевой готовности, офицеры зорко всматриваются в темноту, наводчики у орудий, пороховые ящики сняты с передков. Здесь же лазаретные фуры и палатки с обожженными и ранеными и, в почтительном отдалении, толпа посторонних зрителей... а кругом полная тишина! Потом вдруг глухой отзвук выстрела разряженной трубки, — и над домами и деревьями проносится неуклюжий снаряд и тяжело падает в соседнем поле.

Густые клубы черной массы, взлетевшие наверх, превращают сумрак надвигающейся ночи в полную тьму. Невиданный, ужасный враг в образе черного дыма подбирается к своим жертвам, постепенно поглощая людей и лошадей. Начинается безумное бегство, пушки брошены. Раздаются крики отчаяния задыхающихся, падающих людей, извивающихся в судорогах на земле, и над всем этим быстро осе-

дающий, расплзающийся кругом плотный черный дым. И затем ночь и смерть — ничего, кроме безмолвной, непроницаемой черной пелены, скрывающей своих мертвецов...

Еще до зари черный дым стлался по улицам Ричмонда, и распадающийся государственный организм в своем последнем предсмертном усилии предупреждал население Лондона о необходимости поспешного бегства.

Глава 16

БЕГСТВО ИЗ ЛОНДОНА

Теперь вы легко поймете, какая бешеная волна панического страха разлилась по улицам величайшего в мире города с наступлением понедельника. Поток беглецов с невероятной быстротой превратился в широкую реку, яростно бушевавшую у станций железных дорог, у пристаней на Темзе и пользовавшуюся каждой мало-мальски пригодной дорогой, чтобы прорыть себе русло на север и на восток.

К десяти часам полицейские власти, а к полудню и железнодорожные, совершенно распались, утратив свой авторитет. Они растаяли, расплзлись и слились с живым потоком обезумевших людей, образуя огромную, однообразную массу социального тела.

Еще в полночь с воскресенья на понедельник население Каннон-стрит, юго-восточной части Лондона, и железнодорожные линии к северу от Темзы получили предупреждение о надвигающейся опасности, и уже к двум часам все поезда были переполнены, а в вагонах публика дралась из-за мест. В три часа на Бим-стрит уже были раздавленные люди. Ярдах в двухстах от станции, на Ливерпуль-стрит, стреляли из револьверов, пускались в ход кинжалы, и полисмены, присланные для наблюдения за порядком, выбившись из сил, разбивали в бешенстве головы людей, которых они должны были охранять.

Позднее, с наступлением дня, когда машинисты и кочегары отказались возвратиться в Лондон, все разраставшаяся

ся толпа отхлынула от станций и запрудила дороги, ведущие на север. Около полудня, под Барнсом, видели марсианина, и огромное облако черного дыма, медленно оседая, поползло вдоль Темзы, по Ламбетской развалине, отрезывая своим приближением всякую попытку к бегству через мосты. Другое облако тянулось над Илингом, охватывая кольцом возвышенность Кэс-Галля с уцелевшей на ней кучкой людей живых, но лишенных возможности бежать.

После бесплодных стараний попасть на поезд северо-западной линии, отходивший из Чок-Фарм, — паровозы очередных поездов, подававшихся от товарной платформы, буквально врзывались в осаждавшую их кричащую толпу, и человек десять дюжих мужчин должны были работать кулаками, чтобы не дать столкнуть машиниста — мой брат вышел на улицу Чок-Фарм, пробрался между скакавшими во весь опор экипажами и очутился в толпе, грабившей велосипедный магазин. Ему посчастливилось войти первому в магазин. Добыв себе велосипед и протаскив его через окно, он упал, проткнул обо что-то переднюю шину и ранил себе руку, но тотчас же поднялся, сел и поехал. Крутая дорога от Гаверстонского холма была завалена опрокинутыми экипажами и упавшими лошадьми, и моему брату пришлось повернуть на Бельс-Род.

Избегнув таким образом самой сильной давки, брат выехал на Эджуэрскую дорогу и к семи часам приехал в Эджуэр, голодный и усталый, но намного опередив толпу. По дороге во всю ее длину стояли люди, с любопытством, и недоумением оглядывая беглецов. Моего брата обогнали несколько велосипедистов, несколько всадников и два автомобиля. На расстоянии одной мили от Эджуэра у брата сломалось колесо, и велосипедом больше нельзя было пользоваться. Он бросил велосипед у дороги и пошел пешком.

На главной улице местечка лавки уже были открыты. На тротуарах, в дверях домов и у окон — всюду толпился народ и удивленно смотрел на странную процессию приближающихся беглецов. В одной из гостиниц брату удалось поесть.

Он пробыл в Эджуэре довольно долгое время, не зная, что ему теперь предпринять. Число беглецов все возрастало, многие, как и брат, были склонны остаться в Эджуэре. О пришельцах с Марса не было никаких новых вестей.

К этому времени дорога была уже полна народом, но большой давки не было. Большинство беглецов были на велосипедах, но потом появились мчавшиеся во весь дух автомобили, кабриолеты и закрытые экипажи, которые подымали тучи пыли и ехали по направлению к Сен-Альбансу.

У брата была, вероятно, смутная мысль попробовать пробраться в Чельмсфорд, где жили его близкие знакомые, потому что, выйдя из деревни на глухую проселочную дорогу, он машинально повернул на восток. Вскоре он наткнулся на изгородь, перелез через нее и зашагал дальше по тропинке, заворачивавшей на северо-восток. Ему попадались на пути фермы и деревушки, названия которых он не знал. Беглецов он теперь почти не встречал и только по дороге к Гай-Барнету он столкнулся с двумя дамами как раз вовремя, чтобы выручить их из беды, не подозревая тогда, что им придется потом странствовать вместе.

Он услышал их крики еще издали и, повернув за угол, увидел на дороге шарабан с запряженным в него пони. В шарабане сидели две дамы и отбивались от двух каких-то мужчин, старавшихся стащить их с сиденья, в то время как третий молодец с трудом удерживал под уздцы перепугавшегося пони. Одна из дам, маленького роста, вся в белом, громко кричала, другая — стройная брюнетка — хлестала бичом человека, схватившего ее за руку.

Брату в один миг стало ясно, что здесь происходит. Он закричал на негодаев и бросился к месту борьбы. Один из мужчин тотчас же бросил дам и повернулся к нему, и по его лицу брат увидал, что схватка неизбежна. Будучи хорошим боксером, он двинулся на него и одним ударом уложил его под колеса экипажа.

Было не время для соблюдения правил бокса, и поэтому брат, подставив ему подножку, выбил его из строя и затем схватил за шиворот другого, который держал за руку строй-

ную даму. Тут он услышал стук копыт и почувствовал удар бича по лицу, а подскочивший к нему третий противник ударил его в переносицу. Этим воспользовался тот негодяй, которого он держал, вырвался у него из рук и пустился бежать вниз по дороге.

Наполовину оглушенный ударом, брат очутился лицом к лицу с человеком, который перед тем держал лошадь, и увидел, что коляска, раскачиваясь из стороны в сторону, катится по дороге с сидящими в ней женщинами. Стоявший человек — здоровенный детина — кинулся на него, но брат предупредил нападение и ударом в лицо отбросил его назад. Таким образом, освободившись от них, он повернулся и бросился бежать за экипажем. Его противник погнался за ним. Тогда и тот, который раньше дал тягу, повернул назад и тоже побежал за ними.

Вдруг брат споткнулся и упал. Ближайший из преследователей бросился на него, и когда он встал, то увидел перед собою двух противников. Еще немного, и он едва ли вышел бы целым из этой борьбы, но на его счастье стройная дама остановила лошадь, храбро выскочила из коляски и побежала к нему на помощь. Оказалось, что у нее был с собою револьвер, но он лежал под сиденьем экипажа, в то время как на них напали. Не доходя шести ярдов, она выстрелила и чуть-чуть не попала в брата. Один из разбойников, как видно, не отличавшийся особенной храбростью, бросился бежать, а за ним последовал другой, проклиная его трусость. Оба остановились на дороге возле своего третьего товарища, лежавшего без чувств.

— Возьмите! — сказала стройная дама, протягивая брату револьвер.

— Садитесь скорее в экипаж, — проговорил брат, вытирая кровь со своей рассеченной губы.

Она повернула назад, не говоря ни слова, — оба они с трудом переводили дух, — и они вместе подошли к шарабану, где дама в белом выбивалась из сил, стараясь удержать перепуганного пони.

Разбойники оставили их в покое. Брат оглянулся и увидел, что они пошли в обратную сторону.

— Я сяду к вам, если вы разрешите, — сказал брат и сел на пустое переднее сиденье. Дама посмотрела через плечо.

— Дайте мне вожжи, — сказала она и хлестнула лошадь. В следующий момент три человека скрылись у них из глаз за поворотом дороги.

Таким образом, совершенно неожиданно для себя, брат очутился растерзанный, еле дыша, с окровавленными руками, разбитой челюстью и расшибленной губой в чужом экипаже, в обществе двух незнакомых женщин, с которыми он мчался по неизвестной дороге.

Он узнал, что то были жена и младшая сестра врача-хирурга, жившего в Стенморе. Возвращаясь на рассвете домой из Пиннера от опасно больного, доктор по пути, на одной из станций, услышал о приближении марсиан. Он поспешил домой, разбудил обеих женщин (служанка ушла от них за два дня перед тем), наскоро уложил для них небольшой запас провизии, сунул, к счастью для моего брата, под сиденье шарабана револьвер и велел им ехать в Эджуэр с тем, чтобы сесть там на поезд. Сам он остался предупредить соседей. Он обещал в пять часов утра нагнать их в Эджуэре, а теперь было почти девять, и его все еще не было. Они не решились остаться в Эджуэре из-за возраставшего наплыва беглецов и выехали на эту дорогу.

Вот что рассказали они брату урывками по пути. Не доезжая Нью-Барнета, им пришлось сделать привал. Брат обещал остаться с ними до тех пор, пока они не примут определенного решения, как им быть дальше, или пока их не догонит доктор. Чтобы придать им храбрости, он уверил их, что отлично стреляет из револьвера, хотя он совершенно не умел с ним обращаться.

Они расположились лагерем у дороги. Пони шипал траву у изгороди и чувствовал себя прекрасно. Брат рассказал им некоторые подробности своего бегства из Лондона, а также все, что он знал о марсианах. Солнце поднималось все выше, и через некоторое время разговор замер и сменился чувством какой-то безотчетной тревоги.

По дороге прошло несколько пешеходов, и брат постарался выпытать от них все, что только можно. Каждое отрывочное сведение, которое он получал, только усиливало в нем впечатление страшного бедствия, постигшего человечество, и укрепляло его уверенность в необходимости поспешного бегства. Это мнение он высказал дамам.

— У нас есть деньги с собой, — сказала девушка и замолчала, словно боялась говорить дальше.

Но ее глаза встретили взгляд брата, и недоверие ее прошло.

— У меня тоже деньги с собой, — сказал мой брат.

Она объявила тогда, что, кроме пятифунтового билета, у них было около тридцати фунтов золотой монеты, и предложила отправиться на поезд в Сен-Албанс или в Нью-Барнет. Но брат, видевший ярость лондонцев, штурмовавших поезд, нашел это предложение невыполнимым и предложил свой план: проехать через Эссекс в Гарвич и оттуда покинуть Англию.

Но миссис Эльфинстон — так звали даму в белом — не хотела слушать никаких доводов и все только твердила о «Джордже», тогда как ее золовка была удивительно спокойна и благоразумна и соглашалась на предложение брата.

Таким образом, они решили поехать в Барнет, чтобы пересечь большую дорогу, идущую к северу. Мой брат вел пони под уздцы, чтобы, по возможности, сберечь его силы.

По мере того как солнце приближалось к зениту, становилось нестерпимо жарко. Под ногами лежал толстый слой горячего, белого песка, благодаря чему они двигались очень медленно. Изгороди казались серыми от пыли. Издали доносился шум многотысячной толпы, становившийся все слышнее по мере приближения к Барнету.

По дороге стало попадаться больше народу. Большинство тупо смотрели перед собой, бормотали неясные слова и имели крайне измученный, истощенный и грязный вид. Один человек во фраке прошел мимо них, глядя в землю.

Они слышали его голос и когда посмотрели на него, то увидели, как он одной рукой схватил себя за волосы, а дру-

гою колотил какого-то невидимого врага. Когда у него прошел этот приступ бешенства, он пошел дальше, не оглядываясь по сторонам.

Когда мой брат и его спутницы подъезжали к перекрестку к югу от Барнета, они увидели какую-то женщину, подходившую к дороге с левой стороны прямо через поля; она несла на руках одного маленького ребенка, а двое других шли рядом с ней. Потом прошел мужчина в грязном черном костюме, с толстой палкой в одной руке и с небольшим дорожным саком в другой. Немного дальше, когда они миновали перекресток и проезжали мимо дач, им навстречу выехал экипаж, который вез черный взмыленный пони. Худошавый юноша в спортивной фуражке управлял им. Три девушки, по виду фабричные работницы из Ист-Энда, и двое маленьких детей сидели скорчившись в маленьком экипаже.

— Эта дорога ведет в Эджуэр? — спросил брата возница с дикими глазами и мертвенно-бледным лицом.

И когда брат объяснил ему, что надо свернуть налево, он хлестнул лошадь, не тратя времени на благодарность.

Теперь брат заметил, что из домов впереди поднимается тонкий серый столб не то дыма, не то тумана и постепенно заволакивает белый фасад террасы, видневшийся через дорогу между дачами. Миссис Эльфинстон вдруг вскрикнула, увидев прямо перед собой, над крышами дач, красные языки пламени, поднимавшиеся вверх, к голубому небу.

Дикий шум толпы превратился в беспорядочную смесь многих голосов с трескотней катящихся колес, скрипом телег и отрывистым стуком копыт. Не доезжая ярдов пятидесяти до перекрестка, проселочная дорога делала крутой поворот.

— Куда вы нас везете?! — вскричала миссис Эльфинстон.

Брат остановил лошадь.

Большая дорога представляла один сплошной бурный поток людей, стремительно несшийся на север. Сверкающая на солнце белая пыль, вздымаемая ногами лошадей, пешеходов и колесами всех сортов экипажей, стояла плот-

ным белым облаком на высоте двадцати футов над землей, скрывая от глаз толпу на дороге и постоянно возобновляясь.

— Дорогу! — кричали в толпе. — Дайте дорогу!

Выехать на большую дорогу было все равно что броситься в самое пекло бушующего пожара. Толпа ревела, как огонь, и пыль была горячая и едкая. И в действительности, впереди на улице пылала дача, и от нее валил густыми клубами черный дым, еще более увеличивающий смятение толпы.

За шарабаном шли двое мужчин. Затем какая-то грязная женщина с тяжелым узлом, которая все время громко всхлипывала. Охотничья собака, потерявшая своего хозяина, вся покрытая царапинами и жалкая, бегала, фыркая, вокруг их экипажа, но брат пригрозил ей кнутом, и она убежала.

Насколько можно было видеть, по всей дороге, ведущей к Лондону, стиснутый с двух сторон домами, лился бурный поток грязных бегущих людей. Черные головы, тесно прижатые друг к другу фигуры выступали яснее по мере приближения, но они быстро проходили мимо и утрачивали индивидуальность, сливаясь с удалявшейся толпой, и наконец исчезали, поглощенные ею и пылью.

— Вперед! Вперед! — слышались голоса. — Дайте дорогу!

Люди упирались руками в спину друг другу. Брат крепко держал под уздцы пони и, поддаваясь непреодолимому чувству, медленно, шаг за шагом, шел за толпой вперед.

Суматоха, которой брат был свидетель в Эджуэре, и взбунтовавшаяся толпа, осаждавшая поезда в Чок-Фарме, были ничем в сравнении с той картиной, которую он увидел здесь. Тут весь народ был в движении. Трудно представить себе эти колоссальные массы людей. Они уже не имели индивидуальности, так как все новые и новые фигуры людей вливались в них и расплывались. Мимо мелькали лица подходивших, а потом их спины, когда они удалялись вместе с толпой. По краям дороги тащились пешеходы, сторонясь от наезжавших колес, падая в канавы и давя друг друга.

Кареты и фуры следовали одна за другой, почти не оставляя места для более быстрых и нетерпеливых экипажей,

которые все-таки пользовались каждым моментом, чтобы проскочить вперед, бессовестно отбрасывая людей к изгородям и воротам дач.

— Вперед! — был общий крик. — Скорей вперед! Они идут!

В одной повозке стоял слепой человек в мундире Армии спасения. Он жестикулировал своими искривленными пальцами и во все горло кричал: «О, вечность! О, вечность!» У него был хриплый и настолько громкий голос, что брат мой еще долго слышал его после того, как он скрылся вдали за облаками пыли.

Некоторые экипажи были переполнены людьми, которые бессмысленно хлестали лошадей и переругивались с другими кучерами. Иные сидели, не шевелясь, и безутешными глазами смотрели куда-то в пространство. Были такие, которые сосали свои пальцы от жажды или неподвижно лежали на дне своих повозок. Глаза у лошадей были налиты кровью, и уздечки — все в мыле.

Тут можно было увидеть всевозможные экипажи: кебы, кареты, фургоны, магазинные фуры, почтовые дилижансы, тачку для очистки улиц с надписью: «Главное управление св. Панкратия» и огромная железнодорожная платформа, набитая людьми весьма сомнительного вида. Мимо прогромыхала телега с пивоваренного завода; ее колеса были забрызганы свежей кровью.

— С дороги! — раздавались голоса. — С дороги!

— Вечность! Вечность! — доносилось сзади.

Хорошо одетые, грустные, исхудавшие женщины плелись пешком, волоча за собой детей, которые плакали и все время спотыкались. Их тонкие платья были покрыты пылью, а усталые лица залиты слезами. Многих из них проводжали мужчины, из которых одни заботливо оберегали своих дам, другие же были грубы и невнимательны. Бок о бок с ними, прочищая себе дорогу локтями и площадной бранью, шла кучка уличных хулиганов. Проходили и дюжие рабочие, с силой пробираясь вперед, жалкие, растрепанные юноши, судя по их костюму — приказчики или кон-

торщики. Мой брат заметил также одного раненого солдата и какое-то несчастное существо в накинутах на плечи мужском пальто поверх ночной сорочки.

Но как ни был разнообразен состав этой толпы, кое-что у нее было общее. Страх и страдание были написаны на лицах всех этих людей, и страх гнался за ними по пятам. Стоило произойти на дороге какому-нибудь замешательству вроде ссоры из-за места в экипаже, и вся толпа ускоряла шаги. Даже люди, измученные до того, что у них подгибались колени, проявляли на миг неожиданную энергию, вызванную внезапной надеждой опередить других.

Зной и жажда уже успели оказать свое действие на толпу. Кожа у всех пересохла, губы почернели и потрескались. Всех их томила жажда, ноги были изранены, и все чуть не падали от усталости. И среди разнообразных криков слышались споры, упреки и стоны изнеможения и боли. У большинства были охрипшие, ослабевшие голоса, и пели они одну и ту же песню с одним и тем же припевом:

— Вперед! Вперед! Марсиане идут!

Только немногие останавливались и отделялись от толпы беглецов. Проселочная дорога выходила под углом на прямую дорогу и производила ложное впечатление, что она идет от Лондона. И в это-то новое русло пробиралось кое-как небольшое количество людей, чтобы немного отдохнуть на свободе и затем снова исчезнуть в главном потоке. Немного в стороне от дороги лежал человек, охраняемый двумя приятелями; одна из его ног была обернута окровавленными тряпками. Он был счастлив, так как у него были друзья. Из толпы вынырнул маленький старичок с воинственно закрученными усами, в черном потертом сюртуке. Он сел на краю дороги, снял сапоги — носки были все в крови — вытряхнул из них камешки и, ковыляя, поплелся дальше. Потом маленькая девочка, лет восьми-девяти, совсем одна, бросилась на землю у изгороди, подле брата, и горько заплакала.

— Я не могу идти дальше! Не могу!..

Брат очнулся от своего оцепенения, поднял ее и, ласково уговаривая, понес к мисс Эльфинстон. Как только он дотронулся до нее, она замолчала, как будто испугавшись.

— Эллен! — закричала из толпы какая-то женщина голосом, в котором слышались слезы. — Эллен!

И девочка вдруг выскользнула у брата из рук с криком:

— Мама!

— Они идут! — сказал какой-то человек, проезжая верхом мимо них.

— С дороги! — заорал кучер, и брат увидел, что на проселочную дорогу сворачивает карета.

Толкая друг друга, люди бросились назад, чтобы не пасть под лошадей. Мой брат отвел лошадь с шарабаном ближе к изгороди, и карета проехала мимо, остановившись на повороте. Это был парный экипаж с дышлом для двух лошадей, но везла его одна лошадь.

Брат видел сквозь завесу пыли, как два человека осторожно вынесли кого-то из кареты на белых носилках и тихонько опустили на траву, в тени изгороди.

Один из мужчин подбежал к брату.

— Где можно достать воды? — спросил он. — Он умирает и страшно страдает от жажды.

— Лорд Гаррик! — удивленно воскликнул мой брат. — Президент верховного суда?

— Воды! — повторил человек.

— Может быть, в одном из этих домов найдется водопровод, — сказал брат. — У нас нет воды. И я не могу оставить моих спутниц.

Человек стал проталкиваться через толпу к воротам углового дома.

— Вперед! — кричала толпа, отталкивая его в сторону. — Они идут! Вперед!..

Тут внимание моего брата было отвлечено бороатым человеком с орлиным носом. Он нес маленький саквояж, который лопнул как раз в ту самую минуту, когда на него посмотрел брат, и из него целым каскадом посыпа-

лись золотые монеты. Они катились прямо под ноги спешащим людям и лошадям. Человек остановился и с тупым видом смотрел на свое золотое богатство. Дышло какого-то экипажа наехало на него и отбросило в сторону. Он закричал; экипаж чуть-чуть было не задел его и проехал мимо.

— Прочь с дороги! — кричала вокруг него толпа. — Дорогу!

Как только кеб проехал, он бросился ничком на свою грудь золота и принялся обеими руками запихивать его по карманам. Вдруг он увидел над собою лошадиную морду, но не успел отскочить и был смят копытами лошади.

— Стой! — закричал брат и, отстранив женщину, хотел схватить лошадь за узду.

Но прежде чем он успел добежать, услышал душераздирающий крик и увидел сквозь облако пыли, как несчастному переехало спину колесом. Кучер стегнул брата бичом. Многоголосый крик толпы оглушал его, а человек между тем корчился в пыли среди своих разбросанных денег, стараясь подняться, и не мог, так как у него был переломлен хребет и ноги лежали, как мертвые. Стоя над ним, брат отчаянно закричал на следующего кучера, который чуть не наехал на них. Какой-то всадник на вороном коне спешил к нему на помощь.

— Уберите его с дороги, — посоветовал он.

Брат схватил свободной рукой несчастного за шиворот и потащил его в сторону, но тот все время цеплялся за свое золото и, свирепо глядя на брата, колотил его по руке кулаком с зажатыми в нем деньгами.

— Прочь с дороги! — раздавались сзади сердитые голоса.

С сильным треском дышло кареты въехало в передний экипаж, который удерживал всадник на вороном коне. Брат оглянулся, и в это время человек с переломленной спиной повернул голову и укусил его руку, чтобы освободить свою шею. В этот момент карета навалилась на экипаж, вороной шарахнулся в сторону и чуть не наступил копытом на ногу брата. Он выпустил лежащего человека и отскочил. Он ви-

дел, как гнев в лице несчастного сменился ужасом, и в следующий момент он исчез под копытами лошадей. Бушующий поток людей унес брата на большую дорогу, и ему стоило больших усилий пробиться назад.

Мисс Эльфинстон сидела, закрыв лицо руками, а немного подальше маленький ребенок тарашил глазенки на лежащую под колесами катящихся экипажей черную, неподвижную кучу тряпья.

— Мы должны вернуться назад! — закричал брат и стал заворачивать пони. — Нам не пробраться через этот ад.

Они проехали с сотню ярдов назад по той дороге, по которой приехали, пока наконец ревушая толпа не скрылась из виду. За поворотом дороги брат увидел умирающего человека, лежащего в канаве под изгородью, с лицом, перекошенным от страданий и белым как мел.

Обе спутницы брата сидели молча, съжившись и дрожа. Брат остановил лошадь. Мисс Эльфинстон была бледна как смерть, а ее невестка горько плакала, забывая даже звать своего «Джорджа». Брат был так потрясен и смущен, что не мог придумать, что им делать. Как только они повернули назад, он сообразил, как важно и необходимо было им пробраться так или иначе через толпу. С внезапно принятым решением он круто повернулся к мисс Эльфинстон.

— Мы должны во что бы то ни стало проехать туда, на дорогу, — сказал он и снова повернул лошадь.

Второй раз в этот день девушка доказала свое мужество. Брат передал ей вожжи и выскочил из коляски. Чтобы пробиться сквозь несшийся перед ними ревуший человеческий поток, он ринулся вперед и схватил за узду наезжавшую на них лошадь какого-то кеба, а мисс Эльфинстон, пользуясь этим мгновением, хлестнула пони и выехала на дорогу. Но тут их коляска сцепилась колесами с проезжавшим фургоном, и в ту же минуту из ее кузова вылетела планка, выбитая дышлом третьего экипажа. Через минуту их подхватило течение и понесло вперед. Мой брат, на лице и на руках которого были красные следы от бича кучера, вска-

рабкался обратно в шарабан и взял вожжи от мисс Эльфинстон.

— Направьте револьвер на человека сзади нас, если он будет очень напирать на нас, — сказал он, передавая ей оружие. — Или нет! Лучше на его лошадь.

Затем он стал смотреть, не представится ли возможность перебраться через дорогу на правую сторону. Но раз попав в людской водоворот, они как будто потеряли свою волю и сделались частью этого несущегося в облаках пыли дикого полчища людей.

Вместе с потоком их пронесло через весь Чиппинг-Барнет. Они находились уже почти на милю от центра города, когда им удалось наконец пробиться на другую сторону дороги. Гвалт и шум здесь были неопишуемые, но за городом дорога разветвлялась в нескольких местах, и ехать стало по-свободнее.

Они повернули на восток через Гедлей. Там они наткнулись на любопытную сцену, как сотни людей припали к реке и жадно пили воду. Местами из-за воды происходила драка. А подальше, поднявшись на холм вблизи Восточного Барнета, они увидели два поезда, медленно ташившиеся один за другим, без всяких сигналов и руководителей.

Оба были битком набиты народом — люди стояли даже между углем на тендерах паровозов — и шли на север по главной северной линии. Мой брат предполагал, что эти поезда вышли с какой-нибудь маленькой станции, так как в те дни дикий штурм поездов в Лондоне сделал невозможным их движение с конечных станций.

Вскоре после того, вблизи Гедлея, они остановились отдохнуть, так как дневные волнения вконец измучили всех троих. Кроме того, время подходило к вечеру, и они уже начали чувствовать приступы голода. Ночь была холодная, и никто из них не решался лечь спать. Мимо места их привала проходило много людей, бежавших от неизвестных опасностей, которые в действительности еще только подстерегали их впереди, так как все они шли в ту сторону, откуда приехал мой брат.

Глава 17

«ДИТЯ ГРОМА»

Если бы марсиане поставили себе целью истребление, то еще в понедельник они могли бы уничтожить все население Лондона, пока оно медленно расплзлось по соседним деревням. Не только по дороге через Барнет, но и по Эджуэрской, и по Вальгамской, и на восток от Саутхенда и Шубюрнесса, и на юг от Темзы до самого Диля и Бродстерса разливалась бурная людская волна. Если бы в то июньское утро кто-нибудь поднялся на воздушном шаре в сверкающую синеву неба над Лондоном, то все дороги, ведущие на север и на восток из бесконечного лабиринта лондонских улиц, показались бы с этой высоты совершенно черными, так густ был поток беглецов. И каждая точка этого потока несла в себе агонию ужаса и физических страданий.

В предыдущей главе я нарочно привел подробный рассказ моего брата о том, что происходило по дороге через Чиппинг-Барнет, чтобы дать читателю ясное понятие о том, чем была эта толпа мечущихся черных точек для тех, кто разделял их участь. Никогда еще в истории мира не бывало такого скопления человеческих существ, связанных общим страданием. Легендарные полчища готов и гуннов, величайшие армии, какие когда-либо видела Азия, были бы каплей в этом море! Это не было какое-нибудь дисциплинированное шествие. Это было бегство охваченного паникой гигантского стада, беспорядочное, бесцельное и страшное. Бегство шести миллионов людей, небооруженных и голодных, слепо стремящихся вперед. Это было начало гибели цивилизации, истребление человеческого рода...

Сидящий на воздушном шаре увидел бы перед собой раскинувшуюся сеть улиц, домов, церквей, садов и скверов, безлюдных, опустевших, как на огромной карте, юг которой был вымаран чернилами. Как будто перо великана прогулялось по карте, замазав те места, где были Илинг, Ричмонд и Уимблдон. Количество этих черных пятен непрерывно

росло, расплзлось вширь, растекалось струйками во все стороны, останавливалось на холмах и, найдя новое русло, быстро стекало по склону в долину совершенно так, как растекается по пропускной бумаге капля чернил.

А позади, у синих холмов, что высятся к югу от реки, шли сверкающие гиганты, распространяя спокойно и методично все дальше и дальше по земле свои ядовитые тучи, уничтожая их струями пара там, где они сделали свое дело, и постепенно завладевая покоренной страной.

Да, несомненно, они не столько имели в виду истребить человечество, сколько совершенно поработить его и подавить всякое сопротивление. Они взрывали все запасы пороха, попадавшиеся им на пути, отрезали телеграфное сообщение и разрушали железные дороги. Они калечили человечество!

По-видимому, они не очень спешили расширить поле своей деятельности, так как в тот день они не пошли дальше центральной части Лондона. Возможно, что значительная часть населения Лондона осталась дома в понедельник утром. Достоверно же то, что многие умерли, не выходя из дому, задушенные черным дымом.

В полдень Темза между Лондонским мостом и Блэкуэллем представляла поразительную картину. Вся река в этом месте была запружена пароходами и всевозможными судами, которые пришли забирать беглецов, привлеченные громадными суммами, предлагавшимися им. Многие, говорят, пытались добраться вплавь до этих судов и тонули, потому что их отталкивали баграми.

Около часу дня между арками Блэкфрайерского моста показались разредившиеся остатки облака черного дыма. Само собой разумеется, что это сейчас же вызвало страшную панику. На реке началось столпотворение, ожесточенная борьба и давка. Был момент, когда множество барж и мелких судов скопилось у северной арки Тоуэр-Бриджа, и матросам и грузчикам приходилось буквально сражаться с народом, отовсюду карабкавшимся на суда. Люди спускались сверху даже по сваям моста.

Когда часом позднее за башенными часами парламента показался марсианин и направился вброд по реке, то на всем протяжении пройденного им пути вплоть до Лаймгауза и выше плавали одни обломки погибших судов.

О падении пятого цилиндра будет сказано ниже. Шестой упал в Уимбльдоне. В то время как мой брат караулил двух женщин, уснувших в шарабанах, он видел, как вдали за холмами сверкнул зеленый огонь. Во вторник маленькая компания, все еще твердая в своем решении добраться до моря и сесть на пароход, проехала к Кольчестеру через взволнованную, кишашую беглецами страну.

Известие о том, что марсиане завладели Лондоном, подтверждалось. Их видели в Гайгете и даже, как говорили, в Низдоне. Но брат не видел их до следующего дня.

Рассыпавшись по окрестностям столицы, огромные толпы народа стали ощущать нужду в съестных припасах. И по мере того, как голод вступил в свои права, право собственности утрачивало свое значение. Фермерам приходилось с оружием в руках защищать свои скотные дворы, свои амбары и созревающий хлеб на корню.

Большинство беглецов, как и мой брат, двигались на восток, и только немногие, пришедшие в отчаяние, возвращались в Лондон, чтобы добыть себе пищу. То были жители северных предместий, знавшие о черном дыме только понаслышке. Брату говорили, что в Бирмингеме собралось больше половины членов парламента и что заготавливаются огромные запасы сильных взрывчатых веществ для автоматических мин, которые предполагалось заложить на всем протяжении Мидлэнда.

Одновременно рассказывали, что Мидлэндская железнодорожная компания заменила новыми людьми машинистов и кочегаров, разбежавшихся в первый день паники, и восстановила железнодорожное сообщение из Сен-Альбанса, по северной линии, во избежание дальнейшего скопления народа в ближайших к Лондону графствах. В Чиппинг-Онгаре были развешаны объявления, извещавшие, что в северных городах собраны большие запасы муки и в течение

двадцати четырех часов будет произведена раздача хлеба окрестному голодающему населению.

Это известие не повлияло на изменение плана бегства, составленного моим братом. Все трое продолжали весь день двигаться на восток и нигде не видели обещанной раздачи хлеба. Да, впрочем, и никто ее не видел. В ту ночь упала седьмая звезда на холме близ Примроза. Ее видела мисс Эльфинстон, державшая караул посменно с братом по ночам.

В среду, переночевав на нежатом поле пшеницы, белгцы добрались до Чельмсфорда. Здесь какая-то шайка из местных жителей, называвшая себя «Комитетом общественного питания», завладела их лошадкой как предметом продовольствия, не дав им в обмен ничего, кроме обещания выдать на другой день их долю при дележе. Здесь ходили слухи, что марсиане уже в Эппинге и что пороховой завод Вальтгэмского аббатства разрушен после бесплодной попытки взорвать одного из марсиан.

Люди взбирались на колокольни, чтобы выследить приближение марсиан. Мой брат предпочел, к счастью, как потом оказалось, продолжать путь к берегу моря, не дожидаясь раздачи пищи, хотя все трое были очень голодны. В полдень они прошли Тиллингам, в котором было до странности пусто и тихо. Они не встретили ни души, кроме двух-трех мародеров, шнырявших по домам в поисках съестного. За Пилгамом они вдруг увидели море и на нем удивительное разнообразие флотилий всех видов.

После того как судам нельзя было больше подыматься вверх по Темзе, они подошли к Эссекскому берегу, к Гарвичу, Уольгону и Кизктону, а потом к Фульнесу и Шуберу, чтобы забрать оттуда пассажиров. Они расположились на взморье огромным серпом, конец которого терялся в тумане у самого Нэза. У берега толпились рыболовные суда — английские, шотландские, французские, голландские и шведские; паровые баркасы с Темзы, яхты и электромоторные лодки. За ними виднелись суда более крупного калибра: целая масса грязных грузовых судов, угольные баржи, нарядные купеческие корабли, пассажирские пароходы и боль-

шие океанские суда. Был тут один старый белый транспорт, а также небольшие белые и серые линейные пароходы из Саутгемптона и Гамбурга. И вся линия синевшего вдали берега за Блекуотером, почти до самого Мальдена, кишела лодками, перевозившими пассажиров на суда.

Приблизительно милях в двух от берега стоял броненосец, сидевший так глубоко в воде, что брату он показался затонувшим. Это был монитор «Дитя грома», единственное военное судно из всех, бывших в поле зрения. Но дальше над зеркальной поверхностью моря — день был очень тихий — тянулись змейки черного дыма, указывающие на близкое присутствие Ламаншской эскадры. Во время нападения марсиан она стояла растянутой линией вдоль устья Темзы под парами, готовая к бою, но бессильная остановить врага.

При виде моря миссис Эльфинстон, несмотря на все уговоры ее золовки, обуял панический страх. Она никогда не выезжала из Англии и предпочитала скорее умереть, чем ехать в чужую страну, где у нее не было друзей. Бедная женщина, кажется, воображала, что французы имеют большое сходство с марсианами! За два дня скитаний она становилась все истеричнее, и настроение ее заметно падало. Ей хотелось вернуться в Стэнмор, где все было благополучно и где им, по ее мнению, не могло грозить никакой беды. В Стэнморе они найдут Джорджа...

Только с величайшим трудом им удалось привести ее на берег, где брату посчастливилось привлечь внимание колесного парохода, выходявшего из устья Темзы. С парохода послали лодку, и они сговорились на тридцати шести фунтах за троих. Пароход, как говорили матросы, шел в Остэнд.

Было около двух часов дня, когда брат и его спутницы, уплатив вперед деньги за проезд, очутились целыми и невредимыми на борту парохода. Еды там было достаточно, хотя и за баснословную цену, и все трое хорошо пообедали, примостившись на палубе.

На пароходе было уже около сорока пассажиров, из которых некоторые отдали свои последние деньги за проезд,

но капитан не торопился уходить. Они простояли на якоре у Блэкуотера до пяти часов вечера, принимая все новых и новых пассажиров, пока наконец палуба до того переполнилась, что становилось страшно за пароход. Они простояли бы, вероятно, и дольше, если бы не пальба из пушек, которая стала доноситься с юга. Как бы в ответ на эту пальбу стоявший на взморье броненосец выпалил из маленькой пушки и поднял свой флаг. Столб дыма взвился из его трубы.

Некоторые пассажиры полагали, что грохот стрельбы доносится из Шубьорнесса, но это оказалось неверно, так как выстрелы становились все громче. Одновременно вдали, на юго-востоке, над морем показались клубы черного дыма, и вслед за тем из воды выросли мачты и трубы трех броненосцев. Но внимание моего брата было сейчас же опять отвлечено далекой пальбой на юге. Ему казалось, что сквозь серую пелену тумана вдали он различает облако дыма.

Маленький пароходик уже начал выбираться из полукруга собравшейся флотилии, хлопая лопастями колес по воде. Плоский берег Эссекса уже стал заволакиваться синеватой дымкой, как вдруг вдали, со стороны Фульнесса, показался марсианин, казавшийся маленькой, чуть видной точкой на таком расстоянии. Капитан, стоявший на мостике, стал громко ругаться с перепугу, проклиная себя за промедление, и колеса парохода зачастили, как будто заразившись его страхом. Все пассажиры, до последнего человека, взобрались кто на скамейки, кто на борт, и в ужасе смотрели на далекую стройную фигуру, казавшуюся по мере приближения выше деревьев и колоколен церковей и замечательно удачно подражавшую человеческому шагу.

Это был первый марсианин, которого увидел мой брат. Скорее измученный, чем испуганный, он наблюдал за титаном, как тот уверенно и решительно вошел в воду и зашагал к судам. Но вот за дюнами показался второй, и еще дальше, над сверкающей гладью болота, висевшего, казалось, между небом и землей, глубоко уходя ногами в тинистый грунт, появился и третий марсианин. Все трое направились к морю как будто за тем, чтобы отрезать путь к бегству бес-

численным судам, стоявшим между Фульнессом и Нэзом. Как ни пыхтела, как ни напрягалась машина парохода, как ни вертелись его колеса, вздымая облака пены, он удалялся с ужасающей медленностью от этих зловеших фигур.

Взглянув на северо-запад, брат увидел, что гигантский полукруг судов уже стал редеть перед надвигающимся ужасом. Одно судно торопилось обойти другое, заворачивая в море и нарушая правильность полукруга. Пароходы свистели и выпускали столбы пара. Все паруса были подняты; по всем направлениям шныряли баркасы.

Брат был так поглощен видом этой картины, с мыслью о надвигающейся опасности, что совершенно не интересовался тем, что делается в море. Крутой поворот парохода, который он сделал, чтобы избежать столкновения, сбросил брата со стула, на котором он стоял. В то же время он услышал радостные возгласы, топот ног и крики «ура». Откуда-то издали слабо донеслось ответное «ура». Пароход накрепился, и брат упал плашмя на руки.

Он вскочил и посмотрел на штирборт. Не дальше как в ста ярдах от их беспомощно нырявшего в волнах суденышка он увидел железную гигантскую массу, летевшую на всех парах мимо них. Она неслась прямо к берегу, прорезывая воду, как плугом, и разбрасывая в обе стороны целые горы пены. Под напором этих волн пароходик то чуть не выскакивал из воды, нелепо хлопая своими лопастями в воздухе, то скатывался вниз и погружался в воду — выше ватерлинии.

Брата на миг ослепило целым водопадом брызг. Когда он снова мог видеть, железное чудовище уже пронеслось мимо и быстро приближалось к берегу. Видны были только его внушительная, закованная в броню надводная часть и две трубы, изрыгавшие тучи дыма и огненных искр. Это был торпедный монитор «Дитя грома», который со стремительной быстротой спешил на помощь флотилии.

Крепко уцепившись за борт, брат с трудом удерживался на ногах на качающейся палубе. Его взгляд, минуя мчавшегося к берегу Левиафана, перенесся дальше — в сторо-

ну марсиан. Все трое были теперь вместе. Они стояли так далеко в море, что их треножники были почти под водой. Наполовину погруженные в воду и на далеком расстоянии они казались совсем не такими страшными, как летевшее на них огромное железное чудовище, в кильватере которого так беспомощно болтался пароход.

Казалось, что марсиане с удивлением разглядывали нового врага. Быть может, этот закованный в сталь великан представлялся им достойным противником. Монитор не сделал ни одного выстрела, он только несся на них полным ходом. И, возможно, что именно потому, что он не стрелял, ему удалось подойти к ним так близко. Они не знали, что с ним делать. Один лишь выстрел с его стороны, и они пустили бы его ко дну своими тепловыми лучами.

«Дитя грома» несся с такой быстротой, что через минуту он был уже на полдороге между пароходом и марсианами, и его громадный черный корпус, резко выделявшийся на постепенно отступавшей горизонтальной линии Эссекского берега, продолжал быстро уменьшаться.

Но вот передний марсианин направил на него свою трубку и выпустил снаряд с черным газом. Снаряд скользнул по бакборту, разбился и выбросил вверх широкую чернильную струю, которая поползла в открытое море, быстро разветвляясь клубами черного дыма. Но монитор был уже далеко. Наблюдавшим его пассажирам парохода, глубоко сидевшего в воде, да к тому же принужденным смотреть прямо против солнца, казалось даже, что он уже возле марсиан.

Они видели, как три марсианина разделились и стали отступать к берегу. Один из них приподнял свою камеру с тепловым лучом. Он держал ее несколько наискось по направлению к монитору. И тотчас же столб пара взвился из воды, как только ее коснулся тепловой луч, он прошел сквозь стальную обшивку монитора, как раскаленный добела железный прут сквозь бумагу.

Огненная вспышка пронзила стоявший над водой столб пара. Марсианин дрогнул и зашатался. В следующий мо-

мент он тяжело грохнулся, и в воздухе закружилась огромная масса воды и клубы пара. С монитора гремели орудия, посылая залп за залпом. Один снаряд упал рядом с пароходом, отлетел рикошетом в сторону других судов, державших курс на север, и разнес в щепки рыбацкое судно.

Но на это никто не обратил внимания. При виде упавшего марсианина у стоявшего на мостике капитана вырвался бессвязный, пронзительный крик, и все столпившиеся на корме пассажиры подхватили его... И вдруг раздался другой крик. Из белого водоворота пара и кипящей воды вынырнула продолговатая черная масса и продолжала стремительно нестись вперед. Пламя поднималось из средней части его корпуса, а из вентиляторов и труб вырывался огонь. Монитор был еще жив. Штурвал, по-видимому, остался неповрежденным, и машина работала. Он приближался как раз ко второму марсианину и был в каких-нибудь ста ярдах от него, когда на сцену выступил второй тепловой луч. При оглушительном треске и ярких вспышках огня палуба монитора вместе с трубами взлетела на воздух. Взрыв был так силен, что марсианин покачнулся. Еще минута, — и пыляющие обломки в своем стремительном движении налетели на него и смяли, как карточный домик. Брат вскрикнул от восторга. Затем все скрылось в кипящем котле.

— Два! — торжествующе закричал капитан.

Все кричали и ликовали. Весь пароход от носа до кормы дрожал от диких криков радости. Ближайшие суда подхватывали их одно за другим, пока они не пронеслись по всей длинной веренице судов,двигающихся в открытое море.

Пар висел над водой еще несколько минут, совершенно скрывая третьего марсианина и берег. А в течение этого времени пароход энергично работал своими колесами, уходя все дальше от места боя. И когда наконец пар рассеялся, от берега поползло облако черного дыма, и невозможно было рассмотреть, осталось ли что-нибудь от монитора. Третьего марсианина тоже не было видно. Но зато совсем близко показались броненосцы, и скоро пароход оставил их за собой.

Маленький пароход потихоньку уходил в открытое море, и черные силуэты броненосцев все дальше отступали к берегу, скрытому за завесой тумана. Флотилия беглецов заметно таяла, исчезая за горизонтом на северо-востоке. Между пароходом и броненосцами плавало несколько парусных лодок. Но вот, немного не доходя оседающей стены пара, броненосцы неожиданно повернули на север, потом вдруг круто изменили курс и стали держать на юг, постепенно расплываясь в сгущающихся сумерках. Линия берега становилась все туманнее и наконец слилась с низкими облаками вокруг заходящего солнца.

И вдруг из золотистой мглы заката стали доноситься пушечные выстрелы и задвигались черные тени. На пароходе все пассажиры бросились к бортам и стали напряженно всматриваться. Но в золотистом зареве, слепившем глаза, ничего нельзя было различить. Над берегом ползли густые клубы черного дыма и застилали лик солнца. Пароход шел все дальше и дальше, а минуты тянулись бесконечно, в томительной неизвестности. Солнце село в облаках. Небо вспыхнуло и снова потемнело. Загорелась первая звезда. Сумерки сгустились, как вдруг капитан вскрикнул и показал рукой вверх. Брат напряг всю силу своего зрения. Из серой мглистой дали взвилось к небу что-то плоское, широкое и очень большое, пронеслось по кривой линии над облаками в западной стороне неба, освещенной отблеском заката, описало широкую дугу и, постепенно уменьшаясь, стало опускаться и скрылось наконец в таинственной мгле серой ночи. И как только оно пролетело, на землю спустилась тьма...

Часть II

ЗЕМЛЯ ПОД ВЛАСТЬЮ МАРСИАН

Глава 1

В ЗАПАДНЕ

В первой части, описывая переживания моего брата, я удалился в сторону от моих собственных приключений. Во время событий, рассказанных мною в двух последних главах, я и викарий находились в пустом доме в Галлифорде, куда мы спрятались, чтобы спастись от черного дыма. С этого места я и буду теперь продолжать.

Весь вечер воскресенья и весь следующий день — день лондонской паники — мы просидели в этом доме, отрезанные от остального мира. Оба эти безотрадные дня мы провели в мучительном бездействии и томительном ожидании.

Моя душа была полна тревоги за жену. Я представлял ее себе в Лизсерхеде среди опасностей, в смертельном страхе и уже оплакивающей меня как мертвого. Я метался по комнатам пустого дома и громко стонал при мысли, что я оторван от нее, рисуя в своем воображении картины того, что могло случиться с нею без меня. Правда, я знал, что мой кузен был не трус и что он стал бы мужественно защищать мою жену, если бы ей грозило что-нибудь, но он не был из числа тех людей, которые сразу умеют оценить и предотвратить опасность. А теперь нужна была именно предусмотрительность, а не храбрость. Одно, что меня успокаивало немного, это была надежда, что марсиане двигаются на Лондон, т. е. в противоположную сторону от Лизсерхеда.

Такие неопределенные страхи очень расстраивают нервы человека и делают его раздражительным. Меня выводили из себя нескончаемые причитания викария, а его эгоистическое отчаяние утомило меня. После нескольких

бесплодных попыток успокоить его я наконец махнул на него рукой и удалился в другую комнату, по-видимому, детскую классную, так как там были глобус, учебные книги и тетради. А когда через некоторое время он тоже явился туда, я убежал от него на чердак, в какую-то кладовую, и заперся там, чтобы остаться одному со своей грызущей тоской.

Весь этот день и все утро следующего дня черный дым держал нас в плену. В воскресенье вечером в соседнем с нами доме появились признаки жизни: в одном из окон промелькнуло чье-то лицо, двигался свет, а позднее послышался стук двери. Но я не знаю, что это были за люди и что с ними случилось. На следующий день мы уже никого больше не видели. Все утро понедельника черный дым медленно полз к реке, подбираясь к нам все ближе и ближе, и наконец потянулся вдоль дороги за нашим домом.

Около полудня вдали показался марсианин, быстро шагавший по полям. Он уничтожал черный дым струями горячего пара, который шипел, прикасаясь к стенам, и в окнах лопались стекла, когда он на них попадал, а викарию даже обварило руку, когда он спасался от него в заднюю комнату. После того мы осторожно пробрались в передние комнаты, еще мокрые от осевшего пара, и выглянули в окно. Вся местность к северу от нас имела такой вид, как будто по ней прошел черный ураган. Взглянув в сторону реки, мы с удивлением заметили, что почерневшие и словно обгоревшие луга отливают почему-то красным цветом.

Долгое время мы не могли уяснить себе, улучшила ли эта перемена наше положение. Мы поняли только, что черного дыма нам теперь бояться нечего. Но позднее я сообразил, что наш плен кончился и что мы можем продолжать наше бегство. И, как только я это понял, ко мне вернулись способность и желание действовать. Но викарий был в каком-то оцепенении, и его нельзя было убедить никакими доводами.

— Мы ведь здесь в безопасности, — повторял он, — в абсолютной безопасности!

Я решил оставить его одного. Если бы я это сделал! Умудренный опытом моего недавнего странствования с артиллеристом, я позаботился запастись в дорогу питьем и едой. Кроме того, я захватил оливковое масло и полотно для перевязок, так как мои ожоги на руках все еще не прошли, а также взял шляпу и фланелевую рубашку, которые я нашел в одной из спален.

Когда викарий сообразил, что я собираюсь идти один, что я вполне примирился с мыслью быть одному, он вдруг тоже начал собираться и решил сопровождать меня. И так как снаружи все было спокойно, то около пяти часов вечера, как я полагаю, мы вышли на почерневшую дорогу в сторону Сенбюри.

В Сенбюри и по дороге лежали трупы людей и лошадей в неестественных позах, а также опрокинутые повозки и сундуки, покрытые толстым слоем черной пыли. Эти слои пепла, лежавшие на всем, напомнили мне, что я читал о разрушении Помпеи. Без дальнейших приключений добрались мы до Гэмптон-Корта, находясь все-таки под гнетущим впечатлением страшных картин, которые мы видели.

В Гэмптон-Корте глаза наши немного отдохнули на клочке свежей зелени, которую пощадил пронесшийся удручающий вихрь. Мы прошли весь Буши-Парк и видели оленей, гуляющих на свободе под каштанами, а вдали несколько мужчин и женщин, быстро идущих в сторону Гэмптона. Это были первые люди, которых мы видели. Итак, мы дошли до Твикенгэма.

За дорогой у Гама и у Петергэма все еще горели леса. Твикенгэм уцелел: ни черный дым, ни тепловой луч не коснулись его. Здесь мы уже встретили довольно много народу, но никто не мог сообщить нам ничего нового. Все они в большинстве случаев находились в таком же положении, как и мы, и так же, как и мы, решили использовать временное затишье, чтобы бежать дальше.

У меня создалось такое впечатление, что во многих домах прятались люди, настолько напуганные, что у них не хватало духу бежать. Здесь тоже по всей дороге были следы

панического бегства. Мне живо припоминаются три велосипеда, лежавшие кучей один на другом и совершенно исковерканные колесами проезжавших экипажей.

Около половины девятого мы подошли к Ричмондскому мосту. Само собой разумеется, что мы постарались пройти его как можно скорее, чтобы не быть долго на виду, но все же я успел заметить, что на расстоянии нескольких футов от меня на поверхности реки плавали огромные массы чего-то красного. У меня не было времени рассмотреть, что это такое, и объяснение, которое я дал этому, было тогда гораздо страшнее действительности. На Суррейском берегу мы снова увидели черную пыль, которая была когда-то черным дымом, а также трупы, целую грудку их у входа на вокзал, но марсиан мы так и не видели почти до самого Барнса.

В потемневшей дали мы увидели группу из трех человек, бежавших по боковой дороге к реке. Но, за исключением этой встречи, кругом никого не было видно. Впереди на покато́й возвышенности ярким пламенем горел Ричмонд, но вокруг города не было никаких следов черного дыма.

Вдруг, когда мы уже подходили к Кью, нам навстречу попались бежавшие люди, а в каких-нибудь ста ярдах от нас, над крышами домов показалась верхняя часть боевой машины марсиан. Мы замерли от ужаса. Ведь стоило только марсианам взглянуть вниз — и мы погибли бы безвозвратно! На нас напал такой ужас, что мы не решились идти дальше и, свернув с дороги, спрятались в сарае, в каком-то саду. Тихонько ворча про себя, викарий забился в угол и решительно отказывался двинуться с места.

Но мысль добраться до Лизсерхеда крепко засела у меня в голове. Она не давала мне покоя, и, как только начало смеркаться, я решил идти дальше. Я начал пробираться сначала через кустарник, а потом через проход, огибавший какой-то большой барский дом, и вышел на дорогу к Кью. Викария я оставил в сарае, но вскоре услышал, что он то-ропливо догоняет меня.

Пускаться в это второе путешествие было величайшей глупостью с моей стороны, так как было ясно, что марсиане

совсем близко около нас. Едва только успел викарий поравняться со мною, как вдали, за лугами, мы увидели опять боевую машину марсиан, — ту ли самую, которую мы видели перед тем, или другую, не знаю! Четыре или пять маленьких черных фигурок бежали перед марсианином через серовато-зеленую площадь поля, и я сразу понял, что он их преследует. В три шага он был среди них, и они бросились врассыпную. Он не пользовался тепловым лучом, чтобы уничтожить их, но хватал их одного за другим и бросал, как мне показалось, в большой металлический ящик, висевший у него за спиной, точно корзина с инструментами у рабочего.

Здесь впервые я убедился, что марсиане имели в виду не только истребление побежденного человечества, но преследовали и другие цели. На мгновение мы окаменели от ужаса, потом повернулись и вбежали через ворота в какой-то сад, обнесенный стеной. Мы спрятались в канаву, очень кстати оказавшуюся поблизости, в которую мы скорее упали, чем спустились. Мы пролежали там, пока в небе не зажглись звезды, еле рискуя перекинуться словом, да и то тихим шепотом.

Было, я думаю, около одиннадцати часов ночи, когда мы наконец набрались храбрости, чтобы снова двинуться в путь. Но теперь мы уже не отважились идти по дороге, а пробирались ползком вдоль изгородей и под прикрытием деревьев, зорко всматриваясь в темноту, — викарий с правой, а я с левой стороны, — не покажутся ли где-нибудь марсиане, которые, как нам казалось, ходили вокруг нас.

В одном месте мы наткнулись на довольно большую площадь, выжженную, почерневшую и покрытую еще не совсем остывшей золой. Здесь было много страшно изуродованных человеческих трупов, у которых совершенно обгорели туловище и голова, а ноги и сапоги у большинства были целы. Дальше лежали трупы лошадей, а футах в пятидесяти от них осколки разорвавшихся пушек и лафетов.

Местечко Шин, по-видимому, не пострадало, но и там все было мертво и пусто. Трупов мы не видали, но ночь была так темна, что невозможно было рассмотреть, что дела-

ется в боковых улицах местечка. В Шине мой спутник стал вдруг жаловаться на слабость и на жажду, и мы решили постараться проникнуть в какой-нибудь дом.

Первый дом, в который мы вошли, не без затруднений — через окно, была маленькая дача, стоявшая отдельно от других. Но в целом доме мы не нашли ничего съестного, кроме заплесневелого сыра. Но зато там оказалась вода, годная для питья, которой мы утолили нашу жажду, и я захватил еще топор, который мог нам пригодиться, чтобы проникнуть в следующий дом.

Через некоторое время мы подошли к тому месту, где улица сворачивает к Мортлэку. Здесь, в саду, обнесенном оградой, стоял белый дом. В кладовой этого дома мы нашли провизию — два карава хлеба, большой кусок сырой говядины и пол-окорока ветчины. Я потому привожу такой подробный список найденных припасов, что нам пришлось довольствоваться этими запасами ближайšie две недели. На полке стояло несколько бутылок пива, а также два мешка зеленых бобов и несколько пучков завядшего салата. Над кладовой находилось нечто вроде умывальной комнаты, в углу которой лежали дрова, а в шкафу с посудой мы нашли около полудюжины бутылок бургонского, консервы лососины и супа и две жестянки галет.

Мы попали в кухню, и в темноте, так как мы не рисковали зажечь свет, поели хлеба с ветчиной и выпили бутылку пива. На этот раз викарий, как это ни странно, все торопил меня идти дальше и не задерживаться здесь. Я же уговаривал его подкрепиться пищей на дорогу, но тут и случилось то происшествие, благодаря которому мы попали в западню.

— Еще нет двенадцати часов, — начал я. Но не успел я договорить, как нас вдруг ослепило ярко-зеленой молнией, и все предметы, бывшие в кухне, как будто выскочили из темноты и сейчас же снова скрылись. Затем последовал страшный толчок, которого я никогда не испытывал еще ни до того, ни после того. Непосредственно затем, так что это казалось почти одновременно, за спиной у меня раздался оглушительный удар. Послышался звон падающих стекол,

с грохотом посыпались кирпичи, и с потолка, прямо нам на голову, упала штукатурка и разлетелась на тысячу кусков. Меня отбросило на пол. Я ударился головой об печку и лишился чувств. Викарий мне говорил потом, что я был долгое время без сознания. Когда я наконец пришел в себя, то увидел своего спутника, который стоял надо мной и брызгал мне в лицо водой. Позднее я рассмотрел, что все лицо его было залито кровью от ран на лбу.

Некоторое время я не мог сообразить, что случилось. Наконец мало-помалу я припомнил все, да и боль в виске давала себя чувствовать.

— Ну, что, лучше вам теперь? — спрашивал шепотом викарий.

Я приподнялся и сел.

— Не шевелитесь, — сказал он. — Пол усеян осколками посуды, упавшей из этого шкафа. Вы не можете двинуться, не произведя шума, а они, кажется, тут за стеной.

Мы сидели так тихо, что было слышно наше дыхание. Кругом была мертвая тишина. Только раз где-то около нас скатилась на пол штукатурка или обломок кирпича с довольно сильным шумом. Снаружи, совсем близко, доносился непрерывный звон металла.

— Слышите? — шепнул мне викарий.

— Да, — сказал я. — Но что это такое?

— Там марсианин, — ответил викарий.

Я снова прислушался.

— Это не было похоже на тепловой луч, — сказал я. На минуту у меня мелькнуло подозрение, что на наш дом налетела их боевая машина, как это случилось с церковной колокольней в Шеппертоне.

Наше положение было так необычайно и так непонятно, что мы три или четыре часа до рассвета просидели, не двигаясь, боясь что-нибудь предпринимать. Но вот забрезжил свет, не через окно, а через треугольное отверстие, образовавшееся между балкой потолка и стеной, из которой вылетел кусок кирпича. Первый раз при сером свете начавшегося утра мы могли рассмотреть внутренность кухни.

Окно было доверху завалено землей, лежавшей на столе, около которого мы сидели, и на полу у наших ног. Землей, очевидно, завалило весь дом. У верхнего косяка окна торчала вывороченная водосточная труба. Пол был усеян обломками всякого рода. Пролом образовался во внутренней кухонной стене и, так как оттуда проходил дневной свет, то было ясно, что большая часть дома обвалилась. Резким контрастом в этой картине разрушения выделялись хорошенький шкафчик, выкрашенный модной бледно-зеленой краской и уставленный медной и жестяной посудой, белые с голубым обои «под изразцы» и картины, развешанные по стенам.

Когда рассвело, мы сквозь трещину в стене увидели треножник марсианина, стоявшего, как я предполагал, на часах у еще неостывшего цилиндра. Увидев эту фигуру, мы со всей осторожностью, на которую только были способны, перебрались ползком из полутемной кухни в темную комнату.

Совершенно неожиданно в моей голове промелькнула догадка, объяснявшая ночное происшествие.

— Пятый цилиндр! — прошептал я. — Пятый снаряд с Марса, попавший в этот дом и похоронивший нас под его развалинами.

Я слышал, как викарий тихонько заплакал про себя, бормоча что-то непонятное.

Не считая этих тихих всхлипываний, в комнате, в которой мы лежали, была мертвая тишина. Я, по крайней мере, едва смел дышать и не сводил глаз со светлой полосы, пробивавшейся из-под кухонной двери. Передо мною из темноты выделялось бледным овальным пятном лицо викария, его воротник и манжеты.

Снаружи, за стеной, послышался стук, как будто кто-то стучал молотком по металлу, и потом — оглушительный вой. После этого все снова стихло, и потом опять послышался свист, похожий на свист машины. Все эти загадочные звуки продолжались почти без перерыва, все время, и казалось, что количество их все росло и шум усиливался.

Теперь стали раздаваться тяжелые размеренные удары, от которых задрожали пол и стены. От сотрясения в шкафчике зазвенела и запрыгала посуда. Это продолжалось довольно долго. Наконец светлая полоска над дверью вдруг пропала, и наступил полный мрак. Много часов просидели мы таким образом, боясь обменяться словом, скорчившись и дрожа, пока наконец наше утомленное внимание не ослабело и не сменилось сном...

Когда я проснулся, я почувствовал, что мне страшно хочется есть. Я думаю, что мы проспали большую часть дня. Мой голод так настоятельно требовал удовлетворения, что я решился действовать. Я сказал викарию, что пойду разыскивать себе еду, и стал ощупью пробираться в кладовую. Он ничего не ответил мне, но когда услышал, что я ем, очнулся от своего оцепенения и пополз ко мне.

Глава 2

ЧТО МЫ ВИДЕЛИ ИЗ-ПОД РАЗВАЛИН ДОМА

Поев, мы вернулись опять в умывальную комнату. Там я, должно быть, снова заснул, потому что, когда я проснулся, я был один. Тяжелый грохот, от которого трясся весь дом, продолжался с утомительной настойчивостью. Несколько раз я шепотом позвал викария и наконец стал пробираться ощупью к кухонной двери.

На дворе еще был день, и я заметил моего спутника в противоположном углу кухни. Он лежал на полу и смотрел в треугольную трещину в стене, обращенной к марсианам. Головы его не было видно из-за приподнятых плеч.

Из-за стены доносился грохот, точно из механической мастерской, и пол трясся от сильных ударов. Через отверстие в стене была видна верхушка дерева, позолоченная закатом, и синий клочок тихого вечернего неба. Я простоял минуту, наблюдая за викарием, а потом, согнувшись и осто-

рожно ступая между черепками, устилавшими пол, тихонько подошел к нему.

Я тронул викария за ногу, и он так сильно вздрогнул, что от стены снаружи отвалился большой кусок штукатурки и упал с громким стуком на землю. Боясь, что он закричит, я схватил его за руку, и долгое время мы сидели неподвижно друг около друга. Затем я обернулся, чтобы посмотреть, что осталось от нашей тюрьмы.

В том месте, где обвалилась штукатурка, образовалась сквозная вертикальная щель. Осторожно приподнявшись на носках, я перегнулся через балку, чтобы взглянуть, что представляет собою тихая улица предместья, на которой стоял дом. Перемена была действительно поразительная!

Пятый цилиндр упал, должно быть, прямо в середину того дома, в который мы заходили сначала. Здание исчезло. Оно было совершенно уничтожено тяжестью упавшего на него цилиндра. Цилиндр лежал гораздо ниже фундамента, в глубокой яме, много больше той, в которую я заглядывал в Уокинге. Земля вокруг была разбрызгана — разбрызгана, говорю я, потому, что это единственное подходящее выражение, — и лежала такими громадными кучами, что из-за них не было видно соседних домов.

Наш дом осел назад. Его передняя часть, даже весь нижний этаж были совершенно разрушены. Благодаря счастливому случаю кухня и умывальная комната уцелели, но они были погребены под развалинами и засыпаны землей со всех сторон, кроме той, которая была обращена к цилиндру. Мы висели над самым краем глубокой ямы, над расширением которой усиленно работали теперь марсиане. Громкий, размеренный грохот раздавался непосредственно около нас, и по временам нашу щель застилало клубами светящегося зеленоватого пара.

В центре ямы лежал уже открытый цилиндр, а на противоположном конце ее, среди расщепленных, засыпанных гравием кустов, стояла боевая машина марсиан. Покинутый своим машинистом, гигант выделялся огромной, неподвижной массой на фоне вечернего неба. В первый мо-

мент я почти не заметил ни ямы, ни цилиндра, хотя было бы правильнее начать с них мое описание. Все мое внимание было привлечено необыкновенной машиной, находящейся в действии, и странными существами, которые медленно и с усилием ползали по кучам земли.

Больше всего меня заинтересовал механизм этой машины. Он представлял собою один из тех сложных механизмов, называемых с тех пор «рабочей машиной», изучение которых дало новый материал в области изобретений. На первый взгляд эта машина имела вид металлического паука с пятью суставчатыми, очень подвижными ножками с бесчисленным количеством соединенных между собою рычагов и перекладин, и с вытягивающимися и хватающими щупальцами, напоминающими руки. Большая часть этих рук была теперь вытянута, и только тремя щупальцами машина выживала из цилиндра брус, доску и перекладину, служившие, по-видимому, материалом для его крышки и подпорками для его стенок. Все эти предметы вынимались и складывались на ровном месте за цилиндром.

Движения эти были так быстры и так сложны, что мне не верилось, что передо мною машина, несмотря на ее металлический блеск. Боевые машины марсиан тоже поражают совершенством своего устройства, но они ничто в сравнении с этой. Люди, никогда не видавшие этого сооружения и составившие себе понятие о нем лишь по фантастическим наброскам наших художников или по весьма несовершенным описаниям таких очевидцев, как я, не могут иметь представления о всей одухотворенности такой машины.

Мне припоминается иллюстрация какого-то художника к одному из первых отчетов о войне. Очевидно, он бегло просмотрел описание боевых машин марсиан, и этим ограничились его сведения. Он изобразил боевую машину в виде каких-то ходуль из трех прямых жердей, лишенных гибкости и отличающихся однообразием движений, совершенно не отвечающим действительности. Памфлет с этим рисунком был очень распространен, и я затем только упоминаю о нем, чтобы предостеречь читателей, могущих со-

ставить себе ошибочное представление. Рисунок этот был так же похож на марсиан, которых я видел в действии, как голландская кукла — на человека. По-моему, памфлет без рисунка имел бы гораздо больше смысла.

Вначале, как я уже говорил, «машина-рабочий» произвела на меня впечатление какого-то крабообразного существа с блестящей, покрытой кожей спинкой. Марсианин, сидящий в ней, нежные щупальца которого управляли ее движениями, исполнял те функции, которые исполняет мозг у краба. Но потом я заметил сходство этой серовато-коричневой, лоснящейся, похожей на кожу поверхности с кожей странных существ, ползавших вокруг ямы, и мне стал понятен истинный характер этой искусной машины. После этого весь мой интерес сосредоточился на тех других существах — на действительных марсианах. Я уже имел некоторое представление о них, и чувство гадливости, которое они возбуждали во мне с первого взгляда, теперь уже не мешало мне наблюдать. Кроме того, я был хорошо скрыт от их взоров, и у меня не было непосредственных оснований бояться.

Марсиане, как я теперь хорошо мог рассмотреть, были самые сверхъестественные существа, которые только можно было себе представить. У них было огромное круглое тело или, вернее сказать, голова фута четыре в диаметре. Каждый из них имел спереди лицо без всяких признаков ноздрей, — по-видимому, они совершенно были лишены обоняния, но с двумя огромными темными глазами, и под ними мясистый нарост в виде клюва. Позади этой головы или тела — уж не знаю, как это назвать! — находилась туго натянутая барабанная перепонка, служащая ухом, как показало потом анатомическое исследование, но оказавшаяся, по всей вероятности, почти бесполезной в нашем более сгущенном воздухе.

Вокруг рта висели шестнадцать тонких, гибких, как плети, щупальцев, расположенных двумя пучками, по восьми в каждом. Впоследствии известный анатом, профессор Гайз, дал этим щупальцам весьма удачное определение, назвав их руками. Еще когда я в первый раз видел марсиан,

мне казалось, что они старались приподняться на этих руках, но не могли вследствие увеличения веса их тела в земной атмосфере. Есть основание предполагать, что на Марсе они могут легко передвигаться на руках.

Внутреннее строение их тела, как показало вскрытие, произведенное впоследствии, было так же просто. Главное место занимал мозг, от которого шли толстые разветвления нервов к глазам, ушам и к органам осязания — щупальцам. Затем легкие, куда открывался рот, и сердце с кровеносными сосудами. Затрудненность их дыхания, вследствие более сгущенной атмосферы и большей силы притяжения на Земле, сказывалось в конвульсивных движениях кожи.

Этим оканчивается перечисление органов, имеющих у марсиан. Как ни странно это может показаться нам, но сложный пищеварительный аппарат, составляющий главную составную часть человеческого тела, отсутствовал у них совершенно. У них была голова — только голова! Внутренностей у них не было. Они не ели, а, следовательно, им нечего было переваривать. Пищу им заменяла свежая кровь другого живого существа, которую они вводили себе в жилы.

Я сам видел, как это происходило, и расскажу об этом впоследствии. Но пусть я покажусь слабонервным, я все же не в состоянии подробно описывать то, на что я даже смотреть не мог без содрогания. Достаточно сказать, что кровь от живого существа, в большинстве случаев — от человека, вливалась с помощью маленькой пипетки прямо в приемный канал марсианина.

Одна мысль об этом кажется нам ужасной и отталкивающей, но мы не должны забывать, что, пожалуй, и наши плотоядные привычки показались бы омерзительными какому-нибудь кролику, если бы он одарен был разумом.

Физиологические преимущества таких впрыскиваний несомненны, если вспомнить, какая масса времени и энергии уходит у человека на еду и на пищеварительный процесс. Человеческое тело наполовину состоит из желез, каналов и органов, служащих для переработки пищи в кровь.

Пищеварительный процесс, в зависимости от того, как он протекает, действует хорошо или дурно на нашу нервную систему и влияет на наш ум. Настроение человека зависит от того, здоровая или больная у него печень и хорошо или вяло работает кишечник. Марсиане же, благодаря своему органическому устройству, свободны от всяких колебаний настроения и чувств.

Их бесспорное предпочтение людям, как источникам питания, подтверждается трупами тех жертв, которых они взяли с собой с Марса. Насколько можно судить по тем обескровленным жертвам, которые попали потом в человеческие руки, это были существа двуногие с хрупким, ноздреватым скелетом и слабой мускулатурой. Они были шести футов ростом, с круглой, прямо посаженной головой и большими глазами в твердых впадинах.

В каждом цилиндре было, по-видимому, по два или три таких существа, и все они были убиты, прежде чем марсиане достигли Земли. Но им это было безразлично, так как при первой же попытке стать на ноги на нашей планете у них все равно переломались бы все кости.

Здесь я хочу прибавить еще несколько подробностей о физиологическом устройстве марсиан; хотя они не были известны нам в то время, но это даст возможность читателю, не знакомому с жизнью марсиан, составить себе более точное представление об этих страшных существах.

Их физиологическое устройство отличалось от нашего еще в трех отношениях. Они не спали, как не спит сердце у человека. Благодаря тому, что у них не было мышечного механизма и они не расходовали мышечной силы, они и не нуждались в ее восстановлении. Они почти или даже совсем не знали чувства усталости. На Земле они не могли сделать ни одного движения без усилий, и все же они не отдыхали ни минуты до самого конца. Они работали по двадцать четыре часа в сутки. На Земле так работают разве только одни муравьи!

Вторая отличительная черта марсиан, как ни невероятно это может показаться миру, где такую роль играет половая

жизнь, заключалась в том, что они были существа абсолютно бесполое и потому не знали бурных страстей, порождаемых различием полов. Теперь это уже установленный факт, что во время пребывания марсиан на Земле появился маленький марсианин. Он был прикреплен к своему родителю вроде того, как бутон лилии прикреплен к ветке или речной полип к своему родителю.

На Земле ни у людей, ни у более организованных животных этот способ размножения не имеет места. Но несомненно, это был первоначальный способ и на Земле. У низших животных, вплоть до ближайших родичей позвоночных, существовали оба способа, но в конце концов половой способ вытеснил другой. На Марсе же, по-видимому, произошел обратный процесс.

Любопытно вспомнить, как один писатель-философ, с довольно, впрочем, сомнительной ученой репутацией, писавший задолго до появления марсиан, говоря о физиологическом устройстве человека в его окончательной стадии, описывал его приблизительно таким, как у марсиан. Его статья появилась, если я не ошибаюсь, в ноябре или в декабре 1893 года в давно уже переставшей существовать «Pall-Mall-Gazette», а потом в «Punch», юмористическом журнале, тоже домарсианского периода, появилась карикатура на эту статью.

В статье в полушутливом тоне говорилось, что с усовершенствованием механических приспособлений человеку не нужны будут члены его тела, а с успехами химии упразднится пищеварительный процесс, что такие органы, как зубы, волосы, наружная часть носа, уши и подбородок, переставшие быть существенно важными для организма, будут неизменно уменьшаться и с течением времени постепенно атрофируются под воздействием естественного отбора. Останется один только мозг. Кроме мозга, еще одна часть тела будет иметь право на существование, — это рука, «учитель и агент мозга». По мере атрофирования тела руки будут развиваться.

В этих словах, сказанных в шутку, было много правды, и на марсианах мы видели бесспорный пример уничтожения жи-

вотных функций организма преобладающим развитием мозга. Я считаю вполне вероятным, что прародители марсиан сильно приближались к человеку и что путем постепенного развития, за счет остального тела, мозга и рук (переродившихся наконец в расположенные двумя пучками тонкие шупальца), они превратились в те существа, какими мы их видели. При полном отсутствии тела мозг, следовательно, сделался бы более самодовлеющим интеллектом, без всякой эмоциональной подкладки, свойственной человеческому существу.

Третье различие марсиан от нас заключается в следующем: микроорганизмы, порождающие на Земле такую массу болезней и страданий, или никогда не существовали на Марсе, или санитарная наука марсиан сумела уничтожить их целые века тому назад. Все те бесчисленные инфекционные болезни: тиф, чахотка, злокачественные опухоли и т. д., отравляющие земное существование, не нарушают правильного течения жизни марсиан.

Говоря о различиях жизни на Марсе и на Земле, я должен упомянуть об одном любопытном явлении, о «красной траве».

Преобладающим цветом растительного царства на Марсе является, по-видимому, не зеленый, как у нас, а кроваво-красный цвет. Во всяком случае, семена, которые марсиане, намеренно или случайно, завезли с собою на Землю, давали все, без исключения, красные ростки. Но из всех этих растений только одно, получившее название «красная трава», привилось на Земле.

Другое красное растение, ползучее, продержалось у нас очень недолго, и лишь немногие видели его. Некоторое время оно разрослось с поразительной пышностью и силой, покрыло всю внутренность ямы на третий или четвертый день нашего заточения, и ее сочные кактусообразные побеги обрамляли каймой наше треугольное окошечко в стене. Позднее оно разрослось по всей окружающей местности и в особенности там, где была проточная вода.

У марсиан имелось то, что можно было бы назвать слуховым органом, в виде одной круглой барабанной перепон-

ки, находящейся на задней стороне их туловища — головы. Глаза их имели то же строение, что наши, с той только разницей, по утверждению Филипса, что синий и фиолетовый цвета им казались черными.

Высказывалось предположение, что марсиане общались друг с другом посредством определенных звуков и движениями щупальцев. Это говорилось, между прочим, в одной талантливо, но несколько поверхностно составленной статье, на которую я уже ссылался и которая до сих пор была главным источником сведений о марсианах. Автор ее, несомненно, не видел марсиан. Из всех, оставшихся в живых, никто не видел их так близко и не наблюдал их так подолгу, как я. Я отнюдь не ставлю себе в заслугу того, что было лишь случайной случайностью, а просто констатирую факт.

Я имел возможность наблюдать их целыми часами, видел, как они вчетвером, впятером, а раз даже вшестером исполняли самые сложные, самые трудные работы, не обмениваясь ни единым звуком, ни единым жестом. Их своеобразное завывание всегда предшествовало процессу питания. В нем не было никаких модуляций, и оно не имело значения сигнала. Это было просто выдыхание воздуха, так сказать — подготовительная операция, облегчающая всасывание крови в приемный канал. Я имею некоторые притязания на хотя бы элементарные познания о психологии, и я твердо убежден, как только можно быть убежденным в чем-нибудь, что марсиане обменивались друг с другом мыслями без помощи каких-либо звуков и жестов. Я убедился в этом, несмотря на мои предвзятые идеи, так как до нашего пришествия марсиан, — как это, может быть, припомнят читатели, которым случалось просматривать мои статьи, — я писал, и даже очень горячо, против телепатической теории.

Марсиане не носили одежды. Их понятия об украшениях и приличии естественно расходились с нашими. И не только они были менее чувствительны к переменам температуры, но даже изменение атмосферного давления не отражалось сколько-нибудь серьезно на состоянии их здоровья. Но хотя марсиане и не носили одежды, зато во всем другом, где мож-

но было искусственно пополнить свои физические ресурсы, они далеко превосходили людей. Мы, с нашими велосипедами, коньками, с нашими лилиенталевскими летательными аппаратами, пушками, ружьями и так далее, только начинаем ту эволюцию, которую марсиане уже проделали. Они представляли собою один сплошной мозг, облеченный в различные тела, соответствующие их потребностям, совершенно так, как человек надевает платье, садится на велосипед, когда он спешит, или берет зонтик, когда идет дождь.

Во всех механических приспособлениях марсиан поражала одна интересная особенность. В них совершенно отсутствовало то, что составляет главную часть почти всех механизмов, изобретенных людьми, — отсутствовало колесо. В вещах, занесенных ими на Землю, не было даже намека на применение принципа колеса. А ведь, казалось, оно должно было бы применяться, хотя бы для целей передвижения!

По этому поводу любопытно отметить тот факт, что и на Земле мы нигде не встречаем в природе идеи колеса. Природа предпочитает достигать движения другими способами. Быть может, принцип колеса был неизвестен марсианам, что, впрочем, маловероятно, но, во всяком случае, что они воздерживались от его применения. Их механические аппараты поражают почти полным отсутствием даже неподвижных или относительно неподвижных осей, ограничивающих круговое движение одною плоскостью. Почти все соединения в их машинах представляли сложную систему скользящих частей,двигающихся по маленьким, великолепно отполированным подшипникам. Перечисляя все эти подробности, я хочу упомянуть еще об одной: длинные рычаги их машин в большинстве случаев приводились в движение системой металлических дисков в эластичном футляре, представляющей остроумное подражание системе живых мышц. Когда через эти диски пропускался электрический ток, они поляризовались и взаимно притягивались со значительной силой. Этим способом и достигалось то сходство с движениями живого существа, которое так поражало и пугало всех, видевших марсиан в действии.

Особенным обилием искусственных мышц отличалась та крабообразная машина, которая работала по разгрузке цилиндра, как раз в тот момент, когда я в первый раз заглянул в трещину в стене. Эта машина несравненно больше походила на живое существо, чем сами марсиане, которые, лежа в лучах заходящего солнца, задыхались, еле шевеля своими ослабевшими щупальцами, после своего долгого путешествия в мировом пространстве.

В то время как я наблюдал в трещину их вялые движения, отмечая каждую интересную для меня подробность, викарий напомнил мне о своем присутствии, дернув меня за руку. Я оглянулся и увидел его сердитое лицо и красноречиво сжатые губы. Ему тоже хотелось посмотреть, а так как щель была маленькая, то смотреть в нее можно было только одному. Я уступил ему свое место. Свои наблюдения мне пришлось отложить на некоторое время и ждать, пока он воспользуется своим правом.

Когда я снова занял место у трещины, «рабочий-машина» уже сложил отдельные части, вынутые из цилиндра, в аппарат, представлявший несомненное подобие его самого. А немного ниже, левее, я увидел небольшую машину для копания земли. Она выбрасывала кверху столбы зеленого пара и, быстро двигаясь вокруг ямы, методично и планомерно расширяла ее, складывая вырытую землю по ее краям. Эта-то машина и производила тот непрерывный грохот вперемежку с ритмическими ударами, от которых сотрясалось наше убежище. Во время работы машина непрерывно гудела и свистела. Насколько я мог заметить, в ней не было марсианина, и машина работала самостоятельно.

Глава 3

ДНИ ПЛЕНА

Появление второй боевой машины заставило нас бросить наш наблюдательный пост и спрятаться в умывальную комнату, так как мы боялись, что марсианин со сво-

его возвышения увидит нас в нашей засаде. Однако спустя некоторое время наш страх прошел, и мы сообразили, что в ослепительном блеске солнца наше окошко должно было казаться снаружи темным пятном. Но вначале нам достаточно было увидеть машину марсиан, как мы с бьющимся сердцем бросались назад в умывальную комнату.

Все же, несмотря на все опасности, угрожавшие нам, мы не могли противиться искушению посмотреть в трещину. И теперь, вспоминая те дни, я удивляюсь, как могли мы, несмотря на весь ужас нашего положения, — смерти от голода, с одной стороны, и мучительной смерти — с другой, ради печальной привилегии смотреть, наперегонки бежать через кухню, толкаясь кулаками в то время, когда нам грозила опасность быть открытыми.

К сожалению, мы были людьми разного склада, разного образа мыслей и действия; заключение и опасность резко выявили это различие. Еще только в Галлифорде я возненавидел священника за его нытье и тупое упрямство. Его бесконечные невнятные монологи мешали мне сосредоточиться и доводили меня, и без того крайне возбужденного пленом, почти до сумасшествия. Он был неспособен принудить себя к чему-нибудь. Он мог плакать часами, и мне кажется, что этот баловень судьбы серьезно воображал, что его жалкие слезы могли чем-нибудь помочь.

Я же, сидя впотьмах, прилагал все усилия, чтобы забыть о его присутствии, и не мог, так как он назойливо напоминал о себе. Он ел гораздо больше меня, и было безнадежно доказывать ему, что единственный наш шанс на спасение — это оставаться в доме и ждать, пока марсиане покончат со своими работами в яме, и что в этот — очень, возможно, долгий — промежуток ожидания может наступить время, когда нам нечего будет есть. Он ел и пил, когда ему хотелось, не стесняя себя нисколько. Спал он мало.

Время шло, а с ним росли его беспечность и нежелание считаться с обстоятельствами. В конце концов это грозило большой опасностью, и мне пришлось, как бы мне ни было тяжело, прибегнуть к угрозам, и, наконец, даже — к побо-

ям. На какое-то время это образумило его. Но он был одной из тех натур, полных лицемерия, которые обманывали бога, людей и сами себя. Дряблая, трусливая, себялюбивая душонка! Мне неприятно вспоминать и тем более писать об этих вещах, но я обязан быть последовательным в своем рассказе. Те, кто не сталкивался с темными и страшными сторонами жизни, легко осудят меня за мою жестокость, мою вспышку гнева, которым закончилась наша трагедия. Конечно, эти люди умеют отличать добро от зла, но они не знают, на что способен человек, доведенный до отчаяния. Однако те, кто спускался на дно жизни, до самых ее пределов, поймут и пожалеют меня.

И вот, сидя в темноте, в стенах дома, споря друг с другом, пререкаясь громким шепотом, вырывая друг у друга еду и питье, мы обменивались ударами, а снаружи в яме, при беспощадном солнечном свете тех июньских дней, протекала непонятная для нас жизнь марсиан.

Я расскажу о том, что было моим новым впечатлением. После долгого перерыва я снова подошел к трещине в стене и увидел, что марсиане получили подкрепление в количестве трех боевых машин. Они принесли с собой какие-то новые аппараты, которые были расставлены в известном порядке вокруг цилиндра. Вторая «рабочий-машина» была уже готова и обслуживала теперь один из новых аппаратов, доставленных боевыми машинами. Новый аппарат в общих чертах напоминал своей формой жбан для молока, и над ним был укреплен качающийся приемник грушевидной формы, из которого непрерывно сыпался какой-то белый порошок в подставленный для этого круглый чан.

Качающееся движение приемника производилось одной из рук «рабочего-машины». Двумя другими лопатообразными руками она копала глину и бросала ее большими комками в грушевидный приемник, в то время как другой рукой она открывала, через определенные промежутки, дверцу, вделанную в корпусе машины, и выбрасывала оттуда почерневший, перегоревший кирпич. Своей пятой стальной рукой она прогоняла белый порошок из чана по зубчато-

му каналу в третий приемник, которого мне не было видно из-за облака синеватой пыли. Из этого невидимого приемника тянулась кверху в тихом воздухе тонкая струйка зеленого дыма.

Пока я смотрел, «рабочий-машина» выдернула из себя с тихим музыкальным звоном — наподобие того, как выдвигается подзорная труба, — еще одну руку, которая казалась мне перед тем простой выпуклостью на ее теле. Рука вытянулась и скрылась за кучей глины. Через секунду она поднялась, держа длинную полосу блестящего алюминия, и осторожно приставила ее к куче таких же полос, лежавших около ямы. От заката до появления первых звезд на небе эта необыкновенная машина сделала, должно быть, около ста таких полос из глины, а облако синеватой пыли все росло, пока не сровнялось с краем ямы.

Контраст между сложной, быстрой и отчетливой работой этих машин и мучительной затрудненностью движений их хозяев был так велик, что мне долго пришлось внушать себе, что в действительности они, а не машины есть живые существа.

Когда к яме притащили первых людей, у трещины находился викарий. Я сидел, скорчившись на полу, и напряженно прислушивался. Вдруг он испуганно откинулся назад, а я весь задрожал от страха, думая, что мы открыты. Он скатился с кучи мусора и спрятался возле меня в темноте. Он не мог говорить и жестами показывал мне, что не хочет больше смотреть.

Любопытство придало мне храбрости, я поднялся, перешагнув через викария и, вскарабкавшись на кучу мусора, припал к щели. Сначала я не мог понять, что его так испугало. На дворе уже стемнело, сверху слабо светили редкие звезды, но яма была ярко освещена вспышками зеленого огня, так как пережигание глины для выделки алюминия все еще продолжалось. Мерцающее пламя то ярко разгоралось, то снова гасло, и тогда набегали скользкие черные тени. Над ямой носились летучие мыши. Вся эта картина производила мрачное, зловещее впечатление. Марсиан не было

видно, так как куча зеленовато-синей глины, еще больше выросшая в высоту, скрывала их от моих глаз. По другую сторону ямы стояла боевая машина со втянутыми, укороченными ногами. На один миг мне показалось, что среди грохота машин раздались звуки человеческого голоса, но я отогнал от себя эту мысль.

Я перегнулся вперед, чтобы рассмотреть поподробнее боевую машину, и убедился в первый раз, что на машине под колпаком действительно сидел марсианин. При вспышке зеленого огня я увидел его лоснящуюся, маслянистую кожу и блестящие глаза. Вдруг из-под колпака высунулось длинное щупальце, перегнулось назад через плечо машины и потянулось к маленькой клетке, торчавшей у нее за спиной. Раздался пронзительный крик, и что-то темное, отчаянно барахтающееся, промелькнуло живой загадкой высоко в воздухе на фоне потемневшего неба. Когда этот таинственный предмет снова опустился, то при мерцающем зеленоватом свете я увидел, что это был человек. Одну секунду я видел его совершенно ясно, это был плотный, цветущий, хорошо одетый человек средних лет. Три дня тому назад он еще гулял по свету, занимая в нем, быть может, почетное положение. Я видел его неподвижные глаза и игру света на его запонках и часовой цепочке. Он скрылся за высокой кучей, и с минуту все было тихо. Потом поднялись раздирающие крики и протяжное, довольное завывание марсиан.

Я соскочил вниз, с усилием поднялся на ноги и, зажав уши обеими руками, бросился, как безумный, в умывальную комнату. Викарий, который сидел на полу, скорчившись и обхватив голову руками, взглянул на меня и, завопив не своим голосом, увидя, что я бросаю его, устремился за мной.

В эту ночь, пока мы сидели скорчившись в умывальной комнате, колеблясь между страхом и притягательной силой трещины, в которую можно было видеть марсиан, во мне созрело страстное желание действовать. Но, как я ни старался, я не мог придумать никакого плана бегства. На дру-

гой день я немного успокоился и был в состоянии обсудить наше положение.

Викарий, в чем я теперь окончательно убедился, был совершенно не способен рассуждать. Пережитые ужасы сказались на нем, лишив его рассудка. Он потерял всякую способность мыслить и соображать и жил одними импульсами. Он фактически уже опустился до уровня животного. Но я, как говорится, держал себя в руках: заставив себя взглянуть в лицо фактам, я понял, что, как ни ужасно наше положение, но для полного отчаяния еще нет никакого основания.

Наша ближайшая надежда на избавление основывалась на предположении, что эта яма служила марсианам лишь временным местопребыванием. А в случае, если бы они и остались тут, то возможно, что они не стали бы ее охранять постоянно, и тогда у нас тоже могла бы появиться возможность бежать. Я серьезно обдумывал широкий план бегства через подземный ход, но при выходе из него мы рисковали наткнуться на боевую машину марсиан, и эта мысль, конечно, очень пугала меня. Кроме того, мне пришлось бы рыть одному, так как на викария, конечно, нельзя было рассчитывать.

Если мне не изменяет память, то это было на третий день после того, как на моих глазах убили человека. То был единственный раз, что я видел, как питаются марсиане. После этого я почти перестал подходить к трещине. Вооружившись топором, я пробрался в умывальную комнату, запер дверь в кухню и принялся рыть. Я вырыл яму в два фута глубиной, как вдруг земля с шумом обвалилась, и я уже не решился продолжать работу. Я потерял всякую энергию и долгое время пролежал на полу умывальной комнаты, не имея сил двинуться. С этого момента я оставил всякую мысль о бегстве через подземный ход.

Чтобы дать понятие о том, какое впечатление произвели на меня марсиане, достаточно сказать, что мне и в голову не приходило видеть наше спасение в том, что наши враги могут быть побеждены человеческими силами. Поэтому я был

очень удивлен, когда раз ночью, на четвертый или на пятый день, я услышал вдруг звуки далеких выстрелов.

Было уже поздно, и луна ярко светила. Марсиане убрали свою землекопательную машину и, если бы не боевая машина, стоявшая у дальнего края ямы, и не «рабочий-машина», работавшая в углу под нашей шелью, так что ее не было видно, можно было подумать, что яма покинута ими.

В яме было совершенно темно, и только иногда появлялся перебегающий слабый свет от машины да кое-где белели полосы и пятна от лунного света. Кругом стояла тишина. Была чудная, ясная ночь. Звезд не было видно: они все растаяли в ярком лунном сиянии, и луна одна царила на небе. Издали доносился лай собак. Эти знакомые звуки заставили меня встряхнуться, и я стал прислушиваться. И вдруг я услышал совершенно отчетливо глухие раскаты, как бы от залпов из тяжелых орудий. Я насчитал шесть выстрелов и после долгого промежутка еще шесть. И это было все!

Глава 4

СМЕРТЬ ВИКАРИЯ

Это было на шестой день нашего заточения. Заглянув в последний раз в трещину, я обернулся, чтобы уступить место викарию, но заметил, что я один. Вместо того чтобы стоять за мной и стараться оттолкнуть меня от трещины, как он обыкновенно это делал, он ушел в умывальную комнату. У меня мелькнуло подозрение. Я тотчас же тихонько пробрался в умывальную комнату и услышал в темноте, что викарий пьет. Протянув наудачу руку, я схватил бутылку с бургундским вином.

Началась борьба, которая продолжалась несколько минут. Бутылка упала на пол и разбилась. Я выпустил его. Мы стояли, тяжело дыша, угрожая друг другу. В конце концов я встал между ним и нашими запасами и объявил ему, что с этого дня я намерен завести строгий порядок. Я разделил

всю провизию на порции с таким расчетом, чтобы ее хватило на десять дней.

В этот день я ему не позволил больше есть. Перед вечером он, однако, сделал слабую попытку добраться до еды. Я дремал в ту минуту, но моментально проснулся. Весь день и всю ночь просидели мы друг против друга: я — чуть не падая от усталости, но с твердым решением не уступать. Он плача, как ребенок, и жалуясь на голод. Я знаю, что это была всего одна ночь и один день, но мне казалось, — и кажется еще и сегодня! — что это было бесконечно долгое время.

Таким образом, несходство наших склонностей и взглядов перешло в откровенную вражду. Два долгих дня мы бесшумно дрались и шепотом ругали друг друга. Бывали дни, когда я начинал неистово бить его руками и ногами, и другие, когда я льстил ему и пытался уговаривать его. А однажды я даже пробовал подкупить его бутылкой бургундского, так как мне посчастливилось найти водопроводную трубу, и я был спокоен теперь, что мы не останемся без воды. Но все было бесполезно! Ни ласка, ни сила уже не действовали на него. Он стал совершенно невменяемым человеком. Он не мог заставить себя отказаться от покушений на еду и не мог перестать разговаривать сам с собой. Он не хотел соблюдать даже самых элементарных предосторожностей и делал нестерпимой нашу и без того ужасную жизнь. Постепенно я начал понимать, что разум окончательно покинул его и что мой единственный товарищ в этой ужасной западне — сумасшедший.

Некоторые смутные воспоминания, сохранившиеся у меня о том времени, заставляют меня предполагать, что и моя голова была минутами не в порядке. Кошмарные сны мучили меня, когда я засыпал. Это, может быть, звучит невероятно, но я склонен думать, что малодушие и ненормальность викария спасли меня от безумия. Они заставили меня взять себя в руки и помогли мне сохранить свой рассудок.

На восьмой день он стал громко разговаривать, и что я ни делал, я не мог заставить его говорить тише.

— Ты справедлив, о боже! — громко кричал он. — Ты справедлив! Пускай твой гнев падет на меня и на мне подобных. Мы согрешили, так как мы слишком легко относились к жизни. Кругом были нищета, страдание, мы топтали бедняков в пыли, и я спокойно смотрел на это. В своих проповедях я потакал людскому безумию, тогда как я должен был поднять свой голос, хотя бы мне пришлось умереть за это, и громко кричать: покаяйтесь! покаяйтесь! Вы угнетали бедняков и несчастных!

Затем совершенно неожиданно мысли его вернулись к еде. Он просил, умолял, плакал и наконец стал угрожать мне. Он начал возвышать голос, я просил его не делать этого. Сообразив, что он может играть на этой струнке, он пригрозил мне, что будет громко кричать и призовет марсиан. Я уступил, но скоро сообразил, что всякое послабление с моей стороны может уменьшить шансы на наше избавление. Я сказал ему, что не боюсь его угрозы, хотя в глубине души не был уверен, что он не исполнит ее. Как бы то ни было, в тот день он этого не сделал. В течение всего восьмого и девятого дня он говорил повышенным голосом, но не слишком громко. Угрозы и просьбы чередовались целым потоком нелепых, покаянных речей. Потом он заснул, но ненадолго, и, проснувшись, с удвоенной силой принялся опять за свое. На этот раз он говорил так громко, что мне пришлось удерживать его.

— Тише! — умолял я.

Мне было слышно, как он стал на колени.

— Я слишком долго молчал, — сказал он так громко, что его должны были услышать в яме. — Теперь же я должен каяться. Горе этому неверному городу. Горе! Горе всем сынам земли!

— Молчите! — сказал я, вскакивая в ужасе, что марсиане услышат его.

— Нет! — закричал викарий так громко, как только мог, вставая и простирая руки. — Я хочу говорить! Господь глаголет моими устами!..

В три шага он был у двери в кухню.

— Я должен покаяться. Я иду. Я слишком долго молчал.

Я протянул руку и нащупал топор, который висел на стене. Как стрела, бросился я за викарием. Я совсем обезумел от страха. Прежде чем он дошел до середины кухни, я был возле него и, повернув лезвие топора, ударил его обухом. Он свалился, как сноп, и вытянулся во всю длину. Я споткнулся о него и остановился, еле переводя дух. Он не шевелился.

Затем я услышал шум снаружи. Со стены посыпалась штукатурка, и что-то темное заслонило треугольную трещину в стене. Я поднял голову и увидел нижнюю часть «рабочего-машины», медленно продвигавшуюся мимо трещины. Одна из ее цепких рук извивалась между обломками. Потом показалась другая и стала нащупывать себе ход над провалившейся балкой. Я прирос к месту. И вдруг я увидел сквозь прозрачную стеклянную пластинку, вставленную в конце машины, лицо, если можно это так назвать, и большие темные глаза марсианина. Тем временем длинная металлическая рука машины, извиваясь, точно змея, стала потихоньку пробираться в трещину.

Я с трудом повернулся, перешагнул через тело викария и остановился у двери в умывальную комнату. Рука теперь уже ярда на два просунулась в комнату и быстрыми, извивающимися движениями ощупала стены и пол. Долго стоял я, точно околдованный, и наблюдал, как она постепенно подбиралась ко мне. Заставив себя стряхнуть оцепенение, я со слабым, хриплым криком бросился в умывальную комнату.

Я весь дрожал и едва стоял на ногах. Приподняв дверцу угольного погреба, я стоял в темноте и не сводил глаз со слабо освещенной кухонной двери и слушал... Видел ли меня марсианин? Что он теперь будет делать?

Что-то двигалось там тихо, тихо. Стучало об стену и при каждой перемене движения звенело слабым, металлическим звоном. Потом послышался звук, как будто по полу волокли какое-то тяжелое тело, я слишком хорошо знал — какое! Повинуясь непреодолимой силе, я подполз к двери и заглянул в кухню. В ярко освещенном солнцем треугольнике трещины я увидел марсианина в его крабообразной машине,

который, притянув к себе тело викария, внимательно осматривал голову. Я ни минуты не сомневался, что по ране от моего удара он догадается о присутствия в доме другого человека.

Я спустился в погреб, захлопнул за собою дверцу, и в темноте, стараясь не шуметь, насколько это было возможно, спрятался под уголь и дрова. Каждую минуту я прислушивался, не просунулась ли опять в щель рука «рабочего-машины».

И снова возобновился слабый металлический звон. По этому звуку я мог проследить, как рука, нащупывая, пробиралась по кухне. Вот она совсем близко, в умывальной комнате, как мне показалось. Я надеялся, что ее длина недостаточна, чтобы добраться до меня. Но вот рука, слегка царапая, скользнула по дверце погреба, и затем наступило бесконечное, нестерпимо томительное ожидание. Я слышал, как она нащупывала ручку двери. Марсианин понимал, что такое дверь!

С минуту она провозилась со щеколдой, и наконец дверца открылась.

Из темноты я мог рассмотреть этот странный предмет, больше всего похожий на хобот слона. Он искал меня, ощупывая стены, дрова, уголь и потолок, словно большой черный червяк, ворочающий во все стороны своей слепой головой.

Один раз он коснулся подошвы моего сапога. Я укусил себя за руку, чтобы не закричать. Некоторое время все было тихо, и я обрадовался, думая, что он удалился. Но вдруг с громким стуком он схватил что-то, — я уже думал, что меня, и как будто убрался из погреба. Но я все еще не был уверен в этом. Должно быть, марсианин взял кусок угля для исследования.

Я воспользовался случаем, чтобы переменить положение, так как у меня сделались судороги в руках и ногах. Затем я снова прислушался.

И вот опять медленно и осторожно он пополз ко мне, ощупывая стены.

Я уже не надеялся на спасение, когда дверца погреба вдруг захлопнулась с резким стуком. Я слышал, как он шарил в кладовой, как гремели жестянки из-под галет и как зазвенела бутылка, упавшая на пол. Затем опять тяжелый удар в дверь погреба — и после этого тишина, казавшаяся мне бесконечной в моей мучительной неизвестности.

Ушел ли он?..

Но наконец я убедился в этом.

Он больше не возвращался, но весь десятый день я пролежал в погребе, в полном мраке, зарывшись в уголь и не решаясь выползти даже за водой, хотя меня томила жажда. Только на одиннадцатый день я решился наконец выйти из своего убежища.

Глава 5

ТИШИНА

Прежде чем наведаться в кладовую, я запер на задвижку дверь между кухней и умывальной комнатой. Но кладовая была пуста: там не осталось ни крошки съестного. Должно быть, марсианин все забрал накануне. При этом открытии мною в первый раз овладело отчаяние. Не только на одиннадцатый, но и на двенадцатый день я ничего не ел и не пил.

Губы и горло у меня совершенно пересохли, и силы мои заметно убывали. Я беспомощно сидел в темноте умывальной комнаты в состоянии полнейшей апатии. Все мои мысли вертелись около еды. Я думал, что я оглох, так как грохот машин за стеной, который я привык слышать за последнее время, теперь совершенно прекратился. Я не чувствовал себя достаточно сильным, чтобы бесшумно подползти к трещине, иначе, конечно, я бы это сделал.

На двенадцатый день у меня так разболелось горло, что я, невзирая на опасность привлечь внимание марсиан, дотащился кое-как до насоса для дождевой воды и накачал себе два стакана грязной дождевой воды, которые тотчас же вы-

пил. Это немного освежило меня, а то обстоятельство, что скрип насоса не вызвал появления страшных щупальцев, придало мне бодрости.

В эти дни я много думал о викарии и о его смерти, но все мои мысли были какие-то неясные, отрывочные и не имели никакой связи между собою.

На тринадцатый день я опять пил воду, мечтал о еде и придумывал всевозможные планы бегства. Каждый раз, как я засыпал, меня мучили страшные призраки. Я видел во сне смерть викария или роскошные обильные яства. Но и во сне и наяву меня мучила сильная боль, заставлявшая меня пить без конца. Свет, проникавший в умывальную комнату, был уже не серый, а красный, и моему расстроенному воображению он казался кровавым.

На четырнадцатый день я вышел на кухню и, к моему удивлению, заметил, что трещина в стене заросла красной травой, благодаря чему полусвет, царивший в кухне, превратился из серого в красный.

Рано утром на пятнадцатый день я услышал очень меня удивившие знакомые звуки. Прислушавшись, я разобрал, что где-то возится и что-то обнюхивает собака. Я вошел в кухню и увидел, что в трещину между красными листьями просунулась собачья морда. Меня это страшно поразило. Почуяв меня, собака твякнула.

Если бы я мог приманить ее тихонько в кухню, то я был бы в состоянии убить ее и съесть. Во всяком случае ее следовало убить, так как она могла привлечь ко мне внимание марсиан.

Я стал осторожно подходить к ней и ласково позвал ее: «Собачка, собачка!» — но она вдруг убрала свою морду и скрылась.

Я прислушался. Я знал теперь, что я не глухой, но не могло быть никакого сомнения, в яме было тихо. До меня донеслись какие-то звуки, как будто хлопанье крыльев и хриплое карканье, но и только.

Долгое время лежал я у щели, не решаясь раздвинуть листья, которые закрывали ее. Раз или два слышал я легкие

шаги собаки, бегавшей по песку, где-то подо мной, затем шелест крыльев и больше ничего. Наконец, ободренный этой тишиной, я выглянул наружу.

Кроме стаи ворон, которые дрались в углу над трупами людей, убитых марсианами, в яме не было ни одной живой души.

Я оглянулся кругом, не доверяя своим глазам. Все машины исчезли. Не считая огромной кучи серовато-синего порошка в одном углу, нескольких полос алюминия — в другом, стаи черных птиц и скелеты убитых, — передо мною была самая обыкновенная пустая, круглая, песочная яма. Раздвинув красную траву, я стал медленно пролезать в трещину и стоял теперь на куче щебня. Кроме севера, который был за мной, я мог видеть по всем направлениям. И в ширь, и в даль не было видно ни одного марсианина и даже никаких признаков их. Прямо под ногами у меня была яма, но, пройдя немного дальше, я взобрался на кучи гальки и, таким образом, благополучно выбрался из развалин. Путь к бегству был свободен.

Несколько минут я колебался, но потом с храбростью отчаяния и с сильно бьющимся сердцем взобрался на верхушку насыпи, под которой я был так долго погребен.

Снова посмотрел я вокруг себя, но и на севере не было видно марсиан.

Когда я в последний раз при ярком свете дня видел эту часть Шина, передо мною была улица с рассеянными по ней белыми и красными домиками, со множеством тенистых деревьев. Теперь я стоял на куче щебня, глины и обломков кирпича, сплошь заросших красными кактусообразными растениями. Они доходили до колен и вытеснили все другие земные растения. Ближайшие ко мне деревья стояли мертвые с почерневшими стволами, но немного дальше сеть красных побегов обвивала еще живые стволы.

Все соседние дома обвалились, но ни один из них не был сожжен. В некоторых домах уцелели стены до второго этажа, но все окна были разбиты и ворота разрушены. В комнатах без крыш пышно разрослась красная трава. По-

до мной была глубокая яма, и в ней дрались вороны из-за падали. Множество других птиц порхало среди развалин. Дальше я увидел тощую, как скелет, кошку, осторожно пробравшуюся вдоль стены, но людей нигде не было видно.

После моей тюрьмы день показался мне ослепительно светлым, а небо безмятежно голубым. Легкий ветерок нежно качал стебли красной травы, заполнившей каждый вершок свободной земли. Я дышал полной грудью. Какое наслаждение было вдыхать в себя свежий, чистый воздух!..

Глава 6

РЕЗУЛЬТАТЫ ДВУХНЕДЕЛЬНОГО ПРЕБЫВАНИЯ МАРСИАН

Долгое время простоял я так на насыпи, качаясь на своих ослабевших ногах и совершенно позабыв, что мне надо было подумать о собственной безопасности. Когда я лежал в отвратительной норе, из которой я только что вышел, я напрягал все силы ума, чтобы придумать средства к спасению. Я не представлял себе, какие перемены могли произойти на земле за это время, и не ожидал увидеть такое необычайно поразительное зрелище. Я предполагал, что Шин разрушен марсианами, но то, что я увидел теперь, было мрачным, наводящим ужас пейзажем другой планеты.

В тот момент я испытал чувство, которое человек обычно не испытывает, но которое хорошо знакомо животным, подчиненным человеку. Я чувствовал то же, что должен был бы чувствовать кролик, если бы, возвращаясь в свою нору, он неожиданно наткнулся на землекопов, роющих яму для фундамента дома. Но это были только первые проблески того чувства, которое стало потом определенным, сознательным ощущением и угнетало меня в течение многих дней. Мы уже не были царями природы, мы были развенчаны, низведены на уровень животного и должны были влачить свое существование под пятою марсиан. Так же, как и кролик, мы должны были подстергать, бегать и скры-

ваться, так как власть человека, а вместе с тем и его способность внушать страх, были отняты у него.

Но все эти странные настроения рассеялись так же быстро, как и возникли, перед мучительным ощущением голода после долгого поста. В стороне от ямы, за стеной, обвитой листьями красных растений, я заметил уцелевший клочок сада. В густой чаще этих растений я мог спрятаться в случае опасности, а в саду я мог поискать что-нибудь для утоления своего голода. Я направился туда, уходя по поясу, а иногда по шее, в красную траву. Стена была около шести футов вышиной, и мне нечего было и думать взобраться на нее. Тогда я пошел вдоль стены и, дойдя до угла, увидел большой камень; я стал на него, перелез через стену и спрыгнул в сад. Там я нашел немного луку, земляной груши и много зеленой моркови. Забрав все это с собой, я перелез через другую полуобвалившуюся стену и направился по дороге, окаймленной кроваво-красными деревьями, в сторону Кью. У меня было только два желания: добыть как можно больше еды и как можно скорее, насколько мне это позволяли мои слабые силы, выбраться из этой проклятой местности.

В стороне от дороги, на полянке, я нашел грибы и съел их все до одного. Но эта скудная пища только обострила мой голод. Немного дальше все пространство, на котором раньше цвели луга, было покрыто коричневой водой. Меня поразило это обилие воды в такое сухое, жаркое лето, но потом я узнал, что это объяснялось тропически пышным ростом красной травы. Повсюду, где это удивительно плодовитое растение встречало воду, оно разрасталось до гигантских размеров. Его семена, брошенные в воды Уэя и Темзы, пустили ростки, и растущие с необыкновенной быстротой ветки вытеснили реки из берегов.

В Путнэе, как я увидел это потом, мост был совершенно скрыт в чаще красных листьев, а в Ричмонде воды Темзы вышли из берегов и разлились широким мелким потоком по лугам Гэмптона и Твикэнгэма. Вместе с разлитием во-

ды распространялись и эти растения, и одно время разрушенные дачи на берегу Темзы совершенно исчезли под их красной листвой.

В конце концов эта красная трава погибла почти так же быстро, как разрослась. На нее напала болезнь, возбудителями которой, как полагают, были какие-то бактерии, и уничтожила их. В силу естественного отбора, все земные растения приобрели способность сопротивляться бактериальной заразе, и если они погибали от нее, то только после упорной борьбы. Но красная трава гибла моментально. Листья бледнели, сморщивались, делались хрупкими. Они ломались при малейшем прикосновении, и вода, которая вначале способствовала распространению краеной травы, уносила последние ее остатки в море.

Когда я наконец добрался до воды, то первым моим побуждением было утолить жажду. Напившись досыта, я, повинуясь другому внезапному побуждению, раскусил несколько веток красной травы. Но они были водянистые и имели противный металлический вкус. Вода в этом месте была такая мелкая, что я попробовал отправиться вброд, хотя ноги мои и путались в красной траве. Но ближе к реке становилось глубже, и я должен был повернуть назад к Мортлэку. По развалинам дач, остаткам изгородей и уцелевшим кое-где фонарям я узнавал дорогу. Таким образом я вскоре выбрался из этого болота и, следуя дальше по дороге, вышел к Рогэмптону, а оттуда к Путнэйскому полю.

Здесь картина совершенно изменилась! Ничего чуждого, странного, только разгром привычного, знакомого! Местами это было полное опустошение, как будто здесь пронесся циклон, а в каких-нибудь ста шагах дальше виднелись совершенно нетронутые участки земли. Хорошенькие дома с опущенными шторами и закрытыми дверями, как будто их обитатели только временно покинули их или покоились еще сладким сном. Красной травы здесь было значительно меньше, и ее побеги не успели обвить стволы высоких деревьев, стоящих на лужайках.

Я обошел несколько садов в надежде найти что-нибудь съестное, обшарил также два покинутых дома, но напрасно! Очевидно, все, что было, обобрали еще до меня, так как замки на дверях оказались сломанными. Остаток дня я пролежал в кустах, так как мои ослабевшие силы не позволяли мне идти дальше.

За все это время я не встретил ни одного человека и не видел никаких признаков марсиан. Один раз мне попались по дороге две голодные собаки, но при виде меня они испуганно шарахнулись в сторону и убежали. Под Рогэмптоном я наткнулся на два человеческих скелета, — не трупа, а скелета, без всяких признаков мяса, — а немного дальше в лесу я увидел много сломанных разбросанных костей кошек и кроликов и череп овцы. Я их поднял, думая поглотить их, но там уже нечем было поживиться.

После заката солнца я побрел дальше, по дороге в Путнэй, где, по всем признакам, свирепствовал тепловой луч. В одном саду, за Рогэмптоном, я нашел много незрелого картофеля и заглушил им немного мой голод. Из этого сада открывался вид на реку и на Путнэй. В быстро надвигающихся сумерках местность эта имела безнадежно унылый вид. Черные, обгоревшие деревья, такие же черные и обгоревшие развалины стен, а по ту сторону холма — разлившаяся вода, вся красная от травы марсиан. И над всем этим — мертвая тишина. Невыразимое отчаяние овладело мною, когда я подумал, как быстро совершилась эта перемена!

Я был уверен, что все человечество уничтожено и что уцелел лишь я один... Около Путнэйского холма я опять увидел скелет, руки которого были оторваны и брошены в нескольких ярдах от тела.

По мере того как я шел дальше, я все больше убеждался в том, что истребление человечества, за исключением нескольких случайно уцелевших, вроде меня, есть уже свершившийся факт, по крайней мере в Англии. Я предполагал, что, опустошив страну, марсиане ушли искать себе пропитания дальше. Может быть, они готовились сейчас разгромить Берлин или Париж или повернули на север?..

Глава 7

ЧЕЛОВЕК С ПУТНЭЙСКОГО ХОЛМА

Эту ночь я провел в гостинице на Путнэйском холме. Со дня моего бегства из Лизсерхеда я первый раз спал на постланной постели. Я не буду задерживаться с описанием того, какого труда мне стоило попасть в этот дом, совершенно напрасного, как потом оказалось, так как наружная дверь была не на замке. Не буду описывать ни того, как я шарил по всем комнатам, отыскивая что-нибудь съестное, пока, наконец, уже отчаявшись в успехе, не нашел в одной комнате, по-видимому, людской, обглоданной крысами корки хлеба и двух банок с ананасными консервами. Очевидно, этот дом был уже обыскан до меня, и все было взято. Позднее я нашел в буфете несколько сухарей и бутербродов. Бутерброды были уже несъедобны, но сухарей я не только поел вволю, но и наполнил ими также мои карманы.

Я не зажигал огня, боясь привлечь внимание марсиан в том случае, если бы им вздумалось направиться в эту часть Лондона за пищей. Спать мне тоже не хотелось, и я все переходил от одного окна к другому, высматривая марсиан. Когда же я лег в постель, то вдруг почувствовал, что мысли мои начинают принимать последовательное течение, чего со мной не было со дня моей последней ссоры с викарием. Во все это промежуточное время мое душевное состояние было лишь быстрой сменой неясных ощущений, и все впечатления воспринимались мною бессознательно. Но этой ночью мой мозг, подкрепленный пищей, прояснился, и я снова приобрел способность мыслить логически.

Три главных пункта занимали теперь мои мысли. Убийство викария, местопребывание и деятельность марсиан и судьба моей жены. Первое не вызывало во мне ни чувства ужаса, ни угрызений совести. Я принимал это как совершившийся факт, который навсегда оставил по себе тяжелое воспоминание — и только. Я считал себя тогда, как считаю и теперь, жертвой не зависящих от меня обстоятельств, ко-

торые постепенно привели меня к той развязке, к которой я неизбежно должен был прийти. Я не был достоин осуждения, и все же это воспоминание преследовало меня постоянно, неотступно...

В безмолвии ночи я призывал себя к допросу и сам себя судил за ту минуту ярости и страха. Я припоминал каждое слово нашего разговора с того момента, как я увидел его сидящим возле меня на лугу и указывающим мне на столб дыма и пламени, поднимавшихся из развалин Уэйбриджа, в ответ на мои мольбы дать мне попить. К совместной работе мы были неспособны, и злой случай подшутил над нами, соединив нас вместе. Если бы я мог заглянуть в будущее, я бы оставил его тогда в Галлифорде. Но я не мог предвидеть того, что произошло. Преступен же тот, кто заранее обдумывает преступление. Я рассказал об этом событии, как вообще обо всем, что я видел и что пережил. У меня не было свидетелей, и я мог бы не говорить о нем. Но я все же рассказал, и пускай читатель сам делает свои заключения.

Когда я, сделав над собой усилие, отогнал от себя воспоминания о распростертом теле викария, передо мной встали вопросы о марсианах и об участи моей жены. Для решения их у меня не было никаких данных, и я мог делать тысячу различных предположений. И вдруг совершенно неожиданно на меня напал непобедимый ужас. Я сел на постели и широко раскрытыми глазами смотрел в темноту. Одно только страстное желание было во мне, чтобы мою жену, внезапно и безболезненно, поразил тепловой луч. Странная ночь! Но страннее всего было то, что, когда наступило утро, я, человек, существо высшее, одаренное разумом и волей, выполз из дома, как крыса из норы, как низшее существо, которое могло быть поймано и убито по первой прихоти своего властелина. Как много нужно было пережить, чтобы понять это! Да, несомненно, если эта война не научила нас ничему другому, то она, во всяком случае, научила нас чувству сострадания к тем неразумным тварям, которым так тяжело живет под игом человека.

Утро было прекрасное. На востоке небо уже розовело, и все было усеяно маленькими, золотистыми облачками. По всей дороге, от вершины Путнэйского холма до Уимбльдона, я видел многочисленные следы той паники, которая разыгралась в ночь с воскресенья на понедельник и погнала к Лондону поток беглецов. Я видел маленькую двуколку со сломанным колесом, с надписью «Томасс Лебб, зеленщик из Нью-Малшэна» и с брошенным на ней жестяным сундуком. Дальше валялась затоптанная в грязь, теперь уже затвердевшая соломенная шляпа, а на вершине западного холма лежали опрокинутая бадья и куча битого стекла, забрызганного кровью.

Я шел медленно дальше, и в голове моей носились неясные планы. Я хотел идти в Лизсерхед, хотя там менее всего я мог рассчитывать найти свою жену. Если только смерть не настигла их внезапно, то она и мои кузены, конечно, бежали оттуда. Но я убеждал себя, что там, по крайней мере, я могу увидеть или как-нибудь узнать, куда бежало население из Суррея. Я чувствовал только, что мне надо было найти мою жену, что душа моя болезненно тосковала по ней и по людям, но у меня не было ни малейшего представления о том, что нужно было сделать, чтобы найти их. Свое безутешное одиночество я сознавал теперь слишком хорошо. Под прикрытием деревьев и кустов я дошел до конца улицы Уимбльдонского поля.

Все темное пространство поля только местами оживлялось кустами дрока и вереска. Красной травы нигде не было видно. Когда я пробирался краем поля, взошло солнце, и все кругом наполнилось светом и жизнью. В одном углублении под деревом, куда стекала вода, суетился целый выводок лягушек. Я остановился, чтобы посмотреть на них. У них следовало бы поучиться твердой решимости жить во что бы то ни стало. Вдруг я почувствовал, что за мной наблюдают; я обернулся и увидел в кустах что-то черное. Я стоял, присматриваясь, потом шагнул в ту сторону. Таинственное существо поднялось и превратилось в человека с саблей у пояса. Я стал медленно подходить к нему, но он стоял, не шевелясь, и все смотрел на меня.

Подойдя ближе, я увидел, что его платье было так же покрыто грязью и пылью, как мое. У него был такой вид, как будто он выкупался в водосточной канаве. Вся его одежда была покрыта зелеными пятнами от тины, а местами замазана углем. Его черные волосы падали ему на глаза, смуглое лицо осунулось и было грязно, а через весь подбородок шел ярко-красный шрам.

— Стойте! — закричал он мне, когда я приблизился к нему на десять ярдов.

Я остановился.

— Откуда вы идете? — спросил он меня хриплым голосом. Я обдумывал свой ответ, наблюдая за ним.

— Я иду из Мортлэка, — сказал я. — Я лежал под развалинами дома, около ямы, куда упал цилиндр марсиан. Теперь я освободился оттуда и убежал.

— Здесь кругом вы не найдете пищи, — возразил он. — Все это — моя земля, начиная от холма до реки, в эту сторону до Клэпгэма, и в ту — до конца поля. Только один человек может прокормиться тут. Куда вы направляетесь?

— Я сам еще не знаю, — отвечал я нерешительно. — Я пролежал под развалинами дома тринадцать или четырнадцать дней и не знаю, что произошло за это время.

Он посмотрел на меня, как бы сомневаясь в чем-то, и потом внезапно в лице его произошла какая-то странная перемена.

— Я не намерен оставаться здесь, — продолжал я. — Скорее всего, я пойду на Лизсерхед, чтобы искать там мою жену.

Он быстро шагнул ко мне, указывая на меня пальцем.

— Так это вы? — вскрикнул он. — Человек из Уокинга? И вас не убили в Уэйбридже?

В тот же момент я узнал его.

— А вы тот артиллерист, который забрался тогда ко мне в сад?

— Это я называю счастьем! — радостно обратился он ко мне. — Мы с вами счастливики. Ну кто бы мог подумать, что это вы?

И он протянул мне руку, которую я пожал.

— Я спрятался тогда в дренажной канаве, — продолжал он. — Но они не всех убили. Когда они ушли, я вылез и направился прямо через поля к Уольтону. Однако не прошло еще и шестнадцати дней с тех пор, а ваши волосы стали совсем седые.

Он оглянулся вдруг через плечо.

— Это только грач, — сказал он. — В такие времена, как теперь, узнаешь, что и у птиц есть тень. Но здесь слишком открытое место. Пойдемте туда, в кусты, и расскажем друг другу наши переживания.

— Видели вы марсиан? — спросил я. — С тех пор как я вылез из...

— Они ушли за Лондон, — перебил он меня. — Мне думается, что они разбили там свой главный лагерь. По вечерам, в той стороне у Гэмпстэда, все небо горит от их огней, словно большой город, и в отблесках света можно ясно видеть, как двигаются их тени. Но днем ничего не видно. Вблизи я их вообще не видел...

Он стал считать по пальцам.

— Пять дней тому назад я, впрочем, видел двух марсиан на Гаммерсмитской дороге, которые тащили что-то тяжелое. А третьего дня ночью, — он замолчал и продолжал затем многозначительно, — я видел, правда, только свет, но в воздухе. Я думаю, они построили летательный аппарат и учатся теперь летать.

Я остановился на четвереньках, так как мы подползли к кустам в эту минуту.

— Летать?

— Да, — повторил он, — летать!

Я дополз до раскидистого куста и сел.

— В таком случае все человечество погибнет, — сказал я. — Если они научатся этому, они облетят весь мир!

Он кивнул головой:

— Конечно, но за это время мы здесь отдохнем немного. — Он посмотрел на меня. — Разве вас огорчает уничтожение человечества? Меня, по крайней мере, нисколько. Ведь все равно мы побеждены, мы раздавлены!

Я молчал. Как это ни странно, но сам я еще не пришел к такому выводу, ставшему для меня теперь совершенно очевидным, как только он его высказал. До сих пор у меня была еще слабая надежда, вернее сказать — привычка всей жизни думать так.

— Мы раздавлены! — снова повторил он, и в его словах звучала непоколебимая уверенность.

— Все кончено, — говорил он. — Они потеряли одного, только одного! Твердой ногой стали они здесь и сломили величайшую силу на Земле. Они прошли по нашим трупам. Смерть одного из них под Уэйбриджем была случайностью. И ведь это только пионеры. Бесперывно следуют они один за другим. А эти зеленые звезды! Пять или шесть дней я не видел ни одной, но я не сомневаюсь, что каждую ночь они падают где-нибудь. Тут ничего не поделаешь. Мы под их властью. Мы раздавлены...

Я не отвечал ему. Я сидел и тупо глядел перед собой, тщетно стараясь придумать возражение.

— Ведь это даже не война! — продолжал артиллерист. — Никогда это не было войной, как не может ее быть между людьми и муравьями.

Я вспомнил вдруг ночь в обсерватории.

— После десятого выстрела они больше не стреляли, по крайней мере до того дня, как упал первый цилиндр.

— Откуда вы это знаете? — спросил артиллерист.

Я объяснил ему. Он задумался.

— Возможно, что пушка была не совсем в порядке, — сказал он. — Но, если это даже и так, они уже давно исправили это. А если они отложили, то разве это может изменить конец? Ведь это люди и муравьи! Муравьи суетятся, строят города, живут своей маленькой жизнью, ведут войны между собой, делают революции, пока человеку не понадобится убрать их с дороги, и они убираются. То же будет и с нами. Мы тоже — муравьи, только...

— Ну? — спросил я.

— Мы — муравьи съедобные.

Мы посмотрели друг другу в глаза.

— Что же они будут делать с нами? — спросил я.

— Об этом я все время думал и думаю, — ответил он. — Из Уэйбриджа я отправился на юг и по дороге все думал. Я видел, что происходит. Все вокруг меня волновались, кричали. Но я не люблю крика. Я не один раз смотрел смерти в глаза. Я — настоящий солдат и знаю, что смерть есть смерть. Только тот может спастись, кто рассуждает спокойно. Я видел, что все бросились бежать к северу, и сказал себе: «Там на всех не хватит пропитания» — и повернул назад. Я следовал за марсианами, как воробей за человеком. А там, — и он показал рукой на горизонт, — умирают от голода, вырывают пищу друг у друга и давят друг друга...

Он увидел выражение моего лица и смущенно замолчал.

— Без сомнения, много людей, у которых были деньги, уехали во Францию, — сказал он. Казалось, он колебался, говорить ли ему дальше, но, встретившись с моим взглядом, продолжал: — Здесь кругом достаточно пищи. В лавках остались консервы, вино, водка и минеральные воды, но водопроводы и трубы пусты. Итак, я вам сказал теперь, о чем я все время думал...

— Мы имеем дело с разумными существами, — продолжал он, — и, как кажется, они употребляют нас в пищу. Сначала они уничтожат наши корабли, машины, орудия, города и весь наш государственный строй. Все это исчезнет. Мы могли бы спастись, если бы мы были величиною с муравьев. Но мы слишком велики, и наши сооружения слишком громоздки. Это первое, в чем я уверен. Не так ли?

Я молча согласился.

— Это так. Я все это хорошо обдумал. Что же будет дальше? Нас будут хватать по мере надобности. Марсианину достаточно пройти несколько миль, чтобы встретить толпу беглецов. Я видел одного в Вендэрвэрте, как он разрушал дома и шарил в развалинах. Но на этом они не остановятся. Когда они уничтожат наши пушки, корабли, железные дороги и вообще все наши сооружения, тогда они примутся за нас. Они будут систематически вылавливать нас, отбирать лучшие экземпляры и сажать в клетки. Будьте уверены, они

скоро займутся нами! Ведь они еще не начинали этого. Разве вы не видите это?

— Еще не начинали? — вырвалось у меня.

— Еще не начинали, — сказал он. — Все, что было до сих пор, случилось только потому, что у нас не хватило смекалки сидеть смиренно и не сердить их пушками и прочими глупостями. Мы потеряли голову и бежали туда, где мы вовсе не находились в большей безопасности, чем в другом месте. Им сейчас не до нас. Они заняты пока своими делами, приводят в порядок машины и заготавливают всякий материал, который они не могли привезти с собой, и, одним словом, готовят все для переселения своего народа на Землю. Легко возможно, что цилиндры потому больше не падают на Землю, что они боятся попасть в своих. Вместо того чтобы бежать очертя голову и заготавливать динамит, чтобы взорвать их, нам лучше было бы постараться приспособиться к новому порядку вещей. Я так смотрю на это. Конечно, это не то положение, о котором может мечтать человек, но это факт, с которым приходится считаться. И я намерен действовать на основании этого. Города, нации, цивилизации, прогресс канули в вечность. Игра сыграна. Мы раздавлены...

— Но если это так, для чего же жить?

Артиллерист с минуту молча смотрел на меня:

— Для чего жить? Конечно, в течение миллиона лет или около этого не будет ни концертов, ни выставок, ни уютных веселых ужинов в ресторанах. Если вы думаете об удовольствиях, то в этом смысле игра проиграна. Если у вас хорошие манеры и вас шокирует, если кто-нибудь ест грушу ножом или говорит грамматически неправильно, то вам не для чего жить. Такие вещи теперь ни к чему.

— Вы думаете?

— Я думаю, что такие люди, как я, должны жить для продолжения рода. Я говорю вам, что я твердо решил жить. И если я не ошибаюсь, то и вам скоро придется показать, чего вы стоите. Мы не позволим истреблять себя! Я не допущу, чтобы меня поймали, приручили и откармливали, как

жирного быка на убой. Фу! Вспомните только этих коричневых пресмыкающихся!

— Не хотите же вы сказать...

— Вот именно это-то я и хочу сказать. Я хочу жить, жить даже под их властью. Я уже составил себе план и все обдумал. Люди побеждены, потому что они слишком мало знают. Нам еще много нужно учиться, прежде чем придет наш черед. И мы должны жить и быть независимыми, пока мы учимся. Понимаете? Все это должно быть сделано.

Я глядел на него, пораженный и глубоко взволнованный решимостью этого человека.

— Вы — настоящий мужчина! — вырвалось у меня, и я сжал ему руку.

— А что? — проговорил он с блестящими глазами. — Ведь я это хорошо придумал?

— Продолжайте! — сказал я.

— Так вот: кто не хочет быть пойманным, должен готовиться. И я готовлюсь. Не все из нас способны жить жизнью диких зверей — и в этом весь секрет. У меня были сомнения, когда я смотрел на вас. Вы так стройны и тонки. Ведь я не узнал вас и не знал также, что вы долго были погребены под развалинами. А все те люди, та порода людей, которая жила в этих домах, и все те маленькие, ничтожные клерки, которые жили по склону холма, те никуда не годятся. В них нет мощного духа, нет гордых мечтаний, нет сильных желаний. А человек, в котором нет ни того ни другого, на что же он годится? Они ни на что другое не способны, как только спешить на свою службу. Я наблюдал их сотнями, как они из страха опоздать ни службу и быть уволенными бежали на поезд с маленьким завтраком в руке. На службе они работают как машины, не давая себе труда вникнуть в свою работу. А по окончании службы они спешат домой, боясь опоздать к обеду, и после обеда сидят себе спокойно дома, из страха перед темными улицами. Затем они ложатся спать со своими женами, на которых они женились не по любви, а потому, что те принесли им в приданое деньги, которыми они, до некоторой степе-

ни, обеспечили свое жалкое существование. А по воскресеньям — опять страх перед будущей жизнью! Как будто ад создан для кроликов! Вот для таких людей марсиане — сущий клад! Просторные, чистые клетки, сытный корм, хороший уход — и никаких забот. После того как они недельку-другую побегают по полям и лугам с пустым желудком, они придут сами и с удовольствием дадут себя поймать. Пройдет время — и они будут совершенно довольны своей судьбой. Они будут даже с удивлением спрашивать себя: как это люди жили раньше, когда не было марсиан? А эти ресторанные завсегдатаи, праздношатающиеся и певцы, их я себе очень хорошо представляю, — проговорил он с каким-то мрачным наслаждением. — Вот когда у них будет много досуга на всякие сантименты и ханжество! Да, много вещей я видел в своей жизни, и только теперь, за последние дни, я начал понимать их настоящий смысл. Много будет таких, которые примут как должное новый порядок вещей, опять-таки много таких, которых будет мучить сознание, что не все происходит как следует и что нужно что-то сделать. Ну, а известно, когда люди начинают чувствовать, что им что-то нужно сделать, то более слабые из них, чтобы оправдать себя, будут придумывать религию праздности, очень строгую, очень высокую и оправдывающую всякое насилие. Вы сами могли убедиться в этом. Это есть энергия трусости и малодушия, которая выступит тогда. Клетки будут наполнены пением гимнов и псалмов. Ну а люди более сложного темперамента займутся развлечениями другого характера — как бы это сказать? — эротического...

Он помолчал несколько минут и затем продолжал дальше:

— Весьма возможно, что у марсиан будут среди них свои любимцы, которых они посвятят в свои хитрости — кто знает? — может быть, они расчувствуются и им жалко будет убивать мальчика, выросшего в их клетке. А некоторых даже они, может быть, будут приучать охотиться за нами...

— Нет! — воскликнул я. — Это невозможно! — Ни одно человеческое существо...

— Какой смысл обманывать себя? — перебил меня артиллерист. — Есть люди, которые с удовольствием пойдут на это. Это нелепость утверждать, что таких людей нет!

И я должен был согласиться с его доводами.

— Но пускай только они попробуют подойти ко мне близко. Пускай только попробуют! — проговорил он и замолчал, мрачно насупившись.

Я сидел, раздумывая над всем тем, что он наговорил мне. Но сколько я ни думал, я не находил возражений, которые могли бы поколебать теории этого человека. До нашествия марсиан никто бы не усомнился в моем умственном превосходстве над ним. Я — опытный, известный писатель-философ, а он — простой солдат, и все же он уже сумел сформулировать наше положение, в то время как я только начинал понемногу разбираться в нем!

— Что же вы намерены делать? — спросил я через некоторое время. — Какие у вас планы?

Он как будто колебался.

— Ну, я представляю себе это так, — сказал он наконец. — Прежде всего что мы должны сделать? Мы должны придумать такой род жизни, чтобы люди могли жить, плодиться и быть в достаточной безопасности, чтобы выращивать своих детей. Подождите, я вам сейчас покажу яснее, как, по моему мнению, это должно быть. Те, которые станут ручными, будут благоденствовать, как все ручные животные. Через несколько поколений они станут толстыми, полнокровными, красивыми и глупыми, одним словом — хлам! Для нас же, оставшихся на свободе, существует одна опасность: мы можем одичать с течением времени и вырождаться в больших диких крыс... Вы уж понимаете, какой род жизни мы должны будем вести? Подземный! При этом я подумал о сточных трубах. На первый взгляд это может показаться ужасным: но под Лондоном они тянутся на протяжении сотен и тысяч миль. А так как Лондон теперь опустел, то стоит пройти хорошему дождю, — и они станут чистыми и приятными. Главные трубы — большие, и воздуху хватит на всех. Затем у нас имеются еще погреба, склепы, из ко-

торых в случае нужды можно будет провести ходы в трубы. А, кроме того, остаются еще подземные дороги и тоннели. Что? Вы начинаете соображать теперь? Мы образуем союз мужчин, сильных телом и чистых духом. Дряни нам не нужно, а слабых мы будем изгонять.

— Так же, как вы хотели поступить со мной?

— Но ведь я с вами начал переговоры? Или нет?

— Ну, мы не будем спорить об этом. Говорите дальше, пожалуйста.

— Те, которые останутся с нами, должны будут слепо повиноваться нам. Женщины, здоровые телом и чистые духом, нам тоже нужны как матери и наставницы. Но сентиментальных кукол, ничтожных кокеток, слабых и глупых, мы к себе не пустим. Жизнь станет серьезной, и все бесполезное, мешающее и вредное, должно умереть. Они сами должны будут понять, что единственным исходом для них останется смерть. Было бы своего рода изменой продолжать жить в таком случае и портить расу. И все равно они не могли бы быть счастливы, если бы остались жить. А, кроме того, смерть вовсе не так страшна, и только страх делает ее ужасной. Во всех этих местах мы будем собираться. Центром же наших собраний будет Лондон. И, может быть, мы будем в состоянии, расставив часовых, выходить на воздух и гулять там, когда марсиан не будет поблизости. Может быть, мы даже будем играть в крикет. Таким образом, мы сохраним расу. Но это не самое главное. Ведь сохранять расу это значит, как я говорю, разводить крыс! Самое важное — это сохранить наши знания и постараться приумножить их. Вот тут-то и понадобятся такие люди, как вы. У нас есть книги, есть модели. Нам нужно будет соорудить большие, хорошо защищенные пространства и собрать туда столько книг, сколько можно. Не романы, не рифмованный вздор, а научные книги. Тогда должны будут выступить на сцену такие люди, как вы. Мы должны будем пойти в британский музей и изучить все книги, которые там находятся. В особенности же мы должны постараться удержать наши знания на высоте и продолжать учиться дальше. За марсиан-

нами мы должны будем все время наблюдать. Некоторым из нас придется сделаться шпионами. Может быть, я займусь этим, когда все устроится, то есть дам себя поймать. А главное, мы не должны мешать марсианам. Мы не должны ничего похищать у них, и если они попадутся нам навстречу, то мы должны уходить с их дороги. Мы должны будем показать, что мы не хотим вредить им. Ведь марсиане — существа разумные, и они не будут преследовать нас и убивать, если у них будет все, что им нужно, и если они убедятся, что мы — совершенно безобидные насекомые.

Артиллерист замолчал и положил мне на плечо свою загорелую руку.

— В конце концов нам, может быть, не так много нужно будет учиться. Представьте себе четыре или пять боевых машин марсиан, пускающих направо и налево тепловой луч, и ими управляет не марсианин, а человек! Может быть, я еще доживу до этого времени. Подумайте только — иметь в своем распоряжении одну из их боевых машин и тепловой луч! Что значит после такого достижения быть истертым в порошок? Воображаю, как раскроют свои прекрасные глаза марсиане! Какой они подымут вой и суету и схватятся за свои другие механические приспособления! Но здесь им придет конец, и как раз тогда, когда они начнут стрелять, их поразит тепловой луч, и человек снова воцарится на Земле...

Смелость и сила фантазии этого солдата, а также его убежденный тон и дерзость его планов, совершенно покорили меня. Я, безусловно, верил в исполнимость его удивительных планов, а также в то, что он предсказывал о будущем человека. И читатель, который, может быть, сочтет меня легковерным и простаком, должен иметь в виду разницу между моим и своим положением. Ведь он читает в спокойном состоянии, имеет время основательно обдумать все прочитанное, тогда как я слушал это, сидя, скорчившись, в кустах, пугаясь каждого звука, доходившего до нас...

Таким образом мы проговорили почти все утро, а затем выползли из кустов и, озираясь по сторонам, не видать ли где марсиан, бросились бежать к дому на Путнэйском хол-

ме, где он устроил себе свою берлогу. То был подвал для угля. Когда я увидел его работу, на которую он потратил целую неделю: подземный ход около десяти ярдов длины, которым он думал соединиться с главной сточной трубой Путнэйского холма, то я впервые понял, какая пропасть отделяет его мечты от действительности. Такую дыру я бы вырыл в один день. Но моя вера в него была еще настолько сильна, что я решил помочь ему в его работе.

У нас была тачка, на которую мы наложили вырытую землю, и свалили ее около кухонной стены. Между работой мы подкрепились консервами супа из телячьей головы и вином, которое мы взяли из близлежащей кладовой. В этой тяжелой работе я находил облегчение от моих мучительных переживаний. Я непрерывно думал о планах артиллериста, и мало-помалу во мне стали подыматься сомнения, но я не переставал работать, так как был рад, что у меня теперь была цель.

Проработав еще час, я стал прикидывать в уме то расстояние, которое еще предстояло рыть, чтобы подойти к трубе, а также о весьма вероятной возможности не достигнуть цели этой работы. Вообще я не понимал, зачем было рыть такой длинный ход, когда через боковые трубы можно было попасть непосредственно в главную трубу и оттуда уже прокладывать дорогу обратно к дому. Выбор дома мне тоже казался неудачным, так как он находился слишком далеко от трубы. Как раз, когда я стал взвешивать все эти обстоятельства, я увидел, что артиллерист перестал копать и взглянул на меня.

— Мы хорошо поработали, — сказал он и отложил в сторону заступ. — Сделаем небольшой перерыв и посмотрим с крыши дома, что делается вокруг.

Я был за продолжение работы, и, после некоторого колебания, он схватился за свой заступ. Но вдруг у меня промелькнула одна мысль. Я остановился, и он тотчас же последовал моему примеру.

— Зачем, собственно говоря, вы находились в поле, а не здесь? — спросил я.

— Я ходил подышать свежим воздухом, — сказал он, — и как раз собирался уже возвращаться, когда встретил вас. Ночью, в сущности, это безопаснее...

— А как же работа?

— Нельзя же вечно работать, — отвечал он.

Тут, словно под влиянием внезапного откровения, я понял, что это был за человек. Он стоял в нерешительности с заступом в руках.

— Нам непременно нужно сделать рекогносцировку, — сказал он. — Марсиане могут быть где-нибудь поблизости и напасть на нас врасплох, если услышат звон наших лопат.

У меня больше не было желания противоречить ему. Мы взобрались на чердак и стали смотреть через слуховые окна. Марсиан не было видно. Мы взобрались на крышу и спустились под прикрытием парашюта вниз.

Часть Путнэя была скрыта за кустарником, но зато внизу было видно реку, всю заросшую красной травой. Нижняя часть Ламбета была тоже кроваво-красного цвета и вся залита водой. Другое ползучее красное растение обвилось все деревья вокруг старого дворца, и между его густыми побегами уныло торчали их мертвые, покрытые сморщенными листьями, сучья. Поразительно, до чего распространение этих растений было связано с близостью проточной воды. Около нашего дома не было этих растений, и поэтому альпийский ракитник, боярышник, калина и дерево жизни, подымаясь среди лавров и гортензий, ярко блестели на солнце свежей зеленью своих листьев. За Кессингтоном подымалось густое облако дыма, а вдали стлался синий туман, за которым исчезали холмы, тянувшиеся на север.

Артиллерист принялся рассказывать про людей, оставшихся в Лондоне.

— На прошлой неделе кучка дураков вздумала осветить электричеством всю Реджент-стрит и цирк, в котором собрались пьяные оборванцы и раскрашенные женщины. Всю ночь они там танцевали и пели песни. Один человек, который был там, рассказывал мне это. А когда рассвело, они увидели на Лангэмской площади боевую машину марсиан.

Никто не знал, с каких пор она там стояла. Марсианин, сидевший в ней, направил ее по улице прямо на толпу, оставив на месте сотню людей. Они были так пьяны и напуганы, что не могли убежать от него.

Прекрасный пример для иллюстрации переживаемого времени, которого ни одна история не сможет вполне описать!

Отвечая на мои вопросы, артиллерист снова вернулся к своим грандиозным планам. Он говорил с энтузиазмом и стал так красноречиво убеждать меня в возможности завладеть боевой машиной, что я опять наполовину поверил ему. Но так как я уже начал немного понимать истинную сущность этого человека, то я догадался также, почему он напирал на то, чтобы действовать не спеша. Кроме того, я заметил, что теперь уже не было речи о том, что он сам захватит боевую машину.

Спустя некоторое время мы опять спустились в погреб. Никому из нас не было охоты продолжать работу. И когда он предложил поесть, то я не возражал. Он сделался вдруг необыкновенно щедрым и, выйдя после еды куда-то, вернулся с превосходными сигарами. Мы закурили, и тут снова вспыхнуло его оптимистическое настроение. На свою встречу со мною он был склонен смотреть, как на предлог для грандиозного празднества.

— В погребе есть шампанское, — вдруг заявил он.

— Мне кажется, будет лучше, если мы останемся при нашем бургундском и будем продолжать работу, — возразил я.

— Нет, — сказал он, — сегодня я хозяин. Мы будем пить шампанское! Работа, предстоящая нам, достаточно тяжела. Отдохнем и соберемся с силами, пока есть время. Посмотрите на мои мозолистые руки.

И так как он упорствовал в своем желании устроить праздник, то после еды он принес карты. Он научил меня американскому висту, и, поделив между собою Лондон — я взял северную, а он южную часть, — мы сыграли также на городские приходы. Как ни смешно и глупо это может по-

казаться всякому трезвому читателю, но я тогда искренне увлекался этой игрой и другими такими же играми.

Как странно устроен человек! В то время когда человеческому роду угрожало истребление или, во всяком случае, ужасающее вырождение, — а для нас самих не было другой перспективы, кроме мучительной смерти, — мы могли спокойно сидеть и с интересом следить, в каких комбинациях ложатся на стол кусочки раскрашенного картона. Потом артиллерист показал мне игру в покер, а после того мы принялись за шахматы, и я обыграл его три раза подряд. Мы так увлеклись, что, когда стемнело, решились даже зажечь лампу, невзирая на опасность быть открытыми!

После бесконечного ряда всевозможных игр мы поужинали, и артиллерист заключил ужин шампанским. Мы продолжали курить сигары. Но он уже не был тем энергичным реформатором, каким я его встретил утром. Он все еще был оптимистом, но это был уже не активный, а осторожный оптимизм. Я вспоминаю, как он в конце концов чокнулся со мной и, после весьма бессвязной речи с многочисленными перерывами, выпил за мое здоровье. Я взял сигару и поднялся наверх, чтобы посмотреть на зеленоватый свет над Гайгетскими холмами, о которых он мне говорил.

Сначала я совершенно машинально смотрел вдаль, вверх Лондонской долины. Северные холмы были окутаны тьмой, огни около Кессингтона светились красным светом, кое-где вспыхивали красно-желтые языки пламени и снова пропадали в глубокой синеве ночи. Вся остальная часть Лондона была погружена во мрак. Ближе к дому я вдруг заметил какой-то странный, переливающийся пурпурно-фиолетовый свет, который дрожал от ночного ветерка. Долго я не мог понять, что это такое, пока наконец не догадался, что этот бледный, фосфорический свет исходил от красной травы. Это снова вернуло меня к действительности, к моему удивлению перед свершившимся и к пониманию истинного соотношения вещей. Я посмотрел на Марс, который блеснул далеко на западе красным светом, потом долго и пытливо всматривался в темноту, в сторону Гэмстэда и Гайгета.

Я очень долго пробыл на крыше, удивляясь странным превращениям этого дня. Час за часом припомнил я все мои переживания вплоть до глупой карточной игры. Все мои чувства возмутились, и я с отвращением отбросил сигару как символ расточительности. Моя глупость предстала предо мной в преувеличенно ужасном виде. Я казался себе предателем моей жены и моих близких. Угрызения совести мучили меня, и я решил предоставить этого странного, разнузданного мечтателя его бутылке и обжорству, а самому продолжать путь в Лондон. Там, казалось мне, у меня будет больше возможностей узнать, что делают марсиане и мои собратья — люди! Я находился еще на крыше, когда на небе поднялся поздний месяц...

Глава 8

МЕРТВЫЙ ЛОНДОН

Простившись с артиллеристом, я спустился с холма и направился через Гай-стрит и мост к Ламбету. Красная трава особенно разрослась в этом месте и почти преграждала дорогу к мосту, но ее листья уже побледнели от быстро развивающейся болезни, которая вскоре должна была совсем уничтожить ее.

На углу дороги, которая вела к станции, я наткнулся на лежащего человека. Черная пыль придавала ему вид трубочиста. Он был жив, но пьян до бесчувствия. Я ничего не мог добиться от него, кроме проклятий и яростных попыток ударить меня. Может быть, я бы остался с ним, если бы меня не отпугнуло зверское выражение его лица.

Черная пыль устилала толстым слоем всю дорогу от моста, а в Фульгэме ее было еще больше. На улицах было страшно тихо. В одной булочной я нашел булку, очень твердую, кислую и заплесневелую, но вполне съедобную. Немного дальше к Вальгэм-Грину улицы были свободны от черной пыли. Я прошел мимо целого ряда ярко горящих домов, и шум пожара, нарушавший эту жуткую тишину,

был для меня облегчением. Ближе к Брэмptonу опять стало тихо.

Здесь все снова было покрыто черной пылью и лежали человеческие трупы. Я насчитал их до дюжины на всем протяжении Фульгэм-Род. По-видимому, смерть настигла их несколько дней тому назад, так что, проходя мимо них, я ускорил шаги. Черная пыль, покрывавшая их, несколько смягчала их черты. Два или три были обезображены собаками.

Там, где не было черной пыли, улицы напоминали своим видом обыкновенный воскресный день в Сити. Те же закрытые лавки, крепко запертые дома, опущенные шторы, безлюдье и тишина. Во многих домах, по-видимому, уже поработали мародеры в поисках съестных припасов. В одном доме я увидел разгромленный магазин ювелира, но вору, очевидно, помешали, так как большое количество золотых цепочек и часов валялось разбросанными на улице. Немного дальше на пороге дома сидела, скорчившись, женщина; одна ее рука с зияющей раной свесилась через колено, и из нее капала кровь прямо на платье. Возле нее валялась разбитая бутылка шампанского. Женщина казалась спящей, но была мертва.

Чем дальше я проникал в центр Лондона, тем ощутимее становилась тишина. Но это была не тишина смерти, а скорее тишина томительного ожидания. Каждую минуту мог разразиться разрушительный вихрь, уже превративший в развалины северо-западные окраины города и уничтоживший Илинг и Кильбурн. Это был обреченный, покинутый город!

В Южном Кессингтоне не было ни черной пыли, ни трупов. Как раз здесь в первый раз я услышал вой марсиан. Звуки, довольно слабые, как-то незаметно проникли в мое сознание. То был какой-то всхлипывающий звук двух чередующихся нот: «Улла! Улла! Улла! Улла!»

Пока я шел улицами, ведущими к северу, вой все разрастался, но, когда я свернул в сторону, дома и другие здания заглушили его. Он снова усилился, когда я вышел на

Экзибишен-Род. Я остановился в удивлении и стал смотреть в сторону Кессингтонского парка, недоумевая, что означает этот далекий, жалобный вой. И мне казалось, как будто эта громада опустевших домов нашла в этом вое выражение своего страха и своего одиночества.

«Улла, улла, улла, улла!..» — неслось какими-то сверхчеловеческими, рыдающими звуками и разливалось широкой волной между высокими зданиями по залитой солнцем дороге. Совершенно озадаченный, я повернул на север, к железным воротам Гайд-Парка. Я уже раздумывал, не пробраться ли мне в естественно-исторический музей и подняться на одну из его башен, откуда можно было видеть весь парк, но потом решил, что безопаснее было оставаться внизу, где легче было спрятаться, и пошел дальше по Экзибишен-Род.

Огромные дворцы по обеим сторонам улицы были пусты, и шум моих шагов, отражаясь от стен, гулко отдавался в мертвой тишине. В конце улицы, у входа в парк, я увидел опрокинутый омнибус и дочиста обглоданный скелет лошади. Я остановился в недоумении перед этой картиной, а потом свернул к мосту. Вой становился все громче и громче, но за крышами домов, находящихся на северной стороне парка, не видно было ничего, кроме облаков дыма, поднимавшихся где-то вдаль на северо-западе.

«Улла, улла, улла, улла!» — ревел таинственный голос, который, как мне казалось, выходил откуда-то по соседству с Реджент-Парком. Этот безнадежный крик ложился камнем мне на душу, и я чувствовал, как постепенно падало мое бодрое настроение, которое до сих пор поддерживало меня. Я вдруг почувствовал себя ужасно несчастным, голодным и усталым.

Было уже далеко за полдень. Почему я бродил один в этом городе мертвых? Почему я один остался жив, когда весь Лондон, покрытый черным саваном, лежал на смертном одре? Мое одиночество становилось невыносимым. Я вспомнил старых друзей, о которых я не думал много лет. Мне припомнились хранящиеся в аптеках яды и спиртные

напитки, спрятанные в винных погребах. Я вспомнил также тех двух несчастных созданий, спившихся до потери сознания, которые, насколько мне было известно, делили со мной владение городом.

Через мраморную арку Гайд-Парка я вышел на Оксфорд-стрит. Здесь опять была черная пыль и трупы. Из подвальных этажей некоторых домов несся подозрительный отвратительный запах. Я чувствовал сильную жажду после продолжительных странствований по жаре. С большим трудом, взломав дверь в одном трактире, я добыл себе немного еды и питья и решил заночевать здесь. Подкрепившись едой, я увидел в комнате за буфетом волосяной диван, на который улегся и заснул.

Я проснулся под тот же удручающий вой: «Улла, улла, улла, улла!» Уже смеркалось. Захватив с собой сухари и кусочек сыру, — мяса я не взял, так как оно все кишело червями, — я снова отправился бродить. Пройдя безмолвными аристократическими скверами, из которых я знаю название только одного — Портмэн-Сквера, я вышел на Бэкер-стрит, и, таким образом, добрался наконец до Реджент-Парка. В тот момент, когда я дошел до конца Бэкер-стрит, я увидел вдаль над деревьями, в лучах заходящего солнца, блестящий колпак гигантской боевой машины, от которой и шел этот вой. Я не испугался и пошел прямо на великана, как будто это была самая естественная вещь. Некоторое время я наблюдал за ним, но он не двигался. Он стоял и выл, но почему он выл, я не мог понять.

Я пытался составить какой-нибудь план действий, но этот несмолкающий вой «улла, улла, улла, улла» путал мои мысли. Может быть, я был слишком утомлен, чтобы чувствовать страх. Во всяком случае, желание узнать причину этого монотонного воя было во мне сильнее страха. Я повернул на Парк-Род и, обогнув парк под прикрытием домов, вышел к Сен-Джонскому лесу, где воющий марсианин оказался прямо передо мной.

Ярдах в двухстах от Бэкер-стрит я услышал яростный лай многих собак. Прямо на меня бежал огромный дог с куском

гнилого красного мяса в зубах, а за ним гналась целая стая голодных дворняг. При виде меня дог описал широкий круг, как будто боясь встретить во мне конкурента, и исчез в конце улицы, а за ним и другие собаки. Как только замер лай собак вдали, на безлюдной дороге, в воздухе с удвоенной силой пронесся все тот же жалобный вой: «Улла, улла, улла, улла!..»

На полдороге к станции Сен-Джонского леса я наткнулся на сломанную «рабочий-машину». Сначала я думал, что дом обрушился на улицу, и, только вскарабкавшись на развалины, я с изумлением увидел, что это был механический гигант. Беспомощно подогнув свои поломанные железные руки, он лежал среди разрушения, которое сам же произвел. Передняя часть машины была совершенно разбита. Должно быть, она со всей силы наскочила на дом и была смята его падением. Само собой разумеется, что это могло случиться только в том случае, если машина, будучи пущена в ход, вдруг очутилась без руководителя. Я стал исследовать обломки и, так как еще не совсем стемнело, заметил следы крови на сиденье и обглоданные хрящи марсианина, брошенные собаками.

Совершенно пораженный всем увиденным мною, я свернул к Примрозскому холму. Вдали, сквозь просвет между деревьями, я увидел второго марсианина, который стоял так же неподвижно, как и первый. Вблизи развалин, окружавших разбитую машину, я снова увидел красную траву, которая росла здесь повсюду, и канал Реджент-стрит представлял собой сплошную губчатую массу темно-красной растительности.

Вдруг, в ту минуту, когда я переходил мост, таинственный вой «улла, улла!» прекратился. Звуки оборвались сразу, и тишина наступила с внезапностью громового удара.

Высокие громады домов обступили меня неясными, серыми тенями, сливавшимися с темнотой. Впереди чернели деревья парка. Кругом со всех сторон ко мне ползла красная трава, словно она хотела опутать меня своими цепкими ветвями. Ночь — мать страха и тайн — надвигалась на меня.

Пока еще звучал тот жалобный голос, одиночество и безлюдье были терпимы. Этот, хотя и нечеловеческий вой придавал Лондону жизнь, и сознание этой жизни поддерживало меня. И вдруг — молчание; прекращение чего-то, чего я сам не знал, и тишина, которую можно было осязать! Зловещая, гробовая тишина!..

Лондон представлялся мне призраком. Окна его белых домов зияли, как пустые глаза черепа. Воображение рисовало мне на каждом шагу тысячи невидимых врагов, бесшумно подбирающихся ко мне. Отчаяние овладело мною, ужас — перед моей дерзостью. Я заметил, что дорога впереди меня была совершенно черная, точно ее полили дегтем, и поперек нее лежала какая-то скорченная фигура. Я не мог заставить себя идти дальше.

Повернув назад к Сен-Джонскому лесу, я бросился бежать назад, как сумасшедший, от этой невыносимой тишины, к Кильбурну. Было уже далеко за полночь, когда я спрятался наконец от этой ночи и тишины на каком-то извозничьем дворе, на Гарроу-Род. Но мало-помалу я снова пришел в себя, и на небе еще светили звезды, когда я отправился к Реджент-Парку. Я заблудился в лабиринте улиц и, выйдя на какой-то длинный проспект, неожиданно увидел в конце его при свете занимавшейся зари очертания Примрозского холма. На его вершине, подымаясь головой к меркнувшим звездам, стоял третий марсианин, прямой и неподвижный, как и другие.

Безумное желание овладело мною: сразу покончить все! И не нужно было трудиться убивать себя самому. Совершенно равнодушно я стал подходить к великану все ближе и ближе. Но вот при свете разгоравшейся зари я увидел вдруг, что над его колпаком кружится какая-то стая черных птиц. При виде этого сердце почти остановилось у меня в груди, и я пустился бежать по улице...

Я пробрался сквозь заросли красной травы, опутывавшей всю Сен-Эдмундскую террасу, для чего мне пришлось пройти по груди в воде через поток, бежавший от фонтанов к Альберт-Род, и солнце еще не всходило, когда я выбрался

на сухое место и подошел к холму. У вершины его на большое пространство тянулись высокие насыпи, образуя что-то вроде огромного укрепления. Это был последний и самый большой лагерь марсиан. Из-за этих насыпей подымалась к небу тонкая струйка дыма. Вдали промелькнул силуэт бегущей собаки и скрылся.

Блеснувшая в моем уме догадка получила реальную основу, становилась правдоподобной. Я не испытывал страха, у меня только захватило дух от дикой, ликующей радости, когда я вбежал на гору к чудовищу, неподвижно стоящему там. Из-под его колпака висели тонкие коричневые клочья, и голодные птицы рвали и клевали их...

В следующую минуту я стоял уже на гребне холма, и вся внутренность укрепления была передо мной. Она занимала огромную площадь, на которой стояли гигантские боевые машины и кучи заготовленного материала. И тут же, повсюду, на опрокинутых боевых машинах, на стоящих теперь в бездействии «рабочих-машинах», а многие просто сбившись в кучу, неподвижные и молчаливые, лежали марсиане, — мертвые, убитые болезнью, к борьбе с которой не был подготовлен их организм! Убитые ничтожнейшими из земных творений после того, как все ухищрения человеческого ума оказались недействительными.

Итак, пришло то, что, в сущности, я и другие могли предвидеть, если бы ужас и бедствия не ослепили наш разум. Эти зародыши болезни брали с человечества дань уже с начала веков, брали дань с наших дочеловеческих предков еще с начала жизни на Земле. Но, благодаря естественному отбору, в нашем организме развилась сила сопротивления их влиянию. Никаким из этих бактерий мы не поддавались без борьбы, а многие, как, например, те, которые вызывают гниение в мертвых телах, совершенно не действуют на живой организм. Но на Марсе нет бактерий, и с той минуты, когда на Землю явились пришельцы с Марса, когда они стали пить и есть на Земле, наши микроскопические союзники принялись за дело и победили их. Уже тогда, когда я наблюдал за марсианами из-под развалин дома, они были

бесповоротно обречены и погибали уже, когда еще передвигались. Это было неизбежно. Ценою многих миллионов жизней человек купил себе право первородства на Земле, и она принадлежит ему, хотя бы марсиане были в десять раз сильнее, и это потому, что человек не живет и не умирает напрасно...

Рассеянные повсюду, лежали пятьдесят марсиан в ими же самими вырытой глубокой яме, застигнутые смертью, казавшейся им, вероятно, непостижимой, как должна, впрочем, казаться всякая смерть. И мне в то время эта смерть казалась непостижимой. Все, что я понимал тогда, что эти существа, бывшие таким ужасом для людей, лежали теперь мертвые!

Я стоял и смотрел в яму, и мое сердце ликовало, а восходящее солнце оживляло все вокруг меня своими лучами. В яме было еще темно. Гигантские машины, такие огромные и поразительные по своей силе и совершенству и столь чуждые земле по своим странным, изогнутым очертаниям, туманными призраками подымались из тьмы к свету. Ко мне доносилось снизу рычание собак, которые грызлись над трупам марсиан.

На дальнем краю ямы лежала огромная и странная летательная машина, с которой марсиане производили опыты в нашей более сгущенной атмосфере, пока болезнь и смерть не прекратили их работ. Смерть пришла как раз вовремя. Я услышал карканье над моей головой и, взглянув вверх, увидел грозную боевую машину, которой уже не суждено была больше действовать, и красные ключья растерзанного мяса, с которых капала кровь на вершину холма...

Я обернулся назад и посмотрел в ту сторону, где, окруженные стаяй черных птиц, стояли два других марсианина, которых я видел накануне ночью, как раз в тот момент, когда их настигла смерть. Один из них умер, призывая на помощь своих товарищей. Быть может, он умер последним, и голос его непрерывно взывал, пока не иссякла в нем сила жизни. Теперь эти безвредные трехногие башни мирно сверкали в лучах восходящего солнца.

А кругом ямы расстилась чудом спасшаяся от вечного разрушения — мать городов! Тот, кто видел Лондон только окутанным траурной пеленой дыма, не может представить себе всей красоты и ясности безмолвного лабиринта его домов...

К востоку над почерневшими развалинами Террасы Альберта и над расколовшейся церковной колокольней солнце ослепительно сверкало на безоблачном небе. А местами, где лучи его попадали на ребро белого карниза какой-нибудь крыши, они казались еще ярче, еще ослепительнее. Солнце играло даже на круглом здании винного склада у станции Чок-Фарм и на железнодорожных дворах, изрезанных длинным рядом рельс, еще недавно черных, а теперь, после двухнедельного бездействия, блестящих каким-то таинственным красноватым светом.

К северу тянулись Кильбурн и Гэмпстэд, а к западу — великий город исчезал за завесой тумана. Но к югу, за марсианами, колыхался зелеными волнами Реджент-Парк, отчетливо выступали на солнце, уменьшенные расстоянием, Лангэм, купол Альберт-Холла, императорский институт и величественные особняки Бромптон-Роуд, а за ними, в туманных очертаниях, вздымались к небу зубчатые развалины Вестминстера. Вдали синели Суррейские холмы и сверкали серебром башни Хрустального дворца. Купол Св. Павла вырисовывался темной массой на солнце, и на нем зияла огромная трещина, которую я видел теперь в первый раз.

И, когда я окинул взглядом эту безмолвную, покинутую громаду домов, церквей и фабрик и вспомнил о тех надеждах, несчетных усилиях и миллионах жизней, которые ушли на сооружение этих грандиозных зданий, и о мгновенном, беспощадном разрушении, висевшем под ними, — тогда только сознал я наконец, что этот темный призрак ушел и больше не вернется, что на этих улицах опять будут жить люди и что этот, дорогой моему сердцу, город оживет, могучий, как и прежде! Душу мою наполнило глубокое умиление, и я готов был заплакать...

Кончились страдания. С сегодняшнего дня должно было начаться исцеление. Рассеянные по всей стране, остав-

шиеся в живых, те, которые бродили без руководителей, без защиты, без пищи, и те тысячи, которые уехали за море, — все должны были вернуться теперь. Пульс жизни, все усиливаясь, должен был опять забиться на опустевших улицах. Как ни велико было разрушение, но смерть остановила руку разрушителя. Эта рука была мертва. Скоро в этих жалких развалинах, этих почерневших скелетах домов, зловеще выступающих на фоне зеленых холмов, зазвучат молотки и зазвенят топоры и лопаты новых строителей. При этой мысли я протянул руки к городу. Еще год, думал я, один только год!..

И тут с подавляющей силой ко мне вернулись мысли о себе, о своей жене и о прежней жизни, полной надежд и нежной заботливости, о жизни, которая кончилась навсегда...

Глава 9

НА ОБЛОМКАХ

Но вот наступает самый странный момент в моем рассказе. Я помню ясно и отчетливо все, что я делал, вплоть до той минуты, когда я стоял на вершине Примрозского холма.

О последующих трех днях я не помню ничего. Потом я узнал, что я не был первым, открывшим гибель марсиан, а что несколько таких же, как и я, блуждающих скитальцев сделали это открытие предыдущей ночью. Один из них тотчас же отправился в Сен-Мартин-ле-Гран и, в то самое время, когда я сидел на извозчичьем дворе, каким-то образом ухитрился протелеграфировать в Париж. Радостная весть облетела весь мир. Тысячи городов, скованные ужасом перед грозящей бедой, дали волю своему ликованию. И в то время, когда я, все еще сомневаясь, стоял на краю ямы, об этом радостном событии знали уже в Дублине, Эдинбурге, Манчестере и Бирмингеме. Люди спешно снаряжались, плача от радости и прерывая работу, чтобы позать друг другу руки, и готовили поезда для отправки в столицу. Церков-

ные колокола, молчавшие четырнадцать дней, вдруг заговорили, разнося великую весть по всей Англии.

Люди, с исхудалыми, ввалившимися лицами, в изорванных одеждах, летели на велосипедах по всем дорогам и проселкам, крича всем встречным о неожиданном избавлении и пробуждая своим ликующим криком надежду в сердцах обезумевших от страха, полупомешанных людей. Через канал, через Ирландское море, через Атлантический океан везли нам зерно, хлеб и мясо. Кажется, что в те дни флотилии всего мира неслись к Лондону! Но об этом я ничего не знал тогда. Меня покинул разум, и я не помню, как я провел эти три дня. Очнулся я в доме добрых людей, подобранных меня, когда я, плача и безумствуя, носился по улицам, вблизи Сен-Джонского леса. Они мне рассказывали потом, что я все время пел какую-то бессмысленную песню, из которой можно было разобрать только: «Последний человек на Земле — ура! Последний человек на Земле!» Несмотря на угнетавшие их лично тяжелые заботы, эти люди, имени которых я не могу здесь назвать, хотя мне и было бы приятно выразить им свою благодарность, — приняли во мне участие, приютили меня в своем доме и спасли меня от самого себя. По-видимому, во время моего безумия они узнали кое-что о моих переживаниях.

Когда я пришел в себя, они сообщили мне со всевозможной осторожностью все, что им удалось узнать о судьбе Лизсерхеда. Спустя два дня после того, как я попал в западню в Шине, Лизсерхед был уничтожен марсианином со всеми жившими в нем. Он сровнял его с землей без всякого основания, как казалось, а просто из прихоти, как делает это мальчик, разрушая муравейник.

Я был теперь одиноким человеком, и эти люди были очень добры ко мне. Несмотря на то что я был убит горем и им было тяжело со мной, они все же терпели меня. После моего выздоровления я оставался у них еще четыре дня. В течение всего этого времени меня томило страстное, все возрастающее желание взглянуть еще раз, последний раз на то немногое, что осталось от моей скромной, личной жиз-

ни, которая была такой счастливой и светлой! Это было болезненным, безнадежным желанием еще раз упиться моим горем. Мои хозяева отговаривали меня. Они делали все, что могли, чтобы отвлечь меня от этой нездоровой мысли. Но я не мог больше бороться с собою. Дав обещание вернуться к ним и со слезами простившись с этими людьми, которые в четыре дня сумели стать моими друзьями, я снова зашагал по улицам, которые еще так недавно были такими странными, мрачными и пустыми.

Теперь они были полны возвращавшимися людьми. Местами даже попадались открытые лавки, и в фонтанах уже была вода.

Я припоминаю, какой прекрасный был день, когда я пустился в свое печальное странствие к маленькому домику в Уокинге, какое движение было на улицах и какая светлая жизнь кипела вокруг! Повсюду на улицах толпилось столько народу, что факт гибели такого большого количества людей казался невероятным! Но когда я всмотрелся в их лица, то заметил, как желта была их кожа, в каком беспорядке были их волосы и как лихорадочно блестели их глаза! На многих из них вместо одежды висели какие-то грязные лохмотья. На всех лицах было выражение ненормального возбуждения или утрюмой решимости. Если бы не такое выражение лиц, можно было принять Лондон за город бродяг. В приходах раздавали хлеб, присланный французским правительством. У немногих лошадей, попадавших на улице, ребра торчали, как у скелетов. На каждом углу улицы стояли констебли с белыми значками, худые и бледные. На улицах, по которым я проходил, почти не оставалось следов пребывания марсиан, и, только дойдя до Веллингтон-стрит, я снова увидел красную траву, густо обвившую быки Ватерлооского моста.

У моста, на углу, мне бросился в глаза укрепленный на палке, над чащей красной травы, плакат. Это было объявление о первой газете «Daily-Mail», возобновившейся печатанием. За потемневший шиллинг, оказавшийся у меня в кармане, я купил себе один номер этой газеты. Большая

часть газеты была пуста, но единственный автор, который составил этот номер, доставил себе маленькое развлечение, поместив шуточную схему объявлений на последней странице. Содержание газеты исчерпывалось выражениями личных чувств автора. Отдел известий еще не был организован. Я не узнал ничего нового, кроме того, что изучение машин марсиан дало уже за одну неделю изумительные результаты. Между прочим, в газете категорически утверждалось, хотя я тогда этому не поверил, что секрет воздушных полетов марсиан открыт.

На Ватерлооском вокзале стояли уже готовые поезда, развозившие бесплатно публику по домам. Первый наплыв уже прошел. В поезде было мало пассажиров, а я не был расположен к разговорам. Заняв отдельное купе, я сел к окну, скрестил руки и мрачно смотрел на мелькавшие передо мной, ярко освещенные солнцем картины опустошения. За вокзалом поезд запрыгал по временным рельсам, и по обеим сторонам пути потянулись почерневшие развалины домов. До узловой станции Клепгэм Лондон был еще совсем черным от осадка дыма, несмотря на два дня проливных дождей. За Клепгэмом путь опять был разрушен. Я видел, как сотни безработных клерков и приказчиков бок о бок с простыми рабочими трудились над восстановлением его поврежденных мест. Таким образом, мы шли довольно долгое время по наспех проложенному временному пути.

На всем протяжении железной дороги местность имела безотрадный вид. Особенно пострадал Уимбльдон. Благодаря своим уцелевшим сосновым лесам, Уолтон казался наиболее сохранившимся из всех местечек, лежавших у полотна железной дороги. Речки Уэндл, Мол, каждый маленький ручеек совершенно заросли красной травой. Суррейские сосновые леса оказались, должно быть, слишком сухими для красной травы, так как они были свободны от нее. За Уимбльдоном, среди сада, лежали высокие кучи земли, взрытые падением шестого цилиндра. Вокруг ямы толпился народ и работали саперы. Над ямой весело развевался по ветру английский флаг. А кругом в садах пышно разрос-

лась красная трава, представляя широкую площадь всех оттенков красного цвета, резавшего глаза своею яркостью. С бесконечным облегчением я перенес свой взгляд от кроваво-красной, а местами серой обожженной земли к мягкому сине-зеленому цвету видневшихся на востоке дальних холмов.

Так как железнодорожная линия от Лондона до станции Уокинг была восстановлена только местами, мне пришлось сойти в Байфлите, и я отправился пешком в Мейбург. Я прошел мимо того места, где мы с артиллеристом встретили гусар, и дальше, где я в грозу увидел в первый раз марсианина. Движимый любопытством, я свернул в сторону и увидел в зарослях красных растений сломанный шарабан и белые обглоданные лошадиные кости, разбросанные кругом. Я простоял довольно долго, глядя на эти останки...

Потом я повернул назад и пошел сосновым лесом, пробираясь сквозь заросли красной травы, которая местами была мне по шею. Хозяин «Пятнистой собаки» был похоронен. Пройдя мимо колледжа, я очутился около своего дома. Какой-то человек стоял в дверях соседнего дома, поздоровался со мною, когда я проходил мимо, назвав меня по имени.

Я взглянул на свой дом со слабой искоркой надежды, сейчас же погасшей. Замок у ворот был взломан, и одна половинка дверей только прислонена. Когда я подошел ближе, она тихонько открылась, словно мне навстречу.

Ворота снова захлопнулись. В открытом окне моего кабинета, того самого, у которого мы с артиллеристом ждали тогда наступления дня, колыхались занавески от ветра. Смятые кусты были в том же виде, как я их оставил четыре недели тому назад. Я споткнулся в передней; пустота дома удручала меня. Ковер на лестнице был сдвинут и полинял в том месте, где я сидел, промокший насквозь, спасаясь от грозы в ту страшную ночь. Я видел грязные следы моих ног по всей лестнице. Они шли до самого кабинета. В кабинете, на письменном столе, на прежнем месте под селенитовым пресс-папье лежала моя работа, как я оставил ее в тот день, когда открылся первый цилиндр.

Я долго стоял над своей работой, пробегая последнюю страницу. Это была статья о вероятном развитии моральных идей в связи с развитием цивилизации. Последняя фраза начиналась пророчеством: «Через двести лет, — писал я, — мы можем ожидать»... — на этом статья обрывалась. В то утро я не мог сосредоточиться на своей работе, и я помню, как бросил писать и побежал купить «Daily Chronicle». Подойдя к калитке сада, я встретил газетчика и помню, как я слушал его странный рассказ о «людях с Марса»...

Я снова спустился вниз и пошел в столовую. На столе лежали хлеб и баранина, уже совершенно стгнившая, и опрокинутая бутылка из-под пива, все в том же виде, как мы это оставили с артиллеристом. Мой дом опустел. Теперь я только понял все безумие надежды, которую я так долго лелеял!..

Но вдруг случилось невероятное...

— Это бесполезно, — сказал чей-то голос. — Дом оставлен. Последние десять дней здесь никого не было, оставаться дольше значило бы только понапрасну мучить себя. Никто не спасся, кроме нас.

Я остановился, пораженный. Неужели я вслух высказал свои мысли? Я обернулся и увидел, что стеклянная дверь была открыта. Я сделал шаг и выглянул за дверь.

И там стояли, удивленные и испуганные не меньше меня, мой кузен и моя жена. Моя жена, бледная, с сухим, остановившимся взглядом... Она слабо вскрикнула.

— Я пришла! — сказала она. — Я знала это, знала... — Она схватилась рукой за горло и зашаталась. Я подбежал к ней и подхватил ее в свои объятия...

Эпилог

Заканчивая свой рассказ, я могу только пожалеть, что я не в состоянии способствовать разрешению многих спорных вопросов, так и оставшихся невыясненными. В одном отношении моя книга, без сомнения, вызовет возражения. Моя специальность — спекулятивная философия. Мои познания в сравнительной физиологии ограничиваются несколькими книгами. Но я полагаю, что предположения Карвера относительно причин внезапной смерти марсиан так правдоподобны, что их можно считать почти доказанными. Я уже говорил о них в своем рассказе.

Достоверно по крайней мере то, что ни в одном из всех трупов марсиан, исследованных после войны, не найдено было никаких других бактерий, кроме тех, земное происхождение которых несомненно. Тот факт, что марсиане не хоронили своих мертвецов, и те массовые избиения, которые они производили, указывают также, что процесс гниения был им совершенно неизвестен. Но как ни близки к истине эти предположения, доказанными фактами их все же считать нельзя.

Также мало известен нам состав черного дыма, которым пользовались марсиане с таким убийственным эффектом, и такой же загадкой остается для нас генератор теплового луча. После целого ряда ужасных катастроф в лабораториях Илинга и Южного Кессингтона химики потеряли охоту продолжать исследования над тепловым лучом. Спектральный анализ черного порошка безошибочно указал на присутствие в нем какого-то нового, неизвестного нам эле-

мента, со светящейся группой трех линий в зеленой части спектра, и весьма возможно, что в соединении с аргоном этот элемент образует состав, действующий смертоносно на какую-нибудь из составных частей крови. Но все эти недоказанные предположения будут вряд ли интересны для большего числа читателей, для которых написана эта книга.

О результатах анатомического исследования марсиан я уже говорил. Все, конечно, знакомо с великолепным, почти неиспорченным экземпляром марсианина в спирту, хранящимся в Естественно-историческом музее, и с бесчисленными рисунками, сделанными с этого экземпляра. Что же касается строения тела марсиан и физических отравлений их организма, то они представляют лишь чисто научный интерес.

Гораздо важнее вопрос, представляющий более общий интерес, — о возможности вторичного нашествия марсиан. Я нахожу, что этой стороне вопроса уделяют слишком мало внимания. С каждым возвратом планеты Марс в положение противостояния можно ожидать со стороны марсиан, — таково, по крайней мере, мое личное убеждение, — возобновления их попытки. Во всяком случае, к этому нужно было бы приготовиться. Мне кажется легко возможным определить положение орудия, из которого они стреляют на Землю, и, установив постоянное наблюдение за этой частью планеты, встретить уже вооруженными следующую атаку марсиан.

В таком случае цилиндр может быть уничтожен динамитом или артиллерией, прежде чем он успеет настолько остыть, чтобы марсиане могли выйти из него. Или же их можно перестрелять всех из пушек, как только откроется цилиндр.

Лессинг привел несколько основательных доводов в пользу предположения, что марсианам действительно удалось основаться на планете Венера. Семь месяцев тому назад и Марс, и Венера были на одной линии с Солнцем, другими словами, для наблюдающего с Венеры Марс находился в положении противостояния к ней. Вскоре после

этого на неосвященной стороне средней планеты появился странный светящийся волнообразный след, и почти одновременно получился слабый, темный, такой же волнообразный отпечаток на фотографическом снимке с диска Марса. Достаточно взглянуть на снимки того и другого, чтобы убедиться в их замечательном сходстве.

Во всяком случае, грозит ли нам новое нашествие с Марса или нет, наши взгляды на будущее человечества, после недавних событий, должны были измениться. Теперь мы знаем, что мы не можем считать нашу планету вполне безопасным и хорошо защищенным местом жительства для человечества, а также, что мы никогда не можем предвидеть, какие блага или бедствия могут свалиться на нас из мирового пространства.

Возможно, что с широкой, мировой точки зрения, нашествие с Марса принесло в конечном итоге пользу человечеству. Оно уничтожило в нас безмятежную уверенность в прочности нашего будущего, что всегда служит верным источником упадка. Оно обогатило человеческие знания и значительно подвинуло человечество в понимании общего блага. Возможно также, что марсиане, наблюдая сквозь неизмеримо широкое пространство судьбу своих пионеров, приняли к сведению полученный ими урок и избрали планету Венеру как более безопасное место для своей эмиграции. Но как бы то ни было, несомненно только одно, что еще много, много лет диск Марса будет для нас предметом неослабного наблюдения, а падающие звезды — эти огненные выстрелы с неба — будут служить всем жителям Земли серьезным предостережением.

Нельзя вполне оценить, насколько расширился умственный кругозор человека после нашествия марсиан. До падения их цилиндров держалось общераспространенное мнение, что во всем громадном мировом пространстве жизнь существует только на поверхности нашей крошечной планеты. Но теперь мы смотрим шире. Если марсиане могли перелететь на Венеру, то нет оснований думать, что это невозможно для людей, и, когда, вследствие постепенного

охлаждения Солнца, Земля станет необитаемой, — что неизбежно случится когда-нибудь, тогда возможно, что нить жизни, взявшая свое начало на Земле, растянется и обовьет своею сетью родственные нам планеты. Будет ли за нами победа?

Туманно и поразительно видение, родившееся в моем мозгу, как жизнь постепенно, из маленького рассадника Солнечной системы, распространится по всему безжизненному, необъятному звездному пространству. Но это только отдаленная мечта! И, кто знает, может быть, уничтожение марсиан — лишь только временная отсрочка нашей окончательной гибели? Может быть, им, а не нам, принадлежит будущее?

Я должен сознаться, что волнения и ужасы того времени оставили в моей душе чувства сомнения в прочности существующего. Я сижу в моем кабинете и пишу при свете лампы. И вдруг мне кажется, что в снова ожившей долине появляются огненные языки пламени, что мой дом пустует и что я снова одинок. Я выбегаю на Байфлитскую улицу и вижу, как едут повозки, экипажи, полные людей, рабочий на велосипеде, дети, идущие в школу, и вдруг все это становится туманным, нереальным, и я снова брожу с артиллеристом по горячей, пыльной дороге среди гнетущей тишины.

А ночью я вижу безмолвные улицы, покрытые черным порошком, и растерзанные трупы, лежащие в пыли... Они встают передо мною, изувеченные и обглоданные собаками. Они бормочут что-то и угрожают мне, потом становятся все бледнее, все безобразнее и превращаются наконец в какие-то сверхъестественные искажения человеческого образа... И я просыпаюсь в темноте, обливаясь холодным потом...

Я еду в Лондон, смотрю на озабоченно суетящуюся толпу по Флит-стрит и Странду, и опять мне кажется, что все это только видения прошлого, которые бродят по улицам, бывшим еще так недавно такими тихими и пустынными! Что эти призраки в искусственно оживленном теле, носящиеся по мертвому городу, только насмешка над жизнью! И мне странно опять стоять на вершине Примрозского холма, ку-

да я ходил только вчера, и смотреть на огромную панораму домов, подернутую синей пеленой тумана и дыма, постепенно исчезающей вдаль. Странно видеть всех этих людей, гуляющих между цветочными клумбами, которые пришли посмотреть на боевую машину марсиан, все еще стоящую на прежнем месте! Странно слышать веселый крик играющих детей и вспоминать то время, когда я видел этот город и равнину такими зловещими и безмолвными при свете занимающейся зари того последнего, великого дня!..

Но страннее и удивительнее всего этого было держать в своей руке руку жены и думать, что я считал ее, как и она меня, погибшей.

КОГДА СПЯЩИЙ
ПРОСНЕТСЯ

Глава 1

БЕССОННИЦА

Однажды, в жаркий полдень, во время отлива мистер Избистер, молодой художник, проживавший в Боскасле, направлялся из этого местечка в живописной бухточке Пентарджена с тем, чтобы осмотреть тамошние пещеры. Он шел пешком вдоль берега моря и, спускаясь по крутой тропинке к Пентарджену, неожиданно наткнулся на какого-то человека, который сидел под навесом выступавшей в море скалы. Вся поза этого человека говорила о глубоком отчаянии. Он сидел согнувшись; его руки бессильно свесились с колен, красные воспаленные глаза тупо глядели в пространство, и все лицо было мокро от слез.

Он оглянулся, услышав шаги художника. Оба смутились, особенно Избистер. Он невольно остановился и, не зная, как выйти из неловкого положения, с глубокомысленным видом промямлил что-то такое о погоде, «жаркой не по сезону».

— Да, жарко, — коротко отозвался незнакомец. Он помолчал с секунду и добавил однозвучным, вялым тоном:

— Я не могу спать.

Избистер резко остановился.

— В самом деле?

Вот все, что он нашелся сказать, но во всей его манере сквозило искреннее желание помочь, насколько это в его власти.

— Это может показаться невероятным, — продолжал незнакомец, поднимая на него усталые глаза и подкрепляя свои слова вялым движением руки, — трудно поверить, но

вот уже шесть ночей, как я не спал, совсем не спал, ни минуты.

— Советовались вы с докторами?

— Да. Ни одного путного совета. Микстуры, пилюли. А моя нервная система... Все эти лекарства, может быть, и хороши для большинства людей... Как бы это объяснить?.. Я не решаюсь принять достаточно сильную дозу.

— Это должно помочь, — заметил Избистер.

Он беспомощно стоял на узкой тропинке, недоумевая, что же делать дальше. «Бедняге хочется поговорить — это ясно», — подумал он и, движимый естественным при данных обстоятельствах побуждением, поспешил поддержать разговор.

— Сам я бессонницей никогда не страдал, — заговорил он беспечным тоном светской болтовни, — но я знаю, что для таких случаев существуют средства...

Незнакомец сделала жест отрицания.

— Я боюсь делать эксперименты.

Он говорил устало, через силу. Оба опять помолчали.

— А моцион? Пробовали вы моцион? — нерешительно спросил Избистер, переводя взгляд с измученного лица своего собеседника на его костюм туриста.

— Пробовал, как раз в эти дни. И, кажется, глупо сделал. Я прошел пешком весь берег от самого Нью-Кея. Я иду уже несколько дней. К умственному утомлению прибавилась физическая усталость — вот и все. Да ведь и началась-то со мной эта история от переутомления и... от забот. Я, видите ли...

Он оборвал речь, точно у него не хватило сил продолжать, потом потер лоб своей тонкой, костлявой рукой и начал снова так, как будто говорил сам с собой:

— Я — одинокий волк, живу уединенно, всем чужой, не принимаю прямого участия в жизни. Нет у меня ни жены, ни детей... Кто это сказал про бездетных людей, что это мертвые сучья на древе жизни?.. У меня нет жены, нет детей, нет обязанностей. Даже желаний нет в моем сердце. Я долго не находил себе задачи, цели в жизни. Но наконец нашел. Я ре-

шил сделать одно дело. Я сказал себе: я хочу это сделать и делаю. И для того, чтоб сделать это, чтоб побороть инертность своего вялого тела, я прибегал к лекарствам. Боже ты мой! Сколько я их проглотил! Не знаю, все ли чувствуют то, что чувствовал я тогда. Сознаете ли вы, например, все неудобство иметь тело, ощущаете ли всю тяжесть его, чувствуете ли с отчаянием, как много времени оно отнимает у вашей души — времени и жизни?.. Жизнь! Да разве мы живем? Мы живем лишь урывками. Нам надо есть. Мы едим и получаем тупое пищеварительное удовлетворение или, наоборот, раздражение. Нам нужны движение, воздух, иначе наше мышление замедляется, ум тупеет, мысль отвлекается внешними и внутренними впечатлениями и забредает в тупики. А там наступают дремота и сон. Люди и живут-то, кажется, только затем, чтобы спать. Даже в лучшем случае человеку принадлежит такая ничтожная часть его дня. А тут еще приходят на подмогу эти наши друзья-предатели — алкалоиды, которые заглушают естественное чувство усталости и убивают покой. Черный кофе, кокаин...

— Да, да, понимаю, — вставил Избистер.

— Но я окончил свое дело, — сказал раздражительно бедный больной. — Я добился своего.

— Ценою бессонницы?

— Да.

С минуту оба молчали.

— Вы себе представить не можете, до чего я жажду покоя — алчу и жажду, — снова заговорил незнакомец. — Все эти шесть долгих суток, с той минуты, как я окончил работу, в моей несчастной голове кипит водоворот. Мысли вихрем кружатся на одном месте, быстро, непрерывно... несутся бешеным потоком неведомо куда... — Он помолчал и кончил: — В бездну.

— Вам надо заснуть, — сказал Избистер с таким решительным видом, точно открыл радикальное средство. — Вам положительно необходимо заснуть.

— Мысли мои вполне ясны — яснее, чем когда-либо. И все-таки я знаю, чувствую, что меня захватил водоворот.

Видали вы когда-нибудь, как в водоворот затягивает щепку? Разве она может бороться? Вот она кружится, кружится... все глубже, все ниже... прочь от света дня, прочь из счастливого мира живых... все дальше в пучину, на дно.

— Но позвольте... — возразил было Избистер.

Незнакомец вытянул руку решительным жестом.

— Я знаю, что я сделаю: я убью себя. — Глаза его сверкали безумием, голос звенел. — Я добьюсь покоя, если не где-нибудь еще, то там, у подножия этих скал, где зияет черная бездна, где волны так зелены, где то вздымается, то падает белая пена прибоя, где дрожит легкой рябью вон та узкая полоска воды. Там я, во всяком случае, найду... сон.

— Ну, уж это совсем неразумно, — проговорил Избистер, пораженный истерическим волнением незнакомца. — Наркотики все-таки лучше.

— Там я найду сон, — повторил тот не слушая.

Избистер смотрел на него.

— Найдете сон, вы говорите? Ну, знаете, это еще вопрос. В Лалворт-коувс есть такая же скала, во всяком случае, не ниже этой. Так вот с нее упала девушка — с самой верхушки, и что ж бы вы думали? Цела и невредима. Живет и по сей день.

— А эти скалы внизу? Разве можно упасть на них и не разбиться?

— Разбиться-то разобьетесь, конечно, и будете лежать всю ночь с переломанными костями, дрогнуть под брызгами холодной воды, мучиться... Что, хорошо?

Их взгляды встретились.

— Мне жаль разочаровывать вас, — прибавил Избистер беспечно. «С дьявольской находчивостью», — подумал он про себя. — Но бросаться с этой скалы, да и со всякой вообще... Такой род самоубийства — я говорю с точки зрения художника (он засмеялся), — право, это уж чересчур по-любительски.

— Но что же мне делать? — прокричал почти с гневом незнакомец. — Когда ночь за ночью не спишь ни секунды... Ведь от этого с ума можно сойти!

— Скажите: всю эту длинную дорогу по берегу вы сделали один?

— Да.

— Неостроумно. Простите, что я так говорю. Один! Еще бы, как тут не свихнуться? Вы правильно тогда сказали: физическая усталость — плохое лекарство против переутомления мозга. И кто вам посоветовал это средство? Ходьба — хорошо говорить! Жара, солнцепек, одиночество — с утра до ночи, день за днем... А вечером вы, наверное, ложились в постель и силились заснуть, а?

Избистер замолчал, устремив на страдальца лукаво-проницательный взгляд.

— Посмотрите на эти скалы! — крикнул вдруг тот, не отвечая на вопрос. Он взволнованно и сильно жестикулировал руками. — Посмотрите на это море, которое вечно сверкает и волнуется, как сейчас! Видите, как плещет и рассыпается белая пена вон под тем высоким утесом и снова исчезает в темной глубине. А этот синий купол со своим ослепительным солнцем, которое нещадно льет на землю горячие лучи? Это ваш мир. Вы его любите, вы чувствуете себя в нем как рыба в воде. Вас он согревает, живит, дает вам наслаждение. А для меня...

Он повернулся к своему собеседнику и показал ему свое истощенное, бледное лицо, тусклые, налитые кровью глаза и бескровные губы. Он говорил почти шепотом.

— Для меня все это, весь этот мир — лишь внешняя оболочка моего страдания... моего горя.

Избистер обвел глазами дикую красоту сверкавших в высоте, залитых солнцем вершин, потом взгляд его снова упал на поднятое к нему человеческое лицо, на котором было написано такое отчаяние, и он не нашелся, что сказать. Но вдруг он вскинул голову нетерпеливым движением.

— Вам надо выспаться — вот и все. Проспите как следует ночь, и все покажется вам в другом свете, — вот увидите.

Теперь он был уже убежден в предопределенности этой встречи. Каких-нибудь полчаса тому назад он не знал, куда деваться от скуки; и вот ему представлялось занятие, ко-

торое могло дать вполне законное удовлетворение всякому порядочному человеку. Одна мысль о предстоящей задаче поднимала его в собственных глазах, и он жадно ухватился за нее. Он решил, что этому несчастному прежде всего нужно общество, а потому, недолго думая, опустился на поросший травой выступ холма рядом с неподвижно сидевшей фигурой и принялся болтать о чем попало.

Но незнакомец, по-видимому, не слушал его: он снова погрузился в апатию. Угрюмым, неподвижным взглядом смотрел он на море, отвечая только на прямые вопросы, да и то не на все, но ничем, однако, не протестуя против непростого участия своего новоявленного друга.

Бедняга был как будто даже благодарен ему — по-своему, безмолвно и апатично, — и когда Избистер, чувствуя, что его разговорные ресурсы, не встречая поддержки, скоро иссякнут, предложил снова подняться на кручу и вместе вернуться в Боскасль, тот спокойно согласился. Не прошли они и половины подъема, как незнакомец принялся говорить сам с собой, потом вдруг повернул помертвелое лицо к своему спутнику.

— Что это? Что это?.. Вертится, вертится — быстро-быстро, как веретено. Все вертится... и без конца.

Он показал рукою, как все вертится.

— Ничего, милейший, все вздор, — проговорил Избистер тоном старого друга. — Вы только не волнуйтесь. Положитесь на меня.

Тот опустил руку и пошел дальше. И все время, пока они огибали гребень горы по узкой тропинке, где можно было идти только гуськом, и потом, когда, миновав Пинолли, они подходили к плоскогорью, измученный человек размахивал руками, бессвязно бормоча все о том же — как у него вертится в мозгу. На мыске, перед выходом на плоскогорье, в том месте, откуда открывается вид на черную яму Блэкапита, они присели отдохнуть. Еще раньше, как только тропинка настолько расширилась, что можно было идти рядом, Избистер снова начал болтать. Только он стал распространяться о том, как трудно в непогоду войти в Боскасльскую

гавань, как вдруг его спутник, перебив его на полуслове, опять заговорил:

— Положительно что-то странное творится с моей головой. — Он усиленно жестикулировал, должно быть оттого, что ему не хватало достаточно выразительных слов. — Раньше этого не было. Что-то давит мне мозг, точно гнет какой-то навалился... Нет, это не от бессонницы. Это не дремотное состояние. Хорошо, если бы так! Это как тень, как густая завеса, которая вдруг упадет и закроет от тебя главное, самое нужное, над чем ты хочешь подумать. И мысль твоя продолжает кружиться в темноте. О, какая сумятица мыслей, какой ужасный хаос! Кругом, кругом, все в одну сторону... все вертится и жужжит... Я не могу этого выразить... не могу сосредоточиться настолько, чтобы ясно выразить это в словах.

Он замолчал, обессилен.

— Успокойтесь, голубчик, — сказал Избистер. — Я вас, кажется, понимаю. Да, впрочем, и не стоит объяснять: право, это не так важно.

Незнакомец с усилием поднес руки к лицу и долго протирал глаза. Все это время Избистер, не умолкая, болтал. Вдруг его осенила новая мысль.

— Знаете что, зайдемте ко мне, — предложил он. — Выкурим по трубочке. Я покажу вам мои наброски Блэкапита. Хотите?

Больной послушно встал и последовал за ним по начинавшемуся спуску. Он шел очень тихо, нетвердыми шагами. Несколько раз Избистер слышал, как он спотыкался.

— Так, значит, решено: вы зайдете ко мне. Выкурите трубку или сигару. А заодно, может быть, захотите испробовать благодетельное действие алкоголя. Вы пьете вино?

Они стояли у садовой калитки перед домом, где жил Избистер.

Незнакомец не отвечал и не двигался с места. Он, кажется, уже перестал сознавать, где он и что делает.

— Я не пью, — медленно выговорил он наконец, направляясь тем не менее к дому по садовой дорожке. Немно-

го погода он рассеянно повторил: — Нет, я не пью... А оно все вертится, все вертится...

В дверях он споткнулся и вошел в дом, как человек, который ничего не видит перед собой.

Он тяжело опустился, почти упал в кресло, нагнулся вперед, подпер голову руками и застыл в этой позе. Через несколько секунд послышались какие-то слабые звуки вроде хрипенья.

Избистер двигался по комнате с нервной торопливостью неопытного хозяина, роняя изредка отрывочные фразы, не требовавшие ответа. Он перешел комнату, достал свою папку с этюдами и положил ее на стол. Потом взглянул на часы, стоявшие на камине.

— Хотите, может быть, поужинать со мной? — проговорил он, держа в руках незакуренную сигару. В эту минуту он ломал голову над вопросом, нельзя ли как-нибудь незаметно подсунуть гостю хорошую дозу хлорала. — У меня ничего нет, кроме холодной баранины, — продолжал он. — Но баранина первый сорт — из Уэльса. Ах, да, есть еще, кажется, торт.

Выждав немного и не получив ответа, он повторил эти слова. Но человек, сидевший в кресле, продолжал молчать. Избистер тоже замолчал и смотрел на него с зажженной спичкой в руке.

Тишина не прерывалась. Спичка догорела и погасла, незакуренная сигара была отложена в сторону. Гость был до странности неподвижен.

Избистер снова взялся за свою папку, раскрыл ее и задумался, собираясь что-то сказать.

— Может быть... — нерешительно начал было он пониженным голосом и замолчал. Взглянул на дверь, на неподвижную фигуру, сидевшую перед ним. Потом на цыпочках, стараясь ступать как можно осторожнее и беспрестанно оглядываясь на своего странного гостя, вышел из комнаты и бесшумно притворил за собой дверь.

Наружная дверь была не заперта. Он вышел в сад и встал у средней клумбы. Отсюда через открытое окно его комнаты ему была видна склоненная фигура в кресле. Незнакомец

не изменил позы: он, видимо, не шелохнулся с тех пор, как его оставили одного.

Какие-то ребяташки, бежавшие гурьбой по дороге, остановились и с любопытством глазели на художника. Знакомый лодочник, проходя, поздоровался с ним. Ему становилось неловко торчать так, без всякого дела: он чувствовал, что его положение наблюдателя должно казаться публике странным и необъяснимым. Может быть, оно выйдет естественнее, если закурить? Он достал из кармана кисет с табаком и стал не спеша набивать трубку.

— Что же это будет, однако, хотел бы я знать? — пробормотал он уже с некоторым оттенком досады. — Ну, да уж пусть себе спит, не будить же его. — Он храбро чиркнул спичкой и закурил.

Вдруг он услышал за собой шаги своей хозяйки. Она шла с зажженной лампой из кухни в его комнату. Он обернулся и замахал на нее трубкой, шепча ей, чтоб она не входила к нему. Не без труда удалось ему объяснить ей положение дел: ведь она даже не знала, что у него сидит гость. Она отправилась обратно со своей лампой, видимо, заинтригованная такой таинственностью, а он снова занял свой наблюдательный пост у клумбы, взволнованный и не в духе.

На дворе совсем стемнело. В воздухе замелькали летучие мыши. Он давно уже докурил свою трубку, а человек в кресле все не шевелился. Хорошо бы взглянуть на него поближе... Но всякие сложные соображения удерживали его. Наконец любопытство превозмогло. Тихонько прокрался он в свою комнату, где теперь было совершенно темно, и остановился на пороге. Незнакомец сидел в прежней позе, выделяясь темным пятном на светлом квадрате окна. За окном стояла полная тишина; только со стороны гавани слабо доносилось пение: должно быть, матросы пели на одном из стоявших там мелких судов. Высокие стебли дельфиниума на клумбе слабо вырисовывались на буром фоне ближнего холма.

Вдруг Избистер вздрогнул: у него мелькнула одна мысль. Он нагнулся над столом и прислушался. Его подозрение окрепло. Мало-помалу оно превратилось в уверенность.

Ему стало страшно... Если человек этот спит, так отчего же не слышно его дыхания?..

Бесшумно, осторожно, поминутно прислушиваясь, Избистер обошел вокруг стола. Вот он положил руку на спинку кресла и нагнулся над спящим, почти касаясь головой его головы. Потом нагнулся еще ниже, заглянул ему в лицо и откинулся назад с криком испуга: вместо глаз на него глядели белые стекляшки. «Глаза открыты, а зрачки закатились под лоб, — сообразил он, всмотревшись пристальнее. — Что же такое, наконец, с этим человеком?»

Его испуг превратился в ужас. Он взял незнакомца за плечо и принялся трясти его.

— Вы спите? — спросил он дрогнувшим голосом и, не получив ответа, повторил тоном ниже: — Вы спите?

Человек этот умер — теперь он был в этом убежден. Он вдруг засуетился: быстрыми шагами перешел комнату, наткнувшись при этом на стол, и сильно позвонил.

— Пожалуйста, свету! — крикнул он своей хозяйке в коридор. — С моим знакомым что-то случилось.

Потом он вернулся к своему неподвижному гостю и снова взял его за плечо. Он тряс его, кричал ему в ухо — напрасно. Комната вдруг осветилась желтым светом: хозяйка внесла лампу. На ее лице было написано изумление. Он повернулся к ней бледный, мигая от внезапного света.

— Я побегу за доктором, — сказал он. — С ним, должно быть, припадок, если только это... не смерть. Есть у вас доктор в деревне? Где он живет?

Глава 2

ТРАНС

Состояние каталептического столбняка, в которое впал незнакомец, продолжалось беспримерно долгое время. Со временем его окоченелые члены приобрели прежнюю гибкость. Тогда стало возможным закрыть ему глаза, и он производил впечатление человека, спящего спокойным сном.

Из квартиры художника его перенесли в больницу в Боскасле, а из больницы через несколько недель отправили в Лондон. Но все усилия врачей вывести его из этого состояния оставались бесплодными. Спустя некоторое время по причинам, о которых речь впереди, было решено оставить эти попытки. Долго, очень долго пролежал он таким образом, инертный, недвижимый — не мертвый, не живой, остановившись, так сказать, на полдороге между жизнью и небытием. Спячка его была абсолютною тьмой, в которую не проникал ни один луч мысли или сознания: это был сон без сновидений, длительный, глубокий покой. Его душевная буря, все разрастаясь, достигла своего предела и сразу сменилась полной тишиной. Где был человек в это время? Где была его душа? Где витает вообще душа человека, когда он теряет сознание?

— Мне кажется, это было вчера, так ясно я это помню, — сказал Избистер. — Право, я не мог бы помнить яснее, если бы все это случилось вчера.

Это был тот самый молодой художник, с которым мы познакомились в прошлой главе, но теперь он уже не был молодым. Его когда-то густые темные волосы, которые были у него всегда немного длиннее, чем это принято у мужчин, теперь были острижены под гребенку и серебрились сединой. Его когда-то свежее розовое лицо огрубело и стало красным. Теперь он носил бородку клином, и в ней было, по крайней мере, наполовину седых волос.

Он разговаривал с другим пожилым человеком в легком летнем костюме. Это был Уорминг, лондонский адвокат и ближайший родственник Грехэма — того самого больного, который впал в транс. Оба стояли в комнате рядом и смотрели на распростертое тело того, о ком они говорили.

Это было сухое желтое тело с вялыми членами и непомерно отросшими ногтями, с осунувшимся лицом и щетинистой бородой. Прикрытое только длинной рубахой, оно лежало на налитом водою гуттаперчевом матрасе, в высоком ящике из тонкого стекла. Эти стеклянные стенки как будто отграничивали спящего от реальной жизни, отделя-

ли его от мира живых, как аномалию, как диковинку, как странное уродство. Двое живых стояли у самого ящика, заглядывая в него.

— Признаюсь, я очень тогда испугался, — снова заговорил Избистер. — Меня и теперь бросает в дрожь, когда вспомню эти белые глаза. Они у него, знаете, совсем закатились тогда, так что видны были только белки. Все это так живо мне вспоминается теперь... когда я смотрю на него.

— А вы с тех пор ни разу его не видели? — спросил адвокат.

— Много раз думал зайти посмотреть, да все дела мешали. Дела в наше время не много оставляют человеку досуга. Я ведь большей частью жил в Америке все эти годы.

— Вы, кажется, живописец, насколько я припоминаю? — спросил Уорминг.

— Был. Потом, когда я женился, я скоро понял, что мне надо распрощаться с искусством. Искусство — роскошь, по крайней мере для нашего брата — людей среднего дарования. Я занялся практическим делом, и успешно. Видали вы в Дувре на скалах рекламы? Все это работа моей мастерской.

— Хорошие рекламы, — сказал Уорминг, — хоть, признаюсь, мне неприятно было встретить их там.

— Работа прочная: продержится, пока стоят сами скалы, ручаюсь! — самодовольно воскликнул Избистер. — Эх, как меняется жизнь! Двадцать лет тому назад, когда он уснул, я проживал в Боскасле свободным художником. Благородное старомодное честолюбие да ящик с акварельными красками составляли все мое имущество. Не думал я тогда, что моим кистям выпадет со временем честь размазывать весь берег милой старой Англии от Лэндс-Энда вплоть до Лизарда. Да-а, удача часто приходит, откуда меньше всего ее ждешь.

У Уорминга, видимо, были кое-какие сомнения насчет такой удачи, но он сказал только:

— Помнится, мы тогда чуть-чуть не встретились в вами в Боскасле. Вы уехали за час до моего приезда.

— Да. Вы приехали тем самым дилижансом, который отвез меня на станцию. Это было в день юбилея Виктории: я

помню, еще флаги развевались на Вестминстере и на улицах была страшная давка. Мой извозчик на кого-то наехал в Челси, и вышла целая история...

— Да, это был второй юбилей — бриллиантовый, — заметил Уорминг.

— Да, да. Во время первого, главного, когда праздновалось пятидесятилетие, я был еще мальчишкой и жил в провинции, так что ничего не видал... о господи — я опять возвращаюсь к Грехэму, — какой это был переполох тогда, если б вы знали! Моя хозяйка ни за что не хотела оставить его у себя. И в самом деле, он был такой страшный! Пришлось перенести его в гостиницу. Боскасльский доктор — не теперешний молодой, а прежний — старичок — провозился с ним до двух часов ночи. Мы с хозяином гостиницы помогали ему: держали свечи, подавали все нужное, бегали в аптеку... Ничего не помогло.

— Вначале это был, кажется, обыкновенный столбняк?

— Да. Он был деревянный: как ни согни, так и остается. Если б его на голову поставить, он и то бы стоял. Ничего подобного я никогда не видал. То, что вы теперь видите (он указал на распростертую фигуру движением головы), совершенно другое... А этот старикашка доктор... как бишь его звали?

— Смитерс?

— Да, Смитерс... Он просто ошибся. Он ведь надеялся очень скоро привести его в чувство. Чего он только не испытал! Мороз по коже продирает, как вспомнишь. И горчицу, и нюхательный табак, и щипки. А потом притащил еще эту проклятую машинку... динамо не динамо, а как ее?

— Индукционную катушку?

— Да. И пустил ее в ход. Если бы вы видели, как его дергало! Каждый мускул прыгал. Вы только представьте себе: полутемная комната... лишь у кровати горят две свечи, которые мы двое держим в руках... пламя колеблется... на стенах дрожат тени... маленький доктор нервничает, суетится, а тот весь корчится под током, точно автомат на пружинах... Уф! мне и теперь часто снится эта картина.

Молчание.

— Да, странное явление, — сказал Уорминг.

— Очень странное. Человек в этом состоянии, можно сказать, отсутствует вполне. Остается только тело без души — не мертвое, но и не живое. Это все равно как стул в каком-нибудь общественном месте — пустой, но на котором написано «занят». Ни ощущений, ни пищеварения, ни биения сердца. Взгляните: ну кто скажет, что это живой человек? В известном смысле он мертвее мертвого, потому что у него даже волосы перестали расти, — так я слышал от врачей. А у мертвецов ведь волосы еще некоторое время...

— Да, я знаю, — перебил его Уорминг с оттенком неудовольствия.

Они еще раз заглянули в стекло. Действительно, престранный феномен представлял этот спящий. Во всей истории медицины не было подобных примеров. Бывали случаи, что спячка продолжалась около года, но к концу этого срока она всегда заканчивалась или пробуждением, или смертью. Случалось и так, что вслед за пробуждением наступала смерть.

Избистер заметил на теле спящего несколько знаков, оставшихся после впрыскивания под кожу питательных веществ (в первое время врачи прибегали к этому средству, чтобы предупредить паралич сердца). Он указал на них Уормингу, который и сам давно их заметил, но старался не смотреть.

— Подумать только, как много перемен произошло в моей жизни с тех пор, как он здесь лежит! — продолжал Избистер с эгоистическим самодовольством здорового человека, который любит жизнь. — Я успел жениться, обзавестись семьей. Мой старший сын, — в то время я и не помышлял ни о каких сыновьях, — мой старший сын уже американский гражданин и скоро кончает университет. Я постарел, поседел. А этот человек ни на один день не состарился и ни на йоту не стал умнее — в практическом смысле, хочу сказать, — чем был я в дни моей зеленой юности. Курьезно!

Уорминг повернулся к нему:

— Я тоже стариком стал. Мы с ним в крикет играли мальчишками, а он все еще выглядит молодым человеком. Пожелтел, это правда. Но все-таки еще молодой человек.

— А сколько событий совершилось за эти годы. Война...

— И началась, и кончилась, и забыли о ней.

— У него, я слышал, было небольшое состояние? — спросил Избистер, помолчав.

— Как же! — подтвердил, принужденно покашливая, Уорминг. — Я хорошо это знаю, так как был назначен его опекуном.

— А-а... — Избистер опять помолчал, потом нерешительно заговорил: — Вероятно... ведь содержание его здесь недорого стоит... вероятно, за эти годы его состояние возросло?

— Конечно. Он проснется — если только проснется — богатым человеком, значительно богаче, чем был.

— Видите ли, меня, как делового человека, естественно, занимает этот вопрос, — сказал Избистер. — Мне даже приходило иногда в голову, что эта спячка была для него очень выгодна. Он, можно сказать, весьма предусмотрительно поступил, заснув на такой большой срок. Если б он продолжал жить...

— Сомневаюсь, чтобы он загадывал вперед на такой долгий срок, — перебил Уорминг. — Он никогда не отличался предусмотрительностью. Мы с ним всегда расходились по этому пункту. Он был очень неблагоразумен во всем, и я поневоле должен был его опекать. Вам, как человеку практическому, должно быть понятно, что... Впрочем, не в этом вопрос. Выгодна или невыгодна для него эта спячка — во всяком случае, сомнительно, чтоб он вернулся к жизни. Такой сон истощает, медленно, но все же истощает. Тихонько, незаметно человек катится вниз... вы меня понимаете?

— Очень жаль, если так. Воображаю его изумление, если бы он проснулся!

— Жаль будет, если мы этого не увидим. Сколько было перемен за эти двадцать лет! Словно возвратившийся Рип Ван Винкль.

— Куча перемен, — сказал Уорминг. — Да, перемен было немало для каждого из нас. Для меня, например: я теперь старик.

— Я бы этого не сказал, — нерешительно пробормотал Избистер, изобразив удивление на своем лице. Но удивление вышло несколько запоздалым.

— Мне было сорок три года в тот год, когда я получил уведомление от его банкиров об этом казусе. Это вы ведь тогда телеграфировали им, помните?

— Да. Я нашел их адрес в чековой книжке, которая оказалась у него в кармане, — сказал Избистер.

— Ну-с, сорок три да двадцать... сумму нетрудно получить.

Избистеру очень хотелось задать один вопрос. Выждав приличную паузу, он наконец решился дать волю своему любопытству.

— Ведь это может затянуться на многие годы, — начал он. Потом он немного замялся и продолжал: — Надо прямо смотреть в глаза будущему. В один прекрасный день опека над его состоянием может перейти... в другие руки, не так ли? Что тогда?

— Поверьте, мистер Избистер, я и сам много думал об этом. Дело в том, что между моими близкими нет никого, кому бы можно было доверить такую опеку... Да, положение не из обыкновенных, — беспрецедентное, можно сказать.

— Мне кажется, в подобных случаях опекуном следовало бы назначать какое-нибудь официальное лицо, — сказал Избистер.

— Скорее официальное учреждение. Тут нужен бы бессмертный опекун — конечно, если он очнется и будет жить, как полагают многие из врачей... Я даже обращался по этому поводу в некоторые учреждения, но пока безуспешно.

— А что ж бы вы думали? Чудесная мысль! Сдать его на попечение Британскому музею, например, или Королевской медицинской коллегии. Оно странно звучит, это правда, но ведь и весь-то случай странный.

— Вы говорите: сдать медицинской коллегии. А как вы убедите их принять его? В этом главное затруднение.

— Вы правы. Этот их формализм, канцелярщина...

Новая пауза.

— Да, прекурьезная история, могу сказать, — снова заговорил Избистер. — Заметили вы, как у него нос заострился и как провалились глаза?

Уорминг поглядел на спящего и ответил не сразу.

— Я сомневаюсь, чтобы он проснулся когда-нибудь.

— Я никогда не мог хорошенько понять, отчего с ним это приключилось, — сказал Избистер. — Он говорил мне что-то такое о переутомлении. Так неужели только от этого? Мне очень хотелось бы знать.

— Он был человек одаренный, но чересчур впечатлительный, нервный, порывистый во всем. У него были серьезные домашние неприятности. Он разошелся с женой и, вероятно, чтоб как-нибудь забыться, очертя голову бросился в политику. Он был фанатик-радикал, вернее, социалист — энергичный, необузданный, дикий. Он вел жестокую полемику со своими противниками, работал как лошадь и надорвался. Я помню его памфлет. Любопытное произведение. Какой-то бред сумасшедшего, но с огоньком. Там было много пророчеств. Большая часть из них провалилась, но два-три сбылись. Впрочем, вообще говоря, читать такие вещи значит время терять... Да, от многого придется ему отказаться и многому поучиться, когда он проснется... если только проснется.

— Дорого бы я дал, чтобы видеть этот момент... послушать, что он скажет, когда оглядится и узнает, как долго он спал, — сказал Избистер.

— И я хотел бы видеть, очень хотел бы, — проговорил Уорминг с недовольным чувством жалости к себе, какое часто бывает у старых людей. — Но я никогда не увижу. — Он замолчал и задумчиво смотрел на восковое лицо спящего. — Этот человек никогда не проснется, — прибавил он и вздохнул. — Никогда.

Глава 3

ПРОВОЖДЕНИЕ

Но Уорминг ошибся: Грехэм проснулся.

Что за сложное целое представляет собою эта кажущаяся столь простою единица, которую мы называем человеческим «я». Кто проследит, как происходит ее реинтеграция изо дня в день в момент нашего пробуждения, как растут, переплетаются и сливаются составляющие ее бесчисленные факторы? Кто проследит эти первые движения пробуждающейся души, этот переход от бессознательного к полусознательному вплоть до того момента, когда оно озарится полным светом сознания и мы вновь обретем себя? Такое бывает почти с каждым из нас даже после одной ночи крепкого сна. Так было и с Грехэмом после его долгой спячки. Туманное облако еще неосознанных ощущений сменилось странным чувством жутки, и он осознал себя, довольно смутно, правда, слабым, очень слабым, но живым.

Это странствование во мраке в поисках своего «я» заняло, казалось ему, целые века. Чудовищные сны, бывшие для него в свое время страшной действительностью, оставили в его памяти неясные, но тревожные следы, туманные образы странных существ, небывалых пейзажей, точно с другой планеты. Было еще впечатление какого-то важного разговора... Какое-то имя — он никак не мог припомнить его — вертелось у него в голове; потом явилось странное, давно забытое ощущение собственного тела... мучительное сознание бесплодных усилий выплыть на свет, как это бывает с утопающими... Затем перед ним встала незнакомая панорама, в которой все колебалось и сливалось, ослепляя его.

Грехэм понял, что глаза у него открыты, что он смотрит на какой-то непонятный предмет.

Это было что-то белое, похожее на ребро деревянной рамы. Он слегка повернул голову, чтобы лучше рассмотреть этот предмет, но ему не видно было, где он кончается. Он попробовал было отдать себе отчет, где он. Да, впрочем, не

все ли равно, когда он чувствует себя таким бессильным и жалким? Мрачное уныние — таков был общий тон его мыслей. Он испытывал чувство беспричинной, неопределенной тоски, как бывает, когда проснешься незадолго до рассвета. Потом ему показалось, что он как будто слышит шепот и поспешно удаляющиеся шаги.

Попытка повернуть голову вызвала в нем ощущение крайней физической слабости. Он думал, что лежит в постели, в гостинице той деревушки, где он останавливался в последний раз; но такой белой рамы над постелью там, помнится ему, не было. Он, очевидно, долго спал. Теперь он припомнил, что у него была бессонница. Вспомнились ему скала, водопад и как он разговаривал с каким-то прохожим...

Долго ли он спал? Кто это сейчас убежал из комнаты? И что это за гомон вдали, который то разрастается, то затихает, точно шум прибоя? Он с усилием протянул руку, чтобы взять часы, которые он всегда клал на ночь на стул возле себя, и наткнулся на что-то гладкое и твердое, похожее на стекло. Это было так неожиданно, что он испугался. Он разом повернулся на бок; с минуту в недоумении смотрел перед собой, потом сделал усилие, чтобы сесть. Это оказалось гораздо труднее, чем он ожидал: у него закружилась голова, он совсем ослабел... «Да что же это такое? Где же я наконец?»

Он протер глаза. Загадочность того, что его окружало, приводила его в тупик, но ход его мыслей был вполне логичен: ясно, что сон освежил его ум. Он заметил, что он совершенно раздет и лежит не на кровати, а на какой-то мягкой упругой подстилке, в ящике из цветного стекла. Подстилка была полупрозрачная, что он заметил с некоторым страхом, а под ней было зеркало, в котором смутно отражалось его тело. К его руке, — он испугался, увидев, как высохла и пожелтела его кожа, — был так искусно прикреплен какой-то гуттаперчевый прибор, что он, казалось, представлял с ней одно целое. И это странное ложе помещалось в ящике из зеленоватого стекла — так ему, по крайней мере, казалось.

Одна из перекладин белой рамы этого ящика и привлекла его внимание в первый момент. В углу ящика стояла подставка с какими-то незнакомыми ему блестящими приборами очень тонкой работы, между которыми он различил только максимальный и минимальный термометры.

Зеленоватый цвет стекловидного вещества, окружавшего его со всех сторон, мешал ему хорошо рассмотреть, что было за ящиком, но он все-таки мог видеть обширный великолепный зал с огромной, лишенной всяких орнаментов аркой, находившейся прямо против него. У самой его клетки была расставлена мебель: стол, накрытый скатертью, серебристой, как рыба чешуя; два-три изящных кресла. На столе стояли разные яства, бутылка и два стакана. Тут только он почувствовал, как он голоден.

В комнате не было ни души. После минутного колебания он сполз со своей прозрачной подстилки и попробовал встать на чистый, белый пол своей клетки. Но он плохо рассчитал свои силы, пошатнулся и, чтобы не упасть, уперся рукой в стекловидную стенку ящика. Она удержала его руку на мгновение, растягиваясь и выпячиваясь наружу, потом вдруг лопнула с легким треском и исчезла, как мыльный пузырь. Ошеломленный, он вылетел из ящика, ухватился за стол, чтоб удержаться на ногах, столкнув при этом на пол один из стаканов, который зазвенел, но не разбился, и опустился в кресло.

Когда он немного опомнился, он взял бутылку, наполнил оставшийся на столе стакан и выпил. Это была бесцветная жидкость, но не вода; она имела очень приятный вкус и запах и обладала свойством быстро восстанавливать силы. Он поставил стакан и стал осматриваться кругом.

Огромный зал ничуть не потерял своего великолепия после того, как исчезла зеленоватая оболочка, сквозь которую он смотрел перед этим. По ту сторону находившейся перед ним высокой арки начиналась лестница, которая вела вниз, в широкую галерею. Вдоль этой галереи, по обе стороны, тянулись колонны из какого-то блестящего камня цвета ультрамарина с белыми прожилками. Оттуда до-

носился гул человеческих голосов и какое-то ровное и непрерывное гудение.

Теперь Грехэм совершенно очнулся. Он сидел, выпрямившись, и прислушивался с таким напряженным вниманием, что даже забыл о еде. Вдруг ему стало неловко: он вспомнил, что он раздет. Обыскивая глазами, чем бы прикрыться, он увидел на стуле возле себя длинный черный плащ. Он завернулся в этот плащ и снова опустится в кресло, весь дрожа.

Он был совершенно ошеломлен и терялся в догадках. Одно было ему ясно: он спал очень долго, и его куда-то перенесли во время сна. Но куда? И кто эти люди там, за голубыми колоннами, эта толпа, кричащая вдали? Не может быть, чтобы все это было в Боскасле. Он налил из бутылки еще стакан бесцветной жидкости и выпил.

Что это за здание? Где находится этот великолепный зал? И почему ему кажется, что эти стены все время дрожат, точно живые. Он обвел взглядом изящный, простой, без всяких архитектурных украшений зал и увидел в потолке большое круглое отверстие, сквозь которое сверху лился яркий свет. Вдруг он заметил, что на этот светлый круг набежала какая-то тень и скрылась, потом еще и еще. «Тррр, тррр...» — у этой мелькающей тени был свой самостоятельный звук, отчетливо слышимый сквозь глухой ропот толпы, наполнявший воздух.

Он хотел крикнуть, позвать, но голос изменил ему. Он встал и неверными шагами, как пьяный, направился к арке. Спотыкаясь, он кое-как спустился с лестницы, наступил на край бывшего на нем плаща и еле удержался на ногах, ухватившись за колонну.

Он очутился в галерее; перед ним открылась широкая перспектива с преобладанием голубого и пурпурного тонов. Галерея заканчивалась перед ним открытым выступом, обнесенным решеткой, чем-то вроде балкона. Балкон был ярко освещен и висел на большой высоте, но, по-видимому, все вместе представляло внутренность какого-то гигантского здания, потому что за балконом, как сквозь дымку, вид-

нелись вдали величественные очертания причудливых архитектурных форм. Теперь голоса доносились до него громко и явственно. На балконе спиной к нему стояли, сильно жестикулируя и оживленно о чем-то разговаривая, три человека в роскошных костюмах широкого, свободного покроя и ярких цветов. Через балкон долетали крики огромной толпы. Раз ему показалось, что мимо промелькнула верхушка знамени или флага; потом в воздухе пронеслось что-то бледно-голубое, может быть, подброшенная вверх шляпа, и, описав дугу, упало. Кричали как будто по-английски; очень часто повторялось слово «проснись». Потом он услышал чей-то пронзительный крик, и вдруг три человека на балконе стали громко смеяться.

— Ха-ха-ха! — покатывался один из них, рыжеволосый, в ярко-красном плаще. — Когда проснется Спящий! Ха-ха-ха!

Еще со смехом он оглянулся назад, в сторону галереи, — и замер. Лицо его сразу изменилось. У него вырвался возглас испуга. Двое других быстро обернулись в ту же сторону и тоже окаменели. На их лицах выразилась растерянность, почти ужас.

У Грехэма вдруг подогнулись колени. Его рука, державшаяся за колонну, соскользнула. Он покачнулся и упал ничком.

Глава 4

ОТГОЛОСКИ ВОЛНЕНИЙ

Последним впечатлением Грехэма, прежде чем он лишился чувств, был оглушительный звон колоколов. Впоследствии ему рассказали, что час он был без сознания, между жизнью и смертью. Когда он наконец пришел в себя, он снова лежал на своем прозрачном гуттаперчевом ложе. Во всем теле и в сердце он ощущал живительную теплоту. Он заметил, что рука его по-прежнему забинтована, но странный резиновый прибор был снят. Его окружала все та же белая рама, но заполнявшее ее зеленоватое стекловидное вещество исчезло. Над ним стоял человек в темно-лиловом

плаще — один из тех троих, которых он застал на балконе, — и внимательно всматривался в его лицо.

Откуда-то издалека слабо, но назойливо доносились трезвон и смешанный многоголосый гул. В его воображении встала картина огромной кричащей толпы. Потом сквозь этот шум до него долетел короткий резкий стук, как будто где-то вдаль захлопнулась тяжелая дверь.

Он повернул голову.

— Что все это значит? Где я? — с усилием выговорил он.

Тут он увидел рыжего человека — того самого, который первым заметил его. Чей-то голос, ему показалось, спросил: «Что он говорит?» — и другой ответил шепотом: «Молчите».

Потом заговорил человек в лиловом. Он говорил по-английски, с легким иностранным акцентом.

— Не бойтесь, вы в безопасности, — сказал он пониженным голосом, как говорят с больными. — Из того места, где вы заснули, вас перенесли сюда. Вы пролежали здесь довольно долго. Все это время вы спали. У вас была спячка, транс.

Он сказал еще что-то, чего Грехэм не расслышал, потом взял поданный ему кем-то флакон. Грехэм ощутил на лбу прохладную струю какой-то ароматической жидкости, которая удивительно освежила его. Ощущение было такое приятное, что у него от удовольствия сами собою закрылись глаза. Когда он их снова открыл, человек в лиловом спросил его:

— Что, теперь лучше? — Это был еще молодой человек, лет тридцати, с остроконечной белокурой бородкой и с приятным лицом. Его лиловый плащ был застегнут у горла золотой пряжкой. — Лучше вам теперь?

— Да, — ответил Грехэм.

— Вы проспали... некоторое время. Это был каталептический сон. Вы слышите? Каталепсия!.. У вас, должно быть, теперь очень странное ощущение. Но вы не волнуйтесь: все будет хорошо.

Грехэм молчал, но эти слова возымели свое действие: он успокоился. Взгляд его с выражением вопроса перебежал по-

очередно на каждого из троих окружавших его людей. Они тоже смотрели на него как-то особенно. Он знал, что он должен быть где-то в Корнуэлсе, но представление о Корнуэлсе совершенно не вязалось с этими новыми впечатлениями. Вдруг он припомнил то, о чем думал в Боскасле в последние дни перед своим каталептическим сном. Тогда это было у него почти принятым решением, но почему-то он все не мог собраться привести его в исполнение. Он откашлялся и спросил:

— Телеграфировали ли моему двоюродному брату Уормингу? Улица Чэнсери-Лэн, двадцать семь?

Они внимательно слушали, стараясь понять. Но ему пришлось повторить свой вопрос.

— Как странно он произносит слова, — шепнул рыжий молодому человеку с белокурой бородой.

— Он имеет в виду электрический телеграф, — пояснил третий, юноша лет девятнадцати-двадцати с очень милым лицом.

— Ах, я дурак! И не догадался! — вскрикнул белокурый. — Не беспокойтесь, будет сделано все возможное, — прибавил он, обращаясь к Грехэму. — Только, боюсь, трудновато будет... телеграфировать вашему кузену. Его нет в Лондоне... Но, главное, вы не волнуйтесь и не утомляйте себя этими мелочами. Вы проспали очень долго, и вам необходимо окрепнуть — это прежде всего.

— А-а, — протянул Грехэм неопределенно и замолчал.

Все это было очень загадочно, но, очевидно, эти люди в необыкновенных костюмах знали лучше, что нужно делать. А все-таки странные люди, и комната странная... Должно быть, он попал в какое-нибудь только что основанное учреждение... Тут его осенила новая мысль... подозрение. Может быть, это помещение какой-нибудь публичной выставки? И он пролежал здесь все это время? Как мог Уорминг допустить это?.. Ну, хорошо же: если так, он ему покажет, он с ним поговорит!.. Но нет, не может быть. На выставку не похоже. Да и где же видано, чтобы выставляли напоказ голого человека?

И вдруг неожиданно для себя он понял, что с ним случилось. В один миг, без всякого заметного перехода от подозрения к уверенности, он понял, что спячка его длилась бесконечно долго. Теперь он знал так твердо, словно разгадал каким-то таинственным путем чтения мыслей, что означал этот почтительный, почти благоговейный страх, написанный на лицах окружавших его людей. Он смотрел пронзительным взглядом. И в этом взгляде они, казалось, тоже прочли его мысль. Губы его зашевелились: он хотел заговорить и не мог. И почти в то же мгновение у него явилось необъяснимое побуждение утаить свое открытие от этих людей, желание говорить совершенно прошло. Он молча смотрел на свои голые ноги, весь дрожа.

Ему дали выпить какой-то розовой жидкости с зеленоватой флуоресценцией и с привкусом мяса, и силы его быстро поднялись.

— Это... помогает... Мне лучше теперь, — выговорил он с трудом.

Кругом послышался почтительный шепот одобрения.

Так и есть: он спал страшно долго. Может быть, год или больше. Теперь он знает наверняка. Он снова сделал попытку заговорить, но снова ничего не вышло. Он поднес руку к горлу, откашлялся и с новым отчаянным усилием попробовал в третий раз.

— Долго ли... — начал он, стараясь говорить ровным голосом, — долго ли я спал?

— Да, довольно долго, — ответил белокурый молодой человек, быстро переглянувшись с остальными.

— Сколько времени?

— Очень долго.

Грехэм вдруг рассердился.

— Ну да, я понимаю, — сказал он с нетерпением. — Понимаю, что долго. Но я хочу... хочу знать, как долго. Год? Или, может быть, больше? Несколько лет, может быть? Я хотел еще что-то... Забыл что... У меня путаются мысли. Но вы... — он вдруг зарыдал, — зачем вы от меня скрываете? Скажите, сколько времени...

Больше он не мог говорить. Тяжело дыша и утирая слезы, он молча сидел, ожидая ответа.

Они вполголоса о чем-то советовались между собой.

— Ну что же? Сколько лет? — спросил он слабым голосом. — Пять? Шесть?.. Неужели больше?

— Гораздо больше.

— Больше?!

— Да.

Он смотрел на них вопрошающим взглядом. От волнения у него дергалось все лицо.

— Вы проспали много лет, — сказал рыжий.

Грехэм выпрямился. Он смахнул набежавшие слезы своей прозрачной рукой и повторил: «Много лет...» Потом закрыл глаза, опять открыл и в недоумении озирался вокруг, останавливая взгляд то на одном, то на другом, то на третьем чужом, незнакомом лице.

— Сколько же? — спросил он наконец.

— Вы должны приготовиться... Вы очень удивитесь.

— Ну?

— Более гросса лет.

Это незнакомое слово вывело его из себя.

— Больше чего? Как вы сказали?

Двое старших стали шептаться. До него долетели слова «десятичная система», но к чему они относились, он не разобрал.

— Сколько, вы сказали? — повторил он с гневом свой вопрос. — Говорите же! Не глядите на меня так. Говорите!

Они продолжали шептаться. На этот раз он уловил конец фразы: «Больше двух столетий».

— Что? — вскрикнул он, быстро поворачиваясь к самому молодому, который, как ему показалось, произнес эти слова. — Кто это сказал? Что такое? Два столетия?

— Да, — ответил рыжий, — двести лет.

Грехэм машинально повторил: «Двести лет». Он приготовился услышать большую, очень большую цифру, но это конкретное «двести лет» ошеломило его.

— Двести лет! — повторил он еще раз, напрасно сиюсь охватить воображением необъятную бездну, разверзшуюся перед ним. Ах, нет, не может быть!

Они молчали.

— Как вы сказали? Повторите еще.

— Двести лет. Ровно два столетия, — повторил рыжий.

Наступила пауза. Грехэм со слабой надеждой смотрел то на одного, то на другого... Но нет, они не смеялись: лица их были серьезны. Он понял, что ему сказали правду.

— Не может быть, — повторил он упрямо, уже и сам не веря себе. — Должно быть, я еще сплю и вижу сон... Вы говорите: спячка. Но спячка никогда не длится так долго. Какое право вы имеете так издеваться надо мной? Скажите правду: ведь это было недавно, несколько дней тому назад, что я шел пешком вдоль берега в Корнуэлсе? Потом я был в Боскасле...

Тут голос изменил ему.

Белокурый молодой человек вопросительно взглянул на друга и нерешительно проговорил:

— Я не силен в истории...

— Боскасль?.. Совершенно верно, — подхватил самый младший из троих. — На юго-западе старого герцогства Корнуэлс было такое местечко. Там еще уцелел один дом — я видел его.

Грехэм повернулся к говорившему:

— В мое время это был целый поселок. Маленькая деревушка... я заснул где-то там... не припомню в точности где... — Он сдвинул брови и прошептал: — Двести с лишком лет... — Ледяной холод сжимал ему сердце.

Вдруг он заговорил быстро-быстро:

— Но ведь если с тех пор прошло двести лет, то, стало быть, не осталось в живых ни души... ни одного человеческого существа, которое я бы знал? Все, все, кого я когда-нибудь видел, с кем я говорил, — все до единого умерли?

Ответа не было.

— Все умерли — богатые и бедные, простые и знатные, — все до одного? Ни нашей королевы нет, ни королев-

ского семейства, ни министров — моих современников, — ни одного из государственных деятелей, которые были при мне?.. Может быть, и Англии нет?.. Англия, вы говорите, существует? Ну, слава богу, хоть одно утешение!.. А Лондон?.. Это Лондон, да? Мы в Лондоне теперь?.. А вы кто же?.. Постойте, я знаю, вы мои сторожа. — Он смотрел на них почти безумным взглядом. — Но отчего же я здесь?.. Молчите! Не говорите! Дайте мне...

Он умолк и закрыл лицо руками. Когда он снова поднял голову, перед ним держали наготове второй стаканчик подкрепляющей розовой жидкости. Он выпил все. Лекарство почти мгновенно оказало свое действие. Из глаз его полились обильные слезы и облегчили его.

Наплакавшись вволю, он поднял глаза на своих караульщиков и неожиданно, совсем по-детски засмеялся сквозь слезы.

— Двести лет! — выговорил он.

Губы его передернулись гримасой, и он опять истерически зарыдал и закрыл руками лицо.

Через несколько минут он успокоился. Он сидел, свесив руки с колен, — в той самой позе, в какой его застал Избистер у скалы в Пентарджене два века тому назад. Вдруг он услышал приближающиеся шаги, и чей-то громкий, повелительный голос сказал:

— Что же это вы делаете? Отчего мне не дали знать? Это была ваша обязанность. Вы за это ответите! Никого не пускайте к нему. Заперты двери? Все? Его не надо беспокоить: не надо ему говорить. Ему ничего не сказали?

Белокурый что-то ответил вполголоса. Грехэм повернул голову и увидел подходившего к нему человека маленького роста, толстого, коренастого, с короткой шеей, гладко выбритым лицом, двойным подбородком и орлиным носом. Густые, черные, почти сходящиеся на переносице и слегка нависшие брови, из-под которых смотрели пронзительные серые глаза, придавали его лицу что-то внушительное, почти наводящее страх. Он бросил беглый взгляд на Грехэма и повернулся к белокурому.

— Зачем тут эти двое? — резко спросил он. — Они здесь лишние.

— Прикажете уйти? — спросил рыжий.

— Конечно, уходите пока. Да не забудьте запереть за собой двери.

Двое людей, к которым относилось это приказание, мельком взглянув на Грехэма, послушно повернулись и пошли, но не к арке, как он ожидал, а в противоположную сторону, где была глухая стена. Тут случилась престранная вещь: средняя часть стены с легким треском отделилась в виде широкой вертикальной полосы и начала подниматься, свертываясь валиком, как штора. Пропустив уходивших, она опять упала и слилась со стеной. В комнате теперь остались только трое: Грехэм, белокурый молодой человек и вновь прибывший.

В первые минуты этот человек не обращал никакого внимания на Грехэма: он продолжал допрашивать белокурого, очевидно, своего подчиненного, насчет подробностей важного события — «пробуждения Спящего». Он говорил громко, произносил отчетливо каждое слово, но Грехэму были понятны далеко не все слова. Пробуждение его не столько поразило этого человека, но, судя по тому, как он был взволнован, доставило ему много неприятных хлопот.

— Я вас покорно прошу ничего ему не рассказывать. Не надо его волновать, — твердил он без конца.

Получив ответы на свои вопросы, он быстро повернулся к Грехэму и остановил на нем испытующий взгляд.

— Очень странно вы себя чувствуете?

— Да.

— Вас поражает то, что вы видите? Жизнь очень изменилась, а?

— Что делать, придется привыкать.

— Да, я полагаю.

— Прежде всего... я хотел бы одеться.

— Да, да, вы сейчас получите платье.

Толстяк сделал знак белокурому, и тот вышел.

— Скажите, это правда, что я проспал два столетия? — спросил Грехэм.

— А, вам уже успели сообщить... Да, двести три года, уж если вы хотите знать.

Итак, это был неоспоримый факт. Приходилось примириться с ним. Грехэм ничего не сказал, только брови его сдвинулись и опустились углы рта. Помолчав, он спросил:

— Что это так трещит за стеной? Мельница, верно, работает поблизости или динамо-машина? — И, не дожидаясь ответа, прибавил: — Впрочем, может быть, теперь уже нет ни мельниц, ни динамо-машин? Условия жизни, я думаю, страшно изменились... Что значат эти крики? — задал он новый вопрос, видя, что толстяк молчит.

— Ничего особенного, — ответил тот нетерпеливо. — На улице кричат. Вы все равно не поймете... Потом, может быть, когда узнаете... Вы сами сказали: многое изменилось. — Он говорил отрывисто, хмурил брови и беспрестанно оглядывался, как человек, который попал в трудное положение и старается найти выход. — Подождите немного: скоро вам дадут одежду, а пока побудьте здесь: сюда никто не войдет. Вам еще побриться надо.

Грехэм машинально потрогал свою давно не бритую бороду.

В это время вернулся белокурый молодой человек. Он подошел к ним, но вдруг остановился, прислушиваясь, потом взглянул вопросительно на своего начальника и выбежал через арку на балкон. Долетавшие оттуда крики становились все громче. Толстяк повернул голову и тоже прислушался. Вдруг он пробормотал какое-то проклятие и бросил на Грехэма неприязненный взгляд. Между тем рев толпы все разрастался, то поднимаясь, то падая, как морской прибой. Гневные возгласы, визг, хохот — все сливалось в этом тысячеголосом вое. Один раз послышались короткие, отрывистые звуки, как будто звуки ударов и резкий крик отдаленных голосов, потом что-то щелкало и трещало, точно ломали сухие прутья или хлопали бичом. Грехэм тщетно напрягал слух, стараясь что-нибудь понять в этом гоме.

Но вот он уловил целую фразу, повторенную много раз. Что это? Не может быть! Он не верил ушам...

Но нет, он не ошибся. Там кричали: «Покажите нам Спящего! Покажите нам Спящего!»

Толстяк бросился к арке.

— Безумцы! — закричал он. — Как они узнали? Кто им сказал?.. Да знают ли они или только догадываются?

Должно быть, ему что-то ответили, потому что он продолжал:

— Я не могу выйти. Мне за ним надо смотреть. Кричите им с балкона.

Опять последовал какой-то ответ.

— Скажите им, что он и не думал просыпаться. Скажите что-нибудь, что хотите! — Он поспешно вернулся к Грехэму. — Вам надо поскорее одеться. Вам здесь нельзя оставаться. Невозможно будет...

И он выбежал вон, не отвечая на вопросы, которыми Грехэм его осыпал. Через минуту он опять вернулся.

— Не спрашивайте. Я ничего не могу вам сказать. Объяснять слишком сложно. Узнаете потом. Сейчас вы получите платье, сию минуту. А потом вы пойдете со мной. ... Здесь вам быть нельзя. У нас свои неприятности... Вы скоро поймете, в чем дело... слишком скоро, может быть.

— Но что это за голоса? Они кричат...

— О Спящем? Это вы. Они забрали себе в голову... Впрочем, я и сам хорошенько не знаю. Я ничего не знаю. Я...

В комнате раздался резкий звонок, покрывший своим треском долетавший снаружи смешанный шум. Толстяк сломя голову бросился к батарее каких-то приборов, стоявших в углу. С минуту он внимательно слушал, уставившись глазами на какой-то хрустальный шарик, потом кивнул головой, пробормотал невнятно несколько слов и подошел к стене, через которую ушли те двое. От стены опять отделилась средняя полоса и закатилась вверх, как штора. Толстяк стоял, чего-то ожидая.

Грехэм поднял руку и с удивлением почувствовал, как много у него прибавилось сил. Очевидно, это было действие

укрепляющих лекарств. Он спустил с постели одну ногу, потом другую. Голова больше не кружилась. Так приятно было чувствовать себя здоровым и бодрым. Он с наслаждением ошупывал свое тело: ему просто не верилось, что это он.

Из-под арки снова появился белокурый молодой человек, и почти в ту же минуту в отверстии раскрытой стены показалась клетка спускавшегося откуда-то лифта. Когда она остановилась, из нее вышел сухопарый, седобородый человек в темно-зеленом в обтяжку костюме с длинным свертком в руках.

— Вот ваш портной, — сказал толстяк Грехэму. — Вам нельзя носить черное. Не понимаю, как попал сюда этот плащ. Такой беспорядок!.. Ну, да мы это разберем... Надеюсь, вы не замешкаетесь? — прибавил он, обращаясь к портному.

Темно-зеленый поклонился, подошел к Грехэму и присел возле него на постель. Держался он очень спокойно, и только сверкавшие любопытством глаза выдавали его.

— Вы найдете моды сильно изменившимися, сэр, — вежливо сказал он Грехэму и бросил беглый взгляд исподлобья на толстяка.

Быстрым привычным движением он развернул свой сверток и разложил у себя на коленях образцы каких-то блестящих материй.

— Вы жили, сэр, в эпоху по преимуществу цилиндрическую — в эпоху викторианизма. Тогда вообще имели слабость к закруглениям: полушарие преобладало даже в головных уборах. А теперь...

Он достал какой-то приборчик, размерами и формой напоминавший карманные часы, нажал в нем какую-то кнопку, и на циферблате прибора, как на экране кинематографа, задвигалась человеческая фигурка в белом. Портной выбрал образчик голубоватой шелковой материи.

— Вот, мне кажется, именно то, что вам требуется, — сказал он.

К ним подошел толстяк и заглянул через плечо Грехэма.

— Пожалуйста, поскорее: время дорого, — сказал он.

— Положитесь на меня, — ответил портной. — Мою машину сейчас привезут... Ну-с, что же вы об этом думаете, сэр? — обратился он к Грехэму.

— Что это у вас за прибор? — спросил, в свою очередь, человек девятнадцатого века.

— Вот, видите ли, в ваши времена были модные журналы. Теперь их вытеснила вот эта самая штучка. Преостромное изобретение. Смотрите.

Он снова нажал кнопку, и на циферблате прибора выскочила та же фигурка, но уже в новом наряде, более широкого покроя. Щелк, щелк — и опять человек переменял костюм. Все это портной проделал очень быстро, поглядывая в то же время на отверстие в стене, где опускался лифт.

Вот наконец там что-то загрохотало, и снова показалась клетка лифта. На этот раз из нее вышел анемичный, коротко остриженный парень монгольского типа в светло-голубом балахоне из грубого холста. Вместе с ним приехала какая-то сложная машина на колесах, которую он бесшумно вкатил в зал. Портной убрал свой приборчик, попросил Грехэма стать против машины и начал давать инструкции своему анемичному подмастерью, который отвечал на каком-то гортанном наречии, совершенно незнакомом Грехэму. После этого парень отправился в угол, где стояла батарея. Портной между тем вытягивал из машины какие-то рычажки, их которых каждый заканчивался маленьким диском. Потом одним ловким поворотом он направил все эти рычажки таким образом, что каждый диск прилег вплотную к телу Грехэма: два пришлись на плечах, два на локтях, один на шее и так далее — на всех сгибах. В это время лифт привез еще одного пассажира. Грехэм не мог его видеть, так как стоял спиной к стене. Приладив свои рычажки, портной повернул рукоятку машины, и она заработала с легким ритмическим стуком. Еще минута — и он снял рычажки, остановив машину. Грехэм был свободен. На него опять накинули плащ, и белокурый молодой человек поднес ему стаканчик с розовым питьем. Тут только он увидел но-

воприбывшего — юношу с очень бледным лицом, который разглядывал его с нескрываемым любопытством.

Все это время толстяк нервно шагал из угла в угол, косясь на Грехэма. Теперь он вдруг повернулся и вышел через арку на балкон, откуда по-прежнему доносился, то разрастаясь, то замирая, смешанный шум волнующейся толпы.

Между тем подмастерье подал своему хозяину кусок шелковой голубой материи, и они принялись вдвоем всовывать его в машину примерно так, как в девятнадцатом столетии вкладывали бумагу в печатные станки. Затем они откатили машину в противоположный угол зала, где со стены свободной петлей свешивался тонкий кабель. Конец этого кабеля они соединили с машиной, и она сейчас же очень энергично заработала.

— Скажите, какую силой приводятся в действие ваши машины? — спросил Грехэм у белокурого, указывая рукой на суетившихся у кабеля людей и стараясь не замечать преследовавшего его неотступного взгляда бледного юноши. — А этот кабель, верно, проводник энергии? Да?

— Да, — отвечал белокурый.

— А кто такой этот человек?

Он указал в сторону арки, куда скрылся толстяк. Белокурый замаялся, нерешительно погладил свою бородку и ответил, понижая голос:

— Это Говард, ваш главный хранитель. Вот видите ли, сэр... Довольно трудно это объяснить... Совет назначил вам трех хранителей — главного и двух помощников. В этот зал допускалась публика — с некоторыми ограничениями, конечно. Каждому, естественно, хотелось удовлетворить свое любопытство, и нам пришлось уступить желанию народа... Но вы меня извините, я не могу... Пусть он сам вам объяснит.

— Странно! — пробормотал Грехэм. — Хранители... Совет... Ничего не пойму! — Потом, повернувшись спиной к новоприбывшему, он спросил вполголоса: — Отчего этот человек так пялит на меня глаза? Он, верно, магнетизер?

— Магнетизер?! О нет. Он капиллотомист, и притом это в своем роде художник — артист своего дела. Он получает в год до шести дюжин львов.

Это звучало уже совсем дико. Грехэм подумал, уж не сходит ли он с ума.

— Шесть дюжин львов? — переспросил он растерянно.

— Ах, да, я и забыл, что в ваше время не было львов. Вы считали по-старинному, на фунты стерлингов... Лев — это наша монетная единица... Да, правда, все изменилось, даже в мелочах. Вы жили в эпоху десятичной системы, арабской. Десятки, сотни, тысячи — такой был у вас счет. У нас же теперь одиннадцать арифметических знаков. Десять и одиннадцать изображаются одним знаком, и только двенадцать — двумя. Двенадцать дюжин составляют гросс, двенадцать гроссов — дозанду, а двенадцать дозанд — мириаду. Совсем просто... А вот и ваше платье готово, — прибавил белокурый, взглянув через плечо Грехэма.

Грехэм быстро оглянулся: за ним стоял, улыбаясь, портной и держал новое платье, бережно перекинув его через руку, а его подмастерье уже откатывал свою странную машину к клетке лифта, подталкивая ее одним пальцем. Грехэм вытаращил глаза.

— Да неужто вы уже успели... — начал было он.

— Только что кончил, — ответил портной.

Он положил платье возле Грехэма, отошел к постели, на которой тот недавно лежал, откинул прозрачный матрац и приподнял бывшее под ним зеркало таким образом, чтобы можно было смотреться в него.

В это время в углу раздался неистовый трезвон. Толстяк бросился туда со всех ног. Белокурый побежал за ним, спросил его о чем-то и выбежал в галерею.

Покуда портной помогал Грехэму натянуть нижний костюм — темно-красное трико, заменявшее чулки, панталоны и сорочку, белокурый вернулся с балкона, и толстяк, увидев его, быстро пошел ему навстречу. Они стали торопливо шептаться. В манере обоих, в каждом их движении чувствовались тревога и страх.

Когда на Грехэма поверх трико накинули какое-то сложное, но красивого покроя одеяние из голубоватой ткани, он представлял из себя довольно странную фигуру: небритый, с желтым лицом, еще дрожащий от слабости. Но теперь он был, по крайней мере, одет, и даже по последней моде. Он погляделся в зеркало и остался доволен собой.

— Мне надо еще побриться, — сказал он.

— Сию минуту, — отозвался Говард.

При этих словах бледный юноша, преследовавший Грехэма неотступными взглядами, выступил вперед. Он на секунду зажмурился, снова широко раскрыл глаза и подошел к нему вплотную. Потом остановился, оглянулся назад и сделал плавный жест рукой.

— Подайте стул, — нетерпеливо приказал Говард.

Белокурый засуетился, и в один миг за спиной у Грехэма очутился стул.

— Садитесь, — сказал ему Говард.

Грехэм заметил, что в правой руке у пучеглазого сверкнула сталь. Он не решался сесть, опасливо поглядывая на него.

— Что же вы, сэр? Или вы не поняли? — напомнил ему белокурый учтиво, но с ноткой нетерпения в голосе. — Садитесь. Он вас побреет и острижет.

— Ах, вот что? — пробормотал Грехэм с облегчением.

— Но вы сказали, кажется, что он...

— Капиллотомист? Ну да. Он лучший художник в мире в этой области.

Грехэм сел. Белокурый куда-то исчез. Пучеглазый, грациозно изгибаясь, ощупал Грехэму затылок, темя, уши и, вероятно, еще долго производил бы свое исследование, если бы Говард не торопил его. Видя, что приходится поторопиться, он приступил к делу. Ловко и быстро пуская в ход один за другим какие-то невиданные инструменты, он выбрил Грехэму подбородок, подправил усы, постриг и причесал волосы. Всю эту операцию он проделал, не проронив ни звука, с вдохновенным видом поэта. Как только он кончил, Грехэму подали башмаки.

Вдруг из угла, где стояли таинственные приборы, раздался громкий голос: «Скорее! Скорее! Народ узнал. Весь город в волнении. Прекращают работу. Не мешкайте ни минуты. Идите!»

Это воззвание страшно взволновало Говарда. Он заметался от арки к лифту и от лифта к углу, не зная, куда ему кинуться прежде. Потом, очевидно решившись, направился в угол и погрузился в созерцание хрустального шарика. Между тем глухой гул голосов, непрерывно долетавший со стороны арки, все усиливался. На один миг он превратился в дикий рев и снова стал замирать, точно раскат удаляющегося грома. Грехэма неудержимо потянуло туда, в галерею. Он бросил исподтишка быстрый взгляд на Говарда и, отдаваясь своему порыву, юркнул под арку. В два прыжка он очутился внизу и в следующий момент уже стоял на том самом балконе, где после пробуждения он застал трех человек.

Глава 5

ДВИЖУЩИЕСЯ УЛИЦЫ

Он подбежал к решетке балкона. Откуда-то снизу до него донеслись громкие крики кишевшей на огромном пространстве волнуемой толпы. При его появлении в этих криках послышалось изумление.

подавляющая грандиозность того, что он увидел, — вот первое, что поразило его. Под ним была площадь необычайных размеров, окруженная гигантскими зданиями. Вокруг всего широкого пространства площади стояли колоссальные кариатиды, поддерживая узорчатую, необыкновенно тонкой работы крышу из какого-то прозрачного вещества. Подвешенные наверху громадные шарообразные фонари разливали кругом такой ослепительно яркий свет, что перед ним меркли солнечные лучи, проникающие сквозь перелет крыши. Там и сям над этой глубиной висели легкие, как паутина, мостики, усеянные прохожими. В воздухе по всем направлениям были протянуты тонкие кабели.

Он видел над собой массивный фронто́н ближайшего здания, противоположный же фасад был так далеко, что представлялся ему как в тумане: весь он был прорезан какими-то арками, большими круглыми отверстиями вроде бойниц, усеян балконами, башенками, широкими окнами и какими-то мудреными барельефами и испещрен по всем направлениям надписями, составленными из непонятных букв. В круглые отверстия, проделанные в стене этого здания, были проведены особенно толстые кабели, прикрепленные под крышей площади в разных местах. Едва успел Грехэм заметить эти кабели, как внимание его привлекла крошечная человеческая фигурка в светло-голубом. Человек лепился под самой крышей на каменном выступе у места прикрепления одного из кабелей. Свесившись вперед, он возился с какими-то проводами, соединенными с главным кабелем, почти невидным на таком расстоянии. Вдруг он так стремительно бросился вниз, что у Грехэма замерло сердце, и, скользя по кабелю с головокружительной быстротой, исчез в одном из круглых отверстий здания по ту сторону площади.

До сих пор Грехэм смотрел только вверх и прямо перед собой, и то, что он видел, до такой степени завладело его вниманием, что он долго не замечал ничего другого. Но каково же было его изумление, когда он взглянул наконец вниз! Под ним была улица, но совсем не такая, к каким он привык. В девятнадцатом столетии улицами назывались полосы твердого, неподвижного грунта, вдоль которых посредине ехали экипажи, а по бокам шли пешеходы. А эта улица была футов в триста шириною и... двигалась. Двигалась вся, за исключением середины, которая была ниже краев. В первый момент это ошеломило его, но потом он понял, в чем дело.

Под балконом, где он стоял, эта необыкновенная улица неслась слева направо, неслась непрерывным потоком со скоростью курьерского поезда девятнадцатого века. Это была бесконечная платформа, составленная из отдельных, сцепленных между собою площадок, что позволяло ей сле-

довать по всем поворотам пути. По всей платформе были расставлены скамьи, местами виднелись киоски. Но все это мчалось с такой быстротой, что он не мог рассмотреть подробностей. Таких движущихся платформ было несколько, все они шли параллельно одна другой. Ближайшая к нему, наружная, платформа двигалась с наибольшей быстротой; смежная с ней, бывшая немного пониже, двигалась тише; следующая — еще тише и так далее. Разница в скорости движения была так мала, что позволяла легко переходить с одной платформы на другую и таким образом перебираться на середину улицы, которая была неподвижна. А за этой неподвижной средней полосой начинался новый ряд платформ, которые тоже двигались с постепенно увеличивающейся быстротой, но только в обратную сторону, справа налево. Все эти платформы кишели народом. Это была необыкновенно пестрая толпа. Одни на наружных платформах сидели группами, как в вагонах, другие переходили с платформы на платформу, направляясь к середине на неподвижной полосе.

— Вам нельзя здесь быть! — закричал Говард, неожиданно очутившийся возле него. — Сейчас же уходите!

Грехэм ничего не ответил. Он слышал слова, не вникая в них. Бегущие платформы грохотали, народ кричал. В этой пронесившейся мимо толпе особенно выделялись молодые женщины, с распущенными волосами, в необыкновенно красивых и оригинальных нарядах, с какими-то перевязями на груди. Потом он заметил, что преобладающим цветом в этом калейдоскопе костюмов был светло-голубой. Он вспомнил, что такого цвета платье было и на подмастерье портного. До него донеслись крики: «Где Спящий? Что сделали со Спящим?» И вдруг вся ближайшая к нему платформа покрылась светлыми пятнами человеческих лиц. Поднимались руки, на него указывали пальцами. Он заметил, что на том месте неподвижной полосы улицы, которое приходилось против балкона, выросла густая толпа людей в голубом. Там завязалась какая-то борьба. Людей разгоняли в обе стороны, толкая на бегущие платформы, которые и увози-

ли их против воли. Но, отъехав на приличное расстояние от места свалки, они сейчас же соскакивали опять на середину улицы и возвращались назад.

«Это Спящий, право, это Спящий!» — кричали одни. «Да нет, совсем не он!» — перебивали другие. Все больше и больше лиц обращалось вверх, к балкону.

Грехэм заметил, что по всей длине средней полосы улицы, на равных расстояниях один от другого, темнели открытые люки, служившие, по-видимому, началом лестниц, уходивших вниз, под землю. По всем этим лестницам вверх и вниз сновали люди. Один из ближайших к нему люков оказался центром разгоревшейся борьбы. Сюда сбегались голубые с движущихся платформ, ловко перепрыгивая с одной на другую. Внимание толпы на внешних платформах делилось между этим люком и балконом. Десятка два дюжих молодцов в ярко-красной форме, действовавших очень методично и дружно, были, по-видимому, приставлены к люку, чтобы никого не пускать вниз. Толпа вокруг них быстро росла. Яркий цвет мундиров резко отличался от светло-голубых костюмов их противников, — да, противников, так как было ясно, что между красными и голубыми происходит борьба.

Грехэм с жадным любопытством смотрел на эту картину, не обращая внимания на Говарда, который что-то кричал ему в ухо и тряс его за плечо. Потом Говард вдруг куда-то исчез, и Грехэм остался один.

Толпа продолжала кричать: «Вон Спящий, смотрите!» — и все новые и новые голоса подхватывали этот крик. Сидевшие на наружной, ближайшей к Грехэму, платформе вставали, и он заметил, что люди покидали ее по мере удаления от балкона. То же происходило и по ту сторону улицы на наружной платформе, мчавшейся в противоположном направлении: к балкону она приближалась, переполненная народом, а удалялась пустая. Толпа в середине улицы росла с невероятной быстротой: это было какое-то живое, волнуемое море. Отдельные крики «Спящий! Спящий!» слились в один сплошной непрерывный ликующий рев. Махали

платками, слышались крики: «Остановить улицы!» Выкрикивалось еще какое-то имя, совершенно незнакомое Грехэму: «Острог» или что-то в этом роде. Нижние платформы вскоре тоже переполнились народом, бежавшим навстречу их движению, чтобы не удаляться от балкона.

«Остановите, остановите улицы!» — раздавалось со всех сторон. Многие быстро перебежали с середины улицы на ближайшую платформу, проносились мимо, выкрикивая какие-то непонятные слова, потом соскакивали на смежные платформы и бегом возвращались назад с криком: «Да, да, это Спящий, это он!»

Сначала Грехэм стоял не шевелясь, но мало-помалу он понял, что эти крики относятся к нему. Эта неожиданная популярность очень польстила ему, и, желая как-нибудь выразить свою признательность, он поклонился и помахал рукой. Это вызвало такую бурю восторга, что он был поражен.

Свалка у люка приняла ожесточенный характер. Балконы переполнились людьми. Люди скользили по кабелям, проносились по воздуху через всю огромную площадь, сидя на каких-то трапезиях. Он услышал за собой голоса: по лестнице, со стороны арки, бежали несколько человек. Он вдруг почувствовал, что его схватили за руку, и, обернувшись, увидел перед собой Говарда, кричавшего ему что-то, чего он за шумом не мог разобрать. Говард был бледен как полотно.

— Уйдите отсюда, — расслышал он наконец. — Они остановят улицы. Поднимется настоящий содом.

Грехэм увидел, что по галерее между колоннами бегут еще люди. Впереди была его стража — рыжий и белокурый — и еще какой-то высокий человек в красном мундире, а за ним бежала целая толпа других в такой же форме с жезлами в руках. У всех были встревоженные, перепуганные лица.

— Уведите его! — закричал Говард.

— Зачем? — спросил Грехэм. — Я не понимаю...

— Говорят вам — уходите! — сказал человек в красном решительным тоном. Не менее решительным было и выра-

жение его глаз. Грехэм обвел взглядом окружавшие его лица и тут в первый раз испытал самое неприятное ощущение из всех, какие бывает у человека — сознание своего бессилия против грубой силы. Кто-то схватил его за руку... Его потащили с балкона. Тогда шум, доносившийся с улицы, удвоился и изменил характер: казалось, половина кричавших там голосов перенеслась наверх, в галерею огромного здания, в котором был он. Ошеломленного, растерявшегося, тщетно пытающегося сопротивляться Грехэма протащили через всю галерею, и не успел он опомниться, как очутился один с Говардом в клетке лифта, быстро уносившего их вверх.

Глава 6

ЗАЛ АТЛАСА

С того момента, как ушел портной, и до того, когда Грехэм с Говардом очутились в лифте, прошло не более пяти минут.

Грехэма все еще окутывал туман его бесконечно долгой спячки: все еще непривычное для него сознание того, что он жив и живет в столь далекую от его прежней жизни эпоху, придавало в его глазах всему окружающему отпечаток чудесного, сказочного. Все, что он видел, было для него сном наяву. Он все еще был недоумевающим зрителем, оторванным от жизни, участвовавшим в ней лишь наполовину. Все его новые впечатления, особенно эта бушующая, ревущая толпа, которую он видел в рамке балкона, имела для него характер театрального представления, как будто он смотрел из ложи на сцену.

— Я не понимаю, — сказал он. — Из-за чего вся эта кутерма? У меня мутится ум. Чего они требуют? Кому грозит опасность?

— Мы переживаем смутное время, — ответил Говард, избегая пытливого взгляда Грехэма. — Дело в том, что ваше появление, ваше пробуждение именно в данный момент как раз совпало с...

Он круто оборвал речь. Он говорил вообще с трудом, точно у него перехватило дыхание.

— Я не понимаю, — сказал Грехэм.

— Поймете позже, — отвечал Говард.

Он с беспокойством поглядел вверх, как будто ему казалось, что лифт подымается слишком тихо.

— Надеюсь, что пойму, когда немного осмотрюсь, — проговорил Грехэм неуверенно. — А пока все это ошеломляет меня. Все кажется возможным, всему можно поверить, всему... У вас и счет, как я слышал, другой.

Лифт остановился. Они вышли и очутились между высокими стенами длинного узкого коридора, вдоль которого тянулись сотни толстых кабелей и труб.

— Неужели мы все в одном и том же здании? — спросил Грехэм. — Где мы?

— Это центральная сеть проводов, служащих для разных общественных надобностей, — освещения и так далее.

— А что это было на улице, под балконом? Бунт? Какое у вас управление? Полиция у вас еще есть?

— И даже не одна, — ответил Говард.

— Не одна?

— Да, целых четырнадцать видов.

— Ничего не понимаю.

— Ничего нет удивительного. Наш общественный строй, наверно, покажется вам очень сложным. А по правде сказать, я и сам плохо в нем разбираюсь. Да и не я один... Вы, может быть, поймете со временем... Ну, идемте в Совет.

Внимание Грехэма все время раздваивалось. Ему хотелось успеть побольше расспросить Говарда обо всем, но его беспрестанно отвлекали новые впечатления, новые встречи в коридорах и залах, по которым они проходили. Мысли его то сосредоточивались на Говарде и его уклончивых ответах, то обрывались под ярким впечатлением чего-нибудь нового, неожиданного. Половина людей, попадавшихся им в коридорах и залах, были в красных мундирах. Светло-голубых холщовых костюмов, которые преобладали на движущихся улицах, здесь не было и следа. Все эти люди

с любопытством смотрели на него и кланялись ему и Говарду.

Помнилось ему также, что они проходили каким-то длинным коридором, где было много маленьких девочек. Все они сидели рядами на низких скамейках, точно в классе. Учителя не было, а вместо него стоял какой-то невиданный аппарат, из которого, как ему показалось, исходил человеческий голос. Девочки с удивлением и любопытством разглядывали его и провожатого. Но его увлекли дальше, прежде чем он успел отдать себе отчет, что это было за сборище детей. Он решил про себя, что внимание попадавшихся им навстречу людей относилось не к нему, а к Говарду. Говард был, по-видимому, важной персоной, его же, Грехэма, ведь никто не знал. А между тем тот же Говард был представлен к нему сторожем. Странно!..

Потом ему, как во сне, представлялся другой проход, над которым висел пешеходный мостик на такой высоте, что видно было только ноги проходивших по нему. У него осталось смутное впечатление еще каких-то переходов и встречных прохожих, которые оборачивались и с изумлением глядели вслед им обоим и сопровождавшему их конвойному в красном мундире!

Действие подкрепляющего питья, которое ему давали раньше, начинало проходить. Он скоро устал от быстрой ходьбы и попросил Говарда идти потише. Вскоре они опять сидели в клетке лифта. В ней было окно, выходившее на ту самую площадь, на которую он смотрел с балкона. Но окно было из не вполне прозрачного стекла и закрыто, и, кроме того, они были на большой высоте, откуда нельзя было различать движущихся улиц. Но зато он видел, как люди проносились в воздухе, скользя по кабелям, и сновали по хрупким, легким, как кружева, мостикам.

Потом они вышли из лифта и перешли улицу по узкому стеклянному крытому мосту, висевшему над ней на огромной высоте. Пол моста был тоже стеклянный, так что у него голова закружилась, когда он нечаянно посмотрел вниз. Ему вспомнились скалы между Нью-Кеем и Боскаслем, ко-

торые он представил себе так живо, как будто видел их вчера, и он решил, что этот мост должен находиться на высоте футов четырехсот над движущимися улицами. Он остановился и посмотрел себе под ноги, вниз, на копошившуюся там красно-голубую толпу людей, казавшихся крошечными на таком расстоянии, по-прежнему махавших руками и продиравшихся к балкону — к игрушечному балкончику, каким он ему представлялся теперь и на котором он недавно стоял. На этой высоте свет огромных осветительных шаров был так ярок, что по контрасту с ним все, что было внизу, казалось подернутым мглой.

Вдруг откуда-то сверху, с еще более высокого пункта, сорвался человек, сидевший в открытой корзинке, — сорвался так стремительно, точно упал, — и, скользя по кабелю, пронесся мимо них. Глаза Грехэма невольно приковались к этому странному путешественнику, и только когда тот исчез в круглом отверстии стены пониже моста, взгляд его опять обратился на бушевавшую внизу толпу.

Одна из наружных платформ мчалась, вся красная от покрывавшей ее сплошной массы красных мундиров. Когда она поравнялась с балконом, эта красная масса распалась на отдельные красные пятнышки и полилась с платформы на платформу к тому месту у люка, где происходила борьба.

Оказалось, что все эти красные люди были вооружены дубинками, которыми они действовали очень ловко, расшвыривая толпу. Раздался тысячеголосый яростный вопль, долетевший до Грехэма наполовину заглушенным.

— Вперед! — крикнул Говард, толкая его.

В эту минуту еще какой-то человек бросился по кабелю вниз. Грехэм хотел посмотреть, откуда он слетел, и, взглянув вверх, увидел сквозь стеклянную крышу моста и сквозь сеть переплетавшихся над ней кабелей неясные очертания вертящихся лопастей, напоминавших крылья ветряных мельниц, и между ними просветы далекого бледного неба. Но тут Говард опять потащил его вперед.

— Я хочу посмотреть, — начал было Грехэм упираясь.

— Нет, нет, нельзя останавливаться, идите за мной! — закричал Говард, еще крепче сжимая его руку. Красные конвойные, сопровождавшие их, уже готовы были, как ему показалось, подкрепить это приказание более осязательным воздействием, и он должен был покориться. Вскоре они вошли в узкий коридор, все стены которого были испещрены геометрическими фигурами.

В глубине коридора показалось несколько негров в черных с желтым мундирах, с узким перехватом у талии, отчего они были похожи на ос. Один из них поспешно отодвинул к стене какой-то щит, оказавшийся дверью, дал им пройти и повел их куда-то дальше. Они очутились в галерее, выступавшей в виде хор над одним концом высокого зала, или, вернее, огромного вестибюля. На противоположном конце подымавшиеся вверх ступени широкой лестницы вели к величественному порталу, полузавешенному тяжелой драпировкой. Здесь тоже стояли навывтяжку негры в черных с желтым мундирах и белые люди в красном. Сквозь портал был виден другой зал, еще больших размеров.

Сопровождавший их черный служитель прошел вперед, отодвинул второй щит и остановился в ожидании. Проходя по галерее, Грехэм слышал, как шептались внизу, и видел, что все головы поворачивались в его сторону. «Спящий! Спящий!» — донеслось до него. Через узкий проход, проделанный в стене вестибюля, они вышли в другую галерею, железную, ажурной работы. Она тянулась вокруг того самого большого зала, который он уже видел сквозь портал. Только теперь, очутившись в этом зале, он получил полное представление о его колоссальных размерах. Черный служитель с тонкой, как у осы, талией отступил в сторону, как подобает хорошо выдрессированному рабу, и задвинул за ними щит.

Все то, что Грехэм видел до сих пор, по роскоши убранства не могло идти в сравнение с этими хорами. В противоположном конце зала, ярко освещенная, стояла гигантская, могучая белая фигура Атласа, в напряженной позе, с земным шаром на согнутой спине. Эта фигура поразила

его: она была так колоссальна, так реальна в своем терпеливом страдании, так проста... Если не считать этой гигантской фигуры да высокой эстрады посредине зала, он был совершенно пуст. Эстрада терялась в огромном пространстве этой пустыни, и только группа из семи человек, стоявших на ней вокруг стола, давала понятие о ее настоящих размерах. Все эти люди были в белых мантиях. По-видимому, они поднялись со своих мест при появлении Грехэма и теперь в упор смотрели на него. На одном конце стола сверкала сталь каких-то механических приборов.

Говард провел его по галерее до того места, которое приходилось прямо против могучей, согнувшейся под тяжестью своей ноши фигуры. Тут они остановились. Два красных конвоира, не отстававшие от них ни на шаг, стали по бокам Грехэма.

— Постойте здесь, я сейчас вернусь, — пробормотал Говард и, не дожидаясь ответа, побежал куда-то дальше по галерее.

— Позвольте, — начал Грехэм и двинулся было вслед за Говардом, но один из красных загородил ему дорогу.

— Извольте оставаться здесь, сэр, — сказал он. — Так приказано.

— Кем?

— Все равно кем. Приказ.

Грехэм покорился.

— Что это за здание, — спросил он, — и кто эти люди?

— Члены Совета, сэр.

— Какого Совета?

— У нас один Совет.

— А... — пробормотал Грехэм и после безуспешной попытки заговорить с другим конвойным подошел к решетке галереи и стал смотреть на людей в белом, которые стояли внизу и, в свою очередь, смотрели на него, о чем-то перешептываясь.

Теперь он насчитал их восемь человек, хотя и не заметил, когда появился восьмой. Ни один из них не сделал ему знака приветствия. Они стояли и смотрели на него, как

в девятнадцатом столетии остановившаяся на улице кучка людей могла бы смотреть на воздушный шар, неожиданно показавшийся вверху. Что это за таинственное собрание? Кто эти восемь человек, стоящие у ног внушительного белого колосса среди пустыни этого огромного зала, где их не могут подслушать ничьи нескромные уши? Зачем его поставили перед ними и зачем они так странно смотрят на него и говорят о нем шепотом, так что он не может их слышать? Внизу показался Говард. Он быстро шел через зал, направляясь к эстраде. Перед ступенями эстрады он остановился, отвесил глубокий поклон и проделал ряд своеобразных движений, как это, очевидно, полагалось по церемониалу. Потом он поднялся по ступенькам и стал у того конца стола, где были расставлены таинственные приборы. С ним заговорил один из членов Совета.

Грехэм с любопытством следил за их неслышной беседой. Он видел, как собеседник Говарда поглядывал наверх, в его сторону. Он тщетно напрягал слух: до него не долетало ни звука. Но, судя по энергичной жестикуляции обоих собеседников, разговор принимал все более и более оживленный характер. В недоумении он поднял вопрошающий взгляд на своих сторожей, но их бесстрастные лица ничего не сказали ему... Когда он снова глянул вниз, он увидел, как Говард разводил руками и качал головой, явно протестуя. Его прервал один из белых сановников, ударив рукой по столу.

Разговор тянулся бесконечно долго — так, по крайней мере, казалось Грехэму. Он поднял глаза на безмолвного великана, у ног которого заседал Совет, потом взгляд его стал блуждать по стенам. Они были сплошь покрыты рисунками в японском вкусе, вставленными в рамы из темного металла. Воздушная грация этих рисунков еще более усиливала внушительное впечатление, которое производила могучая белая фигура гиганта, застывшего в своей напряженной позе.

В то время как Грехэм вспомнил о Совете и снова посмотрел вниз, Говард спускался с эстрады. Когда он подошел

настолько близко, что можно было рассмотреть его лицо, Грехэм заметил, что он очень красен и отдувается, как человек, только что покончивший с трудной задачей. Следы волнения еще оставались на его лице даже и тогда, когда он поднялся на галерею

— Сюда, — сказал он коротко, и все четверо направились к маленькой двери, которая отворилась при их приближении. Красные конвойные стали по бокам этой двери, а Говард попросил Грехэма войти. На пороге он обернулся назад и увидел, что белые члены Совета все еще стоят на прежнем месте тесной группой и смотрят ему вслед. Потом тяжелая дверь затворилась за ними, и первый раз с момента своего пробуждения Грехэм очутился в полной тишине. Даже пол был затянута войлоком, так что не слышно было шагов.

Говард отворил вторую дверь, и они вошли в первую из двух смежных комнат, в которой все убранство было белого и зеленого цвета.

— Что это за Совет? — спросил Грехэм. — О чем они совещались? Что они намерены сделать со мной?

Говард тщательно запер дверь, тяжело перевел дух и что-то пробурчал себе под нос, потом прошелся по комнате и остановился перед Грехэмом отдуваясь.

— Уф! — вырвалось у него с облегчением. Грехэм смотрел на него и ждал.

— Надо вам знать, — начал Говард, избегая его взгляда, — что наш общественный строй очень сложен. Всякое неполное объяснение может дать вам совершенно ложное представление о нем. Все дело тут отчасти в том, что ваш маленький капитал вместе с завещанным вам состоянием вашего кузена Уорминга, увеличиваясь из года в год процентами и процентами на проценты, вырос до чудовищной цифры. А кроме того, и по другим причинам, — я не могу вам объяснить почему, — вы стали важным лицом, настолько важным, что можете влиять на судьбы мира.

Он замолчал.

— Ну и что же? — спросил Грехэм.

— У нас теперь трудное время... Народ волнуется...

— Ну?

— Ну, словом, дела обстоят таким образом, что призна-но целесообразным изолировать вас.

— То есть посадить меня под замок?

— Нет... только просить вас побыть некоторое время в уединении.

— Это, по меньшей мере, странно, — возмутился Грехэм.

— Вам не сделают никакого вреда, но вам придется по-сидеть...

— Пока мне не растолкуют, какое отношение имеет моя личность к вашим общественным делам?

— Именно.

— Прекрасно. Так начинайте же ваши объяснения. По-чему вы сказали: «Не сделают вреда»? Разве и это было под сомнением?

— Сейчас я не могу ответить на этот вопрос.

— Почему?

— Это слишком длинная история, сэр.

— Тем больше причин начать не откладывая. Вы гово-рите, я важная особа. В таком случае вы должны исполнить мое требование. Я хочу знать, что значат крики толпы, ко-торые я слышал с балкона? Какое отношение имеют они к тому, что я очнулся от моей многолетней спячки? И кто те люди в белом, которые сейчас совещались обо мне?

— Все в свое время, не торопитесь, — сказал Говард. — Мы переживаем переходное время: никто ни в чем не уве-рен. Ваше пробуждение... Никто не ожидал, что вы просне-тесь. Это событие и обсуждает Совет.

— Какой Совет?

— Тот, который вы видели.

Грехэм сделал порывистое движение.

— Это черт знает что! Вы обязаны все мне рассказать!

— Вооружитесь терпением. Я очень вас прошу, подо-ждите.

Грехэм резко опустил на стул.

— Я так долго ждал возвращения к жизни, что, очевидно, могу и еще подождать, — сказал он.

— Вот так-то лучше, — одобрил Говард. — А теперь мне придется оставить вас... ненадолго. Мне нужно быть в Совете... Извините.

Он направился к выходу, приостановился было в нерешительности, потом бесшумно отворил дверь и исчез.

Грехэм попробовал дверь и убедился, что она заперта каким-то особенным, неизвестным ему способом, потом он повернулся, походил из угла в угол и сел. Он долго сидел неподвижно со скрещенными руками и нахмуренным лбом, стараясь связать в одно целое все пестрые впечатления первых часов своей новой жизни. Эти гигантские сети протянутых в воздухе кабелей, паутина висячих мостов, эти огромные залы, бесконечные переходы; эта бурная волна народного движения, заливающая улицы, потом эта кучка белых людей у ног колоссального Атласа, — людей, явно недоброжелательно к нему настроенных; загадочное поведение Говарда, его обмолвки о каком-то огромном капитале, который по праву принадлежит ему, Грехэму, но которым, может быть, уже успели распорядиться без него; намеки на чуть ли не мировое значение его личности — всего этого никак не мог вместить его ум. Что он должен делать? Вернее, что он может сделать? Эти законопаченные комнаты красноречиво говорили о том, что он узник.

На одну минуту ему показалось несомненным, что весь этот ряд подавляющих впечатлений — просто сон. Он попробовал закрыть глаза, что оказалось не трудно, но это освященное временем средство не привело к пробуждению.

Потом он принялся исследовать все незнакомые детали обстановки обеих маленьких комнат, куда его заперли.

В большом овальном зеркале он увидел свое отражение и был поражен: на нем был изящный костюм, пунцовый со светло-голубым. Остроконечная, с легкой проседью борода и полуседые волосы, оригинально, но красиво зачесанные надо лбом, совершенно меняли его лицо. Теперь ему

можно было дать на вид лет сорок пять. В первую минуту он не узнал себя. И громко расхохотался, когда наконец узнал.

«Вот зайти бы к Уормингу в таком виде и предложить ему пойти со мной позавтракать в ресторане!» — мелькнуло у него в голове.

Продолжая смеяться, он стал перебирать одного за другим тех немногих близких друзей своей молодости, над кем можно было бы теперь так хорошо подшутить, и вдруг вспомнил, что из всех людей не осталось в живых ни души, что все они умерли много десятков лет тому назад. Сердце его сжалось острой болью, смех разом оборвался и сменился выражением отчаяния на побледневшем лице.

Но потом более яркая, волнующая картина огромных зданий и этих удивительных движущихся улиц, запруженных народом, снова выступила на первый план. Отчетливо, как живые, представились ему толпы кричащих людей и эти неслышно совещающиеся вдаль сановники в белом, в которых он чувствовал врагов. Какую маленькую, ничтожную фигурку представляет он собою! Как он бессилен и жалок при всем своем «мировом значении»! И как странно, как непонятно все, что его окружает, — весь мир!

Глава 7

В ПОКОЯХ БЕЗМОЛВИЯ

Но надо было жить, надо было чем-нибудь наполнять свое время. Грехэм вздохнул и принялся за осмотр своего помещения. Любопытство пересиливало и усталость, и тоску.

Первая комната была очень высока, с потолком в виде купола. Посередине этого купола был овальный прорез, выходящий на крышу воронкой, и снизу были видны широкие лопасти вращавшегося в нем колеса, очевидно, приспособления для вентиляции. Слабое гудение колеса было единственным звуком, нарушавшим тишину. В промежутках между тихо вертевшимися лопастями мелькали полоски темного неба, и вдруг Грехэм увидел звезду.

Это очень его удивило и заставило обратить внимание на тот факт, что в комнате не было окон. Он осмотрел ее внимательнее и заметил, что своим ярким освещением, не уступавшим дневному свету, она была обязана маленьким лампочкам, которыми были усеяны все карнизы. Тогда он стал припоминать и вспомнил, что ни в одном из огромных коридоров и залов, которыми они с Говардом проходили, он не заметил окон. Правда, он видел несколько окон, выходявших на улицу, но для освещения ли предназначались они? Быть может, они имели другое назначение. Может быть, этот город освещается искусственным светом и ночью и днем, так что в нем никогда не бывает темно?

Поразила его еще одна вещь: ни в той, ни в другой комнате не было камина. Может быть, на дворе стояло лето и эти комнаты были летним помещением? Или, быть может, весь город равномерно отапливается зимой и так же равномерно охлаждается летом? Его это заинтересовало. Он тщательно ощупал гладкие стены, осмотрел все карнизы, углы: нигде не было и следов каких-нибудь проводов для отопления. В одном углу стояла кровать, на вид очень простая, но с целым ассортиментом остроумных приспособлений, позволявших обходиться без посторонних услуг. Все вообще поражало полным отсутствием вычурных украшений при необыкновенной красоте форм и таком приятном сочетании цветов, что нельзя было оторвать глаз. На всем лежал отпечаток изящной простоты. Эта кровать да несколько удобных кресел вокруг легкого небольшого стола составляли всю меблировку. На столе стояли стаканы, бутылки с напитками и два блюда с каким-то полупрозрачным кушаньем, похожим на желе. Но странно: не было ни книг, ни газет, ни письменных принадлежностей. «И вправду, видно, свет переменялся», — подумал Грехэм.

Во второй комнате вдоль одной стены тянулся длинный ряд небольших цилиндров с зелеными надписями по белому фону, что вполне гармонировало с убранством этой комнаты. Посередине этого ряда цилиндров выступал вперед, в виде квадратного ящика около ярда длиной и шириной,

какой-то аппарат. Одна его сторона, обращенная к комнате, представляла гладкую белую доску. Перед аппаратом стоял стул.

Сначала Грехэм занялся цилиндрами. «Уж не заменяют ли им книги эти приборы?» — мелькнуло у него в голове. Надписей он долго не мог разобрать. В первую минуту ему показалось, что они на русском языке, но потом, по некоторым словам, он догадался, что это сокращенные английские фразы. «Человек, который хотел быть королем», — прочел он на одном цилиндре.

— А-а, «Человек, который хотел быть королем». Фонетическое правописание!

Он вспомнил, что читал когда-то повесть под этим заглавием; припомнил и саму повесть, одну из лучших в мире. Затем он разобрал еще два заглавия на двух других цилиндрах: «Сердце тьмы» и «Мадонна будущего». О таких книгах он никогда не слышал. Если они существуют, то значит, их авторы жили не в царствование Виктории, а позднее. Он повертел в руках еще один цилиндр и поставил на место. Потом перешел к четырехугольному аппарату. «Это уж, во всяком случае, не книга». Он снял крышку. Внутри оказался такой же цилиндр, как и остальные, только с кнопкой на верхнем конце вроде кнопки электрического звонка. Он нажал эту кнопку. Что-то затрещало, и когда треск прекратился, он услышал музыку и голоса, а на белой поверхности передней доски появились цветные движущиеся тени. Тогда он понял, что это за аппарат. Он отступил на шаг и стал смотреть.

На гладкой поверхности передней доски отчетливо выступила картина. Фигуры на ней двигались, как живые. И не только двигались, но и говорили, правда, слабыми, как будто издали доносившимися голосами. Получалось такое впечатление, как если бы смотреть на сцену в перевернутый бинокль и слушать через длинную трубку.

Начало представления сразу заинтересовало его. Действующих лиц было двое — мужчина и женщина, очень хорошенькая. Мужчина — молодой человек — в волнении расхаживал по сцене, осыпал гневными упреками женщи-

ну, которая дерзко возражала ему. Оба были в живописных костюмах своего времени, казавшихся такими странными человеку девятнадцатого столетия. «Я работал, — говорит мужчина, — а что делала ты?»

— Ого! Да это любопытно! — пробормотал Грехэм и опустился на стул перед экраном.

Он так увлекся миниатюрным спектаклем, что забыл обо всем. Через пять минут он с удивлением убедился, что маленькие фигурки вдруг упомянули о нем. «Когда проснется Спящий», — услышал он. Это было сказано в ироническом смысле. Фраза, очевидно, вышла в поговорку и применялась в таких случаях, когда говорили о чем-нибудь очень далеком, несбыточном, невероятном. С большим интересом он прослушал всю пьесу, заканчивавшуюся трагически, и оба ее главных героя стали ему близки и понятны.

Что за странная была эта жизнь, — жизнь другой, чуждой эпохи! Что за странный уголок незнакомого мира, в который ему довелось заглянуть! Поистине удивительный мир беззастенчивых, энергичных людей, людей с тонким вкусом, жаждущих наслаждений, и вместе с тем мир экономической борьбы... В пьесе было много такого, чего он не понял, да и не мог понять: какие-то намеки на злободневные вопросы и тому подобное. Но по некоторым маленьким черточкам можно было судить, как радикально изменились за два века нравственные идеалы. Голубой холст, занимавший так много места в его первых впечатлениях от нового Лондона, и здесь фигурировал много раз, и всегда как одеяние простолюдина. Пьеса была, несомненно, из современного быта и отличалась глубоким реализмом. Он еще долго сидел, погруженный в раздумье, после того как она закончилась и экран опустел.

Но вот он, наконец, встряхнулся, протирая глаза. Новейший суррогат нашего теперешнего «романа» так всецело завладел его воображением, что, увидев себя опять в зеленой с белым комнате, где стояли цилиндры, он удивился почти не меньше, чем при пробуждении от своего двухсотлетнего сна.

Он встал, оглянулся кругом и сразу вернулся из мира фантазии в страну реальных чудес. Яркое впечатление маленькой драмы, разыгранной на экране кинетоскопа, побледнело, и перед ним опять встала картина борьбы на необъятном пространстве движущихся улиц, таинственный Совет в зале Атласа и все быстрые фазы его переживаний с минуты пробуждения. В пьесе говорилось о Совете как о власти неограниченной, самодержавной. Много раз упоминалось и о Спящем... Это его почти не поразило тогда; до его сознания в то время как-то не доходило, что ведь он-то и есть этот Спящий... И он стал припоминать, что именно говорили о нем.

Потом он машинально снова прошел в первую комнату, спальню, и стал смотреть на небо в промежутках между вертящимися лопастями колеса. Если не считать ритмического слабого стука лопастей, кругом стояла мертвая тишина. Комната по-прежнему была ярко освещена неугасимым искусственным светом, но он заметил, что мелькавшие сверху узкие полоски неба теперь казались почти черными и были усеяны звездами.

От нечего делать он снова принялся бродить по комнатам. Наружной двери, обитой чем-то мягким, он никак не мог отворить, как ни старался. Хотел позвонить, но не нашел ни звонка, ни каких-либо других приспособлений, чтобы вызывать прислугу. Чудеса новой жизни уже не удивляли его, но ему страстно хотелось разобраться в своем положении, хотелось знать, какое место занимает он среди новых людей. Он убеждал себя успокоиться и терпеливо ожидать, пока к нему придут, но не мог справиться со своим волнением. Желание знать и жажда новых ощущений томили его.

Он опять вернулся в комнату с кинетоскопом. Он давно уже догадался, что в нем можно менять цилиндры, и теперь ему хотелось узнать, как это делается. Он долго копался, прежде чем ему удалось найти секрет. «А эти цилиндрики, должно быть, много поспособствовали закреплению форм языка. Он так мало изменился за два столетия, что я свободно понимаю его», — подумалось ему. Он взял наудачу

первый попавшийся цилиндр и вставил его в аппарат. Аппарат на этот раз воспроизвел оперу. Музыка была незнакомая, но фабулу он сразу узнал. Это была история Тангейзера в переделке на современные нравы. Сначала ему очень понравилось. Играли живо и с большим реализмом. Но что это такое? Этот Тангейзер посещает не Грот Венеры, а Город Наслаждений... Что это? Фу, какая гадость! Не может быть, чтобы это было списано с жизни! Это просто плод фантазии — разнузданной фантазии развратного писаки... Нет, положительно ему не нравилась эта опера: очень уж она билась на животные инстинкты человека. И чем дальше, тем хуже. Он возмутился. Какое это искусство? Где же тут идеализация действительности? Это просто фотографические снимки самых грубых сторон человеческой жизни... Нет, нет, довольно с него этих Венер двадцать второго столетия!..

Он и забыл, какую роль играл прототип этих самых Венер в «Тангейзере» девятнадцатого века, и отдался своему архаическому негодованию. Ему стало стыдно. Он поднялся со стула, почти сердясь на себя за то, что мог себе позволить смотреть на эту мерзость, хотя бы и без свидетелей. Нетерпеливым движением он пододвинул к себе аппарат и принялся трогать то тот, то другой рычажок, чтобы остановить механизм. Что-то щелкнуло. Блеснула фиолетовая искра, ему свело руку и обожгло палец. Машина стала. Когда на другой день он хотел заменить цилиндрик с «Тангейзером» чем-нибудь другим, то аппарат оказался испорченным.

Он принялся ходить из угла в угол, стараясь справиться со всей этой массой впечатлений, которые давили его. То, что он уже успел подметить из действительной жизни нового Лондона, и то, что ему открыли цилиндрики, сбивало его с толку своим противоречием. Странная вещь: никогда раньше, дожив до тридцати с лишним лет, он не представлял себе такой картины грядущих времен. «Мы в наше время создавали будущее, — думал он, — и ни одному из нас не приходило в голову задаться вопросом, какое будущее мы создаем... Так вот оно, это будущее! К чему идут эти слеп-

цы? Чего они достигли? О, зачем моя злая судьба привела меня к ним?..»

Его не поражала грандиозность улиц и зданий, не поражало и многолюдство. Но эти рукопашные схватки! Этот жестокий антагонизм между согражданами! И это систематическое потакание своим низменным инстинктам среди богатых классов...

Он вспомнил социалистическую утопию Беллами, так далеко опередившую то, что он нашел здесь, проспав двести лет. Нет, этого никто не назовет утопией. Где тут социалистический строй? Он уже достаточно видел теперь, чтобы убедиться, что исконное противоречие между роскошью, расточительностью, удовлетворением чувственности, с одной стороны, и позорной бедностью — с другой, оставалось во всей своей силе. Главнейшие факторы человеческой жизни были ему настолько хорошо известны, что он ясно понимал все значение такого соотношения. Не только здания в этом городе были колоссальны. Не только колоссальны были толпы народа, запружавшие его. Колоссально было и всеобщее недовольство. О нем кричали люди на улицах, о нем говорила растерянность Говарда; она носилась в воздухе; все было пропитано им. Где он? В какой стране? Как будто в Англии. А между тем все здесь так чуждо ему... такое все «не свое»... Он попробовал представить себе остальной мир, но мысль его остановилась перед завесой тумана, за которой все было загадкой.

Ломая голову над этими вопросами, он метался из комнаты в комнату, как зверь в клетке. От усталости он дошел до той степени лихорадочного возбуждения, когда уже не можешь ни сидеть, ни лежать. Он то становился под вентилятор и прислушивался, стараясь уловить далекие отголоски уличных волнений, которые, он был уверен, все еще продолжались, то принимался говорить сам с собой.

«Двести три года, — твердил он без конца, смеясь бессмысленным смехом. — Мне, стало быть, теперь двести тридцать три. Старейший из живущих... Надеюсь, они еще не упразднили прав старшинства. Мои права неоспори-

мы — права человека девятнадцатого столетия. Что ни говори, а великий был наш век... Великий? А болгарская война? А турецкие зверства? Ха-ха!»

В первую минуту он и сам удивился, поймав себя на этом смехе, а потом стал опять хохотать громко, без удержу. Потом сообразил, что ведет себя как сумасшедший. «Полно, полно! Возьми себя в руки», — сказал он себе.

Он умерил шаги, стараясь ходить ровнее. «Новый мир... Не понимаю я его... Почему все пришло к этому? Почему?... Кто мне ответит?... Должно быть, они теперь умеют летать и мало ли что еще... Надо припомнить, как начиналось у нас с этими полетами...»

И он перенесся воображением на двести лет назад. Мало-помалу воспоминания его приняли личный характер. Год за годом перебирал он первые тридцать лет своей жизни. Сначала ему казалось, что память его ослабла, что многое он забыл. Мелькали какие-то обрывки воспоминаний, все больше мелочи, случайные встречи, не игравшие в его жизни никакой роли. Ярче другого вспоминалось детство, школьные годы, школьные книги. Но потом постепенно стало оживать и дальнейшее: знаменательные события, трагические моменты... Образ давно умершей жены, ее когда-то столь магические для него чары. Ожили и другие забытые образы — лица соперников, друзей и врагов. Вспомнились тяжелые минуты колебаний, минуты быстрых решений и, наконец, последние годы сомнений и внутренней борьбы, закончившиеся напряженной умственной работой. Вскоре он убедился, что прошлое вернулось к нему немного потускневшее, быть может, как металл, долго пролежавший без употребления, но не утерьявшее ни одной черточки, так что его можно было освежить. Освежить? Но зачем? Что принесет ему это, кроме гнетущей тоски? Каким-то чудом он был оторван от жизни, ставшей невыносимой. Надо благодарить за это судьбу.

Мысль вернулась к настоящему. Тщетно он старался осмыслить факты, разобраться в невылазной путанице новых впечатлений... Он поднял глаза к вентилятору в потол-

ке и увидел, что небо порозовело. «Скоро солнце взойдет, надо уснуть», — подумал он. — Уснуть! Какое блаженство!» Только теперь он почувствовал, как отяжелели его члены, как он жестоко устал. Он подошел к простенькой маленькой кровати с мудреными приспособлениями, лег и мгновенно заснул.

Ему пришлось познакомиться со своей тюрьмой ближе, чем он думал, ибо его продержали в заточении трое суток. Странная, непостижимая судьба: вернуться к жизни только затем, чтобы быть оторванным от нее и обреченным на полное одиночество! Перед загадочностью этого заточения бледнело даже чудо его воскресения из мертвых после двухсотлетнего сна.

За все трое суток к нему не входил никто, кроме Говарда, который в определенные часы приносил ему пищу и питье. И кушанья, и напитки были очень вкусны и питательны, но совершенно не знакомы Грехэму. Говард, входя, всякий раз очень тщательно запирали за собою дверь. Он был всегда очень любезен, охотно разговаривал о пустяках, но уклонялся от всяких объяснений насчет того, что особенно занимало Грехэма и из-за чего, как он был уверен, все еще продолжалась борьба за этими глухими стенами. Стоило только задать вопрос об общем положении дел в государстве, как тот заговаривал о другом.

Чего только не передумал Грехэм за эти трое суток? Зачем его держат взаперти? Зачем умышленно оставляют в неведении? Зачем им непременно нужно, чтоб он ничего не видел и не знал? Чтобы объяснить себе эту загадку, он старательно припоминал то, чему был свидетелем, но ни одно объяснение не удовлетворяло его. Крутом него и с ним самим творились такие чудеса, что все становилось возможным и вероятным. Теперь его ничто не удивит: он был готов ко всему. Таким образом, когда пришла наконец минута освобождения, она его не застала врасплох.

Уже и раньше он догадывался, что во всем совершающемся не последнюю роль играет личность Спящего, то есть собственная его особа, и поведение Говарда только

укрепляло его в этой догадке. Беззвучно отворяясь и затворяясь за этим хитрецом, тяжелая мягкая дверь, казалось, пропускала отголоски происходящих за нею важных событий. Но даже на самые настойчивые, прямые вопросы он отвечал одними увертками.

— Пробуждения вашего не предвидели, а тут, как на грех, оно еще совпало с критическим моментом социального переворота, — твердил он на разные лады. — Чтобы объяснить вам все, пришлось бы рассказать историю страны за полтора гросса лет.

— Я понимаю, в чем дело, — сказал Грехэм. — Вы боитесь меня: боитесь, что я могу вам повредить. Очевидно, у меня есть какая-то власть... или могла бы быть, если б...

— Нет, не то. Прямой власти у вас нет, но... Это я вам, пожалуй, скажу. Ваше громадное состояние (оно возросло до чудовищной цифры за эти двести лет) дает вам опасную возможность вмешательства в общественные дела. Могут оказать нежелательное влияние и ваши допотопные понятия восемнадцатого века.

— Деятнадцатого, — поправил Грехэм.

— Это не меняет дела. Понятия остаются все-таки допотопными, раз вам не знакома ни одна черта нашего общественного строя.

— Скажите, вы считаете меня дураком?

— Конечно, нет.

— Так отчего же вы думаете, что я буду действовать безрассудно?

— Мы, видите ли, не ожидали, что вы вообще когда-нибудь будете действовать. На ваше пробуждение никто не рассчитывал. Ну разве можно было думать, что вы проснетесь? Все были уверены, что вы давно умерли. На вас смотрели, как на диковину, как на беспримерный феномен приостановки разложения — и только. По распоряжению Совета были применены все новейшие антисептические средства, чтобы как можно дольше сохранить ваш труп. И вот... Но это слишком сложно объяснять. Я не могу так, сразу, без всякой подготовки... Вы ведь еще не совсем проснулись.

— Пойдите, не влияйте! — остановил его Грехэм. — Вы говорите, опасное влияние... допотопные понятия... Допустим, что это так. Но отчего же, в таком случае, вы не поделитесь со мной вашей мудростью? Вам следовало бы с утра до ночи, не теряя времени, знакомить меня с фактами, с новыми условиями жизни, чтобы я мог употребить свое влияние с пользой. А я... Чему я научился, что я узнал за эти два дня, с тех пор как проснулся?

Говард закусил губы.

— Я отлично вижу все махинации этого вашего Совета, Комитета или как его там. Вы — его креатура. Говорите же, зачем меня прячут? Кому это нужно? Неужели причина — мое несчастное богатство? Может быть, пока я здесь сижу, ваш Совет стряпает отчет о моих деньгах, который и представит мне потом?

— Такое подозрение... — начал было Говард.

— Э, что там! Не в том дело, — перебил Грехэм. — Скажу вам только, это не пройдет даром тем, кто меня сюда засадил. Не пройдет, попомните мое слово! Я жив. Жив, могу вас уверить. С каждым днем мой пульс бьется сильнее и яснее работает ум. Довольно опеки! Я вернулся к жизни и хочу жить.

— Жить?!

Лицо Говарда осветилось какой-то новой мыслью. Он подошел к Грехэму и заговорил конфиденциальным, дружеским тоном:

— Совет поместил вас сюда для вашего же блага. Но вас это волнует. Понятное дело: вы человек энергичный. Вам здесь скучно. Но все, чего бы вы ни захотели... всякое желание будет исполнено — мы уж позаботимся об этом... Может быть, вы хотели бы... общества?

Он сделал многозначительную паузу.

— Да, хотел бы, — подумав, ответил Грехэм.

— Так и есть! Как это мы упустили из виду?

— Я хотел бы видеть народ, тех людей, что кричали на улицах...

— Ну, это, боюсь... — Говард замялся. — Но всякое другое общество...

Грехэм стал ходить по комнате, не отвечая. Говард стоял у двери, наблюдая за ним. «Что хочет он сказать своим предложением? Что значат его намеки?» Грехэму это было не совсем ясно. «Общество!» А что, если поймать его на слове и потребовать себе собеседника, все равно кого. Может быть, можно было бы вытянуть из этого человека хоть что-нибудь относительно общественных событий? Узнать, по крайней мере, чем кончилась междоусобица, разыгравшаяся в момент его пробуждения?

Он все ходил, соображая, и вдруг догадался, на что намекал Говард. Он круто повернулся к нему:

— Что вы хотели сказать? Какое общество вы мне предлагали?

Говард поднял на него испытующий взгляд и пожал плечами.

— Общество человеческих существ, разумеется, — проговорил он с двусмысленной улыбкой на своем деревянном лице. — Надо вам сказать, что в отношении моральных идей, как и во многом другом, мы шагнули вперед сравнительно с вашей эпохой. Если бы вы пожелали, например, развлечься в вашем уединении... женским обществом, мы не нашли бы в этом ничего зазорного, уверяю вас. Мы сумели освободиться от предрассудков. В нашем городе существует особый класс женщин, — необходимый класс, отнюдь не клейменный всеобщим презрением, как это было в ваше время, и...

Грехэм остановился перед ним и слушал, что будет дальше.

— Это вас развлекло бы, помогло бы вам скоротать время, — продолжал Говард. — Мне следовало бы раньше вспомнить... Но я так озабочен... У нас там такое творится, что голова идет кругом.

И он махнул рукой в сторону двери.

Грехэм колебался. На один миг в его воображении встал образ красивой женщины и своею доступностью соблазнительно манил его к себе. Но минута слабости прошла. В нем закипело негодование.

— Нет! — крикнул он резко и снова принялся нервно шагать из угла в угол.

— Я понимаю, в чем тут дело, — заговорил он опять минутой спустя. — Все, что вы делаете, все, что вы говорите, убеждает меня, что с моей особой связан исход каких-то важных событий, что от меня зависит, какой они примут оборот. И вы рассчитываете усыпить меня разворотом. Так знайте же: я не хочу развлекаться, как вы это называете. Конечно, и распутство тоже жизнь в известном смысле. А что потом? Вечная смерть, забвение... В прежней моей жизни я много думал над этим проклятым вопросом. Я решил его для себя ценою страдания и не намерен начинать сначала. Мне нужны люди, народ, а вы держите меня здесь, как кролика в мешке...

Он дал волю душившему его бешенству. Он потрясал кулаками, выкрикивал архаические проклятия своего века, топал ногами, грозил.

— Я не имею понятия, какой вы партии, какие ваши симпатии, кто вы такой вообще. Я ничего не знаю, и вы нарочно не пускаете меня к свету. Но что вы меня заперли не с добрыми намерениями, это я знаю. И я предупреждаю вас, предупреждаю: берегитесь последствий! Как только я буду у власти...

Он вдруг остановился, сообразив, что такие угрозы могут быть для него роковыми. Говард смотрел на него с каким-то странным выражением в глазах.

— Прикажете передать это Совету? — спросил он.

Грехэму вдруг захотелось броситься на этого негодяя, ударить его, придушить. Должно быть, это отразилось на его лице, потому что Говард мгновенно очутился у двери. В следующую секунду она беззвучно затворилась за ним, и человек девятнадцатого века остался один.

С минуту он стоял в оцепенении, забыв даже опустить свои сжатые кулаки. Потом ударил себя по лбу с криком: «Какой я дурак! О господи, как глупо я себя вел!» — и снова забегал по комнате в бессильной злости.

Он долго еще бесновался, проклиная судьбу, браня себя за глупость, мечя громаы и молнии на мерзавцев, которые запер-

ли его. Он бесновался, потому что не решался хладнокровно взглянуть на свое положение и постараться вникнуть в него. Он злился и взвинчивал себя, потому что боялся понять, боялся того страха, который его охватит, когда он поймет.

Мало-помалу, однако, он успокоился настолько, что был в состоянии рассуждать. «Я не могу себе объяснить, зачем они меня заперли, — говорил он себе. — Но ведь есть же у них законы, новые, свои. Стало быть, у них допускаются такие меры и со мной поступают по закону. Цивилизация ушла вперед на целых два столетия, и, значит, эти люди далеко опередили мое поколение. Не может быть, чтобы они были менее гуманны, чем мы. А между тем — как это сказал Говард? — они сумели освободиться от предрассудков. Что, если гуманность для них такой же предрассудок, как целомудрие?»

Его фантазия стала усиленно работать, рисуя не весьма приятные картины того, что могут с ним сделать. И как он ни старался отвязаться от этих картин, призывая на помощь рассудок, это плохо ему удавалось.

«Ну что ж, будь что будет! — решил он наконец. — В крайнем случае я уступлю, исполню их требования. Но какие их требования? Чего они хотят? И отчего не скажут прямо, чего им от меня нужно, вместо того чтобы держать меня под замком?»

И опять пошли бесконечные догадки о том, как намерен Совет распорядиться его особой. Снова и снова припоминал он в мельчайших подробностях поведение Говарда, его зловещие взгляды, необъяснимые увертки, замалчивания... Некоторое время мысли его упорно кружились на одном месте, изыскивая способы побега. Но если б даже удалось бежать, куда он денется в этом огромном, чуждом ему мире? Это все равно, как если бы какой-нибудь древнесаксонский крестьянин неожиданно очутился в Лондоне девятнадцатого столетия. Да и есть ли возможность убежать из этих законопаченных комнат?

«Может быть, они порешили меня уморить. Но кому может быть выгодна моя смерть?»

Ему вспомнилась волнующаяся толпа, рукопашные схватки на улицах, гневные крики — все признаки близкого социального переворота, центром которого каким-то непостижимым образом был он сам. Из темных глубин его памяти ни с того ни с сего всплыли слова, когда-то сказанные другим Советом:

«Во имя общего блага пусть один человек умрет за народ».

Глава 8

НА КРЫШАХ

Через овальный прорез в потолке первой комнаты долетали снаружи какие-то неопределенные звуки. Мелькавшие между лопастями колеса промежутки, теперь почти совсем черные, показывали, что на дворе была ночь. Поглощенный мрачными мыслями о том, как с ним поступят в конце концов неведомые власти, которым он так опрометчиво бросил вызов, Грехэм стоял под вентилятором, забыв об окружающем. Вдруг он вздрогнул от нового неожиданного звука: он услышал над собой человеческий голос.

Он поднял голову и сквозь просветы между вертевши- мися лопастями различил смутные очертания лица и плеч человека, смотревшего на него. Вот протянулась темная рука. Ближайшая лопасть, пролетая, ударила по ней своим острым ребром, и сверху на пол закапало что-то жидкое.

Грехэм нагнулся: на полу была кровь. В испуге он снова вскинул голову к потолку. Фигура исчезла.

Он не шевелился, напряженно всматриваясь в мигавшую между лопастями черноту ночи. Он заметил, что в воздухе над вентилятором плавают какие-то пушинки: они то налетали порывами, то скрывались из глаз, относимые ветром, который поднимали лопасти колеса. Откуда-то неожиданно блеснул яркий луч света. Пушинки сверкнули в нем белыми искорками, и затем все снова погрузилось в темноту. Стало быть, за стенами его теплой, ярко освещенной тюрьмы была зима и шел снег.

Он машинально прошелся по комнате и снова стал под вентилятор. Там теперь опять торчала человеческая голова. Он услышал шепот. Потом раздался резкий звук удара по металлу, послышалась возня, глухой говор, и колесо остановилось. В комнату вихрем ворвались снежные хлопья и растаяли, не долетев до полу.

— Не бойтесь, — донеслось до него сверху.

— Кто вы? — прошептал он в ответ.

С минуту нельзя было различить ничего, кроме лопастей колеса, которые еще слегка раскачивались по инерции. Потом в один из промежутков осторожно просунулась человеческая голова. Человек этот висел почти вверх ногами, уцепившись рукой за что-то невидимое в темноте, — должно быть, за край вентиляционной трубы. Судя по тому, как у него на лбу вздулись жилы, надо думать, что ему очень трудно было удерживаться в этой позе. Его темные волосы были мокры от снега. Лица нельзя было хорошо рассмотреть при таком положении тела. Видно было только, что это молодое лицо с блестящими большими глазами.

Несколько секунд оба молчали, разглядывая друг друга.

— Это вы Спящий? — спросил наконец незнакомец.

— Да, — ответил Грехэм. — Что вам от меня нужно?

— Я от Острога, сэр.

— От Острога?

Продолжая висеть в вентиляторе, человек повернул голову так, что лицо пришлось в профиль к Грехэму: он, очевидно, прислушивался. Вдруг раздался испуганный возглас, и он быстро откинулся назад, еле успев увернуться от лопасти колеса, которое опять завертелось. И как ни всматривался после того Грехэм в черную дыру вентилятора, он не видел ничего, кроме вертящихся лопастей, мелькающих полосок неба да тихо падающих снежных хлопьев.

Так прошло с четверть часа. Но наконец наверху опять послышались какие-то звуки. Опять раздался удар по металлу: колесо стало, и между лопастями показалось то же лицо. Все это время Грехэм не сходил с места; он стоял,

прислушиваясь, напряженно всматриваясь в пустоту и весь дрожа от волнения.

— Кто вы? Что вам нужно? — повторил он свой вопрос.

— Нам надо поговорить с вами, сэр, — отвечал человек. — Мы хотим... Ох, как трудно держаться!.. Рука затекла... Вот уже три дня, как мы пытаемся пробраться к вам.

— Освобождение? Побег? — проговорил Грехэм прерывистым шепотом.

— Да, сэр, если вы захотите.

— Вы — моя партия? Партия Спящего?

— Да, сэр.

— Так говорите, что мне надо делать?

Вверху послышалась возня. Между лопастями просунулась рука, пальцы были в крови. Потом на краю прореза показались колени. Раздался громкий шепот: «Посторонитесь», — и вслед за тем к ногам Грехэма свалился человек, тяжело упав на руки и стукнувшись об пол плечом. Освобожденный вентилятор с шумом завертелся. Нежданный гость ловко повернулся, вскочил на ноги и с любопытством смотрел на Грехэма своими живыми глазами, тяжело дыша и потирая ушибленное плечо.

— Да вы и в самом деле Спящий, — сказал он. — Я вас узнаю. Я видел вас еще в то время, когда к вам разрешалось ходить всем без всяких ограничений.

— Да, я тот самый человек, что пролежал в летаргии двести с лишним лет, — ответил Грехэм. — А теперь меня посадили в тюрьму. Вот уже, по крайней мере, три дня, как я здесь сижу, почти с тех пор, как проснулся.

Незнакомец хотел было что-то сказать, но вдруг насто-рожился, бросил быстрый взгляд в сторону двери и кинулся туда, бормоча что-то невнятное и позабыв о Грехэме. В руке его сверкнуло стальное лезвие, и он принялся изо всех сил колотить по петлям двери.

— Эй, тише вы там! — послышалось с потолка.

Грехэм поднял голову, увидел подошвы двух спускающихся ног и не успел опомниться, как на спину ему обрушилась какая-то тяжесть, свалив его на пол. Он упал на

четвереньки, лицом вперед, и груз перекатился через его голову. Он привстал на колени: перед ним сидел второй гость.

— Простите, сэр, я вас сверху не заметил, — сказал, с трудом переводя дух, этот человек. Он встал и помог Грехэму подняться. — Я вас очень ушиб?

В эту минуту снова послышался ряд тяжелых ударов в вентиляторе. Сверху слетело что-то большое, чуть не задев Грехэма по лицу, со звоном упало на пол, подпрыгнуло, опять упало и, дребезжа, улеглось на месте, оказавшись большим куском от лопасти вентилятора из какого-то белого металла.

— Что это значит? — вскрикнул Грехэм, в недоумении поднимая глаза к прорезу. — Кто же вы, наконец? Что вы хотите делать? Я ничего не понимаю.

— Посторонитесь, сэр! — сказал второй незнакомец и еле успел оттащить его из-под вентилятора, как с потолка свалился второй тяжелый кусок металла.

— Мы за вами пришли, — проговорил тот же человек прерывистым шепотом. Грехэм взглянул на него и увидел, что у него рассечен лоб и из прореза выступают капельки крови. — Нас прислал ваш народ. Народ зовет вас...

— Мой народ, говорите вы? Куда же мне идти?..

— В зал Большого театра, что на Рыночной площади. Здесь ваша жизнь в опасности. У нас есть свои шпионы. Хорошо еще, что мы узнали вовремя. Совет решил или убить вас, или снова усыпить не дальше как сегодня. У нас все готово. Есть своя милиция. Служащие в Управлении ветряных двигателей, инженеры и половина кондукторов движущихся улиц на нашей стороне. Все публичные залы переполнены народом, вас ждут. Весь город восстал против Совета. У нас есть оружие.

Он вытер кровь со лба.

— Оружие? Зачем?

— Чтобы вас защищать. Народ не даст вас в обиду... Что такое?

Он быстро обернулся на неожиданно раздавшийся резкий свист. Это свистнул его товарищ, возившийся около

двери. Грехэм тоже взглянул в ту сторону и увидел, что тот показывает им знаками, чтоб они спрятались, а сам торопливо пятится за дверь. Дверь тихонько отворилась, и на пороге показался Говард. Он нес в руках нагруженный поднос, осторожно ступая и не подымая глаз. Но не успел он войти, как дверь захлопнулась за ним с громким стуком. Он вздрогнул, поднял голову и выронил поднос: стальное лезвие рассекло ему шею. Он упал как подкошенный лицом вниз и растянулся поперек комнаты ногами к двери. Ударивший его человек поспешно нагнулся, заглянул ему в лицо, потом спокойно выпрямился и как ни в чем не бывало занялся опять своей работой у двери.

— Вот ваша отрава, — шепнул Грехэму на ухо второй незнакомец, указывая на поднос с его ужином, валявшийся на полу.

В этот момент обе комнаты вдруг погрузились в темноту: бесчисленные лампочки, горевшие по карнизам, разом погасли. Овал прореза в потолке выступил светлым пятном в этом мраке. Грехэму было видно, как там кружился снег и торопливо двигались какие-то темные фигуры. Вот три из них опустились на колени у края прореза. Вот в комнату стал спускаться какой-то темный предмет, оказавшийся приставной лестницей. Потом показалась рука, державшая горящий факел.

На одну минуту Грехэма взяло сомнение. Но все поведение этих людей, их неподдельное волнение, их решительность, все их слова так совпадали с его собственными чувствами, с его страхом перед Советом, с его желанием вырваться на свободу, что он, не колеблясь, отбросил свои опасения. О чем тут думать? Ведь его ждет народ.

— Я ничего не понимаю во всем этом, но я вам верю, — сказал он. — Говорите, что я должен делать.

Человек с рассеченным лбом схватил его за руку и сказал:

— Взбирайтесь наверх. Скорее! Может быть, они уже заметили...

Вытянув в темноте руки, Грехэм нащупал лестницу и поставил ногу на нижнюю ступеньку. Но прежде чем начать

подниматься, он обернулся назад и, заглянув через плечо незнакомца, стоявшего ближе к нему, увидел при желтом мерцающем свете факела, что товарищ его, сидя верхом на трупе Говарда, продолжает работать над дверью. Он отвернулся и полез наверх, подталкиваемый своим провожатым. Не успел он коснуться ногой верхней ступеньки, как его подхватило несколько услужливых рук, и в следующий момент он стоял под открытым небом, возле воронки вентилятора, на чем-то твердом, холодном и скользком.

Его стала пробирать дрожь: разница в температуре между наружным воздухом и теплым помещением его тюрьмы была очень велика. Его окружали какие-то люди — человек шесть или семь. Легкие снежные хлопья падали ему на руки и на лицо и сейчас же таяли. Сначала было темно. Но вот бледный фиолетовый луч на миг прорезал темноту, после чего она, казалось, стала еще гуще.

При этом мимолетном свете Грехэм увидел, что он стоит на крыше огромнейшего здания, занимавшего, по всей вероятности, несколько кварталов прежнего Лондона. Крыша была плоская, и по ней во всех направлениях были протянуты толстые кабели. Из темноты сквозь завесу снежной метели выступали неясные силуэты гигантских ветряных двигателей, гудя своими колесами то громче, то тише, смотря по силе ветра. Откуда-то снизу лился перемежающийся бледный свет, и каждая снежинка горела золотым огнем, попадая в полосу этого света, а вдали подымались гигантскими призраками еще какие-то машины, отбрасывавшие бледно-зеленые искры.

Все это дошло до его сознания лишь смутно и урывками за те немногие минуты, пока его избавители о чем-то торопливо совещались между собой. Вот кто-то накинул на него теплый плащ из какой-то пушистой материи и пристегнул его ремнями у пояса и на плечах. Все говорилось и делалось быстро, решительно. Прежде чем он успел опомниться, какая-то темная фигура взяла его за руку и, указывая вдоль плоской крыши в ту сторону, откуда лился мгlistый, призрачный свет, сказала: «Сюда!» — и потянула его за собой. Он повиновался.

— Осторожнее! — раздался тот же голос, когда он споткнулся о кабель. — Между ними идите, а не шагайте через них... Скорее!

— Где же народ? — спросил Грехэм. — Народ ждет меня, мне сказали?

Ответа не последовало. Дорожка между кабелями становилась все уже. Проводник Грехэма выпустил его руку и быстро зашагал вперед. Грехэм шел за ним, не оглядываясь по сторонам, думая только о том, как бы не отстать. Они почти бежали.

— А где остальные? Они тоже идут? — спросил он, задыхаясь от бега, но опять не получил ответа. Проводник только оглянулся на него и побежал дальше. Вскоре они добрались до открытого прохода с металлическими перилами по бокам, тянувшегося под углом к той дорожке, по которой они раньше шли. Они свернули в этот проход. Грехэм оглянулся назад, но за падающим снегом не было видно, идут ли за ними остальные.

— Бегите за мной! Не отставайте! — сказал проводник, и они опять побежали.

— Нагнитесь! — услышал Грехэм, и они благополучно увернулись от бесконечного приводного ремня, который несся вверх, к шкиву колеса небольшого ветряного двигателя, торчавшего у них над головами.

— Сюда! — И они очутились по щиколотку в мокром снегу. — Пойдите, я пойду вперед, — сказал проводник.

Грехэм плотнее завернулся в свой плащ и пошел за ними.

Теперь они пробирались по узкому открытому желобу, огороженному с обеих сторон металлическими стенками в половину человеческого роста. В одном месте желоб был переброшен с крыши на крышу. Грехэм нечаянно заглянул через стенку и вдруг увидел под собой узкий черный провал. На один миг он пожалел, что согласился бежать. У него закружилась голова. Он машинально месил ногами мокрый снег, не смея поднять глаз, боясь только одного: как бы ему не сделалось дурно.

Выбравшись из желоба, они снова оказались на широкой плоской крыше, мокрой от снега и местами, очевидно, полупрозрачной, потому что снизу проходил слабый свет и можно было даже видеть мелькающие огоньки. Грехэм со страхом ступал по тому прозрачному полу: ему казалось, что он идет по тонкому льду. Но проводник его бежал вперед как ни в чем не бывало, и это успокоило его. Пройдя эту крышу, они вскарабкались по скользким ступенькам на широкий карниз большого стеклянного купола и обогнули его. Из-под купола долетали звуки музыки, прорываясь отдельными нотами сквозь шум ветра. Внизу толпились люди, кажется, там танцевали. Но останавливаться было некогда: проводник все время торопил его.

Они полезли куда-то еще выше и очутились на широком ровном пространстве, сплошь уставленном ветряными двигателями. Один из них был так велик, что можно было различить только нижнюю половину его колеса: вертящиеся лопасти становились видимы, пролетая низом, и, уносясь вверх, терялись в темноте. Они довольно долго пробирались между колоссальными металлическими скреплениями этого двигателя и, наконец, вышли на другую прозрачную, но покатую крышу. Грехэм с удивлением увидел себя над площадью движущихся улиц, таких же, как те, на которые он смотрел с балкона три дня тому назад. На гладкой покатой поверхности крыши было так скользко, что им пришлось ползти на четвереньках.

Вся крыша была покрыта мокрым снегом, так что трудно было хорошо рассмотреть, что находится под ней. Где-то внизу виднелись лишь контуры зданий, настолько неясные, что нельзя было даже определить расстояния. Но ближе к коньку крыши стекло оказалось чистым, и, заглянув вниз, Грехэм увидел под собой страшную глубину. У него голова закружилась, руки и ноги онемели, и, несмотря на настойчивые понукания проводника, он лег ничком на скате крыши и лежал, как пласт, не в силах шевельнуться. Далеко внизу, на дне глубокой ямы, копошились какие-то букашки — жители бессонного города с его неутасимым

искусственным светом, — неслись платформы движущихся улиц, совершая свой нескончаемый путь.

Рассыльные, почтальоны, люди, спешившие по всевозможным неизвестным делам, стремглав летели вниз, скользя по кабелям. Хрупкие висячие мостики были тоже переполнены людьми. Ему казалось, что под ним гигантский улей, населенный людьми вместо пчел, и только тонкое стекло — он даже не знал, насколько крепкое, — не давало ему свалиться в этот улей с головокружительной высоты. Там, внизу, было светло и тепло, а он промок до костей и продрог. Неизвестно, как долго пролежал бы он на одном месте в полузабытьи, если б проводник не закричал ему с ужасом в голосе:

— Идите! Что же вы лежите! Идите скорей!

Он напряг все свои силы и взобрался на конек крыши. Тут, следуя примеру проводника, он сел и быстро съехал вниз по противоположному скату. «Хорошо, если в стекле нет трещин. Что, если я попаду на такую трещину?» — невольно подумал он, пока стремглав катился с этой скользкой горы. Но вот его ноги уперлись во что-то, и в следующую секунду он стоял на железной закраине крыши по шиколотку в талом снегу, благодаря судьбу за то, что под ним не было больше предательского прозрачного пола. Проводник его уже перелез через железную решетку на ровную площадь соседней крыши, где опять тянулись ряды огромных ветряных двигателей с вертящимися лопастями. Грехэм последовал за ним. Сквозь частый дождь снежных хлопьев смутно вырисовывались переплеты гигантских скреплений, и доносилось ровное гудение колес. Вдруг в этот монотонный шум ворвались пронзительные звуки свистков. Необыкновенно сильные и резкие, они, казалось, неслись со всех сторон.

— Нас ищут! — вскрикнул проводник Грехэма в невыразимом ужасе.

В тот же миг кругом разлился ослепительный свет: ночь разом превратилась в сияющий день. На верхушках ветряных двигателей выросли высокие шесты с прикрепленными к ним осветительными шарами, испускавшими целые сно-

пы ярких белых лучей. Шесты с такими шарами тянулись по всем направлениям, теряясь в бесконечной перспективе. Шары горели спереди, сзади, повсюду, насколько можно было видеть сквозь снежную пелену.

— Становитесь сюда! — крикнул Грехэму проводник и толкнул его на металлическую решетку, тянувшуюся по крыше узкой темной лентой между двумя снежными сугробами. Грехэма удивило, что это место было свободно от снега, но когда он стал на него, его окоченевшие ноги почувствовали тепло, и тут только он заметил, что от решетки шел пар.

— Бегите за мной! — раздался голос проводника уже в десяти ярдах дальше. И, не дожидаясь ответа, он бросился бежать по ярко освещенному пространству между двумя рядами ветряных двигателей. Грехэм, подгоняемый страхом, пустился за ним так скоро, как только несли его ноги. Его ищут... ловят... могут поймать! Нет, все что угодно, только не попадаться больше в лапы Совету...

Через несколько секунд они уже ныряли между железными переплетами гигантских скреплений, под чудовищными движущимися колесами и рычагами, то исчезая в их тени, то снова появляясь в пятне яркого света. Вдруг проводник юркнул куда-то вбок и скрылся в полосе густой тени у подножия огромной подпорки. В следующую минуту Грехэм был подле него.

Они присели на корточки и выглядывали из своей засады, с трудом переводя дыхание.

Перед ними была странная, фантастическая картина. Снег перестал идти; лишь изредка то здесь, то там лениво опускался сверху запоздалый пушистый комок. Но вся окружавшая их широкая ровная площадь сверкала белизной, отчего тянувшиеся по ней движущиеся тени исполинских машин выступали еще рельефнее, еще резче и казались живыми титанами мрака. Кругом, куда ни взгляни, торчали переплеты металлических скреплений, сказочно огромных, работы нечеловеческих рук, и медленно в наступившем затишьи двигались широкие ободы гигантских колес, уходя

сверкающими полукругами все выше и выше в светящуюся мглу. В тех местах, где падали усеянные блестками снежинок снопы света, было видно, как с яростной, неукротимой настойчивостью работали рычаги и неслись вверх и вниз бесконечные ремни, исчезая в черноте собственной тени. И, несмотря на всю эту мощную деятельность, на ту безустанную работу, так громко говорившую о сознательном плане, эти чудовищные машины среди снежной пустыни исключали всякую мысль о близком присутствии человека: казалось, что они существуют сами по себе — такие же безлюдные, неприступные и заброшенные, как какая-нибудь снеговая вершина Альп.

— За нами гонятся! — шепнул Грехэму проводник. — Мы не прошли еще и полдороги. Сидеть страшно холодно, но что поделаешь! Придется переждать, по крайней мере, пока снег пойдет гуще.

У него стучали зубы от холода.

— Где же Рыночная площадь? Где народ? — спросил Грехэм озираясь.

Но тот ничего не ответил.

В это время опять поднялся ветер и повалил снег.

— Смотрите! Что это? — вскрикнул в испуге Грехэм, невольно съеживаясь еще больше.

Из-за крутящегося снежного вихря, в чернеющей пасти далекого неба, скользя по воздуху порывистыми взмахами и описывая неправильные круги, показалось что-то серое, бесформенное, быстро летевшее вниз. Остановившись на миг почти прямо над ними, оно описало круглую дугу и, широко распустив огромные крылья и волоча за собой хвост густого белого пара, понеслось в обратную сторону. Легко, как птица, оно скользнуло вверх, пролетело немного в горизонтальном направлении, описав полукруг, и скрылось за метелью. И между ребрами этого странного тела Грехэм успел рассмотреть двух маленьких человечков, занятых важным делом. Они осматривали местность — это было ясно: каждый держал перед собой что-то длинное, очень похожее на подзорную трубу. С секунду они были отчетли-

во видны, потом стали быстро удаляться, становились все меньше и меньше, пока их не застлало снежной пеленой. Проводник дернул Грехэма за рукав.

— Теперь бежим. Скорее! — сказал он.

И оба опять побежали под аркадой железных подпорок, ныряя под колеса и рычаги. Вдруг проводник круто повернул назад. Грехэм, не ожидавший этого, налетел на него. Ярдах в двенадцати впереди чернела глубокая пропасть. Она тянулась направо и налево и, насколько можно было видеть, совершенно преграждала им путь.

— Делайте теперь то же, что я, — шепнул проводник.

Он лег на живот, подполз к краю обрыва, повернулся и осторожно спустил одну ногу. Потом, нащупав, очевидно, то, что искал, начал спускаться и исчез. Через секунду высунулась его голова.

— Это закраина крыши, — прошептал он. — Здесь мы можем все время пробираться в тени. Ползите за мной.

После минутного колебания Грехэм стал на четвереньки, подполз к провалу, заглянул в его черную глубину и обмер. На него напал такой страх, что он не мог шевельнуться, не мог даже заставить себя вернуться назад. Но это продолжалось недолго: минута слабости прошла. Он сел, осторожно свесил одну ногу, за которую тотчас же ухватились руки проводника, с ужасом почувствовал, что скользит вниз, в темную бездну... и вдруг стал обеими ногами на что-то твердое, расплескав жидкую грязь. Он мог только догадываться, что стоит в желобе крыши, так как кругом была непроницаемая тьма.

— Сюда! — услышал он у себя над ухом голос проводника и ощупью пополз за ним вдоль желоба, прижимаясь к стене. Это путешествие продолжалось не больше десяти минут, но ему оно показалось целым веком. Не было, кажется, той степени волнения и страха, которой он не пережил бы за эти десять минут. Он не чувствовал ни рук, ни ног от холода и усталости.

Желоб постепенно спускался. Вскоре они ползли уже на половине высоты здания. Над ними тянулись ряды каких-то

длинных светлых пятен, похожих на привидения. «Завешенные окна», — догадался Грехэм. От одного из этих призраков-окон спуускался кабель, чуть-чуть серея в темноте и исчезая нижним концом в черной части провала. В ту минуту, когда они подползали к этому кабелю, Грехэм почувствовал на своей руке руку проводника.

— Тише! — шепнул ему тот.

Он поднял голову в испуге и на голубовато-сером фоне туманного неба увидел распростертые крылья летательной машины, медленно и бесшумно скользившей по отлогому наклону вниз. Через минуту машина описала полукруг, стала снова подниматься и скрылась.

— Не шевелитесь: они еще могут повернуть.

На мгновение оба окаменели. Потом проводник тихонько поднялся на ноги, нащупал в темноте спускавшийся от окна конец кабеля и стал что-то делать с ним.

— Что вы там делаете? — спросил его Грехэм.

В ответ раздался слабый крик. Проводник весь скорчился и прижался к стене. Грехэм нагнулся и заглянул ему в лицо: широко раскрытыми от ужаса глазами он всматривался в светлевшую над ними полосу неба. Грехэм перевел глаза в ту сторону и высоко-высоко над собой увидел в воздухе маленькое светлое пятнышко: это была летательная машина. Он видел потом, как расправились ее крылья, как она повернула и начала опускаться, вырастая с каждой минутой. Вот она долетела до угла крыши и, приняв горизонтальное направление, понеслась прямо на них.

Проводник снова схватился за кабель и лихорадочно принялся что-то с ним делать. Он бросил Грехэму какой-то предмет. Тот поймал его на лету и нащупал большой деревянный крест. Крест оказался прикрепленным к кабелю тонкими шнурами с петлями для рук из какого-то упругого вещества.

— Садитесь верхом на эту штуку, а руками возьмитесь за петли. Да смотрите крепче держитесь! — прошептал вне себя от волнения проводник.

Грехэм исполнил все в точности.

— Теперь прыгайте... Прыгайте ради самого бога!

Страшную минуту пережил Грехэм. Он радовался одному — что в темноте нельзя было видеть его лица. Он хотел ответить, спросить... но язык не слушался его. Он начал дрожать мелкой дрожью. Одним мгновенным испуганным взглядом он охватил парившую над ними тень, которая, как ему показалось, застилала собою все небо и быстро надвигалась на них.

— Прыгайте же! Прыгайте скорее, или мы будем в их руках! — закричал проводник в отчаянии и, видя, что Грехэм не слушается, толкнул его в спину.

Он невольно качнулся вперед и в ту самую минуту, когда летательная машина была уже над его головой, с безумным, рыдающим криком, которого он не мог удержать, ринулся в черную бездну, сидя на деревянном кресте и судорожно вцепившись руками в петли шнура. Что-то затрещало над ним, что-то быстро проползло, царапая по стене, и стало. Он слушал, как терлись о кабель шнуры его креста, в своем быстром полете, слышал крики аэронавтов. На один миг он почувствовал на своей спине чьи-то колени... Может быть, его хотели схватить... Но он стремглав несся вниз, падал всею тяжестью своего тела с все возрастающей быстротой. Вся его сила сосредоточилась в руках. Он не кричал только потому, что задыхался.

Вдруг в глаза ему блеснул ослепительный свет, что заставило его еще крепче сжать в руках петли шнура. Мимо него промелькнули осветительные шары, висячие мостики, сети переплетающихся кабелей. Под ним была большая площадь движущихся улиц: он узнал ее. Все это несло вверх мимо него. На один миг в мозгу его мелькнуло впечатление большого круглого отверстия в стене, зиявшего ему навстречу.

Он снова очутился в темноте и падал, все падал, сжимая немеющими пальцами петли шнура. Потом... Что это? Опять потоки света... и голоса... Много, много кричащих человеческих голосов... И он влетает в ярко освещенную огромную комнату, переполненную ревушей толпой. Народ! Его народ!.. Навстречу ему несутся какие-то подмост-

ки, напоминающие сцену в театре. Кабель его начинает загибаться петлей, направляясь к круглому отверстию вправо. Его полет замедляется. Вот он уже различает отдельные возгласы: «Спящий с нами! Повелитель и властелин! Спасен!» Подмостки приближаются со все уменьшающейся быстротой. И вдруг...

Он услышал испуганный крик человека — проводника, сидевшего у него за спиной, и снизу этот крик был подхвачен тысячью голосов. Он почувствовал, что уже не скользит больше по кабелю, а падает вместе с ним. Зал огласился дикими воплями. Он уперся во что-то мягкое протянутой рукой, навалившись на нее всем своим весом, и это ослабило силу падения...

Когда он очнулся, он понял, что лежит неподвижно. Ему не хотелось шевелиться, но его подняли и понесли. Потом, когда он вспоминал об этом, ему казалось, что его положили на каком-то возвышении и дали ему выпить чего-то, но он не помнил наверное. Про своего проводника он как-то совершенно забыл и не заметил, куда тот девался. Когда сознание окончательно вернулось к нему, он был на ногах, его поддерживал десяток заботливых рук. Он стоял в небольшой комнатке, открытой в сторону зала и напоминавшей глубокую нишу, или альков, или, пожалуй, ложу бенуара, какие обыкновенно бывали в театрах его времени. И в самом деле, уж не театр ли это помещение, куда он попал?

У него звенело в ушах от несмолкаемого крика, который раздавался кругом. Толпа редела тысячами глоток: «Спящий! Спящий! Это он! Он с нами наконец! С нами наш повелитель и властелин! Он жив! Он спасен!»

Грехэм не различал отдельных людей. Он видел лишь общую картину огромного зала, битком набитого народом. Перед ним белели ряды обращенных к нему человеческих лиц, мелькали машущие руки, развевающиеся одежды. Это человеческое море влекло его к себе таинственными непреодолимыми чарами. Перед ним тянулись галереи, балконы, зияли огромные арки, позволяя видеть широкие коридоры, уходящие вдаль. И все это было заполнено людьми, гу-

стою плотной толпой, ликующей и кричащей. На подмостках сцены недалеко от него лежал, свернувшись гигантской змеей, упавший кабель, подрезанный аэронавтами у верхнего конца. Теперь его убирала какие-то люди. Но все это проносилось перед ним, как во сне. От неистовых криков звенело в ушах, и все предметы прыгали перед глазами.

Шатаясь на нетвердых ногах, он оглянулся на окружающих его. Кто-то поддержал его под локоть.

— Проведите меня в маленькую комнату... в маленькую, — повторил он, почти плача.

Больше он ничего не мог сказать.

Кругом засуетились. Какой-то человек в черном выступил вперед и взял его за свободную руку. Перед ним поспешно распахнули дверь. Он шел, шатаясь как пьяный. Его подвели к стулу. Он тяжело опустился на него и закрыл лицо руками. Он весь дрожал как в лихорадке: он не владел собой. С него сняли тяжелый теплый плащ, но когда и кто — он не помнил. Он заметил только, что его пунцовые брюки совсем почернели от грязи. Вокруг него бегали, о чем-то хлопотали, что-то делали, но все это проходило мимо его сознания, не задевая его.

Итак, он спасся. Об этом кричали сотни голосов. Он спасся, он жив. Он среди своих сторонников, среди друзей.

Он судорожно вздыхал, борясь со своим волнением, стараясь подавить рыдания, подступавшие ему к горлу; потом затих и остался сидеть, как сидел, — закрывшись руками. А из зала неслись ликующие крики народа, который его спас.

Глава 9

НАРОД ИДЕТ

Кто-то протягивал ему стакан с каким-то прозрачным напитком. Он поднял голову и увидел перед собой черноволосого молодого человека в желтом костюме. Он выпил залпом и ожил. Около него, указывая рукой на полуоткрытую дверь, которая вела в зал, стоял еще какой-то высокий человек

в черной мантии и что-то кричал ему в ухо, но что именно, нельзя было разобрать за оглушительным шумом, доносившимся из зала. Немного подалее стояла молодая девушка в серебристо-сером платье, и Грехэм, несмотря на всю свою растерянность, заметил, что она очень хороша собой. Ее темные глаза смотрели на него с удивлением и любопытством; ее губы дрожали. В полуоткрытую дверь была видна часть зала, битком набитого народом. Оттуда неслась неровный гул голосов, стук топчущих ног, рукоплескания и крики. Весь этот гам то замирал, то опять разрастался, оглушая, как гром. Так продолжалось все время, пока Грехэм был в маленькой комнате. По движению губ человека в черном он догадывался, что тот старается ему что-то объяснить.

С минуту он бессмысленно смотрел перед собой, потом вскочил и схватил за руку этого кричащего человека:

— Скажите мне: кто я? кто я?

Стоявшие кругом подались вперед, стараясь расслышать, что он сказал.

— Кто я? — повторил он с волнением всматриваясь в окружавшие его лица.

— Они ничего ему не сказали? — воскликнула девушка в сером.

— Говорите же, говорите! — кричал Грехэм.

— Вы — властелин Земли: вам принадлежит полмира.

Он не верил своим ушам, не смел верить. Не хотел ни слышать, ни понимать.

Он опять прокричал во весь голос:

— Три дня, как я проснулся, три дня, как я в тюрьме, догадываюсь: у вас в этом городе идет какая-то борьба... Ведь это Лондон?

— Да, — ответил темноволосый молодой человек.

— Ну, а те, что совещались в большом зале, где статуя Атласа? Кто они? Какое отношение они имеют ко мне? Я чувствую, что они говорили обо мне. Мне кажется, что, пока я спал, или весь мир сошел с ума, или я сам. Что они хотели сделать со мной? Ведь они нарочно усыпляли меня? Зачем им это понадобилось?

— Чтобы не дать вам очнуться, — сказал молодой человек в желтом. — Чтобы не допустить вашего вмешательства.

— Но почему?

— Потому что вы Атлас, сэр. Мир держится на ваших плечах. Они правят вашим именем.

Шум и крики, доносившиеся из зала, уже несколько минут как затихли. Раздавался только чей-то один ровный голос. Но не успел человек в желтом договорить своей последней фразы, как в зале, покрывая его слова, снова поднялся оглушительный гвалт: рев, топот ног, ликующие возгласы; доносились и отдельные голоса, хриплые и пронзительные, перебивавшие друг друга. И все время, пока продолжался этот гам, люди, находившиеся в маленькой комнате, не могли разговаривать между собой.

У Грехэма все смешалось в голове. То, что он сейчас узнал, никак не укладывалось в его сознании.

— Совет, — повторил он растерянно. Потом, хватаясь за неожиданно всплывшее в его памяти имя, спросил: — А кто такой Острог?

— Это наш вождь, организатор восстания, и мы действуем вашим именем.

— Моим именем? А вы кто? И почему его здесь нет?

— Он послал нас. Я его брат, сводный брат. Мое имя Линкольн. Он хочет, чтобы вы показали народу, а потом будет просить вас прийти к нему. Затем-то он нас и послал, а сам он отдает приказания в Главном управлении ветряных двигателей. Народ скоро двинется. Он восстает...

— От вашего имени! — подхватил темноволосый молодой человек. — Они давили, угнетали нас, делали, что хотели, и, наконец, даже...

— От моего имени! От имени властелина Земли?

Среди затишья, наступившего в зале в эту минуту, отчетливо прозвучал голос темноволосого молодого человека, громкий и негодующий. Весь дрожа от волнения, он прокричал:

— Никто не ожидал, что вы проснетесь. Они ловко действовали, проклятые тираны. Но они ошиблись в расчете.

Они не могли решить, что с вами делать теперь: усыпить ли вас снова или просто убить.

Опять гул в зале покрыл собой все звуки. Человек, назвавший себя Линкольном, подошел вплотную к Грехэму.

— Острог уже все подготовил. Говорят, скоро начнется сражение. План его уже выработан. Острог — вполне верный человек! Вы можете на него положиться. Народ организован. Мы захватим все кабели. Может быть, Острог уже распорядился сделать это. А потом...

— Здесь, в этом театре, собралась только часть наших сил, — вмешался молодой человек в желтом. — У нас пять мириад обученных людей.

— У нас есть оружие, есть предводитель, — закончил Линкольн. — Их полиция покинула улицы и заперлась в... — конца фразы нельзя было расслышать за шумом. — Теперь или никогда! Совет висит на волоске. Они не могут положиться даже на армию.

— Слышите, народ вас зовет!

Мысли Грехэма кружились, не находя выхода в этом хаосе. Его душевное состояние напоминало бурную лунную ночь, когда месяц то вынырнет из-за туч бледным призраком, то снова спрячется и все погрузится в безнадежную тьму.

Он — властелин земли, и этот властелин земли промок, как губка, ползая на крышах по грязному талому снегу. Вся быстрая смена впечатлений представляла непрерывный ряд контрастов. С одной стороны, Белый Совет — каких-то восемь человек, но за ними власть и дисциплина, — тот самый Белый Совет, от которого он только что убежал. С другой — эти многотысячные толпы, плотная масса людей, взывающих к нему, провозглашающих его властелином. Та сторона держала его в заточении, решала, жить ему или умереть. Эти же тысячи народа, кричащего вон за той маленькой дверью, спасли его, помогли ему вырваться на волю. Но почему так делалось и зачем, он не понимал.

Вдруг дверь из зала распахнулась. Голос Линкольна потонул в ворвавшемся гаме. Вслед за тем в маленькую ком-

нату ввалилась толпа. Бывшие впереди, оживленно жестикулируя, подбежали к Линкольну. Губы их шевелились, но слов нельзя было разобрать, можно было лишь догадаться по доносившемуся из зала тысячеголосому крику, что они говорили: «Покажите нам Спящего!» К этому примешивались отдельные голоса, призывавшие к тишине и порядку.

Грехэм взглянул в открытую дверь и увидел, как картину в рамке, часть зала, представлявшего сплошную массу взволнованных человеческих лиц — мужских и женских, — поднятых рук и развевающихся светло-голубых одеяний. Все эти люди кричали. Какой-то оборванец в темно-коричневом балахоне, худой, как скелет, стоял на стуле и размахивал черным флагом.

Грехэм встретил взгляд девушки в сером и прочел в нем удивление и ожидание. Чего хотят от него эти люди? Каким-то чутьем он угадал, что настроение толпы изменилось: теперь в этих криках, в этом общем реве слышался призыв к бою. В его душе что-то перевернулось. Он сам не понимал, какое влияние так преобразило его. Но минута слабости, растерянности прошла. Стараясь изо всех сил, чтобы его услышали, он стал спрашивать ближайших к нему, чего от него хочет народ.

Линкольн кричал ему в ухо, но он не слышал его. Все остальные, кроме молодой девушки, энергичными жестами приглашали его войти в зал.

Что это он слышит? Дикий гам сменился стройным пением. Пели все поголовно, отбивая такт ногами. Это было необыкновенное пение: человеческие голоса как будто неслись в волнах могучего потока инструментальной музыки, напоминавшей орган. Звуки сливались, переплетались, рисуя картину марширующих войск, развевающихся знамен, всей торжественной обстановки выступления в бой.

Грехэма увлекали к двери. Он машинально повиновался. Это мощное пение захватило его, приподняло, вдохнуло в него мужество. Перед ним открылся весь зал: широкое, волнующееся море цветных одежд и флагов.

— Сделайте им рукой знак приветствия, — сказал ему Линкольн.

— Подождите, накиньте на него вот это, — раздался голос с другой стороны.

Чьи-то руки задержали его в дверях, и на плечах у него очутился длинный черный плащ, ниспадающий мягкими складками. Он высвободил одну руку и пошел за Линкольном. Возле себя он увидел девушку в сером. Лицо ее сияло воодушевлением, рука была протянута вперед. Она казалась ему в эту минуту воплощением чудной музыки, которая так преобразила его. Он прошел в дверь и очутился в том самом алькове, куда он свалился, когда перерезали канат, — и в тот же миг широкая разлившаяся волна музыки упала и рассыпалась пеною ликующих возгласов. Альков действительно оказался ложей огромного театра, очень сложной архитектуры, с множеством балконов, галерей, расположенных амфитеатром, ярусов и высоких арок в глубине. Продолжая следовать за Линкольном, Грехэм прошел на сцену и стал лицом к собравшейся толпе. В глубине театра, прямо против себя, он увидел устье широкого открытого прохода, переполненного людьми, как и весь зал. Из всей этой живой колышущейся массы вдруг выделялась какая-нибудь отдельная фигура или лицо, на один миг овладевала его вниманием и потом снова сливалась с толпой. Прямо против сцены мелькнуло лицо хорошенькой женщины. Ее несли трое мужчин, высоко приподняв над головами. С развевающимися волосами, горящими глазами, она смотрела в его сторону и махала зеленым жезлом. Недалеко от этой группы какой-то старик с бледным изнуренным лицом с трудом отстаивал свое место в общей давке, а за ним виднелась лысая голова с широко разинутым беззубым ртом. Какой-то голос выкликал таинственное имя Острог. Но все эти мимолетные впечатления потонули в том море неизведанных чувств, которые поднялись в нем, когда возобновилось мощное пение под музыку. Все начали снова отбивать такт. Зеленые жезлы склонялись в воздухе в знак приветствия. Вдруг он увидел, что ближайšie к сцене ря-

ды тронулись с места. Они прошли мимо него, направляясь к высокой арке, с криком:

«В Совет! В Совет!» Он поднял руку. Раздался восторженный рев. Он чувствовал, что надо бы сказать им что-нибудь ободряющее. На языке у него вертелись смелые, вдохновенные слова. Он протянул руку по направлению к арке и закричал: «Вперед!» Теперь они уже не отбивали такт на месте: они маршировали под музыку. Кого только не было в этой толпе: бородатые, взрослые люди, старики, юноши, нарядные женщины с обнаженными руками, молоденькие девушки — все люди нового века. Богатые наряды и потерявшие цвет лохмотья перемешивались в этом стремительном вихре голубых одежд. Огромное черное знамя, колыхаясь над головами, повернуло вправо. Мимо него промелькнули негр в голубом балахоне, сморщенная старуха в желтом платье, два китайца. Какой-то высокий темно-волосый юноша с болезненным лицом и горящими глазами подбежал к самой рампе, прокричал какое-то приветствие и снова пошел за другими, оглядываясь назад. Головы, руки, флаги, жезлы — все колыхалось в такт.

Перед ним выплывали отдельные лица, встречались с ним глазами и уносились дальше общим потоком. Ему делали приветственные знаки, кричали что-то дружелюбное, хотя он и не слышал слов. Лица были большею частью красные, возбужденные, но попадались и смертельно бледные, отмеченные печатью болезней; и не одна рука, посылавшая ему привет, поражала своей худобой. Вот они, люди нового века! Странное, фантастическое сборище! По мере того как этот широкий живой поток проносился мимо него слева направо, боковые ярусы и коридоры зала, как притоки, непрерывно вливали в него все новые и новые массы людей. Основной мотив песни обогащался гулками отголосками, которые со всех сторон посылали величественные своды арок. Звуки плыли, летели вперед; стремительно шли вперед и люди. Казалось, весь мир марширует в такт этим звукам. Он чувствовал, что и сердце его бьется в такт. Людской поток все расширялся и ускорял свой бег.

Линкольн потянул его за собой. Бессознательно подчиняясь движению его руки, Грехэм повернул в сторону арки и, сам того не замечая, тоже зашагал в такт, подгоняемый бодрящими звуками песни. Все это шествие двигалось вниз по отлогому спуску. Он смутно сознавал, что перед ним расчищают дорогу, что его окружает почетный караул и что Линкольн не отстает от него ни на шаг. Услужливые руки расталкивали толпу в обе стороны. Он видел перед собой черные плащи своих телохранителей, маршировавших по трое в ряд. Его провели по узкому проходу с железными решетками по бокам, и вдруг он увидел себя над улицей, на открытой галерее, под которой двигалась вся масса народа, не переставая приветствовать его громкими криками. Он не знал, куда его ведут, да и не стремился узнать.

Глава 10

БИТВА В ТЕМНОТЕ

Они шли по галерее, висевшей на большой высоте. Перед ним и за ним маршировал его караул. Все широкое русло движущихся улиц внизу кипело народом, быстро двигавшимся влево. Люди кричали, махали шляпами, протягивали к нему руки... Они кричали, приближаясь, кричали, проходя мимо, кричали, удаляясь, пока непокрытые головы их не исчезали в далекой, постепенно суживающейся перспективе электрических огней.

Теперь песня гремела при поддержке оркестра и разливалась вольнее. К размеренному топоту марширующих ног примешивались беспорядочные шаги людей, сбегавшихся с боковых улиц.

Но странная вещь: здания на противоположной стороне улицы казались пустыми, висячие мосты были безлюдны, и ни одной души не спускалось по кабелям, переплетавшимся над всем этим широким пространством. Это его поразило. Он невольно подумал, что и тут должно было бы царить такое же оживление, как и внизу.

У него вдруг явилось странное, беспокойное ощущение, как будто что-то колебалось, дрожало у него внутри. Он остановился. Его телохранители, бывшие впереди, продолжали идти прежним шагом, задние остановились вместе с ним. Их лица были обращены в одну сторону. Он взглянул по этому же направлению и понял, в чем дело: дрожали огни осветительных шаров.

Сначала он подумал, что это случайное явление, не имеющее никакого отношения к тому, что делается внизу. Каждый из огромных шаров ослепительно белого цвета то сжигался и почти погасал, точно его сжимали невидимые лапы, то опять разгорался, отчего свет быстро чередовался с темной.

Но скоро Грехэм догадался, что то мерцание огней отнюдь не случайность.

Вся картина — общий вид домов, улиц и толпы, проходившей внизу, — резко изменилась: все спуталось, перемешалось в этой борьбе света с тьмой. Отовсюду выскакивали чудовищные тени; они подпрыгивали вверх, расширялись, росли с невероятной быстротой, на миг отступали, затем вновь устремлялись вперед еще более грозно. Пение и размеренный топот тысяч марширующих ног прекратились. Слышались только поспешные шаги групп, бегущих в разных направлениях, да крики: «Гасят огни! Гасят огни!» Грехэм взглянул вниз. При судорожно пляшущем в предсмертной агонии свете огней он увидел, что все широкое пространство улицы превратилось в арену жестокой борьбы. Огромные белые шары света помутнели, затянулись красноватой дымкой; они мигали быстрее и быстрее, как будто не решаясь ни разгореться, ни погаснуть, потом перестали мигать и превратились в красные угольки, чуть тлеющие среди надвинувшейся тьмы. В десять секунд все погасло, и не осталось ничего, кроме торжествующего мрака, который, как черный дракон, поглотил все эти мириады людей.

Грехэм почувствовал, что его схватили за руки. Кто-то наступил ему на ногу. Чей-то голос прокричал ему в ухо:

— Не бойтесь, мы с вами.

Грехэм стряхнул с себя оцепенение, овладевшее им в первую минуту, быстро повернулся и, стукнувшись лбом о голову Линкольна, прокричал в свою очередь:

— Что значит эта темнота?

— Совет распорядился перерезать провода, которые служат для освещения города. Придется подождать, пока... народ заставит их...

Его голос потерялся, заглушенный ревом толпы. Раздавались голоса: «Спасайте Спящего! Берегите Спящего!» Один из телохранителей Грехэма наткнулся на него в темноте и больно ушиб ему руку.

Вокруг него, как вихрь, носился дикий гам, все разрастаясь, становясь все громче, все яростнее. До него долетели отдельные слова, обрывки фраз, но прежде чем он успевал их осмыслить, они тонули в море других оглушительных звуков. Голоса перекликались, отдавая противоречивые приказания. Где-то очень близко раздались пронзительные крики.

Кто-то крикнул над его ухом: «Красная полиция!»

Вдали послышался треск, и вслед за тем вдоль улицы по краям запрыгали слабые искры. При этом мимолетном свете Грехэм различил головы и фигуры вооруженных людей, резко выступавшие при каждой вспышке искры и тотчас же снова исчезающие в темноте. Треск все усиливался, приближаясь; искры вспыхивали по всей улице то там, то здесь, чаще и чаще.

Вдруг темнота расступилась, точно отдернули черную завесу. Сноп ярких лучей света почти ослепил его на мгновение. Он заглянул вниз и в ужасе отшатнулся: там кипела отчаянная борьба. По улице понеслись угрожающие крики. Он взглянул вверх, чтоб узнать, откуда идет этот ослепительный свет. Высоко над его головой висел на кабеле человек, держа в руке сверкающую звезду, свет которой разгонял темноту. На этом человеке был красный мундир.

Взгляд Грехэма снова скользнул вниз. Ему бросилась в глаза кучка людей, выделявшаяся красным пятном неподалеку от галереи. Вскоре он убедился, что это были солда-

ты красной полиции. Толпа оттеснила их на одну из крайних верхних платформ, и теперь они стояли, прижавшись спинами к выступу какого-то здания и защищались как могли. Оружие сверкало, зеленые жезлы взвивались вверх и опускались, поражая противника струйками сероватого дыма. Люди падали, и на их месте тотчас же вырастали другие.

Вдруг свет звезды погас, крошечная тьма поглотила эту сцену кровавой борьбы.

Грехэм почувствовал, что его толкают назад, вдоль галереи. Возле него прокричали какую-то фразу, но он был слишком ошеломлен, чтобы вслушиваться.

Его прижали к стене, и он слышал, как мимо него бежали люди. Ему показалось, что между его телохранителями завязалась борьба.

Вдруг снова вспыхнула звезда, и все опять залилось ослепительным белым светом. Грехэм увидел, что отряд красной полиции увеличился и подвинулся ближе, передние ряды спустились уже почти до середины улицы.

На нижних галереях противоположных зданий тоже появилось много красных солдат. Они стреляли через головы товарищей в самую гущу толпы, нападавшей на них. Тут только понял Грехэм, что все это значило: народ в самом начале своего выступления попал в засаду. Все, естественно, пришли в замешательство, когда погасли огни, и красная полиция воспользовалась этим для нападения. Вдруг он заметил, что его оставили одного: его караул и Линкольн были далеко в том конце галереи, откуда его привели. Они отчаянно махали руками и бежали к нему. В эту минуту по улице пронесся дикий крик. Весь фасад противоположного здания покрылся красными мундирами полицейских солдат. Все они показывали пальцами в его сторону, что-то крича. И в то же время народ внизу кричал в ужасе: «Спящий, Спящий! Спасайте Спящего!»

Что-то ударилось в стену над его головой. Он поднял глаза и увидел на стене звездообразный серебристый отпечаток расплывшейся пули. Кто-то схватил его за руку.

Он обернулся. Подле него стоял Линкольн. Хлоп! — опять удар в стену... В него стреляли два раза и оба раза промахнулись — он только теперь об этом догадался. Он взглянул в сторону улицы — все опять скрылось; вторая звезда погасла.

Крепко держа его за руку, Линкольн потащил его за собой.
— Скорей, скорей, пока темно, — кричал он.

Энергия Линкольна заразила Грехэма. Как ни велико было его оцепенение, но инстинкт самосохранения оказался сильнее. Им овладел животный страх смерти. Он бежал без оглядки, спотыкаясь в темноте, наткнулся на своих телохранителей, ожидавших его, и побежал дальше вместе с ними. Единственной его мыслью было: «Скорее! Скорее! Подальше от этой страшной галереи, где он служит мишенью».

Почти сразу же после второй звезды загорелась третья. Вместе с появлением света раздался торжествующий крик по ту сторону улицы и другой, ответный внизу. Вся середина улицы, как он успел заметить, была уже занята красными солдатами. Их лица были обращены к нему. Они тоже кричали.

Во всем этом было что-то фантастическое, непостижимое, и все это касалось его, Грехэма, вращалось вокруг него, как вокруг центра. Ведь эти красные солдаты — гвардия Совета, задавшегося целью снова захватить его.

Грехэм не знал, что направленные в него выстрелы были первыми за последние полтора года и что только благодаря этому он остался цел. Он слышал, как пули шлепались о стены, один раз ему обожгло ухо брызгами расплавленного металла. Он видел, не глядя, что весь отряд красной полиции, засевшей в противоположном здании, целится только в него. Один человек из его караула, бежавший впереди, упал. Грехэм уже не мог остановиться. Он перескочил через извивавшееся в предсмертных муках тело.

В следующий момент он очутился в каком-то совершенно темном проходе и с разбегу налетел на кого-то, бежавшего, очевидно, навстречу. Потом почти скатился с лестницы в наступившей темноте, еще раз наткнулся на кого-то,

ударился руками в стену и только благодаря этому устоял на ногах. Тут на него навалилась толпа бежавших следом за ним. Общим течением его отнесло куда-то вправо. Его прижали к стене и так сдавили, что чуть не переломали ему ребра. Был момент, когда он думал, что сейчас задохнется. Но толпа, захватившая его в своем стремительном беге, понесла его дальше. Его жали со всех сторон, минутами ноги его не касались пола. Он тоже толкался, стараясь выбраться из давки, но безуспешно. Он слышал испуганные крики: «Они идут! Они идут!» Где-то совсем близко раздавался подавленный стон, и вслед за тем он почувствовал под ногами что-то мягкое, живое... Кругом раздавался треск выстрелов. Кричали: «Спящий! Где Спящий?» Но он был так ошеломлен всем происходящим, что не мог заставить себя заговорить. Он потерял свою личную волю, превратился на время в слепую бессознательную частицу охваченного паникой целого. Вместе с другими он пробирался вперед, сопротивляясь натиску задних рядов, насколько у него было сил. Споткнувшись о какую-то ступеньку, он чуть не упал и вслед за тем почувствовал, что он подымается вверх по какому-то крутому уклону. Вдруг лица окружавших его людей вынырнули из темноты, испуганные, растерянные, мертвенно-бледные под яркими лучами ослепительно-белого света. Совсем близко от себя, через два-три человека, он увидел молодое лицо — лицо юноши, которое даже не особенно поразило его в тот момент, но потом долго вспоминалось ему. Этот юноша, казалось, шел вместе с другими, но его несло напором толпы: перед тем он получил смертельную рану и теперь был уже мертв.

Очевидно, загорелась четвертая звезда. Ее ослепительный свет широкими потоками вливался через огромные окна и арки какого-то гигантского здания, в котором очутился Грехэм. Теперь он видел, что его окружает плотная масса черных фигур и что он вместе со всеми идет по партеру того самого театра, откуда он так торжественно вышел несколько часов тому назад. Но теперь полосы яркого света снаружи перемежались с резкими тенями, падавшими от простенков,

и это придавало всей картине что-то зловещее, призрачное. Неподалеку от Грехэма красная полиция прокладывала себе путь сквозь толпу. Он не знал, заметили ли его красные. Он стал искать глазами Линкольна и скоро увидел его возле сцены, окруженного плотной черной кучкой революционеров. Он тоже озирался во все стороны, как будто отыскивая его, Грехэма. Их разделяла вся масса толпы.

Позади Грехэма, за низким барьером, подымались места амфитеатра в ту минуту пустые. У него вдруг блеснула новая мысль. Он стал протискиваться к барьеру. В тот момент, когда он наконец добрался до него, свет погас. Пользуясь этим, он сбросил с себя черный плащ, который не только стеснял его движения, но и делал его слишком заметным, потом перелез через барьер и пустился наугад в темноту, пробираясь между креслами амфитеатра. С наступлением темноты выстрелы прекратились и крики затихли. Вдруг он споткнулся о ступеньку, которой не ожидал, и упал. В эту минуту все снова осветилось ярким светом. Лучи пятой звезды лились в широкие окна театра. Снова затрещали выстрелы, снова поднялась буря криков.

Грехэм хотел встать, но его опять сшибли с ног. Он увидел возле себя небольшую кучку черных: прячась за креслами, они стреляли в красную полицию, расположившуюся внизу. Шальные пули попадали в стены, в мягкую обивку кресел, оставляя блестящие выемки на их металлических ручках. Грехэм инстинктивно присел за спинку кресла. Так же инстинктивно запомнил он расположение выходов и наметил ближайший из них, с тем чтобы пробраться в него, как только наступит темнота.

Перепрыгивая через ряды кресел, в его сторону бежал с зеленым жезлом в руке молодой человек в светло-голубом.

— Эй, посторонись! — закричал он, чуть не задев его ногой по голове и соскакивая на пол возле него. Потом посмотрел на него во все глаза, очевидно не узнавая, повернулся назад, выстрелил и, крикнув «К черту Совет!», приготовился снова стрелять. В этот момент Грехэму показалось, что у молодого человека вдруг исчезла половина шеи, и на сво-

ей щеке он почувствовал теплую струю. Зеленый жезл остановился на полдороге, не успев выпустить заряда. Человек в голубом на секунду застыл в той позе, как стоял, потом начал тихо склоняться вперед. Лицо его потеряло выражение, ноги подвернулись, и он упал. И в тот же миг погасла пятая звезда, и все погрузилось во мрак. В смертельном ужасе Грехэм вскочил, бросился к проходу, споткнулся обо что-то в темноте, упал, снова вскочил на ноги и побежал дальше. Когда загорелась шестая звезда, он был уже под сводами коридора. Теперь он мог еще прибавить ходу. Он пробежал весь коридор, и в ту минуту, когда он поворачивал за угол, свет снова погас. Кто-то налетел на него. Его сшибли с ног, чуть не раздавили. Не без усилий ему удалось подняться, и он очутился в невидимой толпе таких же беглецов, как и он, мчавшихся в одном направлении. Их всех поглощала одна и та же мысль — бежать подальше от этого страшного места, где лилась кровь. Его толкали, толкал и он; несколько раз он терял почву из-под ног, сжатый со всех сторон как тисками; но, как только путь становился свободен, снова пускался бежать.

Несколько минут он бежал в темноте извилистым коридором, который вывел его на открытое место. Тут он увидел широкую лестницу и вместе с другими спустился по ней на большую площадь. Здесь тоже толпился народ. Кричали: «Они идут! Идут красные! Стреляют! Бегите! Скорее на Седьмую улицу! Там безопаснее!» В толпе были и женщины, и дети. Все протискивались к узким сводчатым воротам, смутно видневшимся в конце площади. Грехэм в числе прочих прошел в эти ворота и очутился на другой площади, еще больших размеров. Откуда-то сверху сюда проникал тусклый свет. Окружавшие его черные фигуры рассыпались вправо и влево и, насколько можно было рассмотреть при этом тусклом свете, побежали вверх по низким широким ступеням. Он наудачу последовал за теми, которые повернули направо. Поднявшись на верхнюю ступеньку и почувствовав себя на просторе, он остановился. Перед ним тянулись ряды скамеек и возвышался небольшой киоск. Он

спрятался в тени его широкой крыши и стал осматриваться, тяжело переводя дух. Теперь только он догадался, где он: широкие ступени, по которым он только что поднялся, были платформы движущихся улиц, стоявшие на месте. Они подымались террасами в обе стороны. За ними огромными призраками вставали гигантские здания с чуть заметными надписями покрывавших их реклам, а над ними, сквозь переплеты висячих мостов и сети кабелей, тянулась полоса бледного неба. Мимо него пробежали несколько человек. Судя по их воинственным возгласам, они спешили присоединиться к сражающимся.

С дальнего конца улицы доносился треск выстрелов. Там, очевидно, сражались. Но это была не та улица, на которую выходил театр и где он сам чуть не был убит в общей свалке. Оттуда уже не могло быть слышно выстрелов: это было слишком далеко.

Дрались из-за него — смешно подумать! Эта мысль поразила его: он был как человек, который с увлечением читал интересную книгу и вдруг начал анализировать то, что раньше воспринимал непосредственным чувством. До сих пор он почти не замечал деталей: слишком уж сильно было общее впечатление. Странно: перед ним ярко вставали побег из тюрьмы, огромная толпа в театре, нападение красной полиции на народ; но ему стоило больших усилий восстановить в памяти момент своего пробуждения, однообразные часы, проведенные им в заточении, и то, о чем он думал тогда. Мысли его как-то сами собой перескакивали через этот промежуток времени и переносили его в далекое прошлое, к мрачным красотам корнуэлского берега и к той скале у Пентарджена, под которой он сидел два века тому назад. Контраст между прошлым и настоящим был так резок, что не верилось в реальность всего окружающего. Только теперь эта пропасть понемногу заполнялась, и он начинал уяснять себе свое положение.

Теперь оно больше не было для него загадкой, как в дни его одиночного заключения. Разгадка уже намечалась в общих чертах. Каким-то непонятным образом он оказался

владельцем половины мира, и крупные политические партии боролись из-за него. На одной стороне был Белый Совет с его красной полицией, твердо решивший присвоить его права, а может быть, и лишить его жизни; на другой — освободивший его революционный народ со своим невидимым вождем Острогом. Весь гигантский город содрогается от агонии этой междоусобной борьбы. Так вот к чему пришел мир, его мир!

— Не понимаю, ничего не понимаю! — вырвалось у него.

Ему посчастливилось ускользнуть от обеих враждующих партий. Здесь, под прикрытием темноты, он свободен пока. Ну, а дальше что? Что будет с ним дальше и что происходит теперь там? Он живо представил себе, как рыщут красные, разыскивая его и обращая в бегство революционеров в черном.

Так или иначе благодаря счастливой случайности у него есть время передохнуть. В этом укромном уголке его никто не заметит, и он может без помех наблюдать. Его взгляд машинально скользил по смутным очертаниям гигантских зданий, и он с невольным изумлением спрашивал себя: неужели и над этой громадой хитроумных сооружений восходит солнце и сияет природа все тем же знакомым милым светом дня?

Мало-помалу он отдохнул и пришел в себя. Его платье высохло. Он решился выйти из своей засады и отправился бродить. Много миль прошел он по полутемным улицам, ни с кем не заговаривая и не привлекая ничьего внимания на себя, — такая же незаметная темная фигура, как и все другие, попадавшиеся ему на пути. Никому и в голову не приходило, что это тот самый человек из далекого прошлого, который стал предметом всех вожеланий, нечаянно оказавшись собственником половины мира. Всякий раз, как он попадал на освещенное место или слышал впереди оживленные голоса собравшейся толпы, он поскорее сворачивал в сторону, в какой-нибудь глухой переулок, боясь, чтобы его не узнали. И хоть он ни разу больше не натолкнулся на сражающихся, в воздухе тем не менее чувствовалась война.

Один раз ему пришлось спрятаться, чтобы не попасться на глаза быстро проходившему по улице отряду, который по пути все увеличивался новыми добровольцами. Тут были не только мужчины, но и женщины, и все были вооружены. Борьба сосредоточивалась, по-видимому, в той части города, которую он оставил за собой. Минутами до него долетал издали треск выстрелов и крики, показывавшие, что там еще дерутся. В нем боролись любопытство и страх. Страх одержал верх, и, насколько он мог ориентироваться, он продолжал удаляться от места сражения. Ни в ком не возбуждая подозрений, он спокойно шел в полутьме и вскоре перестал слышать даже отголоски битвы. Навстречу ему попадалось все меньше и меньше народу. Чем дальше он шел, тем проще становилась архитектура зданий, наконец потянулись постройки, не похожие на жилые дома: очевидно, он попал на окраину, где были товарные склады. Теперь на улице, кроме него, не было ни души. Он замедлил шаги.

Усталость давала себя чувствовать. Иногда он сворачивал в сторону и присаживался на какую-нибудь из многочисленных скамеек верхних платформ, но от сознания своей причастности к происходящей борьбе на него всякий раз нападало такое лихорадочное беспокойство, что он не мог долго усидеть на месте.

Вдруг его отбросило в сторону. Раздался оглушительный грохот; по улице пронесся порыв холодного ветра. Кругом зазвенели стекла. Посыпались кирпичи, как от землетрясения. Не дальше как в ста ярдах от него обрушился железный переплет стеклянной крыши. Где-то вдали слышались крики и топот бегущих ног. Он заметался в паническом ужасе, бросаясь вперед, назад, сам не зная зачем.

Навстречу ему бежал человек.

— Ведь это взрыв! Что они взорвали? — спросил он на бегу, поравнявшись с Грэхемом, и, прежде чем тот успел заговорить, пробежал дальше.

Кругом поднимались огромные здания, окутанные таинственным полумраком, хотя светлая полоса неба над ними показывала, что наступал уже рассвет. Не странно ли, что

все или почти все эти дома-великаны принадлежат ему? Ему снова живо представилась необычайность всего случившегося с ним. Он сделал такой невероятный скачок во времени, какой позволяют себе только романисты. Он помнил, как трудно было ему поверить в реальность этой сказки, но наконец факт был признан, и он решился применить-ся к действительности и стать в положение постороннего зрителя, ожидающего увидеть интересное представление. И вдруг вместо этого ему грозит опасность — неопределенная, но тем более пугающая. Со всех сторон его обступают враждебные тени. Где-то в темном лабиринте этого города его подстерегает смерть. Неужели же его убьют, прежде чем он успеет увидеть новый мир? Как знать, быть может, его ждет гибель за ближайшим углом? В нем заговорило страстное желание жить, жить, чтобы увидеть, узнать.

Он начал бояться углов. Ходить опасно: лучше уж спрятаться куда-нибудь. Но куда? Как сделать, чтобы его не заметили, когда улицу опять осветят? Он сел на скамейку в тени киоска на одной из верхних платформ и в полной уверенности, что здесь он один, закрыл свои усталые глаза.

А что, если когда он их снова откроет, он увидит, что все исчезло, что нет больше ни этого чернеющего внизу русла параллельных платформ, ни этого нестерпимого ряда гигантских зданий напротив? Что, если все события этих последних дней — его пробуждение, эта кричащая толпа, эта битва впотьмах — не что иное, как фантазмагория, сон, но только необыкновенно живой. Да, это, наверное, сон, слишком уж все непоследовательно, бессмысленно, — так не бывает наяву. Ведь если он действительно проспал двести лет, то человечество должно было поумнеть за это время. Каким же образом оно может смотреть на него, Грехэма, как на своего властелина?

Все это он передумывал, сидя с закрытыми глазами. Почти надеясь, вопреки всему, увидеть какую-нибудь знакомую картину из жизни девятнадцатого столетия — деревушку Боскаль, быть может, утесы Пентарджена или спальню своего дома, — он открыл глаза. Но факты не считаются

с нашими надеждами. Мимо него вдоль улицы шел, маршируя в ногу, отряд вооруженных людей с черным знаменем, а перед ним тянулась все та же бесконечная высокая стена зданий с чуть светящимися на них в полумраке непонятными надписями.

— Нет, это не сон... не сон! — прошептал он и безнадежно уронил голову на руки.

Глава 11

СТАРИК, КОТОРЫЙ ВСЕ ЗНАЕТ

Он вздрогнул, неожиданно услышав чей-то кашель, и, быстро обернувшись, увидел в двух шагах от себя тшедушную фигурку, сидевшую скорчившись за спинкой одной из скамеек.

— Какие новости? — послышался дребезжащий старческий голос.

— Никаких, — не сразу ответил Грехэм.

— Вот сижу здесь, дожидаясь, пока зажгут свет, — сказал старик. — Куда ни сунься, везде наткнешься на этих голворезов голубых.

Грехэм ответил неопределенным мычанием. В темноте он не мог разглядеть лица своего собеседника. Ему очень хотелось поговорить, но он не знал, как начать.

— Чертовски темно, — снова заговорил старик. — Пришлось выйти на улицу, а тут что ни шаг, то опасность.

— Да, скверное положение, — пробормотал Грехэм.

— Главное, проклятая темнота. Плохо в темноте старым людям. Все точно взбесились. Стреляют, дерутся. Полицию расколотили, повсюду хозяйничают разбойники. Не понимаю, отчего не вытребуют негров, они бы защитили нас... Не хочу я больше бродить один в темноте. Сейчас я наткнулся на труп и упал... В компании все-таки веселее... конечно, в хорошей компании. — Он поднялся на ноги, пошел к Грехэму и стал всматриваться в его лицо. Осмотр, очевидно, удовлетворил его. Он опустился на скамейку с за-

метным облегчением и продолжал: — Да, времена, нечего сказать! Резня; везде валяются трупы; здоровые, сильные люди пропадают ни за грош. У меня три сына. Где-то они в эту минуту? Бог знает!

Старик замолчал, потом повторил дрожащим голосом:

— Где-то они?

Грехэм молчал, придумывая, в какой бы форме предложить вопрос, чтобы не выдать своего незнания современной жизни. Старик снова прервал паузу.

— Острог победит. Победит! — сказал он. — А какой толк из этого выйдет, это уж трудно сказать. Мои сыновья служат при ветряных двигателях, все трое. Моя невестка была его любовницей — самого Острога! Мы не какие-нибудь! А вот мне, старику, все-таки пришлось скитаться ночью без приюта... Я знал, что к этому придет. Давно знал, раньше многих. Не думал я, что доживу до таких ужасных времен.

Было слышно, как у него хрипело в груди.

— Вы говорите, Острог... — начал было Грехэм.

— О! Это голова!

— У Совета, кажется, мало друзей среди народа, — заметил Грехэм, не зная, что сказать...

— Очень мало, да и те ненадежные. Белый Совет отжил свое время. Его два раза выбирали. А Острога... Ну, а теперь прорвалось, и уж ничто не поможет. Два раза Острог провалился на выборах. Надо было видеть, как он бесновался! Он был страшен. Теперь разве только бог поможет белым, а то их дело пропало. Острог поднял на них рабочие союзы. Никто другой не посмел бы. Вся эта голубая сволочь вооружена и идет напролом. А тот не остановится: он уж доведет до конца!

Старик помолчал.

— А Спящий... — заговорил он опять и остановился.

— Ну? — сказал Грехэм.

Дребезжащий голос понизился до конфиденциального шепота. Чуть белевшее в темноте старческое лицо придвинулось к лицу Грехэма.

— Настоящий Спящий давным-давно умер!
 — Что?!

— Да, умер дюжины лет тому назад.
 — Ну что вы! Быть не может!
 — Верно говорю: умер. А тот Спящий, который проснулся теперь, — подставной, какой-то жалкий нищий, полудиот, которого они опоили... Мало ли что я знаю, только лучше помолчу.

Старик стал бормотать что-то бессвязное. Он знал, очевидно, так много, что не мог удержать всего при себе.

— Я не знаю, кто подсунул ему сонного зелья, — меня в то время еще на свете не было, — но зато я знаю, кто ему впрыскивал возбуждающее, чтобы разбудить его. Разбудить или убить — середины быть не могло. Решительная мера, совершенно в духе Острога.

Грехэм был так поражен, что несколько раз прерывал и переспрашивал старика, пока наконец вполне уяснил себе весь дикий смысл его слов. Так, стало быть, его пробуждение не было естественным! Или, может быть, все это просто стариковские бредни? Неужели же в них есть хоть доля правды? Он напряженно рылся в тайниках своей памяти и припомнил кое-что из тогдашних своих впечатлений, что можно было объяснить именно таким образом. «Хорошо, что я встретил этого старика; может быть, от него я узнаю что-нибудь о новых людях», — подумалось ему.

Старик закашлялся, сплюнул, и опять задрезжал его слабый старческий голос:

— В первый раз его провалили. Я хорошо это помню.
 — Провалили? Кого? Спящего?
 — Да нет, нет, Острога. Как он тогда обозлился! Он рвал и метал! Его тогда умаслили кое-как, пообещали, что в следующий раз он будет выбран наверняка, — и успокоились, перестали бояться его. Вот дураки-то! А теперь весь город в его руках; он измелет всех нас в порошок. И раньше, конечно, не все было тихо у голубых; случалось, что рабочий зарежет какого-нибудь китайца или надсмотрщика, но хоть нас-то, по крайней мере, не трогали. Ну, а как принялся ра-

ботать Острог, пошла сплошная резня! На улицах — трупы, в домах — грабеж, везде — темнота! Никто не запомнит таких дел за целый гросс лет. Да, по пословице: от распри великих страдают малые.

— Как вы сказали: никто не запомнит... чего?

— А? — переспросил старик и, проворчав что-то такое насчет того, как скучно, когда глотают слова, заставил Грехэма повторить вопрос.

— Никто не запомнит такой смуты, вот что хотел я сказать. Слыханное ли дело: ходят с ножами, с ружьями, убивают друг друга, орут «свобода! свобода!» и тому подобную чепуху... Ничего похожего я не видал за всю свою жизнь. Совсем как в старые времена — три гросса лет тому назад, — когда взбунтовалась парижская чернь. Ну, да это должно было повториться: так все идет на свете. Кому и знать, как не мне. Вот уже пять лет, как Острог делает свое дело, и все эти пять лет мы не выходим из смуты: голод, мятежные речи, угрозы, резня. Голубые бунтуют. Никто не спокоен за свою жизнь. Все разваливается. Совету приходит конец, — вот до чего дожили!

— Вы, я вижу действительно много знаете, — сказал Грехэм.

— Люди говорят, а я слушаю. Я не зря болтаю.

— Так вы, наверное, знаете, что это Острог поднял восстание и подстроил так, что Спящий проснулся? И сделал это, чтобы захватить власть и отомстить за то, что его не выбрали в Совет?

— Ну, разумеется, всякий дурак это знает, — ответил старик. — Он решил так или иначе стать первым лицом. В Совете или не в Совете — все равно. Кто ж этого не знает! И вот теперь можем радоваться! Междоусобица, убийства, трупы! Да, господа, уж не с луны ли вы свалились? Неужели вы ничего не слышали о ссоре Острога с Вернеями? А как вы думаете, из-за чего все эти волнения? Из-за Спящего? А? Неужто вы верите, что этот Спящий — настоящий Спящий и проснулся сам, без чужой помощи?

— Я, видите ли, человек недюжимый, притом я старше, чем кажется, и память у меня плохая, — сказал Грехэм. —

Многое из того, что случилось за последние годы, как-то ускользнуло от меня. Будь я сам Спящий, я и тогда, сказать вам по правде, знал бы не меньше.

— Ну, будто вы так уж стары? Вы совсем не выглядите стариком. Правда, впрочем, не у всякого сохраняется память до глубокой старости, как у меня. Но такие вещи, какие творятся теперь, трудно забыть. А все-таки который вам год? Ведь вы, наверное, много моложе меня? Впрочем, нельзя судить по себе. Я молод для такого старика, как я, а вы, может быть, стары для своих лет.

— Вот именно, — сказал Грехэм. — Моя жизнь, надо заметить, сложилась не совсем обыкновенно. Я очень мало знаю. А истории и вовсе не знаю, можно сказать. Ваш Спящий или Юлий Цезарь — для меня все одно: их имена одинаково мало мне говорят. Может быть, вы еще что-нибудь расскажете, мне интересно послушать.

— Да, я-таки знаю кое-что, — прошамкал старик. — Но что это? Слышите?..

Оба притихли. Что-то загрохотало. Платформа под ними затряслась. Они увидели, что все прохожие останавливаются и что-то кричат друг другу. Старик заволновался и стал, в свою очередь, окликать проходивших мимо, засыпая их вопросами. Ободренный его примером, Грехэм встал и подошел к столпившимся на улице людям. Никто не знал, что случилось.

Он вернулся назад. Старик сидел на прежнем месте, бормоча себе под нос.

У Грехэма пропала охота разговаривать. Его угнетал загадочный смысл гигантской борьбы, так близко его касавшейся и столь чуждой ему. Кто прав, этот старик или революционеры? И правду ли он говорит, что победа будет за ними? Каждую минуту пожар мятежа мог охватить и эту глухую часть города; тогда его непременно узнают, и ему придется действовать так или иначе. Необходимо выведать все, что можно, от этого старика, пока есть еще время.

Он сделал было движение, собираясь заговорить, но старик предупредил его.

— Да, дела! — забормотал он. — Вот хоть бы взять этого Спящего, в которого так верят наши дураки. Я хорошо знаю эту историю. Да мало ли я их знаю! Ведь когда я был мальчишкой, я еще печатные книги читал — вот, сколько я живу на свете! Трудно поверить, не правда ли? Вы, я думаю, никогда не видели печатной книги? Но все-таки они имели и свои преимущества. По ним можно было многому научиться. А эта новая выдумка, — говорильные машины, — бог с ней совсем. Слушать-то ее — никакого труда: но что легко дается, легко и забывается... Ну, а историю Спящего я знаю, как свои пять пальцев, с начала до конца.

— Вы не поверите, — заговорил Грехэм нерешительно, — я такой невежда во всем... Я всегда был так поглощен моими личными делами, и жизнь моя сложилась так странно, что я ровно ничего не знаю о Спящем. Кто он был такой?

— Кто он был? Я-то знаю! — сказал старик. — Он был неважная птица, так себе человек, как и все. И влюбился он, бедняга, в ветреную женщину, которая обманула его. От горя с ним сделался столбняк, а потом спячка. Постойте, как это называлось в те времена? Фотография? Такая машина, которая снимала людей? Так вот, сохранились бумажки, на которых он изображен спящим еще полтора гросса лет тому назад. Полтора гросса.

— Влюбился в дурную женщину, которая обманула его, — прошептал задумчиво Грехэм. — Ну, что же дальше? Продолжайте.

— Ну-с, был у него двоюродный брат по фамилии Уорминг, человек одинокий, бездетный. Он составил огромное состояние, спекулируя на акциях только что изобретенных в то время идамитных дорог. Вы, верно, слышали об этом. Нет? Неужели! Он скупил все акции и стал хозяином предприятия. В те времена были еще мелкие частные предприятия — тысячи всевозможных акционерных обществ. Не прошло и двух дюжин лет, как его дороги убили старые железные дороги. Он не хотел ни принимать пайщиков в свое дело, ни дробить свое состояние и придумал целиком заве-

щать его Спящему. Он сам назначил Совет опекунов, сам написал устав для него. Он знал ведь, что Спящий никогда не проснется, а будет спать, пока не умрет. Он отлично знал. И вдруг — представьте такой случай — умирает в Америке один богач. У него, надо вам сказать, были два сына, и оба утонули, — и тоже завещает Спящему весь свой капитал. Таким образом, в руках Совета опекунов с самого начала оказалось около дюжины мириад львов.

— А как его звали?

— Грехэм.

— Нет, я спрашиваю, как звали того американца.

— Избистер.

— Избистер? Никогда не слышал этого имени!

— Конечно, не слышали, — сказал старик. — Не многому научишься в нынешних школах. Наша молодежь ничего не знает. Ну а я знаю. Этот американец был выходец из Англии. Он оставил Спящему еще больше, чем Уорминг. Как он разбогател, я не знаю. Он изобрел какой-то особый машинный способ писания картин или что-то в этом роде. Но суть в том, что и его огромное состояние попало в Совет опекунов Спящего. Отсюда-то и произошел теперешний Белый Совет.

— Как же он достиг такой власти?

— Э, да вы совсем невинный младенец! Ведь деньги к деньгам льнут, разве вы не знаете? Это одно. А другое: ум — хорошо, а два — лучше. И они ловко сыграли игру, можно сказать. Они вершили политические дела своими деньгами, а так как биржевые курсы и тарифы зависели от них, то капитал продолжал все расти. Долгие годы двенадцать опекунов скрывали его рост от народа. Совет подчинял себе вся и всех, то ссужая деньгами под проценты, то входя крупным пайщиком во всевозможные предприятия. Он подкупал политические партии, закупил все газеты. Если бы вы знали историю последнего гросса лет, вы бы не спрашивали, как и почему росла власть Совета. А теперь имущество Спящего исчисляется миллиардами миллиардов львов. И смешно сказать, все это произошло из-за капри-

за какого-то Уорминга, которому пришла фантазия оставить такое странное завещание, и из-за несчастного случая с сыновьями другого чудака Избистера... Да, странные бывают люди, — сказал старик, помолчав. — Но для меня всего страннее то, как могли члены Совета действовать так дружно столько лет! Целых двенадцать человек! А все-таки проиграли игру! Я помню, в дни моей молодости о Совете говорили как о божественной власти. Никто и подумать не смел, что Совет может грешить. Никто и не подозревал, что эти боги развратничают не хуже обыкновенных смертных. И я их почитал за богов. Ну а теперь стал умнее. Да, поумнел на старости лет. Ведь мне восьмая дюжина пошла. А я вот учу уму-разуму вас, молодого. Восьмая дюжина, а я еще вижу и слышу. Слышу, положим, лучше, чем вижу. И голова еще свежа. За всем слежу, все понимаю... Да, немало я перевидал в своей жизни. Мне было лет тридцать, когда Острог появился на свете. Я помню его молодым человеком задолго до того, как он стал во главе Управления ветряных двигателей. Много перемен случилось на моих глазах. Я и голубую блузу носил, и кем только я ни был! И вот под старость дожил до этого разгрома. Проклятая темнота! На улицах кучами валяются трупы. Война между своими. И все это дело его рук!

Речь старика перешла в бессвязное бормотание. Грехэм молчал, обдумывая все то, что узнал от него.

— Позвольте, верно ли я вас понял, — сказал он наконец и стал считать по пальцам. — Спящий спал — это первое.

— Его подменили, — вставил старик.

— Допустим. А тем временем имущество Спящего все росло да росло в руках двенадцати членов Совета, пока не поглотило почти всю частную собственность на земле. Таким образом, Совет фактически завладел миром. И понятно: ведь он платящая сила, вроде той, какую был английский парламент прежних времен.

— Вот-вот, это вы верно сравнили, — подхватил старик. — Вы, я вижу, не так непонятливы...

— Теперь второе. Острог революционизировал весь мир тем, что разбудил Спящего, того самого Спящего, в пробуждение которого верили только самые невежественные люди. Разбудил его затем, чтобы он потребовал у Совета отчета в своих деньгах за все двести лет.

Старик многозначительно крикнул и сказал:

— Как странно видеть человека, который только сегодня в первый раз узнает обо всех этих вещах.

— Да, пожалуй, что и странно, — согласился Грехэм.

— Бывали вы когда-нибудь в «Веселых Городах»? — спросил старик. — Всю жизнь я мечтал, — он засмеялся. — Я и теперь бы еще мог позабавиться. Хоть поглядеть на других.

Он пробормотал что-то такое, чего уже совсем нельзя было разобрать.

— Скажите, когда проснулся Спящий? — спросил вдруг Грехэм.

— Три дня тому назад.

— Где же он теперь?

— У Острога. Совет посадил его под замок, но он убежал. Не больше четырех часов тому назад. Да где вы были все это время, что ничего не знаете? Он был в театре на Рыночной площади, где потом сражались. Да, он бежал. Весь город об этом кричал. Все говорильные машины. Даже дуракам, которые стоят за Совет, пришлось в это поверить. Все бежали смотреть на него, всякий запасался оружием. Что вы, пьяны были или спали? Да нет, вы просто шутите, прикидываетесь дурачком. Ведь затем они и электричество потушили, чтобы остановить говорильные машины и помешать народу собираться. Оттого-то мы и очутились в этой проклятой темноте. Неужели вы хотите сказать...

— Да, я знаю, что Спящего освободили, я слышал об этом, — сказал Грехэм. — Но позвольте: вы наверняка знаете, что он у Острога?

— Наверняка. И уж Острог его не выпустит, будьте покойны.

— А вы уверены, что этот Спящий — подставной?

— Дураки-то считают его настоящим. Мало ли во что верит народ. Ну, а Острогу не все ли равно, настоящий он или подставной. Ему лишь бы провести свою линию. Я хорошо его знаю. Я ведь, кажется, говорил вам, что он мне в некотором роде родня. Через мою невестку.

— Едва ли этому Спящему удастся вырваться из-под опеки, как вы думаете? Должно быть, он сделается простой марионеткой в руках Острога или Совета.

— Ну, уж конечно, в руках Острога. Да и чего ему надо? Какого еще положения? Все к его услугам, требуй, чего хочешь, развлекайся, как хочешь. Чем ему мешает эта опека?

— А что это за «Веселые Города», о которых вы говорили? — спросил вдруг Грехэм.

Ему пришлось повторить свой вопрос. Когда наконец старик убедился, что он не ослышался, он захихикал и, лукаво подтолкнув Грехэма локтем в бок, сказал:

— Нет, это уж чересчур. Вы смеетесь надо мной, стариком. Я давно уже начинаю догадываться, что вы только прикидываетесь простачком, а знаете побольше моего.

— Может быть, кое-что я и знаю, — сказал Грехэм, — но я не знаю, что такое «Веселые Города», уверяю вас.

Старик конфиденциально подмигнул, продолжая хихикать.

— Мало того, я даже не умею ни читать, ни считать по-вашему, не знаю ваших монет, не знаю, какие теперь на свете народы и страны, не знаю, где я. У меня нет приюта, и я не знаю, где добыть себе еду и питье.

— Ну, рассказывайте, — перебил старик. — А дать вам стаканчик вина, так небось не выльете его себе в ухо, а отправите прямо в рот.

— Даю вам слово, что я не шучу. Ничего этого я не знаю и буду очень благодарен, если вы меня просветите.

— Хе-хе! Известное дело, кто ходит в шелку, тот любит позабавиться, — и он провел сморщенной рукой по рукаву Грехэма. — Да, шелк. Ну все равно, не в этом дело... А хотел бы я, признаться, очутиться на месте Спящего. Недурная жизнь его ждет. И удовольствие, и почет. Я ведь видел

его. Когда к нему пускали всех без разбора, я, помню, тоже добыл себе билет и ходил посмотреть. Странное у него было лицо, желтое, как лимон. Как две капли воды похож на настоящего, каким тот изображен на прежних фотографиях. Совершенный мертвец. Ну, ничего, откормится. Бывает же такая удача. Его, верно, на Капри пошлют поправляться.

Тут на него опять напал кашель, и несколько секунд он не мог говорить.

— Везет людям, везет... — завистливо забормотал он потом. — Всю жизнь просидел я в Лондоне на одном месте. Все ждал, все надеялся, не пощастливится ли и мне...

— А почему вы знаете, что настоящий Спящий умер? — прервал его Грехэм.

Старик заставил его повторить вопрос, прежде чем ответил.

— Люди не живут дольше десяти дюжин лет. Это против законов природы. Дураки могут верить сказке про Спящего, а я не верю. Я не дурак.

Грехэма наконец рассердила эта самоуверенность старика.

— Дурак вы или нет, — сказал он, — а только насчет Спящего вы ошиблись.

— Что?

— Вы ошиблись насчет Спящего, я говорю.

— Да вы-то как можете это знать? Вы только что сказали, что вы ровно ничего не знаете. Не знаете даже, что такое «Веселые Города».

Грехэм помолчал.

— Так знайте же: я — Спящий, — сказал он наконец.

Старик смотрел на него во все глаза, не понимая. Грехэм должен был повторить свое заявление.

— Извините меня, сэр, это глупая шутка с вашей стороны, — сказал старик. — Такие слова могут дорого вам обойтись в это смутное время.

Грехэм немного смутился, но повторил свое заявление.

— Я вам сказал, что я — Спящий. Много-много лет тому назад я заснул в одной деревушке. Случилось это в те дни, когда еще были деревни с живыми изгородями, с постоялы-

ми дворами, с мелкими участками пахотной земли. Разве вы никогда не слыхали о тех временах? И это я, я, который говорю с вами, проснулся четыре дня тому назад.

— Четыре дня тому назад! Спящий? Но Спящий у них. Они добрались до него и уж не выпустят теперь. Вздор. До сих пор вы говорили, как человек разумный, и вдруг... Линкольн его хорошо сторожит; я это наверняка знаю. Можете быть уверены, что его не пустят разгуливать по улицам одного. Чудак вы, право; любите шутить. Теперь я понимаю, отчего вы так смешно коверкали слова! Так я и поверю, что Острог выпустил бы Спящего из своих рук! Конечно, не поверю, не на такого напали. Не понимаю, к чему вы ведете всю эту игру.

Грехэм встал.

— Я вам серьезно говорю: я — Спящий, — сказал он.

— Станный вы человек, — проговорил с негодованием старик. — Сидит один в темноте, ломает английский язык и сочиняет небывлицы!

Грехэм, который уже готов был выйти из себя, после этих слов старика взглянул на свое положение глазами постороннего зрителя и разразился смехом.

— Фу, какая бессмыслица! Когда же кончится этот сон? Он становится все более диким. Чего я сижу тут, в этой проклятой темноте, каким-то живым анахронизмом и стараюсь убедить старого дурака в том, что я — я! Нет, довольно!

Он круто повернулся и зашагал прочь. Старик бросился за ним.

— Не уходите, — кричал он, — не уходите! Я старый дурак, ваша правда. Не уходите, не оставляйте меня одного в темноте!

Грехэм приостановился, не зная, что делать, но вдруг он сообразил, как неблагоприятно было с его стороны выдавать свою тайну.

— Я не хотел вас обидеть, — забормотал старик, подходя. — Называйте себя Спящим, если вам так нравится, или кем хотите, — какая в этом беда?..

С минуту Грехэм колебался, потом, не говоря ни слова, повернулся и пошел своей дорогой.

его. Когда к нему пускали всех без разбора, я, помню, тоже добыл себе билет и ходил посмотреть. Странное у него было лицо, желтое, как лимон. Как две капли воды похож на настоящего, каким тот изображен на прежних фотографиях. Совершенный мертвец. Ну, ничего, откормится. Бывает же такая удача. Его, верно, на Капри пошлют поправляться.

Тут на него опять напал кашель, и несколько секунд он не мог говорить.

— Везет людям, везет... — завистливо забормотал он потом. — Всю жизнь просидел я в Лондоне на одном месте. Все ждал, все надеялся, не посчастливится ли и мне...

— А почему вы знаете, что настоящий Спящий умер? — прервал его Грехэм.

Старик заставил его повторить вопрос, прежде чем ответил.

— Люди не живут дольше десяти дюжин лет. Это против законов природы. Дураки могут верить сказке про Спящего, а я не верю. Я не дурак.

Грехэма наконец рассердила эта самоуверенность старика.

— Дурак вы или нет, — сказал он, — а только насчет Спящего вы ошиблись.

— Что?

— Вы ошиблись насчет Спящего, я говорю.

— Да вы-то как можете это знать? Вы только что сказали, что вы ровно ничего не знаете. Не знаете даже, что такое «Веселые Города».

Грехэм помолчал.

— Так знайте же: я — Спящий, — сказал он наконец.

Старик смотрел на него во все глаза, не понимая. Грехэм должен был повторить свое заявление.

— Извините меня, сэр, это глупая шутка с вашей стороны, — сказал старик. — Такие слова могут дорого вам обойтись в это смутное время.

Грехэм немного смутился, но повторил свое заявление.

— Я вам сказал, что я — Спящий. Много-много лет тому назад я заснул в одной деревушке. Случилось это в те дни, когда еще были деревни с живыми изгородями, с постоялы-

ми дворами, с мелкими участками пахотной земли. Разве вы никогда не слышали о тех временах? И это я, я, который говорю с вами, проснулся четыре дня тому назад.

— Четыре дня тому назад! Спящий? Но Спящий у них. Они добрались до него и уж не выпустят теперь. Вздор. До сих пор вы говорили, как человек разумный, и вдруг... Линкольн его хорошо сторожит; я это наверняка знаю. Можете быть уверены, что его не пустят разгуливать по улицам одного. Чудак вы, право; любите шутить. Теперь я понимаю, отчего вы так смешно коверкали слова! Так я и поверю, что Острог выпустил бы Спящего из своих рук! Конечно, не поверю, не на такого напали. Не понимаю, к чему вы ведете всю эту игру.

Грехэм встал.

— Я вам серьезно говорю: я — Спящий, — сказал он.

— Станный вы человек, — проговорил с негодованием старик. — Сидит один в темноте, ломает английский язык и сочиняет небылицы!

Грехэм, который уже готов был выйти из себя, после этих слов старика взглянул на свое положение глазами постороннего зрителя и разразился смехом.

— Фу, какая бессмыслица! Когда же кончится этот сон? Он становится все более диким. Чего я сижу тут, в этой проклятой темноте, каким-то живым анахронизмом и стараюсь убедить старого дурака в том, что я — я! Нет, довольно!

Он круто повернулся и зашагал прочь. Старик бросился за ним.

— Не уходите, — кричал он, — не уходите! Я старый дурак, ваша правда. Не уходите, не оставляйте меня одного в темноте!

Грехэм приостановился, не зная, что делать, но вдруг он сообразил, как неблагоприятно было с его стороны выдавать свою тайну.

— Я не хотел вас обидеть, — забормотал старик, подходя. — Называйте себя Спящим, если вам так нравится, или кем хотите, — какая в этом беда?..

С минуту Грехэм колебался, потом, не говоря ни слова, повернулся и пошел своей дорогой.

Несколько времени он еще слышал за собой ковляющие шаги старика и его постепенно удаляющиеся крики. Но наконец все затихло, и темнота поглотила его.

Глава 12

ОСТРОГ

Теперь Грехэм мог лучше разобраться в своем положении. После разговора со стариком ему стало ясно, что необходимо прежде всего разыскать Острога. На этом решении он и остановился. Во всяком случае, несомненно было одно: главари восстания очень ловко сумели скрыть исчезновение Спящего. Но каждую минуту он ожидал услышать известие о своей смерти или о том, что он, Спящий, снова попал в руки Совета.

Он еще долго бродил по полутемным улицам. На одном перекрестке он столкнулся с каким-то человеком.

— Слышали новость? — спросил тот, останавливаясь.

— Нет. А что такое? — спросил, в свою очередь, встревоженный Грехэм.

— Около дозанды! Целая дозанда людей! — И человек побежал дальше.

Потом мимо него прошла кучка мужчин и между ними одна женщина. Все оживленно жестикулировали и громко разговаривали между собой.

— Сдались! Целая дозанда погибших!

— Не одна дозанда, а две!

— Ура Острогу!

Не успели затихнуть вдали эти возгласы, как появилась новая толпа прохожих, тоже что-то кричавших. Некоторое время все внимание Грехэма было поглощено доносившимися до него обрывками фраз. Он начинал сомневаться, по-английски ли говорили все эти люди, до такой степени они коверкали слова. Сам он не решался заговорить. Но настроение всех попадавшихся ему навстречу людей вполне согласовалось с его собственным представлением о веро-

ятном исходе борьбы и со слепой верой старика в великого Острога. Ему трудно было освоиться с мыслью, что эти люди празднуют победу над Советом — тем самым всемогущим Советом, который всего несколько часов тому назад так неотступно преследовал его, а теперь оказался слабейшей стороной в борьбе. И если это так, если власть белых чиновников действительно пала, то интересно знать, как это отразится на нем.

Он все присматривался к прохожим, выбирая, к кому бы обратиться с вопросом, и все не решался. Он долго шел следом за одним толстяком, наружность которого показалась ему более располагающей, но так и не мог собраться с духом и заговорить.

Наконец ему пришло в голову, что самое простое — обратиться в Управление ветряных двигателей, которым заведовал Острог. Оставалось только спросить первого встречного прохожего, где оно помещается. На первый вопрос он получил короткий ответ: «Возле Вестминстера». На второй ему ответили указанием кратчайшего пути, на котором он тотчас же заблудился. Потом ему посоветовали с большой широкой улицы, по которой он шел, свернуть куда-то в темный переулок, где он чуть не свалился с лестницы, спускавшейся вниз. Тут начались приключения другого характера, но тоже не из приятных. Он столкнулся в темноте с каким-то невидимым существом, которое принялось осипшим голосом изливать на него потоки брани на неизвестном языке; только по некоторым отдельным словам можно было догадаться, что все это говорилось по-английски. Затем из темноты донесся женский голос, напевавший веселенький мотив. Голос быстро приближался. Женщина наткнулась на Грехэма — не совсем неумышленно, как ему показалось. Она обняла его, должно быть, в виде извинения, засмеялась и принялась было болтать что-то такое о своей сестре, которую она ищет, но, получив довольно резкий отпор, оставила его в покое и снова скрылась в темноте.

Кругом становилось люднее. Пешеходы спотыкались впотьмах, натыкались друг на друга. Слышались воскли-

цания, возбужденные голоса. Кричали: «Сдались! Совет сдался!», «Не может быть!», «Нет, правда, все говорят». Переулок сделался шире. Еще поворот, и Грехэм очутился на широкой площади, в глубине которой толпился народ. Он обратился к проходившей мимо него темной фигуре, спрашивая дорогу к Вестминстеру. «Все прямо через площадь», — ответил женский голос. Он двинулся по указанному направлению, но сейчас же наткнулся на какой-то столик, уставленный посудой. Глаза его теперь привыкли к темноте, и, хорошенько всмотревшись, он различил целых два ряда таких столиков, тянувшихся через всю площадь, оставляя посередине узкий проход. Он пошел вдоль этого прохода. Со стороны некоторых столиков доносился звон стаканов и стук ножей и вилок. Нашлись, стало быть, храбрые люди, которые могли спокойно есть, несмотря на грозные события дня и удручающую темноту.

Далеко впереди, откуда-то сверху падало полукруглое пятно света. Когда он подошел ближе, пятно исчезло, точно наверху задернули темную занавеску. Он опять чуть не скатился со ступенек, спускавшихся вниз, и очутился в узкой галерее с железными перилами по бокам. Вдруг в нескольких шагах впереди он услышал рыдания и, всмотревшись, увидел двух маленьких девочек. Они сидели на полу, скорчившись, крепко прижавшись к перилам, и плакали навзрыд. Но как только он подошел, они затихли, точно испуганные зверьки. Он пробовал спрашивать, уговаривать, но они упорно молчали. Пришлось оставить их в покое. Не успел он отойти, как снова услышал за собою плач.

Вскоре он очутился у подножия большой лестницы, на которую падал сверху слабый свет. Он поднялся наверх и оказался на площади движущихся улиц. Тут шумно снова вала взад и вперед беспорядочная толпа. Кричали, пели революционные песни, и пели прескверно — кто в лес, кто по дрова. Кое-где горели факелы, отбрасывая фантастические дрожашие тени. Он стал было опять спрашивать дорогу к Вестминстеру, но два раза был поставлен в тупик ответами на том же диком жаргоне. Наконец в третий раз

ему посчастливилось получить удобопонятный ответ: оказалось, что до Вестминстера остается еще две мили и надо идти прямой дорогой.

Чем ближе подходил он к Вестминстеру, тем чаще попадались толпы поющих и кричащих людей, и, судя по всеобщему оживлению, по этим ликующим крикам, а главное, по тому, что город был теперь опять освещен, падение Совета можно было считать совершившимся фактом. Но странно: никто из встречных ни словом не обмолвился об исчезновении Спящего.

Освещение города восстановилось внезапно. В один миг по улицам разлился яркий свет, так что все идущие, и Грехэм в том числе, остановились, ослепленные. Свет застал его почти уже у цели пути: среди возбужденной толпы, которая запрудила всю улицу, ведущую к Управлению ветряных двигателей. И вместе с появлением света в нем поднялось беспокойное чувство от сознания, что теперь его могут узнать, и его смутное намерение разыскать Острога превратилось в определенное желание, нетерпеливое и тревожное.

Немного не доходя здания Управления он попал в такую давку, что уж и не чаял выбраться из нее: его совсем затолкали. Кругом в толпе раздавалось его имя. Осипшие от крика голоса орали: «Спящий! Спящий!» Многие были в повязках. Все эти люди проливали кровь за него, за его дело... Передний фасад огромного здания ярко светился: на нем медленно двигалась картина, освещенная изнутри. Но с того места, где стоял Грехэм, ничего нельзя было рассмотреть, а протискаться ближе ему, несмотря на все усилия, никак не удавалось. Из долетавших до него отрывочных фраз он понял, что картина воспроизводит последние моменты борьбы вокруг зала Атласа. Глядя перед собой на высокий фасад, в котором не было ни одного подъезда, и недоумевая, как он проберется внутрь здания, Грехэм медленно продирался вперед, пока по особенно густой толпе, теснившейся посреди улицы у люка подземной лестницы, не догадался, что это-то и есть вход в Управление. Но добраться до люка было не так-то легко. А когда наконец это ему удалось,

то оказалось, что вход охраняется стражей. Ему пришлось долго пререкаться, пока его пропустили. Когда, в виде последнего аргумента, он объявил было, что он Спящий, над ним принялись хохотать, как над сумасшедшим, и препроводили его во вторую караулку для опроса. На этот раз он был умнее и, умолчав о Спящем, сказал просто, что принес очень важное известие, которое может передать только самому Острогу с глазу на глаз. Один из солдат неохотно отправился с докладом. Грехэм долго ждал в прихожей возле лифта. Но вот наконец отворилась дверь, и появился Линкольн, взволнованный, удивленный. Он приостановился на пороге, всмотрелся в таинственного посетителя и вдруг бросился к нему с радостным возгласом:

— Как! Это вы?! Вы живы!

Грехэм рассказал свои похождения в кратких словах.

— Брат здесь, в Управлении. Он вас ждет, — сказал Линкольн. — Мы боялись, что вас убили в театре. Мы до поры до времени решили скрывать ваше исчезновение. Положение наших дел далеко не завидное, надо вам сказать, хоть мы и трубим о победе для ушей непосвященных. Поэтому мы пока не решались разыскивать вас.

Они сели в лифт, поднялись в один из верхних этажей, прошли по узкому коридору, миновали большой зал (совершенно пустой, если не считать попавшихся им навстречу двух человек, бежавших со всех ног по каким-то поручениям) и вошли в сравнительно небольшую комнату. Всю обстановку этой комнаты составляли длинная оттоманка и подвешенный на кабелях у стены большой овальный диск, по поверхности которого медленно ползли какие-то мутно-серые тени. Линкольн попросил Грехэма обождать и ушел, предоставив ему разгадывать, как умеет, назначение странного диска.

Но вскоре его внимание было привлечено другим. До него вдруг донесся рев толпы, очень далекий, но, несомненно, ликующий рев. Он раздался внезапно и так же внезапно затих, словно прорвавшись сквозь шелку на минуту приотворившейся двери. Затем в соседней комнате послышались

торопливые шаги, мелодический звон металла о металл, шелест платья, и женский голос произнес: «А вот и Острог». Вслед за тем порывисто зазвенел тоненький колокольчик, и все опять стихло.

Но вот за дверью снова началось движение: доносились шаги, голоса. Вскоре среди этих смешанных звуков выделились твердые, размеренные шаги одного человека и стали быстро приближаться. Дверь отворилась, портьера тихо приподнялась, и на пороге показался высокий седой человек в шелковом плаще молочно-белого цвета. Он остановился и, придерживая одною рукой портьеру, смотрел на Грехэма. Потом рука его опустилась, и он ступил шаг вперед. Первым впечатлением Грехэма были: большой, широкий лоб, глубоко сидящие светло-голубые глаза под густыми седыми бровями, орлиный нос и резко очерченные, крепко сжатые губы. Только тяжелые складки над глазами да опущенные углы энергичного рта выдавали возраст этого человека, совершенно не гармонируя с его прямой, стройной фигурой и бодрой осанкой. Грехэм инстинктивно поднялся ему навстречу. С минуту оба они стояли и молча смотрели друг на друга.

— Вы Острог? — спросил наконец Грехэм.

— Да, я Острог.

— Вождь восстания?

— Да, так говорят.

Опять наступила неловкая пауза.

— Это вам, кажется, я обязан своим спасением? — нерешительно проговорил Грехэм.

— А мы уже боялись, что вас убили, — сказал Острог, не отвечая на вопрос. — Убили, или, вежливо выражаясь, усыпили навсегда. Нам стоило большого труда сохранить нашу тайну — скрыть ваше исчезновение, хочу я сказать... Где вы пропадали? И как попали сюда?

Грехэм повторил свой рассказ. Острог внимательно слушал.

— А знаете, чем я занимался, когда пришли мне доложить о вашем приходе? — сказал он, чуть-чуть улыбнувшись, когда Грехэм замолчал.

- Понятия не имею.
- Готовил вашего двойника.
- Моего двойника?

— Ну да. Мы разыскали человека, похожего на вас. Чтобы облегчить ему его роль, мы решили загипнотизировать его. Нам невозможно обойтись без Спящего. Все восстание держится на этой идее: народ уверен, что Спящий проснулся, что он жив и с нами. Да вот и сейчас в театре собралась огромная толпа народа: хотят вас видеть, требуют, чтобы им показали вас. Они даже нам не вполне доверяют... Вам ведь, конечно, известно, какое вы занимаете положение?

— Очень смутно, — отвечал Грехэм.

— Так слушайте. — Острог прошелся по комнате, потом повернулся к Грехэму и продолжал: — Вы — собственник половины земного шара. Значит, фактически вы все равно что король. Ваша власть, правда, ограничена разными сложными законами, но тем не менее вы — центральная фигура: в глазах народа вы — символ правительственной власти. Этот Белый Совет, или «Совет опекунов», как его называют...

— Да, я кое-что уже слышал обо всем этом.

— Вот как! От кого же?

— Я столкнулся сегодня с одним болтливым старикашкой, и он...

— А, понимаю... Итак, народные массы — это словечко перешло к нам еще от ваших времен: у нас ведь тоже есть народные массы, как вам известно; народные массы смотрят на вас как на своего законного господина, правителя — совершенно так, как в ваши дни смотрели на королей. И вот народ всего земного шара недоволен правлением ваших опекунов. Вообще говоря, это все та же старая история — старое недовольство: протест бедняка против бедности, против рабства труда, против дисциплины и собственной непригодности. Но нельзя не признать, что ваши опекуны правили дурно. Во многом — в своем отношении к рабочим союзам, например, — они вели себя крайне неразумно и дали много поводов к недовольству. Мы, партия народа, подняли агитацию в пользу реформ задолго до то-

го, как вы проснулись. А тут неожиданно-негаданно произошло ваше пробуждение... Да, будь оно даже нарочно подстроено нами, оно не могло бы прийти более кстати для успеха нашего дела. — Он улыбнулся. — В уме народа давно уже мелькала фантастическая мысль разбудить вас и обратиться к вам с жалобой, как к верховному судье. Ничего не значит, что вы десятки лет провели в состоянии небытия: народ ведь не принимает в расчет таких мелочей... И вдруг вы проснулись...

Он жестом показал, какой эффект произвело это событие. Грехэм молча кивнул головой.

— Совет был совершенно ошеломлен. Все они там перессорились. Впрочем, они и раньше вечно грызлись между собой. В первый момент они не могли решить, что им с вами делать. Чтобы выиграть время, они, как вам известно, посадили вас под замок.

— Да, да, я знаю. Ну, а теперь мы побеждаем?

— Мы побеждаем, это несомненно. С сегодняшнего дня за пять коротких часов победа перешла на нашу сторону. Мы разбили их на всех пунктах. К нам примкнули все служащие в Управлении ветряных двигателей, весь Рабочий союз со своими миллионами членов. Мы завладели аэропланами.

— Да? — сказал Грехэм.

— Это было очень важно. Иначе они могли бы бежать... Весь город восстал. Треть населения оказалась в рядах борцов за свободу. На нашей стороне все голубые, все общественные учреждения — словом, почти все за исключением нескольких человек аэронавтов да половины состава красной полиции. А та половина, которая осталась им верна, разбита: частью обезоружена, частью перебита, кроме нескольких десятков солдат, которые заперлись в ратуше. Теперь, если не считать ратуши, весь Лондон в наших руках. Вас освободили. Половина их красной полиции погибла в безумной попытке снова захватить вас. Потеряв вас, они потеряли головы. Все свои силы они направили на театр, а мы, пользуясь этим, отрезали их от ратуши. Нынешняя

ночь была поистине ночью победы. Мы победили вашим именем. Еще вчера Белый Совет был верховным правителем, каким он был целый гросс лет — полтора века, по вашему, — и вдруг... Довольно было шепнуть, что Спящий проснулся, и нет больше Совета.

— Простите, все это для меня китайская грамота, — перебил Грехэм. — Мне не совсем ясны условия этой борьбы. Если бы вы объяснили... Где теперь Белый Совет? Кончена борьба или все еще продолжается?

Острог, не отвечая, перешел комнату. Послышался короткий металлический звон, и вслед за тем они очутились в полной темноте. Только овальный диск выделялся на стене светлым пятном.

Очнувшись от первого изумления, Грехэм заметил, что мутно-серая поверхность диска начала углубляться и приняла вид большого овального окна, за которым происходила странная сцена.

Он смотрел не отрываясь, но сначала ничего не понимал. Он видел только, что действие происходит при дневном свете — при свете серого зимнего дня. На втором плане картины сверху донизу тянулся толстый кабель из белой скрученной проволоки. Затем шли ряды огромных ветряных колес с широкими промежутками темноты между ними. Все это было очень похоже на то, что он видел во время своего бегства из ратуши. Он заметил еще, что по всему свободному пространству в этой полутьме шагали по два в ряд люди в красных мундирах между двумя плотными рядами черных фигур, и понял еще прежде, чем Острог заговорил, что перед ним верхний этаж современного Лондона — лондонские крыши. Но теперь на них не было снега, как накануне. «Должно быть, это новейшее усовершенствование камеры-обскуры, — подумал он про овальный экран. — Однако что за странность: ведь эти красные фигуры двигаются слева направо, а между тем исчезают в левом углу». Но он скоро сообразил, что вся картина, как панорама, медленно передвигалась справа налево.

— Сейчас вы увидите сражение, — сказал Острог. — Заметили вы людей в красном? Это наши пленные. Место

действия — площадь лондонских крыш. Теперь ведь наши крыши представляют одну сплошную площадь. У нас и улицы под крышами и общественные скверы; у нас нет промежутков между отдельными домами, как было в ваше время.

В эту минуту половина картины закрылась какою-то движущейся тенью, — судя по очертаниям, тенью человека. Сверкнула искра, отбросив металлический отблеск на противоположную стену. По поверхности диска проползла мутная пленка, и картина опять осветилась. Теперь на экране между колесами ветряных двигателей бегали люди, целясь друг в друга из каких-то особенных ружей, выбрасывавших маленькие дымящиеся искорки. Направо толпа становилась все гуще и гуще. Люди отчаянно жестикулировали и, должно быть, кричали, но о последнем можно было только догадываться. И все вместе — и люди, и колеса — ровно и медленно передвигались по экрану в одну сторону, постепенно скрываясь из глаз.

— Сейчас покажется ратуша, — сказал Острог.

С правого края экрана стало медленно выдвигаться что-то черное, оказавшееся огромным черным провалом пожара между уцелевшими зданиями, провалом, от которого к бледному зимнему небу тянулись тоненькие струйки дыма. Кое-где среди этого разрушения уныло торчали обгорелые остовы массивных колонн — остатки прежнего великолепия, — а между ними бегали, лазили, копошились миниатюрные фигурки людей.

— Вот она, ратуша, — сказал опять Острог. — Это их последний оплот. Чтобы предупредить нашу атаку, они взорвали соседние здания, пожертвовав огромным запасом пороха, с которым можно было продержаться еще, по крайней мере, месяц. Безумцы! Вы слышали взрыв? Им выбиты все оконные стекла в ближайшей половине города.

Пока он говорил, на экране показалось высоко вздымавшееся над дымящимися развалинами массивное белое здание, оторванное разрушением от окружающих домов. Часть его передней стены обвалилась, оставив раскрытыми огромные великолепные залы. Что-то зловещее было в их

роскошном убранстве при тусклом свете этого серого зимнего дня. Местами зияли черные впадины коридоров с висящими по стенам оборванными концами кабелей и металлических проводов. И среди этого разрушения повсюду двигались красные крапинки — красные мундиры защитников Совета. Время от времени вспыхивали бледные искры, освещая на миг эту картину смерти. В первый момент Грехэму показалось, что защитники белого здания отражают атаку, но потом он рассмотрел, что революционеры не переходят в нападение, а только поддерживают перестрелку с гарнизоном крепости, пользуясь, как прикрытием, колоссальными развалинами ближайших домов.

Как странно подумать, что каких-нибудь десять часов тому назад он стоял под вентилятором в маленькой комнатке этого белого здания, теряясь в догадках по поводу того, что происходит за его стенами!

Острог между тем продолжал в коротких и точных словах описывать события дня. Бесстрастным тоном говорил он об огромной потере людей, о чудовищном опустошении, которое произвел этот взрыв. Он указал Грехэму на груды развалин, похоронивших под собою сотни человеческих трупов, на двигавшиеся между ними лазаретные фуры и на крошечные фигурки санитаров, подбиравших раненых среди хаоса, бывшего еще вчера площадью движущихся улиц. Гораздо больше интереса проявил он, когда заговорил о тактических приемах противника, о расположении отдельных частей гарнизона и о том, как долго может он еще продержаться. Вскоре междоусобная борьба, разыгравшаяся в новом Лондоне, не представляла больше тайны для Грехэма: это не была война равных противников: это был великолепно организованный переворот. Острог поражал своим знанием всех мельчайших подробностей этой борьбы: ему, казалось, было известно, чем занята и чего добивается каждая маленькая кучка красных и черных фигурок, ползающих по экрану.

Вот его рука протянулась к ярко освещенной картине, отбросив на нее огромную черную тень. Он показал Грехэ-

му комнаты, где его держали в заточении, и, водя пальцем по экрану от одного полуразрушенного дома к другому, заметил весь путь его бегства.

Грехэм узнал тот черный провал между домами, через который был перекинут желоб, узнал колеса ветряного двигателя, под которым он прятался от летательной машины. Остальной части его пути нельзя было проследить, так как дома, по крышам которых он шел, были разрушены взрывом. Он снова взглянул на картину: половина ратуши уже продвинулась за экран, а справа, как в тумане, выдвигался какой-то холм с разбросанными по нему домами и башенками.

— Итак, Совет низвержен, говорите вы? — спросил Грехэм.

— Окончательно! — ответил Острог.

— А я?.. Неужели правда, что я...

— Вы собственник половины мира.

— Но почему же это белое знамя...

— Это знамя Совета, знамя владычества над миром. Оно падет. Борьба кончена. Их нападение на театр было последней отчаянной попыткой. У них осталось не больше тысячи человек, да и те ненадежны. Запасы пороха у них почти вышли. А мы решили потряхнуть стариной: льем пушки.

— Но позвольте: ведь к ним может подоспеть подкрепление. Не кончается же мир этим городом, я полагаю?

— Для них, пожалуй, да. Все остальные города и страны или восстали вместе с нами, или сохраняют нейтралитет в ожидании исхода борьбы. Ваше пробуждение ошеломило весь мир: все колеблется, никто не может решить, что ему делать.

— Ну, а летательные машины? Разве в распоряжении защитников Совета нет летательных машин? Отчего они не пускают их в ход?

— Они пробовали. Но большинство аэронавтов оказались на нашей стороне. Правда, аэронавты не посмели открыто выступить на защиту восставших, но они отказались действовать против нас... Нам, впрочем, пришлось-таки по-

возиться с этими господами. Половина сочувствовала нам, а другая половина знала это. Ну вот, как только им стало известно, что вы бежали, все летательные машины, бывшие в действии, спустились — все, кроме одной. Час тому назад мы убили человека, стрелявшего в вас... Да, надо заметить, что с первой же минуты мы позаботились занять по возможности все станции летательных аппаратов во всех городах. Таким образом, в наших руках оказались почти все аэропланы. Ну а легких летчиков мы не боимся: по тем из них, которым удалось подняться, мы все время поддерживали ружейный огонь и не допускали их к ратуше. А если бы какой-нибудь и спустился поблизости, ему все равно не пришлось бы больше подняться, так как там нет ни одной площадки, достаточно широкой для взлета. Некоторые из аппаратов были подбиты нашими выстрелами, многие спустились добровольно и сдались, остальные улетели на континент искать союзников, которые поддержали бы их дело. Большинство аэронавтов, надо сказать, сами добивались, чтобы их взяли в плен и лишили возможности действовать. Да и в самом деле, упасть с высоты — перспектива не из приятных... Итак, вы видите теперь, что Совету не на что надеяться и с этой стороны. Совет погиб, дни его сочтены.

Он засмеялся и снова повернулся к экрану, чтобы показать на нем Грехэму станции летательных аппаратов. Но даже четыре ближайшие станции были далеко, и трудно было что-нибудь рассмотреть за густой пеленой утреннего тумана. Грехэм заметил только, что это сооружения колоссальных размеров даже по сравнению с огромными зданиями, окружавшими их.

Картина между тем все передвигалась влево. Исчезла ратуша, скрылись из виду холмы, и справа опять показалась та самая площадь крыш, на которой Грехэм перед тем видел красные мундиры пленных, шагавших под конвоем. А там опять потянулись черные развалины зданий, снова выдвинулась одиноко торчащая среди них белая твердыня ратуши. Но теперь она уже не имела того зловеще-призрачного вида, как при первом своем появлении: утренние тучи рассе-

ялись, и все белое здание было залито солнцем. Возня пигмеев вокруг этого великана все еще продолжалась, но вяло: его красные защитники уже почти не стреляли.

Таким-то образом человек девятнадцатого столетия, не выходя из полутемной запертой комнаты, увидел на освещенном экране заключительную сцену великой борьбы двадцать второго века. Не сходя с места, он проследил все последние перипетии восстания, поднятого его именем в целях укрепления его владычества над миром. И, как откровение, блеснула у него новая мысль, что этот мир, теперешний мир, близок ему, а не тот, который он оставил так далеко за собой, и что видел он сейчас на экране не театральное представление, которое посмотришь и забудешь, а реальную жизнь; что ему самому предстоит участвовать в этой жизни и принять на себя свою долю ее опасностей, обязанностей и ответственности. Он повернулся к Острогу с готовыми вопросами на губах. Острог начал было отвечать, но перебил себя на полуслове.

— Нет, лучше я вам все это потом объясню. Сначала нужно исполнить все дела и обязанности. Народ из всех частей города стекается толпами к этому дому. Все рынки, все театры переполнены. Вы подоспели как раз вовремя. Вас хотят видеть. И не только Лондон хочет вас видеть, а все города: Париж, Нью-Йорк, Чикаго, Денвер, Капри... Тысячи городов поднялись и требуют, чтобы вы им показались. Народ всего мира давно уже, многие годы, требовал, чтобы вас разбудили, а теперь, когда ваше пробуждение стало свершившимся фактом, они не верят...

— Послушайте, не могу же я объехать весь мир.

Но Острог был уже на другом конце комнаты. Он нажал там какую-то кнопку: комната разом осветилась, а картина на экране побледнела и расплылась. И только тогда он ответил:

— В этом нет никакой надобности. На то существует кинетотелефотография. Если вы здесь, в Лондоне, ответите поклоном на приветствия толпы, его увидят мириады людей, разбросанных по всему миру. Им нужно будет для этого

только собраться в темных помещениях, снабженных надлежащими приборами. Эти приборы передают только черный и белый цвета так, что они увидят ваше неокрашенное отражение, но увидят вполне отчетливо. А вы здесь услышите их приветственные клики... Есть у нас, кроме того, еще один оптический прибор, которым пользуются иногда танцовщицы и акробаты. Вам он, верно, не знаком. Мы и его пустим в дело. Действует он так: ставят человека в фокусе ярких лучей света, причем отбрасывается на экране его отражение в настолько увеличенном виде, что публика, даже сидящие в задних рядах самой дальней галереи, могут считать все волоски на его ресницах.

Чувствуя, что ему все равно не осилить всего, что он слышит, Грехэм в отчаянии ухватился за один из множества вопросов, вертевшихся у него в голове.

— Как велико население теперешнего Лондона? — спросил он.

— Двадцать восемь мириад жителей.

— Я не понимаю...

— Свыше тридцати трех миллионов.

Воображение Грехэма решительно отказывалось охватить эту цифру.

— Итак, решено: вы покажетесь народу, — продолжал Острог. — Само собой разумеется, что вам придется что-нибудь им сказать. Не спич, конечно, как это называлось в ваше время, а, как говорят по-нашему, слово, то есть одну небольшую фразу из пяти-шести слов. Ну, например, в таком роде: «Я проснулся, и сердце мое с вами». Этого вполне достаточно.

— Как вы сказали? — переспросил Грехэм.

— «Я проснулся, и сердце мое с вами». При этом вы поклонитесь по-царски... Но прежде вас надо переодеть. Ваш цвет черный. Вы явитесь им в черном. Согласны?.. Ну а когда они вас увидят, они успокоятся и мирно разойдутся по домам.

Грехэм немного замялся.

— Ну что ж, делайте, что хотите; я ведь в вашей власти, — сказал он наконец.

Острог был, видимо, того же мнения. После минутного раздумья он подошел к портьеру и отдал несколько коротких приказаний кому-то невидимому. Через секунду явился слуга с черным плащом в руке. «Точь-в-точь такой, какой они накинули на меня в театре», — подумал Грехэм. Слуга набросил ему на плечи этот плащ, и в ту же минуту в соседней комнате зазвенел пронзительный звонок. Острог повернулся было к слуге с готовым вопросом, но вдруг передумал, раздвинул портьеру и скрылся.

С минуту Грехэм в недоумении смотрел на стоявшего перед ним навытяжку лакея, прислушиваясь к удалявшимся шагам Острога. Из-за двери доносился шум торопливых шагов, слышались возбужденные голоса, шел быстрый обмен вопросами и ответами. Но вот портьера снова раздвинулась, и снова показался Острог. Его крупное выразительное лицо горело от волнения. Большими быстрыми шагами он перешел комнату, одним поворотом руки погасил освещение, потом схватил Грехэма за руку, указывая ему на осветившийся экран.

— Смотрите: не успели мы отвернуться, как они... События не ждут.

Огромная черная тень его указательного пальца упиралась в здание ратуши, резко выступавшее на ярко освещенном экране. Грехэм ничего не понимал. Но, всмотревшись внимательнее, он заметил, что высокий шест на крыше ратуши, на котором раньше развевалось белое знамя, теперь опустел.

— Неужели?.. — начал было он.

— Совет сдался. Владычество его пало, пало навсегда... Взгляните.

По шесту теперь медленно поднималось свернутое черное знамя, развертываясь на ходу.

Картина вдруг побледнела: в комнату вошло новое лицо, впустив за собой в открытую дверь полосу света. Это был Линкольн с докладом.

— Они там беснуются, — сказал он.

Острог крепче сжал руку Грехэма.

— Мы подняли народ. Мы раздали ему оружие, и он отстоял наше дело. Так хоть сегодня мы — его слуги. Надо исполнить его желание. Сегодня для вас его воля — закон.

Линкольн молча откинул портьеру и посторонился, пропуская вперед Грехэма и Острога...

Из всего, что видел Грехэм по дороге к Рыночной площади, у него осталась в памяти только длинная узкая комната с выбеленными стенами и с правильными рядами коек по бокам. Оттуда еще издали доносились стоны и вопли. Люди в неизменных голубых холщовых балахонах беспрерывно выносили оттуда тяжелые носилки, покрытые белыми простынями, а вокруг коек суетились другие люди в красных хламидах (очевидно, форменный цвет медицинского персонала больниц). Грехэму смутно припоминалась потом пустая койка с окровавленным постельным бельем, бледные, измученные люди с перепачканными кровью повязками, лежавшие на других койках... Но все это он видел лишь мельком, с высоты тянувшихся под потолком этой комнаты висячих мостков, по которым они проходили, а потом массивная колонна скрыла от них тяжелую картину, и они продолжали путь.

Рев толпы, долетавший с Рыночной площади, все приближался. Еще один поворот, и звуки хлынули бурной волной, прокатились, как гром. Впереди, в глубине длинного перехода, Грехэм увидел развевающиеся черные знамена, волнующееся море голубых и коричневых одежд: перед ним открылось широкое пространство зала, того самого колоссального театра, куда он спустился по кабелю, где был свидетелем кровавой борьбы и откуда потом бежал, спасаясь от красной полиции. В этот раз он вошел сюда по верхней галерее, приходившейся значительно выше сцены. Театр был теперь ярко освещен. Грехэм машинально искал глазами тот проход между креслами амфитеатра, по которому он пробирался ползком, прячась от выстрелов, но не мог отличить его среди множества других таких же проходов. За густой толпой не видно было никаких следов недавней борьбы. Толпа заполняла весь партер, все ложи, все места, кроме сцены.

Как только Грехэм с Острогом показали на галерее, крики замолкли, пение прекратилось, и все лица обратились кверху. Все это разнокалиберное, беспорядочно оравшее скопище людей притихло, как один человек, сливаясь в одном всепоглощающем чувстве. И каждый с жадным любопытством, не отрываясь, смотрел на того, кто спал и проснулся, и теперь вступил в свои права.

Глава 13

КОНЕЦ СТАРОГО СТРОЯ

По соображениям Грехэма было около полудня, когда опустилось белое знамя Совета. Но нужно было еще несколько часов на выполнение всех формальностей сдачи, и потому, сказав свое «слово», он вернулся назад, в Управление ветряных двигателей, и удалился в отведенное ему там помещение. Он был так утомлен волнениями последнего дня, что даже любопытство его притупилось. Он долго сидел не шевелясь, глядя перед собой широко раскрытыми глазами и не думая ни о чем. Потом лег и заснул. Проснувшись, он увидел возле себя двух врачей, явившихся с каким-то подкрепляющим средством, которое должно было придать ему сил для участия в дальнейших церемониях этого дня. Он выпил лекарство, принял холодную ванну, и бодрость вернулась к нему. Охотно, с большим интересом отправился он после этого в сопровождении Острога на заключительную сцену сдачи Белого Совета.

Ему казалось, что они прошли несколько миль, спускаясь и поднимаясь на лифтах, кружа по извилистым переходам бесконечного лабиринта зданий. Наконец на повороте одного коридора перед ними открылся широкий вид на окруженное развалинами белое здание ратуши и на нависшие над ним облака, позолоченные отблеском заходящего солнца. Вместе с этим их обдало волной оглушительных звуков. В следующий момент они уже стояли на выступе крыши одного из полуразрушенных домов. Несмотря на

то что это место смерти было уже знакомо Грехэму по отражению на экране, оно поразило его своим зловеще-безотрадным видом. Оно представляло собой неправильный амфитеатр разрушенных зданий, тянувшихся почти на милью кругом. Развалины, сверкающие золотом заката с левой стороны, направо и вниз, казались мертвыми и холодными, исчезая в тени. Над мрачной крепостью Белого Совета, занимавшей центр, по-прежнему висело черное знамя победителей, ниспадая тяжелыми неправильными складками в безветренном воздухе. Развороченные взрывом огромные залы и коридоры зияли темными впадинами, как разверстые пасти чудовищ. Отовсюду свешивались, точно морская трава, оборванные сети металлических проводов и концы переплетающихся кабелей, а снизу из этого хаоса неслись звуки труб и неистовый рев бесчисленных голосов. Белая громада последнего оплота Совета стояла словно посреди кладбища: ее кольцом окружали почерневшие остовы каменных зданий, обломки балок, груды массивного камня от обвалившихся гигантских стен. Внизу, между развалинами, бежала, сверкая, вода, а вдали виднелся торчавший футов на двести кверху конец обломанной водопроводной трубы, из которого вода была широким фонтаном. Повсюду, куда ни взгляни, тысячные толпы народа.

Люди лепились на каждом выступе, на каждой площадке — везде, где только можно было стать ногой. На таком расстоянии они казались крошечными фигурками, отчетливо видными в каждом уголке, кроме тех мест, которые были залиты сплошным золотом прощальных солнечных лучей. Люди карабкались по полуразвалившимся стенам, взбирались целыми группами на высокие колонны, кишели, как муравьи, по всему амфитеатру развалин, проталкиваясь, продираясь к центру. Воздух звенел от их крика.

Верхние этажи ратуши казались совершенно пустыми: там не показывалось ни одной живой души. Только над крышей слабо шевелилось тяжелое черное знамя, выделяясь черным призраком против света. Мертвые лежали внутри здания, или их уже успели убрать, или, может быть, их

не было видно за толпой. Только пять-шесть забытых трупов валялись среди обломков в самом низу, где бежала вода.

— Благоволите показаться народу, государь, — сказал Острог Грехэму. — Все жаждут видеть вас.

После минутного колебания Грехэм шагнул вперед и остановился на краю выступа.

Довольно долго простоял он, никем не замечаемый снизу, резко выделяясь своей высокой черной фигурой на светлом фоне неба. Но наконец его заметили. Внизу произошло движение, пронесся рокот восторга. Все лица обратились кверху. Он видел, что его узнали. «Надо чем-нибудь выразить им мои чувства», — подумалось ему. Он молча указал на белую твердыню ратуши и выразительно махнул рукой в знак того, что владычество Совета пало. Крики внизу слились в единоподушный рев и понеслись к нему ликующей, бурной волной.

В это время вдаль показался небольшой отряд солдат в черных мундирах, медленно приближавшийся к ратуше, с трудом проталкиваясь сквозь толпу.

Полоса неба на западе из багровой превратилась в бледно-зеленую, и звезды заблестели на небесном своде, а церемония капитуляции все еще была впереди. Вверху шла своим чередом обычная неспешная смена бесстрастных светил: тихо подходила ночь, ясная и прекрасная. А внизу были суматоха, волнение... Выкрикивались противоречивые приказания, гул голосов то разрастался в рев, то падал, сменяясь тишиной. Видно было, как люди в черных мундирах, подгоняемые окриками своего начальства и криками толпы, вытаскивали из ратуши трупы ее защитников, погибших в рукопашных схватках среди лабиринта ее коридоров и залов.

Теперь уже недолго оставалось ждать. С минуты на минуту должны были показаться побежденные — члены Белого Совета. Черный отряд выстроился в две шеренги по всему пути, которым ему было назначено проходить. Толпа замерла в ожидании. Повсюду, куда мог проникнуть глаз сквозь голубую мглу надвигавшейся ночи, на всех карнизах отбитого у врагов белого здания, на каждом выступе бли-

жайших полуразрушенных домов стояли и сидели люди, и даже теперь, когда никто не кричал, человеческий говор шумел, поднимаясь и падая, как море, набегающее на прибрежные камни.

По приказанию Острога на одной высокой груде развалин построили на крепких металлических подпорках деревянный помост с возвышением посередине. Сюда-то и перешли теперь Грехэм, Острог и Линкольн со свитой подчиненных Острога. Весь помост вокруг возвышения заняли черные солдаты революционных войск со своими зелеными «ружьями», как называл это странное оружие Грехэм про себя. Стоявшие возле него заметили, как взгляд его беспрестанно переходил от копошившейся внизу толпы народа к хмурому зданию ратуши, откуда должны были появиться члены Совета, а потом поднимался к призрачным остовам окружающих зданий и снова опускался вниз.

Но вот раздался угрожающий рев. Вдали, в черной пасти наружных сводчатых ворот ратуши, показались члены Совета — маленькая, жалкая кучка белых фигур. Они приостановились в воротах, жмурясь от света: там, у себя, в своей крепости, они сидели впотьмах: Грехэм видел, как они медленно приближались, минуя одну за другой яркие звезды электрического света, зажженные по всему их пути. Грозный ропот народа преследовал их по пятам. По мере их приближения все яснее выступали их бледные, измученные, перепуганные лица. Поравнявшись с помостом, все они подняли головы и бросили тревожный взгляд на своих победителей. Грехэму припомнилось, как холодно-враждебно смотрели на него эти самые люди три дня тому назад, когда он стоял перед ними в зале Атласа... Он узнал в лицо некоторых из них — того, который гневно ударил рукой по столу в ответ на что-то, сказанное Говардом; узнал и другого — человека с грубым лицом и рыжей бородой, и еще одного — невысокого роста bruneta с вытянутым черепом и тонкими чертами лица. Он заметил, что двое из них все время шептались и все оглядывались на Острога. Последним шел высокий, черноволосый, очень краси-

вый человек. Он шел, потупившись, низко опустив голову. Только подходя к помосту, он вдруг поднял глаза, на минуту встретился взглядом с Грехэмом, потом взглянул на Острога и снова потупился. Дорога для шествия побежденных была проложена таким образом, что они должны были пройти мимо помоста победителей, потом повернуть и по дощатым мосткам подняться на эстраду, где должна была совершиться официальная церемония сдачи.

«Наш господин! Государь! Бог и государь! К черту Совет!» — кричал народ.

Грехэм окинул взглядом эти несчетные массы людей, заполнявшие все видимое пространство внизу и тонувшие во мгле дали, потом взглянул на Острога, стоявшего подле него с бледным застывшим лицом... на маленькую кучку белых фигурок, медленно двигавшихся по мосткам с поникшими головами... Все это было так чуждо, так непривычно! Он поднял голову, увидел над собой знакомые тихие звезды, и в душе его с особенной силой заговорило сознание того чудесного, необычайного, что он пережил за последние дни. Неужели та скромная жизнь, что так странно оборвалась два века тому назад и так живо сохранилась в его памяти, была его жизнь? И неужели это он же, тот самый человек, живет теперь?

Глава 14

«ВОРОНЬЕ ГНЕЗДО»

Итак, после жестокой борьбы, сломившей все преграды к его воцарению, человек девятнадцатого столетия прочно занял свое положение главы нового сложного мира.

Когда после своего освобождения и после сдачи Совета он очнулся от долгого глубокого сна, он в первый момент не мог отдать себе отчета, где он и что с ним было. Усилием воли Грехэм, однако, поймал оборвавшуюся нить воспоминаний, и все случившееся за последние дни мало-помалу воскресло перед ним: сначала как что-то далекое, чужое,

как сказка, которую он слышал или читал. Но даже прежде чем память его окончательно прояснилась, в душе его проснулись радость возвращения к жизни, сознание своего нового положения и изумление перед необычайностью судьбы, вознесшей его на такую высоту. Он — собственник половины земного шара, властелин Земли! Новый мир нового века принадлежит ему в полном значении этого слова. Теперь ему уже не хотелось проснуться и убедиться, что все им пережитое было лишь сном; теперь он страстно желал, чтобы этот сон оказался действительностью.

При утреннем его туалете присутствовал величавый гофмейстер — маленький человечек, несомненно японского типа, хотя по-английски он говорил, как англичанин, — отдававший краткие приказания услужливому до раболепства камердинеру, который помогал ему одеваться. От этого человека он узнал кое-что новое о положении дел в стране. Государственный переворот был теперь общепризнанным фактом. В городе уже возобновилась правильная повседневная жизнь. За границей почти повсеместно падение Белого Совета было принято с восторгом. Совет никогда и нигде не пользовался большой популярностью, и сотни городов Западной Америки, которые и теперь, как двести лет тому назад, старались ни в чем не отставать от Лондона, Нью-Йорка и вообще Востока, единодушно восстали при первом же известии о заточении Спящего. В Париже шла междоусобная война. Все остальные города земного шара придерживались выжидательной политики, и ни один не перешел на сторону Совета.

Когда Грехэм сидел за завтраком, в углу вдруг зазвонил телефон, и гофмейстер доложил ему, что это Острог спрашивается, хорошо ли он провел ночь. Грехэм встал из-за стола и ответил. Вскоре после этого явился Линкольн. Грехэм поспешил заявить о своем непреклонном желании видеть людей и как можно скорее ознакомиться с новой жизнью, куда его бросила судьба. Линкольн сказал ему на это, что через три часа назначено собрание главных сановников города, на которое приглашены и их жены. Собрание это состоит-

ся в парадных апартаментах директора Управления. Что же касается желания Грехэма осмотреть город, то с этим придется обождать, так как народ еще слишком возбужден. Но если он хочет, то может хоть сейчас увидеть город с высоты птичьего полета, со сторожевого поста надзирателя ветряных двигателей, — с так называемого «вороньего гнезда».

Грехэм охотно согласился. Тогда Линкольн, сославшись на неотложные дела, извинился, что не может иметь удовольствия сопутствовать ему, и сдал его на попечение гофмейстера, с которым Грехэм и отправился к «вороньему гнезду».

Высоко, над самыми высокими ветряными двигателями, на добрых тысячу футов выше крыш, висело это «воронье гнездо», казавшееся снизу крошечным кружочком, насаженным на тонкий металлический шпиль. Грехэма подняли туда по проволочному кабелю в корзинке. На половине высоты шпиля была прикреплена легкая, как кружево, круглая галерея, вокруг которой спускался ряд каких-то труб, вращавшихся на общем кольце. Все эти трубы были соединены с зеркалами, помещенными в «вороньем гнезде», и составляли новейшее оптическое приспособление, при помощи которого из Управления ветряных двигателей можно было в каждый данный момент увидеть, что происходит в любой части города. Этим-то приспособлением и воспользовался Острог, чтобы показать Грехэму на экране ход междоусобной борьбы, закончившейся восстановлением прав народа и Спящего.

Японец-гофмейстер, по фамилии Асано, первым поднялся на верхушку. Они пробыли там целый час. Грехэм расспрашивал, а спутник его добросовестно отвечал.

День выдался чудный — ясный, совершенно весенний. Дыхание легкого ветерка обдавало теплом. На ярко-голубом небе ни облачка. Вся необъятная ширь раскинувшегося во все стороны города сверкала серебром в лучах восходящего солнца. Прозрачный воздух, не застилаемый ни дымом, ни туманом, был чист, как воздух горных вершин.

Если бы не развалины, тянувшиеся вокруг ратуши неправильным кругом, да не черное знамя над ее крышей, на-

поминавшее о недавней борьбе, на всем протяжении огромного города нельзя было с этой высоты подметить никаких признаков внезапного переворота, в какие-нибудь сутки изменившего судьбы всего мира. В развалинах все еще копошились люди-муравьи, и видневшиеся вдали гигантские открытые станции воздухоплавательных аппаратов, с которых в мирное время отбывали аэропланы во все большие города Европы и Америки, сплошь чернели черными плащами революционеров. На узких временных мостках, перекинутых через площадь развалин, сустились рабочие над починкой оборванных кабелей и проводов: надо было восстановить сообщение между городом и ратушей, куда Острог был намерен перенести свою главную квартиру. Остальная панорама дышала такой невозмутимой тишиной, что, когда взгляд Грехэма, оторвавшись от беспокойного муравейника, наполнявшего развалины, останавливался на этой залитой солнцем картине жизни мирного города, он почти забывал о тех тысячах людей, что лежали скрытые от посторонних глаз где-то там, в закоулках этого полуподземного лабиринта, уже умершие или умирающие от ран, забывал о десятках сиделок и хирургов, хлопотавших вокруг них, и о сотнях носильщиков, не успевавших вытаскивать мертвецов, — забывал, одним словом, обо всех ужасах и обо всех чудесах этого нового мира с его неугасимым электрическим светом. Там, внизу, в крытых галереях человеческого муравейника, торжествовала революция — он хорошо это знал. На улицах там царил революционный черный цвет: черные значки, черные знамена, черная драпировка на домах. А здесь, вверху, под ярким утренним солнцем, вне кратера недавно кипевшей борьбы, тянулся выросший за полтора столетия лес ветряных двигателей, мирно гудевших за своей неустанной работой, как будто никакого переворота не совершилось на земле.

Вдали, тоже усеянные ветряными двигателями, туманной голубовато-сизой линией вставали гребни Серрейских холмов. Поближе, с северной стороны, выступили резкими очертаниями холмы Хайгетский и Масвеллский с таким

же лесом торчащих на них колес и лопастей. И так везде, везде — он это знал. На каждой вершине каждого холмика, где некогда переплетались живые цветущие изгороди, где под тенистыми деревьями ютились коттеджи, фермы, церкви, деревенские гостиницы, теперь отбрасывали свои колеблющиеся тени вертящиеся колеса таких же бездушных гигантов, каких он видел кругом, — все тех же неумолимых порождений нового века, безустанно накапливавших электрическую энергию и рассылавших ее по жизненным артериям городов. А у подножия холмов паслись неисчислимые стада Британского пищевого треста, его собственности, охраняемые одинокими пастухами.

Это полчище зловещих призраков-машин, с их машущими крыльями-лопастями, совершенно изменило общий вид местности. Нигде ни одного знакомого очертания. Собор Святого Павла и некоторые из старинных зданий Вестминстера, как он слышал, уцелели, но они были скрыты от глаз, погребены под сводами гигантских надстроек нового великого века. Ни одна струйка бегущей воды не оживляла этой каменной громады. Не серебрилась больше на солнце веселая Темза: жадные трубы водопроводов еще далеко от города выпивали каждую каплю ее воды. Ее прежнее русло, углубленное и расширенное, наполнилось морской водой, и по этому каналу тащились теперь целые караваны грязных барж и барок, подвозя, так сказать, прямо к ногам рабочего весь нужный строительный материал. Вдали, на востоке, над линией горизонта, тянулся, словно повисший в воздухе, частый лес высоких мачт парусного океанского флота, ибо весь тяжелый груз доставлялся с разных концов света на больших парусных судах и только такие товары, в которых была неотложная надобность, подвозились на быстроходных пароходах.

К югу по гребню холмов тянулись колоссальные ходы водопроводов, доставлявших морскую воду на фабрики, и, расходясь радиусами по трем направлениям, белели ленты идамитных дорог, усеянных какими-то движущимися серыми крапинками. Грехэм решил при первой же возможно-

сти осмотреть эти дороги. Насколько можно было понять из описания гофмейстера, каждая такая дорога состояла из двух отдельных полос, слегка покатых к бокам. По каждой полосе можно было ездить только в одну сторону. Идамит был искусственный состав, напоминающий стекло. По идамитным дорогам ездили в особых, очень узких одноколесных, двух- и четырехколесных повозках на резиновых шинах. Эти повозки неслись со скоростью от одной до шести миль в минуту. Железные дороги канули в вечность; лишь кое-где уцелели железнодорожные насыпи: остатки седой старины. Некоторые из них послужили фундаментом для идамитных дорог.

В числе других диковинок нового века бросался в глаза огромный флот воздушных шаров, развозивших рекламы. Непрерывными вереницами летели они к северу и к югу по линиям пути аэропланов. Но аэропланы не показывались: их рейсы пока прекратились, и только где-то высоко-высоко над Серрейскими холмами, в голубой дали неба, чуть виднелось крошечное пятнышко — парящий небольшой моноплан.

Грехэм уже знал, хотя никак не мог себе этого представить, что в Англии исчезли почти все провинциальные города и все деревни. Только местами, в поле у дороги, на больших расстояниях одно от другого, стояли колоссальные здания гостиниц, сохранявших названия трех городков, которые они собой заменили. Так, например, были гостиницы Борнемаут, Уэрхем, Свэнедж. Такое исчезновение маленьких городков было неизбежным следствием роста культуры, как объяснил Грехэму его спутник. При старом строе по всей стране были рассыпаны фермы; через каждые две-три мили попадались помещичий дом или деревенька с ее неизменными атрибутами: церковью, мелочной лавочкой и сапожной мастерской. На каждые восемьдесят миль приходился рыночный городок, где имели свою постоянную резиденцию местный адвокат, местный лабазник, шорник, торговец шерстью, врач, ветеринар, портной и так далее. Окрестным фермерам надо было ездить на ры-

нок, и десять миль в два конца было как раз такое расстояние; какое они могли проехать, не слишком утруждая лошадь и себя. Но с постепенным введением более быстрых способов сообщения — сначала железных дорог, потом автомобилей и, наконец, идамитных дорог, вытеснивших все остальные, — исчезла надобность в маленьких рыночных городках. Все они умерли своей смертью, но зато большие города разрослись. Приманкой неисчерпаемых (или казавшихся неисчерпаемыми) источников заработка они стянули к себе всю рабочую силу, а нанимателей привлекли приманкой неистощимого запаса рабочих рук.

По мере того как возрастали требования комфорта и усложнялась жизнь, бедным людям становилось почти невозможно жить не в городе или приходилось отказаться от всяких удобств. С упразднением сельских церквей и мелких поместий, с перекочевкой ремесленников в города деревня утратила последние следы культуры. А когда телефон, кинематограф и фонограф окончательно вытеснили газету, книгу и школьного учителя, то жить вне поля действия электрических проводов было бы все равно что жить дикарем, отрезанным от цивилизованного мира. В деревне нельзя было ни одеваться, ни питаться так, как того требовал изощрившийся вкус нового века. В деревне не было ни порядочных врачей, ни общества, ни поприща для деятельности.

Постоянное усовершенствование земледельческих машин все более и более сокращало надобность в рабочих руках: один инженер мог заменить тридцать рабочих. Таким образом, для сельскохозяйственных рабочих создалось положение, обратное положению лондонских писцов и конторщиков в старые времена: теперь рабочие с раннего утра покидали город, неслись на автомобилях и летели по воздуху к месту своей работы, а к вечеру тем же путем мчались обратно в город отдыхать и наслаждаться благами культуры. Город поглотил человечество.

Человек вступил в новую стадию своего развития. Он был кочевником, охотником, потом земледельцем в стране, где города и торговые гавани служили лишь рынками,

передаточными пунктами для деревни. Наконец он перекочевал в города. И это скопление людей в городах было лишь логическим завершением эпохи изобретений.

Это положительно не укладывалось в голове Грехэма, как ни просто должно оно было казаться людям двадцать второго столетия. А когда он попробовал представить себе континент в виде огромного пустыря с десятком разбросанных по нему городов, фантазия окончательно изменила ему... Ничего, кроме городов! Один огромный город на сотни миль равнины... Города у больших рек, города вдоль морских берегов, города среди снежных вершин... На Земле почти повсеместно господствует английский язык. Со своими разветвлениями — наречиями испано-американским, англо-индийским, англо-негритянским и англо-китайским — он стал родным языком двух третей населения земного шара. На континенте, как любопытные пережитки далекой старины, удержались еще только три языка: немецкий, господствующий к востоку до Антиохии и к западу до Генуи и сталкивающийся в Кадиксе с испано-американским; галлицизированный русский, сталкивающийся с англо-индийским в Персии и в Курдистане и с англо-китайским в Пекине, и французский, сохранившийся во всей своей чистоте и блеске, поделивший Средиземное море с немецким и англо-индусским и достигающий пределов Конго в виде франко-негритянского наречия.

На протяжении всего земного шара, кроме «черного пояса» тропиков, находящегося под протекторатом цивилизованных городов, утвердился единый общественный строй. Весь мир цивилизован; весь мир состоит из городов, и весь или почти весь этот мир от полюсов до экватора — его, Спящего, собственность!..

На юго-западе в туманной дали поднимались роскошные «Веселые Города» — страшные города, о которых говорил кинофонограф и о которых он слышал на улице от болтливого старика. Какое странное явление эти «Веселые Города»! При взгляде на них невольно вспоминался легендарный Сибарис. Там жили красота и искусство — продаж-

ное искусство и продажная красота. Печальное, безотрад-ное место, где вечно веселились, где не умолкала музыка, куда прибегали за отдыхом и развлечением все те, кто выходил победителем в жестокой, бесславной экономической борьбе, которая никогда не затихала в сверкающем лабиринте огромного города, раскинувшегося вниз...

Борьба была, несомненно, жестокая. Об этом можно было судить уже по тому, что об экономических взаимоотношениях труда и капитала в Англии девятнадцатого века теперешние люди говорили как о какой-то идиллии. Взгляд Грехэма блуждал по необъятному пространству современного Лондона, отыскивая трубы фабрик и заводов в этой громаде зданий!

Глава 15

ЗНАЧИТЕЛЬНЫЕ ЛЮДИ

Если б Грехэм из той привычной обстановки, которая окружала его в девятнадцатом столетии, попал прямо в парадные приемные Управления ветряных двигателей, они поразили бы его грандиозностью и вычурностью своих орнаментов. Но он уже начинал привыкать к широким замашкам нового века, и никакая роскошь, никакие размеры не могли его удивить. Эти чертоги нельзя было даже назвать комнатами или залами. Это была какая-то путаница арок, мостов, коридоров и галерей, соединявших собой все части одного колоссального зала. Бродя по этим переходам, он вышел наконец к отлогому гладкому спуску, какие ему уже не раз случалось видеть в последние дни, и спустился на открытую площадку, от которой шли вниз широкие, очень отлогие ступени роскошной мраморной лестницы. Мужчины и женщины в блестящих нарядах спускались и поднимались по ней непрерывной пестрой толпой. Грехэму с его места была видна начинавшаяся у подножия лестницы длинная перспектива необыкновенно сложных архитектурных украшений, в которых преобладали белый, матово-желтый

и пурпурный цвета и бесконечная сеть легких мостиков филигранной работы и галереек, точно сделанных из фарфора. Все это заканчивалось таинственной дымкой каких-то полупрозрачных ширм или портьер.

Взглянув вверх, он увидел над собой такую же паутину легких галерей, наполненных такой же нарядной толпой. И все эти люди глядели вниз, на него: все лица были обращены в его сторону. В воздухе стоял сдержанный говор бесчисленных голосов, а откуда-то сверху (откуда именно, он не мог разобрать) неслись веселые, бравурные звуки музыки.

Центральная часть громадного помещения была полна народу: там собралось по меньшей мере пять тысяч человек. И, несмотря на это, не чувствовалось тесноты. Костюмы поражали великолепием. Попадалось много фантастических костюмов, не только женских, но и мужских: влияние пуританских понятий на цвет и покрой мужского платья давно уже отошло в вечность. Некоторые из мужчин, правда немногие, щеголяли в женских прическах. У одного, которого Линкольн назвал Грехэму таинственным наименованием «амориста», ровно ничего ему не объяснившим, волосы были заплетены в две косы, как у гетевской Маргариты. Длинные волосы у мужчин встречались, впрочем, редко. Но у всех они были завиты щипцами на самый разнообразный манер. Плешивых совсем не было видно: этот порок, очевидно, исчез с лица земли. Много было китайских косичек. Вообще не было заметно какой-нибудь преобладающей моды. Статные, стройные люди, по-видимому, предпочитали платье в обтяжку, тогда как изыяны фигуры у других прикрывались большей частью буффами и широкими складками. Там и сям мелькали тоги и хитоны. Сильно сказывалось также влияние эстетических понятий Востока. Толстяки, которые во времена Виктории сочли бы верхом неприличия не затянуться в наглухо застегнутый сюртук, теперь преспокойно распускали свое брюшко под длинными ниспадающими складками какой-нибудь хламиды. Грехэму, представителю строгой эпохи, совсем не нравились все эти

люди: и внешность их, костюмы и манеры были чересчур изысканны, на его взгляд, и слишком уж экспансивно делились они своими впечатлениями. Желая показать свое удивление или восторг, они не в меру жестикулировали, кричали, хохотали, а главное, с изумительной откровенностью выражали те чувства, которые возбуждали в них присутствующие дамы. Дамы здесь, к слову сказать, были в значительном большинстве: это сразу бросалось в глаза.

Костюмы дам были не менее изящны и отличались еще большей вычурностью, чем у мужчин. Одни щеголяли классической простотой или почти полным отсутствием складок и прямыми линиями мод первой французской империи. На других были платья в обтяжку, перехваченные поясом у талии. У многих были мантии на плечах. Но все они одинаково сверкали белизною обнаженных рук и плеч; очевидно, промежуток двух столетий ничуть не ослабил милой откровенности вечерних туалетов дам.

Грехэм заметил еще, что все эти люди отличались необыкновенной грацией движений. Когда он сказал об этом Линкольну, тот объяснил ему, что пластика движений составляет у них существенную часть воспитания каждого богатого человека.

Появление владыки было встречено сдержанным гулом приветствий, но это общество было слишком хорошо воспитано, чтобы надоедать человеку своим любопытством. Грехэма здесь не обступали толпой, не провожали назойливыми взглядами, когда он спускался с лестницы в центральный зал.

Он узнал от Линкольна, что здесь собрались все крупные представители современного лондонского общества: чуть ли не каждый из присутствующих или занимал какую-нибудь важную государственную должность, или приходился сродни кому-нибудь из власть имущих. Многие явились с континента, из тамошних «Веселых Городов», где они развлекались; они нарочно приехали, чтобы присутствовать на чествовании властелина земли. Ведомство воздухоплавания в лице начальников своих отделений, сыгравшее

некоторую, довольно, впрочем, пассивную роль в падении Совета, положительно чувствовало себя именинником и как-то особенно лезло всем в глаза. Не отставало от него и Управление ветряных двигателей. В числе других гостей были и уполномоченные от крупных торговых фирм. Между ними особенно выдавался своей меланхолически интересной наружностью и цинически-наглым обращением главный директор Правления общеевропейских свиных заводов. Мимо Грехэма, чуть не задев его плечом, прошел епископ в полном облачении, поглощенный беседой с господином в тоге и в лавровом венке.

— Кто это? — вырвалось у Грехэма.

— Лондонский епископ, — ответил Линкольн.

— Нет, другой... с которым он говорит.

— Поэт-лауреат.

— Как? Вы до сих пор еще...

— О нет, само собою разумеется, что он не пишет стихов. Но он приходится двоюродным братом Уотсону, одному из членов Совета, и состоит, кроме того, членом клуба роялистов Алой Розы, а они там свято чтут традиции.

— Асано мне говорил, что у вас есть король.

— Да. Но он не принадлежит к этому клубу. Его пришлось исключить. Он ведь Стюарт по крови.

Все это было не совсем вразумительно, но Грехэм не успел попросить объяснения, так как в эту минуту началась церемония представления гостей. Грехэму скоро стало ясно, что и теперь, в двадцать втором столетии, продолжало процветать различие общественных положений, ибо Линкольн счел возможным представить ему только самых высокопоставленных лиц — немногих избранных. В первую очередь попал директор Общества аэронавтов, оказавшийся важной персоной благодаря своей своевременной измене Совету. Мужественное загорелое лицо этого господина резко выделялось среди других изнеженных лиц. Приятно поразили Грехэма и манеры его своей простотой. В его говоре не слышалось того непривычного для Грехэма акцента новых англичан, который так резал ему ухо. После нескольких банальных, ничего не

значащих фраз он осведомился о здоровье владыки и выразил ему, в довольно грубой форме, свою неизменную преданность. Затем, без всякого перехода, отрекомендовал себя «воздушным волком» старого закала, без всяких претензий, человеком, который ничего не боится, ученостью похвастать не может, но знает, что знает, а чего не знает, того не стоит и знать. Выложив все это одним духом, он так же круто оборвал речь, поклонился, весьма независимо и отошел.

— Я рад, что этот тип еще сохранился, — сказал Грехэм Линкольну.

— Самодовольный дурак, — заметил тот презрительно. — Но это он правду сказал: он знает то, что знает.

Грехэм еще раз взглянул вслед удалявшейся неуклюжей фигуре. В ней было для него что-то знакомое, напоминавшее ему его прежнюю жизнь.

— Уж если говорить всю правду, так мы его купили, — продолжал Линкольн. — Частью купили, а частью он перешел на нашу сторону потому, что боялся Острога. А нам было очень важно его заполучить: весь успех нашего дела зависел от него.

С этими словами он повернулся в сторону нового подходящего гостя и представил Грехэму генерального инспектора Общественных школ. Это была довольно деревянная фигура в форменном серо-зеленом мундире. Беседуя с Грехэмом, он озарял его благосклонными взглядами сквозь золотое пенсне и подкреплял свои слова красивыми жестами выхолощенных рук.

Грехэму было интересно знать, как поставлено школьное дело в современном мире, и он задал деревянному господину несколько прямых вопросов в этом смысле. Тот был, видимо, удивлен таким горячим проявлением интереса к столь сухому предмету. Он что-то такое промямлил насчет монополии народного образования, принадлежащей их компании, о контрактах между Синдикатом и лондонскими муниципалитетами и с большим увлечением распространился об успехах воспитания, достигнутых со времен королевы Виктории.

— В наших школах совершенно отсутствует зубрежка: экзаменов у нас не бывает, — сказал он. — Разве это не прогресс?

— Как же вы добиваетесь от детей, чтоб они учились? — спросил Грехэм.

— Мы стараемся сделать ученье привлекательным. А когда это не удастся, предоставляем детей самим себе. — И он перешел к подробностям, к отдельным примерам.

Разговор затянулся. Грехэм узнал, что народные университеты еще существуют, но в измененном виде. По поводу женского образования инспектор снисходительно заметил:

— Да, между молодыми девушками, несомненно, встречается тип с серьезным складом ума, с горячим стремлением к знанию... если оно не слишком трудно дается. Таких девушек немало: мы их насчитываем тысячами. В настоящий момент у нас около пятисот фонографов в разных частях Лондона читают для женщин лекции о влиянии Платона и Свифта на любовные дела Шелли, Газлита и Бернса. По окончании лекции каждая слушательница напишет реферат на эту тему, и фамилии тех из них, чьи рефераты будут признаны лучшими, будут занесены на золотую доску... Вы видите теперь, что семена, посеянные в ваше время, не заглохли... У нас...

— Простите, я хотел еще спросить вас о начальных школах, — перебил Грехэм. — Существует у вас какой-нибудь контроль над ними?

— О да, очень строгий контроль, — был ответ.

Грехэм, очень интересовавшийся начальным образованием в последние годы своей прежней жизни, уцепился за эти слова и приступил к своему собеседнику с новыми вопросами. Но он не услышал ничего нового.

— Зубрежки мы не признаем, — повторил деревянный инспектор, становясь почти сентиментальным.

— Вы, по-видимому, учите очень немногому.

— Школа для ребенка, — продолжал инспектор, — должна быть таким местом, где ему весело и легко. Об этом мы и хлопочем. Главные правила поведения — послуша-

ние, правдивость, и довольно с него. Успеет еще поработать. Ведь этим бедным детям предстоит жизнь тяжелого труда. Наука приводит народ только к недовольству и смутам. Мы в наших школах забавляем детей. Но даже теперь, при всей нашей предусмотрительности, среди рабочих бывают беспорядки. И откуда только они набираются социалистических идей, не понимаю! Друг от друга, должно быть. Это все еще бродит старая закваска — социалистические бредни. Туда же — социализм, анархизм!.. Ну и агитаторы, конечно, не зевают: от них не уберешься. Мы же, я лично, по крайней мере, всегда считали и считаем моей первейшей обязанностью бороться с народным недовольством. Зачем делать людей несчастными?

— Ну, это как смотреть... — пробормотал Грехэм нерешительно и, помолчав, добавил: — Я, собственно, желал бы знать...

Но тут Линкольн, все время зорко следивший за выражением его лица, прервал их беседу.

— Простите, государь: другие ждут, — сказал он вполголоса.

Инспектор школ почтительно откланялся и отошел.

— Вы, может быть, желали бы познакомиться с кем-нибудь из дам? — сказал Линкольн Грехэму, перехватив случайно брошенный им взгляд, и через минуту представил ему дочь главного директора Правления общеевропейских свинных заводов. Это была молодая особа с ярко-рыжими волосами и живыми голубыми глазами. Грехэм не мог не признать, что она очень хороша собой. Линкольн скромно удалился, чтобы не мешать их беседе, и молодая девица сейчас же пустилась болтать о «добром старом времени», которое должен был так хорошо знать ее собеседник. Болтая, она улыбалась, а глазки ее смеялись так задорно, что нельзя было не улыбаться в ответ.

— Сколько раз я старалась вообразить это милое романтическое время, — говорила она. — Какой вы счастливец! Вы жили в те годы, вы их помните. Каким странным, должно быть, вам кажется теперешний мир! Я видела фотогра-

фии из вашей эпохи. Так смешно: маленькие отдельные домики, закопченные дымом из труб... кирпичные домики... Ведь кирпичи, кажется, делались из обожженной глины? Потом эти мосты над головой с мчащимися по ним поездами. А эта простота реклам! Рекламы в виде надписей — так дико! А эти смешные, торжественные фигуры в черных пуританских костюмах! Черные сюртуки... высокие шляпы, фи! На улицах лошади, чуть ли не коровы. Даже собаки бегают на свободе... Да, странная жизнь. И после всего этого вдруг проснуться в наш век оторванным от прошлого, от всего, что было так близко и дорого. Ужасно!..

— В моей прежней жизни не много было счастья. Я не жалею о ней, — сказал Грехэм.

Она бросила на него быстрый взгляд, потом сочувственно вздохнула.

— Не жалеете?

— Нет. Ненужная жизнь ненужного человека — о чем тут жалеть? Но теперь... Мы в наше время считали мир в достаточной мере цивилизованным, и жизнь казалась нам слишком сложной. А теперь, — хоть не прошло еще и четырех суток, как я вновь родился на свет, — теперь, оглядываясь на свое прошлое, я вижу, какие это были варварские, дикие времена. Это была только заря цивилизации. Да, ранняя заря. Вы и представить не можете, каким я себя чувствую дикарем, как мало я знаю.

— Спрашивайте, если хотите: я буду отвечать, — проговорила она улыбаясь.

— Хорошо. Прежде всего скажите, что это за общество здесь собралось? Я никого не знаю. Мне говорили, что здесь будут все важные особы, генералы.

— Военные? Таких у нас нет.

— Нет, не военные. Я разумел — начальники управлений, государственные деятели, вообще люди с положением. Вон тот, например, седой человек с такой внушительной наружностью... Кто он такой?

— Ах, этот... Он действительно важная особа — главный директор Компании производства противожелчных пи-

люль. Фамилия его Морден. Рабочими этой компании, говорят, изготавливается до мириады мириад пилюль в двадцать четыре часа. Вы только представьте себе: мириада мириад!..

— Да-а. Неудивительно после этого, что у него такой высокомерный вид, — сказал Грехэм. — Фабрикант пилюль! Особа!.. Да, странные времена!.. Ну а этот в красном?

— Этот, строго говоря, не принадлежит к «сливкам» общества, но мы любим его. Он очень умен, с ним интересно, знаете. Это один из главных пайщиков компании медицинского факультета при Лондонском университете. Теперь ведь все факультеты принадлежат компаниям на паях, и все наши врачи — пайщики этих компаний. Красный цвет — их форменный цвет. У нас, конечно, уважают медицину, но люди, которым платят за труд, это все-таки, понимаете...

Она презрительно улыбнулась, как будто говоря: «На какое же положение в обществе могут они претендовать?»

— А нет ли здесь кого-нибудь из великих художников или писателей? — спросил Грехэм.

— Писателей? О нет! Это такой невозможный народ... так много о себе воображают. Они вечно друг с другом ссорятся. Есть даже такие, что готовы подраться из-за того, кому первому войти в дверь. Ужасные люди!.. А из художников здесь, кажется, только Рэйсбери, модный капиллотомист из Капри.

— Капиллотомист? Ах, припоминаю. Художник! Почему нет?

— Нам, видите ли, приходится его ублажать, — сказала молодая девица, как будто оправдываясь. — Ведь наши головы в его руках. — И она кокетливо улыбнулась.

Но Грехэм ответил на ее вызов только новым вопросом:

— Ну а искусства у вас процветают? Я думаю, живопись сделала большие успехи за эти двести лет?

Она взглянула на него с недоумением и вдруг засмеялась.

— Я в первую минуту было подумала, что вы говорите... — Она опять засмеялась. — Теперь понимаю. Вы спрашиваете о тех чудачках, которых так ценили в ваше время за то, что они расписывали масляными красками огромные

четыреугольные куски холста. Их вставляли потом в золоченые рамы и развешивали по вашим четырехугольным стенам... Нет, у нас это давно вывелось. Людям надоела эта мазня.

— А что же вы подумали в первую минуту, когда я спросил?

Она многозначительно указала пальчиком на свою щеку, горевшую, несомненно, неподдельным румянцем, потом провела по своим ресницам и бровям.

— Я думала, вы вот про что, — сказала она и улыбнулась вызывающе-лукавой улыбкой, отчего сделалась обворожительно мила.

Грехэму стало неприятно. Он вспомнил дам, своих современниц, так часто прибегавших к «живописи», на которую намекала эта рыжеволосая девица, и устыдился нравов своего века. Он как-то разом осознал, что на него обращены тысячи глаз, и почувствовал, что краснеет.

— О да, понимаю, — смущенно пробормотал он в ответ на объяснение своей дамы и неловко отвернулся, чтобы не видеть игривого выражения ее лица. Он оглянулся кругом и встретил целый ряд любопытных глаз, в упор смотревших на него. Но это продолжалось лишь миг: все поспешили скромно потупиться и сделать вид, что они заняты разговором со своими соседями.

— Кто этот мужчина, что разговаривает с дамой в желтом? — спросил он свою собеседницу, избегая смотреть на нее.

Человек этот оказался одним из самых крупных антрепренеров американских театров, только что поставивший в Мексике грандиозную драму, прогремевшую на весь свет. Его лицо напоминало Грехэму Калигулу. Следующая знаменитость оказалась главным организатором «Черного труда». В ту минуту Грехэм как-то пропустил мимо ушей это определение, но впоследствии ему пришлось вспомнить о нем. Между тем рыжеволосая девица продолжала с прежней развязностью давать ему характеристики разных лиц. В числе других она указала ему на прехорошенькую дамочку, отре-

комендовав ее одной из «субсидиарных» жен лондонского епископа англиканской церкви. Она при этом рассыпалась в похвалах гражданскому мужеству его преосвященства, решившегося пойти против допотопного закона, по которому для духовенства была обязательна моногамия и который создавал «в высшей степени противоестественное и неудобное положение вещей».

— С какой стати человек должен подавлять свои естественные влечения и калечить себя только потому, что он духовное лицо? — прибавила просвещенная барышня.

Грехэм собрался пуститься в расспросы по поводу «субсидиарных жен», но появление Линкольна прервало на самом интересном месте этот интересный разговор. Линкольн повел его в другой конец зала, где почтительно ожидали своей очереди представиться государю какой-то высокий человек, весь в пунцовом, и две очаровательные дамочки в бухарских халатах — так, по крайней мере, показалось Грехэму. Обменявшись со всеми троими несколькими банальными любезностями, он, по указанию Линкольна, направился к другой группе.

Мало-помалу новые пестрые впечатления начали укладываться в его голове в нечто цельное, принимать определенный характер. Сначала эта блестящая толпа пробудила в нем враждебные чувства, насмешливый протест демократа. Но трудно устоять против всеобщего поклонения, против лести: это не в человеческой натуре. Вскоре эта мелодичная музыка, яркий свет, игра живых красок, ослепительная белизна оголенных женских плеч, мягкие пожатия рук, мелькающие мимо оживленные лица, журчащий ропот сдержанных голосов, сознание интереса и благоговения, которое он возбуждал в этой толпе, — все это соткало вокруг него нежную, ласкающую атмосферу, в которой он чувствовал себя как рыба в воде. Он забыл свои широкие замыслы, свои великодушные решения. Невольно, незаметно поддался он опьянению власти. Поступь его стала увереннее, обращение свободнее, голос окреп. Черный плащ ниспадал с его плеч смелыми, гордыми складками. Во всей его фигуре было те-

перь что-то царственное. Да, что ни говори, а этот новый мир был интересный, блестящий, заманчивый!..

Случайно подняв голову, он увидел видение. Наверху по перекинутому через зал воздушному мостику проходила молодая девушка, которую он встретил в ложе театра в день своего бегства из ратуши. Она смотрела вниз, на него. Ее лицо только промелькнуло перед ним и сейчас же скрылось, но он успел уловить на этом лице выражение жадного и нетерпеливого ожидания, относившееся к нему.

Сначала он не мог даже припомнить, где он видел ее, но вместе с воскресшим воспоминанием об их первой встрече в душе его пробудились и те волнующие чувства, которые она вызывала в нем. Он вдруг почувствовал, что его раздражает назойливо-веселая музыка, мешающая ему припомнить торжественный напев революционной песни, под которую маршировала толпа.

Новая его собеседница, которую ему только что представил Линкольн, принуждена была повторить свое замечание, не получая ответа. Грехэм очнулся и, сделав над собой усилие, вернулся к действительности.

Но с этой минуты он не мог отделаться от смутного беспокойства. Он был недоволен собой: он забыл свои обязанности, не исполнял своего долга. Ослепленный роскошью и блеском, он упустил из виду самое важное, и это мучило его. Чары окружавших его блестящих красавиц, околдовавшие его, начинали терять свою силу. Их кокетливые заигрывания, в истинном смысле которых он больше не мог сомневаться, не вызывали теперь с его стороны тех уклончивых, смущенных ответов, под которыми таилось удовлетворенное самолюбие. Глаза его невольно искали в толпе эту девушку, олицетворяющую восстание.

«Где же он ее видел?»

Уже в самом конце раута он стоял на одной из верхних галерей, поджидая Линкольна, который обещал устроить ему в этот день полет, если позволит погода, и теперь пошел отдать необходимые распоряжения, оставив его в обществе новой элегантной дамочки с веселыми глазами

и сказав, что он скоро вернется. Грехэм и его собеседница говорили об идамите (тема, надо сказать, была выбрана им, а не ею).

И вдруг, прорываясь сквозь журчащие переливы легкой музыки, все приближаясь и разрастаясь, грубо и властно зазвучала Песня Восстания — могучая песня, которую он слышал в театре. А! Теперь он вспомнил! Он поднял голову, пораженный. Над ним в стене было круглое окно, открытое настежь; через него-то и врывались эти звуки. За окном, на фоне голубоватой дымки наступившего вечера, виднелась сеть переплетающихся кабелей и тянулись ряды висячих осветительных шаров. Подхваченная тысячью голосов, песня разлилась широкой волной и вдруг оборвалась и смолкла. Теперь до Грехэма явственно доносились гудение бегущих платформ и рокот многотысячной толпы. Он понял — не сознанием, а чутьем, — что вся эта огромная толпа там, снаружи, пришла сюда ради него.

Могучая песня восстания оборвалась; в ушах его опять раздавалась игривая музыка вальса; но торжественный, благородный напев, раз прозвучав, остался жить в его душе.

Дама с веселыми глазками все еще болтала об идами-те, когда он вдруг опять увидел девушку, которую встретил в театре. Теперь она шла по галерее, быстро приближаясь к нему. Она не видела его; он заметил ее первый. На ней было все то же блестящее светло-серое платье. Пышные волосы темной короной возвышались над ее белым лбом. На ее опущенную голову из круглого окна падала полоса холодного, бледного света.

Собеседница Грехэма поймала его взгляд и обрадовалась удобному предлогу избавиться от него.

— Вы желали бы познакомиться с этой девушкой, государь? — храбро спросила она. — Это Элен Уоттон, племянница Острога. Она очень образованна, много знает. Нет, кажется, женщины серьезнее ее. Вам она, наверное, понравится.

Минуту спустя Грехэм уже разговаривал с девушкой в сером, а быстроглазая дамочка упорхнула.

— Я хорошо вас помню, — говорил Грехэм. — Вы были в театре в тот день, когда народ перед своим выступлением пел революционную песню. Помните? Все пели хором и отбивали такт. Вы стояли в ложе недалеко от меня. А потом я вышел в зал.

Ее минутное смущение уже прошло. Она взглянула на него спокойно и твердо.

— Да, это была чудная минута, — сказала она и замолчала. Ей, видимо, хотелось что-то прибавить, но она не решилась. Наконец, сделав усилие над собой, она продолжала: — Все эти люди готовы были умереть за вас, государь. Многие и умерли в ту ночь.

Лицо ее горело. Она быстро оглянулась, как будто испугавшись, не подслушивает ли их кто-нибудь. В другом конце галереи показался Линкольн. Он пробирался в толпе, направляясь к ним. Она увидела его и, быстро повернувшись к Грехэму и, видимо, спеша высказаться, заговорила совсем новым, дружески конфиденциальным тоном:

— Государь! Сейчас я не могу... здесь неудобно. Но знайте, что народ очень несчастлив. Его угнетают, обманывают. Не забудьте же о народе, который шел умирать, чтобы сохранить вам жизнь.

— Я ничего не знаю... — начал было Грехэм.

— Теперь я не могу вам объяснить.

Перед ними выросла как из-под земли физиономия Линкольна. Он поклонился девушке и извинился, что прерывает их разговор.

— Надеюсь, государь, вам понравился новый мир? — обратился он затем к Грехэму, почтительно улыбаясь и обводя широким жестом огромное пространство освещенного зала и наполнившую его нарядную толпу. — Во всяком случае, вы, наверное, нашли, что мир изменился.

— Да, изменился, пожалуй... но, в сущности, не так радикально, как можно было ожидать.

— Посмотрим, государь, что-то вы скажете, когда мы подыдемся на воздух... Ветер утих. Аэроплан вас ждет. Итак, если угодно...

Девушка стояла молча в выжидательной позе. Грехэм взглянул на нее, хотел было задать ей вопрос, но по выражению ее лица увидел, что лучше не говорить. Он низко поклонился ей и пошел за Линкольном.

Глава 16

МОНОПЛАН

Лондонские станции летающих машин были сосредоточены на южной стороне реки. Они опоясали город неправильной дугой, образуя три группы, по две станции в каждой. За ними сохранились названия шести старинных городских предместий: Рогемптона, Уимбльдон-Парка, Стритхема, Норвуда, Блэкхита и Шутерс-Хилла. Все шесть станций были построены по одному образцу и представляли собой гигантские помосты, подымавшиеся высоко над крышами домов. Каждый помост имел до четырех тысяч ярдов в длину и около тысячи в ширину и держался на толстых подпорках, отлитых из какого-то нового сплава алюминия с железом, заменившего в архитектуре чистое железо. Под помостами, между переплетами стропил и скреплений, тянулись длинные ряды лестниц и подъемных машин. Самые же помосты представляли совершенно ровную площадь, где всегда стояли наготове подъемные подвижные платформы и куда спускались прибывающие аэропланы.

Грехэм отправился на станцию по движущимся улицам в сопровождении Асано: Линкольн не мог ему сопутствовать, так как его вызвал Острог по каким-то неотложным делам. Сильный полицейский отряд ожидал государя у подъезда Управления ветряных двигателей и поспешил очистить ему место на одной из верхних движущихся платформ. Никто не знал о его предполагавшемся путешествии, тем не менее вокруг него тотчас же собралась довольно большая толпа, следовавшая за ним до места его назначения. Он слышал, подъезжая, как со всех сторон выкрикивалось его имя, и видел, как тысячи мужчин, детей и женщин в голу-

бых балахонах стремглав вбегали по лестницам на среднюю полосу улицы, жестикулируя и что-то крича ему вслед, но что именно — он не мог разобрать. Как только он сошел наконец с движущейся платформы, значительно выросшая возбужденная толпа окружила его плотным кольцом, так что сопровождавшему его караулу пришлось расчищать ему путь. Потом он узнал, что многие явились, чтобы подать прошения государю, но так и не могли пробиться к нему.

На западной станции его ожидал моноплан с опытным пилотом у руля. До сих пор он видел монопланы только издали, на большой высоте, откуда они казались маленькими птичками. Но теперь раскинувшийся на подъемной платформе летательной станции алюминиевый кузов этой машины казался очень внушительным. Он был не меньше кузова двадцатитонной яхты. Его боковые крылья-паруса из какого-то искусственного стекловидного состава в раме из тонких металлических прутьев и с такими же металлическими прожилками по поверхности, отчего они напоминали крылья пчелы, отбрасывали тень на несколько сот ярдов крутом. Между ребрами кузова в задней его части были подвешены каким-то очень хитрым способом два кресла: одно — для пилота, другое — для пассажира. Кресло пассажира было снабжено пневматическими подушками, навесом и подвижной рамой, которую можно было по желанию раздвинуть или сдвинуть для защиты от непогоды. Когда рама была сдвинута, пассажир сидел, как в карете. Но Грехэм, жаждавший новых впечатлений, пожелал оставить ее открытой. Перед креслом пилота было стекло, защищавшее его лицо от встречного ветра. Пассажир мог привязать себя к креслу ремнями, что было даже необходимо, особенно при спуске. Он мог также, держась за поручень, передвинуться по рельсикам вместе с креслом в носовую часть кузова, где помещался небольшой ящик с его теплыми вещами и походной аптечкой. Этот ящик служил в то же время противовесом тем частям машины, которые выступали в корму.

На станции не было никого, кроме Асано и свиты. По знаку пилота Грехэм вошел на моноплан и уселся в висячее кресло. Асано спустился с подъемной платформы на помост станции и в знак прощального приветствия махнул рукой. И в тот же миг и Асано, и свита, и станция покатались вправо и скрылись из глаз.

Мерно стучала машина, винт быстро вертелся. Скользящие мимо здания с секунду неслись в горизонтальном направлении, потом все вдруг опрокинулось набок. Грехэм инстинктивно ухватился за поручни кресла. Он чувствовал, что мчится вверх; слышал, как свистела вдоль навеса встречная струя воздуха; слышал сильные ритмические удары винта: раз-два-три — пауза, раз-два-три — пауза... В кузове машины ощущалось колебательное движение, уже не прекращавшееся во все время полета. Площади крыш, мимо которых они теперь проносились, летели вправо и вниз, быстро уменьшаясь. Грехэм вопросительно взглянул на пилота: тот был спокоен. Он с усилием отвел глаза от его лица и заглянул через борт машины. Он не увидел ничего особенно поразительного: такое же приблизительно впечатление могло бы получиться в вагоне фуникулерной железной дороги при очень быстром ходе. Он узнал здание ратуши, узнал Хайгетский мост. Тогда он наконец решился заглянуть вниз, в дыру между двумя перекладинами дна кузова, в которые упирались его ноги.

Его обуял животный ужас, вытеснив из его души все, кроме ощущения непрочности его положения и неминуемой гибели, которая его ждет. Пальцы его крепко вцепились в железные поручни кресла. Он не мог оторвать глаз от бездны, зиявшей у него под ногами. Футов на сто под ним вертелось колесо одного из ветряных двигателей юго-западной части Лондона. Дальше виднелась южная летательная станция, усеянная черными точками — людьми. Все это падало, падало, проваливалось в пропасть с ужасающей быстротой, уносясь от него. На миг у него появилось непреодолимое побуждение самому броситься вниз, догнать уходящую землю. Он стиснул зубы и, сделав над собой усилие, поднял глаза. Минута паники миновала.

Довольно долго просидел он так, со стиснутыми зубами, держась за поручни и тупо глядя в небо. «Тук-тук-тук... тук-тук-тук», — назойливо стучала машина. Крепче сжав поручни, он перевел глаза на пилота и увидел улыбку на его загорелом лице. Он попробовал улыбнуться в ответ, вышло немножко натянуто.

— Престранное ощущение с непривычки, — заорал он, стараясь перекричать свист ветра и совершенно забывая о своем монаршем достоинстве.

Он все еще не решался заглянуть вниз и долго смотрел через голову пилота на бледно-голубую полосу неба, тянувшуюся впереди. Он все никак не мог отвязаться от мысли о возможных случайностях, грозивших моноплану. Что, если в машине испортится какой-нибудь винт? Что тогда?.. Нет, лучше не думать... А моноплан между тем все выше и выше улетал в прозрачное, ясное небо.

Мало-помалу Грехэму удалось взять себя в руки, и удручающая мысль об опасности отошла на второй план. И как только прошло это потрясающее сознание движения в воздушном пространстве, без всякой опоры, прошли и все неприятные ощущения. Грехэм почувствовал себя очень хорошо. Его предупреждали о морской болезни, которой аэронавты подвергаются не менее моряков. Но он находил, что колебательное, пульсирующее движение летящего моноплана, по крайней мере при слабом ветре, какой был теперь, ничем не хуже ныряния лодки по волнам в свежую погоду; а на лодке его не укачивало. Острота же разреженного воздуха, по мере того как они подымались, вызывала в нем ощущение какой-то особенной легкости, как от действия веселящего газа. Голубая полоса неба впереди затянулась перистыми облачками. Взгляд его осторожно скользнул ниже. Сквозь ребра кузова мелькнула сверкающая стая белых птиц, паривших в воздухе с ним наравне. Он долго любовался ими. Потом, набравшись храбрости, заглянул опять себе под ноги — прямо вниз: тонкий шпиль «вороньего гнезда» с торчащей на нем вышкой, уменьшавшейся с каждой минутой, отливал золотом в ярких лучах

заходящего солнца. Теперь он не боялся смотреть. Вот показалась синяя гряда холмов... А вот, уже с подветренной стороны, и запутанный лабиринт крыш удаляющегося Лондона. Резко выделялась ближайшая окраина города. Она так поразила Грехэма своим видом, что последние остатки его страха высоты мигом улетучились. Новый Лондон кончался обрывом — отвесной стеной футов в триста-четырееста вышиной. Стена эта местами прерывалась террасами и в общем представляла собой очень сложный и красивый фасад.

От широкой сети предместий, составлявшей в девятнадцатом веке, так сказать, переходную ступень от города к деревне, не оставалось и следа. Теперь вокруг Лондона тянулся пустырь с разбросанными по нему развалинами домов и остатками разнообразных растений, украшавших когда-то сады бывших пригородных вилл. Местами среди этой одичавшей растительности бурели полосы земли, вспаханной под огороды, зеленели поля, засеянные зимними травами, и под ними торчали одинокими островками голые стены обвалившихся домов, десятки лет тому назад покинутых своими обитателями, но почему-то пощаженных новой культурой. Кое-где среди этого хаоса жалких остатков старины, еще пытавшихся бороться с завоеваниями нового века, гордо возвышались дворцы современных увеселительных заведений, соединенные с городом целой сетью металлических проводов. В этот зимний день они казались покинутыми.

Да, Лондон неузнаваем. Границы города очерчены так резко, как это было, пожалуй, только в Средние века, когда городские ворота запирались с наступлением ночи и шайки грабителей рыскали вокруг стен.

Там, где некогда тянулась улица Бэт, теперь из широкой полукруглой пасти главных ворот выливался на идамитную дорогу поток вывозимых товаров и вливался обратный поток. Лондон кончался, начиналась деревня. Грехэм увидел под собой возделанные поля долины Темзы — бесчисленные крошечные буроватые полосы земли, перерезанные сверкающими ниточками оросительных каналов.

Его возбуждение быстро росло. Он был точно пьяный. Он втягивал в себя воздух большими глотками и не мог надышаться. Он громко смеялся: ему хотелось петь, кричать. И, не в силах бороться дольше с этим желанием, он запел.

Постепенно они начали заворачивать к югу. В общем, они не поднимались и не опускались; но двигались не по горизонтальной линии, а по волнистой: короткие крутые подъемы чередовались с отлогими длинными спусками, во время которых кормовой винт совершенно бездействовал. С каждым подъемом Грехэм испытывал какую-то странную гордость от сознания усилия, увенчаншегося успехом, а на спусках у него захватывало дух и замирало в груди — ощущение жуткое, но необыкновенно приятное, вроде того, когда катишься в санках с ледяной горы. Так бы, кажется, и летел всю жизнь в этом разреженном живительном воздухе, никогда бы не спустился на землю.

Но вскоре он опять увлекся созерцанием расстилавшегося внизу, быстро уносившегося к северу ландшафта и залюбовался подробностями. Удивительно живописными казались с высоты развалины домов; но ему было больно смотреть на эти развалины, больно сознавать, что это было все, что осталось от ферм и деревень, которыми была когда-то усеяна эта безлесная, безлюдная равнина. Он знал и раньше об исчезновении в Англии деревень, но большая разница — знать от других или видеть своими глазами. Он пробовал, не распознает ли он знакомые места в этой пустой котловине, зиявшей под ним, но с той минуты, как долина Темзы скрылась из виду, не попадалось больше никаких примет, по которым можно было бы ориентироваться. Но вот вдали показались острые вершины меловой гряды холмов, и по знакомым очертаниям ее восточного ущелья да еще по развалинам города, тянувшегося вдоль его боков, он узнал Гилдфорд Хогс-Бэк. Теперь уже легко было распознать и другие места: Лейс-Хилл, песчаные пустыри Ольдершота и так далее. В Даунсе весь гребень холма был усеян гигантскими ветряными двигателями. Колеса их медленно, словно нехотя, вертелись, чуть-чуть подталкиваемые сла-

бым юго-западным ветром. Лондонские ветряные двигатели были ничто в сравнении с ними. Самый большой из тех, какие до сих пор видел Грехэм, мог бы сойти разве за младшего брата этих великанов. Долина Уэя вся заросла кустами и деревьями, кроме одной широкой полосы, где на месте прежней железной дороги пролегла широкая идамитная дорога в Портсмут, в эту минуту густо усеянная движущимися черными точками. Там и сям мелькали зеленые пятна лугов, покрытых стадами овец Британского треста пищевых продуктов. Затем под кузовом моноплана пронеслись высоты Уилдена, гряда Хиндхедских холмов, Питч-Хилл и Лейс-Хилл со вторым внушительным рядом ветряных двигателей, которые, казалось, отбивали у конкурентов и ту слабую струю ветра, какая долетала до них. Подальше краснело поле вереска, окропленное желтыми пятнами дрока, и по нему бегало стадо черных быков, подгоняемое двумя пастухами верхом на лошадях. Все это пронеслось мимо и расплылось в туманной дали.

Грехэм устал смотреть и задумался. Писк какой-то маленькой птички, раздавшийся над самым его ухом, вывел его из забытья. Они пролетали теперь над Южным Даунсом. Он оглянулся через плечо и увидел холмы Портсдауна и выступавшие над ними зубчатые стены Портсмута. Вслед за тем показались ярко освещенные солнцем, уменьшенные расстоянием, но отчетливо видимые белые утесы Ниддлс. Еще минута, и перед ними выросли мачты кораблей — густой лес мачт, целый плавучий город, — и впереди сверкнула стальным блеском узкая полоска воды. Вот внизу промелькнул остров Уайт, а за ним раскинулась широкая гладь открытого моря, то отливающая пурпуром в лучах солнца, то мутно-серая под набежавшим облачком, то серебристо-зеркальная с зеленоватым оттенком, как стекло. Позади уже не видно было земли. Прошло еще несколько минут. От серой гряды облаков, застилавших горизонт, отделилась внизу длинная полоса с твердыми, определенными очертаниями и вскоре оказалась линией берега — северного берега Франции. Эта сверкающая на солнце полоска земли быстро вы-

растала в длину и в высоту и гостеприимно манила к себе все новыми и новыми деталями развертывавшегося веселого ландшафта.

Вскоре из-за горизонта выплыл Париж, дал одну минутку полюбоваться собой и снова погрузился за линию горизонта: моноплан, описав широкий полукруг, стал опять заворачивать к северу. Грехэм успел, однако, заметить Эйфелеву башню (она, стало быть, уцелела) и рядом с ней огромный купол какого-то нового здания, увенчанный высоким шпилем. Заметил он еще (хоть и не понял в то время значения этого явления), что со стороны города тянулся густой столб дыма. Пилот пробормотал что-то такое о беспорядках на подземных дорогах, но он пропустил это мимо ушей. Бесчисленные минареты и башенки, высоко подымавшие свои головы над лесом ветряных двигателей в своих порывах к небу, поразили его грандиозной легкостью своих очертаний: уже по одному этому он мог убедиться, что по части красоты и изящества Париж стоит, как и двести лет тому назад, впереди своего огромного соперника Лондона.

Грехэм повернул голову, чтобы бросить прощальный взгляд на удаляющуюся чудную панораму, и вдруг увидел, что над городом поднялось что-то голубоватое, легкое, как тень, и полетело по ветру, точно перышко или опавший лист. Потом описало дугу и понеслось прямо на них, быстро увеличиваясь в объеме. Пилот что-то сказал в пояснение.

— Что такое? — переспросил, не дослышав, Грехэм, не отрывавший глаз от голубого облачка, казавшегося живым.

— Лондонский аэроплан, государь! — прокричал пилот ему в ухо, указывая рукой на приближавшуюся тень.

Они взвились кверху, продолжая лететь на север. Аэроплан быстро нагонял. Вот он все ближе и ближе, все больше и больше... Какими слабыми казались удары их маленького кормового винта, какую ничтожною — работа их машины в сравнении со стремительным полетом этого чудовища. Широко раскинув свои перепончатые прозрачные крылья, оно пронеслось под ними, точно живое существо. Перед Грехэмом мелькнули на миг эти могучие распластан-

ные крылья; ряды закутанных пассажиров в свободно подвешенных креслах за стеклянными рамами, наглухо закрытыми от ветра; скорчившаяся за стеклянным щитом фигура пилота, вся в белом... В ушах его пронесся грохот машины, мерный стук работающего винта...

Обогнав их, аэроплан стал подниматься. Крылья их маленького моноплана затрепетали от струи ветра, которую оставлял за собой великан в своем стремительном полете. Жадными глазами смотрел Грехэм ему вслед. Дикий восторг наполнял его грудь... Но не успел он опомниться, как аэроплан был уже далеко впереди. Он снова начал опускаться, становясь все меньше и меньше. И не успели они, кажется, сдвинуться с места, как он опять превратился в голубое пятнышко, чуть видимое в прозрачном воздухе.

Это был аэроплан, совершавший постоянные рейсы между Лондоном и Парижем. В мирное время и в безветренные дни он делал по четыре перелета в день, считая в оба конца.

Спустя несколько минут они снова летели над каналом — летели очень тихо, как казалось Грехэму, только теперь получившему истинное представление о скорости воздушных полетов. С левой стороны впереди показалась линия берега.

— Земля! — закричал пилот, но голоса его почти не слышно было за свистом встречной струи воздуха, ударявшейся о навес. — Земля!

— Нет еще! — отозвался со смехом Грехэм, тоже крича во все горло. — Нет еще, не земля!.. Прежде я хочу хорошенько ознакомиться с этой машиной.

— Простите, государь, но я... — начал было пилот.

— Я хочу ознакомиться с этой машиной, — упрямо повторил Грехэм. — Я иду к вам.

Он быстро высвободился из своего кресла, поднялся на ноги и шагнул к месту пилота, держась за перила прохода, разделявшего их. На один миг у него закружилась голова; он побледнел и крепче уцепился за перила, но сейчас же овладел собой и в два шага очутился подле пилота. Ему сдавило

грудь от напора воздуха. С него сорвало шляпу. Ветер трепал его волосы. Он с трудом удерживался на ногах. Пилот поспешно передвигал в машине какие-то гайки, чтобы восстановить нарушенное равновесие.

— Объясните мне, как вы управляете машиной, — сказал ему Грехэм. — Что нужно сделать, чтобы пустить ее в ход?

Пилот замялся.

— Машина эта очень сложного устройства, государь... — нерешительно пробормотал он.

— Все равно, объясните! — прокричал Грехэм.

Пилот молчал.

— Я, право, не знаю... — начал он наконец. — Воздухоплавание составляет привилегию... секрет...

— Знаю. Но я ваш повелитель и хочу знать этот секрет.

Он захохотал, возбужденный опьяняющим воздухом и непривычным сознанием своей власти.

Моноплан сделал крутой поворот к западу. Холодный ветер резанул Грехэма по лицу и закрутил плащ вокруг его ног. Два человека молча глядели друг другу в глаза.

— Государь! — заговорил пилот. — У нас существуют правила...

— Только не для меня, — перебил Грехэм. — Вы, кажется, забываете...

Пилот внимательно всматривался в его лицо.

— Нет, государь, я помню, — сказал он. — Но до сих пор ни один человек на земле, никто, кроме профессиональных пилотов, связанных обетом молчания, не управлял летательными аппаратами. Пассажиров не посвящают в этот секрет.

— Все это я уже слышал. Я не стану терять времени на пререкания с вами. Хотите знать, для чего я проспал двести лет? Хотите? Так я вам скажу: чтобы проснуться и летать.

— Но, государь, если я нарушу наши правила, меня ждет...

Величественным взмахом руки Грехэм снял со своего подданного всю ответственность за нарушение правил.

— В таком случае я подчиняюсь, — сказал пилот. — Извольте смотреть...

— Нет! — заорал Грехэм, покачнувшись и хватаясь за перила. Моноплан неожиданно повернулся носом кверху: начинался подъем. — Нет, не смотреть! Я хочу сам управлять. Сам, хотя бы мне пришлось сломать себе шею!.. Я сяду рядом с вами. Подвиньтесь, вот так. Я твердо решил научиться летать — пусть даже ценой моей жизни. Недаром же я спал столько лет! Летать было всегда моей заветной мечтой. И теперь... Ну, пустите руки!

— Государь! За мной следят дюжины шпионов...

Грехэм вышел из себя. Ему доставляло какое-то особенное наслаждение давать волю своему гневу. С проклятием оттолкнул он пилота и нагнулся к рычагам. Машина закачалась.

— Кто господин здесь, на Земле, — я или вы с вашим обществом?.. Прочь руки! Я сам возьмусь за руль, а вы держите меня за руки. Так. Теперь говорите: как сделать, чтобы мы опустились.

— Государь!..

— Ну что там еще?

— Вы защитите меня?

— Да, да! Весь Лондон спалю, а не дам вас в обиду.

Этим обещанием Грехэм заплатил за свой первый урок воздухоплавания. Пилот покорился.

— Для вас же лучше, если вы научите меня править. Как вы не понимаете, что это в ваших интересах? — говорил Грехэм с громким смехом, все больше и больше пьянея. — Ну-с, в какую сторону поворачивать руль? Сюда? Ага, понимаю!.. Ах, как хорошо!

— Назад, назад, государь!

— Назад? Ладно! Назад так назад... Раз, два, три! О господи, как хорошо!.. Теперь мы вверх полетели... Вот это значит жить!

И вот аппарат начал выделять в воздухе самые невероятные пируэты. Он то принимался кружиться спиралью, то стрелой взвивался вверх, то кидался вниз, как коршун

на добычу, и, как ястреб, взмахом крыльев снова поднимался вверх. Во время одного из своих бешеных спусков он чуть не налетел на караван аэростатов, тянувшийся на юг, и только неожиданно ловким поворотом руля кое-как избежал столкновения в последний момент. Возбуждающее действие разреженного воздуха, необыкновенная быстрота и плавность движения и то ни с чем несравнимое ощущение легкости во всем теле, которое они вызывали, окончательно опьяняли Грехэма: он совсем обезумел.

Его отрезвило одно маленькое происшествие, заставив вернуться к грубой действительности, к той чуждой жизни с ее неразрешимыми загадками, которая ожидала его на земле. Нырять в воздухе, моноплан столкнулся с чем-то живым, и Грехэм почувствовал, что на щеку ему упала теплая капля. Он оглянулся: за кормой кружилось что-то белое, падая вниз.

— Что это? — спросил он растерянно, забывая править рулем.

Моноплан клюнул носом и стал быстро опускаться. Пилот испуганно схватился за руль, и только когда машина приняла опять горизонтальное положение, он глубоко перевел дух и ответил:

— Это был лебедь. Мы убили его.

— Я его не заметил!.. — сказал Грехэм.

Пилот промолчал. Сконфуженный Грехэм предоставил ему править и перебрался на свое пассажирское место.

Некоторое время они летели в горизонтальном направлении, потом начали круто спускаться. Грехэм заглянул вниз: навстречу им, быстро вырастая, поднималась из темноты платформа летательной станции. Они спускались на землю, и вместе с ними опускалось солнце, садясь за тянувшиеся на западе меловые холмы и заливая небо золотым заревом своих прощальных лучей.

Вскоре можно уже было различить людей, толпившихся на платформе. Снизу доносился глухой шум, напоминавший гул морского прибоя. Грехэм оглянулся кругом: крыши домов вокруг станции чернели народом, собравшимся

встречать своего властелина и ликовавшим по случаю его благополучного возвращения. Под арками помоста станции тоже стояла густая толпа: в темноте чуть белели бесчисленные ряды человеческих лиц, и в воздухе радостно мелькали белые носовые платки.

Глава 17

ТРИ ДНЯ

Линкольн дожидался Грехэма в помещении под арками летательной станции. Он горел нетерпением узнать, как ему понравилось воздушное путешествие, и вышел ему навстречу. Грехэм был в неопишемом восторге.

— Я должен научиться управлять машиной, — говорил он. — И непременно научусь. Это совсем не так трудно, — стоит только захотеть. А я хочу летать. Я жалею несчастных, которые умерли, не изведав этого блаженства. Купаться в чудном, живительном воздухе... нестись навстречу вольному ветру... Ничто не сравнится с этим дивным ощущением!

— Наш новый век, я надеюсь, доставит вам еще много таких ощущений, — заметил Линкольн. — Скажите, чем бы вы желали развлечься теперь? У нас есть, например, новый род музыки, которая, может быть...

— Нет. Пока я поглощен воздушными полетами и не могу думать ни о чем другом. Но ваш пилот мне сказал, что управление летательными аппаратами составляет профессиональную тайну, которую строго воспрещено открывать посторонним...

— Совершенно верно. Но вы — другое дело. Только прикажите, и мы завтра же зачислим вас в профессиональные аэронавты.

Грехэм горячо ухватился за это предложение и принялся опять распространяться о своих ощущениях во время полета.

— Ну, а дела как? — спросил он неожиданно, перебивая себя на полуслове. — Я и забыл про дела.

Линкольн ответил с деланой небрежностью:

— Завтра Острог сам вам расскажет подробно... Говоря вообще, все постепенно входит в норму. Революция восторжествовала во всем мире. Кое-какие трения, разумеется, всегда неизбежны, но ваша власть теперь крепка как никогда. Пока Острог печется о ваших интересах, вы можете спать спокойно.

— А нельзя ли, — заговорил Грехэм после паузы, — зачислить меня в эти, как вы их называете... присяжные аэронавты... теперь же, сегодня? Тогда я мог бы завтра с утра начать мои уроки воздухоплавания.

— Что ж, это можно, — сказал, подумав, Линкольн. — Я вам это устрою. — Он засмеялся. — Я было шел сюда с блестящими предложениями... думал, предложить вам развлечься. Но вы, я вижу, уже выбрали себе развлечение. Тем лучше. Сейчас я протелефонирую в Департамент воздухоплавания, а потом мы вернемся в Управление, в ваши апартаменты. Вы пообедаете, а тем временем явятся и аэронавты... Но, может быть, после обеда вы предпочли бы...

Он запнулся.

— Что? — спросил Грехэм.

— Мы, видите ли, думали угостить вас балетом. Нарочно для вас выписали танцовщиц с Капри. Тамошний театр славится своим балетом...

— Я ненавижу балет, — сухо ответил Грехэм. — Всегда ненавидел. И потом, это слишком старо. Танцовщицы существовали еще в Древнем Египте.

— Это правда. Но наши танцовщицы...

— Я не нуждаюсь в развлечениях. Танцовщицы могут подождать. Теперь я займусь воздухоплаванием. Меня вообще очень интересует устройство новых машин. Я хочу расспросить ваших техников...

— Весь мир к вашим услугам, — сказал Линкольн. — У вас широкий выбор. Вам остается только приказывать: все будет исполнено.

Явился Асано, и, как и прежде, под охраной полиции они вернулись тем же путем в апартаменты Грехэма. Тол-

па на улицах была теперь еще гуще. Народ провожал своего властелина громкими, радостными криками. Ответы Линкольна на нескончаемые вопросы Грехэма тонули в этом гаме. Сначала Грехэм отвечал улыбками и поклонами на приветствия, раздававшиеся со всех сторон, но Линкольн сделал ему маленькое внушение, объяснив, что такая простота обращения, по современным понятиям, не подобает его высокому сану и может быть сочтена неуместной, после чего человек девятнадцатого столетия, которому и самому надоело поминутно кивать головой, с большим удовольствием забыл о своих подданных на весь остаток пути.

Как только они вернулись в Управление ветряных двигателей, Линкольн, по требованию Грехэма, разослал гонцов за моделями всевозможных машин, по которым можно было бы наглядно уяснить себе успехи механики за последние два века. Асано, со своей стороны, вызвался продемонстрировать кинематографические снимки машин в действии. Небольшая моделька усовершенствованного телеграфа до такой степени заинтересовала Грехэма, что тонкий гастрономический обед, ожидавший его на столе, сервированном ловкими руками хорошеньких служанок, долго оставался нетронутым. Курение табака давно уже стало архаической модой, но как только Грехэм выразил желание покурить, во все концы света полетели заказы, и к десерту на столе появился ящик превосходных сигар, доставленных из Флориды пневматической почтой.

Затем явились аэроавтывы и модели машин в сопровождении опытного инженера. Достижения новейшей техники одно за другим проходили перед изумленным взором Грехэма. Необыкновенная чистота и точность работы некоторых машин поразили его, и можно смело сказать, что все эти арифмометры, автоматические строители, элеваторы, прядильные станки, моторы, косилки и молотилки были для него в данный момент гораздо привлекательнее самой обворожительной баядерки.

— Мы были дикарями! — твердил он в экстазе. — Как посмотришь на все эти чудеса, так подумаешь, что мы жи-

ли в каменном веке... Ну-с, что же вы мне еще покажете, господа?..

Тут выступили на сцену ученые по другим отраслям знания. Перед Грехэмом были проделаны очень интересные опыты гипнотизма. Его современники, вероятно, удивились бы, если б знали, какой известностью будут пользоваться в XXII веке имена Милна Бромвелла, Фехнера, Либбо, Уильяма Джемса, Майерса и Гарин. Научные изыскания в области психологии получили теперь много практических применений, ставших общим достоянием. Лечение внушением почти окончательно вытеснило порошки и пилюли, антисептические и анестезирующие средства; к нему прибегали и все те, кто занимался умственным трудом. Благодаря гипнозу значительно расширилось поле интеллектуальной работы, доступной человеческим силам. Известные фокусы быстрого «счета в уме», поражавшие умением некоторых людей справляться с невероятно огромными числами, и «чудеса» месмеристов, какими привык Грехэм считать подобные явления, теперь могли быть проделаны каждым, кто мог оплатить услуги опытного гипнотизера. Старая система преподавания в школах была давным-давно упразднена и заменена новыми приемами. Экзаменов больше не существовало. Вместо того чтобы тратить годы на зубрежку, учащиеся прибегали к гипнозу. В течение нескольких недель с перерывами юношу усыпляли гипнозом. Гипнотизер читал ему параграф за параграфом учебную книгу, которую надо было пройти, и затем внушал, чтобы он все это запомнил. Особенно полезен был этот способ запоминания при изучении математических наук. Им пользовались также и многие игроки в шахматы. Короче говоря, все виды умственной работы, где мысль идет строго определенным логическим путем, были совершенно освобождены от бесплодных блужданий фантазии и доведены до идеальной точности мышления. Все дети рабочего класса, как только они достигали такого возраста, что могли выдерживать гипноз, превращались этим способом в прекрасно обученных мастеров и ремесленников и, таким образом, избавлялись

от долгого искуса подготовки. Ученики училищ воздухоплавания, страдавшие головокружением во время полетов, тем же способом вылечивались от своих воображаемых страхов. На каждом перекрестке можно было встретить гипнотизера, готового за самую дешевую плату прийти на помощь вашей слабой памяти и навеки запечатлеть в ней желаемый факт, имя, ряд чисел, мотив песни, ее слова. И обратно: вы могли, если хотели, изгладить из своей памяти любое воспоминание, отделаться от неудобных привычек, искоренить в себе то или другое желание. Такого рода психохирургические операции немало облегчали жизнь: человек забывал все, что было недостойного и унижительного в его прошлом; неутешные вдовы переставали оплакивать своих умерших мужей; ревнивые любовники освобождались от рабства любви. Но исполнение желаний было все еще неразрешенным вопросом, и факты передачи мыслей оставались лишь случайными фактами.

Гипнотизер, демонстрировавший свое искусство перед Грехэмом, закончил представление несколькими поразительными мнемоническими опытами над жалкими бледнолицыми детьми в голубых балахонах.

Грехэм, как и большинство его современников, боялся действия гипноза, иначе он мог бы давно облегчить свою душу от многих тягот. Но он держался того устарелого мнения, что, подвергаясь гипнозу, человек до известной степени теряет индивидуальность, отказывается от своей воли. Поэтому теперь, как ни убеждал его Линкольн, он решительно не пожелал отдать себя в руки гипнотизера. На этом блестящем пиршестве последних приобретений науки он хотел оставаться самим собой.

Так прошел день, еще день и еще. Наглядное ознакомление со всевозможными машинами чередовалось с уроками воздухоплавания, доставлявшими истинное наслаждение ученику. На третий день Грехэм пролетел над всей Францией и видел вдали снежные вершины Альп. Здоровая усталость после движения на воздухе приносила ему крепкий сон. Он чувствовал себя бодрее и сильнее с каждым днем: от

той безвольной анемии, которую он никак не мог стряхнуть с себя в первые дни после своего пробуждения, не оставалось и следов. Те часы, когда он не летал и не спал, заполнялись благодаря усердию Линкольна разнообразными развлечениями. Все, что было нового и любопытного в жизни двадцать второго столетия, проходило перед глазами Грехэма. Можно было бы наполнить целые тома описанием тех диковин, которые ему пришлось теперь увидеть, так что, при всем его интересе к новизне, он в конце концов почувствовал пресыщение.

Часа полтора ежедневно у него уходило на официальный прием. Его общий расплывчатый интерес к новым современникам, которых ему послала судьба, очень скоро стал приобретать личный характер: он начал разбираться в людях, у него явились симпатии и антипатии. Вначале все непривычное, каждая странность, которую он подмечал, поражала его: вычурность костюмов, какая-нибудь особенность в манерах и обращении, расхोдившаяся с его понятиями о приличиях, неприятно резала ему глаз и поднимала в нем враждебное чувство к этим, как он их называл про себя, «чужакам». Но потом это прошло, прошло так бесследно, что ему самому казалось странным, как он мог так чувствовать когда-нибудь. Он совершенно освоился со своим положением, вошел в новую жизнь, и его прошлое, времена королевы Виктории, отошли бог знает куда, в туманную даль.

В течение этих трех дней он несколько раз встречался с хорошенькой рыжеволосой дочкой директора Общевропейских свинных заводов и только теперь вполне оценил ее общество. На второй день его водили в балет, где он видел современную знаменитость — танцовщицу новой школы, — и не мог не признать ее необыкновенной артисткой. В конце третьего дня Линкольн деликатно намекнул Грехэму, не угодно ли ему будет теперь посетить «Веселые Города», но тот решительно не пожелал понять намека. Не менее решительно отказался он и от услуг гипнотизеров, которые, как уверял Линкольн, могли посредством внушения сделать вполне безопасными его эксперименты воздухоплавания.

Он все больше кружился над Лондоном в своих воздушных полетах. К Лондону его привязывала нить старых воспоминаний. Узнавать знакомые места было для него неисчерпаемым источником интереса. «Вот здесь, прямо под нами, был ресторан, где я обыкновенно обедал в мои студенческие годы, — говорил он, — А здесь была станция Ватерлооской железной дороги. Какая там кипела жизнь! Можно было запутаться во всех этих проходящих и отходящих поездах. Сколько раз я, бывало, стоял на платформе в ожидании своего поезда с саквояжем в руке и смотрел вперед вдоль полотна на бесконечные ряды сменявшихся сигналов. Не думал я тогда, что буду через много-много лет пролетать над этим местом на моноплане».

В эти три дня внимание Грехэма было до такой степени поглощено всякими новинками во всех областях знания, что он совсем забыл о важных политических событиях, разыгрывавшихся за стенами его палат. Никто из окружающих не говорил о политических делах. Правда, к нему ежедневно являлся его великий визирь, его майордом Острог, и в туманных выражениях докладывал ему о дальнейшем ходе укрепления его власти, упоминая при этом о «небольших беспорядках» в таком-то городе или о «недовольстве» в другом; но все это говорилось как-то вскользь и всегда заканчивалось успокоительным заверением, что «все будет скоро улажено, и тогда...». Ни разу за все это время не долетал до слуха Грехэма и торжественный напев революционного гимна: он не знал, что пение этого гимна было запрещено в черте города. И мало-помалу в душе его засыпали благородные чувства, так волновавшие его в ту минуту, когда он смотрел на город с вышки «вороньего гнезда».

Но уже к концу второго дня, несмотря на весь его интерес к рыжеволосой красавице, а может быть, даже именно благодаря частым разговорам с ней и той ассоциации мыслей, которую они вызывали, его начало тревожить воспоминание об Элен Уоттон и о ее таинственных словах во время их последнего свидания. Образ этой девушки глубоко запечатлелся в его душе. Бесперывная смена впечатлений за

последние дни заставила померкнуть этот образ на время, но теперь он снова ожил и манил его к себе. Что значили ее отрывочные странные намеки? Что она хотела сказать?.. По мере того как ему приедались эти «последние слова» техники и всякие новинки, которыми его угощали, ему все чаще вспоминались ее строгие глаза и глубокое волнение, так ясно читавшееся на ее благородном лице.

Глава 18

ГРЕХЭМ ВСПОМИНАЕТ

Они встретились в галерее, соединявшей его парадные покои с помещением Управления. Галерея была узкая и длинная, с рядами сводчатых ниш по бокам. В каждой нише было большое окно, выходящее в роскошный сад.

Он наткнулся на нее неожиданно: она сидела в одной из ниш. Она повернула голову на шум шагов и вздрогнула, увидев его. Румянец сбежал с ее лица.

Она быстро встала, шагнула ему навстречу и остановилась в нерешимости. Он подошел и тоже остановился, выжидая, что она скажет. Он понял, что она его ждала, искала встречи с ним, иначе зачем бы она очутилась в этой галерее? Она хотела заговорить и не могла: волнение душило ее.

— Я хотел вас видеть! — сказал он. — Все это время я думал о вас и хотел вас видеть. Несколько дней тому назад вы начали говорить... вы мне хотели что-то сказать... что-то такое о народе... Что вы хотели сказать?

Она взглянула на него: в ее глазах была тревога.

— Вы говорили тогда, что народ очень несчастлив...

С секунду она продолжала молчать, потом сказала резко:

— Я вас, должно быть, удивила тогда.

— Удивили. Но вы...

— Я сказала сухую правду. — Она опять подняла на него глаза, не решаясь продолжать. Наконец глубоко перевела дух и заговорила с усилием: — Вы... забываете народ.

— То есть как?

— Вы забываете народ, — повторила она.

Он смотрел на нее вопросительно, не понимая.

— Я знаю, вы удивлены. И немудрено: вы не понимаете, что вы значите для народа. Вы не знаете, что творится кругом. Вам многое непонятно.

— Вы, пожалуй, правы. Но если так, объясните...

Она повернулась к нему с внезапной решимостью.

— Это очень трудно объяснить. Я думала... я давно хотела с вами поговорить. А теперь не знаю как. Нет слов... То, что с вами случилось, так необыкновенно... Ваш сон, ваше пробуждение — чудо. Для меня, по крайней мере, и для всего народа. Вы жили, страдали и умерли простым гражданином, а проснулись властелином Земли.

— Властелином Земли, — повторил он задумчиво. — Да, так мне говорят. Но вы постарайтесь ясно представить себе, как я был далек от этой мысли и как мне теперь трудно понять... Эта чуждая, новая жизнь... царство городов, крупных предприятий... все эти тресты, рабочие союзы... Потом эта власть и почет... Да, власть. Я слышал, как они кричали мне вслед. Я властелин — я знаю. Если хотите — царь с великим визирем Острогом, который...

Он не договорил.

Ее глаза с пристальным вниманием остановились на его лице.

— Что же дальше? — спросила она. Он улыбнулся.

— ...который готов принять на себя всю ответственность.

— Вот именно этого мы и боялись, — сказала она и после минутного молчания продолжала спокойно и твердо: — Нет. За все отвечаете вы, а не он. Вы должны принять на себя всю ответственность. На вас все упования народа. Послушайте, — заговорила она мягче, — в течение, по крайней мере, половины тех лет, которые вы проспали, миллионы народа из поколения в поколение молились о том, чтобы вы проснулись. Молились!

Он сделал движение, хотел что-то сказать и не мог. Она тоже молчала, собираясь с силами, чтобы продолжать. Слабый румянец выступил у нее на щеках.

— Знаете ли вы, что для этих миллионов людей вы были королем Артуром, Барбароссой... Они верили, что этот король пробудится от сна, когда пробьет его час, и восстановит их права.

— Но ведь народная фантазия всегда...

— Слыхали вы нашу поговорку: «Когда проснется Спящий»? Все эти годы, пока вы лежали недвижимым, бесчувственным трупом, на вас приходили смотреть тысячи тысяч. Публика допускалась к вам каждое первое число. Вы лежали, прибранный, в белой одежде, и мимо вашего ложа тянулись вереницы народа в почтительной тишине. Я была еще маленькой девочкой, когда меня привели к вам в первый раз. Помню, с каким благоговейным страхом я смотрела на ваше бледное, спокойное лицо.

Она отвернулась и, не глядя на него, упавшим голосом продолжала:

— Я смотрела тогда на ваше лицо, и мне казалось, что вы только ждете... Что вы не просыпаетесь и молчите только потому, что еще не исполнилась мера вашего долготерпения. — Она опять повернулась к нему. — Вот что я... что все мы о вас думали. Вот каким вы нам представлялись. — Глаза ее блестели, голос звенел. — И в этом городе и повсюду по всей земле мириады мириад мужчин и женщин ловят каждое ваше слово, каждое ваше движение. Все ждут от вас чуда — всего! И если...

— Если?..

— Если ожидания их будут обмануты, ответственность ляжет не на Острога, а на вас.

Он с удивлением глядел на ее сияющее, вдохновенное лицо. Как трудно было ей заговорить, и как свободно лилась, каким горячим чувством звучала теперь ее речь!

— Неужели вы думаете, — говорила она, — что вы, маленький человек, проживший свою маленькую жизнь в далеком прошлом, стоите чего-нибудь сами по себе? Неужели все это чудо — чудо вашего векового сна и вашего пробуждения — совершилось только затем, чтобы вы могли прожить вторую никому не нужную жизнь? На вас сосредоточилась

вся любовь, все благоговение, все надежды половины мира. И неужели после этого вы считаете себя вправе свалить ответственность на другого?

— Я знаю... — начал он запинаясь, — все говорят, что власть моя велика — по крайней мере в глазах народа. Но насколько она реальна, действительна — вот вопрос. Я не могу в нее поверить. Это какая-то сказка, сон... Может быть, моя власть — просто мыльный пузырь, который лопнет от первого толчка.

— Испытайте!

— Впрочем, в сущности, ведь и всякая власть есть лишь иллюзия в умах людей, которые в нее верят. В этой-то вере вся моя власть. Но крепка ли моя власть?

— Испытайте! — повторила она. — Вы говорите, власть — в вере людей. Но ведь этих людей миллионы, и пока они верят, они будут повиноваться.

— Но поймите же: я ничего не знаю. Я как впотьмах... Совсем другое Острог, члены Совета. Они в курсе дела. Весь ход событий, все условия современной жизни известны им до последних мелочей. Им легко прийти к тому или другому решению. Вот вы сказали, что народ несчастлив. А в чем его несчастье, как мне знать? Научите меня ради бога...

Он растерянно протянул к ней руки.

— Я только слабая женщина, и не мне вас учить, — проговорила она. — Но я скажу вам, что я думаю. О, сколько раз я горячо молилась дожить до этого часа, увидеть вас и все вам рассказать... Так знайте же, земля залита морем человеческих слез. Мир полон горя. Мир страшно изменился. От тех времен, когда жили вы и ваши современники, ничего не осталось. Точно какая-то неизлечимая смертельная язва поразила человечество и высосала из него жизнь.

Она подняла на него свои строгие глаза, горевшие мучительным волнением, и заговорила с новой энергией:

— Ваши дни были днями свободы. Да. Я всегда так думала, думала с завистью, потому что не знала счастья в моей жизни... За эти два столетия люди потеряли свободу и не сделали ни выше, ни лучше, чем были в ваше вре-

мя. Знайте: этот город — тюрьма. Теперь каждый город — тюрьма, и ключи от всех этих тюрем у Мамоны. Несчетные мириады людей трудятся как каторжные от колыбели до могилы, без всякого просвета впереди. Неужели это справедливо? И неужели так будет всегда? О да, у нас гораздо, несравненно хуже, чем было у вас. Кругом, куда ни взгляни, ничего, кроме нужды и горя. Те блага житейские, те суетные удовольствия, которые вас окружают, лежат на грани такой нищеты, такого страдания, что их не перескажешь словами. Только беднякам известно, как они страдают. И тысячи таких бедняков приняли за вас смерть в последние дни. Да, вы обязаны им жизнью.

— Я обязан им жизнью, я знаю, — печально повторил Грехэм.

— В ваше время тирания городов только еще зарождалась, — продолжала она. — А это самая ужасная тирания. В ваше время господство лордов, феодалов уже отошло в прошлое, а господство новой денежной аристократии еще не утвердилось. Половина человечества жила по деревням, среди природы. Города еще не поглотили людей. Помню, мне в детстве рассказывали повести из книг того времени... О, тогда была настоящая аристократия, истинное благородство! Да и простые смертные жили полной человеческой жизнью. Они знали, что такое честь, что такое любовь. И вы это знаете: вы пришли из того мира.

— Простите, вы немножко идеализируете... Но все равно. Допустим, что в мое время человечество знало много хороших вещей. Ну, а теперь?

— Теперь оно знает наживу и «Веселые Города», да еще рабство — вечное, позорное рабство.

— Рабство...

— Да, рабство.

— Неужели вы хотите сказать, что в ваше время люди владеют людьми, как скотом или недвижимой собственностью?

— Хуже. Вы ничего не знаете. От вас скрывают, вас развлекают, чтобы отвлечь ваше внимание... Скоро вас повезут

в «Веселые Города». Но надо, чтобы вы узнали правду. Видели вы на улицах людей в голубом — мужчин, детей и женщин с испитыми, желтыми-желтыми лицами, с потускневшими глазами?

— Еще бы! Их целые тысячи. На них натыкаешься на каждом шагу.

— Все они говорят на отвратительном жаргоне, очень слабо напоминающем английский язык.

— Да, я заметил.

— Это невольники — ваши невольники. Рабы Рабочего Общества, которого вы хозяин.

— Рабочего Общества?.. Позвольте, я, кажется, припоминаю... Когда я блуждал по городу после своего побега, я видел несколько домов... Огромные дома казарменной постройки, все на один образец, выкрашены голубой краской. Так это...

— Ну да, это дома Рабочего Общества. Как бы вам объяснить?.. Вас, конечно, поразило это преобладание голубого цвета, это однообразие костюмов... точно казенный мундир... Так вот почти треть населения нашего города носит этот мундир. А скоро будет носить половина. Рабочее Общество разрослось незаметно.

— Но что же это за общество? Объясните.

— Скажите, как поступали в ваше время с людьми, которым грозила голодная смерть?

— У нас были работные дома, содержавшиеся на счет городских доходов.

— Ах, да, работные дома. Я помню, о них говорится в истории. Так вот Рабочее Общество поглотило, вытеснило работные дома. Оно выросло из этой, как она называлась?.. — вы, наверное, помните — из Армии Спасения. Но с течением времени из религиозной организации она превратилась в коммерческое предприятие. Благотворительность — такова была первоначальная идея этого учреждения. Оно задавалось целью доставлять заработок голодному, бездомному люду, спасало его от работных домов. Но потом Совет ваших опекунов прибрал Рабочее Общество к своим

рукам, — к слову сказать, это было одно из первых приобретений Совета... Совет купил вашу Армию Спасения, и с тех пор характер учреждения совершенно изменился. Оно разбогатело и невероятно разрослось. Теперь нет ни рабочих домов, ни приютов, ни богаделен. Есть только Рабочее Общество. Его отделения разбросаны по всему миру. Повсюду вы увидите проклятый голубой мундир. Всякий рабочий — будь то мужчина, женщина или ребенок, — если он заболел или лишился заработка, в конце концов непременно попадает в лапы Рабочего Общества. Всем бесприютным и голодным только две дороги: или в голубую казарму, или в омут головой. «Веселые Города», где так хорошо и незаметно помогают отправиться на тот свет, этим людям не по карману: легкой смерти не бывает для бедняков. А в казармах Рабочего Общества в любой час дня и ночи они находят кров и пищу, но под неперемным условием — облечься в голубой мундир. С каждого приходящего за каждый день приюта берут день работы, а затем возвращают ему его платье и отпускают на все четыре стороны.

— Он, стало быть, свободен?

— Вам кажется, что это совсем не так ужасно? В ваше время люди умирали с голоду на улицах. Казалось, чего уж хуже. Но они умирали людьми. А эти, в голубой холстине... У нас есть пословица: «Голубую блузу только надень — в ней ляжешь и в могилу». Рабочее общество живет трудом бедняков и уж, конечно, принимает меры, чтобы обеспечить за собой этот труд. Является голодный, беспомощный человек, его кормят, дают ему выспаться, а там — изволь работать. Если он хорошо поработал, ему в поощрение дают два-три пенса на дешевое место в театре, в кинематографе, в танцевальном зале, на общественном обеде или на гонках. А на другой день что ему делать? Куда идти? Просить милостыню запрещено: городская полиция строго преследует нищих. Да никто и не подаст милостыни. И возвращается человек день за днем все в ту же голубую казарму. Собственное его платье наконец изнашивается, превращается в такие лохмотья, что стыдно показаться на улице. Надо прорабо-

тать несколько месяцев, чтобы скопить на новое. Да и зачем ему свое платье? Ведь он уже казенный человек. Огромное большинство детей рабочих классов рождается в родильных приютах Рабочего Общества.

За каждого такого ребенка мать обязана проработать месяц на Общество. Ребенка кормят, одевают и учат до четырнадцати лет, и за это он расплачивается двухлетней работой. И такой ребенок уж никогда не снимет голубой блузы — будьте уверены... Вот как Рабочее Общество обделывает свои дела.

— У вас, стало быть, нет ни нищих, ни бродяг?

— Нет. Все кандидаты в бродяги работают на Общество или сидят в тюрьме.

— А если такой кандидат не хочет работать?

— Заставят. От голубой казармы ему не уйти. А у них там умеют справляться с непокорными. У них есть целая градация взысканий за леность: лишение обеда и мало ли что еще... Нет, у нас не допускаются бродяги. Уехать же из города бедный человек не имеет возможности. Проезд до Парижа стоит два льва. Бедняки должны сидеть на месте, работать и не протестовать. А для непокорных у нас есть тюрьмы — темные, отвратительные. За малейший проступок — тюрьма.

— Вы говорите, почти треть населения ходит в голубой холстине?

— Теперь уже более трети. Страшно подумать: чуть ли не половина народа живет жизнью рабочего скота. Ни радости, ни надежды, никаких человеческих чувств. Единственное развлечение: слушать рассказы про «Веселые Города», существующие, словно в насмешку над позорной жизнью бедняка, его нищетой и страданиями. По всему миру разбросаны эти миллионы искалеченных, безгласных людей, не знающих ничего, кроме вечных лишений и неудовлетворенных желаний. Они рождаются, живут, как скот, и умирают. Вот до какого состояния мы дошли!

Грехэм молчал, совершенно подавленный.

— Но ведь теперь все это изменилось, — проговорил он наконец. — Недаром же была революция. Острог...

— Да, на революцию была вся надежда. Весь мир ее ждал. Но только не Острог даст народу то, что ему нужно. Острог — политик. Он не верит в лучшее будущее, да и не желает его. Страдания народа, по его мнению, неизбежное зло. Впрочем, таково мнение всех сильных мира, всех богатых и счастливых людей. Народ им нужен для достижения их политических целей: ведь унижением народа они только и живут... Но вы пришли из другой, более светлой эпохи. Все свои упования народ возлагает на вас.

Он не отрываясь глядел на нее. В ее глазах блеснули слезы. Горячая волна прихлынула ему к сердцу. В этот миг он забыл и народ, за который она так горячо ратовала, и голос совести, заговоривший в нем, — забыл все на свете под непосредственным впечатлением ее одухотворенной красоты.

— Но что же мне делать? Говорите! — вымолвил он, не сводя с нее глаз.

Она наклонилась к нему и ответила почти шепотом:

— Править. Править миром, как никто еще не правил до сих пор, — на благо и счастье людей. Вы это сможете, если захотите. Народ зашевелился везде, во всех концах мира. Даже средние классы недовольны существующим порядком вещей. Довольно одного слова, чтобы все восстали как один человек. Скажите это слово. Вы не знаете, что творится кругом. Вам не говорят. Народ не хочет больше возвращаться к своему рабскому труду. Народ отказывается сложить оружие... Не думал Острог, что, разбудив в нем надежды, он разбудит спящего льва.

У Грехэма сердце так билось, что он не мог говорить. Он старался справиться со своим волнением и вдуматься в ее слова.

— Народ ждет только вождя, — продолжала она. — Будьте же этим вождем: вы — властелин мира.

Он, наконец, отвел глаза от ее лица и сел. Наступило молчание.

— Старые мечты... старые грезы: свобода, всеобщее счастье! — заговорил он тихо. — Я сам когда-то об этом мечтал. Но может ли один человек... один?

Голос его пресекался, он замолчал.

— Нет, не один, а все, все человечество, все люди! Им нужен только вождь, человек, который смело высказал бы то, по чему они томятся, чего они хотят.

Он грустно покачал головой. С минуту оба молчали. Вдруг он поднял голову. Глаза их встретились.

— У меня нет вашей веры, нет вашей молодости, — сказал он. — И я далеко не всемогущ. Моя власть — только призрак власти... Постойте, дайте договориться... Я искренне хочу — не скажу: дать человечеству счастье — это не в моих силах, — а облегчить ему жизнь. Не от меня зависит, чтобы на земле наступил золотой век. Но вы правы: я должен действовать. И я буду действовать — это я твердо решил. Вы меня разбудили... Я сокращу Острога: он узнает свое место. Рабство рабочих прекратится — это я, во всяком случае, вам обещаю.

— Так вы будете править? Да?

— Да, но с условием...

— С каким?

— Вы будете мне помогать.

— Я?! Но что же я могу?

— Неужели вы не понимаете, что и я один не могу? Ведь я совсем, совсем один...

Она подняла на него глаза, и взгляд ее смягчился.

— Нужно ли говорить, что я готова прийти вам на помощь? — сказала она.

— Я так беспомощен...

— Отец и хозяин, — сказала она. — Мир — ваш.

Они молчали. Вдруг ударил колокол, отбивающий часы.

— Хорошо, я буду править, — проговорил он медленно и, помолчав, закончил: — С вами.

Опять наступила длинная пауза. Часы проббили час. Она продолжала молчать. Грехэм встал.

— Острог меня ждет. — Он смотрел на нее, собираясь еще что-то сказать. — Когда я стал было расспрашивать его, он... Но все равно: я и сам все узнаю. Все то, о чем вы мне говорили, я хочу видеть своими глазами. Я обойду город и посмотрю. А когда я вернусь...

— Я буду знать о вашем возвращении и буду ждать вас здесь.

Он постоял еще немного, ожидая, не прибавит ли она чего-нибудь, но она молчала. Они еще раз посмотрели друг другу в глаза испытующим взглядом; потом он повернулся и пошел в приемные комнаты Управления.

Глава 19

ТОЧКА ЗРЕНИЯ ОСТРОГА

Острог уже ждал Грехэма, чтобы отдать ему обычный отчет о событиях дня. Насколько прежде Грехэм всегда спешил отбыть эту церемонию, чтобы поскорее отдаться своему любимому занятию — урокам воздухоплавания, настолько же теперь он затягивал ее, поминутно прерывая докладчика короткими, быстрыми вопросами. Ему не терпелось взять бразды правления в свои руки и показать свою власть. Известия Острога о положении дел за границей были самые утешительные. В Париже и в Берлине, правда, произошли небольшие волнения, но то был лишь «слабый, неорганизованный протест», и в обоих городах порядок скоро был восстановлен.

— Дело в том, — прибавил Острог, понукаемый настойчивыми расспросами Грехэма, — что за последние годы Коммуна снова подняла голову. В этом-то, собственно говоря, и коренится главная причина теперешней борьбы.

Тогда Грехэм, становившийся с виду тем спокойнее, чем больше он волновался, спросил, не было ли в городе вооруженных столкновений.

— Было одно небольшое... в одном только квартале. Но, к счастью, на место вовремя подоспели аэропланы с Сенегальской дивизией нашей африканской сельской полиции. Полиция Соединенного Африканского Общества прекрасно обучена... Мы ожидали беспорядков в континентальных городах и в Америке. Но в Америке все спокойно. Все очень довольны низвержением Совета, по крайней мере пока.

— А почему вы ожидали беспорядков? — резко спросил Грехэм.

— В низах идет брожение. Народ недоволен существующим строем.

— Рабочим Обществом, может быть?

— Вы быстро учитесь, я вижу, — вырвалось у Острога. Но он сейчас же спохватился и ответил спокойно: — Да, недовольны они главным образом Рабочим Обществом. Это недовольство и было первой причиной, вызвавшей революцию. А ваше пробуждение послужило для нее ближайшим толчком.

— А затем?

Острог улыбнулся.

— Ну-с, все это было нам как нельзя более на руку. — Он становился совсем откровенным. — Мы постарались расшевелить это недовольство. Мы воскресили старые идеалы всеобщего счастья, покоившиеся мирным сном в течение двух столетий. Старые, отжившие идеи: все равны... все благоденствуют... каждый имеет свою долю на жизненном пиру и так далее, и так далее. Вам это, конечно, знакомо. Несбыточные глупые бредни! Но нам они пригодились: без них мы бы не могли низвергнуть Совет. А теперь...

— Теперь?

— Теперь революция завершилась, Совет пал, но народ продолжает волноваться. Видно, мало усмиряли... Правда, мы сами раззадорили его обещаниями. Удивительно, с какой силой и быстротой оживает и разрастается этот расплывчатый гуманизм вашей допотопной эпохи. Даже мы были поражены успехами революции — мы, сами посеявшие ее семя. Пришлось прибегнуть к силе. В Париже, как я вам уже говорил, мы были вынуждены вызвать подкрепление из-за границы.

— А здесь?

— И здесь не все идет гладко. Десятки тысяч рабочих хотят возвращаться к работе: объявили всеобщую забастовку. Половина фабрик пустует. Народ толпится на улицах. Толкуют про Коммуну. Человек в приличном костюме не

может показаться на улице, чтобы не подвергнуться оскорблениям. Голубые ждут от вас великих и богатых милостей. Но вам нечего беспокоиться. Мы приняли меры. Говорильные машины расставлены во всех частях города и красноречиво призывают к порядку. Стоит только не выпускать из рук узды, и мы их усмирим. Мы действуем смело.

Грехэм ответил не сразу. Он обдумывал свои возражения, не желая быть слишком резким.

— Я знаю, — проговорил он наконец очень сдержанно, — вы даже негров из Африки вызываете для усмирений.

— Негры — полезный народ, — заметил спокойно Острог. — Хорошая рабочая сила. Здоровые, послушные животные, не зараженные вредными идеями, как наша здешняя сволочь. Если б Совет в свое время организовал из негров городскую полицию, дела могли бы принять другой оборот... Но вам-то, повторяю, нечего бояться, здесь ничего не может произойти, кроме отдельных маленьких вспышек. И, наконец, в крайнем случае, у вас есть собственные крылья, и в случае нужды вы улетите на Капри: вы ведь теперь умеете летать... Все главные ресурсы современной техники в нашем распоряжении. Наши инженеры ветряных двигателей получают такое огромное жалованье, что, уж конечно, останутся нам верны. То же самое и аэронавты. Все летательные аппараты, таким образом, в наших руках, и мы полные господа воздушной стихии. А в наше время быть господином воздуха значит быть господином Земли. Против нас не может organizоваться никакая сколько-нибудь крупная сила. У них нет даже вождей, если не считать вожаков нескольких отделов тайного сообщества, которое мы же и учредили незадолго до вашего пробуждения. Все это мелкие честолюбцы или сентиментальные дураки. Все завидуют друг другу и грызутся между собой. Ни один не может стать центральной фигурой. Стихийное движение, народный мятеж — вот единственное, чего еще мы можем опасаться. Это возможно, не скрою. Но это не помешает вашим воздушным полетам. Те времена, когда народные массы могли делать перевороты, давно миновали.

— Кажется, что так, — задумчиво проговорил Грехэм. — Вообще ваш век, должен сознаться, поражает меня неожиданными. Мы в наше время, помню, бредили демократическим строем, мечтали о наступлении блаженной поры, когда все люди будут, как братья, и не будет обездоленных на Земле.

Острог бросил на него острый взгляд.

— Дни демократизма прошли, — сказал он. — Прошли и не вернуться. Они кончились с той минуты, когда народные массы перестали одерживать победы, когда на смену лучникам Кресси и марширующей пехоте пришли дорогостоящие пушки, броненосцы и стратегические железные дороги. Мы живем в эпоху торжества капитала. Владычество денег никогда еще не было так велико. Деньги подчинили себе землю, море и небо. И за теми, кто владеет этой новой силой, — вся власть. Таковы факты, а с фактами приходится считаться... Мир для толпы?! Толпа — властелин мира?.. Помилуйте! Да даже в ваше время это положение было отвергнуто как нелепость. Теперь же оно имеет лишь одного сторонника — бессильного, ничтожного — человека толпы.

Грехэм молчал, подавленный мрачными думами.

— Но царство толпы миновало, — продолжал Острог. — Люди толпы еще могли развернуться в деревне, на просторе полей. Тогда народилась первая аристократия — аристократия захвата власти. То были смельчаки, проявлявшие свое удалство набегами, поединками, грабежами. Но их строго усмирили. Первая долговечная аристократия, закованная в железные доспехи, возникла вместе с укрепленными замками. Но и она не устояла перед пушкой и ружьем. Ныне наступило царство второй аристократии — настоящей. Дни огнестрельного оружия были сравнительно еще днями демократизма. Теперь же человек толпы — ничтожество, ноль. Наш век — век колоссальных предприятий, гигантских машин, чудовищных городов. Где же рядовому человеку разобраться в этом сложном механизме общественных отношений?

— Однако же вы сами говорите, что у вас не все идет гладко, — заметил Грехэм. — Есть какая-то сила, которую вам приходится сдерживать, подавлять.

— О, на этот счет можете быть покойны, — ответил с принужденной улыбкой Острог, отмахивая в сторону все затруднения величественным жестом руки. — Поверьте, не затем я поднял эту силу, чтобы она обрушилась на меня.

Грехэм вдруг выпрямился и заговорил другим голосом:

— Не в этом вопрос.

Острог насторожился.

— Неужели так будет всегда? — продолжал Грехэм уже с нескрываемым волнением. — Неужели так должно быть? Неужели напрасны были все наши надежды?

— Что вы хотите сказать? Какие надежды? — спросил растерянно Острог.

— Я жил в демократический век. Спустя двести лет я попадаю в другую, новую эпоху, и что же я застаю? Аристократическую тиранию!

— Да. Но вы забываете, что вы сами — главный тиран.

Грехэм сдвинул брови.

— Ну хорошо, оставим в стороне личности, — сказал Острог. — В том, что вы видите кругом, нет ничего ненормального. Господство аристократии, то есть избранных, лучших, страдания и вымирание неприспособленных — таков естественный ход прогресса.

— Вы говорите — аристократия. Да неужели же все эти господа, с которыми я теперь встречаюсь...

— О нет, не эти! — перебил Острог. — Это конченные люди. Легкая жизнь и разврат очень скоро сведут их в могилу. Все они умрут, не оставив потомства. Такие типы заранее обречены на вымирание; конечно, если человечество пойдет тем путем, каким оно шло до сих пор, и не свернет на другую дорогу. Широкий простор для всевозможных эксцессов, облегчение перехода к небытию для прожигателей жизни!

— Все это прекрасно, — сказал Грехэм. — Но, кроме прожигателей жизни, есть еще толпа — миллионы трудя-

щегося бедного люда. А этим что же остается? Тоже вымирать?.. Нет, эти не вымрут, они будут жить. Но они страдают, и страдания их — такая сила, которую даже вы...

Острог нетерпеливо дернул плечом, и когда он снова заговорил, голос его звучал уже далеко не так елейно:

— Напрасно вы волнуетесь. Дня через три-четыре все будет улажено. Толпа — большое глупое животное, и не нам бояться ее. Толпа не вымрет, вы правы, но толпу укрощают и ведут за собой. Я ненавижу рабов. Вы, верно, слышали два дня тому назад, как орала и пела на улицах эта сволочь. Это они с чужого голоса пели. Если б вы попросили любого из них объяснить, ради чего он так надсаживается, он не сумел бы ответить. Они воображают, что старались для вас, хотели доказать вам свою верность и преданность. Еще вчера они готовы были своими руками передуть всех членов Совета, а сегодня уже ропщут на нас за то, что мы низвергли Совет.

— Неправда! — перебил Грехэм. — Они ропщут потому, что у них не стало больше терпения, потому что их жизнь — сплошная мука. Они взывают ко мне, потому что верят в меня и надеются...

— На что надеются? И на каком основании? Какие их права? Получать щедрую плату за никуда не годную работу — вот чего они требуют, чего хотят... На что они могут надеяться? На что и вообще-то может надеяться человечество? Что придет день, когда на Земле воцарится сверхчеловек, когда все низшее, слабое, скотское будет или вычеркнуто из жизни, или покорено. Убогим, слабоумным вырождакам нет места в этом мире. Их прямой долг, святая обязанность — умереть. Смерть неудачникам! Лишь этим путем вымирания слабых могла инфузория дорости до человека, и этот же путь, надо надеяться, поможет человеку дорости до существа высшего порядка.

Острог прошелся по комнате, что-то обдумывая, потом снова повернулся к Грехэму:

— Я представляю себе, какой должна казаться наша сложная жизнь англичанину времен Виктории. Вам жаль

ется, будет вас сопровождать... Что ж, идите, идите, это положительная хорошая мысль.

У Грехэма вдруг мелькнуло одно подозрение.

— А вам не понадобится мое присутствие в эти дни? — неожиданно спросил он.

— О, нет, не думаю. Во всяком случае, на такое короткое время вы можете, мне кажется, доверить мне дела, — проговорил Острог улыбаясь. — Если бы даже мы расходились во мнениях...

Грехэм зорко взглянул на него.

— В ближайшем будущем не ожидается вооруженных столкновений?

— Нет, нет!

— Я хотел только сказать... Я вспомнил о вашей африканской полиции... Об этих неграх. Не думаю, чтобы народ был враждебно настроен против меня... Да, наконец, не в этом дело. Я не хочу, чтоб негры вызывались в Лондон для усмирений. Слышите? Не хочу! Я ваш повелитель, и такова моя воля. Может быть, это предрассудок архаического человека, но у меня свои понятия о взаимных отношениях европейцев и подчиненных рас.

Острог из-под насупленных бровей внимательно наблюдал за выражением лица своего собеседника.

— Я не собирался вызывать в Лондон негров, — проговорил он нехотя, — но если...

— Вооруженные негры не явятся в Лондон ни в каком случае, — сказал Грехэм. — Что бы ни произошло. Это я твердо решил.

Острог почтительно поклонился, рассудив за благо не отвечать.

Глава 20

НА УЛИЦАХ

В тот же вечер Грехэм, сохраняя полное инкогнито, в народной форме низшего служащего при Управлении ветряных двигателей, сопровождаемый Асано в рабочей синей блу-

зе, осматривал город, по улицам которого несколько дней тому назад он бродил в темноте. Теперь он видел этот город при полном освещении, бодрствующим и кипящим жизнью. Несмотря на дурную волну революции, только что пронесшуюся над страной, несмотря на раздававшийся крутом ропот недовольства — предвестник новой великой борьбы, в которой та первая вспышка была лишь прелюдией, — торговая жизнь текла здесь по-прежнему широкой, могучей рекой. Грехэм уже знал кое-что о гигантском размахе нового века, но тем не менее подробности поражали его на каждом шагу, ослепляя бесконечной сменой ярких впечатлений, пестрыми волнами красок.

Впервые за все время своей новой жизни он так близко соприкасался с народом. Он понял теперь, что все, им виденное раньше, если не считать мимолетных впечатлений от рынков и театров, имело исключительный характер, не выходило из относительно узкой области политики и что все его переживания до сих пор вертелись около вопроса о его собственном положении. Теперь же перед ним был город в самые оживленные часы ночи; он видел народ, уже вернувшийся в значительной мере к своим обычным занятиям, видел повседневную будничную жизнь, нравы и обычаи новой эпохи.

Не успели они выйти на первую улицу, как наткнулись на огромную толпу: все подвижные платформы на противоположной стороне были битком набиты рабочими в голубых ливреях. Грехэм сейчас же заметил, что эта толпа составляла часть процессии. Странно было видеть процессию, совершающую свое шествие сидя. Многие держали знамена из толстой красной материи, с грубо наляпанными на них воззваниями в таком духе: «Не складывать оружия!», «Зачем нам разоружаться?», «Будьте на страже!» и так далее. Знамя мелькало за знаменем — целый поток красных знамен, и наконец раздалась Песня Восстания под громкий аккомпанемент каких-то неизвестных инструментов.

— Это все забастовщики, которым следовало бы быть на работе, — сказал Асано. — Все они уже два дня не ели, кро-

ме, может быть, немногих, которым посчастливилось что-нибудь украсть.

Мало кто спал в городе в эту ночь: все высыпали на улицу. Крутом слышались возбужденные голоса. Народ со всех сторон теснил Грехэма; толпа сменяла толпу. У него мутилось в уме от этого неумолчного гама, от криков и загадочных обрывков фраз. Все это были недвусмысленные признаки разгоревшейся великой борьбы. И повсюду его, Грехэма, популярность подчеркивалась черными знаменами и черными драпировками, украшавшими стены домов. Он то и дело ловил слова на грубом уличном жаргоне, каким говорили необразованные классы, еще не доросшие до науки учителей-фонографов. И всюду в воздухе носился все тот же клич: «Не разоружайтесь!» — тревожный клич, требовавший, очевидно, безотлагательных мер, о чем он не слышал ни намека за все время, что просидел в Управлении ветряных двигателей. И он дал себе слово, как только вернется, переговорить с Острогом в более решительном тоне, чем он говорил до сих пор: и об этом странном призыве не разоружаться, и о том, что выражает этот призыв.

Дух тревоги и возмущенного протеста, царивший в городе в ту ночь, до такой степени поглощал его внимание с самого начала их скитаний, что он просмотрел много странных вещей, которые иначе непременно бросились бы ему в глаза. Его преследовала неотвязная мысль о значении этой тревоги, благодаря чему впечатления его были бессвязны, отрывочны. И все-таки кругом было столько странного, поражающего, что самое сосредоточенное настроение не могло бы сохранить во всей своей цельности и не уступить иной раз место впечатлению какой-нибудь яркой картины. Бывали моменты, когда революционное движение совершенно вылетало у него из головы перед какой-нибудь поразительной бытовой сценкой нового века. Сама Элен, заставившая заговорить в нем голос совести, поднявшая в его душе мучительный вопрос о долге, минутами отступала куда-то далеко за пределы его сознания.

Один раз, например, он заметил, что они пересекают церковный квартал (подвижные улицы создавали такую легкость сообщений, что не было больше надобности иметь отдельные молельни в каждой части города), и внимание его было привлечено фасадом здания, принадлежавшего одной из христианских сект. Они ехали с большой скоростью, сидя на одной из верхних быстроходных платформ, и этот фасад вынырнул перед ними на повороте улицы, быстро приближаясь. Весь он сверху донизу был испещрен крупными надписями — белыми буквами по голубому. Но посередине вместо надписей светилась большая кинематографическая картина, изображающая очень реально сцену из Нового Завета под черной драпировкой в знак того, что господствующая религия идет рука об руку с политикой момента. Грехэм уже настолько освоился с фонетическим написанием, что без труда разбирал надписи. Они поразили его, как невероятное кощунство: «Спасение души в первом этаже направо», «Копите денежки и не забывайте вашего творца», «Самое скорое в Лондоне обращение грешников — опытные мастера: не зевайте!», «Что сказал бы Спящему Христос?», «Идите по стопам святых вашего века», «Будь христианином, но не в ущерб твоим коммерческим делам», «На кафедре сегодня все знаменитые епископы. Цены обыкновенные», «Молитвы на скорую руку для деловых людей».

Таковы были самые безобидные начертания.

— Возмутительно! — вырвалось у Грехэма, когда это оглушительное меркантильное благочестие развернулось перед ними во всей красе.

— Что такое? — спросил его маленький адъютант, пробегая глазами надпись за надписью и, видимо, не понимая, что могло так его поразить.

— Все! Где ж тут вера? Где душа, сущность религии?

Асано удивленно взглянул на него.

— Ах, это! Вас это шокирует? — протянул он тоном человека, сделавшего открытие. — Впрочем, оно и понятно. Я забыл, в наше время конкуренция так обострилась, что ничего не поделаешь без реклам. А с другой стороны, люди

так заняты, что не могут уделить времени заботам о душе. Не то что в старину. — Он улыбнулся. — У вас, в ваши дни, была идиллия — деревенский простор, тихие субботние вечера, посвящавшиеся молитве. Впрочем, я где-то читал, что начиная с вечера воскресенья, и у вас уже...

— Нет, но это! — повторил Грехэм, оглядываясь назад, на отступающую вдаль голубую с белым пестроту реклам. — И это, наверное, не единственная религиозная община, прибегающая к таким...

— Их у нас сотни, и прибегают они к самым разнообразным приемам для рекламы. Но ведь если секта скромно молчит, она не имеет дохода. Религия, как и все прочее, шагнула вперед вместе с веком. Есть у нас секты для высших классов: те поприличнее. Там вы увидите и дорогие обряды с ладаном, и приличную исповедь, и все такое. Но такие, как эта, гораздо популярнее и богаче. Вот за это самое помещение, что мы сейчас видели, они платят несколько дюжин львов Совету, то есть вам.

Грехэм все еще плохо разбирался в новой монетной системе. Но упоминание о «львах» напомнило ему об этой системе, и в один миг он забыл все эти крикливые новые храмы с их меркантильной паствой, заинтересовавшись новым вопросом. Ответы Асано подтвердили то, о чем он и раньше догадывался: золото и серебро как монетные единицы давно вышли из употребления, и золотая чеканная монета, воцарившаяся в мире с легкой руки финикийских купцов, была развенчана. Перемена эта совершилась постепенно, но быстро благодаря быстрому распространению системы чеков, которая уже и в его времена на практике почти совершенно вытеснила золото во всех крупных торговых сделках. Теперь же вся городская, да и вся мировая торговля производилась при помощи маленьких чеков Совета на предъявителя — коричневых, зеленых и розовых в зависимости от суммы платежа. У Асано было с собой несколько штук таких чеков, которыми он и расплачивался, когда приходилось платить. Напечатаны они были не на бумаге, а на полупрозрачной шелковистой ткани, очень прочной на вид, и на

всех стояло факсимиле подписи Грехэма. Таким образом, в первый раз после двухсот с лишним лет он снова увидел знакомые изгибы и завитушки своего автографа.

Затем начались новые впечатления, но ни одно из них не было особенно ярко, так что мысли его постоянно возвращались к вопросу о разоружении. Больше всего другого поразила его вывеска одного теософского храма, сулившая «Чудеса». «Чудеса» эти были выведены огромными огненными буквами, которые то вспыхивали, то гасли.

На Нортумберлендском проспекте перед ними открылось здание общественной столовой. Это заинтересовало его. Благодаря энергии Асано он скоро получил возможность хорошо осмотреть внутренность этой столовой с крытой галерейкой, предназначавшейся для прислуги. В обширный обеденный зал, над которым тянулась галерейка, доносился какой-то странный заглушенный рев, минутами переходивший в резкий визг. Грехэм не понимал значения этих звуков, но они напоминали ему тот таинственный сдавленный голос говорительной машины, который он услышал в ночь своих одиноких скитаний по городу в тот момент, когда снова зажглись осветительные шары.

Он уже привык к чудовищным размерам зданий и к многолюдству, и тем не менее эта картина огромного зала, наполненного жующими людьми, поразила его. И лишь после того как он хорошо присмотрелся к сервировке стола и получил ответы на свои бесчисленные вопросы по поводу различных деталей, ему стало ясно значение этой колоссальной общей трапезы нескольких тысяч человек.

Вообще он постоянно замечал с удивлением, что многое такое из жизни новой эпохи, что, казалось бы, должно было сразу броситься ему в глаза, не производило на него впечатления до тех пор, пока его не заинтересовывала своей загадочностью и не наводила на размышления какая-нибудь подробность. Так и теперь: до этой минуты он не догадывался, что все эти обширные залы и коридоры громадного города, слившегося в одно непрерывное целое под общей крышей и не боящегося таких случайностей, как

перемена погоды, означают уничтожение домашнего очага; что типичный «свой дом» времен королевы Виктории — маленький кирпичный особнячок с кухней и кладовой, со спальнями и столовой — стерт с лица земли (если не считать развалин, торчащих кое-где на пустыре, окружавшем город) так же окончательно и бесповоротно, как шалаш дикаря. И теперь только он понял то, что мог бы заметить с самого начала, а именно — что Лондон, рассматриваемый с точки зрения жизни его населения, представляет собой уже не агрегат отдельных домов, а гигантскую гостиницу с бесконечной градацией житейских удобств, с десятком тысяч общих столовых, часовен, театров, рынков и всяких публичных мест — целый синтез предприятий, которых он, Грехэм, был главным хозяином. Жильцы имели свои спальни, быть может, даже уборные, вполне удовлетворяющие санитарным условиям, хоть и разных степеней комфорта, а день проводили приблизительно так же, как проводили его и при Виктории обитатели новых больших отелей: или занимались спортом, разговаривали, читали, думали — все на людях! — или же отбывали свою работу в промышленных кварталах, или сидели в торговых конторах.

Он видел теперь, что новый город был лишь логическим, неизбежным развитием того типа города, какой существовал и в его время. Экономия труда посредством кооперации — такова была основная причина возникновения новейших городов. Еще при его современниках главной помехой к исчезновению домашнего очага была сравнительная некультурность народа, страсти и предрассудки, сильно укоренившееся варварское чувство личной гордости, зависть, соперничество и грубость низших и средних классов, исключавшие всякую возможность слияния смежных хозяйств. Но народ уже и тогда быстро приручался. Ему самому за короткий тридцатилетний период его прежней жизни приходилось наблюдать, как быстро распространялся обычай обедать вне дома, как маленькие кофейни вытеснялись просторными и людными общественными столовыми, как вырастали один за другим женские клубы, читальни, библи-

отеки и другие публичные места. То, что тогда было лишь в зачаточном виде, теперь выросло и расцвело. Замкнутый домашний очаг, защищенный крепкими запорами от посторонних вторжений, отошел в область преданий.

Те люди, что сидели внизу, принадлежали, как оказывалось, к низшим слоям среднего класса, стоявшим лишь ступенью повыше синих рабочих, — к тем самым слоям, для которых во времена Виктории было до такой степени непривычным делом есть не в тесном домашнем кругу, что когда такой человек случайно попадал на обед в публичном месте, он старался скрыть свое смущение под напускным весельем и вызывающей развязностью манер. Эти же люди в ярких, хоть и в дешевых костюмах, не отличались большой общительностью, но и не дичились друг друга; они ели быстро, с деловым видом и держались свободно и просто.

Он заметил еще один маленький, но характерный факт. Обеденный стол на всем своем протяжении оставался безукоризненно чистым во время еды; ни тени того хаоса хлебных крошек, пятен соуса и пролитого вина, разбросанных ножей и вилок, каким была бы непременно отмечена шумная трапеза эпохи Виктории. И убранство стола было другое: никаких украшений — ни ваз, ни цветов. Не было даже скатерти, ибо верхняя крышка стола была сделана, как ему сказали, из какого-то прочного состава, похожего видом на камку, и вся она была покрыта рекламами, расположенными изящным узором.

Возле каждого обедающего стоял открытый шкафчик с очень сложным столовым прибором. Тарелки были белого фарфора; ножи, вилки и ложки — тоже белые, из какого-то красивого металла. Но всего этого было только по одной перемене, и после каждого блюда каждый обедающий сам мыл свой прибор, пользуясь двумя кранами с холодной и горячей летучей жидкостью, бывшими у него под рукой.

Суп и вошедшее во всеобщее употребление искусственное вино получались из таких же кранов, а остальные кушанья, разложенные на блюдах с большим вкусом, автоматически двигались по серебряным рельсам вдоль стола.

Каждый останавливал то или другое блюдо по своему выбору и брал сколько хотел, кушанья появлялись из дверцы на одном конце стола и исчезали на другом. То извращенное демократическое чувство, та ложная гордость, которая видит нечто постыдное в оказании друг другу мелких услуг, была, очевидно, очень сильна у этих людей.

Грехэм был так поглощен всеми этими наблюдениями, что, только выходя, заметил огромную диораму реклам, торжественно передвигавшуюся вокруг зала вдоль верхней части стен и предлагавшую публике самые заманчивые вещи по части всяких житейских удобств.

Они перешли в другой зал, тоже битком набитый народом, и здесь-то он открыл источник загадочного рева, долетавшего в первый зал. На одну секунду они остановились у рогатки, заплатили за вход и вошли. Грехэм услышал оглушительный вой, а затем раздался скрипучий механический голос:

— Властелин спокойно поживает! Он в добром здоровье. Остаток жизни хочет посвятить авионавигации. «Женщины теперь прекраснее прежнего», — говорит он... Га! Га! Наша образцовая цивилизация поражает его превыше всякой меры. Превыше всякой меры... Га! Га! Он вполне полагается на Острога. Безусловно, доверяет ему. Острог — голова, Острог будет его первым министром. Он уполномочен смещать и назначать чиновников. Все казенные места в его руках. Все места в руках Острога. Члены Совета отправлены в свою собственную тюрьму, что над залом Атласа...

Грехэм застыл на месте при первой же фразе. В недоумении озираясь кругом, он поднял голову и увидел глупую рожу автомата с разинутым ртом, из которого вылетал этот рев. Это была говорильная машина для репортерских сообщений. С минуту она как будто набиралась духу: было слышно, как что-то пыхтит внутри ее цилиндрического тела. Потом опять раздалось оглушительное «га! га!», и опять она заревела:

— Париж усмирен! Соппротивление подавлено! Га! Га! Все важные стратегические пункты заняты черной полици-

ей. Черные храбро дрались, во время боя пели песни, написанные в честь их предков поэтом Киплингом. Случилось, правда, раза два, что они вышли из повиновения. Досталось-таки тогда пленным инсургентам — пленным и раненым. Ни мужчин, ни женщин не щадили. А мораль — не бунтуйте! Га! Га!.. Молодцы ребята эти негры! Ни перед чем не останавливаются. Так и надо! Пусть это будет уроком нашей разнузданной черни. Да, черни, подонкам человечества. Га! Га!..

Голос умолк. В зале пронесся ропот:

— Проклятые негры!

Вдруг возле них какой-то человек заговорил, обращаясь к толпе:

— Так вот как поступает наш повелитель, ребята! Вот как он поступает!

— Черная полиция? — пробормотал Грехэм. — Что это значит? Неужели?..

Асано тронул его за плечо и посмотрел на него предостерегающим взглядом. В это время другая говорильная машина пронзительно взвизгнула и заорала диким голосом:

— Ха-ха-ха! Послушайте живую газету! Живую газету! Ха-ха!.. Возмутительные насилия в Париже! Доведенные до отчаяния черной полицией, парижане избивают ее. Ужасные репрессии! Возвращаются варварские времена. Кровь! Кровь! Ха, ха!..

Тут первая машина гаркнула во все горло: «Га! Га!», заглушив последнюю фразу противника, и посыпала, но уже тоном пониже, новыми комментариями по поводу ужасов происходящей смуты:

— Закон и порядок прежде всего! Прежде всего закон и порядок! — трещала она.

— Но как же... — начал было Грехэм.

— Не возражайте, — шептал ему Асано. — Может выйти спор, и тогда...

— Ну так уйдем, — сказал Грехэм. — Я хочу видеть все своими глазами.

Только теперь, проталкиваясь со своим спутником к выходу в возбужденной толпе, окружавшей машины, он впол-

не оценил размеры этого зала. Всех говорильных машин, больших и малых, визжащих и ревуших, лепечущих и скрипящих, в нем было около тысячи, и возле каждой стояла своя толпа взволнованных слушателей, все больше мужчин в синей холстине. Машины были всех размеров, начиная с маленького болтливового аппарата, пересыпавшего глупым хихиканьем свои сентенции и остроты, и кончая такими пятидесятифутовыми гигантами, как тот ревун, который оглушил Грехэма при входе.

Необычайное стечение публики объяснилось тем, что все с горячим интересом следили за ходом событий в Париже. Борьба была, очевидно, гораздо ожесточеннее, чем говорил Острог. Все машины были заняты обсуждением этой борьбы. Их слова повторялись толпой, и огромный улей гудел отрывистыми фразами: «Народ казнил полицейских», «Женщин жгли живьем» и в таком духе.

— Но как допускает это повелитель? — спросил один из толпы, мимо которого они проходили. — Так-то начинает свое правление наш государь?

«Так-то начинает свое правление государь?» И долго, после того как они вышли из зала, преследовала Грехэма эта фраза и рев и визг машин: «Га! Га!.. Ха-ха-ха! Так-то начинает свое правление государь?»

Как только они вышли на улицу, он приступил к Асано с вопросом о причинах парижских событий.

— Зачем это разоружение? Из-за чего волнуется народ? Что все это значит?

Асано, видимо, старался об одном: уверить его, что «все благополучно».

— Но эти жестокости! Чем вы их объясните?

— Лес рубят — щепки летят, сами знаете, — сказал Асано. — Бунтует только чернь, да и то лишь в одном квартале. Все остальные спокойны. Нет во всем мире более необузданных дикарей, чем парижские рабочие... да еще наши, пожалуй.

— Как! Лондонские?

— Нет, японцы. Им нельзя давать спуска.

— Но жечь женщин живьем!..

— Коммунаров, — поправил Асано. — Разве вы не знаете коммунаров? Ведь это грабители. Вы господин Земли; мир — ваша собственность. А им только позволь: они отнимут у вас все и отдадут Землю во власть черни... Но у нас не будет Коммуны. Нам черная полиция не понадобится... Их долго щадили. Им и теперь оказано снисхождение. Ведь это все их собственные негры — из французских колоний: сенегальские полки, с Нигера, из Тимбукту.

— Полки? — переспросил Грехэм. — Я думал, что только один...

Асано искоса посмотрел на него.

— Ну нет, не один... немного побольше.

Грехэм почувствовал себя совершенно беспомощным.

— Я не думал... — начал было он, но вдруг круто оборвал на полуслове и перешел к вопросам насчет говорильных машин.

Говорильными машинами в публичных местах, как объяснил ему Асано, пользовались только низшие классы (и действительно, толпа, которую они видели в зале машин, состояла из очень бедно одетых людей, почти из оборванцев). У людей зажиточных классов были свои машины. В каждой приличной квартире устанавливалась от города говорильная машина, которую квартирохозяин мог соединить проводами с любым из крупных газетных синдикатов по своему выбору.

— Почему же нет говорильной машины в моем помещении? — спросил Грехэм, выслушав это объяснение.

Асано удивился.

— Разве нет? Я и не знал, — сказал он. — Должно быть, Острог приказал убрать.

Грехэма покорило.

— Мне он ничего не сказал. Почему же я мог знать? — вырвалось у него.

— Может быть, он думал, что так вам будет покойнее, — заметил Асано.

Грехэм немного подумал, потом сказал:

— Сейчас же, как только мы вернемся, я велю снова поставить на место машину.

Не без труда уразумел он тот факт, что этот обеденный и газетный залы были не главными центральными учреждениями такого рода, что такие точно залы были во множестве разбросаны по всему городу. Но потом, во время их ночной экспедиции, в каждом новом квартале, куда они попадали, до ушей его сквозь уличный гам поминутно доносилось или своеобразное «га! га!» гигантской говорильной машины, органа Острога, или пронзительное «ха-ха-ха! Слушайте живую газету» — его главного конкурента.

Не менее распространенным в городе учреждением были детские ясли. Одно из таких заведений они посетили теперь, отправившись туда прямо из общественной столовой. Поднявшись на лифте, они перешли стеклянный мост, перекинутый над обеденным залом и над ближайшей из подвижных улиц, и очутились у входа в первое отделение яслей. Здесь они предъявили особый билет за собственноручной подписью Спящего, без чего посторонних не пропускали. Перед ними немедленно вырос человек в лиловом плаще с золотой пряжкой (атрибут практикующих врачей) и объявил с почтительным поклоном, что он готов их сопровождать. По обращению этого господина Грехэм догадался, что инкогнито его открыто, и, уже не стесняясь, принялся расспрашивать об устройстве заведения и о странных приспособлениях, попадавшихся ему на глаза.

По обе стороны коридора, устланного мягкой дорожкой, заглушавшей шаги, тянулись узенькие дверки, размерами и видом напоминавшие двери тюремных одиночных камер эпохи Виктории. Но верхняя часть каждой дверки была из того самого зеленоватого прозрачного вещества, которое окружало его при его пробуждении, и в каждой камере сквозь эту прозрачную пленку виднелись неясные очертания мягкого гнездышка — колыбели с новорожденным младенцем внутри. При каждой колыбельке был сложный аппарат, контролировавший температуру и влажность и подававший звонок в центральное управление при малей-

шем уклонении от нормы. Система таких яслей, как узнал Грехэм, почти окончательно вытеснила старомодный способ вскармливания новорожденных, зависевший от стольких случайностей и сопряженный с риском. Их проводник не замедлил обратить его внимание на кормилиц-автоматов с удивительно реально подделанными под живое тело руками, плечами и грудью, но вместо ног имевших медные подставки, а вместо лица — плоский круг с объявлениями для матерей, которые приходили навещать младенцев.

Из всех странных вещей, на каждом шагу поражавших Грехэма в ту ночь, ничто не шло до такой степени в разрез с его понятиями, с привычками всей его жизни, как эти детские ясли. Маленькое, беспомощное красное существо с крошечными ручками и ножками, слабо шевелящееся в своих первых робких попытках к движению, — и уже покинуто, уже не знает материнской ласки, материнского поцелуя! Его отталкивало, ему претило это зрелище. Но сопровождавший их доктор был другого мнения. Его статистика доказывала с бесспорной очевидностью, что во времена королевы Виктории самым опасным периодом в жизни ребенка был период кормления грудью и что детская смертность за этот период достигала ужасающей цифры, тогда как Международный Синдикат детских яслей не терял и полупроцента из миллиона младенцев, находившихся на его попечении. Но даже эти убедительные цифры не могли поколебать предубеждения Грехэма.

В одном из коридоров они наткнулись на молодую чету в синей холстине, стоявшую у одной из узеньких дверок. Оба — и муж и жена — хохотали до слез, заглядывая сквозь прозрачную дверь на лысую голову своего первенца. Должно быть, по лицу Грехэма они прочли, что он думал о них, ибо веселье их мигом прекратилось и уступило место смущению. Этот маленький инцидент только укрепил в нём сознание той пропасти, которая лежала между его взглядами, его симпатиями и нравами нового века. Глубоко взволнованный и возмущенный, прошел он вслед за своим провожатым во второе отделение, предназначенное для детей, уже начинающих

ползать, и затем в детский сад. Бесконечная анфилада комнат для игр была совершенно пуста. Слава богу! Современные дети еще спали по ночам. Маленький японец мимоходом обратил его внимание на игрушки нового типа, представлявшие, впрочем, лишь дальнейшее развитие идей вдохновенного сентименталиста Фребеля. В этом отделении были живые няньки, но многое и здесь исполнялось машинами. Машины забавляли детей, пели, плясали, нянчили и укачивали.

Но все-таки Грехэму далеко не все было ясно.

— Как жаль: столько сирот, — проговорил он задумчиво, невольно возвращаясь к своему первому впечатлению, и во второй раз услышал, что между этими детьми почти нет сирот.

Когда они вышли из яслей, он с ужасом заговорил о бедных малютках, которых выращивают искусственным способом, точно растения в парниках.

— Неужто нет более материнства? — говорил он. — Или оно было просто ломаньем?.. Нет, материнство, несомненно, инстинкт... А это... это так неестественно, так ужасно!..

— Отсюда мы пройдем в танцевальный зал, — сказал Асано вместо ответа. — Там, наверное, полно: политические неурядицы этому не мешают. Наши женщины, за немногим исключением, не слишком-то интересуются политикой. Там вы увидите современных матерей. В Лондоне большинство молодых женщин имеют детей. В наших средних классах редко бывает больше одного ребенка в семье, но иметь одного считается почти обязательным: это доказывает, так сказать, жизненность организма. Ну, а что касается материнского инстинкта, то он не заглох, могу вас уверить. Матери очень гордятся своими детьми: часто приходят сюда взглянуть на свое потомство.

— Вы вот сказали: не больше одного ребенка в семье. Так, значит, население земного шара...

— Убывает? Да. Но только не в среде голубых. Этот народ так беспечен...

Воздух вдруг зазвенел звуками плясовой музыки. Перед ними открылся широкий проход с рядами великолепных

колонн, судя по виду, из чистого аметиста, и вдоль этого прохода мимо них (они подходили сбоку) неслась веселая ватага танцующих с криками и смехом. Мелькали пышные прически, локоны, венки на головах, пестрая смесь ярких красок, шелестящие складки развевающихся одежд. Все это мчалось и кружилось в торжествующем бешеном вихре.

— Да, мир изменился, — проговорил Асано со слабой усмешкой. — Сейчас вы увидите матерей новой эры... Свернемте сюда. Скоро мы опять увидим эту толпу, только сверху.

Они поднялись сперва на одном лифте, очень быстро, потом на другом — значительно медленнее. По мере того как они подымались, музыка становилась все громче. Но вот задорные, резвые звуки, словно вырвавшись на свободу, разлились бурной волной, и, поднимаясь все выше под переливы этой волны, они стали наконец различать топот многих сотен танцующих ног. Заплатив за вход у рогатки, они вошли в широкую галерею, висевшую над танцевальным залом, и перед ними предстала изумительная картина — волшебное сплетение движения и звуков, красок и форм.

— Вот матери и отцы тех детей, которых вы только что видели, — сказал Асано.

Этот зал не отличался такой пышностью убранства, как зал Атласа, но по размерам это было самое грандиозное из всего, что видел до сих пор Грехэм. Прекрасные белоснежные статуи, поддерживавшие на своих плечах своды галерей, еще раз напоминали ему о возрождении скульптуры в новом веке. Как красиво, причудливо изгибались их стройные тела, как заманчиво улыбались их губы. Источник музыки, гремевшей в зале, был невидим, но звуки ее наполняли каждый его уголок, и все пространство блестящего гладкого пола было усеяно танцующими парами.

— Взгляните на них, на этих матерей, — шепнул Грехэму маленький японец. — Как видите, они умеют веселиться.

Галерея, на которой они стояли, тянулась вдоль верхнего края внутренней стены, не доходившей до потолка и отделяв-

шей танцевальный зал от другого, наружного, с широкими открытыми арками, так что с галереи видно было непрерывное движение, и был слышен грохот мчащихся подвижных платформ. В наружном зале была тоже толпа, не менее многолюдная, чем та, что плясала внутри, но далеко не в таких блестящих костюмах; большинство было в неизменной синей форме Рабочего Общества, так хорошо теперь знакомой Грехэму. Эти не могли попасть на бал за неимением денег, но были не в силах уйти от соблазнительных звуков. Многие, недолго думая, тут же расчистили себе место и в своих развевающихся лохмотьях отплясывали с большим увлечением, гикая в такт и выкрикивая какие-то шуточки, которых Грехэм не понимал. Кто-то в темном углу принялся было насвистывать припев революционного гимна, но сейчас же умолк, точно ему заткнули рот. За темнотой Грехэм не мог рассмотреть, что там произошло. Он опять повернулся к танцевальному залу. Над карнизами выступали бюсты знаменитых людей — всех тех, кого новый век признавал своими эмансипаторами и пионерами в различных областях человеческой мысли. Их имена по большей части были не знакомы Грехэму, но он узнал между ними Грант Аллена, Ле Галлиенна, Ницше, Шелли, Годвина. Ниспадавшие крупными складками фестоны черной драпировки заставляли еще резче выступать огромную надпись, красовавшуюся под огромным потолком. «Праздник пробуждения», о котором она возвещала, был, видимо, в полном разгаре.

— Мириады людей решили отпраздновать этот день, — сказал Асано. — А рабочие бастуют сами по себе, по другим причинам. Этот народ всегда рад задать себе праздник, лишь бы увильнуть от работы.

Грехэм подошел к парапету и, перегнувшись вниз, стал смотреть на танцующих. Если не считать двух-трех нежных парочек, шептавшихся по углам, на галерее были только он да его провожатый. Снизу поднималось теплое дыхание жизни, бьющей ключом. Воздух был пропитан запахом духов. Все танцующие — как женщины, так и мужчины — были очень легко одеты, с обнаженными руками, с открытой

шей. У многих мужчин были длинные локоны, придававшие им женоподобный вид. Все были бритые, некоторые нарумянены. Между женщинами было много очень красивых, и все они были одеты с утонченным кокетством. Грехэм с любопытством следил за проносившимися парами. Да, положительно, эта толпа наслаждалась до самозабвения. Это видно было по возбужденным пылающим лицам, по томно полуоткрытым глазам.

— К какому классу принадлежат эти люди? — неожиданно спросил он.

— К классу рабочих — привилегированных рабочих. Или, по-вашему, к среднему классу. Мелкие независимые ремесленники давно исчезли с лица земли. А эти все больше служащие в крупных предприятиях, мастера по всем специальностям, техники. Сегодня праздник, и все танцевальные залы переполнены. Все церкви и молельни — тоже.

— А женщины?

— То же самое. У нас существует бесчисленное множество отраслей женского труда. Впрочем, тип женщины-работницы родился еще в ваше время. Теперь же большинство женщин живут независимо, своим трудом. Но почти все они замужем... более или менее, — у нас имеется много видов брака. Это увеличивает их годовой доход и дает им возможность веселиться.

— Вижу, — сказал Грехэм, глядя на раскрасневшиеся лица, кружившиеся в бешеном вихре, и не будучи в силах отделаться от кошмара красненьких детских ножек и ручек, беспомощно зывавших о ласке. — Все это матери, говорите вы?..

— Да, большинство.

— Чем ближе я смотрю, тем сложнее кажется мне ваша жизнь... вообще проблемы жизни. Вот это, например, совершенный сюрприз для меня — такой же, как события в Париже.

Он помолчал и снова заговорил:

— Все это матери. Так. Когда-нибудь, надеюсь, я усвою себе современные взгляды. Я слишком сжился со старыми

привычками, порожденными, вероятно, старыми потребностями, которые уже отжили свое время. В мое время считалось, что дело женщины не только рожать детей, но и растить, лелеять, отдавать им всю себя, воспитывать их. В мое время ребенок был обязан матери всем, что было самого существенного в его умственном и нравственном воспитании. Или он совсем не получал воспитания. Правда, тогда было много детей, которые росли без всякого присмотра. Теперь же, очевидно, нет больше надобности в материнском уходе: детей выращивают, как личинок. Все это прекрасно, но зато прежде был идеал — образ серьезной, терпеливой женщины с ясной душой, кроткой царицы домашнего очага, матери, творящей людей. Любовь к матери была своего рода религией...

Он опять помолчал и повторил задумчиво:

— Да, религией.

— С изменением потребностей меняются идеалы, — заметил маленький японец.

Ему пришлось повторить свои слова, потому что Грехэм их не слышал.

— Вы правы, — сказал он, когда очнулся от своего минутного забытья и вернулся к действительности. — Что существует, то разумно, я и сам понимаю. Воздержание, самоограничение, вдумчивость, самоотвержение были нужны в эпоху варварства, когда жизнь была полна опасностями. Аскетизм — дань человека непобежденной природе. Но ныне человек покорил природу во всех практических веществах. Общественные дела вершатся мастерами вроде Острога с их черной полицией, и люди наслаждаются жизнью...

Он снова посмотрел на танцующих.

— Наслаждаются от души.

— Бывают и у них тяжелые минуты, — проговорил Асано.

— Все они здесь выглядят молодыми. Я был бы самым старым между этими людьми. А в мое время я считался человеком средних лет.

— Да, здесь все молодежь. В наших городах мало стариков среди этого класса.

— Как так?

— Жизнь старика в наше время не слишком приятна, если только он не достаточно богат, чтобы нанимать себе сиделок и любовниц. Поэтому у нас имеется особое учреждение, так называемое Эвфаназия...

— А, знаю, легкий переход к смерти.

— Да. Это последнее удовольствие в жизни, и очень дорогое. Компания Эвфаназии знает свое дело. Вы уплачиваете определенную сумму вперед, затем отправляетесь в «Веселые Города» и возвращаетесь усталым, истощенным, живым мертвецом.

— Не скоро я пойму ваши порядки, — заметил после паузы Грехэм. — Но я вижу, что во всем этом есть логическая связь. Наша броня суровой добродетели, жестоких самоограничений была необходимым оплотом против опасностей и шаткости жизни. Но уже и в наше время стойки и пуритане были вымирающим типом. В старину человек ограждал себя от страдания, теперь он ищет наслаждений. В этом вся разница. Цивилизация изгнала страдания и опасность для обеспеченных людей. А ведь у вас только обеспеченные идут в счет... Я проспал двести лет...

С минуту они стояли у парапета, любуясь запутанными фигурами танца. Картина была действительно очень красивая.

— Клянусь богом, — сказал вдруг Грехэм, — я предпочел бы быть солдатом и умирать от ран или замерзнуть в снегу, стоя на часах, чем быть одним из этих нарумяненных дураков.

— Может быть, замерзая в снегу, вы думали бы иначе, — заметил Асано.

— Я недостаточно цивилизован, и в этом все мое горе, — продолжал Грехэм, не слушая его. — Я первобытный дикарь, человек каменного века. А у этих людей уже заглох источник гнева, страха и негодования. Привычка, жажда жизни берут свое, и они чувствуют себя весело, легко и свободно. А меня это глубоко возмущает. Что делать, вам придется примириться с моими допотопными понятиями. Эти

люди — привилегированные рабочие, говорите вы. И вот, пока они здесь пляшут, другие люди сражаются, умирают в Париже за спасение мира, чтобы они могли плясать.

Асано чуть-чуть улыбнулся.

— Ну, уж коли на то пошло, так и в Лондоне люди умирают.

Грехэм ничего не ответил.

— А где спят все эти люди? — спросил он после минутной паузы.

— Выше и ниже этого зала все этажи заняты спальнями, — сказал Асано.

— Значит, тут они и живут? А работают где?

— Сегодня вы едва ли застанете кого-нибудь на работе. Половина рабочих или шатаются по улицам, или стоят под ружьем. А остальные празднуют. Но если вы хотите, мы обойдем те места, где происходят работы.

Грехэм постоял еще немного, следя за танцующими, потом вдруг отвернулся.

— Довольно с меня, я хочу видеть рабочих, — сказал он.

Асано повел его вдоль галереи, пересекавшей зал. Вскоре они дошли до поперечного прохода, откуда тянуло свежим воздухом. Асано взглянул в ту сторону, проходя, потом вдруг повернул назад и, улыбаясь, обратился к Грехэму:

— Государь, здесь есть кое-что вам знакомое... и все-таки... Но нет, я вам не скажу. Идемте!

И он пошел вперед по крытому проходу. Грехэму сразу стало холодно. По изменившемуся звуку шагов он догадался, что они идут по крытому мосту. Спустя минуту они вышли в круглую галерею, забранную стеклами для защиты от наружного воздуха и огибавшую кольцом большую круглую комнату, которая показалась ему знакомой, хоть он и не мог припомнить в точности, бывал ли он тут раньше и когда. В этой комнате стояла приставная лестница — первая, которую он видел после своего пробуждения. Они поднялись по ней и очутились в холодном темном помещении, где увидели другую такую же лестницу, стоящую почти вертикально. Грехэм все еще не понимал, что это было за

место. Но когда они поднялись наверх по второй лестнице, он догадался, где они: он увидел металлическую решетку, за которую держались его пальцы. Он был на куполе собора Св. Павла.

Собор лишь немногим возвышался над общей площадью городских крыш, уходя верхушкой в тихий сумрак ночи. Округлые очертания купола, отливавшие жирным блеском под светом далеких огней, покато спускались и исчезали в зияющей внизу темноте.

Он взглянул вверх, на безоблачное небо: звезды сияли по-прежнему. На западе виднелась Капелла, вставала Вега, а прямо над ним, свершая свой путь вокруг полюса, торжественно плыли семь ярких звезд Большой Медведицы.

Все эти созвездия были ясно видны, ибо с этой стороны ничто не застилало неба. Но на востоке и на юге гигантские круглые тени вертящихся колес ветряных двигателей совершенно закрывали вид: за ними не видно было даже ослепительного света огней вокруг ратуши. На юго-западе, над заревом, отсвечивавшим в небе от осветительных шаров, висел Орион и, как бледный призрак, выглядывал из-за тонкого переплета железных скреплений. Со стороны одной из летательных станций доносился вой сирены, возвещавшей о том, что аэроплан готовится к отлету.

С минуту Грехэм молча смотрел на огни летательной станции, потом взгляд его снова обратился к звездам. Он долго молчал и наконец сказал, улыбаясь в темноте:

— Как странно, что я опять стою на куполе Святого Павла и опять вижу эти знакомые тихие звезды... Положительно, это самое странное из всего.

Затем Асано повел его дальше. После бесконечных поворотов длинного перехода они пришли в торговые кварталы, где происходила, между прочим, крупная биржевая игра и где в какой-нибудь час наживались и терялись состояния. Перед Грехэмом открылась нескончаемая анфилада высоких залов с нагроможденными один над другим рядами галерей, на которые выходили тысячи контор, с запутанной сетью пешеходных мостиков, воздушных рельсовых путей,

трапеций и кабелей. Сильнее, чем где-либо, бился здесь пульс интенсивной жизни, торопливой работы, не поддающейся никакому учету. Повсюду лезла в глаза назойливая реклама. Мutilось в голове от этой пестроты красок и огней. Бесчисленные говорильные машины наполняли воздух резкими выкриками на идиотском жаргоне: «Разуйте глаза и не зевайте!», «Валите сюда, дурачье, и хватайте!».

Вся анфилада залов и галерей была переполнена народом, и все эти люди были или поглощены темными гешефтами, или охвачены горячкой игры — так, по крайней мере, казалось Грехэму.

С большим удивлением он узнал, что за последние дни в этих кварталах было сравнительно безлюдно, так как недавний политический переворот сократил до небывалого минимума количество коммерческих сделок. Один огромный зал был весь занят столами с рулеткой, и вокруг каждого стола стояла возбужденная, потерявшая человеческий образ толпа игроков. В другом зале был настоящий содом: женщины и мужчины, с перекошенными бледными лицами, с надувшимися от напряжения красными шеями, визжали и ревели во всю глотку, продавая акции какого-то абсолютного фиктивного предприятия, выдававшего каждые пять минут дивидент в десять процентов и погашавшего в то же время некоторую часть своих акций при помощи лотерейного колеса.

Во все эти дела и делишки вкладывалось столько энергии, что, казалось, вот-вот начнется общая свалка. Пройдя несколько шагов, Грехэм увидел густую толпу и посередине ее двух почтенных коммерсантов, которые ругались, как извозчики, и уже готовы были вцепиться друг в друга, поспорив из-за какого-то шекотливого пункта коммерческой этики. Очевидно, в жизни еще оставалось кое-что, из-за чего стоило драться. Подальше он наткнулся на крикливое объявление, горевшее кроваво-красным пламенем огромных букв, в два раза больше человеческого роста: «ГАРАНТИРУЮТ ХОЗЯИНА».

— Какого хозяина? — спросил он.

— Вас.

— В чем же меня гарантируют? Не понимаю.

— Разве в ваше время не было гарантий?

Грехэм подумал.

— Может быть, вы хотите сказать — страхования?

— Ну да, гарантия, страхование... это одно и то же. Так это называлось в старину, теперь припоминаю. Страхуется ваша жизнь. Полисы раскупаются дозандами народа, на вас ставят мириады львов. Это та же игра. Играют и на других — на всех известных людей. Смотрите!

Толпа шарахнулась вперед, заревела, и Грехэм увидел, что большой черный экран загорелся новой кроваво-красной надписью еще больших размеров: «Годовая рента на хозяина — «х 5 пр. Г». Общий рев еще усилился. Несколько человек, запыхавшиеся, с дико выпученными глазами, простирая вперед жадные руки, ловя воздух хищно скрюченными пальцами пробежали мимо. У тесного входа началась неистовая давка.

Асано наскоро сделал подсчет.

— Семнадцать процентов в год с гарантируемой суммы. Не дали бы они так много, государь, если б увидели вас в эту минуту. Но они не знают. Прежде страхование вашей жизни было верным помещением капитала, но теперь, разумеется, это не что иное, как азартная игра. Эта последняя ставка — безнадежное дело. Сомневаюсь, чтобы спекулирующие выручили свои деньги.

Толпа, прибывавшая с каждой минутой, так крепко стиснула их, что они не могли податься ни вперед, ни взад. В числе спекулирующих Грехэм заметил очень много женщин и вспомнил то, что говорил ему Асано об экономической независимости прекрасного пола в двадцать втором столетии. Современные дамы ничуть не терялись в толпе и отлично умели постоять за себя, очень ловко работая локтями, в чем ему пришлось убедиться на собственных боках. Одна интересная особа с кудряшками на лбу, затертая в давке, в двух шагах от него, сперва все поглядывала на него очень внимательно (он даже подумал, уж не узнала ли она

его), потом протиснулась ближе, толкнула его плечом — едва ли случайно — и взглядом, древним, как мир, дала ему понять, что он заслужил ее благосклонность. Их скоро разлучил, став между ними клином, почтенный седобородый старец, очень высокий и худой. В своем благородном стремлении к самопомощи, вспотевший, как мышь, от доблестных усилий, он продирался вперед, слепой ко всему земному, кроме сверкавшей перед ним приманки «х 5 пр. Г».

— Я не хочу больше этого видеть, — сказал Грехэм Асано. — Не затем я вышел на улицы. Покажите мне рабочий народ. Я хочу видеть людей в синей холстине. А эти сумасшедшие паразиты...

Но тут его сдавило напором толпы.

Глава 21

ОБОРОТНАЯ СТОРОНА

Из делового квартала они направились в отдаленную часть города, где было сосредоточено производство. Дорогой они дважды пересекли Темзу и прошли через широкий виадук, идущий поперек одной из больших дорог, ведущих в город с севера. Впечатление в обоих случаях получилось беглое, но яркое. Река представляла широкую, блестящую, покрытую рябью полосу черной воды, протекающую под арками зданий и исчезающую в темноте, где мерцали блестящие отраженных огней. Ряд темных барок, управляемых людьми в синих блузах, двигался по направлению к морю. Дорога представляла длинный, очень широкий и высокий тоннель, вдоль которого бесшумно и быстро двигались громадные колеса машин. И здесь тоже в изобилии виднелись синие мундиры Рабочего Общества. Грехэма больше всего поразила плавность движения двойных платформ и величина и легкость огромных пневматических колес сравнительно с размерами вагонов, которые они приводили в движение. Его внимание почему-то особенно приковал к себе очень узкий и высокий вагон с продольными металличе-

скими перекладинами, на которых были подвешены сотни свежих бараньих туш. Край арки внезапно заслонил перед его глазами дальнейшую картину.

Однако они скоро покинули движущуюся платформу и спутались на лифте в наклонный проход. Они дошли таким образом до другого лифта, на котором опять спустились, и тут картина изменилась. Даже намек на какие бы то ни было архитектурные орнаменты исчез здесь совершенно; огней стало меньше, и они были тусклее, а здания по мере углубления в фабричные кварталы становились все массивнее по отношению к занимаемому ими пространству. И всюду — в пыльном воздухе гончарных мастерских, среди колес машины, размалывающей полевой шпат, около горнов в металлических мастерских и среди озер пылающего, необработанного идамита — виднелись синие блузы мужчин, женщин и детей.

Многие из этих огромных пыльных галерей, ведущих в машинные отделения, были пусты и безмолвны. Виднелся бесконечный ряд потухших горнов, указывавший на революционную приостановку работ. Но всюду, где работы еще производились, они исполнялись медленно и вяло рабочими, одетыми в синие холщовые блузы. Единственные люди, не одетые в синий холст, были надсмотрщики и рабочая полиция в оранжевых мундирах.

Под свежим впечатлением раскрасневшихся лиц в танцевальных залах и деятельной энергии делового квартала Грехэм невольно обратил теперь внимание на утомленные глаза, впалые щеки и слабые мускулы большинства рабочих новой эпохи. Те, которых он видел здесь, на работе, были явно ниже в физическом отношении нескольких старших надсмотрщиков и надсмотрщиц, одетых в светлые цвета и руководивших работами. Дюжие работники времен королевы Виктории отошли в прошлое вслед за ломовыми лошадьми и тому подобными производителями силы и совершенно исчезли. Их драгоценные мускулы заменились остроумными машинами. Рабочий позднейших времен, как мужчина, так и женщина, главным образом представлял со-

бою разум машины и был ее кормильцем, слугой и помощником или даже артистом, действующим, впрочем, всегда под чужим руководством.

Женщины в сравнении с теми, которые сохранились в памяти Грехэма, отличались, как на подбор, невзрачностью и плоскогрудостью. Двести лет эмансипации от всех нравственных стеснений, налагаемых пуританской религией, двести лет городской жизни сделали свое дело и уничтожили женскую красоту и силу этой бесчисленной толпы работниц в синих холщовых блузах. Красота и ум, привлекательность и исключительность всегда прокладывали дорогу к освобождению от грязной работы и открывали доступ в «Веселые Города» с их наслаждениями и великолепием и далее — к Эвфразии и покою. Вряд ли можно было ожидать, чтобы эти люди, получающие такую скудную умственную пищу, могли устоять против подобных искушений. Во время прежней жизни Грехэма новые, накапливающиеся в молодых, развивающихся городах рабочие массы представляли собой разнообразную толпу, подчиняющуюся традициям личной чести и высшей нравственности. Теперь же они дифференцировались в отдельный класс, имевший свои физические и нравственные особенности и даже свой собственный диалект.

Они спускались все ниже по направлению к фабричным кварталам. Скоро они очутились под одной из подвижных улиц и увидели ее платформы, двигавшиеся по рельсам прямо над их головами, и полосы белого света, пробивавшиеся сквозь щели между ее поперечными перекладинами. Те фабрики, где работы не производились, были скудно освещены. Грехэму казалось, что они погружались в темноту вместе со своими гигантскими машинами. Впрочем, и там, где работы не прекращались, освещение все же было довольно скудное по сравнению с городскими улицами.

По ту сторону огненных озер расплавленного идамиты находились заповедные мастерские ювелиров. Грехэм лишь с затруднением и только при помощи своей подписи был допущен в эти галереи, высокие, темные и скорее даже про-

хладные. В первой из них несколько человек были заняты выделкой золотых филигранных украшений. Каждый из этих рабочих сидел отдельно, на маленькой скамейке, возле маленькой лампы под абажуром. Странное впечатление производил длинный ряд этих светлых пятен вдоль темной галереи. Ярко освещенные проворные пальцы, быстро перебирающие желтые блестящие полоски металла и напряженные, внимательные лица, склонившиеся над работой, казались призрачными видениями, вынырнувшими из окружающей темноты.

Работа исполнялась превосходно. Однако не было ни малейшего намека на самостоятельность и изобретательность. Большею частью выделялись разные причудливые орнаменты или же исполнялись сложные геометрические фигуры. Рабочие тут носили особую белую форму, без всяких карманов и рукавов. Они надевали ее, когда приходили на работу, а вечером, перед уходом, снимали ее и подвергались осмотру, прежде чем оставляли владения Компании. Однако полисмен рабочей компании сказал вполголоса Грехэму, что, несмотря на все эти предосторожности, Компанию все же нередко обкрадывают.

В следующей галерее женщины гранили и оправляли пластинки искусственного рубина. Рядом с этой галереей мужчины и женщины были заняты выделыванием медной сети, служащей основой для рубиновых пластинок. У многих из этих рабочих губы и ноздри были синевато-белого цвета, что было результатом особой болезни, развившейся под влиянием работы с пурпуровой эмалью, которая была тогда в большой моде.

Асано старался оправдываться перед Грехэмом в том, что повел его такой дорогой, где вид испорченных лиц мог произвести на него неприятное впечатление. Но эта дорога была удобнее.

— Это как раз то, что я хотел видеть, — сказал Грехэм, стараясь не показать своего ужаса при виде особенно обезображенного лица, внезапно очутившегося перед ним.

— Она могла бы быть осторожнее и не так обезобразить себя, — заметил Асано.

Грехэм возмутился.

— Но сэр, — возразил Асано, — без пурпура мы не можем приготовить этих вещей. В ваши дни люди могли выносить грубые изделия, но ведь они были ближе к варварству на целых двести лет!

Они продолжали идти вдоль одной из самых нижних галерей фабрики изделий из рубина и пришли к маленькому мосту, образующему род свода. Взглянув через перила вниз, Грехэм увидел пристань под такими огромными арками, каких еще он никогда не видел. Три баржи, наполовину скрытые в облаках белой мучнистой пыли, выгружали при помощи целой толпы кашляющих людей свой груз размолотого полевого шпата. Каждый рабочий двигал маленькую тележку. Пыль наполняла все пространство, образуя удушливый туман, придававший желтый оттенок электрическому свету. Жестикующие тени рабочих то появлялись, то исчезали на длинной белой известковой стене. То и дело какой-нибудь из них останавливался и начинал кашлять.

Туманная масса громадных каменных сооружений, поднимающихся над чернильными водами реки, напомнила Грехэму о множестве дорог, галерей и лифтов, которые, поднимаясь этажами над его головой, отделяли его от поверхности земли. Люди работали молча, под наблюдением двух полисменов рабочей полиции, и только шаги их производили глухой звук, когда они ступали по плитам.

В то время как Грехэм наблюдал эти сцены, в темноте раздался чей-то голос, начавший петь.

— Молчать! — крикнул полицейский, но его приказание не было исполнено. Сначала один, а потом и все покрытые белой пылью рабочие вызывающе подхватили припев Песни Восстания. Шаги рабочих, ступающих по плитам, отбивали такт этой песни: «трамп! трамп! трамп!» Полицейский, отдавший приказание, взглянул на своего товарища, и Грехэм увидел, что тот пожал плечами. Он больше не делал попыток прекратить пение.

Так ходили они по фабрикам и местам, где трудился народ, и видели много тяжелых и прискорбных вещей.

Эта прогулка оставила в уме Грехэма вереницу смутных и постоянно меняющихся картин. Он видел громадные залы, битком набитые целыми толпами людей, гигантские своды, исчезающие в облаках пыли, сложные машины, длинные ряды ткацких станков с бегущими нитями, слышал тяжелые удары дробильных машин, грохот и скрип ремней и машинных приборов, видел плохо освещенные подземные боковые отделения для спальных мест и бесконечный ряд тусклых огней. В одном месте он ощутил запах дубильной кожи, в другом — запах пивоварни, в третьем — испарения, не поддающиеся никакому определению. И везде он видел столбы и арки такой массивной постройки, каких он никогда не видел доселе. Это были кирпичные титаны, на которые опиралась громадная тяжесть этого сложного мирового города, давящего своей сложностью миллионы живущих в нем анемичных людей. И потому он видел бледные лица, тощие, изможденные члены, уродство и вырождение.

Три раза Грехэм слышал Песню Восстания во время своего долгого и неприятного странствования по этим местам. В конце одного прохода он увидел беспорядочную свалку. Это были крепостные рабочие, захватившие свой хлеб раньше окончания работ. Поднимаясь по направлению к улицам, Грехэм увидел детей в синих блузах, бегущих в поперечный проход, и тотчас же понял причину их паники, так как увидал отряд рабочей полиции, вооруженной дубинками и направляющейся скорым шагом в ту сторону, где произошли какие-то беспорядки. Вдали где-то начиналась смута, но большинство из этих оставшихся рабочих продолжали работать, работать без всякой надежды. Все то воодушевление, которое еще сохранилось у этого падшего человечества, сосредоточилось в эту ночь наверху, на улицах, где раздавались громкие крики, звавшие повелителя, и где люди шумно и мужественно хватались за оружие.

Грехэм и его спутник снова очутились на движущейся платформе, ослепленные ярким светом центрального прохода. Они скоро различили отдаленный лязг и визг машин одного из отделов службы всеобщих известий. Но вдруг по-

казались бегущие люди, и вдоль платформы и на улицах слышались крики и возгласы. Пробежала женщина, на побледневшем лице которой выражался безмолвный ужас. Другая бежала за ней, задыхаясь и пронзительно крича.

— Что такое случилось? — спросил с недоумением Грехэм, так как он не мог понять их жаргона. Только когда он услышал настоящую английскую речь, он понял, в чем дело, и узнал, что кричали все эти люди, пробегая мимо, что заставляло женщин визжать от страха и что внезапно разнеслось по всему городу, как первые предвестники надвигающейся грозы, вселяя повсюду ужас и вызывая содрогание.

— Острог вызвал черную полицию в Лондон! Черная полиция идет сюда из Южной Африки! Черная полиция!.. Черная полиция...

Лицо Асано побледнело, и на нем выразилось удивление. Он с минуту колебался, затем взглянул на Грехэма и рассказал ему то, что сам уже знал раньше.

— Но как они узнали об этом? — спрашивал он себя с изумлением.

Грехэм услышал, как кто-то крикнул:

— Прекратите всякую работу! Прекратите всякую работу!

Какой-то смуглый горбун, смешно и пестро одетый в зеленое с золотом, вскочил вприпрыжку на движущуюся платформу, громко крича на хорошем английском языке:

— Это сделал Острог! Острог — негодяй! Повелитель обманут!..

Голос его хрипел, и тонкая струйка пены капала из его отвратительного кричащего рта. В его криках слышался невыразимый ужас, вызванный действиями черной полиции в Париже. Он удалился, продолжая выкрикивать: «Острог — негодяй!»

На мгновение Грехэм остановился, так как ему снова пришло в голову, что это сон. Он взглянул на громады высоких зданий по обеим сторонам пути, исчезающих в голубоватом тумане поверх фонарей, посмотрел вниз на жужжа-

шие ярусы движущихся платформ, на бегущих, кричащих и жестикулирующих людей...

— Повелитель обманут!.. Повелитель обманут!..

И вдруг он понял действительное положение вещей. Его сердце забилося сильнее.

— Настало, — сказал он. — Я должен был бы знать это! Час настал!..

Он поспешно прибавил:

— Что же мне делать?

— Вернитесь назад, в Дом Совета, — сказал Асано.

— Но отчего бы мне не обратиться?.. Ведь народ находится здесь!

— Вы только потеряете время. Они будут сомневаться, не поверят, что это вы. Но они непременно соберутся около Дома Совета. Там вы найдете их вождей. Ваша сила там, с ними!

— Быть может, это только слух?

— Но это похоже на правду, — возразил Асано.

— Положем фактов!

Асано пожал плечами.

— Лучше идти к Дому Совета! — закричал он. — Именно туда они все направятся. Пожалуй, уже теперь нельзя пройти через развалины.

Грехэм нерешительно взглянул на него, но все же последовал за ним.

Они поднялись на верхнюю быстроходную платформу, и там Асано заговорил с одним рабочим, который отвечал ему на простонародном жаргоне.

— Что он говорит? — спросил Грехэм.

— Он знает очень мало. Впрочем, он сказал, что черная полиция явилась бы сюда раньше, чем кому-нибудь это стало известно, если б кто-то в Управлении ветряных двигателей не проведал про это и не разгласил этого. Он говорит, что это была девушка...

— Девушка?

— Он так сказал. Но он не знает, кто она такая. Она вышла из Дома Совета, громко крича, и рассказала об этом людям, работавшим в развалинах.

Снова раздался крик, давший определенное направление беспорядочному народному движению. Этот крик пронесся, точно ветер, вдоль улиц.

— Все по местам! Все по местам! Каждый человек получает оружие! Каждый пусть идет на свое место!

Глава 22

БОРЬБА В ДОМЕ СОВЕТА

Асано и Грехэм направились к развалинам около Дома Совета, повсюду встречая возбужденную толпу. Волнение все возрастало. «Все по местам! Все по местам!» — поминутно раздавались крики. Мужчины и женщины, бросив свою подземную работу, бежали к лестницам подземного прохода. В одном месте Грехэм увидел арсенал революционного комитета, осажденный толпой кричащих людей. В другом несколько человек, одетых в ненавистную оранжевую форму рабочей полиции, спасаясь от преследующей толпы, перескочили на быстроходную платформу, движущуюся в противоположном направлении.

По мере того как Грехэм и его спутник приближались к правительственным зданиям, призыв «По местам!» превратился в один общий несмолкаемый крик. Что кричали отдельные люди, разобрать было нельзя.

— Острог обманул нас! — рычал какой-то человек охрипшим голосом, и эта фраза, повторяемая несколько раз над самым ухом Грехэма, оглушала и преследовала его. Этот человек стоял рядом с ним на быстроходной платформе и кричал что-то тем, которые толпились на нижних платформах. Его крик относительно Острога сменялся по временам какими-то непонятными приказаниями, которые он отдавал. Но вскоре он спрыгнул вниз и исчез.

В ушах Грехэма продолжал звучать этот крик. У него не было никакого определенного плана, и он не знал, как поступить. Он думал о том, чтобы обратиться к толпе с какого-нибудь возвышения и чтобы встретиться с Острогом ли-

цом к лицу. В душе его закипало бешенство. Он чувствовал сильнейшее возбуждение, мускулы у него были напряжены и руки невольно сжимались.

Путь к Дому Совета через развалины был уже непроходим, но Асано обошел это затруднение и провел Грехэма через центральное почтовое управление. Оно номинально продолжало работать, но почтальоны в синей одежде лениво передвигались, постоянно останавливаясь под арками галереи, чтобы посмотреть на бегущих мимо и кричащих людей. «Пусть каждый отправляется на свое место!.. Каждый должен быть на своем месте!..» Здесь Грехэм, по совету Асано, открыл, кто он такой.

Они переправились в Дом Совета в кабине, движущейся по канату. В короткий промежуток времени после капитуляции советников произошли большие перемены в наружном виде развалин. Каскады морской воды, низвергавшиеся с шумом из разорванных труб, были прекращены, и громадные временные трубы были проложены вверху над головами, поддерживаемые рядами непрочных на вид балок. Небо снова заслонила сеть восстановленных кабелей и проводов, обслуживавших Дом Совета. А слева от белого здания выдавалась масса подъемных кранов и строительных машин, которые двигались взад и вперед.

Подвижные пути, проходящие через эту область, были тоже восстановлены, хотя они теперь еще двигались под открытым небом. Это были те самые пути, которые Грехэм видел с маленького балкона в тот час, когда проснулся, девять дней тому назад. В некотором отдалении отсюда находился раньше зал, где он лежал в спячке: теперь на этом месте была лишь груда бесформенных каменных обломков.

Был уже день, и солнце ярко светило на небе. Быстроходные платформы, появляясь из освещенных голубым электрическим светом подземных проходов, были наполнены людьми, которые все более и более густой толпой собирались над обломками и хаосом развалин. Воздух был наполнен их криками, и все устремлялись и теснились к центральному зданию. Грехэм заметил, что среди этой толпы

существовало стремление установить нечто вроде грубой дисциплины, но большинство все же представляло бесформенную массу. И повсюду раздавались голоса, взывавшие к порядку: «Все на свои места! На свои места!»

Кабель доставил их в зал, в котором Грехэм тотчас же узнал преддверие зала Атласа, находившегося над галереей, по которой он проходил с Говардом через час после своего пробуждения, чтобы показаться Совету, который теперь исчез. Но тут было пусто, и только два служителя при кабеле еще оставались на своих местах. Они, по-видимому, были чрезвычайно удивлены, узнав в человеке, соскочившем вниз, Спящего, который тотчас же спросил их:

— Где Острог? Я должен немедленно видеть Острога! Он ослушался меня. Я вернулся, чтобы взять власть из его рук...

Не дожидаясь Асано, Грехэм поднялся по ступеням на дальнем конце зала и, отвернув занавес, очутился перед лицом вечно работающего Титана.

Зал был пуст. Его внешность, однако, сильно изменилась после того, как он его видел в первый раз. Она довольно-таки сильно пострадала от первого революционного взрыва. С правой стороны огромной статуи верхняя часть стены была разрушена на протяжении двухсот футов, и пролом был заткнут такой же стекловидной перепонкой, какая окружала Грехэма, когда он проснулся. Это до некоторой степени заглушало гул толпы, доносившийся снаружи. «По местам!.. По местам!.. По местам!..» — все еще кричали там. Сквозь эту перепонку просвечивали балки и подпорки железных подмостков, которые то поднимались, то опускались, управляемые целой толпой рабочих. На зеленоватом фоне этой картины виднелась строительная машина, неподвижно простиравшая теперь свои огромные рычаги, выкрашенные в красный цвет, точно тонкие металлические руки, которые служили для того, чтобы брать глыбы пластического минерального теста и аккуратно прилаживать их, придавая им нужные форму и положение. Около машины стояли рабочие и смотрели на гудящую внизу толпу.

Грехэм на минуту остановился, смотря на эту картину, и Асано догнал его.

— Острог находится там, в маленьких комнатах правления, — сказал он.

Асано был мертвенно бледен и всматривался в лицо Грехэма.

Они не прошли и десяти шагов, как с левой стороны Атласа поднялась вверх узкая панель в стене, и оттуда вышел Острог в сопровождении Линкольна и двух одетых в черные и желтые цвета негров. Он прошел через зал по направлению к другой панели, которая тоже раскрылась перед ним.

— Острог! — крикнул Грехэм, и при звуках его голоса маленькая группа с удивлением повернулась.

Острог что-то сказал Линкольну, и один подошел к Грехэму. Грехэм заговорил, и голос его звучал повелительно и громко.

— Что это я слышу? — спросил он. — Вы призываете сюда негров, чтобы удержать в повиновении народ?..

— Давно пора! — отвечал Острог. — Они все больше и больше отбиваются от рук после восстания. Я слишком легко отнесся...

— Не хотите ли вы сказать, что эти проклятые негры находятся уже в дороге?

— Да. Но ведь вы же видели, что делается там, снаружи?

— Ничего удивительного! Но после всего, о чем вы говорили... Вы слишком много берете на себя, Острог!

Острог ничего не ответил, но подошел ближе.

— Эти негры не должны являться в Лондон. Я повелитель здесь, и они не должны приезжать сюда!

Острог взглянул на Линкольна, который тотчас же приблизился к нему вместе со своими двумя служителями.

— Отчего же нет? — спросил Острог.

— Белые люди должны управляться только белыми. Притом же...

— Но негры здесь только орудие!..

— Это не имеет отношения к делу. Я тут повелитель, и хочу им оставаться! Говорю вам: негры не должны быть здесь!

— Народ...

— Я верю в народ!

— Потому что вы сами анахронизм — вы человек прошлого, случайность! Вы, быть может, владеете половиной собственности всего мира, но повелителем его вы не можете быть. Вы слишком мало знаете для этого!

Острог снова взглянул на Линкольна и прибавил:

— Я знаю теперь, что вы думаете, и догадываюсь о том, что вы намерены делать. Но и теперь еще не поздно предостеречь вас. Вы мечтаете о человеческом равенстве, о социалистическом порядке! В вашем уме сохранились в полной силе эти обветшалые мечты девятнадцатого века. И вы хотите управлять этим веком, которого вы не понимаете!

— Прислушайтесь!— сказал Грехэм. — Вы слышите этот звук? Точно бушующее море! Тут нет отдельных голосов, а есть только единый голос! Понимаете ли вы сами это?

— Мы научили их этому...

— Может быть. Однако можете ли вы научить их теперь забыть это? Но довольно разговоров. Негры не должны быть здесь!

Острог взглянул ему в глаза.

— Они будут!

— Я запрещаю! — сказал Грехэм.

— Они уже отправились...

— Я не хочу этого!

— Нет! — возразил Острог. — Как мне ни грустно следовать методу Совета... Ради вашего блага вы не должны становиться на сторону... беспорядка. А теперь, когда вы здесь... Вы очень хорошо сделали, что пришли сюда!

Линкольн подошел и положил свою руку на плечо Грехэма. Внезапно Грехэм понял, какую громадную ошибку он сделал, придя к Дому Совета. Он повернулся к занавеси, отделявшей прихожую от зала, но цепкая рука Асано помешала ему. В следующую минуту Линкольн схватил Грехэма за платье.

Грехэм повернулся и ударил Линкольна по лицу, но тотчас же негр схватил его за ворот и рукав. Грехэм вырвался,

разорвав с треском рукав, и отскочил назад, но его сшиб с ног другой служитель. Он тяжело упал на землю и несколько мгновений лежал, глядя на высокий потолок зала...

Потом он вскрикнул и, ворочаясь, постарался вскочить. Он схватил одного из служителей за ногу и бросил его головой вниз. Линкольн подбежал к нему, но тотчас же тяжело упал, сраженный ударом в челюсть, и остался недвижим.

Поднявшись, Грехэм сделал два шага шатаясь. Но Острог схватил его за горло и повалил навзничь. Руки его были прижаты к земле. После нескольких отчаянных усилий освободиться Грехэм вдруг прекратил борьбу. Он лежал и смотрел на тяжело дышащего Острога.

— Вы... пленник!.. — проговорил, задыхаясь и торжествуя, Острог. — Вы... были безумцем... возвратившись назад!

Грехэм повернул голову и заметил сквозь неправильное зеленоватое окно в стенах зала, что люди, работавшие с подъемными кранами, с жаром жестикулируют, сообщая что-то толпе, находящейся внизу. Они видели!..

Острог заметил, куда он смотрит, и тоже повернулся. Он крикнул что-то Линкольну, но Линкольн не двигался. Пуля ударилась в лепные украшения над Атласом. Две полосы прозрачного вещества, прикрывавшие щель, разлетелись, края образовавшейся трещины потемнели, свернулись и быстро отодвинулись в сторону. В одно мгновение комната Совета оказалась открытой, и струя холодного ветра проникла через отверстие, принося с собой гул голосов снаружи, из развалин, точно таинственный шепот каких-то духов.

— Спасите повелителя!.. Что они делают с ним? Его предали.

Грехэм заметил, что внимание Острога чем-то отвлечено и нажим его рук несколько ослабел. Осторожно освободив свою руку, Грехэм поднялся на колени и в следующее мгновение повалил Острога на спину, стоя на одном колене и держа его за горло, в то время как рука Острога вцепилась в его шелковый воротник.

Но к ним уже устремлялись люди с эстрад — люди, намерения которых были непонятны ему. Он увидел мельком

человека, бегущего по направлению к портьерам прихожей, и в тот же миг Острог разжал руки, а вновь прибывшие люди бросились на него и, к величайшему изумлению Грехэма, схватили его. Они повиновались крикам Острога.

Его протащили шагов двенадцать, пока он понял наконец, что это не были друзья и что они тащили его к открытой панели. Когда он увидел это, то начал упираться, пробовал бросаться на землю и звал на помощь изо всех сил. И на этот раз он услышал ответные крики.

Руки, державшие его за шею, ослабели, и вдруг в нижнем углу пролома показалась сначала одна, а потом множество черных фигур, кричащих и размахивающих оружием. Они прыгали через отверстие в светлую галерею, которая вела в Комнаты Молчания. Они бежали по галерее и были так близко от него, что Грехэм мог различить ружья в их руках. Затем Острог что-то крикнул над самым его ухом людям, державшим его, и он должен был употребить все свои силы, чтобы не дать себя подтащить к отверстию, которое зияло перед ним.

— Они не могут сойти вниз! — кричал, задыхаясь, Острог. — Стрелять они не смеют! Все прекрасно! Мы и на этот раз уведем его от них!..

Грехэму казалось, что эта постыдная неравная борьба продолжалась довольно долго. Его платье было изодрано во многих местах, он был весь в пыли, и одна рука у него была отдавлена. Он слышал крики своих приверженцев и даже слышал выстрелы. Но он чувствовал, что силы его слабеют и что все его попытки беспредельны и бесполезны. Помощь не приходила, и зияющее темное отверстие неуклонно приближалось к нему...

Однако вдруг тиски рук, державших его, опять ослабели, и он с трудом приподнялся с земли. Тут он увидел удаляющуюся от него седую голову Острога и понял, что его уже никто не держит. Он повернулся и очутился лицом к лицу с человеком, одетым в черное. Одно из зеленых ружей щелкнуло как раз около него, прямо ему в лицо пахнула струя

едкого дыма и мелькнул стальной клинок. Огромный зал закружился у него перед глазами...

Почти у самого его лица какой-то человек в бледно-голубом заколол кинжалом одного из черно-желтых слуг. Затем его снова схватили чьи-то руки...

Его тащили в две разные стороны. Ему казалось, что люди что-то кричат ему. Он хотел понять, но не мог. Кто-то обхватил его за ноги и поднял, несмотря на его отчаянное сопротивление.

Но он внезапно понял, в чем дело, и перестал бороться. Его подняли на плечи и унесли прочь от зияющей дыры в панели, точно ожидавшей его, чтоб проглотить. Раздались радостные, ликующие крики...

Он видел теперь, что люди в синем и черном преследуют отступающих приверженцев Острога и стреляют им вслед. Он видел с высоты, на которой находился, все пространство зала около изображения Атласа и понял, что его несут к возвышенной эстраде, находящейся в центре. В дальнем конце зала собиралась толпа, и оттуда люди бежали к нему. Они смотрели на него и радостно кричали.

Он скоро заметил, что его окружал как бы отряд телохранителей. Какие-то люди около него выкрикивали приказания, и усатый человек, одетый в желтое, которого он видел раньше среди тех, кто приветствовал его в театре в день его пробуждения, тоже находился тут же и делал какие-то указания. Зал был уже густо наполнен волнующейся толпой, и маленькая металлическая галерея гнула под тяжестью кричащих людей. Занавес в конце зала был сорван, и в передней тоже кишел народ.

Кругом был такой оглушительный шум, что человек, стоящий возле Грехэма, с трудом расслышал его вопрос:

— Куда девался Острог?

Человек, спрошенный им, указал ему, через головы толпы, на нижние панели зала, с противоположной стороны пролома. Эти панели были открыты, и вооруженные люди, одетые в синее с черными шарфами, вбегали туда и исчезали в комнатах и коридорах, находившихся за ними. Грехэму

показалось, что к нему доносятся звуки выстрелов и происходящей там борьбы.

Его подняли и пронесли, описывая ломаную линию, через огромный зал к отверстию возле пролома. Он заметил, что окружающие его люди, соблюдая известную дисциплину, стараются удерживать толпу так, чтобы около него всегда оставалось свободное пространство.

Вынесенный из зала, он увидел прямо перед собой неотделанную новую стену, упирающуюся, казалось, в голубое небо. Его поставили на ноги; кто-то взял его за руку и повел. Какой-то человек в желтом шел около него.

Его вели по узкой кирпичной лестнице, и рядом с ним возвышались выкрашенные в красную краску краны, рычаги и остальные части огромной строительной машины.

Когда он достиг вершины лестницы, его повели дальше по узенькому проходу с перилами, и тут внезапно перед ним открылся амфитеатр развалин, откуда раздавались крики:

— Повелитель с нами! Повелитель! Повелитель!

Грехэм заметил, что его более не окружают люди и что он стоит на маленькой временной платформе из белого металла, составлявшей часть лесов, окружавших главные постройки Дома Совета. Все громадное пространство развалин было покрыто волнующейся несметной кричащей толпой, и в разных местах уже развевались черные знамена революционных обществ, образующие нечто вроде центров, вокруг которых среди всеобщего невообразимого хаоса группировались люди. Отвесные лестницы, стены и леса, по которым его освободители добрались до отверстия в зале Атласа, теперь унижены были народом, а на всех выступах и столбах повисли маленькие, энергичные черные фигурки, взбиравшиеся все выше и старавшиеся увлечь за собой остальную массу. Позади него, на самом возвышенном пункте лесов, группа людей пыталась укрепить как можно выше огромное черное знамя, которое развевалось и хлопало во все стороны. Через зияющее отверстие в стене перед собой он мог рассмотреть напряженно внимательную толпу, наполнявшую зал Атласа. К югу ясно и отчетливо видне-

лись отдаленные летательные станции, казавшиеся близкими вследствие необычайной прозрачности воздуха. Одинокий моноплан поднялся с центральной станции, быть может, навстречу прибывающим аэропланам...

— Что случилось с Острогом? — спросил Грехэм.

Задавая этот вопрос, он увидел, что все глаза обращены на верхушку крыши Дома Совета. Он тоже посмотрел в ту сторону, которая так привлекала всеобщее внимание. Сначала он ничего не видел, кроме зубчатого угла стены, резко выделяющегося на безоблачно синем небе. Затем мало-помалу он начал различать внутренность какой-то комнаты и с удивлением узнал зеленые и белые украшения своей прежней тюрьмы. Какая-то маленькая белая фигура, за которой следовали две другие, казавшиеся еще меньше и одетые в черное с желтым, быстро прошла через комнату и направилась к самому краю развалин.

Человек, стоявший около него, воскликнул:

— Острог!

Грехэм обернулся, чтобы спросить, но не успел, потому что раздалось испуганное восклицание другого человека, стоявшего возле него и указывавшего на что-то своим тощим пальцем. Грехэм посмотрел туда и увидел, что моноплан, только что перед этим поднявшийся с летательной станции, теперь несся прямо на них. Такой быстрый, плавный полет был для него новинкой и поэтому привлек его внимание.

Моноплан все приближался, быстро увеличиваясь в размерах. Проскользнув над отдаленным краем развалин, он очутился в поле зрения густой народной массы, столпившейся внизу. Он спустился, пересекая это пространство, и снова поднялся и пронесся над головами людей, затем взвился еще выше, чтобы обогнуть громаду Дома Совета. Он казался хрупким и прозрачным, и из-за его ребер виднелся одинокий аэроплант. Он исчез за линией развалин, темневшей на фоне небесного свода.

Внимание Грехэма сосредоточилось теперь на Остроге, который делал какие-то знаки руками. Его помощники то-

ропливо разрушали около него стену. В следующий момент снова показался моноплан в виде далекой маленькой точки, которая теперь медленно приближалась, описывая дугу.

Вдруг человек в желтом крикнул:

— Что они делают? Чего народ смотрит? Зачем оставили там Острога? Почему его не взяли в плен? Ведь они поднимут его теперь. Моноплан унесет его! А!..

На его восклицание отвечали, словно эхо, громкие крики в развалинах. Треск зеленых ружей донесся через пропасть к Грехэму, и, взглянув вниз, он увидел множество людей в черно-желтых мундирах, бегущих по одной из галерей с проломанной стеной, находящейся под тем выступом, на котором стоял Острог. Они стреляли на бегу в каких-то невидимых людей. Затем показались гнавшиеся за ними синие фигуры. Эти крошечные сражающиеся фигурки производили самое странное впечатление. Издали они казались какими-то маленькими игрушечными солдатиками. Необъятный вид дома, внутренность которого была раскрыта вследствие пролома стен, придавал этой битве, среди мебели и проходов, какой-то нереальный характер. Это происходило, быть может, за двести ярдов от него и приблизительно на высоте пятидесяти ярдов, над головами тех, кто находился в развалинах внизу.

Люди в черном с желтым вбежали на какую-то открытую арку и, обернувшись, дали залп, один из синих преследователей, бежавший впереди, у самого края пролома, как-то странно взмахнул руками и качнулся вбок. Грехэму показалось, что он повис над краем на несколько мгновений и затем свалился вниз. Грехэм видел, как он на лету стукнулся о выступающий угол, отскочил в сторону и, перекувырнувшись несколько раз в воздухе, скрылся за красными рычагами строительной машины.

Какая-то тень на мгновение заслонила солнце. Грехэм взглянул вверх — небо было чисто. Он понял, что это промелькнул моноплан.

Острог исчез! Человек в желтом протиснулся вперед и, возбужденно жестикулируя, кричал:

— Они пристают! Они пристают! Скажите людям, чтоб они стреляли в него! Скажите им это!..

Грехэм ничего не понимал. Он только слышал громкие голоса, повторявшие эти загадочные приказания.

Вдруг из-за края развалин показался моноплан. Скользнув над стеной, он подпрыгнул и сразу остановился. Грехэм тут понял, что моноплан пристал для того, чтобы дать Острогу возможность бежать на нем. В то же время он заметил голубоватый дым и сообразил, что люди внизу стреляют по выступающей части машины.

Какой-то человек возле него хрипло издал одобрительный возглас. Грехэм увидел, что синие достигли арки, которую защищали за несколько мгновений перед этим черно-желтые, и, опрокинув их, непрерывным потоком ринулись в открытый проход.

И вдруг моноплан соскользнул с края стены и стал падать. Он падал под углом в 45 градусов и так круто, что Грехэму показалось, — да и всем другим точно так же, — что он уже не в состоянии будет подняться вверх.

Он пролетел так близко, что Грехэм мог разглядеть Острога, цепляющегося за поручни сиденья. Его седые волосы развевались. Аэронавт с мертвенно-бледным лицом налегал изо всей силы на рычаг двигательной машины. Он слышал, как ахнула в ожидании толпа внизу...

Грехэм схватился за перила и замер, напряженно всматриваясь. Минута казалась ему вечностью. Нижнее крыло опускавшегося моноплана чуть не задело людей внизу, кричавших и толкавших друг друга.

Затем он поднялся.

В первую минуту казалось, что он, во всяком случае, не в состоянии будет пронестись над стеной или что он заденет ветряные колеса, вращавшиеся вверх.

Но он преодолел все эти препятствия и поднялся. Он накренился на один бок, но улетал все дальше и дальше в синеве небес...

Напряженное ожидание разрешилось яростью, когда люди поняли, что Острог ушел от них. С запоздалой энергией

они возобновили стрельбу, пока треск отдельных выстрелов не превратился в сплошной гул и все пространство не заволочло синей мглой, а воздух пропитался едким дымом.

Слишком поздно! Моноплан, улетаая, становился все меньше и меньше и наконец, описав дугу, плавно спустился к летательной станции, откуда он недавно поднялся.

Несколько мгновений продолжалось смутное гудение толпы в развалинах, а затем всеобщее внимание обратилось на Грехэма, стоявшего на самом верху, среди лесов. Он увидел, что лица всех обращены к нему, и услышал громкие радостные крики по поводу своего избавления. И вдруг раздалась Песнь Восстания, и она пронеслась, как дуновение бури над волнующимся морем людей...

Маленькая группа людей около него поздравляла его со спасением. Человек в желтом, стоявший рядом с ним, смотрел на него сияющими глазами. А звуки песни все росли и становились громче. «Трам! Трам! Трам!...»

Полное и ясное сознание того, что произошло, пришло к нему не сразу, но Грехэм наконец понял, что его положение быстро изменилось. Острог, всегда стоявший рядом с ним, когда бы он ни смотрел на кричащую толпу, теперь был далеко, стал его противником! Не было никого, кто бы мог управлять за него. Даже все эти люди, стоявшие около него, вожди и организаторы толпы, и те смотрели на него, ожидая, что он сделает, ожидая его поступков и приказаний. Он был настоящим королем теперь. Его прежнее игрушечное царствование пришло к концу.

Он был воодушевлен желанием сделать то, что ожидали от него. Его нервы, мускулы дрожали от напряжения. Он чувствовал, быть может, некоторое смущение, но ни страха, ни гнева у него не было. Только его придавленная рука распухла и горела.

Однако он был несколько смущен своим внешним видом. Он не чувствовал страха, но боялся, что может показаться испуганным.

В своей прежней жизни он не раз испытывал сильнейшее возбуждение во время разных игр, требующих ловко-

сти. Теперь его охватила жажда немедленной деятельности. Он понимал, что не должен слишком вдумываться в подробности этой грандиозной по своей сложности борьбы, так как сознание ее необычайной запутанности могло бы парализовать его силы...

Там, вдали, синели четырехугольные очертания летательных станций, напоминая об Остроге. Он будет бороться с Острогом за будущее мира!

Глава 23

ГРЕХЭМ ГОВОРIT СВОЕ СЛОВО

В течение некоторого времени повелитель Земли не мог даже управлять своими собственными мыслями. Даже его воля не казалась ему больше его собственной волей, и его собственные поступки изумляли его, как будто и они были только частью странных переживаний, нахлынувших на него откуда-то со стороны. Но одно было совершенно ясно: аэропланы приближаются! Элен Уоттон оповестила об этом народ.

Ясно было также, что он — повелитель Земли. Каждый из этих фактов как будто боролся с другими за исключительное обладание его мыслями. Они выступали перед ним везде: в залах, где кишел народ, в возвышенных проходах, в комнатах, где собирались вожди отдельных частей для совещания, в помещениях для телефона и кинематографа и в окнах, через которые он видел шумную толпудвигающихся людей.

Трудно было сказать, увлекает ли его за собой человек в желтом и те, кого он считал вождями отдельных частей, или же они сами послушно следуют за ним? Вероятно, было и то и другое. Но, быть может, какая-то сила, невидимая и неподозреваемая, толкала их всех.

Он вдруг сообразил, что ему нужно обратиться с воззванием к народам Земли и что в мозгу у него уже слагаются грандиозные фразы, выражающие его мысли, затем произо-

шло много разных мелких событий, и вот он очутился рядом с человеком в желтом, и они вместе вошли в комнату, где должно было быть произнесено его воззвание.

Эта комната была причудливым воплощением современности, со всеми ее позднейшими приспособлениями. В центре виднелся яркий овал, образуемый падавшим сверху электрическим светом. Все остальное было в тени, а двойные, плотно закрывающиеся двери, через которые вошел Грехэм из зала Атласа, обеспечивали здесь полную тишину. Глухой звук закрывающейся за ним двери, внезапное прекращение шума, среди которого он жил несколько долгих часов, трепещущий круг света, шепот и быстрые бесшумные движения слуг, едва различаемых в тени, — все это производило на Грехэма странное впечатление. Огромные уши фонографического механизма зияли в батарее, словно приготовляясь слушать его слова, а черные глаза огромной фотографической камеры ловили его движения. Дальше тускло блестели металлические прутья и катушки и что-то с жужжанием вертелось наверху. Он вошел в середину освещенного овала, и его тень съежилась и превратилась у его ног в маленькое и резкое черное пятно.

В его уме уже сложилось в смутных чертах все то, что он намеревался сказать. Но он не ожидал ни этой внезапной тишины, ни этого уединения, ни полного отсутствия людей, заражавших его своим воодушевлением, ни такой безмолвной аудитории, какую представляли эти машины, слушающие и видящие. Он как будто сразу потерял всякую опору, и ему показалось, что он очутился здесь неожиданно для себя и теперь не знает, что делать. В нем сразу произошла перемена, и он почувствовал страх, что не справится со своей задачей. Он боялся показаться слишком театральным, боялся за свой голос, за свой ум, и, удивленный тем, что в нем происходило, он обернулся с умоляющим жестом к человеку в желтом.

— Ну минутку подождите, — сказал он. — Сейчас я не могу. Я не ожидал, что так будет! Мне еще надо обдумать то, что я хочу сказать.

Пока он колебался начать, явился взволнованный человек с известием, что передовые аэропланы уже прошли над Мадридом.

— Какие получены вести с летательных станций? — спросил Грехэм.

— Люди юго-западных частей готовы.

— Готовы?

Он нетерпеливо обернулся к блестящим линзам аппарата и сказал:

— Я думаю, что мне надо произнести нечто вроде речи. Если б только я знал, что надо сказать! Аэропланы в Мадриде! Они, должно быть, отправились раньше главного флота. А люди еще только готовятся? Наверное... Впрочем, не все ли равно, буду ли я говорить хорошо или дурно! — вдруг сказал он сам себе и заметил, что свет стал ярче.

Он уже составил в уме несколько неопределенных фраз, выражающих чувства, но внезапно им снова овладели сомнения. Уверенность в своих героических качествах и в своем призвании как будто покинула его. Картина бесцельности и непонятности того, что совершалось, заслонила перед ним все. Внезапно для него стало совершенно ясно, что это восстание против Острога было преждевременным и было обречено на неудачу. Это был страстный импульс, побуждающий к борьбе с неизбежностью. Грехэм думал о быстром полете аэропланов, видел в нем неумолимый перст рока. Его несказанно удивляло, что он может рассматривать теперь вещи с другой точки зрения. Но он боролся со своими сомнениями и, наконец, решительно отбросив их в сторону, сказал себе, что он должен пройти через это испытание и сделать то, что он намеревался сделать.

Однако он все еще не находил слов, чтобы начать. Но в то время как он стоял в нерешительности, из уст его уже готовы были слететь слова извинения, вдруг донесся снаружи шум и крики бегающих взад и вперед людей.

— Подождите! — крикнул кто-то, и дверь отворилась.

— Она идет!.. — послышались голоса. Грехэм повернулся, и огни, освещавшие его, померкли.

В открытую дверь он увидел легкую серую фигуру, которая проходила через обширную залу. Его сердце дрогнуло. Это была Элен Уоттон...

За ней и кругом нее раздавались аплодисменты. Человек в желтом, стоявший в тени, вошел в круг света.

— Это та самая девушка, которая сообщила нам, что сделал Острог, — сказал он.

Она вошла очень спокойно и стояла молча, словно не желая говорить с Грехэмом. Но все его сомнения и вопросы исчезли в ее присутствии, и он вспомнил все, что хотел сказать народу.

Он встал против камеры, и свет вокруг него засиял ярче. Повернувшись к Элен, он сказал:

— Вы помогли! Вы очень мне помогли. Все это так трудно.

Он замолчал на минуту. Потом, обратившись к невидимым народным массам, которые как будто взирали на него сквозь черные глаза камеры, медленно заговорил:

— Мужчины и женщины новой эпохи! — начал он. — Вы восстали, чтобы биться за человеческую расу! Но легкой победы тут не может быть...

Он остановился, ища слова. Мысли, уже сложившиеся в его уме до ее прихода, теперь возвращались к нему, но без примеси сомнений в их уместности.

— Эта ночь представляет только начало! — сказал он. — Предстоящая битва, та, которая надвигается на нас в эту ночь, — только начало! Возможно, что вам придется бороться всю вашу жизнь. Но не падайте духом даже в том случае, если я буду побежден, если я буду совершенно раздавлен...

Однако то, что он хотел бы выразить, было слишком неопределенно и в слова не укладывалось. Он на мгновение остановился и снова начал повторять те же неопределенные фразы, которыми хотел поддержать бодрость. Но вот наконец слова вернулись к нему и потоком полились из его уст...

Многое из того, что он говорил, представляло лишь общие места гуманитарных взглядов прошлого века. Но убеждение, звучавшее в его голосе, придавало им жизненность.

Он говорил о прежних временах этому народу новой эпохи и женщине, стоявшей около него.

— Я пришел к вам из прошлого, — сказал он, — с воспоминанием о веке, который жил надеждой. Мой век был веком мечтаний, веком начинаний и благородных надежд. Мы покончили с рабством во всем мире; мы распространили по всему миру желание и надежду, что скоро прекратятся войны, что все, мужчины и женщины, будут вести благородную жизнь в мире и свободе... Так надеялись мы в эти минувшие дни! Но что случилось с этими надеждами? Что случилось с человечеством по прошествии двухсот лет? Огромные города, могущественные силы, величие коллективной работы превзошли наши мечты. Мы не стремились к этому, но это пришло. Но что же случилось с маленькими жизнями, создающими эту великую жизнь? Как вообще живут теперь люди? Как и раньше было, человек продолжает жить в горе и труде, живет скудно и чувствует неудовлетворенность, живет, искушаемый властью, богатством, неразумно расходует свою жизнь и совершает безумства. Старые верования вымерли и изменились. А новая вера... Да существует ли новая вера?

И он почувствовал вдруг, что начинает верить в то, во что ему так хотелось верить. Он окунулся в эту веру и крепко ухватился за нее, некоторое время продержавшись на ее высоте. Он говорил порывисто, отрывочными фразами, но вкладывал в них всю силу и искренность той новой веры, которая теперь была в нем. Он говорил о величии самоотречения, о вере в бессмертную жизнь человечества, с которой мы живем, двигаемся и осуществляем свою жизнь. Его голос то повышался, то падал, и воспринимающие аппараты, казалось, с одобрительным жужжанием отмечали его речь. Слуги в тени комнаты молча прислушивались к его словам. Присутствие же безмолвной слушательницы, стоявшей возле него, поддерживало в сомнительных местах его воодушевление и его искренность.

В течение нескольких блестящих моментов, подхваченный волной своего воодушевления, он уже не сомневался

более в себе, верил в силу своих героических слов, и эти слова как будто сами собой рождались у него. Его красноречие лилось свободной рекой. Наконец он произнес заключительные слова:

— В этот момент и здесь я передаю вам свою волю! — сказал он. — Все, что принадлежит мне в этом мире, я отдаю народу мира. Отдаю это вам, и себя самого тоже отдаю вам! И как богу будет угодно, я буду жить для вас или умру!..

Он кончил, сделав красноречивый жест, и повернулся.

На лице девушки отражалось его собственное воодушевление. Глаза их встретились. В ее глазах блеснули слезы энтузиазма.

— Я знаю, — прошептала она. — О! Повелитель мира, государь, вы должны были это сказать.

— Я сказал, что мог, — ответил он медленно и на мгновение взял ее протянутую руку.

Человек в желтом очутился возле них. Никто не видал, как он подошел. Он сказал им, что юго-западные части уже выступили.

— Я не ожидал этого так скоро! — кричал он. — Они сделали чудеса. Вы должны послать им слово одобрения, чтобы поддержать их.

Грехэм рассеянно взглянул на него, словно не понимая, о чем идет речь. Но вдруг он вспомнил, и прежняя тревога относительно летательных станций снова вернулась к нему.

— Да, — сказал он. — Это хорошо, очень хорошо. Скажите же им: «Хорошо сделано, юго-запад!»

Он снова посмотрел на Элен. Его лицо отражало борьбу, которая происходила в нем.

— Мы должны захватить летательные станции, — пояснил он. — Если мы этого не сделаем, то они высадят негров. Мы во что бы то ни стало должны предупредить это...

Но произнося эти слова, он уже почувствовал, что говорит не то, что было у него в уме за мгновение перед этим. Он заметил легкое изумление в ее глазах. Она как будто собиралась что-то сказать, но пронзительный звон заглушил ее голос.

Грехэму тотчас же пришло в голову: она ждала от него, что он будет предводительствовать народами и что именно это он и должен был сделать!

Он обратился к человеку в желтом и сказал ему. Но говорил он для нее и видел радость в ее глазах!

— Здесь я ничего не делаю, — заметил он.

— Это невозможно! — протестовал человек в желтом. — Ваше место здесь...

Он начал подробно объяснять ему и указал комнату, где он должен был ждать.

— Иначе поступать нельзя, — сказал он. — Мы должны знать, где вы находитесь. Каждую минуту может наступить кризис, и потребуются ваше присутствие и ваше решение.

В его уме пронеслась картина великой драматической борьбы масс, происходившей здесь, в развалинах. Но теперь грандиозного зрелища не будет. Ему остается только ждать в уединении и тревоге — ждать того, что будет!

Только после полудня ему удалось получить некоторое представление о битве, невидимой и неслышной, свирепствовавшей в четырех милях от него, под Рогемптонской станцией. Странное и небывалое сражение, распадавшееся на сотни тысяч маленьких битв, происходивших среди сети путей и каналов, где люди сражались, не видя ни неба, ни солнца, при сиянии электрического света, сражались в полном беспорядке, как не обученные военному делу и поощряемые только отдельными возгласами. Это были народные массы, отупевшие под влиянием бессмысленного труда и обессиленные двухвековым рабством, доставлявшим им обеспеченное существование. Они сражались с массами, деморализованными вследствие чувственной распушенности и продажных привилегий, которыми они пользовались. У них не было ни артиллерии, ни разделений по родам оружия. И с той, и с другой стороны единственным оружием был маленький зеленый металлический карабин, тайная фабрикация которого и внезапная раздача в огромных количествах были одним из главных актов Острога, действовавшего против Совета. Но мало кто имел какое-нибудь по-

нятие о том, как надо обращаться с таким оружием. Многие еще ни разу не имели его в руках раньше, другие же явились без снарядов. Более дикой стрельбы еще не бывало в истории войн! Это была битва добровольцев, не воевавших на войне, отвратительная бойня, где люди учились военному делу на опыте. Вооруженные мятежники, подстрекаемые словами и дикими звуками Песни Восстания, сражались с такими же вооруженными мятежниками и, побуждаемые сочувствием других, бросались бесчисленными толпами к узким путям, по испорченным лифтам к галереям, скользким от крови, к залам и проходам, наполненным дымом, вблизи летательных станций и там на опыте знакомились, когда отступление было отрезано, с древними мистериями войны...

А вверху, за исключением нескольких искусных стрелков на крыше и нескольких полосок и облачков дыма и пара, ничто не смущало ясности дня. Только к вечеру число этих облачков увеличилось, и они стусились и потемнели. Острог, по-видимому, не имел в своем распоряжении бомб, в ранних же стадиях битвы летательные машины не принимали участия. Ни единое облачко не омрачало блестящей синевы неба, которое оставалось пустынным, точно застыло в ожидании появления аэропланов.

Известия о них приходили из разных пунктов, все более и более близких: сначала из испанских городов, потом из Франции. Но о новых пушках, отлитых Острогом, которые должны были находиться в городе, Грехэм ничего не узнал, несмотря на свои настойчивые расспросы. Не было также получено никаких известий о каком-либо успехе в битвах, охвативших кольцом летательные станции. Секции рабочих обществ одна за другой извещали о том, что они выступили в поход, затем о них не было больше никаких известий, и они исчезали внизу в лабиринте боя.

Что же происходило там? Даже деятельные вожди отдельных частей не знали ничего!

Несмотря на стук отворяемых и затворяемых дверей, на голоса торопливых гонцов, на звон колокольчиков и по-

стоянную трескотню передающих приборов, Грехэм все же чувствовал себя изолированным и как-то странно бездельным и бесполезным.

Их изолированность в эти минуты казалась ему временами наиболее странной и неожиданной вещью из всего того, что ему пришлось пережить после своего пробуждения. В этом было нечто, напоминавшее ему ту неподвижность, которую человек испытывает во сне. Оглушительный шум и неожиданное открытие, что между ним и Острогом загорелась мировая борьба, — и затем это заключение в тихой маленькой комнате, с ее говорильными и звуковыми приборами и разбитым зеркалом!..

Вот закрывается дверь, и Грехэм и Элен остаются одни, отделенные от этой небывалой мировой бури, бушующей снаружи, и чувствующие только присутствие друг друга и только занятые друг другом! Но когда вновь открывается дверь и входят гонцы или резкий звон нарушает спокойствие их убежища, то это производит такое впечатление, словно ураганом внезапно раскрывается окно в хорошо освещенном и прочно выстроенном доме. Тогда к ним врываются мрачная суетливость, суматоха, напряжение и ярость борьбы и на время захватывают их.

Но они были не участниками событий, а только простыми зрителями и лишь воспринимали впечатления этой страшной борьбы. И даже самим себе они казались не реальными, а какими-то бесконечно малыми изображениями жизни. Единственно реальными были: город, трепещущий, гудящий, охваченный яростью, и аэропланы, неуклонно стремящиеся к нему через воздушные пространства...

Несколько минут они ничего не слышали, между тем за дверью послышался топот и раздались крики. Девушка вздрогнула и вся превратилась в напряженное внимание.

— Что это? — закричала она и вскочила, безмолвная, сомневающаяся, но уже торжествующая.

Грехэм тоже услышал. Металлические голоса кричали: «Победа!»

В комнату, быстро отдернув портьеры, вбежал человек в желтом, растрепанный и дрожащий от сильнейшего волнения.

— Победа! — кричал он. — Победа! Народ одолевает. Люди Острога поддались.

Элен привстала.

— Победа? — переспросила она.

— Что такое? — спросил Грехэм. — Скажите, что такое?

— Мы вытеснили их из нижних галерей в Норвуде. Стритхэм весь в огне, а Рогемптон наш!.. Наш!.. И мы захватили моноплан.

Раздался пронзительный звон. Из комнаты начальников отдельных частей вышел взволнованный седой человек.

— Все кончено! — крикнул он.

— Что из того, что Рогемптон в наших руках! Аэропланы уже показались в Булони!

— Канал, — сказал человек в желтом и быстро сделал подсчет.

— Через полчаса.

— В их руках еще три летательные станции, — сказал седой человек.

— А пушки? — вскричал Грехэм.

— Мы не можем их снарядить в полчаса.

— Значит, они найдены?

— Слишком поздно, — сказал старик.

— Если бы их можно было задержать еще хоть на полчаса! — воскликнул человек в желтом.

— Ничто не может остановить их теперь, — заметил старик. — У них почти сто монопланов в первом отряде.

— Еще один час? — спросил Грехэм.

— Быть так близко от победы... теперь, когда мы нашли пушки! — вскрикнул человек в желтом. — Так близко!.. Если б мы могли поднять их на крыши!

— А сколько времени потребуется на это? — внезапно спросил Грехэм.

— Час, конечно.

— Слишком поздно! — вскричал начальник части. — Слишком поздно!

— Слишком поздно? — переспросил Грехэм. — Даже теперь... Ведь только час!

У него вдруг блеснула мысль о возможности найти выход. Он старался говорить спокойно, но лицо его было бледно.

— У нас есть еще один шанс. Вы говорили, что там есть моноплан? — спросил Грехэм.

— Да, на Рогемптонской станции, сэр.

— Испорчен?

— Нет. Он лежит поперек дороги. Поставить его на рельсы не стоит труда. Но у нас нет аэропланов!

Грехэм посмотрел на них и на Элен и, помолчав, опять спросил:

— У нас нет аэропланов?

— Ни одного.

— Аэропланы неповоротливы в сравнении с монопланами, — сказал он задумчиво.

Он внезапно повернулся к Элен. Его решение было принято.

— Я должен пойти на эту летательную станцию, где лежит моноплан.

— Что же вы хотите сделать?

— Я ведь аэроплан. Во всяком случае... эти дни, за которые вы упрекали меня, не пропали даром!

Он повернулся к человеку в желтом и сказал:

— Велите им поставить моноплан на рельсы.

Человек в желтом стоял в нерешительности.

— Что вы хотите сделать? — вскричала Элен

— Ведь моноплан... это для нас еще один шанс.

— Неужели вы хотите?..

— Сражаться, да. Сражаться в воздухе. Я уже думал об этом раньше. Аэропланы ведь неповоротливы. Какой-нибудь решительный человек...

— Но никогда, с тех пор как началось воздухоплавание!.. — вскрикнул человек в желтом.

— Не было надобности, — перебил его Грехэм. — А теперь время пришло. Скажите им это, передайте мое приказание... пусть поставят моноплан на рельсы.

Старик с немим вопросом взглянул на человека в желтом, потом кивнул головой и поспешил вон из комнаты. Элен подошла к Грехэму. Она была бледна как смерть.

— Как? Разве один человек может сражаться? Ведь вас убьют!..

— Быть может. Но если не сделать этого или заставить кого-нибудь другого попытаться...

— Но вас убьют, — повторила она.

— Я уже сказал свое слово. Разве вы не видите? Нужно спасти Лондон.

Он замолчал. Говорить он больше не мог, только сделал жест, означающий, что нет другого выбора. Они молча посмотрели друг на друга.

Ничего не произошло между ними: ни объятий, ни прощания, мысль о личной любви отошла в сторону перед жесточайшей необходимостью действовать. Ее лицо выразило нежность и одобрение, небольшим движением руки она указала ему его судьбу.

Он повернулся к человеку в желтом.

— Я готов, — сказал он.

Глава 24

ПРИВЫТИЕ АЭРОПЛАНОВ

Два человека в бледно-голубом лежали возле захваченной Рогемптонской станции, границы которой образовали ломаную линию. Они держали свои карабины и всматривались в тень, падающую от соседней станции Уимблдон Парк. По временам они перебрасывались словами друг с другом. Они говорили на испорченном английском языке своего класса и своей эпохи.

Огонь со стороны приверженцев Острога постепенно уменьшался и наконец прекратился совсем, и вообще с не-

которого времени неприятеля почти не было видно. Однако отзвуки сражения, происходившего далеко внизу, в нижних галереях этой станции, доносились наверх время от времени, и слышны были крики, залпы и шум. Один из лежащих рассказывал другому, что он видел внизу человека, который пробирался за балками; он тотчас же, прицелившись в него, выстрелил и уложил его на месте.

— Вон там, внизу, он и до сих пор лежит там, — сказал довольный собой стрелок. — Посмотри на это пятнышко... вон там... между этими балками.

В нескольких футах от них лежал убитый иностранец лицом к ним. На синей холстине его блузы виднелась маленькая круглая дыра, края которой тлели. Она соответствовала пулевой ране в груди. Рядом с мертвым сидел раненый с перевязанной ногой и каким-то неподвижным взглядом смотрел, как горел холст у краев раны. За ними обоими, поперек платформы, лежал захваченный моноплан.

— Я вовсе ничего не вижу! — сказал вызывающим тоном товарищ стрелка.

Стрелку это не понравилось, и он с жаром принялся доказывать ему, что он должен видеть. Но его разглагольствования были внезапно прерваны криком и шумом, доносившимся снизу.

— Что это происходит? — воскликнул он, приподнявшись на одной руке, и начал всматриваться в верхние ступени лестницы, выходящей на середину платформы. Толпа людей, одетых в синий холст, поднималась по лестнице.

— Зачем пришли сюда эти дураки! — воскликнул он недовольным тоном. — Они только создают тесноту и мешают стрелять. Что им тут понадобилось?

— Ши!.. Они что-то кричат.

Оба прислушались. Толпа вновь пришедших густой массой окружила машину. Три начальника частей, выдававшие себя своими черными мантиями и значками, вскарабкались внутрь кузова и оттуда вылезли наверх.

Стрелок привстал на одно колено и с удивлением заметил:

— Они ставят его на платформу... Вот зачем они пришли.

Он вскочил на ноги. Его товарищ сделал то же самое.

— Какой смысл! — воскликнул он. — Ведь у нас нет аэронавтов!

— А они все-таки ставят, — сказал другой.

Он взглянул на свое ружье, на суетящуюся толпу и, вдруг обернувшись к раненому, сказал, передавая ему ружье и пояс с зарядами:

— Побереги это, товарищ!

Через минуту он уже бежал к моноплану.

В течение четверти часа он работал изо всех сил вместе с другими, обливаясь потом, крича и подбадривая товарищей, и, наконец, когда дело было сделано, он вместе с толпой издал радостный, торжествующий крик.

В толпе он узнал то, что знал уже каждый в городе.

Повелитель, хотя и новичок в этом деле, все же хочет сам полететь на этой машине и идет сюда, чтобы принять ее в свое ведение. Он никому не даст заменить себя!

— Тот, кто подвергает себя величайшей опасности, кто несет наиболее тяжелое бремя, тот и есть настоящий вождь! — так говорил повелитель.

Стрелок продолжал восторженно кричать, весь мокрый от пота, струившегося по его лицу, как вдруг оглушительный рев толпы покрыл его голос. Сквозь этот рев временами прорывались громкие, призывные звуки революционной песни.

Толпа расступилась, и он увидел головы людей, густым потоком покрывавших лестницу.

— Повелитель идет! Повелитель идет! — кричали голоса.

Толпа кругом становилась все гуще. Стрелок постарался протиснуться ближе к центральной площадке.

— Повелитель идет!.. Спящий!.. Повелитель!.. Бог и повелитель! — редела толпа.

И вдруг совсем близко от себя стрелок увидел черные мундиры революционной гвардии и в первый и в последний раз в жизни увидел Грехэма, который прошел совсем

близко около него. Высокий, смуглый человек, в развевающейся черной мантии, с бледным энергичным лицом и глазами, устремленными вперед. Он, очевидно, не видел, не слышал и не замечал ничего, что делалось вокруг...

Во всю свою жизнь потом стрелок не мог забыть промелькнувшего перед ним бледного, бескровного лица Грехэма. Через минуту он исчез, затерялся в нахлынувшей толпе. Какой-то мальчик со слезами ужаса в глазах столкнулся со стрелком, протискиваясь к лестнице. Он кричал изо всей мочи:

— Очистите старт, вы, дураки!

Раздался громкий, немелодичный звон колокола, призывающий народ очистить летательную станцию.

С этим звоном в ушах Грехэм приблизился к моноплану и вступил в тень его наклонного крыла. Люди, окружавшие его, выражали желание сопровождать его, но он жестом отклонил их предложения. Он должен был хорошенько сообщить теперь, как привести в движение машину.

Все громче и громче раздавался звон колокола и все быстрее и громче звучали шаги отступающей толпы. Человек в желтом помог ему влезть внутрь. Затем Грехэм взобрался на сиденье аэронавта и очень обдуманно и осторожно укрепил себя там.

Но что это? Человек в желтом показал ему на две маленькие летательные машины, поднявшиеся вверх в южной стороне неба. Без сомнения, они высматривают приближение аэропланов...

Однако самое главное для него в данную минуту — это подняться! Ему что-то кричали, о чем-то спрашивали его, предостерегали. Но это надоедало ему. Он хотел сосредоточиться в мыслях о машине, припомнить свой прежний опыт до мельчайших подробностей. Он махнул рукой и увидел, что человек в желтом скользнул между ребрами моноплана и исчез. Толпа же, повинуясь его жесту, подалась за линию балок.

Несколько мгновений он сидел неподвижно, рассматривая рычаги, колеса, придававшие направление двигате-

лю, и весь сложный механизм, так мало знакомый ему. Он взглянул на нивелир: воздушный пузырек находился прямо против него. Тогда он вспомнил что-то и потратил несколько минут на то, чтоб переместить двигатель вперед до тех пор, пока воздушный пузырек не оказался в центре трубки.

Грехэм обратил внимание, что толпа притихла; криков больше не было слышно. Должно быть, она наблюдает за ним! Вдруг пуля ударилась в балку над его головой. Кто это стреляет? Свободен ли путь? Он встал, чтоб посмотреть, и снова сел на место...

В следующую минуту пропеллер завертелся, и машина покатила вниз, по рельсам. Грехэм схватился за колесо и передвинул машину назад, чтоб приподнять нос...

Послышались крики народа, и через минуту он уже начал подниматься, ощущая содрогание машины. Крики замирали внизу в отдалении, и скоро все затихло. Над шитом свищет ветер, и земля быстро убегает вниз...

Троб, троб, троб! — стучит машина. Грехэм поднимался все выше и выше. Ему казалось, что он не чувствует ни малейшего возбуждения и мысль его может работать спокойно и хладнокровно. Он поднял нос моноплана еще выше, открыл один клапан в левом крыле и, описав дугу, взлетел еще выше. Он спокойно посмотрел вниз, не чувствуя головокружения, а потом наверх. Он увидел, что один из монопланов Острога пересекает линию его направления под острым углом, сверху вниз. Маленькие аэроавты пристально разглядывали Грехэма.

Что у них на уме? Мысль Грехэма энергично работала. Он заметил, что один из аэроавтов поднял ружье и прицелился, видимо приготавливаясь стрелять. В чем они подозревают его? В то же самое мгновение он понял их тактику, и у него созрело решение. Временное колебание исчезло. Он открыл еще два клапана в левом крыле, сделал оборот, повернувшись носом к врагу, затем, закрыв клапаны, бросился прямо на него, защищенный от выстрелов носом и экраном. Враг подался в сторону как будто для того, чтобы дать ему дорогу. Он еще поднял нос.

Троб, троб, троб. Пауза. Троб, троб, троб... Он стиснул зубы. Лицо его исказилось судорогой и... трах! Он ударил в них сверху, в ближайшее крыло...

Крыло его противника расколосось от удара во всю ширь и затем медленно скользнуло вниз и исчезло из виду.

Грехэм почувствовал, что нос его машины опускается. Он вцепился руками в рычаги, стараясь повернуть их, чтобы оттянуть двигатель назад. Вслед за тем он снова почувствовал толчок, и нос опять круто поднялся вверх. Ему показалось на мгновение, что он лежит на спине. Машина раскачивалась из стороны в сторону, словно танцуя на своем винте. Он сделал отчаянное усилие, почти повис на рычагах, и наконец ему удалось повернуть двигатель вперед. Он поднимался, но уже не так круто.

Передохнув немного, Грехэм опять налег на рычаги. Ветер свистел вокруг него. Еще одно усилие — и моноплан принял почти горизонтальное направление.

Теперь он мог вздохнуть. Он в первый раз оглянулся, чтобы посмотреть, что случилось с его противниками. Повернувшись спиной к рычагам на мгновение, он осмотрелся кругом. В первую минуту ему могло показаться, что враги его исчезли. Но потом он увидел между двумя станциями что-то вроде колодца. Туда что-то быстро скользнуло вниз и скрылось из глаз, падая, точно маленькая шестипенсовая монетка, закатившаяся в щель...

Сначала он не понял, что это, а потом его охватила дикая радость. Он крикнул изо всей силы что-то неопределенное и пронзительное и помчался все выше, выше, к небесам.

Троб, троб, троб. Пауза. Троб, троб, троб...

— Где же другая машина? — подумал он, — Пожалуй, и они...

Всматриваясь в пустынное пространство кругом, он почувствовал на минуту опасение, что эта машина поднялась над ним, но потом он увидел, что она пристает к Норвудской станции. Очевидно, аэроавты имели в виду только перестрелку. Риск получить удар и ринуться вниз головой с высоты двух тысяч футов, очевидно, пре-

вышал мужество современных людей. Поединок не был принят.

Несколько времени он кружился на высоте, а затем круто спустился к западной станции.

Троб, троб, троб... Троб, троб, троб...

Сумерки тихо спускались. Дым со Стритхемской станции, такой густой и черный раньше, теперь превратился в столб пламени. Изгибы подвижных путей, прозрачные крыши и купола и глубокие пропасти между зданиями слабо мерцали внизу, освещенные электрическим светом, который смягчался сиянием дня.

Три станции, еще остававшиеся в руках сторонников Острога, зажгли сторожевые огни для ожидаемых аэропланов. Станция же Уимбльдон-Парк не могла быть использована вследствие обстрела из Рогемптона, а Стритхем превратился в пылающую печь.

Пролетая над Рогемптоном, Грехэм увидел чернеющие массы народа, собравшегося там. До него донеслись радостные крики. Просвистела пуля из Уимбльдона, и он, еще поднявшись, полетел над Серрейскими холмами.

Дул юго-западный ветер. Вспомнив прием, которому он научился, он поднял свое западное крыло и полетел вверх, где воздух был реже и свежее.

Троб, троб, троб! Троб, троб, троб!..

Он поднимался все выше и выше с каждым ритмическим толчком, пока внизу страна, утопая в синеве, стала неясной, а Лондон превратился в маленькую карту, начерченную огнями, точно небольшая модель города у края горизонта. На юго-западе небо казалось сапфиром, в темной оправе над краем земли, а по мере того как он поднимался, число звезд все увеличивалось и они становились ярче...

Что это? На юго-западе, далеко внизу, показались две туманные точки, быстро увеличивающиеся. Затем еще две и, наконец, целая масса каких-то быстро несущихся прозрачных теней. Грехэм мог уже сосчитать их. Сначала четыре, потом двадцать. Это был передовой флот аэропланов. За ним виднелось другое туманное пятно, еще более широкое.

Грехэм описал полукруг, всматриваясь в этот приближающийся флот. Аэропланы, словно гигантские светящиеся чудовища, неслись треугольником в нижних слоях воздуха. Он быстро вычислил их скорость и повернул колесо, перемешавшее двигатель вперед. Он тронул рычаг, и стук машины прекратился. Грехэм начал падать все быстрее и быстрее. Он направился прямо в вершину клина, образуемого аэропланами, и падал словно камень, пронизывающий воздух. Должно быть, не прошло и секунды с того момента, как он начал падать, и он уже ударил в передовой аэроплан.

Ни один человек из этой черной толпы не видел ничего, не подозревал грозящей ему судьбы и не думал о соколе, который мог ударить с высоты небес! Те, кто не испытывал страданий воздушной болезни, вытягивали свои черные шеи, чтобы рассмотреть вдали беззащитный город, встававший перед ними в тумане, богатый и блестящий, с которым им предстояло расправиться, повинувшись приказу хозяина. Их белые зубы сверкали, и блестели лоснящиеся черные лица. Они уже слышали о Париже и думали теперь, что знатно попируют среди этой белой черни.

И вдруг Грехэм нанес им удар...

Грехэм метил в корпус аэроплана, но в самый последний момент у него блеснула счастливая идея. Он повернул в сторону и всей силой своего веса ударил в край правого крыла. От толчка его отбросило назад, и нос машины скользнул по гладкой поверхности края крыла. Он почувствовал, что это огромное сооружение мчится, увлекая с собой и его моноплан. На мгновение он не мог сообразить, что случилось. Но вот он услышал крик, вырвавшийся из тысячи грудей, и увидел, что его машина балансирует на краю громадного крыла и опускается все ниже и ниже. Взглянув через плечо, он увидел, что хребет аэроплана и противоположное крыло поднимаются вверх. Перед ним мелькнули ряды висячих кресел, лица с застывшим на них выражением испуга, руки, судорожно цепляющиеся за перила сидений. В другом крыле были настежь открыты клапаны вследствие

попыток аэронавта выпрямить машину. Дальше он увидел второй аэроплан, круто поднимающийся вверх, чтобы избежать воздушного водоворота, образующегося вследствие падения такой машины. Широкая поверхность размахивающих крыльев вдруг точно подпрыгнула в воздухе. Грехэм почувствовал, что его моноплан освободился, а чудовищное сооружение, перевернувшись, повисло над ним, как наклонная стена.

Он не понимал ясно, что ударил в боковое крыло аэроплана и соскользнул с него. Но он заметил, что летит теперь свободно вниз и быстро приближается к земле.

Что он сделал? Сердце его стучало так сильно, точно в груди у него была машина, и был один опасный момент, когда не мог двинуть рычагов, потому что руки его были точно парализованы. Но, очнувшись, он налег изо всей силы на рычаги, чтобы повернуть двигатель назад. С трудом справившись с тяжестью, он все же заставил машину выпрямиться и принять почти горизонтальное направление. Тогда он пустил в ход двигатель.

Он посмотрел вверх и увидел, что два аэроплана несутся высоко над его головой. Посмотрел назад и увидел, что главный флот разлетелся в разные стороны и вверх. А тот аэроплан, который он сбил, падал ребром вниз, вонзаясь, точно гигантское лезвие, в линию колес ветряных двигателей, находящихся под ним.

Он опустил хвост моноплана и посмотрел снова, не обращая внимания на направление своего полета. Он увидел, как поддались ветряные двигатели, и огромное сооружение коснулось земли. Нижние крылья согнулись от тяжести падающей массы, затем аэроплан перевернулся вверх дном и, рухнув вниз, разбился вдребезги.

Вдруг из груды обломков вырвался тонкий язык белого пламени и поднялся к зениту. Но в ту же минуту Грехэм заметил, что прямо на него несется громадная масса. Он повернул вверх как раз вовремя, чтобы избежать нападения, — если только это было нападение, — второго аэроплана. Внизу со свистом, точно вихрь, пролетел аэроплан

и сильным движением воздуха увлек Грехэма за собой на некоторое расстояние, так что чуть не перевернул его.

Тут Грехэм заметил, что три других мчатся прямо на него. Он понял безусловную необходимость находиться над ними. Аэропланы были кругом него, но казалось, они сами хотели ускользнуть от него и поэтому описывали широкие круги. Они пронеслись мимо него вверху, внизу, на востоке и западе. Очень далеко к западу слышны были звуки какого-то столкновения и промелькнули два падающих огня.

С юга приближалась вторая эскадра. Он опять поднялся выше, но не решался броситься на них, так как не знал, достаточна ли достигнутая им высота. А затем обрушился на свою вторую жертву, и весь ее живой груз, состоящий из черных солдат, видел его приближение.

Огромная машина накренилась и закачалась в воздухе, когда обезумевшие от страха люди бросились к корме, чтоб достать свое оружие. Град пуль пронизал воздух, и в толстом стекле экрана, защищающего от ветра, образовалось звездообразное отверстие. Аэроплан стал быстро опускаться, чтоб избежать его удара, и опустился слишком низко. Но Грехэм вовремя заметил ветряные колеса Бромлейского холма, быстро вертевшиеся навстречу ему. Он круто повернул кверху, а в это время аэроплан попал на колеса. Раздался треск и протяжный, дикий вой тысячи голосов, огромное сооружение точно замерло на мгновение между осколками разбитых колес и ветряных крыльев, но затем разлетелось в куски. Огромные обломки взлетали на воздух. Двигатели рассыпались вдребезги, как скорлупа. Высокий столб пламени поднялся вверх, в темнеющее небо...

— Два! — вскрикнул Грехэм, и точно в ответ сверху упала бомба, разрываясь на лету. Он тотчас же снова поднялся. Его охватила опьяняющая радость. Сразу исчезли все его тревожные мысли о человечестве, о собственной непригодности. Он испытывал ощущение воина, наслаждавшегося своей силой в бою. Аэропланы, по-видимому, преследова-

ли только одну цель — избежать его и поэтому бросались врассыпную. Когда они пролетали мимо, то он слышал вой их человеческого груза, доносившийся к нему с порывами ветра.

Он выбрал третью жертву и быстро погнался за ней, но ему удалось только перевернуть аэроплан на ребро. Тем не менее, хотя аэроплан и ускользнул от него, но он все-таки разбился о высокий выступ лондонской стены, опустившись под влиянием толчка.

Грехэм пролетел так близко от темнеющей внизу земли, что даже успел разглядеть испуганного кролика, убежавшего по склону холма. Но он тотчас круто поднялся вверх и увидел, что летит над южным Лондоном и все воздушное пространство около него пусто. Справа от него с треском и шумом лопались сигнальные ракеты приверженцев Острога, производя дикую сумятицу в воздухе. На юге пылали обломки полудожинны воздушных кораблей, а на востоке, западе и севере убегали от него другие воздушные корабли. Они летели в разные стороны, потому что совершенно не могли останавливаться в воздухе, а при общем смятении всякая попытка к эволюциям непременно привела бы к роковым столкновениям.

Грехэм лишь с трудом оценил все значение того, что им было сделано. Аэропланы везде отступали, везде! Они точно таяли в воздухе, становясь все меньше и меньше. Они бежали!..

Он пролетел мимо Рогемптонской станции приблизительно на высоте двухсот футов. Она была черна от наполнявшего ее народа, оглашавшего воздух своими ликующими криками. Но отчего же и Уимблдон-Парк также черен от толпы и оттуда также несутся ликующие крики? Дым и пламя Стратхемской станции заслоняли три другие станции.

Грехэм опять поднялся и описал круг, чтобы посмотреть, что делается на них и в северных кварталах. Сперва выступили из-за дыма четырехугольные строения Шутерс-Хилла. Они были освещены и в полном порядке. Там уже приста-

ли аэропланы и высаживали негров. Затем показался Блэкхит и из-за дыма выглянул Норвуд. К Блэкхиту не пристало ни одного аэроплана, Норвуд был покрыт толпой маленьких черных фигурок, в страшном смятении бегающих взад и вперед.

Что же случилось?.. Вдруг он понял. Упорная защита летательных станций, очевидно, прекратилась, и народ ринулся в подземные пути, ведущие к этим последним твердыням Острога, захватившего их. А затем, с далекой северной границы города, донесся звук, полный для него великого, прекрасного значения. Это был сигнал, звук торжества, глухой звук пушечного выстрела...

Он глубоко вздохнул и крикнул, крикнул в воздушную пустыню, окружавшую его:

— Они побеждают! Народ побеждает!..

Точно в ответ на его крик грянула вторая пушка. А затем он увидел, что моноплан в Блэкхите бежит по своим рельсам и поднимается вверх, плавно и свободно. Он прямо понесся к югу и скрылся от него.

Но Грехэм тотчас же сообразил, что это значит. Это бежит Острог!..

Грехэм вскрикнул и тотчас же бросился за ним. Он находился уже на нужной ему высоте и теперь необыкновенно быстро скользил вниз по наклонной линии. Но другой моноплан круто поднялся вверх при его приближении, и так как Грехэм мчался с чрезвычайной скоростью, то пролетел мимо него.

Грехэм промчался дальше, стремглав летя вниз со всей силой своего неудачного удара.

Это привело его в бешенство. Он с силой дернул двигатель назад и круто поднялся вверх, описывая круги. Он видел, что впереди и выше него несется по спирали машина Острога. Поднявшись вертикально, он сразу обогнал его вследствие силы своего разгона и оттого, что на его стороне было преимущество меньшего веса.

Стремглав бросившись вниз, он опять промахнулся. Когда он проносился мимо, то увидел спокойное и хладнокров-

ное лицо аэронавта и мрачную решимость в позе Острога. Острог упорно смотрел в сторону, прямо на юг...

Грехэм с бешенством подумал, что его полет должен быть очень неумелым. Внизу он видел Кройдонские холмы. Поднявшись вверх, он снова обогнал своего врага.

Вдруг он оглянулся, и внимание его приковало к себе странное явление. Восточная станция, одна из тех, которые находились на Шутер-Хилле, как будто поднялась на воздух. Что-то сверкнуло, и затем появилось большое серое облако, точно какая-то огромная, закутанная в дым фигура, несущая на своих плечах глыбы металла. Несколько мгновений эта фигура держалась неподвижно в воздухе, затем с плеч ее стали падать громадные металлические массы и с головы стало спадать покрывало дыма.

Народ взорвал станцию, аэропланы и все!

Внезапно вспыхнула вторая молния, и над Норвудской станцией тоже показалось серое облако. Пока Грехэм смотрел на это, раздался глухой гул, и волна от первого взрыва ударила в него...

Несколько мгновений его моноплан летел вниз, почти под углом, зарываясь носом и точно колеблясь, окончательно перевернулся в воздухе. Грехэм стоял под шитом, стараясь изо всех сил повернуть колесо двигателя, вертевшееся над его головой. А затем воздушный толчок от второго взрыва положил его машину набок.

Он судорожно вцепился в одно из ребер своей машины. Воздух со свистом пронесся мимо него вверх, и ему на мгновение показалось, что он неподвижно висит в воздухе, и только ветер свистел около него.

Вдруг ему пришло в голову, что он падает. Да, это было несомненно! Он не мог взглянуть вниз.

Как молния, пронеслась в голове его мысль обо всем, что произошло со времени его пробуждения. Он вспомнил дни сомнений, дни владычества и шумное открытие ловко задуманной измены Острога...

Все это видение показалось ему нереальным. Кто же он такой? Почему он держится так крепко руками? Почему он

не может отнять рук? Каким падением кончались его бесчисленные мечты! Через минуту он проснется...

Мысли его неслись все быстрее и быстрее. Увидит ли он Элен когда-нибудь? Было бы так нелепо, если б он ее больше не увидел!

Он вдруг почувствовал, что земля совсем близко, хотя и не мог взглянуть на нее.

Последовал удар, страшный хруст и скрежет кипящего металла.

Содержание

ЧЕЛОВЕК-НЕВИДИМКА. Роман. <i>Перевод Д. Вейса</i>	5
ВОЙНА МИРОВ. Роман. <i>Перевод Э. Пименовой</i>	157
КОГДА СПЯЩИЙ ПРОСНЕТСЯ. Роман. <i>Перевод Э. Пименовой, М. Шишмаревой</i>	343

Все права защищены. Книга или любая ее часть не может быть скопирована, воспроизведена в электронной или механической форме, в виде фотокопии, записи в память ЭВМ, репродукции или каким-либо иным способом, а также использована в любой информационной системе без получения разрешения от издателя. Копирование, воспроизведение и иное использование книги или ее части без согласия издателя является незаконным и влечет уголовную, административную и гражданскую ответственность.

Литературно-художественное издание

ОТЦЫ-ОСНОВАТЕЛИ

Герберт Джордж Уэллс

ВОЙНА МИРОВ

Ответственный редактор *Г. Батанов*
Художественный редактор *А. Сауков*
Технический редактор *О. Куликова*
Компьютерная верстка *Л. Панина*
Корректор *В. Адаева*

ООО «Издательство «Э»

123308, Москва, ул. Зорге, д. 1. Тел. 8 (495) 411-68-86.

Өндіруші: «Э» АҚБ Баспасы, 123308, Мәскеу, Ресей, Зорге көшесі, 1 үй.

Тел. 8 (495) 411-68-86.

Тауар белгісі: «Э»

Қазақстан Республикасында дистрибьютор және өнім бойынша арыз-талаптарды қабылдаушының өкілі «РДЦ-Алматы» ЖШС, Алматы қ., Домбровский көш., 3-а, литер Б, офис 1.

Тел.: 8 (727) 251-59-89/90/91/92, факс: 8 (727) 251 58 12 вн. 107.

Өнімнің жарамдылық мерзімі шектелмеген.

Сертификация туралы ақпарат сайтта Өндіруші «Э»

Сведения о подтверждении соответствия издания согласно законодательству РФ о техническом регулировании можно получить на сайте Издательства «Э»

Өндірген мемлекет: Ресей

Сертификация қарастырылмаған

Подписано в печать 22.05.2017. Формат 84×108 1/32.
Гарнитура «Ньютон». Печать офсетная. Усл. печ. л. 31,92.
Тираж 3000 экз. Заказ № А-1280.

Отпечатано в полном соответствии с качеством предоставленного электронного оригинал-макета в типографии филиала АО «ТАТМЕДИА» «ПИК «Идел-Пресс».

420066, г. Казань, ул. Декабристов, 2.
E-mail: idelpress@mail.ru

Оптовая торговля книгами Издательства «Э»:
142700, Московская обл., Ленинский р-н, г. Видное,
Белокаменное ш., д. 1, многоканальный тел.: 411-50-74.

**По вопросам приобретения книг Издательства «Э» зарубежными оптовыми
покупателями обращаться в отдел зарубежных продаж:**
*International Sales: international wholesale customers should contact
Foreign Sales Department for their orders.*

**По вопросам заказа книг корпоративным клиентам,
в том числе в специальном оформлении, обращаться по тел.:**
+7 (495) 411-68-59, доб. 2261.

**Оптовая торговля бумажно-беловыми
и канцелярскими товарами для школы и офиса:**
142702, Московская обл., Ленинский р-н, г. Видное-2,
Белокаменное ш., д. 1, а/я 5. Тел./факс: +7 (495) 745-28-87 (многоканальный).

Полный ассортимент книг издательства для оптовых покупателей:

Москва. Адрес: 142701, Московская область, Ленинский р-н,
г. Видное, Белокаменное шоссе, д. 1. Телефон: +7 (495) 411-50-74.

Новый Новгород. Филиал в Нижнем Новгороде. Адрес: 603094,
г. Нижний Новгород, улица Карпинского, дом 29, бизнес-парк «Грин Плаза».
Телефон: +7 (831) 216-15-91 (92, 93, 94).

Санкт-Петербург. ООО «СЗКО». Адрес: 192028, г. Санкт-Петербург, пр. Обуховской Обороны,
д. 84, лит. «Е». Телефон: +7 (812) 365-46-03 / 04. E-mail: sevval@azko.ru

Екатеринбург. Филиал в г. Екатеринбурге. Адрес: 620024,

г. Екатеринбург, ул. Новинская, д. 2ш. Телефон: +7 (343) 272-72-01 (02/03/04/05/06/08).

Самара. Филиал в г. Самаре. Адрес: 443052, г. Самара, пр-т Кирова, д. 75/1, лит. «Е».

Телефон: +7 (846) 269-66-70 (71...73). E-mail: RDC-azmrg@mail.ru

Ростов-на-Дону. Филиал в г. Ростове-на-Дону. Адрес: 344023,

г. Ростов-на-Дону, ул. Страны Советов, 44 А. Телефон: +7(863) 303-62-10.

Центр оптово-розничных продаж Cash&Cartu в г. Ростове-на-Дону. Адрес: 344023,

г. Ростов-на-Дону, ул. Страны Советов, д.44 В. Телефон: (863) 303-62-10. Режим работы: с 9-00 до 19-00.

Новосибирск. Филиал в г. Новосибирске. Адрес: 630015,

г. Новосибирск, Комбинатный пер., д. 3. Телефон: +7(383) 269-91-42.

Хабаровск. Филиал РДЦ Новосибирск в Хабаровске. Адрес: 680000, г. Хабаровск,

пер. Дзержинского, д.24, литера Б, офис 1. Телефон: +7(4212) 910-120.

Тюмень. Филиал в г. Тюмени. Центр оптово-розничных продаж Cash&Cartu в г. Тюмени.

Адрес: 625022, г. Тюмень, ул. Алябьевская, 9А (ТЦ Перестройка+).

Телефон: +7 (3452) 21-53-95/ 97/ 98.

Краснодар. Обособленное подразделение в г. Краснодаре

Центр оптово-розничных продаж Cash&Cartu в г. Краснодаре

Адрес: 350018, г. Краснодар, ул. Сормовская, д. 7, лит. «Г». Телефон: (861) 234-43-01(02).

Республика Беларусь. Центр оптово-розничных продаж Cash&Cartu в г. Минске. Адрес: 220014,

Республика Беларусь, г. Минск, проспект Жукова, 44, пом. 1-17, ТЦ «Outlet».

Телефон: +375 17 251-40-23; +375 44 581-81-82. Режим работы: с 10-00 до 22-00.

Казахстан. РДЦ Алматы. Адрес: 050039, г. Алматы, ул. Домбровскийого, 3 «А».

Телефон: +7 (727) 251-58-12, 251-59-90 (91,92,99).

Украина. ООО «Форс Украина» Адрес: 04073, г. Киев, Московский пр-т, д. 9.

Телефон: +38 (044) 290-99-44. E-mail: sales@forsukraine.com

Полный ассортимент продукции Издательства «Э»

можно приобрести в магазинах «Новый книжный» и «Читай-город».

Телефон единой справочной: 8 (800) 444-8-444. Звонок по России бесплатный.

В Санкт-Петербурге: в магазине «Парк Культуры и Чтения БУКВОЕД», Невский пр-т, д.46.

Тел.: +7(812)801-0-601, www.bookwoed.ru

Розничная продажа книг с доставкой по всему миру. Тел.: +7 (495) 745-89-14.

ISBN 978-5-699-98219-6

9 785699 982196 >

В
У

ОТНЫ
ОСНОВАТЕЛИ

Весь
УЭЛМС

ВОЙНА
МИРОВ

ISBN 978-5-699-98219-6

9 785699 982196 >

